Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://akhmatovaanna.ru/ Приятного чтения!

Собрание сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1904-1941. Анна Андреевна Ахматова

***

ЛИЛИИ
Я лилий нарвала прекрасных и душистых,
Стыдливо-замкнутых, как дев невинных рой,
С их лепестков, дрожащих и росистых,
Пила я аромат и счастье и покой.
И сердце трепетно сжималось, как от боли,
А бледные цветы качали головой,
И вновь мечтала я о той далекой воле,
О той стране, где я была с тобой...
22 июня 1904
Одесса

***

А. М. Федорову)
Над черною бездной с тобою я шла,
Мерцая, зарницы сверкали.
В тот вечер я клад неоценный нашла
В загадочно-трепетной дали.
И песня любви нашей чистой была,
Прозрачнее лунного света,
А черная бездна, проснувшись, ждала
В молчании страсти обета.
Ты нежно-тревожно меня целовал,
Сверкающей грезою полный,
Над бездною ветер, шумя, завывал...
И крест над могилой забытой стоял,
Белея, как призрак безмолвный.
24 июля 1904

***
I
О, молчи! от волнующих страстных речей
Я в огне и дрожу,
И испуганно нежных очей
Я с тебя не свожу.
О, молчи! в сердце юном моем
Пробудил что-то странное ты.
Жизнь мне кажется дивным загадочным сном,
Где лобзанья—цветы.
Отчего ты так низко нагнулся ко мне,
Что во взоре моем ты прочел,
Отчего я дрожу? отчего я в огне?
Уходи! О, зачем ты пришел.
1904-1905

***

Весенний воздух властно смел
Из белых роз не свей венок,
Венок душисто-снежных роз,
Ты тоже в мире одинок,
Ненужной жизни тяжесть нес.
Начало 1900-х годов-(1906)
Крым

***

Я умею любить.
Умею покорной и нежною быть.

Умею заглядывать в очи с улыбкой
Манящей, призывной и зыбкой.
И гибкий мой стан так воздушен и строен,
И нежит кудрей аромат.
О, тот, кто со мной, тот душой неспокоен
И негой объят...
Я умею любить. Я обманно-стыдлива.
Я так робко-нежна и всегда молчалива.
Только очи мои говорят.
Они ясны и чисты,
Так прозрачно-лучисты.
Они счастье сулят.
Ты поверишь—обманут,
Лишь лазурнее станут
И нежнее и ярче они —
Голубого сиянья огни.
И в устах моих—алая нега.
Грудь белее нагорного снега.
Голос—лепет лазоревых струй.
Я умею любить. Тебя ждет поцелуй.
1906
Евпатория

***

На руке его много блестящих колец—
Покоренных им девичьих нежных сердец.
Там ликует алмаз, и мечтает опал,
И красивый рубин так причудливо ал.
Но на бледной руке нет кольца моего,
Никому, никогда не отдам я его.
Мне сковал его месяца луч золотой
И, во сне надевая, шепнул мне с мольбой:
«Сохрани этот дар, будь мечтою горда!»
Я кольца не отдам никому, никогда.
{Март) 1907
Киев

***

Улыбнулся, вставши на пороге,
Умерло мерцание свечи.
Сквозь него я вижу пыль дороги
И косые лунные лучи.
1908
Балаклава

***

Герб небес изогнутый и древний.
Что на нем, почти не разобрать.
Девочке, сидевшей у харчевни,
Я велел меня сегодня ждать.
А она на луг глядела вешний,
Пальчиками чистя апельсин.
Улыбнулась: «Верно, вы не здешний?!»
И ушла, отдав мне взгляд один.
Ни дорог не видно, ни тропинок,
Я карету здесь остановлю.
Никогда я не любил блондинок,
А теперь уже не полюблю.
Мы за полночь проиграли в кости,
Мне везло чертовски в этот день...
И когда еще прощались гости,
Поредела за окошком тень.
Шел я, напевая «Встречи мая»,
По неровным шатким ступеням.
Мне светил трактирщик, повторяя:

«Не шумите, в доме много дам!»
О909У

***
9По полу лучи луны разлились.
Сердце сразу замерло, зажглось,
И блаженно пальцы опустились
В волны светлых, словно лен, волос.
Молния блеснула, точно спичка,
И на тусклом небе умерла.
В белом платье ласковая птичка
На кровати у меня спала.
Встрепенулась и сложила руки,
Зашептав: «О, Боже, где же Ты?»
Голоса пленительные звуки
Помню, помню, как они чисты.
{1909}

***

Молюсь оконному лучу—
Он бледен, тонок, прям.
Сегодня я с утра молчу,
А сердце—пополам.
На рукомойнике моем
Позеленела медь.
Но так играет луч на нем,
Что весело глядеть.
Такой невинный и простой
В вечерней тишине,
Но в этой храмине пустой
Он словно праздник золотой
И утешенье мне.
3 ноября 190
9Киев

***
9Хорони, хорони меня, ветер!
Родные мои не пришли,
Надо мною блуждающий вечер
И дыханье тихой земли.
Я была, как и ты, свободной,
Но я слишком хотела жить.
Видишь, ветер, мой труп холодный,
И некому руки сложить.
Закрой эту черную рану
Покровом вечерней тьмы
И вели голубому туману
Надо мною читать псалмы.
Чтобы мне легко, одинокой,
Отойти к последнему сну,
Прошуми высокой осокой
Про весну, про мою весну.
Декабрь 190
9Киев

***

ЧИТАЯ «ГАМЛЕТА»
1
У кладбища направо пылил пустырь,
А за ним голубела река.
Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь
Или замуж за дурака...»
Принцы только такое всегда говорят,
Но я эту запомнила речь,—
Пусть струится она сто веков подряд
Горностаевой мантией с плеч.

190
9Кшв
1945

***
92
И как будто по ошибке
Я сказала: «Ты...»
Озарила тень улыбки
Милые черты.
От подобных оговорок
Всякий вспыхнет взор...
Я люблю тебя, как сорок
Ласковых сестер.
190
9Киев
1945

***

И когда друг друга проклинали
В страсти, раскаленной добела,
Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей мала,
И что память яростная мучит,
Пытка сильных—огненный недуг! —
И в ночи бездонной сердце учит
Спрашивать: о, где ушедший друг?
А когда, сквозь волны фимиама,
Хор гремит, ликуя и грозя,
Смотрят в душу строго и упрямо
Те же неизбежные глаза.
190
9
***
9ИЗ ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ
ОТРЫВОК
Всю ночь не давали заснуть,
Говорили тревожно, звонко,
Кто-то ехал в далекий путь,
Увозил больного ребенка,
А мать в полутемных сенях
Ломала иссохшие пальцы
И долго искала впотьмах
Чистый чепчик и одеяльце.
190
9Кие»
1960-е годы

***

Ночь моя—бред о тебе,
День — равнодушное: пусть
Я улыбнулась судьбе,
Мне посылающей грусть.
Тяжек вчерашний угар,
Скоро ли я догорю,
Кажется, этот пожар
Не превратится в зарю.
Долго ль мне биться в огне
Дальнего тайно кляня?..
В страшной моей западне
Ты не увидишь меня.
190
9Киев

***
9То ли я с тобой осталась,

То ли ты ушел со мной,
Но оно не состоялось,
Разлученье, ангел мой!
И не вздох печали томной,
Не затейливый укор,
Мне внушает ужас темный
Твой спокойный ясный взор.
190
9
***

ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ ВАСИЛЬКИ
А княгиня моя, где захочет жить,
Пусть будет ей вольной воля,
А мне из могилы за тем не следить,
Из могилы средь чистого поля.
Я ей завещаю все серебро,
190
9Киев

***
9Глаза безумные твои
И ледяные речи,
И объяснение в любви
Еще до первой встречи.
Тебе обещана была
В каком-то давнем веке,
Как зачарованная шла
Через моря и реки,—
Не знала я твоих примет
И имени не знала.
Ты для меня был как рассвет,
Как ночь без покрывала.
190
9
***

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ
1
Подушка уже горяча
С обеих сторон.
Вот и вторая свеча
Гаснет, и крик ворон
Становится все слышней.
Я эту ночь не спала,
Поздно думать о сне...
Как нестерпимо бела
Штора на белом окне.
Здравствуй!

***
92
Тот же голос, тот же взгляд,
Те же волосы льняные.
Все как год тому назад.
Сквозь стекло лучи дневные
Известь белых стен пестрят...
Свежих лилий аромат
И слова твои простые.
1909 или весна 1910

***

Сладок запах синих виноградин...
Дразнит опьяняющая даль.
Голос твой и глух и безотраден.
Никого мне, никого не жаль.
Между ягод сети-паутинки,

Гибких лоз стволы еще тонки,
Облака плывут, как льдинки, льдинки
В ярких водах голубой реки.
Солнце в небе. Солнце ярко светит.
Уходи к волне про боль шептать.
О, она, наверное, ответит,
А быть может, будет целовать.
16 января 1910
Киев

***
127
i
Пришли и сказали: «Умер твой брат»...
Не знаю, что это значит.
Как долго сегодня холодный закат
Над крестами лаврскими плачет.
И новое что-то в такой тишине
И недоброе проступает,
А то, что прежде пело во мне,
Томительно рыдает.
Брата из странствий вернуть могу,
Любимого брата найду я,
Я прошлое в доме моем берегу,
Над прошлым тайно колдуя.
Я не заслужу той высшей чести
Даровать мое имя той бездне,
Которая послужит мне могилой.
Бодлер (фр.).
Н. Т(умилеву)
Je n'aurai раз l'honneur sublime
Oe dormer mon nom a l'abime
Qui me servira de Tombeau.
Baudelaire*

***

II
«Брат! Дождалась я светлого дня.
В каких скитался ты странах?»
«Сестра, отвернись, не смотри на меня,
Эта грудь в кровавых ранах».
«Брат, эта грусть —как кинжал остра,
Отчего ты словно далеко?»
«Прости, о прости, моя сестра,
Ты будешь всегда одинока».
25 января 1910
Киев

***

Жарко веет ветер душный,
Солнце руки обожгло,
Надо мною свод воздушный,
Словно синее стекло;
Сухо пахнут иммортели
В разметавшейся косе.
На стволе корявой ели
Муравьиное шоссе.
Пруд лениво серебрится,
Жизнь по-новому легка...
Кто сегодня мне приснится
В пестрой сетке гамака?
Январь 1910
Киев
30

***

Тебе, Афродита, слагаю танец,
Танец слагаю тебе.
На бледных щеках розовеет румянец...
Улыбнись моей судьбе.
По ночам ты сходила в чертоги Фрины,
Войди в мой тихий дом.
Лиловый туман пробрался в долины.
Луна над твоим холмом.
Скольжу и тружусь в заревом бессилье.
Богиня! тебе мой гимн.
Руки, как крылья, руки, как крылья,
Над челом золотистый нимб.
Январь 1910

***

Синий вечер. Ветры кротко стихли,
Яркий свет зовет меня домой.
Я гадаю: кто там? –не жених ли,
Не жених ли это мой?..
На террасе силуэт знакомый,
Еле слышен тихий разговор.
О, такой пленительной истомы
Я не знала до сих пор.
Тополя тревожно прошуршали,
Нежные их посетили сны.
Небо цвета вороненой стали,
Звезды матово-бледны.
Я несу букет левкоев белых.
Для того в них тайный скрыт огонь,
Кто, беря цветы из рук несмелых,
Тронет теплую ладонь.
Сентябрь 1910
Царское Сем

***

Хочешь знать, как все это было? –
Три в столовой пробило,
И прощаясь, держась за перила,
Она словно с трудом говорила:
«Это все... Ах, нет, я забыла,
Я люблю вас, я вас любила
Еще тогда!»
«Да».
29 октября 1910
Киев

***

Я написала слова,
Что долго сказать не смела.
Тупо болит голова,
Странно немеет тело.
Смолк отдаленный рожок,
В сердце все те же загадки,
Легкий осенний снежок
Лег на крокетной площадке.
Листьям последним шуршать!
Мыслям последним томиться!
Я не хотела мешать
Тому, кто привык веселиться.
Милым простила губам
Я их жестокую шутку...
О, вы приедете к нам
Завтра по первопутку.
Свечи в гостиной зажгут,

Днем их мерцанье нежнее,
Целый букет принесут
Роз из оранжереи.
Октябрь 1910
Царское Село

***

Весенним солнцем это утро пьяно,
И на террасе запах роз слышней,
А небо ярче синего фаянса.
Тетрадь в обложке мягкого сафьяна;
Читаю в ней элегии и стансы,
Написанные бабушке моей.
Дорогу вижу до ворот, и тумбы
Белеют четко в изумрудном дерне.
О, сердце любит сладостно и слепо!
И радуют пестреющие клумбы,
И резкий крик вороны в небе черной,
И в глубине аллеи арка склепа.
2 ноября 1910
Киев

***

МАСКАРАД В ПАРКЕ
Луна освещает карнизы,
Блуждает по гребням реки...
Холодные руки маркизы
Так ароматно-легки.
«О принц!—улыбаясь, присела,—
В кадрили вы наш vis-a-vis»*,—
И томно под маской бледнела
От жгучих предчувствий любви.
Вход скрыл серебрящийся тополь
И низко спадающий хмель.
«Багдад или Константинополь
Я вам завоюю, ma belle!»**
«Как вы улыбаетесь редко,
Вас страшно, маркиза, обнять!»
Темно и прохладно в беседке.
«Ну что же! пойдем танцевать?»
Выходят. На вязах, на кленах
Цветные дрожат фонари,
Две дамы в одеждах зеленых
С монахами держат пари.
И бледный, с букетом азалий,
Их смехом втречает Пьеро:
«Мой принц! О, не вы ли сломали
На шляпе маркизы перо?»
6 ноября 1910
Киев
* Визави (фр.).
** Моя красавица! (фр.)
Анна Ахматова. Собрание сочинении
ОН ЛЮБИЛ...
Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.
9 ноября 1910
Киев

***

На столике чай, печения сдобные,
8 серебряной вазочке драже.
Подобрала ноги, села удобнее,
Равнодушно спросила: «Уже?»
Протянула руку. Мои губы дотронулись
До холодных гладких колец.
О будущей встрече мы не условились.
Я знал, что это конец.
9 ноября 1910
Кие»

***

СТАРЫЙ ПОРТРЕТ
А. А. Экстгир
Сжала тебя золотистым овалом
Узкая, старая рама.
Негр за тобой с голубым опахалом,
Стройная белая дама.
Тонки по-девичьи нежные плечи,
Смотришь надменно-упрямо;
Тускло мерцают высокие свечи,
Словно в преддверии храма.
Возле на бронзовом столике цитра,
Роза в граненом бокале...
В чьих это пальцах дрожала палитра,
В этом торжественном зале?
И для кого эти жуткие губы
Стали смертельной отравой?
Негр за тобою, нарядный и грубый,
Смотрит лукаво.
Осень 1910
Киев
Том I. Стихотворения. 1910 3
9ПЕРВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ
На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.
Прошло пять лет. Здесь все мертво и немо,
Как будто мира наступил конец.
Как навсегда исчерпанная тема,
В смертельном сне покоится дворец.
Осень 1910
Царское Село
40
***

«Я смертельна для тех, кто нежен и юн.
Я птица печали. Я —Гамаюн.
Но тебя, сероглазый, не трону, иди.
Глаза я закрою, я крылья сложу на груди,
Чтоб, меня не заметив, ты верной дорогой пошел.
Я замру, я умру, чтобы ты свое счастье нашел...»
Так пел Гамаюн среди черных осенних ветвей,
Но путник свернул с осиянной дороги своей.
7 декабря 1910
Царское Сем

***
41
СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ
Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.
Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:
«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».
Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.
Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.
А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»
декабря 1910
Царское Село

***

Стояла долго я у врат тяжелых ада,
Но было тихо и темно в аду...
О, даже Дьяволу меня не надо,
Куда же я пойду?..
23 декабря 1910
Царское Село

***

В комнате моей живет красивая
Медленная черная змея;
Как и я, такая же ленивая
И холодная, как я.
Вечером слагаю сказки чудные
На ковре у красного огня,
А она глазами изумрудными
Равнодушно смотрит на меня.
Ночью слышат стонущие жалобы
Мертвые, немые образа...
Я иного, верно, пожелала бы,
Бели б не змеиные глаза.
Только утром снова я, покорная,
Таю, словно тонкая свеча...
И тогда сползает лента черная
С низко обнаженного плеча.
1910

***

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.
Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.
Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».
8 января 1911
Киев

***

ВЕЧЕРНЯЯ КОМНАТА
Я говорю сейчас словами теми,
Что только раз рождаются в душе.
Жужжит пчела на белой хризантеме,
Так душно пахнет старое саше.
И комната, где окна слишком узки,
Хранит любовь и помнит старину,
А над кроватью надпись по-французски
Гласит: «Seigneur, ayez pitie de nous»*.

Ты сказки давней горестных заметок,
Душа моя, не тронь и не ищи...
Смотрю, блестящих севрских статуэток
Померкли глянцевитые плащи.
Последний луч, и желтый и тяжелый,
Застыл в букете ярких георгин,
И как во сне я слышу звук виолы
И редкие аккорды клавесин.
21 ячвабря 1911
Киев
Господи, помилуй нас (фр.).

***

АЛИСА
I
Все тоскует о забытом,
О своем весеннем сне,
Как Пьеретта о разбитом
Золотистом кувшине...
Все осколочки собрала,
Не умела их сложить...
«Если б ты, Алиса, знала,
Как мне скучно, скучно жить!
Я за ужином зеваю,
Забываю есть и пить,
Ты поверишь, забываю
Даже брови подводить.
О Алиса! Дай мне средство,
Чтоб вернуть его опять;
Хочешь, все мое наследство,
Дом и платья можешь взять.
Он приснился мне в короне,
Я боюсь моих ночей!»
У Алисы в медальоне
Темный локон—знаешь, чей?!
22 января 1911
Киев

***

II
«Как поздно! Устала, зеваю...»
«Миньона, спокойно лежи,
Я рыжий парик завиваю
Для стройной моей госпожи.
Он будет весь в лентах зеленых,
А сбоку жемчужный аграф;
Читала записку: «У клена
Я жду вас, таинственный граф!»
Сумеет под кружевом маски
Лукавая смех заглушить,
Велела мне даже подвязки
Сегодня она надушить».
Луч утра на черное платье
Скользнул, из окошка упав...
«Он мне открывает объятья
Под кленом, таинственный граф».
23 января 1911
Киев

***

Память о солнце в сердце слабеет.
Желтей трава.
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.
В узких каналах уже не струится—

Стынет вода.
Здесь никогда ничего не случится,—
О, никогда!
Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.
Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? Тьма?
Может быть!.. За ночь прийти успеет
Зима.
30 января 1911
Киев

***

БЕЛОЙ НОЧЬЮ
Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как, усталая,
Я не решалась лечь.
Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.
И знать, что все потеряно,
Что жизнь—проклятый ад!
О, я была уверена,
Что ты придешь назад.
6 февраля 1911
Царское Село

***

Как соломинкой, пьешь мою душу.
Знаю, вкус ее горек и хмелен.
Но я пытку мольбой не нарушу.
О, покой мой многонеделен.
Когда кончишь, скажи. Не печально,
Что души моей нет на свете.
Я пойду дорогой недальней
Посмотреть, как играют дети.
На кустах зацветает крыжовник,
И везут кирпичи за оградой.
Кто ты: брат мой или любовник,
Я не помню, и помнить не надо.
Как светло здесь и как бесприютно,
Отдыхает усталое тело...
А прохожие думают смутно:
Верно, только вчера овдовела.
10 февраля 1911
Царское Сем

***

Мне больше ног моих не надо,
Пусть превратятся в рыбий хвост!
Плыву, и радостна прохлада,
Белеет тускло дальний мост.
Не надо мне души покорной,
Пусть станет дымом, легок дым,
Взлетев над набережной черной,
Он будет нежно-голубым.
Смотри, как глубоко ныряю,
Держусь за водоросль рукой,
Ничьих я слов не повторяю
И не пленюсь ничьей тоской...
А ты, мой дальний, неужели

Стал бледен и печально-нем?
Что слышу? Целых три недели
Все шепчешь: «Бедная, зачем?!»
12 февраля 1911
Царское Село

***

Три раза пытать приходила.
Я с криком тоски просыпалась
И видела тонкие руки
И темный насмешливый рот.
«Ты с кем на заре целовалась,
Клялась, что погибнешь в разлуке,
И жгучую радость таила,
Рыдая у черных ворот?
Кого ты на смерть проводила,
Тот скоро, о, скоро умрет».
Был голос как крик ястребиный,
Но странно на чей-то похожий.
Все тело мое изгибалось,
Почувствовав смертную дрожь,
И плотная сеть паутины
Упала, окутала ложе...
О, ты не напрасно смеялась,
Моя непрощенная ложь!
16 февраля 1911
Царское Село

***

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.
Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел ты?
Я не понимаю...
Радостно и ясно
Завтра будет утро.
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.
Ты совсем устало,
Бьешься тише, глуше...
Знаешь, я читала,
Что бессмертны души.
17 февраля 1911
Царское Село

***

ПОДРАЖАНИЕ И. Ф. АННЕНСКОМУ
И с тобой, моей первой причудой,
Я простился. Чернела вода.
Просто молвила: «Я не забуду».
Я так странно поверил тогда.
Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далек.
Отчего же на этой странице
Я когда-то загнул уголок?
И всегда открывается книга
В том же месте. Не знаю, зачем!
Я люблю только радости мига
И цветы голубых хризантем.
О, сказавший, что сердце из камня,
Знал наверно: оно из огня...
Никогда не пойму, ты близка мне

Или только любила меня.
20 февраля 1911
Том I. Стихотворения. 1911
По аллее проводят лошадок.
Длинны волны расчесанных грив.
О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.
Странно вспомнить: душа тосковала,
Задыхалась в предсмертном бреду.
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.
Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».
22 февраля 1911
Царское Село

***

Я пришла сюда, бездельница,
Все равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница.
Годы можно здесь молчать.
Над засохшей повиликою
Мягко плавает пчела;
У пруда русалку кликаю,
А русалка умерла.
Затянулся ржавой тиною
Пруд широкий, обмелел,
Над трепещущей осиною
Легкий месяц заблестел.
Замечаю все как новое.
Влажно пахнут тополя.
Я молчу. Молчу, готовая
Снова стать тобой, земля.
23 февраля 1911
Царское Село
Том I. Стихотворения. 1911
Шелестит о прошлом старый дуб.
Лунный луч лениво протянулся.
Я твоих благословенных губ
Никогда мечтою не коснулся.
Бледный лоб чадрой лиловой сжат.
Ты со мною. Тихая, больная.
Пальцы холодеют и дрожат,
Тонкость рук твоих припоминая.
Я молчал так много тяжких лет.
Пытка встреч еще неотвратима.
Как давно я знаю твой ответ:
Я люблю и не была любима.
Февраль 1911

***

НАДПИСЬ
НА НЕОКОНЧЕННОМ ПОРТРЕТЕ
О, не вздыхайте обо мне,
Печаль преступна и напрасна,
Я здесь, на сером полотне,
Возникла странно и неясно.
Взлетевших рук излом больной,
В глазах улыбка исступленья,
Я не могла бы стать иной
Пред горьким часом наслажденья.
Он так хотел, он так велел
Словами мертвыми и злыми.
Мой рот тревожно заалел,

И щеки стали снеговыми.
И нет греха в его вине,
Ушел, глядит в глаза другие,
Но ничего не снится мне
В моей предсмертной летаргии.
Февраль 1911

***

Я живу, как кукушка в часах,
Не завидую птицам в лесах.
Заведут—и кукую.
Знаешь, долю такую
Лишь врагу
Пожелать я могу.
7 марта 1911
Царасое Сем

***

ПЕСЕНКА
Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях: в огороде
Лебеду полю.
Вырываю и бросаю —
Пусть простит меня.
Вижу, девочка босая
Плачет у плетня.
Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды,
Все сильнее запах теплый
Мертвой лебеды.
Будет камень вместо хлеба
Мне наградой злой.
Надо мною только небо,
А со мною голос твой.
11 марта 1911
Царское Село
{1940)

***

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.
Я ее нечаянно прижала,
И, казалось, умерла она,
Но конец отравленного жала
Был острей веретена.
О тебе ли я заплачу, странном,
Улыбнется ль мне твое лицо?
Посмотри! На пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо.
18-19 марта 1911
Царское Село

***

Снова со мной ты. О мальчик-игрушка
Буду ли нежной опять, как сестра?
В старых часах притаилась кукушка.
Выглянет скоро. И скажет: «Пора».
Чутко внимаю безумным рассказам.
Не научился ты только молчать.
Знаю, таким вот, как ты, сероглазым
Весело жить и легко умирать.

Март 1911
Царское Село

***
63
НАД ВОДОЙ
Стройный мальчик пастушок,
Видишь, я в бреду.
Помню плащ и посошок,
На свою беду.
Если встану—упаду.
Дудочка поет: ду-ду!
Мы прощались, как во сне,
Я сказала: «Жду».
Он, смеясь, ответил мне:
«Встретимся в аду».
Если встану—упаду.
Дудочка поет: ду-ду!
О глубокая вода
В мельничном пруду,
Не от горя, от стыда
Я к тебе приду.
И без крика упаду,
А вдали звучит: ду-ду.
(Апрель 1911}

***

В ЛЕСУ
Четыре алмаза—четыре глаза,
Два совиных и два моих.
О, страшен, страшен конец рассказа
О том, как умер мой жених.
Лежу в траве я, густой и влажной,
Бессвязно-звонки мои слова,
А сверху смотрит такою важной,
Их чутко слушает сова.
Нас ели тесно обступили,
Над ними небо—черный квадрат.
Ты знаешь, знаешь, его убили,
Его убил мой старший брат —
Не не кровавом поединке
И не в сраженьи, не на войне,
А на пустынной лесной тропинке,
Когда влюбленный шел ко мне.
(Апрель 1911}

***
165
РЫБАК
Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лед.
Едкий, душный запах дегтя,
Как загар, тебе идет.
И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.
Даже девочка, что ходит
В город продавать камсу,
Как потерянная бродит
Вечерами на мысу.
Щеки бледны, руки слабы,
Истомленный взор глубок,
Ноги ей щекочут крабы,
Выползая на песок.
Но она уже не ловит
Их протянутой рукой.

Все сильней биенье крови
В теле, раненном тоской.
23 апреля 1911
3–125

***

Вере Ивановой-Швареалон
Туманом легким парк наполнился,
И вспыхнул на воротах газ.
Мне только взгляд один запомнился
Незнающих, спокойных глаз.
Твоя печаль, для всех неявная,
Мне сразу сделалась близка,
И поняла ты, что отравная
И душная во мне тоска.
Я этот день люблю и праздную,
Приду, как только позовешь.
Меня, и грешную и праздную,
Лишь ты одна не упрекнешь.
Апрель 1911

***

Я и плакала и каялась,
Хоть бы с неба грянул гром!
Сердце темное измаялось
В нежилом дому твоем,
Боль я знаю нестерпимую,
Стыд обратного пути...
Страшно, страшно к нелюбимому,
Страшно к тихому войти.
А склонюсь к нему нарядная,
Ожерельями звеня,–
Только спросит: «Ненаглядная!
Где молилась за меня?»
Весна 1911

***

Высоко в небе облачко серело,
Как беличья расстеленная шкурка.
Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»
В пушистой муфте руки холодели.
Мне стало страшно, стало как-то смутно.
О, как вернуть вас, быстрые недели
Его любви, воздушной и минутной!
Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
Пускай умру с последней белой вьюгой.
О нем гадала я в канун Крещенья.
Я в январе была его подругой.
Веска 1911
Царское Село

***

Сердце к сердцу не приковано,
Если хочешь–уходи.
Много счастья уготовано
Тем, кто волен на пути.
Я не плачу, я не жалуюсь,
Мне счастливой не бывать.
Не целуй меня, усталую,–
Смерть придет поцеловать.
Дни томлений острых прожиты
Вместе с белою зимой.
Отчего же, отчего же ты

Лучше, чем избранник мой?
Весна 1911

***

Мне с тобою пьяным весело—
Смысла нет в твоих рассказах.
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.
Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбкой странною
И застывшей улыбаемся?
Мы хотели муки жалящей
Вместо счастья безмятежного...
Не покину я товарища
И беспутного и нежного.
Май—июль 1911
Париж

***

В углу старик, похожий на барана,
Внимательно читает «Фигаро».
В моей руке просохшее перо,
Идти домой еще как будто рано.
Тебе велела я, чтоб ты ушел.
Мне сразу все твои глаза сказали...
Опилки густо устилают пол,
И пахнет спиртом в полукруглой зале.
И это юность—светлая пора
Да лучше б я повесилась вчера
Или под поезд бросилась сегодня.
Май-июль 1911? Конец 1950-х годов
Париж

***

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.
И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморного стану.
Первая половина 1911

***
73
...И там колеблется камыш
Под легкою рукой русалки.
Мы с ней смеемся ввечеру
Над тем, что умерло, но было,
Но эту странную игру
Я так покорно полюбила...
(После 13 июля ст. ст.
до середины августа') 1911
Слепнево

***

Целый день провела у окошка
И томилась: «Скорей бы гроза».
Раз у дикой затравленной кошки
Я заметил такие глаза.
Верно, тот, кого ждешь, не вернется,
И последние сроки прошли.

Душный зной, словно олово, льется
От небес до иссохшей земли.
Ты тоской только сердце измучишь,
Глядя в серую тусклую мглу.
И мне кажется – вдруг замяучишь,
Изгибаясь на грязном полу.
Лето 1911
Слепнево
Том I. Стихотворения. 1911
ПОХОРОНЫ
Я места ищу для могилы.
Не знаешь ли, где светлей?
Так холодно в поле. Унылы
У моря груды камней.
А она привыкла к покою
И любит солнечный свет.
Я келью над ней построю,
Как дом наш на много лет.
Между окнами будет дверца,
Лампадку внутри зажжем,
Как будто темное сердце
Алым горит огнем.
Она бредила, знаешь, больная,
Про иной, про небесный край,
Но сказал монах, укоряя:
«Не для вас, не для грешных рай».
И тогда, побелев от боли,
Прошептала: «Уйду с тобой».
Вот одни мы теперь, на воле,
И у ног голубой прибой.
22 сентября 1911
Царское Село

***

Под навесом темной риги жарко,
Я смеюсь, а в сердце злобно плачу.
Старый друг бормочет мне: «Не каркай!
Мы ль не встретим на пути удачу!»
Но я другу старому не верю.
Он смешной, незрячий и убогий,
Он всю жизнь свою шагами мерил
Длинные и скучные дороги.
И звенит, звенит мой голос ломкий,
Звонкий голос не узнавших счастья:
«Ах, пусты дорожные котомки,
А на завтра голод и ненастье!»
24 сентября 1911
Царское Село

***
77
Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.
Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.
24 сентября 1911
Царское Село

***

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ
Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.

Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.
Показалось, что много ступеней,
А я знала—их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!
Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»
Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.
29 сентября 1911
Царское Село

***

МУЗЕ
Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд ее ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.
Муза! ты видишь, как счастливы все—
Девушки, женщины, вдовы...
Лучше погибну на колесе,
Только не эти оковы.
Знаю: гадая, и мне обрывать
Нежный цветок маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.
Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.
Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:
«Взор твой не ясен, не ярок...»
Тихо отвечу: «Она отняла
Божий подарок».
10 ноября 1911
Царское Село

***

ЛЮБОВЬ
То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,
То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.
Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.
24 ноября 1911
Царское Село

***

81
И мальчик, что играет на волынке,
И девочка, что свой плетет венок,
И две в лесу скрестившихся тропинки,
И в дальнем поле дальний огонек,—

Я вижу все. Я все запоминаю,
Любовно-кротко в сердце берегу.
Лишь одного я никогда не знаю
И даже вспомнить больше не могу.
Я не прошу ни мудрости, ни силы.
О, только дайте греться у огня!
Мне холодно... Крылатый иль бескрылый,
Веселый бог не посетит меня.
30 ноября 1911
Царское Село

***

Меня покинул в новолунье
Мой друг любимый. Ну так что ж!
Шутил: «Канатная плясунья!
Как ты до мая доживешь?»
Ему ответила, как брату,
Я, не ревнуя, не ропща,
Но не заменят мне утрату
Четыре новые плаща.
Пусть страшен путь мой, пусть опасен,
Еще страшнее путь тоски...
Как мой китайский зонтик красен,
Натерты мелом башмачки!
Оркестр веселое играет,
И улыбаются уста.
Но сердце знает, сердце знает,
Что ложа пятая пуста!
Ноябрь 1911
Царское Село

***

Любовь покоряет обманно,
Напевом простым, неискусным.
Еще так недавно-странно
Ты не был седым и грустным.
И когда она улыбалась
В садах твоих, в доме, в поле,
Повсюду тебе казалось,
Что вольный ты и на воле.
Был светел ты, взятый ею
И пивший ее отравы.
Ведь звезды были крупнее,
Ведь пахли иначе травы,
Осенние травы.
Осень 1911
Царское Село

***

Словно тяжким огромным молотом
Раздробили слабую грудь.
Откупиться бы ярким золотом,—
Только раз, только раз вздохнуть!
Приподняться бы над подушками,
Снова видеть широкий пруд,
Снова видеть, как над верхушками
Сизых елей тучи плывут.
Все приму я: боль и отчаянье,
Даже жалости острие.
Только пыльный свой плащ раскаянья
Не клади на лицо мое!
Осень 1911

***

Муж хлестал меня узорчатым,
Вдвое сложенным ремнем.
Для тебя в окошке створчатом
Я всю ночь сижу с огнем.
Рассветает. И над кузницей
Подымается дымок.
Ах, со мной, печальной узницей,
Ты опять побыть не мог.
Для тебя я долю хмурую,
Долю-муку приняла.
Или любишь белокурую,
Или рыжая мила?
Как мне скрыть вас, стоны звонкие?
В сердце темный, душный хмель,
А лучи ложатся тонкие
На несмятую постель.
Осень 1911
86

***

ОТРЫВОК
...И кто-то, во мраке дерев незримый,
Зашуршал опавшей листвой
И крикнул: «Что сделал с тобой любимый,
Что сделал любимый твой!
Словно тронуты черной, густою тушью
Тяжелые веки твои.
Он предал тебя тоске и удушью
Отравительницы-любви.
Ты давно перестала считать уколы—
Грудь мертва под острой иглой.
И напрасно стараешься быть веселой —
Легче в гроб тебе лечь живой!..»
Я сказала обидчику: «Хитрый, черный,
Верно, нет у тебя стыда.
Он тихий, он нежный, он мне покорный,
Влюбленный в меня навсегда!»
26 декабря 1911

***

САД
Он весь сверкает и хрустит,
Обледенелый сад.
Ушедший от меня грустит,
Но нет пути назад.
И солнца бледный тусклый лик —
Лишь круглое окно;
Я тайно знаю, чей двойник
Приник к нему давно.
Здесь мой покой навеки взят
Предчувствием беды,
Сквозь тонкий лед еще сквозят
Вчерашние следы.
Склонился тусклый мертвый лик
К немому сну полей,
И замирает острый крик
Отсталых журавлей.
1911
Царское Село

***

ИСПОВЕДЬ
Умолк простивший мне грехи.
Лиловый сумрак гасит свечи,
И темная епитрахиль

Накрыла голову и плечи.
Не тот ли голос: «Дева! встань...»
Удары сердца чаще, чаще.
Прикосновение сквозь ткань
Руки, рассеянно крестящей.
1911
Царское Село

***

Мурка, не ходи, там сыч
На подушке вышит,
Мурка серый, не мурлычь,
Дедушка услышит.
Няня, не горит свеча,
И скребутся мыши.
Я боюсь того сыча,
Для чего он вышит?
191/;
1914(?)

***

БЕССОННИЦА
Где-то кошки жалобно мяукают,
Звук шагов я издали ловлю...
Хорошо твои слова баюкают:
Третий месяц я от них не сплю.
Ты опять, опять со мной, бессонница!
Неподвижный лик твой узнаю.
Что, красавица, что, беззаконница,
Разве плохо я тебе пою?
Окна тканью белою завешены,
Полумрак струится голубой...
Или дальней вестью мы утешены?
Отчего мне так легко с тобой?
1912. Начало года
Царское Село
Том I. Стихотворения. 1912
Безвольно пощады просят
Глаза. Что мне делать с ними,
Когда при мне произносят
Короткое, звонкое имя?
Иду по тропинке в поле
Вдоль серых сложенных бревен.
Здесь легкий ветер на воле
По-весеннему свеж, неровен.
И томное сердце слышит
Тайную весть о дальнем.
Я знаю: он жив, он дышит,
Он смеет быть не печальным.
1912. Начало года
Царское Село
92

***

Ты поверь, не змеиное острое жало,
А тоска мою выпила кровь.
В белом поле я тихою девушкой стала,
Птичьим голосом кличу любовь.
И давно мне закрыта дорога иная,
Мой царевич в высоком кремле.
Обману ли его, обману ли? —Не знаю!
Только ложью живу на земле.
Не забыть, как пришел он со мною проститься.
Я не плакала: это судьба.
Ворожу, чтоб царевичу ночью присниться,

Но бессильна моя ворожба.
Оттого ль его сон безмятежен и мирен,
Что я здесь у закрытых ворот,
Иль уже светлоокая, нежная Сирин
Над царевичем песню поет?
(27 февраля) 1912

***

Сегодня мне письма не принесли:
Забыл он написать, или уехал;
Весна как трель серебряного смеха,
Качаются в заливе корабли.
Сегодня мне письма не принесли...
Он был со мной еще совсем недавно,
Такой влюбленный, ласковый и мой,
Но это было белою зимой,
Теперь весна, и грусть весны отравна,
Он был со мной еще совсем недавно...
Я слышу: легкий трепетный смычок,
Как от предсмертной боли, бьется, бьется,
И страшно мне, что сердце разорвется,
Не допишу я этих нежных строк...
(27 февраля) 1912

***

Ф. К. Сологубу
Твоя свирель над тихим миром пела,
И голос смерти тайно вторил ей,
А я, безвольная, томилась и пьянела
От сладостной жестокости твоей.
16 марта 1912
Царское Село

***

Слаб голос мой, но воля не слабеет,
Мне даже легче стало без любви.
Высоко небо, горный ветер веет,
И непорочны помыслы мои.
Ушла к другим бессонница-сиделка,
Я не томлюсь над серою золой,
И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется стрелой.
Как прошлое над сердцем власть теряет!
Освобожденье близко. Все прощу,
Следя, как луч взбегает и сбегает
По влажному весеннему плющу.
Апрель 1912
Оспедалетто

***

Здесь все то же, то же, что и прежде,
Здесь напрасным кажется мечтать.
В доме, у дороги непроезжей,
Надо рано ставни запирать.
Тихий дом мой пуст и неприветлив,
Он на лес глядит одним окном,
В нем кого-то вынули из петли
И бранили мертвого потом.
Был он грустен или тайно-весел,
Только смерть — большое торжество.
На истертом красном плюше кресел
Изредка мелькает тень его.
И часы с кукушкой ночи рады,
Все слышней их четкий разговор.

В щелочку смотрю я: конокрады
Зажигают под холмом костер.
И, пророча близкое ненастье,
Низко, низко стелется дымок.
Мне не страшно. Я ношу на счастье
Темно-синий шелковый шнурок.
Май 1912
Флоренция

***

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе,
Ты, в своих путях всегда уверенный,
Свет узревший в шалаше.
И тебе, печально-благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная,
Как дышало утро льдом.
В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.
Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это Ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?
Май 1912
Флоренция
4—125

***

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.
Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.
Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.
Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.
Май 1912
Флоренция (?)

***

Стал мне реже сниться, слава Богу,
Больше не мерещится везде.
Лег туман на белую дорогу,
Тени побежали по воде.
И весь день не замолкали звоны
Над простором вспаханной земли,
Здесь всего сильнее от Ионы
Колокольни лаврские вдали.
Подстригаю на кустах сирени
Ветки те, что нынче отцвели;
По валам старинных укреплений
Два монаха медленно прошли.
Мир родной, понятный и телесный
Для меня, незрячей, оживи.

Исцелил мне душу Царь Небесный
Ледяным покоем нелюбви.
После 17 мая 1912
Киев

***

ВЕНЕЦИЯ
Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.
Столько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.
Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте
И не душно в сырости и зное.
Август 1912
Слепнево

***
1101
Как вплелась в мои темные косы
Серебристая нежная прядь, –
Только ты, соловей безголосый,
Эту муку сумеешь понять.
Чутким ухом далекое слышишь
И на тонкие ветки ракит,
Весь нахохлившись, смотришь –не дышишь,
Если песня чужая звучит.
А еще так недавно, недавно
Замирали вокруг тополя,
И звенела и пела отравно
Несказанная радость твоя.
(22 октября) 1912
102

***

«Я пришла тебя сменить, сестра,
У лесного, у высокого костра.
Поседели твои волосы. Глаза
Замутила, затуманила слеза.
Ты уже не понимаешь пенья птиц,
Ты ни звезд не замечаешь, ни зарниц.
И давно удары бубна не слышны,
А я знаю, ты боишься тишины.
Я пришла тебя сменить, сестра,
У лесного, у высокого костра».
«Ты пришла меня похоронить.
Где же заступ твой, где лопата?
Только флейта в руках твоих.
Я не буду тебя винить,
Разве жаль, что давно, когда-то,
Навсегда мой голос затих.
Мои одежды надень,
Позабудь о моей тревоге,
Дай ветру кудрями играть.
_ Том I. Стихотворения. 1912
Ты пахнешь, как пахнет сирень,
А пришла по трудной дороге,
Чтобы здесь озаренной стать».
И одна ушла, уступая,
Уступая место другой.
И неверно брела, как слепая,

Незнакомой узкой тропой.
И все чудилось ей, что пламя
Близко... бубен держит рука.
И она как белое знамя,
И она как свет маяка.
24 октября 1912
Царское Село
104

***

Н. Гумилеву)
В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый.
Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой незвонок.
Октябрь 1912
Царское Село

***
1105
Загорелись иглы венчика
Вкруг безоблачного лба.
Ах! Улыбчивого птенчика
Подарила мне судьба.
Октябрь 1912

***

Приходи на меня посмотреть.
Приходи. Я живая. Мне больно.
Этих рук никому не согреть,
Эти губы сказали: «Довольно!»
Каждый вечер подносят к окну
Мое кресло. Я вижу дороги.
О, тебя ли, тебя ль упрекну
За последнюю горечь тревоги!
Не боюсь на земле ничего,
В задыханьях тяжелых бледнея.
Только ночи страшны оттого,
Что глаза твои вижу во сне я.
(Ноябрь) 1912

***
1107
Протертый коврик под иконой,
В прохладной комнате темно,
И густо плющ темно-зеленый
Завил широкое окно.
От роз струится запах сладкий,
Трещит лампадка, чуть горя.
Пестро расписаны укладки
Рукой любовной кустаря.
И у окна белеют пяльцы...
Твой профиль тонок и жесток.
Ты зацелованные пальцы
Брезгливо прячешь под платок.
А сердцу стало страшно биться,
Такая в нем теперь тоска...
И в косах спутанных таится
Чуть слышный запах табака.
14 ноября 1912
108
***

Дал Ты мне молодость трудную.
Столько печали в пути.
Как же мне душу скудную
Богатой Тебе принести?
Долгую песню, льстивая,
О славе поет судьба.
Господи! я нерадивая,
Твоя скупая раба.
Ни розою, ни былинкою
Не буду в садах Отца.
Я дрожу над каждой соринкою,
Над каждым словом глупца.
19 декабря 1912
Вечер

***
МОЯ
М. Лозинскому
Он длится без конца—янтарный, тяжкий день!
Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье!
И снова голосом серебряным олень
В зверинце говорит о северном сиянье.
И я поверила, что есть прохладный снег
И синяя купель для тех, кто нищ и болен,
И санок маленьких такой неверный бег
Под звоны древние далеких колоколен.
1912

***

Умирая, томлюсь о бессмертье.
Низко облако пыльной мглы...
Пусть хоть голые красные черти,
Пусть хоть чан зловонной смолы!
Приползайте ко мне, лукавьте,
Угрозы из ветхих книг,
Только память вы мне оставьте,
Только память в последний миг.
Чтоб в томительной веренице
Не чужим показался ты,
Я готова платить сторицей
За улыбки и за мечты.
Смертный час, наклонясь, напоит
Прозрачною сулемой.
А люди придут, зароют
Мое тело и голос мой.
1912
Царское Село
Том I. Стихотворения. 1912
Ты письмо мое, милый, не комкай,
До конца его, друг, прочти.
Надоело мне быть незнакомкой,
Быть чужой на твоем пути.
Не гляди так, не хмурься гневно.
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королевна
И уже не монашенка я—
В этом сером, будничном платье,
На стоптанных каблуках...
Но, как прежде, жгуче объятье,
Тот же страх в огромных глазах.
Ты письмо мое, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи,
Ты его в своей бедной котомке
На самое дно положи.
1912
Царское Село

***

Потускнел на небе синий лак,
И слышнее песня окарины.
Это только дудочка из глины.
Не на что ей жаловаться так.
Кто ей рассказал мои грехи
И зачем она меня прощает?..
Или этот голос повторяет
Мне твои последние стихи?
1912

***

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.
Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.
Навсегда забиты окошки:
Что там, изморозь или гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.
О, как сердце мое тоскует!
Не смертельного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.
1 января 1913

***

Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.
И я стану—Христос помоги! —
На покров этот, светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки,
Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый,
В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?
Слишком сладко земное питье,
Слишком плотны любовные сети.
Пусть когда-нибудь имя мое
Прочитают в учебнике дети,
И, печальную повесть узнав,
Пусть они улыбнутся лукаво...
Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой.
(Февраль} 1913

***
1115
СМЯТЕНИЕ
1
Было душно от жгучего света,
А взгляды его—как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился—он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет

На жизни моей любовь.
2
Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица,
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.
3
Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне, улыбнулся,
Полуласково, полулениво

***

Поцелуем руки коснулся—
И загадочных, древних ликов
На меня поглядели очи...
Десять лет замираний и криков,
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его — напрасно.
Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно.
(Февраль} 1913
Том I. Стихотворения. 1913
Вижу выцветший флаг над таможней
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.
Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.
Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.
(Февраль') 1913

***

...И на ступеньки встретить
Не вышли с фонарем.
В неверном лунном свете
Вошла я в тихий дом.
Под лампою зеленой,
С улыбкой неживой,
Друг шепчет: «Сандрильона,
Как странен голос твой...»
В камине гаснет пламя,
Томя, трещит сверчок.
Ах! кто-то взял на память
Мой белый башмачок
И дал мне три гвоздики,
Не подымая глаз.
О милые улики,
Куда мне спрятать вас?
И сердцу горько верить,
Что близок, близок срок,
Что всем он станет мерить
Мой белый башмачок.
(Февраль) 1913

***
11

9Черная вилась дорога,
Дождик моросил,
Проводить меня немного
Кто-то попросил.
Согласилась, да забыла
На него взглянуть,
А потом так странно было
Вспомнить этот путь.
Плыл туман, как фимиамы
Тысячи кадил.
Спутник песенкой упрямо
Сердце бередил.
Помню древние ворота
И конец пути –
Там со мною шедший кто-то
Мне сказал: «Прости...»
Медный крестик дал мне в руки,
Словно брат родной...
И я всюду слышу звуки
Песенки степной.
Ах, я дома как не дома –
Плачу и грущу.
Отзовись, мой незнакомый,
Я тебя ищу!
(Март} 1913
120

***

ВЕЧЕРОМ
Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.
Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья.
Как не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук.
Так гладят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных
Под легким золотом ресниц.
А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса–
Ты первый раз одна с любимым».
Март 1913

***

Я видел поле после града
И зачумленные стада,
Я видел грозди винограда,
Когда настали холода.
Еще я помню, как виденье,
Степной пожар в ночной тиши...
Но страшно мне опустошенье
Твоей замученной души.
Так много нищих. Будь же нищей –
Открой бесслезные глаза.
Да озарит мое жилище
Их неживая бирюза!
(Мои) 1913
122

***

ПРОГУЛКА

Перо задело о верх экипажа.
Я поглядела в глаза его.
Томилось сердце, не зная даже
Причины горя своего.
Безветрен вечер и грустью скован
Под сводом облачных небес,
И словно тушью нарисован
В альбоме старом Булонский лес.
Бензина запах и сирени,
Насторожившийся покой...
Он снова тронул мои колени
Почти не дрогнувшей рукой.
Май 1913
Том I. Стихотворения. 1913
123
Ты пришел меня утешить, милый,
Самый нежный, самый кроткий...
От подушки приподняться нету силы,
А на окнах частые решетки.
Мертвой, думал, ты меня застанешь,
И принес веночек неискусный.
Как улыбкой сердце больно ранишь,
Ласковый, насмешливый и грустный.
Что теперь мне смертное томленье!
Если ты еще со мной побудешь,
Я у Бога вымолю прощенье
И тебе, и всем, кого ты любишь.
Май 1913
Петербург, Крестовский Остров
124

***

ГОЛОС ПАМЯТИ
О. А. Глебовой-Судейкиной
Что ты видишь, тускло на стену смотря,
В час, когда на небе поздняя заря?
Чайку ли на синей скатерти воды
Или флорентийские сады?
Или парк огромный Царского Села,
Где тебе тревога путь пересекла?
Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?
Нет, я вижу стену только —и на ней
Отсветы небесных гаснущих огней.
18 июня 1913
Схепнево
Том I. Стихотворения. 1913
Ничего не скажу, ничего не открою.
Буду молча смотреть, наклонившись, в окно.
Как-то раз и меня повели к аналою,
С кем —не знаю. Но помню—давно...
Из окна моего вижу красные трубы,
А над трубами легкий клубящийся дым.
Но глаза я закрою. И нежные губы
Прикоснулись к ресницам моим.
То не сон, утешитель тревоги влюбленной,
И не тихий привет ветерка...
Это —ранивший душу взглянул напряженно,
Так ли рана, как прежде, ярка.
(Июль} 1913
126
***

Покорно мне воображенье
В изображеньи серых глаз.
В моем тверском уединеньи
Я горько вспоминаю Вас.

Прекрасных рук счастливый пленник
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели Вы,
Вы, приказавший мне: довольно,
Поди, убей свою любовь!
И вот я таю, я безвольна,
Но все сильней скучает кровь.
И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет Вам,
Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам?
Июль 1913
Слепнево

***
127
Вечерние часы перед столом.
Непоправимо белая страница.
Мимоза пахнет Ниццей и теплом.
В луче луны летит большая птица.
И, туго косы на ночь заплетя,
Как будто завтра нужны будут косы,
В окно гляжу я, больше не грустя,
На море, на песчаные откосы.
Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит!
Я не могу поднять усталых век,
Когда мое он имя произносит.
Лето 1913
Слепнет

***

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО
О спутник мой неосторожный,
Мой друг ревнивый и тревожный,
Ты не пришел за мной сюда.
Сентябрь, печаль и холода,
А возвращенье невозможно
В таинственные города –
Их два, один другому равен
Суровой красотой своей
И памятью священной славен,
Улыбкой освящен твоей.
Несносен ты и своенравен,
Но почему-то всех милей.
Мне нестерпимо здесь томиться,
По четкам костяным молиться
И точно знать, что на обед
Ко мне приедет мой сосед.
Подумай, день идет за днем,
Снег выпал, к вечеру растает,
И за последним журавлем
Моя надежда улетает.
К моей тоске сосед приучен,
И часто сам вздыхает он:
«Простите, грустен я и скучен».
А в самом деле он влюблен.
В саду под шум берез корельских
Том I. Стихотворения. 1913
О днях мечтаю царскосельских,
О долгих спорах, о стихах
И о пленительных губах.
Но чувствую у локтя руку
Ведущего меня домой
И снова слышу, что со мной
Нельзя перенести разлуку;

Какою страшною виной
Я заслужила эту скуку?
Когда камин в гостиной топят
И гость мой стройный не торопит
Свою коляску подавать,
А словно что-то вспоминая,
Глядит на пламя не мигая,
И я люблю припоминать...
Уже, друзья, мою божницу
Устали видеть вы пустой,
И каждый новую царицу
Подводит к двери золотой.
А ты, конечно, всех проворней,
Твоя избранница покорней
Других; и скоро фимиам
Вольней прильнет к ее ногам...
Тогда припомни час единый,
Вечерний удаленный час,
И крик печали лебединой,
И взор моих прощальных глаз.
Мне больше ничего не надо—
Мне это верная отрада.
(8 сентября} 1913
Слепнеао
5—125
130

***

Мальчик сказал мне: «Как это больно!»
И мальчика очень жаль...
Еще так недавно он был довольным
И только слыхал про печаль.
А теперь он знает все не хуже
Мудрых и старых вас.
Потускнели и, кажется, стали уже
Зрачки ослепительных глаз.
Я знаю: он с болью своей не сладит,
С горькой болью первой любви.
Как беспомощно, жадно и жарко гладит
Холодные руки мои.
(Октябрь) 1913

***

Здравствуй! Легкий шелест слышишь
Справа от стола?
Этих строчек не допишешь—
Я к тебе пришла.
Неужели ты обидишь
Так, как в прошлый раз,—
Говоришь, что рук не видишь,
Рук моих и глаз.
У тебя светло и просто,
Не гони меня туда,
Где под душным сводом моста
Стынет грязная вода.
(Октябрь) 1913
Царское Сем

***

Знаю, знаю —снова лыжи
Сухо заскрипят.
В синем небе месяц рыжий,
Луг так сладостно покат.
Во дворце горят окошки,
Тишиной удалены.

Ни тропинки, ни дорожки,
Только проруби темны.
Ива, дерево русалок,
Не мешай мне на пути!
В снежных ветках черных галок,
Черных галок приюти.
Октябрь 1913
Царское Село
Том. 1. Стихотворения. 1913 133
8 НОЯБРЯ 1913
Солнце комнату наполнило
Пылью желтой и сквозной.
Я проснулась и припомнила:
Милый, нынче праздник твой.
Оттого и оснеженная
Даль за окнами тепла,
Оттого и я, бессонная,
Как причастница спала.
* ; ноября 1913

***

Косноязычно славивший меня
Еще топтался на краю эстрады.
От дыма сизого и тусклого огня
Мы все уйти, конечно, были рады.
Но в путаных словах вопрос зажжен,
Зачем не стала я звездой любовной,
И стыдной болью был преображен
Над нами лик жестокий и бескровный.
Люби меня, припоминай и плачь!
Все плачущие не равны ль пред Богом?
Мне снится, что меня ведет палач
По голубым предутренним дорогам.
(16 ноября) 1913

***

Со дня Купальницы-Аграфены
Малиновый платок хранит.
Молчит, а ликует, как царь Давид.
В морозной келье белы стены,
И с ним никто не говорит.
Приду и стану на порог,
Скажу: «Отдай мне мой платок!»
(16 ноября) 1913
Царское Село
136

***

Георгию Иванову
Бисерным почерком пишете, Lise,
Уже не подруге, не старой тетке.
Голуби взлетели на карниз,
Луч заиграл на балконной решетке.
Ваше окошко опять найду
Под веночком, длинной стрелой пронзенным.
Как хорошо в осеннем саду!
Как хорошо быть совсем влюбленным!
Желтое солнце светло блестит,
Желтое платье в окне золотится...
Знаю –она никогда не простит,
Если осмелюсь я ей поклониться.
(Ноябрь) 1913
Том I. Стихотворения. 1913
У меня есть улыбка одна:
Так, движенье чуть видное губ.

Для тебя я ее берегу –
Ведь она мне любовью дана.
Все равно, что ты наглый и злой,
Все равно, что ты любишь других,
Предо мной золотой аналой,
И со мной сероглазый жених.
(Ноябрь) 1913
138

***

Простишь ли мне эти ноябрьские дни?
В каналах приневских дрожат огни.
Трагической осени скудны убранства.
(Ноябрь} 1913
Петербург

***
13
9Высокие своды костела
Синей, чем небесная твердь...
Прости меня, мальчик веселый,
Что я принесла тебе смерть–
За розы с площадки круглой,
За глупые письма твои,
За то, что, дерзкий и смуглый,
Мутно бледнел от любви.
Я думала: ты нарочно –
Как взрослые хочешь быть.
Я думала: томно-порочных
Нельзя, как невест, любить.
Но все оказалось напрасно.
Когда пришли холода,
Следил ты уже бесстрастно
За мной везде и всегда,
Как будто копил приметы
Моей нелюбви. Прости!
Зачем ты принял обеты
Страдальческого пути?

***

И смерть к тебе руки простерла...
Скажи, что было потом?
Я не знала, как хрупко горло
Под синим воротником.
Прости меня, мальчик веселый,
Совенок замученный мой!
Сегодня мне из костела
Так трудно уйти домой.
Ноябрь 1913
Царское Село

***
141
Не будем пить из одного стакана
Ни воду мы, ни сладкое вино,
Не поцелуемся мы утром рано,
А ввечеру не поглядим в окно.
Ты дышишь солнцем, я дышу луною,
Но живы мы любовию одною.
Со мной всегда мой верный, нежный друг,
С тобой твоя веселая подруга.
Но мне понятен серых глаз испуг,
И ты виновник моего недуга.
Коротких мы не учащаем встреч.
Так наш покой нам суждено беречь.
Лишь голос твой поет в моих стихах,

В твоих стихах мое дыханье веет.
О, есть костер, которого не смеет
Коснуться ни забвение, ни страх,
И если б знал ты, как сейчас мне любы
Твои сухие, розовые губы!
Ноябрь 1913
142

***

За узором дымных стекол
Хвойный лес под снегом бел.
Отчего мой ясный сокол
Не простившись улетел?
Слушаю людские речи.
Говорят, что ты колдун.
Стал мне узок с нашей встречи
Голубой шушун.
А дорога до погоста
Во сто раз длинней,
Чем тогда, когда я просто
Шла бродить по ней.
Ноябрь ? 1913

***
1143
Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.
Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.
И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.
Осень 1913
Слепнево
144

***

Плотно сомкнуты губы сухие,
Жарко пламя трех тысяч свечей.
Так лежала княжна Евдокия
На душистой сапфирной парче.
И, согнувшись, бесслезно молилась
Ей о слепеньком мальчике мать,
И кликуша без голоса билась,
Воздух силясь губами поймать.
А пришедший из южного края
Черноглазый, горбатый старик,
Словно к двери небесного рая,
К потемневшей ступеньке приник.
Осень 1913
Том I. Стихотворения. 1913 1145
В. С. Срезневской
Вместо мудрости — опытность, пресное,
Неутоляющее питье.
А юность была —как молитва воскресная...
Мне ли забыть ее?
Столько дорог пустынных исхожено
С тем, кто мне не был мил,
Столько поклонов в церквах положено
За того, кто меня любил...
Стала забывчивей всех забывчивых,

Тихо плывут года.
Губ нецелованных, глаз неулыбчивых
Мне не вернуть никогда.
Осень 1913
Царское Село
146
***

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещеньи – Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха.
Так дивно знала я земную радость
И праздников считала не двенадцать,
А столько, сколько было дней в году.
Я, тайному велению покорна,
Товарища свободного избрав,
Любила только солнце и деревья.
Однажды поздним летом иностранку
Я встретила в лукавый час зари,
И вместе мы купались в теплом море.
Ее одежда странной мне казалась,
Еще страннее –губы, а слова–
Как звезды падали сентябрьской ночью.
И стройная меня учила плавать,
Одной рукой поддерживая тело
Неопытное на тугих волнах.
И часто, стоя в голубой воде,
Она со мной неспешно говорила,
И мне казалось, что вершины леса
Слегка шумят, или хрустит песок,
Иль голосом серебряным волынка
Вдали поет о вечере разлук.
Но слов ее я помнить не могла

***

И часто ночью с болью просыпалась.
Мне чудился полуоткрытый рот,
Ее глаза и гладкая прическа.
Как вестника небесного молила
Я девушку печальную тогда:
«Скажи, скажи, зачем угасла память,
И, так томительно лаская слух,
Ты отняла блаженство повторенья?..»
И только раз, когда я виноград
В плетеную корзинку собирала,
А смуглая сидела на траве,
Глаза закрыв и распустивши косы,
И томною была и утомленной
От запаха тяжелых синих ягод
И пряного дыханья дикой мяты, –
Она слова чудесные вложила
В сокровищницу памяти моей,
И, полную корзину уронив,
Припала я к земле сухой и душной,
Как к милому, когда поет любовь.
Осень 1913
148

***

9 ДЕКАБРЯ 1913
Самые темные дни в году
Светлыми стать должны.
Я для сравнения слов не найду–
Так твои губы нежны.
Только глаза подымать не смей,
Жизнь мою храня.

Первых фиалок они светлей,
А смертельные для меня.
Вот поняла, что не надо слов,
Оснеженные ветки легки...
Сети уже разостлал птицелов
На берегу реки.
Декабрь 1913
Царское Село

***
14
9Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.
И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои!
Декабрь 1913
Царское Село
150

***

Я с тобой не стану пить вино,
Оттого что ты мальчишка озорной.
Знаю я —у вас заведено
С кем попало целоваться под луной.
А у нас —тишь да гладь,
Божья благодать.
А у нас —светлых глаз
Нет приказу подымать.
Декабрь 1913

***
151
И жар по вечерам, и утром вялость,
И губ потрескавшихся вкус кровавый.
Так вот она—последняя усталость,
Так вот оно — преддверье царства славы.
Гляжу весь день из круглого окошка:
Белеет потеплевшая ограда,
И лебедою заросла дорожка,
А мне б идти по ней —такая радость.
Чтобы песок хрустел и лапы елок —
И черные и влажные—шуршали,
Чтоб месяца бесформенный осколок
Опять увидеть в голубом канале.
Декабрь 1913
152
***

Твой белый дом и тихий сад оставлю.
Да будет жизнь пустынна и светла.
Тебя, тебя в моих стихах прославлю,
Как женщина прославить не могла.
И ты подругу помнишь дорогую
В тобою созданном для глаз ее раю,
А я товаром редкостным торгую —
Твою любовь и нежность продаю.
Зима 1913
Царское Село

***
1153
О, это был прохладный день
В чудесном городе Петровом!

Лежал закат костром багровым,
И медленно густела тень.
Ты только тронул грудь мою,
Как лиру трогали поэты,
Чтоб слышать кроткие ответы
На требовательное «люблю!».
Тебе не надо глаз моих,
Пророческих и неизменных,
Но за стихом ты ловишь стих,
Молитвы губ моих надменных.
Зима 1913
Царское Село
154

***

Я так молилась: «Утоли
Глухую жажду песнопенья!»
Но нет земному от земли
И не было освобожденья.
Как дым от жертвы, что не мог
Взлететь к престолу Сил и Славы,
А только стелется у ног,
Молитвенно целуя травы, –
Так я, Господь, простерта ниц:
Коснется ли огонь небесный
Моих сомкнувшихся ресниц
И немоты моей чудесной?
Зима 1913
Царское Село

***

ОТВЕТ
И при луне новорожденной
Вновь зажигаю шесть свечей.
(Б. Садовской)
Я получила письмо,
Не поверила нежным словам,
Читала, смотрела в трюмо,
Удивлялась себе и Вам.
В окна широкий свет
Вплывал, и пахло зимой...
Знаю, что Вы поэт,
Значит, товарищ мой.
Как хорошо, что есть
В мире луна и шесть
Вами зажженных свеч.
Думайте обо мне,
Я живу в западне
И боюсь неожиданных встреч.
1913

***

То пятое время года,
Только его славословь.
Дыши последней свободой,
Оттого что это–любовь.
Высоко небо взлетело,
Легки очертанья вещей,
И уже не празднует тело
Годовщину грусти своей.
1913
Петербург
Том I. Стихотворения. 1913
Родилась я ни поздно, ни рано,
Это время блаженно одно,

Только сердцу прожить без обмана
Было Господом не дано.
Оттого и темно в светлице,
Оттого и друзья мои,
Как вечерние грустные птицы,
О небывшей поют любви.
1913

***

Проводила друга до передней.
Постояла в золотой пыли.
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.
Брошена! Придуманное слово —
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.
1913
Царское Село

***

Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.
Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.
А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.
1913

***

Каждый день по-новому тревожен,
Все сильнее запах спелой ржи.
Если ты к ногам моим положен,
Ласковый, лежи.
Иволги кричат в широких кленах,
Их ничем до ночи не унять.
Любо мне от глаз твоих зеленых
Ос веселых отгонять.
На дороге бубенец зазвякал—
Памятен нам этот легкий звук.
Я спою тебе, чтоб ты не плакал,
Песенку о вечере разлук.
1913

***
161
СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ
1
Вновь Исакий в облаченьи
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпеньи
Конь Великого Петра.
Ветер душный и суровый
С черных труб сметает гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.
6—125

***

2
Сердце бьется ровно, мерно.
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.
Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,
И в руке твоей навеки
Нераскрытый веер мой.
Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес, –
Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий.
Вся любовь утолена.
Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера, –
Над Невою темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.
1913

***

О тебе вспоминаю я редко
И твоей не пленяюсь судьбой,
Но с души не стирается метка
Незначительной встречи с тобой.
Красный дом твой нарочно миную,
Красный дом твой над мутной рекой,
Но я знаю, что горько волную
Твой пронизанный солнцем покой.
Пусть не ты над моими устами
Наклонялся, моля о любви.
Пусть не ты золотыми стихами
Обессмертил томленья мои–
Я над будущим тайно колдую,
Если вечер совсем голубой,
И предчувствую встречу вторую,
Неизбежную встречу с тобой.
1913

***

Как страшно изменилось тело,
Как рот измученный поблёк!
Я смерти не такой хотела,
Не этот назначала срок.
Казалось мне, что туча с тучей
Сшибется где-то в вышине
И молнии огонь летучий
И голос радости могучей,
Как Ангелы, сойдут ко мне.
1913

***

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.
И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.

И непохожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.
А бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыханье,
И на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья.
1913
166
***

ГОСТЬ
Всё как раньше: в окна столовой
Бьется мелкий метельный снег,
И сама я не стала новой,
А ко мне приходил человек.
Я спросила: «Чего ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду».
Я смеялась: «Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду».
Но, поднявши руку сухую,
Он слегка потрогал цветы:
«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».
И глаза, глядевшие тускло,
Не сводил с моего кольца,
Ни один не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.
О, я знаю: его отрада –
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,
Что мне не в чем ему отказать.
1 января 1914

***
167
Александру Блоку
Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз
И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!
У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен;
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.
Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.
7 января 1914
168 I
***

Пустые белы святки.
Мети, метель, мети.
Пусть дороги гладки,–
Мне не к кому идти!
7-19 января} 1914

***

Углем наметил на левом боку
Место, куда стрелять,

Чтоб выпустить птицу—мою тоску
В пустынную ночь опять.
Милый! не дрогнет твоя рука,
И мне недолго терпеть.
Вылетит птица —моя тоска,
Сядет на ветку и станет петь.
Чтоб тот, кто спокоен в своем дому,
Раскрывши окно, сказал:
«Голос знакомый, а слов не пойму»,—
И опустил глаза.
31 января 1914
Петербург
1701
***

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня.
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня.
Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз,
А в груди моей уже не слышно
Трепетания стрекоз.
Ах! не трудно угадать мне вора,
Я его узнала по глазам.
Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернет свою добычу сам.
Январь 1914

***

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались
Была в Неве высокая вода,
И наводненья в городе боялись.
Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине —нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! —
Затем что воздух был совсем не наш,
А как подарок Божий —так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.
Январь 1914
172

***

РАЗЛУКА
Вечерний и наклонный
Передо мною путь.
Вчера еще, влюбленный,
Молил: «Не позабудь».
А нынче только ветры
Да крики пастухов,
Взволнованные кедры
У чистых родников.
Февраль 1914

***
173
Как ты можешь смотреть на Неву,
Как ты смеешь всходить на мосты?
Я недаром печальной слыву
С той поры, как привиделся ты.
Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд.
И малиновые костры,

Словно розы, в снегу цветут.
1914. Начало года
Петербург
174
***

ТАМАРЕ ПЛАТОНОВНЕ КАРСАВИНОЙ
Как песню, слагаешь ты легкий танец—
О славе он нам сказал,—
На бледных щеках розовеет румянец,
Темней и темней глаза.
И с каждой минутой все больше пленных,
Забывших свое бытие,
И клонится снова в звуках блаженных
Гибкое тело твое.
(26 марта) 1914
Том I. Стихотворения. 1914
Чернеет дорога приморского сада,
Желты и свежи фонари.
Я очень спокойная. Только не надо
Со мною о нем говорить.
Ты милый и верный, мы будем друзьями
Гулять, целоваться, стареть...
И легкие месяцы будут над нами,
Как снежные звезды, лететь.
(Март) 1914
176

***

Я любимого нигде не встретила:
Столько стран прошла напрасно.
И, вернувшись, я Отцу ответила:
«Да, Отец! —твоя земля прекрасна.
Нежило мне тело море синее,
Звонко, звонко пели птицы томные.
А в родной стране от ласки инея
Поседели сразу косы темные.
Там в глухих скитах монахи молятся
Длинными молитвами, искусными...
Знаю я: когда земля расколется,
Поглядишь ты вниз очами грустными.
Я завет твой, Господи, исполнила
И на зов твой радостно ответила,
На твоей земле я все запомнила
И любимого нигде не встретила».
(Март) 1914

***

177
«Где, высокая, твой цыганенок,
Тот, что плакал под черным платком,
Где твой маленький первый ребенок,
Что ты знаешь, что помнишь о нем?»
«Доля матери — светлая пытка,
Я достойна ее не была.
В белый рай растворилась калитка,
Магдалина сыночка взяла.
Каждый день мой —веселый, хороший,
Заблудилась я в длинной весне,
Только руки тоскуют по ноше,
Только плач его слышу во сне.
Станет сердце тревожным и томным,
И не помню тогда ничего,
Все брожу я по комнатам темным,
Все ищу колыбельку его».
11 апреля 1914

Петербург

***

Не убил, не проклял, не предал,
Только больше не смотрит в глаза.
И стыд свой темный поведал
В тихой комнате образам.
Весь согнулся, и голос глуше,
Белых рук движенья верней...
Ах! когда-нибудь он задушит,
Задушит меня во сне.
(26 апреля} 1914

***
17
9ОТВЕТ
Гр(афу) В. А. Комаровскому
Какие странные слова
Принес мне тихий день апреля.
Ты знал, во мне еще жива
Страстная страшная неделя.
Я не слыхала звонов тех,
Что плавали в лазури чистой.
Семь дней звучал то медный смех,
То плач струился серебристый.
А я, закрыв лицо мое,
Как перед вечною разлукой,
Лежала и ждала ее,
Еще не названную мукой.
Апрель 1914
Царское Село
180
***

Мне не надо счастья малого,
Мужа к милой провожу
И довольного, усталого,
Спать ребенка уложу.
Снова мне в прохладной горнице
Богородицу молить...
Трудно, трудно жить затворницей,
Да трудней веселой быть.
Только б сон приснился пламенный,
Как войду в нагорный храм,
Пятиглавый, белый, каменный,
По запомненным тропам.
Май 1914
Петербург

***

Не в лесу мы, довольно аукать, —
Я насмешек таких не люблю...
Что же ты не приходишь баюкать
Уязвленную совесть мою?
У тебя заботы другие,
У тебя другая жена...
И глядит мне в глаза сухие
Петербургская весна.
Трудным кашлем, вечерним жаром
Наградит по заслугам, убьет.
На Неве под млеющим паром
Начинается ледоход.
Весна 1914
Петербург
182
***

Сергею Судейхину
Спокоен ход простых суровых дней,
Покорно все приемлю превращенья.
В сокровищнице памяти моей
Твои слова, улыбки и движенья.
Весна 1914
Петербург

***
1183
УЕДИНЕНИЕ
Так много камней брошено в меня,
Что ни один из них уже не страшен,
И стройной башней стала западня,
Высокою среди высоких башен.
Строителей ее благодарю,
Пусть их забота и печаль минует.
Отсюда раньше вижу я зарю,
Здесь солнца луч последний торжествует.
И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей,
И голубь ест из рук моих пшеницу...
А не дописанную мной страницу, –
Божественно спокойна и легка,–
Допишет Музы смуглая рука.
6 июня 1914
Слспнево

***

Ты мог бы мне сниться и реже,
Ведь часто встречаемся мы,
Но грустен, взволнован и нежен
Ты только в святилище тьмы.
И слаще хвалы серафима
Мне губ твоих милая лесть...
О, там ты не путаешь имя
Мое. Не вздыхаешь, как здесь.
(29 июня) 1914

***
1185
ПОБЕГ
О. А. Кузьминой-Караваевой
«Нам бы только до взморья добраться,
Дорогая моя!» –«Молчи...»
И по лестнице стали спускаться,
Задыхаясь, искали ключи.
Мимо зданий, где мы когда-то
Танцевали, пили вино,
Мимо белых колонн Сената,
Туда, где темно, темно.
«Что ты делаешь, ты безумный!»
«Нет, я только тебя люблю!
Этот ветер – широкий и шумный,
Будет весело кораблю!»
Горло тесно ужасом сжато,
Нас в потемках принял челнок...
Крепкий запах морского каната
Задрожавшие ноздри обжег.
«Скажи, ты знаешь наверно:
Я не сплю? Так бывает во сне...»
Только весла плескались мерно
По тяжелой невской волне.

***

А черное небо светало,
Нас окликнул кто-то с моста,
Я руками обеими сжала
На груди цепочку креста.
Обессиленную, на руках ты,
Словно девочку, внес меня,
Чтоб на палубе белой яхты
Встретить свет нетленного дня.
Июнь 1914
Слепшво
Том I. Стихотворения. 1914
МОЕЙ СЕСТРЕ
Подошла я к сосновому лесу.
Жар велик, да и путь не короткий.
Отодвинул дверную завесу,
Вышел седенький, светлый и кроткий.
Поглядел на меня прозорливец
И промолвил: «Христова невеста!
Не завидуй удаче счастливиц,
Там тебе уготовано место.
Позабудь о родительском доме,
Уподобься небесному крину.
Будешь, хворая, спать на соломе
И блаженную примешь кончину».
Верно, слышал святитель из кельи,
Как я пела обратной дорогой
О моем несказанном весельи,
И дивяся, и радуясь много.
S июля 1914
Дарница
188 I
***

Лучше б мне частушки задорно выкликать,
А тебе на хриплой гармонике играть,
И, уйдя, обнявшись, на ночь за овсы,
Потерять бы ленту из тугой косы.
Лучше б мне ребеночка твоего качать,
А тебе полтинник в сутки выручать,
И ходить на кладбище в поминальный день
Да смотреть на белую Божию сирень.
* июля 1914
Дарница
Том I. Стихотворения. 1914 18
9Древний город словно вымер,
Странен мой приезд.
Над рекой своей Владимир
Поднял черный крест.
Липы шумные и вязы
По садам темны,
Звезд иглистые алмазы
К Богу взнесены.
Путь мой жертвенный и славный
Здесь окончу я.
И со мной лишь ты, мне равный,
Да любовь моя.
Я июля 1914
Киев

***

И в Киевском храме Премудрости Бога,
Припав к солее, я тебе поклялась,
Что будет моею твоя дорога,
Где бы она ни вилась.
То слышали ангелы золотые
И в белом гробу Ярослав.
Как голуби, вьются слова простые

И ныне у солнечных глав.
И если слабею, мне снится икона
И девять ступенек на ней.
И в голосе грозном софийского звона
Мне слышится голос тревоги твоей.
S июля 1914
1915(?У

***

Справа Днепр, а слева клены,
Высь небес тепла.
В день прохладный и зеленый
Я сюда пришла.
Без котомки, без ребенка,
Даже без клюки,
Был со мной лишь голос звонкий
Ласковой тоски.
Не спеша летали пчелки
По большим цветам,
И дивились богомолки
Синим куполам.
Я июля 1914(?}
Киев
1910-е годы
192

***

На Казанском или на Волковом
Время землю пришло покупать.
Ах! под небом северным шелковым
Так легко, так прохладно спать.
Новый мост еще не достроят,
Не вернется еще зима,
Как руки мои покроет
Парчовая бахрома.
Ничьего не вспугну веселья,
Никого к себе не зову.
Мне одной справлять новоселье
В свежевыкопанном рву.
8 июля 1914
Слепнет
Том I. Стихотворения. 1914
ЗАВЕЩАНИЕ
Моей наследницею полноправной будь,
Живи в моем дому, пой песнь, что я сложила.
Как медленно еще скудеет сила,
Как хочет воздуха замученная грудь.
Моих друзей любовь, врагов моих вражду,
И розы желтые в моем густом саду,
И нежность жгучую любовника—все это
Я отдаю тебе — предвестница рассвета.
И славу, то, зачем я родилась,
Зачем моя звезда, как некий вихрь, взвилась
И падает теперь. Смотри, ее паденье
Пророчит власть твою, любовь и вдохновенье.
Мое наследство щедрое храня,
Ты проживешь и долго, и достойно.
Все это будет так. Ты видишь, я спокойна.
Счастливой будь, но помни про меня.
(13 июля) 1914
Схепнево
7- 125
194
***

Н. В. ЩедобровоУ

Целый год ты со мной неразлучен,
А как прежде и весел и юн!
Неужели же ты не измучен
Смутной песней затравленных струн,–
Тех, что прежде, тугие, звенели,
А теперь только стонут слегка,
И моя их терзает без цели
Восковая, сухая рука...
Верно, мало для счастия надо
Тем, кто нежен и любит светло,
Что ни ревность, ни гнев, ни досада
Молодое не тронут чело.
Тихий, тихий, и ласки не просит,
Только долго глядит на меня
И с улыбкой блаженной выносит
Страшный бред моего забытья.
(13 июля) 1914
Сяепнево

***
195
Тяжела ты, любовная память!
Мне в дыму твоем петь и гореть,
А другим –это только пламя,
Чтоб остывшую душу греть.
Чтобы греть пресыщенное тело,
Им надобны слезы мои...
Для того ль я, Господи, пела,
Для того ль причастилась любви!
Дай мне выпить такой отравы,
Чтобы сделалась я немой,
И мою бесславную славу
Осиянным забвением смой.
июля 1914
Слепшво
196

***

Подошла. Я волненья не выдал,
Равнодушно глядя в окно.
Села, словно фарфоровый идол,
В позе, выбранной ею давно.
Быть веселой – привычное дело,
Быть внимательной – это трудней...
Или томная лень одолела
После мартовских пряных ночей?
Утомительный гул разговоров,
Желтой люстры безжизненный зной,
И мельканье искусных проборов
Над приподнятой легкой рукой.
Улыбнулся опять собеседник
И с надеждой глядит на нее...
Мой счастливый, богатый наследник,
Ты прочти завещанье мое.
19 июля 1914
Слепнево

***
1197
Я не любви твоей прошу.
Она теперь в надежном месте...
Поверь, что я твоей невесте
Ревнивых писем не пишу.
Но мудрые прими советы:
Дай ей читать мои стихи,
Дай ей хранить мои портреты –
Ведь так любезны женихи!

А этим дурочкам нужней
Сознанье полное победы,
Чем дружбы светлые беседы
И память первых нежных дней...
Когда же счастия гроши
Ты проживешь с подругой милой
И для пресыщенной души
Все станет сразу так постыло –
В мою торжественную ночь
Не приходи. Тебя не знаю.
И чем могла б тебе помочь?
От счастья я не исцеляю.
20 июля 1914
Слепнево

***

ИЮЛЬ 1914
I
Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.
Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:
«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затменья небесных светил.
Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».
11 июля –20 июля 1914

***
1
99п
Можжевельника запах сладкий
От горящих лесов летит.
Над ребятами стонут солдатки,
Вдовий плач по деревне звенит.
Не напрасно молебны служились,
О дожде тосковала земля:
Красной влагой тепло окропились
Затоптанные поля.
Низко, низко небо пустое,
И голос молящего тих:
«Ранят тело твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах твоих».
20 июля 1914
Слепневв

***

БЕЛЫЙ ДОМ
Морозное солнце. С парада
Идут и идут войска.
Я полдню январскому рада,
И тревога моя легка.
Здесь помню каждую ветку
И каждый силуэт.
Сквозь инея белую сетку
Малиновый каплет свет.
Здесь дом был почти что белый,
Стеклянное крыльцо.

Столько раз рукой помертвелой
Я держала звонок-кольцо.
Столько раз... Играйте, солдаты,
А я мой дом отыщу,
Узнаю по крыше покатой,
По вечному плющу.
Том I. Стихотворения. 1914 201
Но кто его отодвинул,
В чужие унес города
Или из памяти вынул
Навсегда дорогу туда...
Волынки вдали замирают,
Снег летит, как вишневый цвет...
И, видно, никто не знает,
Что белого дома нет.
Июль 1914
Слепней о
202

***

Вижу, вижу лунный лук
Сквозь листву густых ракит,
Слышу, слышу ровный стук
Неподкованных копыт.
Что? И ты не хочешь спать,
В год не мог меня забыть,
Не привык свою кровать
Ты пустою находить?
Не с тобой ли говорю
В остром крике хищных птиц,
Не в твои ль глаза смотрю
С белых, матовых страниц?
Что же кружишь, словно вор,
У затихшего жилья?
Или помнишь уговор
И живую ждешь меня?
Засыпаю. В душный мрак
Месяц бросил лезвие.
Снова стук. То бьется так
Сердце теплое мое.
Июль 1914
Слепшво

***
203
Бесшумно ходили по дому,
Не ждали уже ничего.
Меня привели к больному,
И я не узнала его.
Он сказал: «Теперь слава Богу», —
И еще задумчивей стал.
«Давно мне пора в дорогу,
Я только тебя поджидал.
Так меня ты в бреду тревожишь,
Все слова твои берегу.
Скажи: ты простить не можешь?»
И я сказала: «Могу».
Казалось, стены сияли
От пола до потолка.
На шелковом одеяле
Сухая лежала рука.
А закинутый профиль хищный
Стал так страшно тяжел и груб,
И было дыханья не слышно
У искусанных темных губ.

***

Но вдруг последняя сила
В синих глазах ожила:
«Хорошо, что ты отпустила,
Не всегда ты доброй была».
И стало лицо моложе,
Я опять узнала его
И сказала: «Господи Боже,
Прими раба Твоего».
Июль 1914
Слетиво

***
205
Был блаженной моей колыбелью
Темный город у грозной реки
И торжественной брачной постелью,
Над которой держали венки
Молодые твои серафимы, –
Город, горькой любовью любимый.
Солеёю молений моих
Был ты, строгий, спокойный, туманный.
Там впервые предстал мне жених,
Указавши мой путь осиянный,
И печальная Муза моя,
Как слепую, водила меня.
Июль 1914
Слепнево
206

***

Пустых небес прозрачное стекло,
Большой тюрьмы белесое строенье
И хода крестного торжественное пенье
Над Волховом, синеющим светло.
Сентябрьский вихрь, листы с березы свеяв,
Кричит и мечется среди ветвей,
А город помнит о судьбе своей:
Здесь Марфа правила и правил Аракчеев.
Сентябрь 1914
Новгород
Том I. Стихотворения. 1914 1207
Божий Ангел, зимним утром
Тайно обручивший нас,
С нашей жизни беспечальной
Глаз не сводит потемневших.
Оттого мы любим небо,
Тонкий воздух, свежий ветер
И чернеющие ветки
За оградою чугунной.
Оттого мы любим строгий,
Многоводный, темный город,
И разлуки наши любим,
И часы недолгих встреч.
Сентябрь 1914
Петербург
208 I
***

УТЕШЕНИЕ
Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою.
Н. Гумилев
Вестей от него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
В объятой пожарами, скорбной Польше
Не найдешь могилы его.

Пусть дух твой станет тих и покоен,
Уже не будет потерь:
Он Божьего воинства новый воин,
О нем не грусти теперь.
И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику своему.
Сентябрь 1914
Царское Село

***
120
9Был он ревнивым, тревожным и нежным,
Как Божие солнце, меня любил,
А чтобы она не запела о прежнем,
Он белую птицу мою убил.
Промолвил, войдя на закате в светлицу:
«Люби меня, смейся, пиши стихи!»
И я закопала веселую птицу
За круглым колодцем у старой ольхи.
Ему обещала, что плакать не буду,
Но каменным сделалось сердце мое,
И кажется мне, что всегда и повсюду
Услышу я сладостный голос ее.
Осень 1914

***

Цветы, холодные от рос
И близкой осени дыханья,
Я рву для пышных, жарких кос,
Еще не знавших увяданья.
В их ночи душно-смоляной,
Повитой сладостною тайной,
Они надышатся весной
Ее красы необычайной.
Но в вихре звуков и огней
С главы сияющей, порхая,
Они падут—и перед ней
Умрут, едва благоухая.
И, движим верною тоской,
Их усладит мой взор покорный,—
Благоговеющей рукой
Сберет любовь их прах тлетворный.
(Декабрь) 1914
Том I. Стихотворения. 1914
Вечерний звон у стен монастыря,
Как некий благовест самой природы...
И бледный лик в померкнувшие воды
Склоняет сизокрылая заря.
Над дальним лугом белые челны
Нездешние сопровождают тени...
Час горьких дум, о, час разуверений
При свете возникающей луны!
(Декабрь) 1914
212

***

Земная слава как дым,
Не этого я просила.
Любовникам всем моим
Я счастие приносила.
Один и сейчас живой,
В свою подругу влюбленный,
И бронзовым стал другой
На площади оснеженной.

Зима 1914 (декабрь)

***

За то, что я грех прославляла,
Отступника жадно хваля,
Я с неба ночного упала
На эти сухие поля.
И встала. И к дому чужому
Пошла, притворилась своей,
И терпкую злую истому
Принесла с июльских полей.
И матерью стала ребенку,
Женою тому, кто пел.
Но гневно и хрипло вдогонку
Мне горний ветер свистел.
1914
214

***

Кому-то желтый гроб несут,
Счастливый кто-то будет с Богом,
А я забочусь о немногом,
И тесен мой земной приют.
1914

***
1215
Отлетела от меня удача,
Поглядела взглядом ястребиным
На лицо, померкшее от плача,
И на рану, ставшую рубином
На груди моей.
1914
216

***

...это тот, кто сам мне подал цитру
В тихий час земных чудес,
Это тот, кто на твою палитру
Бросил радугу с небес.
1914 ?)

***

Ал. Блоку
Ты первый, ставший у источника
С улыбкой мертвой и сухой.
Как нас измучил взор пустой,
Твой взор тяжелый — полуношника.
Но годы страшные пройдут,
Ты скоро снова будешь молод,
И сохраним мы тайный холод
Тебе отсчитанных минут.
1914?
1950-60-е годы

***

I
Покинув рощи родины священной
И дом, где Муза Плача изнывала,
Я, тихая, веселая, жила
На низком острове, который, словно плот,
Остановился в пышной невской дельте.
О, зимние таинственные дни,

И милый труд, и легкая усталость,
И розы в умывальном кувшине!
Был переулок снежным и недлинным.
И против двери к нам стеной алтарной
Воздвигнут храм Святой Екатерины.
Как рано я из дома выходила,
И часто по нетронутому снегу
Свои следы вчерашние напрасно
На бледной, чистой пелене ища,
И вдоль реки, где шхуны, как голубки,
Друг к другу нежно, нежно прижимаясь,
О сером взморье до весны тоскуют, –
Я подходила к старому мосту.
Там комната, похожая на клетку,
Под самой крышей в грязном, шумном доме,
Где он, как чиж, свистал перед мольбертом
И жаловался весело, и грустно
О радости небывшей говорил.

***

1914-(Март) 1915
Как в зеркало, глядела я тревожно
На серый холст, и с каждою неделей
Все горше и страннее было сходство
Мое с моим изображеньем новым.
Теперь не знаю, где художник милый,
С которым я из голубой мансарды
Через окно на крышу выходила
И по карнизу шла над смертной бездной,
Чтоб видеть снег, Неву и облака,–
Но чувствую, что Музы наши дружны
Беспечной и пленительною дружбой,
Как девушки, не знавшие любви.

***

II
Смеркается, и в небе темно-синем,
Где так недавно храм Ерусалимский
Таинственным сиял великолепьем,
Лишь две звезды над путаницей веток,
И снег летит откуда-то не сверху,
А словно подымается с земли,
Ленивый, ласковый и осторожный.
Мне странною в тот день была прогулка.
Когда я вышла, ослепил меня
Прозрачный отблеск на вещах и лицах,
Как будто всюду лепестки лежали
Тех желто-розовых некрупных роз,
Название которых я забыла.
Безветренный, сухой, морозный воздух
Так каждый звук лелеял и хранил,
Что мнилось мне: молчанья не бывает.
И на мосту, сквозь ржавые перила
Просовывая руки в рукавичках,
Кормили дети пестрых жадных уток,
Что кувыркались в проруби чернильной.
И я подумала: не может быть,
Чтоб я когда-нибудь забыла это.

***

И если трудный путь мне предстоит,
Вот легкий груз, который мне под силу
С собою взять, чтоб в старости, в болезни,
Быть может, в нищете–припоминать
Закат неистовый, и полноту

Душевных сил, и прелесть милой жизни.
1914-1916
(Июнь) 1940
222

***

Под крышей промерзшей пустого жилья
Я мертвенных дней не считаю,
Читаю посланья Апостолов я,
Слова Псалмопевца читаю.
Но звезды синеют, но иней пушист,
И каждая встреча чудесней,—
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней...
Январь 1915
Царское Село

***
223
МИЛОМУ
Голубя ко мне не присылай,
Писем беспокойных не пиши,
Ветром мартовским в лицо не вей.
Я вошла вчера в зеленый рай,
Где покой для тела и души
Под шатром тенистых тополей.
И отсюда вижу городок,
Будки и казармы у дворца,
Надо льдом китайский желтый мост.
Третий час меня ты ждешь — продрог,
А уйти не можешь от крыльца
И дивишься, сколько новых звезд.
Серой белкой прыгну на ольху,
Ласочкой пугливой пробегу,
Лебедью тебя я стану звать,
Чтоб не страшно было жениху
В голубом кружащемся снегу
Мертвую невесту поджидать.
27 февраля 1915
Царское Село
224

***

Так раненого журавля
Зовут другие: курлы, курлы!
Когда осенние поля
И рыхлы, и теплы...
И я, больная, слышу зов,
Шум крыльев золотых
Из плотных низких облаков
И зарослей густых:
«Пора лететь, пора лететь
Над полем и рекой,
Ведь ты уже не можешь петь
И слезы со щеки стереть
Ослабнувшей рукой».
Февраль 1915
Царское Село

***
225
сон
Я знала, я снюсь тебе,
Оттого не могла заснуть.
Мутный фонарь голубел
И мне указывал путь.

Ты видел царицын сад,
Затейливый белый дворец
И черный узор оград
У каменных гулких крылец.
Ты шел, не зная пути,
И думал: «Скорей, скорей,
О, только б ее найти,
Не проснуться до встречи с ней».
А сторож у красных ворот
Окликнул тебя: «Куда!»
Хрустел и ломался лед,
Под ногами чернела вода.
«Это озеро, – думал ты, –
На озере есть островок...»
И вдруг из темноты
Поглядел голубой огонек.
В жестком свете скудного дня
Проснувшись, ты застонал
И в первый раз меня
По имени громко назвал.
15 марта 1915
Царское Село
8-125
226

***

Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем, что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.
17 марта 1915
Царское Село

***
227
Из памяти твоей я выну этот день,
Чтоб спрашивал твой взор беспомощно-
туманный:
Где видел я персидскую сирень,
И ласточек, и домик деревянный?
О, как ты часто будешь вспоминать
Внезапную тоску неназванных желаний
И в городах задумчивых искать
Ту улицу, которой нет на плане!
При виде каждого случайного письма,
При звуке голоса за приоткрытой дверью
Ты будешь думать: «Вот она сама
Пришла на помощь моему неверью».
4 апреля 1915
Петербург
228

***

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так что сделался каждый день
Поминальным днем,–
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.
12 апреля 1915
Петербург, Троицкий мост

***
22
9Н. В. Н(еьобровоУ
Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти,–
Пусть в жуткой тишине сливаются уста,
И сердце рвется от любви на части.
И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.
Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достигшие—поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.
2 мая 1915
Петербург
230

***

Выбрала сама я долю
Другу сердца моего:
Отпустила я на волю
В Благовещенье его.
Да вернулся голубь сизый,
Бьется крыльями в стекло.
Как от блеска дивной ризы,
Стало в горнице светло.
4 мая 1915
Петербург

***
1231
МОЛИТВА
Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.
11 мая 1915 (Духов день)
Петербург. Троицкий мост
232 I
***

Долго шел через поля и села,
Шел и спрашивал людей:
«Где она, где свет веселый
Серых звезд – ее очей?
Ведь настали, тускло пламенея,
Дни последние весны.
Все мне чаще снится, все нежнее
Мне о ней бывают сны!»
И пришел в наш град угрюмый
В предвечерний тихий час,
О Венеции подумал
И о Лондоне зараз.
Стал у церкви темной и высокой
На гранит блестящих ступеней
И молил о наступленьи срока
Встречи с первой радостью своей.
А над смуглым золотом престола
Разгорался Божий сад лучей:
«Здесь она, здесь свет веселый

Серых звезд –ее очей».
Май 1915
Петербург

***
233
Буду тихо на погосте
Под доской дубовой спать,
Будешь, милый, к маме в гости
В воскресенье прибегать –
Через речку и по горке,
Так что взрослым не догнать,
Издалека, мальчик зоркий,
Будешь крест мой узнавать.
Знаю, милый, можешь мало
Обо мне припоминать:
Не бранила, не ласкала,
Не водила причащать.
Май 1915
Петербург
234
***

Н. Г. Чулковой
Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.
Весна 1915
Царское Село

***
1235
Широк и желт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.
Ты опоздал на много лет,
Но все-таки тебе я рада.
Сюда ко мне поближе сядь,
Гляди веселыми глазами:
Вот эта синяя тетрадь –
С моими детскими стихами.
Прости, что я жила скорбя
И солнцу радовалась мало.
Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.
Вест 1915
Царское Сем
236

***

Будем вместе, милый, вместе,
Знают все, что мы родные,
А лукавые насмешки,
Как бубенчик отдаленный,
И обидеть нас не могут,
И не могут огорчить.
Где венчались мы –не помним,
Но сверкала эта церковь
Тем неистовым сияньем,
Что лишь ангелы умеют
В белых крыльях приносить.
А теперь пора такая,
Страшный год и страшный город.

Как же можно разлучиться
Мне с тобой, тебе со мной?
Весна 1915
Петербург

***
237
Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу—зренье
Или актеру —голос и движенье,
А женщине прекрасной—красоту?
Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены —и это знаем сами —
Мы расточать, а не копить.
Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное глумленье
И равнодушие толпы.
23 июня 1915
Слепнево
238

***

Ведь где-то есть простая жизнь и свет,
Прозрачный, теплый и веселый...
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед.
А мы живем торжественно и трудно
И чтим обряды наших горьких встреч,
Когда с налету ветер безрассудный
Чуть начатую обрывает речь, —
Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные, мрачные сады
И голос Музы еле слышный.
23 июня 1915
Слепнево

***
23
9Нет, царевич, я не та,
Кем меня ты видеть хочешь,
И давно мои уста
Не целуют, а пророчат.
Не подумай, что в бреду
И замучена тоскою
Громко кличу я беду:
Ремесло мое такое.
А умею научить,
Чтоб нежданное случилось,
Как навеки приручить
Ту, что мельком полюбилась.
Славы хочешь? —у меня
Попроси тогда совета,
Только это—западня,
Где ни радости, ни света.
Ну, теперь иди домой
Да забудь про нашу встречу,
А за грех твой, милый мой,
Я пред Господом отвечу.
10 июля 1915
Слепнево
240 I
***

Не хулил меня, не славил,
Как друзья и как враги.
Только душу мне оставил
И сказал: побереги.
И одно меня тревожит:
Если он теперь умрет,
Ведь ко мне Архангел Божий
За душой его придет.
Как тогда ее я спрячу,
Как от Бога утаю?
Та, что так поет и плачет,
Быть должна в Его раю.
12 июля 1915
Слепнево

***
1241
Зачем притворяешься ты
То ветром, то камнем, то птицей?
Зачем улыбаешься ты
Мне с неба внезапной зарницей?
Не мучь меня больше, не тронь!
Пусти меня к вещим заботам...
Шатается пьяный огонь
По высохшим серым болотам.
И Муза в дырявом платке
Протяжно поет и уныло.
В жестокой и юной тоске
Ее чудотворная сила.
Июль 1915
Слепнево
242

***

Столько раз я проклинала
Это небо, эту землю,
Этой мельницы замшелой
Тяжко машущие руки!
А во флигеле покойник,
Прям и сед, лежит на лавке,
Как тому назад три года.
Так же мыши книги точат,
Так же влево пламя клонит
Стеариновая свечка.
И поет, поет постылый
Бубенец нижегородский
Незатейливую песню
О моем веселье горьком.
А раскрашенные ярко
Прямо стали георгины
Вдоль серебряной дорожки,
Где улитки и полынь.
Так случилось: заточенье
Стало родиной второю,
А о первой я не смею
И в молитве вспоминать.
Июль 1915
Слепнево

***
243
Я не знаю, ты жив или умер,—
На земле тебя можно искать
Или только в вечерней думе
По усопшем светло горевать.
Все тебе: и молитва дневная,

И бессонницы млеющий жар,
И стихов моих белая стая,
И очей моих синий пожар.
Мне никто сокровенней не был,
Так меня никто не томил,
Даже тот, кто на муку предал,
Даже тот, кто ласкал и забыл.
Июль 1915
Слепнево
244

***

Господь немилостив к жнецам и садоводам.
Звеня, косые падают дожди
И, прежде небо отражавшим, водам
Пестрят широкие плащи.
В подводном царстве и луга, и нивы,
А струи вольные поют, поют,
На взбухших ветках лопаются сливы,
И травы легшие гниют.
И сквозь густую водяную сетку
Я вижу милое твое лицо,
Притихший парк, китайскую беседку
И дома круглое крыльцо.
Лето 1915
Царское Село

***
245
Н. В. Н^еырово}
Как невеста, получаю
Каждый вечер по письму,
Поздно ночью отвечаю
Другу моему:
«Я гощу у смерти белой
По дороге в тьму.
Зла, мой ласковый, не делай
В мире никому».
И стоит звезда большая
Между двух стволов,
Так спокойно обещая
Исполненье снов.
Октябрь 1915
Хювинккя
246

***

Н. В. Н(едоброво}
Все мне видится Павловск холмистый,
Круглый луг, неживая вода,
Самый томный и самый тенистый,
Ведь его не забыть никогда.
Как в ворота чугунные въедешь,
Тронет тело блаженная дрожь,
Не живешь, а ликуешь и бредишь
Иль совсем по-иному живешь.
Поздней осенью свежий и колкий
Бродит ветер, безлюдию рад.
В белом инее черные елки
На подтаявшем снеге стоят.
И, исполненный жгучего бреда,
Милый голос, как песня, звучит,
И на медном плече Кифареда
Красногрудая птичка сидит.
Осень 1915
Царское Село

***
247
Муза ушла по дороге,
Осенней, узкой, крутой,
И были смуглые ноги
Обрызганы крупной росой.
Я долго ее просила
Зимы со мной подождать,
Но сказала: «Ведь здесь могила,
Как ты можешь еще дышать?»
Я голубку ей дать хотела,
Ту, что всех в голубятне белей,
Но птица сама полетела
За стройной гостьей моей.
Я, глядя ей вслед, молчала,
Я любила ее одну,
А в небе заря стояла,
Как ворота в ее страну.
15 декабря 1915
Царское Селе
248

***

Тот август, как желтое пламя,
Пробившееся сквозь дым,
Тот август поднялся над нами,
Как огненный серафим.
И в город печали и гнева
Из тихой Корельской земли
Мы двое —воин и дева —
Студеным утром вошли.
Что сталось с нашей столицей,
Кто солнце на землю низвел?
Казался летящей птицей
На штандарте черный орел.
На дикий лагерь похожим
Стал город пышных смотров,
Слепило глаза прохожим
Сверканье пик и штыков.
И серые пушки гремели
На Троицком гулком мосту,
А липы еще зеленели
В таинственном Летнем саду.
.—.——
***
24
9И брат мне сказал: «Настали
Для меня великие дни.
Теперь ты наши печали
И радость одна храни».
Как будто ключи оставил
Хозяйке усадьбы своей,
А ветер восточный славил
Ковыли приволжских степей.
(20 декабря} 1915

***

«Горят твои ладони,
В ушах пасхальный звон,
Ты, как святой Антоний,
Виденьем искушен».
«Зачем во дни святые
Ворвался день один,
Как волосы густые
Безумных Магдалин».

«Так любят только дети,
И то лишь первый раз».
— «Сильней всего на свете
Лучи спокойных глаз».
«То дьявольские сети,
Нечистая тоска».
— «Белей всего на свете
Была ее рука».
1915
Царское Село
Том I. Стихотворения. 1915
КОЛЫБЕЛЬНАЯ
Далеко в лесу огромном,
Возле синих рек,
Жил с детьми в избушке темной
Бедный дровосек.
Младший сын был ростом с пальчик,—
Как тебя унять,
Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,
Я дурная мать.
Долетают редко вести
К нашему крыльцу,
Подарили белый крестик
Твоему отцу.
Было горе, будет горе,
Горю нет конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца.
1915
Царское Село
252 1
***

Будешь жить, не зная лиха,
Править и судить,
Со своей подругой тихой
Сыновей растить.
И во всем тебе удача,
Ото всех почет,
Ты не знай, что я от плача
Дням теряю счет.
Много нас таких бездомных,
Сила наша в том,
Что для нас, слепых и темных,
Светел Божий дом,
И для нас, склоненных долу,
Алтари горят,
Наши к Божьему престолу
Голоса летят.
1915

***

Не тайны и не печали,
Не мудрой воли судьбы —
Эти встречи всегда оставляли
Впечатление борьбы.
Я, с утра угадав минуту,
Когда ты ко мне войдешь,
Ощущала в руках согнутых
Слабо колющую дрожь.
И сухими пальцами мяла
Пеструю скатерть стола...
Я тогда уже понимала,
Как эта земля мала.
1915

***

Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом,
Ни даже предчувствием тайным моим.
Зачем же в ночи перед темным порогом
Ты медлишь, как будто счастьем томим?
Не выйду, не крикну: «О, будь единым,
До смертного часа будь со мной!»
Я только голосом лебединым
Говорю с неправедною луной.
1915

***
1255
Словно ангел, возмутивший воду,
Ты взглянул тогда в мое лицо,
Возвратил и силу и свободу,
А на память чуда взял кольцо.
Мой румянец жаркий и недужный
Стерла богомольная печаль.
Памятным мне будет месяц вьюжный,
Северный встревоженный февраль.
Февраль 1916
Царское Село
256

***

Я окошка не завесила,
Прямо в горницу гляди.
Оттого мне нынче весело,
Что не можешь ты уйти.
Называй же беззаконницей,
Надо мной глумись со зла:
Я была твоей бессонницей,
Я тоской твоей была.
5 марта 1916

***
1257
ПЕСЕНКА
Бывало, я с утра молчу
О том, что сон мне пел.
Румяной розе и лучу
И мне —один удел.
С покатых гор ползут снега,
А я белей, чем снег,
Но сладко снятся берега
Разливных мутных рек.
Еловой рощи свежий шум
Покойнее рассветных дум.
5 марта 1916
9—125
258

***

Я знаю, ты моя награда
За годы боли и труда,
За то, что я земным отрадам
Не предавалась никогда,
За то, что я не говорила
Возлюбленному: «Ты любим»,
За то, что всем я все простила.
Ты будешь Ангелом моим.
28 апреля 1916
Царское Село
Том I. Стихотворения. 1916 125
9Первый луч — благословенье Бога —

По лицу любимому скользнул,
И дремавший побледнел немного,
Но еще покойнее уснул.
Верно, поцелуем показалась
Теплота небесного луча...
Так давно губами я касалась
Милых губ и смуглого плеча...
А теперь, усопших бестелесней,
В неутешном странствии моем,
Я к нему влетаю только песней
И ласкаюсь утренним лучом.
14 мая 1916
Схепнево
260

***

Эта встреча никем не воспета,
И без песен печаль улеглась.
Наступило прохладное лето,
Словно новая жизнь началась.
Сводом каменным кажется небо,
Уязвленное желтым огнем,
И нужнее насущного хлеба
Мне единое слово о нем.
Ты, росой окропляющий травы,
Вестью душу мою оживи, —
Не для страсти, не для забавы,
Для великой земной любви.
17 мая 1916
Слепнево
Том I. Стихотворения. 1916
261
МАЙСКИЙ СНЕГ
Пс. 6, ст. 7.
Прозрачная ложится пелена
На свежий дерн и незаметно тает.
Жестокая, студеная весна
Налившиеся почки убивает.
И ранней смерти так ужасен вид,
Что не могу на Божий мир глядеть я.
Во мне печаль, которой царь Давид
По-царски одарил тысячелетья.
18 мая 1916
Слепнево
262

***

Бессмертник сух и розов. Облака
На свежем небе вылеплены грубо.
Единственного в этом парке дуба
Листва еще бесцветна и тонка.
Лучи зари до полночи горят.
Как хорошо в моем затворе тесном!
О самом нежном, о всегда чудесном
Со мною Божьи птицы говорят.
Я счастлива. Но мне всего милей
Лесная и пологая дорога,
Убогий мост, скривившийся немного,
И то, что ждать осталось мало дней.
20 мая 1916
Схепнево

***
263
М. Лозинскому
Они летят, они еще в дороге,

Слова освобожденья и любви,
А я уже в предпесенной тревоге,
И холоднее льда уста мои.
Но скоро там, где дикие березы,
Прильнувши к окнам, сухо шелестят,—
Венцом червонным заплетутся розы
И голоса незримых прозвучат.
А дальше—свет невыносимо щедрый,
Как красное горячее вино...
Уже душистым, раскаленным ветром
Сознание мое опалено.
22 мая 1916
Слепнево
264
***

ПЕСНЯ О ПЕСНЕ
Она сначала обожжет,
Как ветерок студеный,
А после в сердце упадет
Одной слезой соленой.
И злому сердцу станет жаль
Чего-то. Грустно будет.
Но эту легкую печаль
Оно не позабудет.
Я только сею. Собирать
Придут другие. Что же!
И жниц ликующую рать
Благослови, о Боже!
А чтоб Тебя благодарить
Я смела совершенней,
Позволь мне миру подарить
То, что любви нетленней.
23 мая 1916
Слепнево

***
265
Небо мелкий дождик сеет
На запветшую сирень.
За окном крылами веет
Белый, белый Духов день.
Нынче другу возвратиться
Из-за моря—крайний срок.
Все мне дальний берег снится,
Камни, башни и песок.
На одну из этих башен
Я взойду, встречая свет...
Да в стране болот и пашен
И в помине башен нет.
Только сяду на пороге,
Там еще густая тень.
Помоги моей тревоге,
Белый, белый Духов день!
30 мая 1916. Духов день
Слепнево
266

***

Как люблю, как любила глядеть я
На закованные берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала ничья нога.
И воистину ты — столица
Для безумных и светлых нас;
Но когда над Невою длится
Тот особенный, чистый час

И проносится ветер майский
Мимо всех надводных колонн,
Ты –как грешник, видящий райский
Перед смертью сладчайший сон...
Весна ? 1916

***
267
Б. Л(нрепу}
Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье.
Я не могу и не хочу бороться:
Оно–веселье и оно –страданье.
Мне кажется, что тот, кто близко взглянет
В мои глаза, его увидит сразу.
Печальней и задумчивее станет
Внимающего скорбному рассказу.
Я ведаю, что боги превращали
Людей в предметы, не убив сознанья,
Чтоб вечно жили дивные печали.
Ты превращен в мое воспоминанье.
5 июня 1916
Слепнево
268

***

А! это снова ты. Не отроком влюбленным,
Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным
Ты в этот дом вошел и на меня глядишь.
Страшна моей душе предгрозовая тишь.
Ты спрашиваешь, что я сделала с тобою,
Врученным мне навек любовью и судьбою.
Я предала тебя. И это повторять–
О, если бы ты мог когда-нибудь устать!
Так мертвый говорит, убийцы сон тревожа,
Так Ангел смерти ждет у рокового ложа.
Прости меня теперь. Учил прощать Господь.
В недуге горестном моя томится плоть,
А вольный дух уже почиет безмятежно.
Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный,
И крики журавлей, и черные поля...
О, как была с тобой мне сладостна земля!
11 июля 1916
Слепнево

***
26
9ПАМЯТИ 19 ИЮЛЯ 1914
Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.
Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня...
Закрыв лицо, я умоляла Бога
До первой битвы умертвить меня.
Из памяти, как груз отныне лишний,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей – опустевшей – приказал Всевышний
Стать страшной книгой грозовых вестей.
18 июля 1916
Слепнево
270

***

Когда в мрачнейшей из столиц

Рукою твердой, но усталой
На чистой белизне страниц
Я отречение писала,
И ветер в круглое окно
Вливался влажною струею,–
Казалось, небо сожжено
Червонно-дьгмною зарею.
Я не взглянула на Неву,
На озаренные граниты,
И мне казалось – наяву
Тебя увижу, незабытый...
Но неожиданная ночь
Покрыла город предосенний,
Чтоб бегству моему помочь,
Расплылись пепельные тени.
Я только крест с собой взяла,
Тобою данный в день измены, –
Чтоб степь полынная цвела,
А ветры пели, как сирены.
И вот он на пустой стене
Хранит меня от горьких бредней,
И ничего не страшно мне
Припомнить, –даже день последний.
Август 1916
Песочная бухта

***
271
Буду черные грядки холить,
Ключевой водой поливать;
Полевые цветы на воле,
Их не надо трогать и рвать.
Пусть их больше, чем звезд зажженных
В сентябрьских небесах –
Для детей, для бродяг, для влюбленных
Вырастают цветы на полях.
А мои – для святой Софии
В тот единственный светлый день,
Когда возгласы литургии
Возлетят под дивную сень.
И, как волны приносят на сушу
То, что сами на смерть обрекли,
Принесу покаянную душу
И цветы из Русской земли.
Лето 1916
Слепнево
272

***

Почернел, искривился бревенчатый мост,
И стоят лопухи в человеческий рост,
И крапивы дремучей поют леса,
Что по ним не пройдет, не блеснет коса.
Вечерами над озером слышен вздох,
И по стенам расползся корявый мох.
Я встречала там
Двадцать первый год.
Сладок был устам
Черный душный мед.
Сучья рвали мне
Платья белый шелк,
На кривой сосне
Соловей не молк.
На условный крик
Выйдет из норы,
Словно леший дик,
А нежней сестры.

На гору бегом,
Через речку вплавь,
Да зато потом
Не скажу: оставь.
Лете 1916
Том I. Стихотворения. 1916 1273
Все отнято: и сила, и любовь.
В немилый город брошенное тело
Не радо солнцу. Чувствую, что кровь
Во мне уже совсем похолодела.
Веселой Музы нрав не узнаю:
Она глядит и слова не проронит,
А голову в веночке темном клонит,
Изнеможенная, на грудь мою.
И только совесть с каждым днем страшней
Беснуется: великой хочет дани.
Закрыв лицо, я отвечала ей...
Но больше нет ни слез, ни оправданий.
24 октября 1916
Севастополь
274

***

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ
Н. В. Щедоброво)
Уже кленовые листы
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины,
И ослепительно стройна,
Поджав незябнувшие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.
Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.
И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.
Октябрь 1916
Севастополь

***
275
Вновь подарен мне дремотой
Наш последний звездный рай –
Город чистых водометов,
Золотой Бахчисарай.
Там, за пестрою оградой,
У задумчивой воды,
Вспоминали мы с отрадой
Царскосельские сады.
И орла Екатерины
Вдруг узнали –это тот!
Он слетел на дно долины
С пышных бронзовых ворот.
Чтобы песнь прощальной боли
Дольше в памяти жила,
Осень смуглая в подоле
Красных листьев принесла
И посыпала ступени,
Где прощалась я с тобой
И откуда в царство тени
Ты ушел, утешный мой.
Октябрь 1916

Севастополь
276

***

Все обещало мне его:
Край неба, тусклый и червонный,
И милый сон под Рождество,
И Пасхи ветер многозвенный,
И прутья красные лозы,
И парковые водопады,
И две большие стрекозы
На ржавом чугуне ограды.
И я не верить не могла,
Что будет дружен он со мною,
Когда по горным склонам шла
Горячей каменной тропою.
Октябрь 1916
Севастополь

***
277
Приду туда, и отлетит томленье.
Мне ранние приятны холода.
Таинственные, темные селенья –
Хранилища молитвы и труда.
Спокойной и уверенной любови
Не превозмочь мне к этой стороне:
Ведь капелька новогородской крови
Во мне –как льдинка в пенистом вине.
И этого никак нельзя поправить,
Не растопил ее великий зной,
И что бы я ни начинала славить–
Ты, тихая, сияешь предо мной.
16 ноября 1916
Севастополь
278

***

Ни в лодке, ни в телеге
Нельзя попасть сюда.
Стоит на гиблом снеге
Глубокая вода;
Усадьбу осаждает
Уже со всех сторон...
Ах! близко изнывает
Такой же Робинзон.
Пойдет взглянуть на сани,
На лыжи, на коня,
А после на диване
Сидит и ждет меня,
И шпорою короткой
Рвет коврик пополам.
Теперь улыбки кроткой
Не видеть зеркалам.
Ноябрь 1916
Севастополь

***
27
9Юнии Анреп
Судьба ли так моя переменилась,
Иль вправду кончена игра?
Где зимы те, когда я спать ложилась
В шестом часу утра?
По-новому, спокойно и сурово,
Живу на диком берегу.

Ни праздного, ни ласкового слова
Уже промолвить не могу.
Не верится, что скоро будут Святки.
Степь трогательно зелена.
Сияет солнце. Лижет берег гладкий
Как будто теплая волна.
Когда от счастья томной и усталой
Бывала я, то о такой тиши
С невыразимым трепетом мечтала
И вот таким себе я представляла
Посмертное блуждание души.
15 декабря 1916
Бельбек, Севастополь
280 I
***

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал—истратил слишком много.
Неистощима только синева
Небесная и милосердье Бога.
1916. Конец года
Севастополь

***
281
По неделе ни слова ни с кем не скажу,
Все на камне у моря сижу,
И мне любо, что брызги зеленой волны,
Словно слезы мои, солоны.
Были весны и зимы, да что-то одна
Мне запомнилась только весна.
Стали ночи теплее, подтаивал снег,
Вышла я поглядеть на луну,
И спросил меня тихо чужой человек,
Между сосенок встретив одну:
«Ты не та ли, кого я повсюду ищу,
О которой с младенческих лет,
Как о милой сестре, веселюсь и грущу?»
Я чужому ответила: «Нет!»
А как свет поднебесный его озарил,
Я дала ему руки мои,
И он перстень таинственный мне подарил,
Чтоб меня уберечь от любви.
И назвал мне четыре приметы страны,
Где мы встретиться снова должны:
Море, круглая бухта, высокий маяк,
А всего непременней—полынь...
И как жизнь началась, пусть и кончится так.
Я сказала, что знаю: аминь!
1916. Конец года
Севастополь
282 I
***

Город сгинул, последнего дома
Как живое взглянуло окно...
Это место совсем незнакомо,
Пахнет гарью, и в поле темно.
Но когда грозовую завесу
Нерешительный месяц рассек,
Мы увидели: на гору, к лесу
Пробирался хромой человек.
Было страшно, что он обгоняет
Тройку сытых, веселых коней,
Постоит и опять ковыляет
Под тяжелою ношей своей.
Мы заметить почти не успели,
Как он возле кибитки возник.

Словно звезды, глаза голубели,
Освещая измученный лик.
Я к нему протянула ребенка,
Поднял руку со следом оков
И промолвил мне благостно-звонко:
«Будет сын твой и жив и здоров!»
1916
Слепнево

***
283
Ждала его напрасно много лет.
Похоже это время на дремоту.
Но воссиял неугасимый свет
Тому три года в Вербную Субботу.
Мой голос оборвался и затих—
С улыбкой предо мной стоял жених.
А за окном со свечками народ
Неспешно шел. О, вечер богомольный!
Слегка хрустел апрельский тонкий лед,
И над толпою голос колокольный,
Как утешенье вещее, звучал,
И черный ветер огоньки качал.
И белые нарциссы на столе,
И красное вино в бокале плоском
Я видела как бы в рассветной мгле.
Моя рука, закапанная воском,
Дрожала, принимая поцелуй,
И пела кровь: блаженная, ликуй!
1916
1918 ;
284
***

В каждых сутках есть такой
Смутный и тревожный час.
Громко говорю с тоской,
Не раскрывши сонных глаз,
И она стучит, как кровь,
Как дыхание тепла,
Как счастливая любовь,
Рассудительна и зла.
1916 ? 1917 ?
Царское Сем

***

ОТРЫВОК
О Боже, за себя я все могу простить,
Но лучше б ястребом ягненка мне когтить
Или змеей уснувших жалить в поле,
Чем человеком быть и видеть поневоле,
Что люди делают, и сквозь тлетворный срам
Не сметь поднять глаза к высоким небесам.
1916

***

В последний год, когда столица наша
Первоначальное носила имя
И до войны великой оставалось
Еще полгода, совершилось то,
О чем должна я кратко и правдиво
В повествовании моем сказать,
И в этом помешать мне может только
Та, что в дома всегда без спроса входит
И белым закрывает зеркала.
Иль тот, кто за море от нас уехал

И строго, строго плакать запретил.
1916 ?

***

В городе райского ключаря,
В городе мертвого царя
Майские зори красны и желты,
Церкви белы, высоки мосты.
И в темном саду между старых лип
Мачт корабельных слышится скрип.
А за окошком моим река—
Никто не знает, как глубока.
Вольно я выбрала дивный Град,
Жаркое солнце земных отрад,
И все мне казалось, что в Раю
Я песню последнюю пою.
1916 ?
1917
288

***

Высокомерьем дух твой помрачен,
И оттого ты не познаешь света.
Ты говоришь, что вера наша — сон
И марево —столица эта.
Ты говоришь—моя страна грешна,
А я скажу —твоя страна безбожна.
Пускай на нас еще лежит вина,—
Все искупить и все исправить можно.
Вокруг тебя —и воды, и цветы.
Зачем же к нищей грешнице стучишься?
Я знаю, чем так тяжко болен ты:
Ты смерти ищешь и конца боишься.
1 января 1917
Слепнево

***
28
9Там тень моя осталась и тоскует,
Все в той же синей комнате живет,
Гостей из города за полночь ждет
И образок эмалевый целует.
И в доме не совсем благополучно:
Огонь зажгут, а все-таки темно...
Не оттого ль хозяйке новой скучно,
Не оттого ль хозяин пьет вино
И слышит, как за тонкою стеною
Пришедший гость беседует со мною?
3 января 1917
Слепнево
1 0- 1 2S
290

***

А. Лурье)
Да, я любила их, те сборища ночные,—
На маленьком столе стаканы ледяные,
Над черным кофеем пахучий, тонкий пар,
Камина красного тяжелый, зимний жар,
Веселость едкую литературной шутки
И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий.
5 января 1917
Слепнево
Том I. Стихотворения. 1917 291
Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой,

Смотрю взволнованно на темные палаты?
Уже привыкшая к высоким, чистым звонам,
Уже судимая не по земным законам,
Я, как преступница, еще влекусь туда,
На место казни долгой и стыда.
И вижу дивный град, и слышу голос милый,
Как будто нет еще таинственной могилы,
Где день и ночь, склонясь, в жары и холода,
Должна я ожидать Последнего Суда.
12 января 1917
Слепнево
292

***

Соблазна не было. Соблазн в тиши живет,
Он постника томит, святителя гнетет
И в полночь майскую над молодой черницей
Кричит истомно раненой орлицей.
А сим распутникам, сим грешницам любезным
Неведомо объятье рук железных.
Январь 1917
Том I. Стихотворения. 1917 293
Тот голос, с тишиной великой споря,
Победу одержал над тишиной.
Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.
Белее сводов Смольного собора,
Таинственней, чем пышный Летний сад,
Она была. Не знали мы, что скоро
В тоске предельной поглядим назад.
Январь 1917
Петербург

***

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.
И от лености или от скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.
Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.
Январь 1917
Петербург

***
1295
Как площади эти обширны,
Как гулки и круты мосты!
Тяжелый, беззвездный и мирный
Над нами покров темноты.
И мы, словно смертные люди,
По свежему снегу идем.
Не чудо ль, что нынче пробудем
Мы час предразлучный вдвоем?
Безвольно слабеют колени,
И кажется, нечем дышать...
Ты —солнце моих песнопений,
Ты —жизни моей благодать.
Вот черные зданья качнутся,
И на землю я упаду,—
Теперь мне не страшно очнуться

В моем деревенском саду.
10 марта 1917
Петербург
296

***

По твердому гребню сугроба
В твой белый, таинственный дом,
Такие притихшие оба,
В молчании нежном идем.
И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.
Март 1917
Петербург

***
297
Мы не умеем прощаться,—
Все бродим плечо к плечу.
Уже начинает смеркаться,
Ты задумчив, а я молчу.
В церковь войдем, увидим,
Отпеванье, крестины, брак,
Не взглянув друг на друга, выйдем...
Отчего все у нас не так?
Или сядем на снег примятый
На кладбище, легко вздохнем,
И ты палкой чертишь палаты,
Где мы будем всегда вдвоем.
Март 1917
Петербург
298 I
***

Еще весна таинственная млела,
Блуждал прозрачный ветер по горам,
И озеро глубокое синело—
Крестителя нерукотворный храм.
Ты был испуган нашей первой встречей,
А я уже молилась о второй,
И вот сегодня снова жаркий вечер,—
Как низко солнце стало над горой...
Ты не со мной, но это не разлука:
Мне каждый миг—торжественная весть.
Я знаю, что в тебе такая мука,
Что ты не можешь слова произнесть.
14 апреля 1917
Петербург

***
12
99Теперь прощай, столица,
Прощай, весна моя,
Уже по мне томится
Корельская земля.
Поля и огороды
Спокойно зелены,
Еще глубоки воды
И небеса бледны.
Болотная русалка,
Хозяйка этих мест,
Глядит, вздыхая жалко,
На колокольный крест.
А иволга, подруга
Моих безгрешных дней,

Вчера вернувшись с юга,
Кричит среди ветвей,
Что стыдно оставаться
До мая в городах,
В театре задыхаться,
Скучать на островах.

***

Но иволга не знает,
Русалке не понять,
Как сладко мне бывает
Его поцеловать!
И все-таки сегодня
На тихом склоне дня
Уйду. Страна Господня,
Прими к себе меня!
Весна 1917

***
1301
И в тайную дружбу с высоким,
Как юный орел темноглазым,
Я, словно в цветник предосенний,
Походкою легкой вошла.
Там были последние розы,
И месяц прозрачный качался
На серых, густых облаках...
Июнь 1917
Петербург (вагон)
302 I
***

Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного приветствую ущерб,
А к колосу прижатый тесно колос
С змеиным свистом срезывает серп.
И стройных жниц короткие подолы,
Как флаги в праздник, по ветру летят.
Теперь бы звон бубенчиков веселых,
Сквозь пыльные ресницы долгий взгляд.
Не ласки жду я, не любовной лести
В предчувствии неотвратимой тьмы,
Но приходи взглянуть на рай, где вместе
Блаженны и невинны были мы.
17 июля 1917
Слепнево

***
1303
О нет, я не тебя любила,
Палима сладостным огнем,
Так объясни, какая сила
В печальном имени твоем.
Передо мною на колени
Ты стал, как будто ждал венца,
И смертные коснулись тени
Спокойно-юного лица.
И ты ушел. Не за победой,
За смертью. Ночи глубоки!
О, ангел мой, не знай, не ведай
Моей теперешней тоски.
Но если белым солнцем рая
В лесу осветится тропа,
Но если птица полевая
Взлетит с колючего снопа,
Я знаю: это ты, убитый,
Мне хочешь рассказать о том,

И снова вижу холм изрытый
Над окровавленным Днестром.

***

_
Забуду дни любви и славы,
Забуду молодость мою,
Душа темна, пути лукавы,–
Но образ твой, твой подвиг правый
До часа смерти сохраню.
19 июля 1917
Слепнево

***
1305
СКАЗКА О ЧЕРНОМ КОЛЬЦЕ
1
Мне от бабушки-татарки
Были редкостью подарки;
И зачем я крещена,
Горько гневалась она.
А пред смертью подобрела
И впервые пожалела,
И вздохнула: «Ах, года!
Вот и внучка молода».
И, простивши нрав мой вздорный,
Завещала перстень черный.
Так сказала: «Он по ней,
С ним ей будет веселей».
[И с пятнадцатого года
Началась моя свобода.
Черный перстень тем служил,
Если кто мне станет мил,
Камень в перстне поцелую
И победу торжествую.
Так прошло двенадцать лет,
Сладких и тяжелых.
Изменился синий цвет
Глаз моих веселых.
С каждым днем бледней лицо,
Хрупче воска–тело.
Не служило мне кольцо
Так, как я хотела.]
Ночь с 20 на 21 июля 1917
Слепнево
306 I
***

2
Я друзьям моим сказала:
«Горя много, счастья мало,–
И ушла, закрыв лицо,–
Потеряла я кольцо».
И друзья мои сказали:
«Мы кольцо везде искали,
Возле моря на песке
И меж сосен на лужке».
И, догнав меня в аллее,
Тот, кто был других смелее,
Уговаривал меня
Подождать до склона дня.
Я совету удивилась
И на друга рассердилась,
Что глаза его нежны:
«И на что вы мне нужны?
Только можете смеяться,
Друг пред другом похваляться
Да цветы сюда носить».

Всем велела уходить.
Ночь с 20 на 21 июля 1917
Слепнево
Том I. Стихотворения. 1917 307
3
И, придя в свою светлицу,
Застонала хищной птицей,
Повалилась на кровать
Сотый раз припоминать:
Как за ужином сидела,
В очи темные глядела,
Как не ела, не пила
У дубового стола,
Как под скатертью узорной
Протянула перстень черный,
Как взглянул в мое лицо,
Встал и вышел на крыльцо.
Не придут ко мне с находкой!
Далеко над быстрой лодкой
Заалели небеса,
Забелели паруса.
Февраль 1936
Москва
308

***

Сразу стало тихо в доме,
Облетел последний мак,
Замерла я в долгой дреме
И встречаю ранний мрак.
Плотно заперты ворота,
Вечер черен, ветер тих.
Где веселье, где забота,
Где ты, ласковый жених?
Не нашелся тайный перстень
Прождала я много дней,
Нежной пленницею песня
Умерла в груди моей.
20-21 ? июля 1917
Слепшее

***
130
9А ты теперь тяжелый и унылый,
Отрекшийся от славы и мечты,
Но для меня непоправимо милый,
И чем темней, тем трогательней ты.
Ты пьешь вино, твои нечисты ночи,
Что наяву не знаешь, что во сне,
Но зелены мучительные очи, –
Покоя, видно, не нашел в вине.
И сердце только скорой смерти просит,
Кляня медлительность судьбы.
Все чаще ветер западный приносит
Твои упреки и твои мольбы.
Но разве я к тебе вернуться смею?
Под бледным небом родины моей
Я только петь и вспоминать умею,
А ты меня и вспоминать не смей.
Так дни идут, печали умножая.
Как за тебя мне Господа молить?
Ты угадал: моя любовь такая,
Что даже ты не мог ее убить.
22 июля 1917
Слепнево
310 I
***

Ты—отступник: за остров зеленый
Отдал, отдал родную страну,
Наши песни, и наши иконы,
И над озером тихим сосну.
Для чего ты, лихой ярославец,
Коль еще не лишился ума,
Загляделся на рыжих красавиц
И на пышные эти дома?
Так теперь и кощунствуй, и чванься,
Православную душу губи,
В королевской столице останься
И свободу свою полюби.
Для чего ж ты приходишь и стонешь
Под высоким окошком моим?
Знаешь сам, ты и в море не тонешь,
И в смертельном бою невредим.
Да, не страшны ни море, ни битвы
Тем, кто сам потерял благодать.
Оттого-то во время молитвы
Попросил ты тебя поминать.
Июль 1917
Слепнево

***
1311
Просыпаться на рассвете
Оттого, что радость душит,
И глядеть в окно каюты
На зеленую волну,
Иль на палубе в ненастье,
В мех закутавшись пушистый,
Слушать, как стучит машина,
И не думать ни о чем,
Но, предчувствуя свиданье
С тем, кто стал моей звездою,
От соленых брызг и ветра
С каждым часом молодеть.
Июль 1917
Слепнево
312 I
***

Это просто, это ясно,
Это всякому понятно,
Ты меня совсем не любишь,
Не полюбишь никогда.
Для чего же так тянуться
Мне к чужому человеку,
Для чего же каждый вечер
Мне молиться за тебя?
Для чего же, бросив друга
И кудрявого ребенка,
Бросив город мой любимый
И родную сторону,
Черной нищенкой скитаюсь
По столице иноземной?
О, как весело мне думать,
Что тебя увижу я!
Лето 1917
Слепнево

***
313
Течет река неспешно по долине,
Многооконный на пригорке дом.
А мы живем, как при Екатерине:
Молебны служим, урожая ждем.

Перенеся двухдневную разлуку,
К нам едет гость вдоль нивы золотой,
Целует бабушке в гостиной руку
И губы мне на лестнице крутой.
Лето 1917
Слепнево

***

И целый день, своих пугаясь стонов,
В тоске смертельной мечется толпа,
А за рекой на траурных знаменах
Зловещие смеются черепа.
Вот для чего я пела и мечтала,
Мне сердце разорвали пополам,
Как после залпа сразу тихо стало,
Смерть выслала дозорных по дворам.
Лето 1917
Слепнево

***
315
И мнится—голос человека
Здесь никогда не прозвучит,
Лишь ветер каменного века
В ворота черные стучит.
И мнится мне, что уцелела
Под этим небом я одна, —
За то, что первая хотела
Испить смертельного вина.
Лето 1917
Слепнево
316

***

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал
И дух суровый византийства
От русской Церкви отлетал,
Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берет ее,—
Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.
Осень 1917
Петроград
Том I. Стихотворения. 1917 317
Ты всегда таинственный и новый,
Я тебе послушней с каждым днем.
Но любовь твоя, о друг суровый,
Испытание железом и огнем.
Запрещаешь петь и улыбаться,
А молиться запретил давно.
Только б мне с тобою не расстаться,
Остальное все равно!
Так, земле и небесам чужая,

Я живу и больше не пою,
Словно ты у ада и у рая
Отнял душу вольную мою.
Декабрь 1917
318 I
***

Теперь никто не станет слушать песен.
Предсказанные наступили дни.
Моя последняя, мир больше не чудесен,
Не разрывай мне сердца, не звени.
Еще недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полет,
А ныне станешь нищенкой голодной,
Не достучишься у чужих ворот.
1917. Конец года
Том I. Стихотворения. 1917 131
9И вот одна осталась я
Считать пустые дни.
О вольные мои друзья,
О лебеди мои!
И песней я не скличу вас,
Слезами не верну,
Но вечером в печальный час
В молитве помяну.
Настигнут смертною стрелой,
Один из вас упал,
И черным вороном другой,
Меня целуя, стал.
Но так бывает: раз в году,
Когда растает лед,
В Екатеринином саду
Стою у чистых вод
И слышу плеск широких крыл
Над гладью голубой.
Не знаю, кто окно раскрыл
В темнице гробовой.
1917. Коней года

***

Пленник чужой! Мне чужого не надо,
Я и своих-то устала считать.
Так отчего же такая отрада
Эти вишневые видеть уста?
Пусть он меня и хулит и бесславит,
Слышу в словах его сдавленный стон.
Нет, он меня никогда не заставит
Думать, что страстно в другую влюблен.
И никогда не поверю, что можно
После небесной и тайной любви
Снова смеяться и плакать тревожно
И проклинать поцелуи мои.
1917

***

Когда о горькой гибели моей
Весть поздняя его коснется слуха,
Не станет он ни строже, ни грустней,
Но, побледневши, улыбнется сухо.
И сразу вспомнит зимний небосклон
И вдоль Невы несущуюся вьюгу,
И сразу вспомнит, как поклялся он
Беречь свою восточную подругу.
1917
322

***

Я в этой церкви слушала Канон
Андрея Критского в день строгий и печальный,
И с той поры великопостный звон
Все семь недель до полночи пасхальной
Сливался с беспорядочной стрельбой,
Прощались все друг с другом на минуту,
Чтоб никогда не встретиться... И смуту
..... судьбой.
1917
Петербург. Боткинская,
9
***
323
С первым звуком, слетевшим с рояля,
Я шепчу тебе: «Здравствуй, князь».
Это ты, веселя и печаля,
Надо мной стоишь, наклонясь,
Но во взоре упорном и странном
Угадать ничего не могу,
Только в сердце моем окаянном
Золотые слова берегу.
Ты когда-нибудь, скукой томимый,
Их прочтешь на чужом языке
И подумаешь: мне серафимы
Оснащают корабль на реке.
1917
324

***

На разведенном мосту
В день, ставший праздником ныне,
Кончилась юность моя.
1917-191
9
***
325
Веет ветер лебединый,
Небо синее в крови.
Наступают годовщины
Первых дней твоей любви.
Ты мои разрушил чары,
Годы плыли, как вода.
Отчего же ты не старый,
А такой, как был тогда?
Даже звонче голос нежный,
Только времени крыло
Осенило славой снежной
Безмятежное чело.
21 февраля 1918
1922
326 I
***

Проплывают льдины, звеня,
Небеса безнадежно бледны.
Ах, за что ты караешь меня,
Я не знаю моей вины.
Если надо —меня убей,
Но не будь со мною суров.
От меня не хочешь детей
И не любишь моих стихов.
Все по-твоему будет: пусть!
Обету верна своему,
Отдала тебе жизнь, но грусть
Я в могилу с собой возьму.

Апрель 1918

***
1327
От любви твоей загадочной,
Как от боли, в крик кричу,
Стала желтой и припадочной,
Еле ноги волочу.
Новых песен не насвистывай,—
Песней долго ль обмануть,
Но когти, когти неистовей
Мне чахоточную грудь,
Чтобы кровь из горла хлынула
Поскорее на постель,
Чтобы смерть из сердца вынула
Навсегда проклятый хмель.
Июль 1918
328

***

НОЧЬЮ
Стоит на небе месяц, чуть живой,
Средь облаков струящихся и мелких,
И у дворца угрюмый часовой
Глядит, сердясь, на башенные стрелки.
Идет домой неверная жена,
Ее лицо задумчиво и строго,
А верную в тугих объятьях сна
Сжигает негасимая тревога.
Что мне до них? Семь дней тому назад,
Вздохнувши, я прости сказала миру.
Но душно там, и я пробралась в сад
Взглянуть на звезды и потрогать лиру.
Осень 1918
Москва

***
32
9Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!
Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил,
К Анатолии далекой
Миноносец свой водил.
На Малаховом кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на Божий свет.
1918
Петербург
330

***

Чем хуже этот век предшествующих? Разве
Тем, что в чаду печали и тревог
Он к самой черной прикоснулся язве,
Но исцелить ее не мог.
Еще на западе земное солнце светит
И кровли городов в его лучах блестят,
А здесь уж белая дома крестами метит
И кличет воронов, и вороны летят.
(Январь-февраль} 191
9
***

1331
ПРИЗРАК
Зажженных рано фонарей
Шары висячие скрежещут,
Все праздничнее, все светлей
Снежинки, пролетая, блещут.
И, ускоряя ровный бег,
Как бы в предчувствии погони,
Сквозь мягко падающий снег
Под синей сеткой мчатся кони.
И раззолоченный гайдук
Стоит недвижно за санями,
И странно царь глядит вокруг
Пустыми светлыми глазами.
(Январь–февраль) 191
9332

***

Я спросила у кукушки,
Сколько лет я проживу...
Сосен дрогнули верхушки,
Желтый луч упал в траву.
Но ни звука в чаще свежей...
Я иду домой,
И прохладный ветер нежит
Лоб горячий мой.
1 июня 191
9Царское Село

***
333
Я горькая и старая. Морщины
Покрыли сетью желтое лицо.
Спина согнулась, и трясутся руки.
А мой палач глядит веселым взором
И хвалится искусною работой,
Рассматривая на поблекшей коже
Следы побоев. Господи, прости!
191
9Петербург. Шереметеский дом
334

***

Угадаешь ты ее не сразу
[Жуткую и темную] заразу,
Ту, что люди нежно называют,
От которой люди умирают.
Первый признак –странное веселье,
Словно ты пила хмельное зелье,
А второй –печаль, печаль такая,
Что нельзя вздохнуть, изнемогая,
Только третий –самый настоящий:
Если сердце замирает чаще
И горят в туманном взоре свечи,
Это значит –вечер новой встречи...
[Ночью ты предчувствием томима:
Над собой увидишь Серафима.
А лицо его тебе знакомо...
И накинет душная истома
На тебя атласный черный полог.
Будет сон твой тяжек и недолог...
А наутро встанешь с новою загадкой,
Но уже не ясной и не сладкой,
И омоешь пыточною кровью
То, что люди назвали любовью.]
1910-е годы

***
-е годы 1335
Я не люблю цветы—они напоминают
Мне похороны, свадьбы и балы,
Для ужина накрытые столы
Но лишь предвечных роз простая красота,
Та, что всегда была моей отрадой с детства,
Осталась и досель единственным наследством,
Как звуки Моцарта, как ночи чернота.
1910-е годы
Царское Село
336

***

В. Срезневской
Жрицами божественной бессмыслицы
Назвала нас дивная судьба,
Но я точно знаю—нам зачислятся
Бденья у позорного столба,
И свиданье с тем, кто издевается,
И любовь к тому, кто не позвал...
Посмотри туда—он начинается,
Наш кроваво-черный карнавал.
1910-е годы
Царское Село

***
-е годы 337
Поглядишь, как будто спросишь,
Отчего все это так...
Ты недаром, милый, носишь
Анненский темляк.
1910-е годы
338

***

Графу В. П. Зубову
Как долог праздник новогодний,
Как бел в окошках снежный цвет.
О Вас я думаю сегодня
И нежный шлю я Вам привет.
Пускай над книгою в подвале,
Где скромно ночи провожу,
Мы что-то мудрое решали,
Я обещанья не сдержу.
А Вы останьтесь верным другом
И не сердитесь на меня,
Ведь я прикована недугом
К моей кушетке на три дня.
И дом припоминая темный
На левом берегу Невы,
Смотрю, как ласковы и томны
Те розы, что прислали Вы.
1910-е годы

***
-е годы 133
9Если в небе луна не бродит,
А стынет—ночи печать...
Мертвый мой муж приходит
Любовные письма читать.
В шкатулке резного дуба
Он помнит тайный замок,
Стучат по паркету грубо
Шаги закованных ног.

Сверяет часы свиданий
И подписей смутный узор.
Разве мало ему страданий,
Что вынес он до сих пор?
1910-е годы
340

***

Сочтенных дней осталось мало,
Уже не страшно ничего,
Но как забыть, что я слыхала
Биенье сердца твоего?
Спокойно знаю —в этом тайна
Неугасимого огня.
Пусть мы встречаемся случайно
И ты не смотришь на меня.
1910-е годы

***
-е годы
И через все, и каждый миг,
Через дела, через безделье
Сквозит, как тайное веселье,
Один непостижимый лик.
О Боже! Для чего возник
Он в одинокой этой келье?
1910-е годы
342
***

Не смущаюсь я речью обидною,
Никого ни в чем не виню...
Ты кончину мне дашь не постыдную
За постыдную жизнь мою.
1910-t годы

***
-е годы 1343
И скупо оно и богато,
То сердце—богатства таи!
Чего ты молчишь виновато,
Глаза б не глядели мои...
1910-е годы
Царское Село
344
***

И слава лебедью плыла
Сквозь золотистый дым.
А ты, любовь, всегда была
Отчаяньем моим.
1910-е годы

***
-е годы 1345
В промежутки между грозами,
Мрачной яркостью богатые,
Над притихшими березами
Облака стоят крылатые.
Чуть гроза на запад спрячется
И настанет тишь чудесная,
А с востока снова катится
Колесница поднебесная.
1910-е годы Записала на Илью в Комарове
Слепнево 1961

***

Как вышедший из западных ворот
Родного города и землю обошедший
К восточным воротам смущенно подойдет
И думает: «Где дух, меня так мудро ведший?» –
Так я...
1910-е годи
Слепнево

***
-е годы
Ты смертною не можешь сделать душу,
А мудрое согласие с землей
Я никогда и в мыслях не нарушу.
1910-е годы

***

ПЕТРОГРАД, 191
9И мы забыли навсегда,
Заключены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.
Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.
1920

***
34
9Путник милый, ты далече,
Но с тобою говорю.
В небесах зажглися свечи
Провожающих зарю.
Путник мой, скорей направо
Обрати свой светлый взор:
Здесь живет дракон лукавый,
Мой властитель с давних пор.
А в пещере у дракона
Нет пощады, нет закона.
И висит на стенке плеть,
Чтобы песен мне не петь.
И дракон крылатый мучит,
Он меня смиренью учит,
Чтоб забыла дерзкий смех,
Чтобы стала лучше всех.
Путник милый, в город дальний
Унеси мои слова,
Чтобы сделался печальней
Тот, кем я еще жива.
22 июня 1921
Петербург. Сергиевская, 7
350 I
***

Нам встречи нет. Мы в разных станах,
Туда ль зовешь меня, наглец,
Где брат поник в кровавых ранах,
Принявши ангельский венец?

И ни молящие улыбки,
Ни клятвы дикие твои,
Ни призрак млеющий и зыбкий
Моей счастливейшей любви
Не обольстят...
Июнь 1921

***

Наталии Рыковой
Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?
Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес,—
И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.
Июнь 1921
352

***

На пороге белом рая,
Оглянувшись, крикнул: «Жду!»
Завещал мне, умирая,
Благостность и нищету.
И когда прозрачно небо,
Видит, крыльями звеня,
Как делюсь я коркой хлеба
С тем, кто просит у меня.
А когда, как после битвы,
Облака плывут в крови,
Слышит он мои молитвы
И слова моей любви.
Июль 1921

***
1353
А, ты думал—я тоже такая,
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.
Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок —
Мой заветный душистый платок.
Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.
Июль 1921
Петербург. Фонтанка
12—125
354
***

Сослужу тебе верную службу, —
Ты не бойся, что горько люблю!
Я за нашу веселую дружбу
Всех святителей нынче молю.
За тебя отдала первородство

И взамен ничего не прошу,
Оттого и лохмотья сиротства
Я как брачные ризы ношу.
Июль 1921

***
I 355
Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.
16 августа ст. ст. 1921
(вагон)
356 I
***

Не чудо ли, что знали мы его,
Был скуп на похвалы, но чужд хулы и гнева,
И Пресвятая охраняла Дева
Прекрасного Поэта своего.
16 августа 1921
Петербург

***
1357
Страх, во тьме перебирая вещи,
Лунный луч наводит на топор.
За стеною слышен стук зловещий –
Что там, крысы, призрак или вор?
В душной кухне плещется водою,
Половицам шатким счет ведет,
С глянцевитой черной бородою
За окном чердачным промелькнет–
И притихнет. Как он зол и ловок,
Спички спрятал и свечу задул.
Лучше бы поблескиванье дул
В грудь мою направленных винтовок,
Лучше бы на площади зеленой
На помост некрашеный прилечь
И под клики радости и стоны
Красной кровью до конца истечь.
Прижимаю к сердцу крестик гладкий:
Боже, мир душе моей верни!
Запах тленья обморочно сладкий
Веет от прохладной простыни.
25 или 27-28 августа 1921
Царское Село
358 I
***

Чугунная ограда,
Сосновая кровать.
Как сладко, что не надо
Мне больше ревновать.
Постель мне стелют эту
С рыданьем и мольбой;
Теперь гуляй по свету
Где хочешь, Бог с тобой!
Теперь твой слух не ранит
Неистовая речь,
Теперь никто не станет
Свечу до утра жечь.
Добились мы покою
И непорочных дней...

Ты плачешь —я не стою
Одной слезы твоей.
27 августа 1921
Царское Село

***
35
90. А. Глебояой-Судейкиной
Пророчишь, горькая, и руки уронила,
Прилипла прядь волос к бескровному челу,
И улыбаешься—о, не одну пчелу
Румяная улыбка соблазнила
И бабочку смутила не одну.
Как лунные глаза светлы, и напряженно
Далеко видящий остановился взор.
То мертвому ли сладостный укор,
Или живым прощаешь благосклонно
Твое изнеможенье и позор?
27 августа 1921
Царское Сем
360

***

О, жизнь без завтрашнего дня!
Ловлю измену в каждом слове,
И убывающей любови
Звезда восходит для меня.
Так незаметно отлетать,
Почти не узнавать при встрече.
Но снова ночь. И снова плечи
В истоме влажной целовать.
Тебе я милой не была,
Ты мне постыл. А пытка длилась,
И, как преступница, томилась
Любовь, исполненная зла.
То словно брат. Молчишь, сердит.
Но если встретимся глазами —
Тебе клянусь я небесами,
В огне расплавится гранит.
29 августа 1921
Царское Село
Том I. Стихотворения. 1921
Кое-как удалось разлучиться
И постылый огонь потушить.
Враг мой вечный, пора научиться
Вам кого-нибудь вправду любить.
Я-то вольная. Все мне забава, —
Ночью Муза слетит утешать,
А наутро притащится слава
Погремушкой над ухом трещать.
Обо мне и молиться не стоит
И, уйдя, оглянуться назад...
Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад.
Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.
Но, скажи мне, на крестную муку
Ты другую посмеешь послать?
29 августа 1921
Царское Село
362

***

Пока не свалюсь под забором
И ветер меня не добьет,
Мечта о спасении скором

Меня, как проклятие, жжет.
Упрямая, жду, что случится,
Как в песне случится со мной, –
Уверенно в дверь постучится
И, прежний, веселый, дневной,
Войдет он и скажет: «Довольно,
Ты видишь, я тоже простил».
Не будет ни страшно, ни больно...
Ни роз, ни архангельских сил.
Затем и в беспамятстве смуты
Я сердце мое берегу,
Что смерти без этой минуты
Представить себе не могу.
30 августа 1921
Царское Село

***
363
А Смоленская нынче именинница,
Синий ладан над травою стелется,
И струится пенье панихидное,
Не печальное нынче, а светлое.
И приводят румяные вдовушки
На кладбище мальчиков и девочек
Поглядеть на могилы отцовские,
А кладбище–роща соловьиная,
От сиянья солнечного замерло.
Принесли мы Смоленской Заступнице,
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее,–
Александра, лебедя чистого.
Август 1921
364 I
***

Пусть голоса органа снова грянут,
Как первая весенняя гроза:
Из-за плеча твоей невесты глянут
Мои полузакрытые глаза.
Семь дней любви, семь грозных лет разлуки,
Война, мятеж, опустошенный дом,
В крови невинной маленькие руки,
Седая прядь над розовым виском.
Прощай, прощай, будь счастлив, друг прекрасный,
Верну тебе твой сладостный обет,
Но берегись твоей подруге страстной
Поведать мой неповторимый бред,–
Затем, что он пронижет жгучим ядом
Ваш благостный, ваш радостный союз...
А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.
Август 1921
Царское Село, больница

***
I 365
Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной Господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж –палач, а дом его –тюрьма.
Но видишь ли! Ведь я пришла сама...
Декабрь рождался, ветры выли в поле,
И было так светло в твоей неволе,
А за окошком сторожила тьма.
Так птица о прозрачное стекло
Всем телом бьется в зимнее ненастье,
И кровь пятнает белое крыло.

Теперь во мне спокойствие и счастье.
Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил
За то, что в дом свой странницу пустил.
Август 1921
Царское Село
366

***

Широко распахнуты ворота,
Липы нищенски обнажены,
И темна сухая позолота
Нерушимой вогнутой стены.
Гулом полны алтари и склепы,
И за Днепр широкий звон летит.
Так тяжелый колокол Мазепы
Над Софийской площадью гудит.
Все грозней бушует, непреклонный,
Словно здесь еретиков казнят,
А в лесах заречных, примиренный,
Веселит пушистых лисенят.
15 сентября 1921

***
367
Заплаканная осень, как вдова
В одеждах черных, все сердца туманит...
Перебирая мужнины слова,
Она рыдать не перестанет.
И будет так, пока тишайший снег
Не сжалится над скорбной и усталой...
Забвенье боли и забвенье нег—
За это жизнь отдать не мало.
15 сентября 1921
Царское Село
368

***

Долгим взглядом твоим истомленная,
И сама научилась томить.
Из ребра твоего сотворенная,
Как могу я тебя не любить?
Быть твоею сестрою отрадною
Мне завещано древней судьбой,
А я стала лукавой и жадною
И сладчайшей твоею рабой.
Но когда замираю, смиренная,
На груди твоей снега белей,
Как ликует твое умудренное
Сердце — солнце отчизны моей!
25 сентября 1921

***
136
9Я гибель накликала милым,
И гибли один за другим.
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим.
Как вороны кружатся, чуя
Горячую, свежую кровь,
Так дикие песни, ликуя,
Моя насылала любовь.
С тобою мне сладко и знойно,
Ты близок, как сердце в груди.
Дай руку мне, слушай спокойно.
Тебя заклинаю: уйди.
И пусть не узнаю я, где ты,

О Муза, его не зови,
Да будет живым, невоспетым
Моей не узнавший любви.
Октябрь 1921
Петербург
370

***

Сказал, что у меня соперниц нет.
Я для него не женщина земная,
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.
Когда умру, не станет он грустить,
Не крикнет, обезумевши: «Воскресни!» –
Но вдруг поймет, что невозможно жить
Без солнца телу и душе без песни.
...А что теперь?
25 ноября 1921

***

Пятым действием драмы
Веет воздух осенний,
Каждая клумба в парке
Кажется свежей могилой.
Оплаканы мертвые горько.
Со всеми врагами в мире
Душа моя ныне.
Тайная справлена тризна
И больше нечего делать.
Что же я медлю, словно
Скоро случится чудо.
Так тяжелую лодку долго
У пристани слабой рукою
Удерживать можно, прощаясь
С тем, кто остался на суше.
Осень 1921
Царское Село
372

***

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.
У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.
Здесь столько лир повешено на ветки...
Но и моей как будто место есть...
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть.
Осень 1921
Царское Село

***
I 373
Я с тобой, мой ангел, не лукавил,
Как же вышло, что тебя оставил
За себя заложницей в неволе
Всей земной непоправимой боли?
Под мостами полыньи дымятся,
Над кострами искры золотятся,
Грузный ветер окаянно воет,
И шальная пуля за Невою

Ищет сердце бедное твое.
И одна в дому оледенелом,
Белая лежишь в сиянье белом,
Славя имя горькое мое.
7 декв?ря 1921
Петербург
374

***

В тот давний год, когда зажглась любовь,
Как крест престольный, в сердце обреченном,
Ты кроткою голубкой не прильнула
К моей груди, но коршуном когтила.
Изменой первою, вином проклятья
Ты напоила друга своего.
Но час настал в зеленые глаза
Тебе глядеться, у жестоких губ
Молить напрасно сладостного дара
И клятв таких, каких ты не слыхала,
Каких еще никто не произнес.
Так отравивший воду родника
Для вслед за ним идущего в пустыне
Сам заблудился и, возжаждав сильно,
Источника во мраке не узнал.
Он гибель пьет, прильнув к воде прохладной,
Но гибелью ли жажду утолить?
7-8 декабря 1921
Петербург

***
1375
РАХИЛЬ
И служил Иаков аа Рахиль семь лет;
и они показались ему за несколько дней,
потому что он любил ее.
Книга Бытия
И встретил Иаков в долине Рахиль,
Он ей поклонился, как странник бездомный.
Стада подымали горячую пыль,
Источник был камнем завален огромным.
Он камень своею рукой отвалил
И чистой водою овец напоил.
Но стало в груди его сердце грустить,
Болеть, как открытая рана,
И он согласился за деву служить
Семь лет пастухом у Лавана.
Рахиль! Для того, кто во власти твоей,
Семь лет—словно семь ослепительных дней.
Но много премудр сребролюбец Лаван,
И жалость ему незнакома.
Он думает: каждый простится обман
Во славу Лаванова дома.
И Лию незрячую твердой рукой
Приводит к Иакову в брачный покой.

***

Течет над пустыней высокая ночь,
Роняет прохладные росы,
И стонет Лаванова младшая дочь,
Терзая пушистые косы.
Сестру проклинает, и Бога хулит,
И Ангелу Смерти явиться велит.
И снится Иакову сладостный час:
Прозрачный источник долины,
Веселые взоры Рахилиных глаз
И голос ее голубиный:

Иаков, не ты ли меня целовал
И черной голубкой своей называл?
25 декабря ст. ст. 1921

***
377
БЕЖЕЦК
Там белые церкви и звонкий, светящийся лед,
Там милого сына цветут васильковые очи.
Над городом древним алмазные русские ночи
И серп поднебесный желтее, чем липовый мед.
Там вьюги сухие взлетают с заречных полей,
И люди, как ангелы, Божьему Празднику рады,
Прибрали светлицу, зажгли у киота лампады,
И Книга Благая лежит на дубовом столе.
Там строгая память, такая скупая теперь,
Свои терема мне открыла с глубоким поклоном;
Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь;
И город был полон веселым рождественским звоном.
26 декабря ст. ст. 1921
378

***

Пива светлого наварено,
На столе дымится гусь...
Поминать царя да барина
Станет праздничная Русь –
Крепким словом, прибауткою
За беседою хмельной;
Тот–забористою шуткою,
Этот–пьяною слезой.
И несутся речи шумные
От гульбы да от вина...
Порешили люди умные:
– Наше дело –сторона.
Декабрь 1921. Рождество
Бежецк

***
I 37
9Земной отрадой сердца не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому.
И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим кромешным супостатом,
И назови лесного зверя братом,
И не проси у Бога ничего.
Декабрь 1921
380

***

Что ты бродишь неприкаянный,
Что глядишь ты не дыша?
Верно понял: крепко спаяна
На двоих одна душа.
Будешь, будешь мной утешенным,
Как не снилось никому,
А обидишь словом бешеным –
Станет больно самому.
Декабрь 1921
Петербург

***
381
В том доме было очень страшно жить,

И ни камина свет патриархальный,
Ни колыбелька нашего ребенка,
Ни то, что оба молоды мы были
И замыслов исполнены, . . .
..... и удача
От нашего порога ни на шаг
За все семь лет не смела отойти, –
Не уменьшали это чувство страха.
И я над ним смеяться научилась
И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко,
В то время как мы за полночь старались
Не видеть, что творится в Зазеркалье,
Под чьими тяжеленными шагами
Стонали темной лестницы ступеньки,
Как о пощаде жалостно моля.
И говорил ты, странно улыбаясь:
«Кого они по лестнице несут?»
Теперь ты там, где знают всё–скажи:
Что в этом доме жило кроме нас?
1921
Царское Село
2 августа) 1940

***

Ангел, три года хранивший меня,
Вознесся в лучах и огне,
Но жду терпеливо сладчайшего дня,
Когда он вернется ко мне.
Как щеки запали, бескровны уста,
Лица не узнать моего;
Ведь я не прекрасная больше, не та,
Что песней смутила его.
Давно на земле ничего не боюсь,
Прощальные помня слова.
Я в ноги ему, как войдет, поклонюсь,
А прежде кивала едва.
1921?
1922

***
I 383
КЛЕВЕТА
И всюду клевета сопутствовала мне.
Ее ползучий шаг я слышала во сне
И в мертвом городе под беспощадным небом,
Скитаясь наугад за кровом и за хлебом.
И отблески ее горят во всех глазах,
То как предательство, то как невинный страх.
Я не боюсь ее. На каждый вызов новый
Есть у меня ответ достойный и суровый.
Но неизбежный день уже предвижу я,–
На утренней заре придут ко мне друзья,
И мой сладчайший сон рыданьем потревожат,
И образок на грудь остывшую положат.
Никем не знаема тогда она войдет,
В моей крови ее неутоленный рот
Считать не устает небывшие обиды,
Вплетая голос свой в моленья панихиды,
И станет внятен всем ее постыдный бред,
Чтоб на соседа глаз не мог поднять сосед,
Чтоб в страшной пустоте мое осталось тело,
Чтобы в последний раз душа моя горела
Земным бессилием, летя в рассветной мгле,
И дикой жалостью к оставленной земле.

14 января н. ст. 1922
Бежецк –Петербург. Вагон
384

***

Слух чудовищный бродит по городу,
Забирается в домы, как тать.
Уж не сказку ль про Синюю Бороду
Перед тем, как засну, почитать?
Как седьмая всходила на лестницу,
Как сестру молодую звала,
Милых братьев иль страшную вестницу,
Затаивши дыханье, ждала...
Пыль взметается тучею снежною,
Скачут братья на замковый двор,
И над шеей безвинной и нежною
Не подымется скользкий топор.
Этой сказкою нынче утешена,
Я, наверно, спокойно усну.
Что же сердце колотится бешено,
Что же вовсе не клонит ко сну?
Январь – февраль 1922

***

Шепчет: «Я не пожалею
Даже то, что так люблю –
Или будь совсем моею,
Или я тебя убью».
Надо мной жужжит, как овод,
Непрестанно столько дней
Этот самый скучный довод
Черной ревности твоей.
Горе душит, не задушит,
Вольный ветер слезы сушит,
А веселье, чуть погладит,
Сразу с бедным сердцем сладит.
Февраль 1922
13–125
386

***

ПРЕДСКАЗАНИЕ
Видел я тот венец златокованый...
Не завидуй такому венцу!
Оттого, что и сам он ворованный,
И тебе он совсем не к лицу.
Туго согнутой веткой терновою
Мой венец на тебе заблестит.
Ничего, что росою багровою
Он изнеженный лоб освежит.
8 мая 1922
Том I. Стихотворения. 1922 I 387
ПРИЧИТАНИЕ
В. А. Щегомвой
Господеви поклонитеся
Во Святем Дворе Его.
Спит юродивый на паперти,
На него глядит звезда.
И, крылом задетый ангельским,
Колокол заговорил
Не набатным, грозным голосом,
А прощаясь навсегда.
И выходят из обители,
Ризы древние отдав,
Чудотворцы и святители,

Опираясь на клюки.
Серафим –в леса Саровские
Стадо сельское пасти,
Анна–в Кашин, уж не княжити,
Лен колючий теребить.
Провожает Богородица,
Сына кутает в платок,
Старой нищенкой оброненный
У Господнего крыльца.
24 мая 1922
Петербург
388

***

Заболеть бы как следует, в жгучем бреду
Повстречаться со всеми опять,
В полном ветра и солнца приморском саду
По широким аллеям гулять.
Даже мертвые нынче согласны прийти,
И изгнанники в доме моем.
Ты ребенка за ручку ко мне приведи,
Так давно я скучаю о нем.
Буду с милыми есть голубой виноград,
Буду пить ледяное вино
И глядеть, как струится седой водопад
На кремнистое влажное дно.
Весна 1922

***
I 38
9Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.
Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.
А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.
И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.
Июль 1922
Петербург
390

***

МНОГИМ
Я –голос ваш, жар вашего дыханья,
Я –отраженье вашего лица.
Напрасных крыл напрасны трепетанья, –
Ведь все равно я с вами до конца.
Вот отчего вы любите так жадно
Меня в грехе и в немощи моей,
Вот отчего вы дали неоглядно
Мне лучшего из ваших сыновей,
Вот отчего вы даже не спросили
Меня ни слова никогда о нем
И чадными хвалами задымили
Мой навсегда опустошенный дом.
И говорят – нельзя теснее слиться,
Нельзя непоправимее любить...

Как хочет тень от тела отделиться,
Как хочет плоть с душою разлучиться,
Так я хочу теперь — забытой быть.
14 сентября 1922
Петербург

***
I 391
Для Л. Н. Замятиной
Здравствуй, Питер! Плохо, старый,
И не радует апрель.
Поработали пожары,
Почудили коммунары,
Что ни дом —в болото щель.
Под дырявой крышей стынем,
А в подвале шепот вод:
«Склеп покинем, всех подымем,
Видно, нашим волнам синим
Править городом черед».
24 сентября 1922
392 I
***

Дьявол не выдал. Мне все удалось.
Вот и могущества явные знаки.
Вынь из груди мое сердце и брось
Самой голодной собаке.
Больше уже ни на что не гожусь,
Ни одного я не вымолвлю слова.
Нет настоящего —прошлым горжусь
И задохнулась от срама такого.
Сентябрь 1922

***
393
Небывалая осень построила купол высокий,
Был приказ облакам этот купол собой не темнить.
И дивилися люди: проходят сентябрьские сроки,
А куда провалились студеные, влажные дни?
Изумрудного стала вода замутненных каналов,
И крапива запахла, как розы, но только сильней.
Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых,
Их запомнили все мы до конца наших дней.
Было солнце таким, как вошедший в столицу
мятежник,
И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,
Что казалось — сейчас забелеет прозрачный
подснежник...
Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему.
Сентябрь 1922
394

***

РАЗЛУКА
Вот и берег северного моря,
Вот граница наших бед и слав,—
Не пойму, от счастья или горя
Плачешь ты, к моим ногам припав.
Мне не надо больше обреченных—
Пленников, заложников, рабов,
Только с милым мне и непреклонным
Буду я делить и хлеб и кров.
Осень 1922

***
395
Хорошо здесь: и шелест, и хруст;

С каждым утром сильнее мороз,
В белом пламене клонится куст
Ледяных ослепительных роз.
И на пышных парадных снегах
Лыжный след, словно память о том,
Что в каких-то далеких веках
Здесь с тобою прошли мы вдвоем.
Декабрь 1922
396

***

НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА
И месяц, скучая в облачной мгле,
Бросил в горницу тусклый взор.
Там шесть приборов стоят на столе,
И один только пуст прибор.
Это муж мой, и я, и друзья мои
Встречаем новый год.
Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отрава, жжет?
Хозяин, поднявши полный стакан,
Был важен и недвижим:
«Я пью за землю родных полян,
В которой мы все лежим!»
А друг, поглядевши в лицо мое
И вспомнив Бог весть о чем,
Воскликнул: «А я за песни ее,
В которых мы все живем!»
Но третий, не знавший ничего,
Когда он покинул свет,
Мыслям моим в ответ
Промолвил: «Мы выпить должны за того,
Кого еще с нами нет».
1922. Конец, года

***
I 397
Вечер тот казни достоин,
С ним я не справлюсь никак.
Будь совершенно спокоен –
Ты ведь мужчина и враг,
Тот, что молиться мешает,
Муке не хочет помочь,
Тот, что твой сон нарушает,
Тихая, каждую ночь.
Ты ль не корил маловерных
И обличал, и учил!
Ты ли от всякия скверны
Избавить тебя не молил!
«Сам я не знаю, что сталось,
К гибели, что ли, иду?
Ведь как ребенок металась
Передо мною в бреду.
Выпил я светлые капли
С глаз ее—слезы стыда».
Верно, от них и ослабли
Руки твои навсегда.
1922

***

Как мог ты, сильный и свободный,
Забыть у ласковых колен,
Что грех карают первородный
Уничтожение и тлен.
Зачем ты дал ей на забаву
Всю тайну чудотворных дней,–

Она твою развеет славу
Рукою хищною своей.
Стыдись, и творческой печали
Не у земной жены моли.
Таких в монастыри ссылали
И на кострах высоких жгли.
1922

***
3
99За озером луна остановилась
И кажется отворенным окном
В притихший, ярко освещенный дом,
Где что-то нехорошее случилось.
Хозяина ли мертвым привезли,
Хозяйка ли с любовником сбежала,
Иль маленькая девочка пропала
И башмачок у заводи нашли...
С земли не видно. Страшную беду
Почувствовав, мы сразу замолчали.
Заупокойно филины кричали,
И душный ветер буйствовал в саду.
1922

***
_
Хорошо ПОЮТ синицы,
У павлина яркий хвост,
Но милее нету птицы
Вашей славной «Алконост».
1922
Том. 1. Стихотворения. 1923 401
Скучно мне всю жизнь спасать
От себя людей,
Скучно кликать благодать
На чужих друзей!
1923
402

***

ЛОТОВА ЖЕНА
Жена же Лотова оглянулась позади
его и стала соляным столпом.
Книга Бытия
И праведник шел за посланником Бога,
Огромный и светлый, по черной горе.
Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.
Взглянула –и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.
Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.
21 февраля 1924
Петербург, Казанская, 2

***

МУЗА
Когда я ночью жду ее прихода,

Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».
(Март} 1924
Петербург, Казанская, 2

***

ХУДОЖНИКУ
Мне все твоя мерещится работа,
Твои благословенные труды:
Лип, навсегда осенних, позолота
И синь сегодня созданной воды.
Подумай, и тончайшая дремота
Уже ведет меня в твои сады,
Где, каждого пугаясь поворота,
В беспамятстве ищу твои следы.
Войду ли я под свод преображенный,
Твоей рукою в небо превращенный,
Чтоб остудился мой постылый жар?..
Там стану я блаженною навеки
И, раскаленные смежая веки,
Там снова обрету я слезный дар.
1924

***
405
Я именем твоим не оскверняю уст.
Ничто греховное мой сон не посещает,
Лишь память о тебе, как тот библейский куст,
Семь страшных лет мне путь мой освещает.
И как приворожить меня прохожий мог,
Веселый человек с зелеными глазами,
Любимец девушек, наездник и игрок.
Тому прошло семь лет. [Прославленный] Октябрь,
Как листья желтые, сметал людские жизни.
А друга моего последний мчал корабль
От страшных берегов пылающей отчизны.
1924 ?
406

***

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА
Так просто можно жизнь покинуть эту,
Бездумно и безбольно догореть,
Но не дано Российскому поэту
Такою светлой смертью умереть.
Всего верней свинец душе крылатой
Небесные откроет рубежи,
Иль хриплый ужас лапою косматой
Из сердца, как из губки, выжмет жизнь.
(25 февраля) 1925 (После 28 декабря 1925)

***

И ты мне все простишь:
И даже то, что я не молодая,
И даже то, что с именем моим,
Как с благостным огнем тлетворный дым,
Слилась навеки клевета глухая.
(25 февраля} 1925
408 I
***

И клялись они Серпом и Молотом
Перед твоим страдальческим концом:
«За предательство мы платим золотом,
А за песни платим мы свинцом».
(Ноябрь 1926}
Том. 1. Стихотворения. 1926 40
91925
И неоплаканною тенью
Я буду здесь блуждать в ночи,
Когда зацветшею сиренью
Играют звездные лучи.
1926. Шсрсметсвский сад
410

***

О, знала ль я, когда в одежде белой
Входила Муза в тесный мой приют,
Что к лире, навсегда окаменелой,
Мои живые руки припадут.
О, знала ль я, когда неслась, играя,
Моей любви последняя гроза,
Что лучшему из юношей, рыдая,
Закрою я орлиные глаза.
О, знала ль я, когда, томясь успехом,
Я искушала дивную Судьбу,
Что скоро люди беспощадным смехом
Ответят на предсмертную мольбу...
30 мая 1927. Мраморный дворец,

***
1411
КАВКАЗСКОЕ
Здесь Пушкина изгнанье началось
И Лермонтова кончилось изгнанье.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары,
В тот предвечерний и жестокий час –
Сияние неутоленных глаз
Бессмертного любовника Тамары.
Июль 1927
Кисловодск
412 I
***

Десять лет и год твоя подруга
Не слыхала, как поет гроза.
Десять лет и год святого юга
Не видали грешные глаза.
Июль 1927
Кисловодск

***
1413
Как взглянуть теперь мне в эти очи,
Стыден и несносен свет дневной.
Что мне делать? – ангел полуночи
До зари беседовал со мной.
Июль 1927
Кисловодск

***

Ты прости мне, что я плохо правлю,
Плохо правлю, да светло живу,
Память в песнях о себе оставлю,

И тебе приснилась наяву.
Ты прости, меня еще не зная,
Что навеки с именем моим,
Как с огнем веселым едкий дым,
Сочеталась клевета глухая.
23 августа 1927

***
I 415
Если плещется лунная жуть,
Город весь в ядовитом растворе.
Без малейшей надежды заснуть
Вижу я сквозь зеленую муть
И не детство мое, и не море,
И не бабочек брачный полет
Над грядой белоснежных нарциссов
В тот какой-то шестнадцатый год...
А застывший навек хоровод
Надмогильных твоих кипарисов.
/ октября 1928
Ленинград

***

ЭПИГРАММА
Здесь девушки прекраснейшие спорят
За честь достаться в жены палачам.
Здесь праведных пытают по ночам
И голодом неукротимых морят.
1928

***
1417
Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.
Все, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать –
Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.
Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.
И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Всходил со мною на крыльцо.
125
192
9Царское Село
418

***

Конечно, мне радости мало
Такая сулила гроза,
Зато я случайно узнала,
Какие у счастья глаза...
1920-е годы (?)

***
-е годы 141

9Уходи опять в ночные чащи,
Там поет бродяга-соловей,
Слаще меда, земляники слаще,
Даже слаще ревности моей.
1920-1930-е годы ?
420

***

ДВУСТИШИЕ
От других мне хвала —что зола,
От тебя и хула —похвала.
Весна 1931

***
421
...Оттого что мы все пойдем
По Таганцевке, по Есененке
Иль большим Маяковским путем.
25 декабря 1932
422

***

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ
Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью,—
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.
27 июля 1934
Шгрелитгвский дом

***
423
Привольем пахнет дикий мед,
Пыль — солнечным лучом,
Фиалкою — девичий рот,
А золото — ничем.
Водою пахнет резеда
И яблоком—любовь,
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...
И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом
Под зловещие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома...
1934
Ленинград
424 I
***

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыть!
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.
Осень 1935
Москва

***

Зачем вы отравили воду
И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу
Вы превращаете в вертеп?
За то, что я не издевалась
Над горькой гибелью друзей?
За то, что я верна осталась
Печальной родине моей?
Пусть так. Без палача и плахи
Поэту на земле не быть.
Нам покаянные рубахи,
Нам со свечой идти и выть.
1935
426

***

БОРИС ПАСТЕРНАК
Он, сам себя сравнивший с конским глазом,
Косится, смотрит, видит, узнает,
И вот уже расплавленным алмазом
Сияют лужи, изнывает лед.
В лиловой мгле покоятся задворки,
Платформы, бревна, листья, облака.
Свист паровоза, хруст арбузной корки,
В душистой лайке робкая рука.
Звенит, гремит, скрежещет, бьет прибоем
И вдруг притихнет, – это значит, он
Пугливо пробирается по хвоям,
Чтоб не спугнуть пространства чуткий сон.
И это значит, он считает зерна
В пустых колосьях, это значит, он
К плите дарьяльской, проклятой и черной,
Опять пришел с каких-то похорон.
И снова жжет московская истома,
Звенит вдали смертельный бубенец...
Кто заблудился в двух шагах от дома,
Где снег по пояс и всему конец?
Том I. Стихотворения. 1936
За то, что дым сравнил с Лаокооном,
Кладбищенский воспел чертополох,
За то, что мир наполнил новым звоном
В пространстве новом отраженных строф,–
Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.
19 января 1936
Ленинград
428 I
***

Не прислал ли лебедя за мною,
Или лодку, или черный плот? –
Он в шестнадцатом году весною
Обещал, что скоро сам придет.
Он в шестнадцатом году весною
Говорил, что птицей прилечу
Через мрак и смерть к его покою,
Прикоснусь крылом к его плечу.
Мне его еще смеются очи
И теперь, шестнадцатой весной.
Что мне делать! Ангел полуночи
До зари беседует мо мной.
Февраль 1936

Москва (Нащокинский у Ардовых)

***
42
9ВОРОНЕЖ
О. М аньельштаму
И город весь стоит оледенелый.
Как под стеклом деревья, стены, снег.
По хрусталям я прохожу несмело.
Узорных санок так неверен бег.
А над Петром воронежским—вороны,
Да тополя, и свод светло-зеленый,
Размытый, мутный, в солнечной пыли,
И Куликовской битвой веют склоны
Могучей, победительной земли.
И тополя, как сдвинутые чаши,
Над нами сразу зазвенят сильней,
Как будто пьют за ликованье наше
На брачном пире тысячи гостей.
А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черед.
И ночь идет,
Которая не ведает рассвета.
4 марта 1936

***

ЗАКЛИНАНИЕ
Из тюремных ворот,
Из заохтенских болот,
Путем нехоженым,
Лугом некошеным,
Сквозь ночной кордон,
Под пасхальный звон,
Незваный,
Несуженый,—
Приди ко мне ужинать.
15 апреля 1936
Ленинград

***

ДАНТЕ
II mio bel San Giovanni.
Dante*
Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть, —
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной...
17 августа 1936
Разлив

***

От тебя я сердце скрыла,
Словно бросила в Неву...
Прирученной и бескрылой
Я в дому твоем живу.
Только... ночью слышу скрипы.
Что там — в сумраках чужих?

Шереметевские липы...
Перекличка домовых...
Осторожно подступает,
Как журчание воды,
К уху жарко приникает
Черный шепоток беды –
И бормочет, словно дело
Ей всю ночь возиться тут:
«Ты уюта захотела,
Знаешь, где он –твой уют?»
30 октября 1936
Ленинград. Ночь

***
433
Одни глядятся в ласковые взоры,
Другие пьют до солнечных лучей,
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью своей.
Я говорю: «Твое несу я бремя
Тяжелое, ты знаешь, сколько лет».
Но для нее не существует время,
И для нее пространства в мире нет.
И снова черный масленичный вечер,
Зловещий парк, неспешный бег коня.
И полный счастья и веселья ветер,
С небесных круч слетевший на меня.
А надо мной спокойный и двурогий
Стоит свидетель... о, туда, туда,
По древней Подкапризовой дороге,
Где лебеди и мертвая вода.
3 ноября 1936

***

ТВОРЧЕСТВО
Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вкруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава
Как по земле идет с котомкой лихо..
Но вот уже послышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.
5 ноября 1936
Ленинград, Фонтанный Дом

***
435
...За ландышевый май
В моей Москве кровавой
Отдам я звездных стай
Сияния и славы.
Май 1937
Москва
436

***

Я знаю, с места не сдвинуться

От тяжести Виевых век.
О, если бы вдруг откинуться
В какой-то семнадцатый век.
С душистою веткой березовой
Под Троицу в церкви стоять,
С боярынею Морозовой
Сладимый медок попивать,
А после на дровнях в сумерки
В навозном снегу тонуть...
Какой сумасшедший Суриков
Мой последний напишет путь?
1937

***
437
НЕМНОГО ГЕОГРАФИИ
О. М андельштаму
Не столицею европейской
С первым призом за красоту—
Душной ссылкою енисейской,
Пересадкою на Читу,
На Ишим, на Иргиз безводный,
На прославленный Акбасар,
Пересылкою в лагерь Свободный,
В трупный запах прогнивших нар, —
Показался мне город этот
Этой полночью голубой,
Он, воспетый первым поэтом,
Нами грешными —и тобой.
1937
438

***

За такую скоморошину,
Откровенно говоря,
Мне свинцовую горошину
Ждать бы от секретаря.
1937

***
143
9ПОДРАЖАНИЕ АРМЯНСКОМУ
Я приснюсь тебе черной овцою
На нетвердых, сухих ногах,
Подойду, заблею, завою:
«Сладко ль ужинал, падишах?
Ты вселенную держишь, как бусу,
Светлой волей Аллаха храним...
И пришелся ль сынок мой по вкусу
И тебе и деткам твоим?»
1937?
1939?

***

ПАМЯТИ ПИЛЬНЯКА
Все это разгадаешь ты один...
Когда бессонный мрак вокруг клокочет,
Тот солнечный, тот ландышевый клин
Врывается во тьму декабрьской ночи.
И по тропинке я к тебе иду.
И ты смеешься беззаботным смехом.
Но хвойный лес и камыши в пруду
Ответствуют каким-то странным эхом...
О, если этим мертвого бужу,
Прости меня, я не могу иначе:
Я о тебе, как о своем, тужу

И каждому завидую, кто плачет,
Кто может плакать в этот страшный час
О тех, кто там лежит на дне оврага...
Но выкипела, не дойдя до глаз,
Глаза мои не освежила влага.
1938
Фонтанный Дом. Ночь

***
441
Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом,
Входит в шапке набекрень.
Видит желтый месяц тень.
Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.
1938

***

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей –
Как трехсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезой горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука – а сколько там
Неповинных жизней кончается...
1938
Том I. Стихотворения. 1938 1443
РАСПЯТИЕ
«Не рыдай Мене, Мати
во гробе зрящи».
1
Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А Матери: «О, не рыдай Мене...»
J 938
2
Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.
1938 ?
Фонтанный Дом
193
9444

***

Легкие летят недели.
Что случилось, не пойму,
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели,
Как они опять глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоем кресте высоком
И о смерти говорят.
Весна 193
9
***
1445

ПРИГОВОР
И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.
У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.
А не то... Горячий шелест лета
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.
22 июня 193
9Фонтанный Дом
446

***

Годовщину последнюю празднуй –
Ты пойми, что сегодня точь-в-точь
Нашей первой зимы –той, алмазной –
Повторяется снежная ночь.
Пар валит из-под царских конюшен,
Погружается Мойка во тьму,
Свет луны, как нарочно, притушен,
И куда мы идем –не пойму.
Меж гробницами внука и деда
Заблудился взъерошенный сад.
Из тюремного вынырнув бреда,
Фонари погребально горят.
В грозных айсбергах Марсово поле,
И Лебяжья лежит в хрусталях...
Чья с моею сравняется доля,
Если в сердце веселье и страх.
И трепещет, как дивная птица,
Голос твой у меня над плечом.
И внезапным согретый лучом
Снежный прах так тепло серебрится.
9-10 июля 193
9
***
447
К СМЕРТИ
Ты все равно придешь–зачем же не теперь?
Я жду тебя–мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом,
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом,
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой, –
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь. Клубится Енисей.
Звезда Полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застилает.
19 акута 193
9Фонтанный Дом
448

***

Жить –так на воле,
Умирать –так дома.

Волково Поле,
Желтая солома.
30 ноября 193
9
***
44
9Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари...
Ночь.
193
91 5–125

***

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,
И звон кадильный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.
193
9
***
-е годы 451
Мне, лишенной огня и воды,
Разлученной с единственным сыном...
На позорном помосте беды
Как под тронным стою балдахином...
1930-е годы
452

***

Вот и доспорился, яростный спорщик,
До Енисейских равнин...
Вам он бродяга, шуан, заговорщик,
Мне он –единственный сын.
1930-е годы

***
-е годы
Семь тысяч три километра...
Не услышишь, как мать зовет,
В грозном вое полярного ветра,
В тесноте обступивших невзгод,
Там дичаешь, звереешь–ты милый,
Ты последний и первый, ты –наш,
Над моей ленинградской могилой
Равнодушная бродит весна...
1930-е годы

***

ОТВЕТ
И вовсе я не пророчица,
Жизнь моя светла, как ручей,
А просто мне петь не хочется
Под звон тюремных ключей.

1930-е годы

***
-е годы 1455
[ИЗ ЗАБЫТОГО]
Ах! — где те острова,
Где растет трын-трава
Густо
Где Ягода-злодей
Не гоняет людей
К стенке
И Алешка Толстой
Не снимает густой
Пенки.
1930-е годы
456

***

Все ушли, и никто не вернулся,
Только, верный обету любви,
Мой последний, лишь ты оглянулся,
Чтоб увидеть все небо в крови.
Дом был проклят, и проклято дело,
Тщетно песня звенела нежней,
И глаза я поднять не посмела
Перед страшной судьбою своей.
Осквернили пречистое слово,
Растоптали священный глагол,
Чтоб с сиделками тридцать седьмого
Мыла я окровавленный пол.
Разлучили с единственным сыном,
В казематах пытали друзей,
Окружили невидимым тыном
Крепко слаженной слежки своей.
Наградили меня немотою,
На весь мир окаянно кляня,
Обкормили меня клеветою,
Опоили отравой меня
И, до самого края доведши,
Почему-то оставили там.
Любо мне, городской сумасшедшей,
По предсмертным бродить площадям.
1930-1 годы I960

***
-е годы 457
НАДПИСЬ НА КНИГЕ
Что отдал—то твое.
Шота Руставели
Из-под каких развалин говорю,
Из-под какого я кричу обвала,
Как в негашеной извести горю
Под сводами зловонного подвала.
Пусть назовут безмолвною зимой
И вечные навек захлопнут двери.
Но все-таки услышат голос мой.
И все-таки ему опять поверят.
1930-е годы
458

***

С Новым Годом! С новым горем!
Вот он пляшет, озорник,
Над Балтийским дымным морем,
Кривоног, горбат и дик.
И какой он жребий вынул

Тем, кого застенок минул?
Вышли в поле умирать.
Им светите, звезды неба!
Им уже земного хлеба,
Глаз любимых не видать.
13 января 1940

***
45
ЭИВА
И дряхлый пук дерев.
Пушкин
А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века,
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила„
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами.
И —странно! —я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... Как будто умер брат.
18 января 1940
Ленинград
460

***

ПОДВАЛ ПАМЯТИ
О, погреб памяти.
Хлебников
Но сущий вздор, что я живу грустя
И что меня воспоминанье точит.
Не часто я у памяти в гостях,
Да и она всегда меня морочит.
Когда спускаюсь с фонарем в подвал,
Мне кажется — опять глухой обвал
За мной по узкой лестнице грохочет.
Чадит фонарь, вернуться не могу,
А знаю, что иду туда, —к врагу.
И я прошу как милости... Но там
Темно и тихо. Мой окончен праздник!
Уж тридцать лет, как проводили дам,
От старости скончался тот проказник...
Я опоздала. Экая беда!
Нельзя мне показаться никуда.
Но я касаюсь живописи стен
И у камина греюсь. Что за чудо!
Сквозь эту плесень, этот чад и тлен
Сверкнули два живые изумруда.
И кот мяукнул. Ну, идем домой!
Но где мой дом и где рассудок мой?
18 января 1940

***
461
Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.
Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и на мученье мне.
21 января 1940

***

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.
Я заметила это, вернувшись
С похорон одного поэта.
И с тех пор проверяла часто,
И моя догадка подтвердилась.
21 января 1940
Ленинград
7 марта 1940
Ленинград

***
1463
Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад,
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки.
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь.
31 января 1940
464

***

КЛЕОПАТРА
Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Пушкин
Уже целовала Антония мертвые губы,
Уже на коленях пред Августом слезы лила...
И предали слуги. Грохочут победные трубы
Под римским орлом, и вечерняя стелется мгла.
И входит последний плененный ее красотою,
Высокий и статный, и шепчет в смятении он:
«Тебя —как рабыню... в триумфе пошлет
пред собою...»
Но шеи лебяжьей все так же спокоен наклон.
А завтра детей закуют. О, как мало осталось
Ей дела на свете — еще с мужиком пошутить
И черную змейку, как будто прощальную жалость,
На смуглую грудь равнодушной рукой положить.
7 февраля 1940
Ленинград. Фонтанный Дом

***
465
МАЯКОВСКИЙ В 1913 ГОДУ
Я тебя в твоей не знала славе,
Помню только бурный твой рассвет,
Но, быть может, я сегодня вправе
Вспомнить день тех отдаленных лет.
Как в стихах твоих крепчали звуки,

Новые роились голоса...
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса.
Все, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до тех пор,
То, что разрушал ты, — разрушалось,
В каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен,
С нетерпеньем торопил судьбу,
Знал, что скоро выйдешь весел, волен
На свою великую борьбу.
И уже отзывный гул прилива
Слышался, когда ты нам читал,
Дождь косил свои глаза гневливо,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал,
Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать, как боевой сигнал.
3 марта 1940
466 I
***

Так отлетают темные души...
— Я буду бредить, а ты не слушай.
Зашел ты нечаянно, ненароком —
Ты никаким ведь не связан сроком,
Побудь же со мною теперь подольше.
Помнишь, мы были с тобою в Польше?
Первое утро в Варшаве... Кто ты?
Ты уж другой или третий? —«Сотый!»
— А голос совсем такой, как прежде.
Знаешь, я годы жила в надежде,
Что ты вернешься, и вот —не рада.
Мне ничего на земле не надо,
Ни громов Гомера, ни Дантова дива.
Скоро я выйду на берег счастливый:
И Троя не пала, и жив Эабани,
И все потонуло в душистом тумане.
—
***
467
Я б задремала под ивой зеленой,
Да нет мне покоя от этого звона.
Что он? —то с гор возвращается стадо?
Только в лицо не дохнула прохлада.
Или идет священник с дарами?
А звезды на небе, а ночь над горами...
Или сзывают народ на вече? —
«Нет, это твой последний вечер!»
11-20 марта 1940 7 шяьря 1940
468 I
***

Уложила сыночка кудрявого
И пошла на озеро по воду,
Песни пела, была веселая,
Зачерпнула воды и слушаю:
Мне знакомый голос прислышался,
Колокольный звон
Из-под синих волн,
Так у нас звонили в граде Китеже.
Вот большие бьют у Егория,
А меньшие с башни Благовещенской,
Говорят они грозным голосом:
— Ах, одна ты ушла от приступа,
Стона нашего ты не слышала,
Нашей горькой гибели не видела.

Но светла свеча негасимая
За тебя у престола Божьего.
Что же ты на земле замешкалась
И венец надеть не торопишься?
Распустился твой крин во полунощи,
И фата до пят тебе соткана.
Что ж печалишь ты брата-воина
И сестру – голубицу-схимницу,
Своего печалишь ребеночка...–
Как последнее слово услышала,
Света я пред собою невзвидела,
Оглянулась, а дом в огне горит.
13-14 марта 1940. Ночь

***
46
9ПОЗДНИЙ ОТВЕТ
Белорученька моя, чернокнижница...
М. Цвстаева
Невидимка, двойник, пересмешник,
Что ты прячешься в черных кустах? –
То забьешься в дырявый скворешник,
То мелькнешь на погибших крестах,
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой.
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной.
Поглотила любимых пучина,
И разграблен родительский дом».
Мы сегодня с тобою, Марина,
По столице полночной идем,
А за нами таких миллионы,
И безмолвнее шествия нет,
А вокруг погребальные звоны,
Да московские хриплые стоны
Вьюги, наш заметающей след.
16 марта 1940
Фонтанный Дом
1961
Красная Конница
470

***

Памяти М. А. Булгакова
Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.
Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.
И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.
О, кто подумать мог, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней не бывших,
Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех пережившей, всё забывшей, –
Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь смертельной боли.
Март 1940
Ленинград
Фонтанный Дом

***
1471
Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:
И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,
И ту, что, красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу как домой».
Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,
И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ,
Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.
I
***
_
А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условьем—не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь.
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть громыхание черных марусь,
Забыть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век,
Как слезы, струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.
Около 10 марта 1940
Фонтанный Дом

***
1473
ПРО СТИХИ НАРБУТА
Н. Харджиеву
Это—выжимки бессонниц,
Это — свеч кривых нагар,
Это —сотен белых звонниц
Первый утренний удар...
Это —теплый подоконник
Под черниговской луной,
Это—пчелы, это —донник,
Это пыль, и мрак, и зной.
Апрель 1940
Москва
474

***

СТАНСЫ
Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь.
Как крестный ход идут часы Страстной недели...
Я вижу страшный сон. Неужто в самом деле
Никто, никто, никто не может мне помочь?
В Кремле не надо жить, Преображенец прав,
Здесь зверства древнего еще кишат микробы:

Бориса дикий страх, и всех Иванов злобы,
И Самозванца спесь–взамен народных прав.
Апрель 1940
Москва

***
475
ИЗ ЦИКЛА «ЮНОСТЬ»
Мои молодые руки
Тот договор подписали
Среди цветочных киосков
И граммофонного треска,
Под взглядом косым и пьяным
Газовых фонарей.
И старше была я века
Ровно на десять лет.
И на закат наложен
Был белый траур черемух,
Что осыпался мелким,
Душистым, сухим дождем...
И облака сквозили
Кровавой Цусимской пеной,
И плавно ландо катили
Теперешних мертвецов...
А нам бы тогдашний вечер
Показался бы маскарадом,
Показался бы карнавалом,
Феерией grand-gala...*
Пышное торжество (фр.).
476

***

От дома того –ни щепки,
Та вырублена аллея,
Давно опочили в музее
Те шляпы и башмачки.
Кто знает, как пусто небо
На месте упавшей башни,
Кто знает, как тихо в доме,
Куда не вернулся сын.
Ты неотступен, как совесть,
Как воздух, всегда со мною,
Зачем же зовешь к ответу?
Свидетелей знаю твоих:
То Павловского вокзала
Раскаленный музыкой купол
И водопад белогривый
У Баболовского дворца.
3 мая 1940 29 сттября 1940

***
477
Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином
И манит в черную долину.
И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему
Уже как бы чужому бреду.
И не позволит ничего
Оно мне унести с собою
(Как ни упрашивать его
И как ни докучать мольбою):
Ни сына страшные глаза –
Окаменелое страданье,
Ни день, когда пришла гроза,

Ни час тюремного свиданья,
Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,
Ни отдаленный легкий звук –
Слова последних утешений.
4 мая 1940
478 I
***

В лесу голосуют деревья.
Н. Заьолоцкий
И вот, наперекор тому,
Что смерть глядит в глаза,–
Опять, по слову твоему,
Я голосую за:
То, чтоб дверью стала дверь,
Замок опять замком,
Чтоб сердцем стал угрюмый зверь
В груди... А дело в том,
Что суждено нам всем узнать,
Что значит третий год не спать,
Что значит утром узнавать
О тех, кто в ночь погиб.
20мая 1940

***
147
9НАДПИСЬ НА КНИГЕ
М. Лозинскому
Почти от залетейской тени
В тот час, как рушатся миры,
Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары,
Чтоб та, над временами года,
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена,–
Мне улыбнулась так же кротко,
Как тридцать лет тому назад...
И сада Летнего решетка,
И оснеженный Ленинград
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал,
И над задумчивою Летой
Тростник оживший зазвучал.
28 - 29 мая 1940
Ленинград
Фонтанный Дом
480

***

ТРЕТИЙ ЗАЧАТЬЕВСКИЙ
Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.
Тянет свежесть с Москва-реки,
В окнах теплятся огоньки.
Покосился гнилой фонарь–
С колокольни идет звонарь...
Как по левой руке – пустырь,
А по правой руке–монастырь,
А напротив–высокий клен
Красным заревом обагрен,
А напротив – высокий клен
Ночью слушает долгий стон.
Мне бы тот найти образок,
Оттого что мой близок срок,
Мне бы снова мой черный платок,

Мне бы невской воды глоток.
2 августа 1940

***
481
АВГУСТ 1940
То град твой, Юлиан!
Вяч. Иванов
Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке,—
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.
И клонятся головы ниже,
Как маятник, ходит луна.
Так вот — над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.
5 августа 1940
Ленинград, Шереметевский дом
16—125
482

***

ТЕНЬ
Что знает женщина одна о смертном часе?
О. Мандельштам
Всегда нарядней всех, всех розовей и выше,
Зачем всплываешь ты со дна погибших лет
И память хищная передо мной колышет
Прозрачный профиль твой за стеклами карет?
Как спорили тогда —ты ангел или птица?
Соломинкой тебя назвал поэт.
Равно на всех сквозь черные ресницы
Дарьяльских глаз струился нежный свет.
О тень! Прости меня, но ясная погода,
Флобер, бессонница и поздняя сирень
Тебя — красавицу тринадцатого года —
И твой безоблачный и равнодушный день
Напомнили... А мне такого рода
Воспоминанья не к лицу. О тень!
9 августа 1940. Вечер

***
1483
Соседка из жалости —два квартала,
Старухи, как водится, —до ворот,
А тот, чью руку я держала,
До самой ямы со мной пойдет.
И станет совсем один на свете
Над рыхлой, черной, родной землей
И громко спросит, но не ответит
Ему, как прежде, голос мой.
15 августа 1940
484 I
***

ЛОНДОНЦАМ
И сделалась война на небе.
Апок алипсис
Двадцать четвертую драму Шекспира

Пишет время бесстрастной рукой.
Сами участники грозного пира,
Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лира
Будем читать над свинцовой рекой;
Лучше сегодня голубку Джульетту
С пеньем и факелом в гроб провожать,
Лучше заглядывать в окна к Макбету,
Вместе с наемным убийцей дрожать,—
Только не эту, не эту, не эту,
Эту уже мы не в силах читать!
Август ? - 29 сентября 1940

***

1485

ПРЕДЫСТОРИЯ

Я теперь живу не там...
Пушкин
Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольней.
Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.
Везде танцклассы, вывески менял,
А рядом: «Henriette», «Basile», «Andre»
И пышные гроба: «Шумилов-старший».
Но, впрочем, город мало изменился.
Не я одна, но и другие тоже
Заметили, что он подчас умеет
Казаться литографией старинной,
Не первоклассной, но вполне пристойной,
Семидесятых, кажется, годов.
Особенно зимой, перед рассветом
Иль в сумерки — тогда за воротами
Темнеет жесткий и прямой Литейный,
Еще не опозоренный модерном,
И визави меня живут —Некрасов
И Салтыков... Обоим по доске
Мемориальной. О, как было б страшно
Им видеть эти доски! Прохожу.

***

А в Старой Руссе пышные канавы,
И в садиках подгнившие беседки,
И стекла окон так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, уйдем.
Не с каждым местом сговориться можно,
Чтобы оно свою открыло тайну
(А в Оптиной мне больше не бывать...).
Шуршанье юбок, клетчатые пледы,
Ореховые рамы у зеркал,
Каренинской красою изумленных,
И в коридорах узких те обои,
Которыми мы любовались в детстве,
Под желтой керосиновою лампой,
И тот же плюш на креслах...
Все разночинно, наспех, как-нибудь...
Отцы и деды непонятны. Земли
Заложены. И в Бадене — рулетка.
И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила,—
Ненужный дар моей жестокой жизни...
Страну знобит, а омский каторжанин

Все понял и на всем поставил крест.
Вот он сейчас перемешает все
И сам над первозданным беспорядком,
Как некий дух, взнесется. Полночь бьет.
Перо скрипит, и многие страницы
Семеновским припахивают плацем.

***
487
3 сентября 1940 1942 Октябрь 1943
Ленинград Ташкент Ташкент
Так вот когда мы вздумали родиться
И, безошибочно отмерив время,
Чтоб ничего не пропустить из зрелищ
Невиданных, простились с небытьем.
488

***

Но я предупреждаю вас,
Что я живу в последний раз.
Ни ласточкой, ни кленом,
Ни тростником и ни звездой,
Ни родникового водой,
Ни колокольным звоном –
Не буду я людей смущать
И сны чужие навещать
Неутоленным стоном.
7 ноявря 1940

***
48
9Не недели, не месяцы—годы
Расставались. И вот наконец
Холодок настоящей свободы
И седой над висками венец.
Больше нет ни измен, ни предательств,
И до света не слушаешь ты,
Как струится поток доказательств
Несравненной моей правоты.
7 ноября 1940
1941

***

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.
А я иду—за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.
1940
Том I. Стихотворения. 1940 1491
Уж я ль не знала бессонницы
Все пропасти и тропы,
Но эта как топот конницы
Под вой одичалой трубы.
Вхожу в дома опустелые,
В недавний чей-то уют.
Все тихо, лишь тени белые
В чужих зеркалах плывут.
И что там в тумане—Дания,
Нормандия, или тут
Сама я бывала ранее,
И это—переиздание
Навек забытых минут?

1940
492

***

НАДПИСЬ НА КНИГЕ «ПОДОРОЖНИК»
Совсем не тот таинственный художник,
Избороздивший Гофмановы сны,—
Из той далекой и чужой весны
Мне чудится смиренный подорожник.
Он всюду рос, им город зеленел,
Он украшал широкие ступени,
И с факелом свободных песнопений
Психея возвращалась в мой придел.
А в глубине четвертого двора
Под деревом плясала детвора
В восторге от шарманки одноногой,
И била жизнь во все колокола...
А бешеная кровь меня к тебе вела
Сужденной всем, единственной дорогой.
18 января 1941
Ленинград

***
1493
Прокаженный МОЛИЛСУ...
В. Брюсов
То, что я делаю, способен делать каждый.
Я не тонул во льдах, не изнывал от жажды
И с горстью храбрецов не брал финляндский дот,
И в бурю не спасал какой-то пароход.
Ложиться спать, вставать, съедать обед убогий
И даже посидеть на камне у дороги,
И даже, повстречав падучую звезду
Иль серых облаков знакомую гряду,
Им улыбнуться вдруг, поди куда как трудно.
Тем более дивлюсь своей судьбине чудной
И, привыкая к ней, привыкнуть не могу,
Как к неотступному и зоркому врагу...
Затем, что из двухсот советских миллионов,
Живущих в благости отеческих законов,
Найдется ль кто-нибудь, кто свой горчайший час
На мой бы променял—я спрашиваю вас?
А не откинул бы с улыбкою сердитой
Мое прозвание как корень ядовитый.
О Господи! воззри на легкий подвиг мой
И с миром отпусти свершившего домой.
Январь 1941
Фонтанный Дом

***

ЛЕНИНГРАД В МАРТЕ 1941
Cadran solaire* на Меншиковом доме.
Подняв волну, проходит пароход.
О, есть ли что на свете мне знакомей,
Чем шпилей блеск и отблеск этих вод!
Как щелочка, чернеет переулок.
Садятся воробьи на провода.
У наизусть затверженных прогулок
Соленый привкус —тоже не беда.
Март ? 1941
Солнечные часы (фр.).

Анна Ахматова родилась 11 июня (по старому стилю) 1889 г. на даче Саракини в пригороде Одес¬сы Большой Фонтан –«11-я станция паровичка»,– как писала она о месте своего рождения. «Дачка эта (вернее, избушка) стояла в глубине очень узкого и идущего вниз участка земли –рядом с почтой. Морской берег там очень крутой, и рельсы парович¬ка шли по самому краю»*. Столь точное описание места своего рождения Ахматова могла дать потому, что побывала там много лет спустя, в 1904 г.: «Когда мне было 15 лет и мы жили на даче в Лустдорфе, проезжая как-то мимо этого места, мама предложи¬ла мне сойти и посмотреть на дачу Саракини, которую я прежде не видела. У входа в избушку я сказала: «Здесь когда-нибудь будет мемориальная доска». Я не была тщеславна. Это была просто глупая шутка. Мама огорчилась. «Боже, как я плохо тебя воспитала», – сказала она»**. Мемориальная

* Ахматова А. Автобиографическая проза. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 269 - 270. ** Там же. С. 270.

доска на этом месте (дача Саракини не сохрани¬лась) действительно была установлена – в 1989 г., в столетнюю годовщину со дня рождения поэта: бронзовый барельеф работы одесского скульптора Таисьи Георгиевны Судьиной, стилизованное уд¬линенное поясное изображение прекрасной и пе¬чальной молодой женщины, которая как бы повер¬нулась к зрителям вполоборота; большеглазое горбоносое лицо, у подбородка – длинные пальцы крупной, тонкой руки. Между тем у реальной Анны Андреевны Горенко, в замужестве Гумилевой, затем Шилейко, известной нам под псевдонимом–Анна Ахматова, были маленькие, пухлые ручки с корот¬кими, хотя и очень красивыми, утончающимися к ногтям, пальцами. Но такова сила легенды, кото-рая возникла вокруг имени и личности Ахматовой почти с первых ее поэтических шагов, – легенды о женщине-поэте Серебряного века, в которой ре¬альный человек и героиня стихов слиты воедино...

Героиня ранних стихов Ахматовой была женст¬венной и роковой:

Я умею любить. Я обманно-стыдлива. Я так робко-нежна и всегда молчалива. Только очи мои говорят.

Ее тело как бы двигалось в танце в честь богини любви и красоты Афродиты, а руки напоминали крылья:

Скольжу и тружусь в заревом бессилье. Богиня! тебе мой гимн. Руки, как крылья, руки, как крылья, Над челом золотистый нимб.

«Руки, как крылья», конечно же, не могли быть маленькими и пухлыми. Забывая о дистанции меж¬ду героиней стихов и их автором, такой, мифологи-зированной, и изображали Ахматову художники, начиная с О. Л. Делла-Вос-Кардовской, Н. И. Альт¬мана, Ю. П. Анненкова и др.

Легенда была частью славы и сопровождала Ахматову с первых ее шагов на творческом пути поэта.

Несходство реальной жизни и легенды о жизни поэта иногда оставляло Ахматову равнодушной, иногда забавляло, иногда возмущало. Забавляла ле¬генда о ее романе с Блоком и о том, что Блоку адресовано стихотворение «Сероглазый король», написанное за несколько месяцев до их знакомства. Воспринималась как неизбежная, а может быть,– как необходимая, стилизация ее портретов под об¬общенный облик декадентской (или, точнее – модер¬нистской) поэтессы–на портрете Н. Альтмана, например. «Альтмановский портрет на сходство и не претендует: явная стилизация, сравните с мо¬ими фотографиями того же времени...»*. Возмущало в писаниях поздних эмигрантских мемуаристов ис¬кажение истории ее взаимоотношений с Николаем Степановичем Гумилевым. Приводила в ярость по¬пытка «запихнуть» ее только в Серебряный век, изобразить ее творчество частью дореволюционной российской поэзии, исключить из поэтической и гражданской истории современной России и мира. С этим «склубившимся двойником» в виде дорево¬люционной дамы, не сумевшей вовремя умереть**, она боролась всеми доступными ей средствами:

* Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М., Согласие, 1997. С. 235. Далее том (арабская цифра) и страница указываются в тексте.

** Фраза из статьи В. О. Перцова «По литературным водораз¬делам» (журнал «Жизнь искусства», 1925), которую Ахматова цитиро¬вала в автобиографической прозе: «Статью у меня взяли, но я помню одну фразу: «Мы не можем сочувствовать женщине, которая не знала, когда ей умереть».

писала развернутые опровержения в своих рабочих тетрадях, диктовала подлинные версии событий своему биографу Аманде Хейт и рассказывала о них людям, о которых наверняка знала, что они записывают все беседы с нею, –Лидии Корнеевне Чуковской, например. Подробно излагала свои оп¬ровержения в письмах к литературоведам, живущим на Западе. Мнения о ее творчестве, сведения о судь¬бе, факты жизни должны были быть изложены точ¬но,–и она хотела сама контролировать эту точ¬ность и исправлять намеренные и ненамеренные погрешности.

Позже, в периоды гонений, лжелегенду о поэте создавали сознательно–политики и критики, обслу¬живающие государственную систему деспотизма, единовластия и

единомыслия. Эта лжелегенда – об отрыве от современности, о «полумонахине-полублуднице» – была клеветой, и Ахматова не опус¬калась до того, чтобы опровергать ее. Опровержением были вся ее жизнь и все ее творчество. Анна Ахматова всегда понимала, кто она, – осознавала свое место в ис¬тории русской культуры, так как была не только поэтом, но и историком, «мастером исторической жи¬вописи»*, биографом (в стихах и прозе) Серебряного века русской культуры. Так же ее воспринимали окружающие и запоминали ее облик, ее афористи¬чески точные высказывания, ее справедливые или несправедливые, но всегда отточенно сформулиро¬ванные суждения. Пожалуй, ни об одном из ее современников не сохранилось такого количест¬ва воспоминаний, дневниковых записей, отзывов в письмах, устных рассказов, записанных ее со¬беседниками и их более поздними слушателями.

* Слова об Ахматовой Корнея Ивановича Чуковского, начавшего ими статью о «Поэме без Героя».

Сегодня мы можем воссоздать почти каждый год ее жизни, а в некоторые периоды – почти каждый ме¬сяц, неделю, день. На фоне реальной судьбы ярче обрисовывается судьба-легенда, и получают допол¬нительный подтекст и комментарий великие стихи Ахматовой.

Ахматовский архив–число ее рукописей – так¬же чрезвычайно велик. Автографы, авторизованные списки, авторизованные машинописи, магнитофон¬ные записи, воспроизведения стихов по памяти близ¬кими к Ахматовой людьми–все это существует, «ти¬ражированное» во многих экземплярах по воле самой Ахматовой, и принадлежит разным лицам. Некото¬рые из них уже передали свои коллекции в государ¬ственные хранилища, другие–держат их в тайне, отказываясь показывать издателям и исследовате¬лям даже описи. Легенда растет и, по мере того как уходят из жизни последние близко знавшие Анну Андреевну люди, становится все более далекой и от реальной правды, и от стилизованной, мифологизиро¬ванной правды-легенды, которую создавала сама Ах¬матова и которая составляла часть ее жизни.

Попробуем описать жизненный путь поэта воз¬можно более точно, а легенду о ее жизни – возмож¬но ближе к тому образу, который хотела оставить для современников и потомков сама Ахматова, па¬мятуя ее неоднократно повторяемые слова: «Я хочу знать о своих друзьях ровно столько, сколько они бы хотели, чтобы я знала».

1. «И НИКАКОГО РОЗОВОГО ДЕТСТВА...»

С самого детства в судьбе будущего поэта при¬сутствует тайна. Она содержится даже в дате рож¬дения– 11 июня по старому стилю и 23 или 24 июня по новому стилю 1889 г. Неуверенность в дате–23 или 24–возникла из-за того, что по новому стилю (григорианскому календарю) к дате по старому стилю в XIX в. надо было прибавлять 12 дней, а в XX в.–13. Анна Андреевна праздновала свой день рождения то в один, то в другой из этих дней, а в автобиографических заметках писала, что роди¬лась в ночь с 23 на 24-е, «в ночь Ивана Купалы», в таинственную колдовскую Иванову ночь, когда расцветает папоротник, действуют чары и снимают заклятья*. «Я родилась в один год с Чарли Чапли-ном, «Крейцеровой сонатой» Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом. В это лето Париж праздновал столетие падения Бастилии – 1889. В ночь моего рождения справлялась и справляется древняя Иванова ночь – 23 июня (Midsummer Night)»– (ночь летнего солнцестояния, середина ле¬та–англ. – Н. К.)**. Элиот, положим, на самом деле родился в предыдущем, 1888 г., но эта кажу¬

* А. Г. Наймам, автор книги «Рассказы о Анне Ахматовой», также обратил внимание на «путаницу» с числами: он пишет, что Ахматова «любила заметить мимоходом, что родилась в праздник Владимирской иконы Божьей Матери, установленный в память избав¬ления Руси от ордынского хана Ахмата, ее легендарного предка, на котором кончилось татарское иго. Но этот день–23 июня по старому стилю, 6 июля по новому» (Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 54). Найман упоминает об Ивановой ночи и ее колдовских чарах, в которых якобы черпала силу Муза Ахматовой, о том, что день своего рождения Ахматова связывала не с христианскими праздниками, а с языческими: Аграфены-купальницы, кануна Ивановой ночи. «Это усвоение, как сейчас принято говорить, народных традиций, сложив¬шихся вокруг культа Ивана Купалы, а по сути языческой, т. е. демони¬ческой, реальности его культа, было отнюдь не безобидным. Тем более что оно переплеталось проникновением или намерением проникнуть в области действия тех таинственных сил, проявление которых описыва¬ют главным образом мифы, объединенные культами луны и воды. (...)

Тут была игра –и не игра. Шутка –и питательная среда ее поэзии» (там же. С. 55).

** Ахматова А. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 269.

щаяся небрежность была стилистически нужна Ах¬матовой; в некоторых других перечислениях она называла Адольфа Гитлера и Габриелу Мистраль, чилийскую поэтессу. Исторические имена менялись, волшебная Иванова ночь упоминалась почти

всегда, хотя именно с нею все было не вполне отчетливо: как следует из «Толкового словаря живого великорусско¬го языка» Вл. Даля (1881. Т. 2. С. 5), и в XIX в., при исчислении по старому стилю, Иванов день прихо¬дился на 24 июня, соответственно «Иванова ночь», о которой Даль говорит, что она «замечательна мнимым цветом папоротника и кладои еканьем», – это ночь с 23 на 24, но девочка Аня Горенко, будущая Анна Ахматова, родилась по этому исчис¬лению 11-го... Так формировалась легенда, вер¬нее–продолжалась тема, заданная стихами Гуми¬лева: «Из логова змиева, //Из города Киева// Я взял не жену, а колдунью...»*, где героиня–ведьма с Лысой горы, а «днепровские омуты», «очасть, Богом заклятая» и желание топиться в лунную ночь напоминают волшебные украинские сюжеты Гоголя. В стихах Гумилев говорит о себе как о «чародее, ведающем тайны», о себе в детстве–как о колдов¬ском ребенке:
(...) некрасив и тонок, Полюбивший только сумрак рощ, Лист опавший, колдовской ребенок, Словом останавливавший дождь**.
В рассказах о детстве, в автобиографических набросках Ахматова также подчеркивала свою кол¬довскую странность: в детстве умение угадывать события, о которых ей не говорили, пророческие бреды и сновидения:
* Гумилев Н. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 131. ** Там же. С. 288.
Себе самой я с самого начала То чьим-то сном казалась, или бредом, Иль отраженьем в зеркале чужом, Без имени, без плоти, без причины. Уже я знала список преступлений, Которые должна я совершить. И вот я, лунатически ступая, Вступила в жизнь и испугала жизнь.
Это написано в 1955 г. – именно с этого време¬ни Ахматова начала особенно часто и подробно вспоминать о своем детстве.
Анна была третьим ребенком в семье. Старше нее были Инна (1883-1905) и Андрей (1886¬1920), младше-Ирина (1892-1896), Ия (1894 – 1922) и Виктор (1896 – 1976). Инна, Ия и четырех¬летняя Ирина (Рика) умерли от туберкулеза,– о смерти последней записала рассказ Ахматовой Аманда Хейт: «Рика жила у тетушки, и ее смерть держалась в тайне от остальных детей, но Анна тем удивительным чутьем, каким обладают только дети, догадалась, что случилось, и впоследствии говори¬ла, что эта смерть пролегла тенью через все ее детство»*. Возможно, именно с болезнью Рики и ее отправкой в дом тети связано одно из ранних стихо¬творений Ахматовой:
Всю ночь не давали заснуть, Говорили тревожно, звонко, Кто-то ехал в далекий путь, Увозил больного ребенка, А мать в полутемных сенях Ломала иссохшие пальцы И долго искала впотьмах Чистый чепчик и одеяльце.
Под стихотворением поставлена дата: «1909 год» –и указано место написания –Киев. Впрочем,
* Х е й т А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. М.: Радуга, 1991. С. 22.
«первая (Киевская) тетрадь» Ахматовой 1909 г. не сохранилась, и стихотворение «восстановлено» ею по памяти в 1960-е годы.
Рассказывая о своем детстве, Ахматова вспоми¬нала о «таинственном недуге» – болезни, которая поразила ее в десять лет и во время которой она неделю «пролежала в беспамятстве», затем времен¬но была поражена глухотой, а вскоре после этого, в одиннадцать лет, начала писать стихи. Эти стихи также утрачены. Вспоминала она и о своем лунатизме–болезни, во время которой бродила по коридорам и кар¬низам, не помня себя, и из-за которой родителям пришлось забрать ее из Смольного института благо¬родных девиц.
«В детстве, лет до 13–14, АА была лунатич¬кой, – записывал П. Н. Лукницкий со слов Ахмато¬вой. – Еще когда была совсем маленькой, часто спала в комнате, ярко освещенной луной. Бабушка (кажет¬ся, бабушка. – П.Л.) говорила: «А не может ли ей от этого вреда быть?» Ей отвечали: «Какой же может быть вред!»
...) А потом луна стала на нее действовать.-Ночью вставала, уходила на лунный свет в бессозна¬тельном состоянии. Отец всегда отыскивал ее и при¬носил домой на руках.
«У меня осталось об этом воспоминание–запах сигары... И сейчас еще при луне у меня бывает это воспоминание о запахе сигары...»*
О ней, как о «деве Луны», писал Гумилев.
И рядом с этой романтизацией – реальные ло¬пухи и крапива возле дома, где жила семья в Царском
* Лукницкий П. Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924 –25 гг. Париж: Ymca-Press, 1991. С. 56. Далее том (римская цифра) и страница указываются в тексте.
Селе, французские пули и обломки старинных гре¬ческих ваз, которые девочка находила в Крыму, вблизи Херсонеса, и первое историческое потрясе¬ние–при известии о гибели русского флота при Цусиме в 1905 г.
Татарская княжна Ахматова, в память о кото¬рой Анна Горенко взяла свой

псевдоним, тоже была частью легенды, – прабабушка Прасковья Федосе-евна Ахматова происходила из семьи симбирских дворян Ахматовых, которые никогда не имели кня¬жеского титула и род которых едва ли восходил к хану Ахмату, убитому в 1481 г.*. А вот связи семей Стоговых и Горенко с морем, с российским фло¬том–подлинные исторические факты. Сведения о предках, о своих исторических корнях, всегда были очень интересны Ахматовой.
Флотскими офицерами были ее дед по отцов¬ской линии, Антон Андреевич Горенко, и отец Анд¬рей Антонович; был связан с флотом брат Виктор Андреевич Горенко**. Дед Ахматовой – Антон Андреевич Горенко (1818 – 1891) умер, когда Анне было два года.
* Впрочем, о том, почему Ахматовы не имели княжеского титу¬ла, – Ахматова также знала и охотно рассказывала семейное предание: «Ее прабабушка Прасковья Егоровна (правильно: Федосеевна.–Н. К.) из симбирского рода Ахматовых, которые крестились только при Анне Иоанновне. Они происходят от последнего золотоордынского хана Ахмата, потомка Чингиза. День убийства Ахмата потом отмечали как церковный праздник. Говоря о крещении своих предков, А. А. передает старинную шутку –татарских ханов при крещении награждали зи¬мой–шубой, летом – княжеским титулом. На вопрос –почему титул получали только летом, – следует ответ–тогда шуба была не нужна» (Б уды к о М. Рассказы Ахматовой//Звеэда. 1989. № 6. С. 73).
** Подробно о морской биографии Горенко говорится в работе В. А. Черных, посвященной родословной Ахматовой – «Памятники культуры. Новые открытия». М., 1993. С. 71–84, а также в статье В. Лобыцына и В. Дядичева «Три поколения Горенко»–в журн. «Мор¬ской сборник». 1995. № 3. С. 87-90.
В семье, почти каждое лето проводившей в Крыму близ Севастополя, сохранялась память о нем как о герое обороны Севастополя, за военную доблесть и многолетнюю безупречную службу награжденном многочисленными орденами –св. Анны 3-й степени «с мечами и бантами», св. Анны 2-й степени «с им¬ператорской короной», св. Владимира 4-й степени, св. Станислава 2-й степени и др.
В Севастополе Антон Андреевич Горенко же¬нился на гречанке, имя которой история не сохрани¬ла, но которая передала детям и внукам некоторые свои черты–в частности, характерный профиль. 26 ноября 1973 г. брат Анны Андреевны Виктор Горенко писал из Нью-Йорка исследователю ее твор¬чества М. М. Крали ну: «Наш дед Антон Андреевич Горенко женился на гречанке в Севастополе. В Крым¬скую кампанию был награжден несколькими ордена¬ми. Мой отец Андрей Антонович был полурусский и полугрек. Профиль моей дорогой сестры, нос с гор¬бинкой, есть наследство от бабушки гречанки...»*
О своих греческих предках сама Ахматова рас¬сказывала так: «Мать отца А. А. была гречанкой «с островов». Она говорила по-гречески. От нее про¬филь А. А., которую иногда называли «последняя херсонеска». Греческие предки А. А., по ее мнению, были морскими разбойниками. О них она слышала, что одна из женщин, муж которой умер в море, сама довела корабль» (из бесед с М. И. Будыко)**. В этой записи рассказа Ахматовой М. И. Будыко допустил одну неточность: она называла себя «последней херсонидкой». Семейная легенда о предках–мор¬ских разбойниках –часть общей, разорвавшейся
* Кралин М. М. Младший брат//Звезда. 1989. № 6. С. 149. ** Будыко М. И. Рассказы Ахматовой//Звеэда. 1989. № 6. С. 73.
впоследствии связи семьи с морем, – вспомним позд¬ние ахматовские стихи «Реквиема» о будущем ее памятнике: «Ни около моря, где я родилась://Пос-ледняя с морем разорвана связь...»*
Отец, Андрей Антонович Горенко (1848–1915), в момент рождения дочери Анны был капитаном 2-го ранга, как записано в ее метрическом свиде¬тельстве. Этот чин ему присвоили 5 марта 1887 г. при увольнении в отставку «с мундиром и пенсией» после двадцати трех лет службы во флоте. Анна Ахматова в своих автобиографических набросках чаще всего называла отца «отставным инженер-механиком флота». А. А. Горенко окончил штур¬манское училище («Черноморскую штурманскую роту») в г. Николаеве, в 1868 г. получил чин кон¬дуктора корпуса инженер-механиков флота, плавал на пароходе «Прут» по Черному и Азовскому мо¬рям, участвовал в заграничном плавании в Констан¬тинополь на пароходе «Тамань». В 1870 г. получил первый офицерский чин – прапорщика корпуса ин¬женер-механиков флота. На шхунах «Дон», «Сал-гир» и винтовом корвете «Львица» он ходил по реке Буг и Черному морю. В 1874 г., в связи с реор¬ганизацией механической службы флота, высочай¬шим приказом А. А. Горенко переводится на флот мичманом, что означало переход в самую престиж-
* Однако о том, что Ахматова «из морской семьи», она никогда не забывала. Вот рассказ о посещении ее в 1960-е годы Леонидом Соболе¬вым, крупным функционером Союза писателей, в юности –морским офицером, всю жизнь писавшим о моряках: «Кто только в эти годы (в 1960-е.–Н. К.) к ней не ходил! (...) Дело дошло до того, что на собственном автомобиле прибыл с супругой Леонид Соболев. Забыв все,

держался как гардемарин и чуть ли не по-французски говорил (Ахматова ведь из морской семьи)». —Роскина Н. Анна Ахматова. Четыре главы. Из литературных воспоминаний. Париж: Ymca-Press. 1990. С. 50.
ную когорту флотских офицеров»*. В 1875 г. он был назначен штатным преподавателем Морского учи¬лища в Санкт-Петербурге, как тогда назывался Морской корпус, где оказался самым младшим по чину — единственным мичманом среди 18 препода¬вателей. Обучавшиеся у А. А. Горенко воспитан¬ники Морского училища вспоминают о нем с боль¬шим уважением; академик А. Н. Крылов называл его в числе преподавателей, учебой у которых гор¬дились выпускники»**. В 1879 г. А. А. Горен¬ко произведен в лейтенанты, награжден орденом св. Станислава 3-й степени за пятнадцать лет служ¬бы. Успешная преподавательская деятельность про¬должалась до осени 1881 г., когда его имя было названо в числе морских офицеров «вредного на-правления» и политически неблагонадежных. Поис¬ки крамолы велись III Отделением в связи с убийст¬вом в 1881 г. императора Александра П. В вину А. А. Горенко были поставлены его знакомства с террористами, критическое направление мысли в докладах о недостатках в деятельности Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ) для Общества содействия русской промышленности и торговле (первый доклад был сделан им в 1878 г.), а также—народовольческие симпатии двух его се-стер. Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба опального офицера, но его очередной доклад 2 декабря 1881 г. «Русское общество пароходства и торговли и его значение как субсидируемого паро¬ходства» получил большой общественный резонанс и оказался полезен правительству. Дело против лей¬тенанта Горенко было «прекращено без последствий»:
* Лобыцын В., Дядичев В. Три поколения Горенко. С. 89. ** Крылов А. Н. Памяти князя Б. Б. Голицьша.//Природа. 1918. Ns 2-3. Цит. по: Лобыцин В. и Дядичев В. С. 89.
18 октября 1882 г. Андрей Антонович был возвра¬щен на действительную службу и продолжил ис¬следование состояния торгового мореплавания на юге России. В 1885—1886 гг. он снова плавает по Черному морю на пароходе «Редут-Кале» стар¬шим штурманом и на шхуне «Казбек» вахтенным начальником.
Выйдя в отставку «по болезни» в 1887 г., А. А. Горенко поступает на гражданскую службу, связанную с делами торгового мореплавания. Он дослужился до чина статского советника и был награжден четырьмя высокими орденами. По мне¬нию специалистов, заслуги А. А. Горенко в раз¬витии торгового мореплавания в России велики и до сих пор не оценены по заслугам.
Анна Ахматова нигде не писала о своей любви к отцу (о нелюбви — писала однажды фон Штейну). Как неизбежный факт она приняла распад семьи в 1905 г. Но облик отца — красавца-черноморца, с громким голосом и властным характером, зара-жавшего семью своим весельем и жизненной энерги¬ей, был неотъемлемой частью ее детства, одним из факторов, формировавших душу поэта Анны Ах¬матовой.
Валерия Сергеевна Срезневская (урожд. Тюль-панова), подруга детских лет, вспоминала в беседе с Анной Андреевной: «А твой отец! Красивый, высо¬кий, стройный, одет всегда с иголочки, цилиндр слегка набок, как носили при Наполеоне III, и гово¬рил про жену Наполеона: «Евгения была недурна»...
— Он видел ее в Константинополе, —вставила Анна Андреевна, —и находил, что она—самая кра¬сивая женщина в мире» (1, 209).
В памяти Ахматовой осталось неодобрительное отношение отца к ее писанию стихов, просьба
не печатать их под фамилией Горенко, категори¬ческое запрещение пятнадцатилетней гимназистке в 1904—1905 гг. посещать студенческие вечеринки в домах царскосельских родственников—«четверги» у поэта и переводчика Сергея Владимировича фон Штейна, женатого на сестре Анны Андреевны Ин¬не, и «понедельники» у поэта Валентина Кривича, сына Иннокентия Федоровича Анненского, жена¬того на сестре фон Штейна Наталии: «На саном деле это были очень скромные студенческие ве¬черинки. Читали стихи, пили чай с пряниками, болтали. (...) Папа меня не пускал ни туда, ни сюда, так что мама меня по секрету отпускала до 12 часов к Инне и к Анненским, когда папы не было дома (...) Тогда, например, нельзя было думать о том, чтобы принимать у себя гостей. Приходил Николай Степанович к брату Андрею (...) А я была в таком возрасте, что не могла иметь собственных знакомых—считалось так»*.
О замкнутой чопорности царскосельской жиз¬ни семьи Горенко, типичной для этого социального и духовного круга, писала В. С. Срезневская: «На¬ши семьи жили замкнуто. Все интересы отцов были связаны с Петербургом; матери —многодетные, об¬рамененные хлопотами о детях и хозяйстве. Уже дворянского приволья не было нигде и в помине. Прислуга была вольнодумная и небрежная в работе. Жизнь дорогая. Гувернантки, большей частью швейцарки и немки, претенциозные и не ахти как образованные. Растить многочисленную семью было довольно сложно. Отсюда не всегда ровная атмо¬сфера в доме; не всегда и ровные отношения между

* ЛукницкаяВ. К. Николай Гумилев. Жизнь но»га по матери¬алам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 34.
членами семьи. Немудрено, что мы отдыхали, уда¬ляясь от бдительных глаз, бродя в садах и гущах прекрасного, заброшенного, меланхолического Цар¬ского Села»*. Интересы отца были сосредоточены в Петер¬бурге. Там же был его любимый клуб—«Клуб сель¬ских хозяев». Вот запись П. Н. Лукницкого 1927 г.: «Отец АА был членом «Клуба сельских хозяев», который помещался на Невском —там, где сейчас Дом искусств. Клуб был очень фешенебельным. АА рассказывала сегодня, как, когда она была девоч¬кой, к ее отцу приехал из имения beau-frere (свояк (фр). — Н.К.) ее матери —очень богатый человек («в тысячу раз богаче отца») — и отец повез его в клуб, и тот был поражен его роскошью и великоле¬пием. Отец АА бывал там постоянно»**.
Из любопытных подробностей жизни отца — рас¬сказ Ахматовой о его реакции на продолжавшуюся слежку за ним, — по-видимому, из-за его прошлых народовольческих связей: «За отцом АА следили. Он заметил, что за ним следят, и пошел в жандарм¬ское управление к Судейкину (отцу С. Судейкина), сказал, просил: если за ним хотят следить, то пусть делают это так, чтобы он не замечал сыщика, пото-му что это нервирует его и мешает ему работать. Судейкин вызвал кого-то и приказал привести того сыщика, который следит за отцом АА. Когда сыщик явился, Судейкин спросил его, ему ли поручено следить за этим человеком (отцом АА). Получив утвердительный ответ, Судейкин поднес к носу
* Срезневская В. С. Дафнис и Хлоя//Об Анне Ахматовой. Стихи, весе, воспоминания, письма. Л., 1990. С. 17.
** Лукницкий П. Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2. 1926 — 1927. Париж; М., 1997. С. 255. Далее том (римская цифра) и страница указываются в тексте.
сыщика кулак» (II, 304). 15 августа 1915 г. Анну Ахматову, жившую в Царском Селе, телеграммой вызвали к умирающему отцу. В его петербургской квартире на Крестовском острове (набережная Средней Невки) она «в течение десяти дней непре-рывно вместе с Еленой Ивановной Страннолюбской (гражданская жена А. А. Горенко, вдова контр¬адмирала А. Н. Страннолюбского. — Н.К.) ухажи¬вала за отцом». 25 августа отец скончался. «27-го были похороны, после похорон вернулась в Цар¬ское Село. 4 сентября (на девятый день) была пани¬хида» (II, 50). Извещения о смерти А. А. Горенко были помещены в петербургских газетах «Новое время» —26 августа 1915, «Речь» —27 августа 1915. Смерть отца потрясла Ахматову. Память о его вне¬запной кончине она сохранила на долгие годы, вспоминала о ней во время своих сердечных присту¬пов и инфарктов,— см., например, запись Л. К. Чу¬ковской 29 мая 1940 г.: «Анна Андреевна не лежит, бродит по комнате. Говорит, что был сердечный приступ: «Мой отец умер от первого», — сказала она» (1, 127). После смерти отца туберкулезный процесс, начавшийся у нее летом 1915 г. в Слепневе, обострился, было решено, что она должна ехать в Крым, «однако смерть отца окончательно надор¬вала ее здоровье, и она уже была настолько больна, что в Крым поехать не смогла» (II, 51). Из пред¬смертных разговоров отца Анна Андреевна запом¬нила его настойчивое желание узнать о судьбе младшего сына, гардемарина Виктора, отправлен¬ного на маневры с Балтийского моря на Тихий океан, и полубредовые, но тем не менее исполнен¬ные любви, обращения к ней: «Сознание его было затемнено (он часто заговаривался, говорил АА та¬кие, например, фразы: «Николай Степанович — воин, а ты—поэзия») (II, 335 — 336). Возможно, эти слова отца нашли отражение в стихотворении «Тот август, как желтое пламя...», написанном Ахматовой в период между августом и декабрем 1915 г.:
И в город печали и гнева Из тихой Корельской земли Мы двое—воин и дева — Студеным утром вошли.
Андрей Антонович Горенко был похоронен на Волковом кладбище. Деревянный крест над его могилой в десятилетнюю годовщину его смерти в 1925 г. Е. И. Страннолюбская заменила железным, специально ею заказанным. Анна Андреевна го-ворила об этой женщине без раздражения, упо¬миная лишь, что она прожила с ее отцом то ли 20, то ли 25 лет...
Дополнительные краски в портрет отца вносят воспоминания о нем брата Анны Андреевны Викто¬ра, по-своему запомнившего историю народоволь¬ческих «связей» и отставки отца в 1881 г.: «Когда мой отец Андрей Антонович женился на нашей маме, он был лейтенантом флота и преподавателем морского корпуса. Вскоре после свадьбы его вызва¬ли в жандармское управление и спросили: «Знаете ли Вы лейтенанта Никитенко?» Он ответил: «Знаю». «Были ли Вы с ним в дружеских отношени¬ях?» Он сказал: «Я был с ним в дружеских отноше¬ниях». По требованию командира отдельного кор¬пуса жандармов Морской Министр уволил в отставку моего отца. Лейтенант Никитенко, мин¬ный офицер, был повешен во внутреннем дворе Петропавловской крепости после того, как сознал¬ся, что сделал динамитную бомбу для террористи¬ческого акта. После увольнения в отставку мой отец поступил в

Государственный Контроль и быстро был сделан одним из главных членов Контроля. К сожалению, он кроме хороших качеств имел и пло¬хие качества. Умел тратить деньги, как никто другой, вечно ухаживал за чужими женами, и они его очень любили. К нам приезжал Леонид Галахов, и мы отлично знали, что он незаконный сын моего отца. В его жизни играла большую роль Е. И. Стран-нолюбская, которая была дипломэйт Оксфордского университета. Это она решила, что я должен посту¬пить в Морской корпус»*.
Виктор Горенко стал кадетом Морского кор¬пуса в 1913 г., в 1915 г. совершил учебное плавание на Тихий океан, в 1916 г. был произведен в кора¬бельные гардемарины. 30 июля 1916 г. произошел последний «царский» выпуск офицеров Морского корпуса, среди которых был и мичман Горенко. Его направили в Черноморский флотский экипаж в Се¬вастополь, где он был назначен на эскадренный миноносец «Зоркий», который нес охранную служ¬бу на западных морских границах России. Этот миноносец «Зоркий» Анна Ахматова вспоминала не раз в более поздние годы. В 1926-м: «Виктор в 1916 г. ушел в море на «Зорком». Смотрели. Считали, который миноносец» (II, 224)—запись П. Н. Лукницкого 19 ноября 1926 г. Разъяснение этой записи: «Когда в 1916 г. Виктор Горенко ушел в море на миноносце «Зоркий», АА стояла со сво¬ими на берегу, считала, который миноносец—«Зор¬кий» (II, 228). Миноносец возникает в стихотворе¬нии Ахматовой 1918 г., посвященном судьбе Вик¬тора—«Для того ль тебя носила...»:
* Кралин М. М. Младший брат//Звеяда. 1989. № 6. С. 150.
Вырос стройный и высокий, Песни пел, мадеру пил, К Анатолии далекой Миноносец свой водил.
На Малаховом кургане Офицера расстреляли (...)
Виктора не расстреляли на Малаховом кур¬гане, так как в декабре 1917 г. он ушел из Се¬вастополя пешком в Бахчисарай и благодаря этому уцелел. В марте 1918 г. его след обнаруживается во Владивостоке, с октября 1918 г. он в морской роте Штаба командующего Сибирской флотилией. На Малаховом кургане же расстреляли десятки флотских офицеров—«в связи с контрреволюцион¬ным настроением командного состава, а также вы¬ступлением Каледина»*. До конца 1920-х годов Виктор жил в Александровске-на-Сахалине, затем в Шанхае, потом перебрался в Канаду, откуда в 1948 г. переехал в США. В Нью-Йорке он служил охранником —«я работал 10 лет на джобе на Уолл стрите» (джоб — англ. job — постоянное мес¬то службы. — //. К.). Там же он вышел на пенсию и умер 80 лет от роду.
До середины 1920-х годов его считали погиб¬шим. В 1926 г., узнав о том, что Виктор жив, к нему на Сахалин приехала мать, Инна Эразмовна, про¬жила в его семье три года, затем вернулась к род¬ным на Украину, тяжело болела и умерла в 1930 г.
С 1963 г. возобновились отношения брата с Ан¬ной Ахматовой. Он бережно сохранил и переслал в Россию пять ее писем 1963 — 1965 гг.
Предки Анны Ахматовой по материнской линии были не менее интересны для нее, чем по отцовской.
* Морской сборник. 1995. № 3. С. 90.
Она многократно говорила своим знакомым о том, что фрейлина Бунина, первая русская поэтесса, бы¬ла ее прабабкой*. Имелась в виду Анна Петровна Бунина (1774— 1829), тетка деда Анны Андреевны, Эразма Ивановича Стогова. Дед принадлежал к дворянскому роду, сделал успешную чиновничью карьеру, о которой подробно написал в «Записках», опубликованных в журнале «Русская старина». Ю. Г. Оксман запомнил слова Анны Ахматовой о биографии деда: «В числе ее предков был и Эразм Стогов, сибирский мореход, впоследствии ставший адъютантом шефа жандармов Бенкендорфа. Не уди¬вилась, узнав, что я читал записки Стогова в «Рус¬ской старине»**.
Семейное предание рассказывало о нем как об удачливом и прижимистом коммерсанте, начало карьеры которого также было связано с морем. Вот изложение семейной версии его судьбы в письме Виктора Горенко:
«Отец Инны Эразмовны — Эразм Иванович Стогов —по окончании Морского Корпуса был на¬значен на деревянный корабль, который пошел в кругосветное плавание под парусами. Суэцкого и Панамского {каналов) тогда не было, они шли вокруг Африки и Южной Америки. Через несколько лет, проходя по Светланской улице во Владивосто¬ке, он зашел в кафе и присел за столик, желая выпить чашку кофе, за столиком рядом сидели два еврея, и один говорил другому: «Я получил письмо от моего брата из Лондона —он пишет, в Лондоне пушнинники за шкуру камчатского соболя платят
* См. об атом, напр., в статье Ю. Г. Оксмана «Из дневника, которого я не веду» в кн.: «Воспоминания об Анне Ахматовой». М., 1991. С. 647.
** Там же.
50 золотых соверенов». Это произвело на него такое впечатление, что, когда он услышал, что морское командование хочет открыть в Петропавловске-на-Камчатке

временный военный порт, он вызвался поехать туда и жил там около 20 лет. Отправлял пушнину на три адреса в Петербург почтовыми посылками. Выслуживши пенсию, он вернулся в Пе¬тербург. Из трех доверенных один оказался вором, и товар пропал, два других оказались честными коммерсантами, и он получил большие деньги. Вый¬дя в отставку, с крупными деньгами приехал на Украину и начал покупать землю. Женившись на дочери Мотовилова, бабушка которой была Ахма¬това, имел пять дочерей. Алла вышла замуж за Тимофиевича, Анна Эразмовна—за Вакара, Ия —за Змунчилла, Зоя—за Демьяновского и Инна —за Го¬ренко. Инна Эразмовна после смерти отца получи¬ла большие деньги и была студенткой Бестужевских курсов в Петербурге. Студенты попросили дать им 2200 рублей для подготовки покушения на царя. Она дала деньги, и ее считали членом ячейки «На¬родной воли». Когда я начал проявлять скупость, как Э(разм) И(ванович), она перестала меня лю¬бить, потому что ненавидела всех жадных на день¬ги. После строители социализма прекратили ее пен-сию. Она жила впроголодь»*.

Мать, Инна Эразмовна Горенко (1856—1930), урожденная Стогова, была человеком незаурядным. Анна Ахматова писала о ней в стихах и в автобио¬графической прозе, часто рассказывала близким знакомым. Черты, которые она обычно подчеркивала в своей матери, —ее бесконечная доброта, умное и свободное воспитание детей и народовольческие

* Звезда. 1989. № 6. С. 150-151.

симпатии. Последнее качество особо отмечалось Ахматовой, она гордилась тем, что ее мать и тетки были близки с народовольцами, хотя степень этой близости, очевидно, преувеличивалась. В «Запис¬ках» Л. К. Чуковской запечатлена беседа А. А. Ах¬матовой и В. С. Срезневской об их жизни в Царском Селе, где подробно говорится об Инне Эразмовне. В отличие от Анны Ивановны Гумилевой, которая была «хозяйкой», Инна Эразмовна «совсем ничего не умела»:

«Да уж, твоя мама совсем ничего не умела в жизни. Представьте, Лидия Корнеевна, из старой дворянской семьи, а уехала на курсы. Как она собиралась жить, — непонятно».

— Не только на курсы, — поправила Анна Анд¬реевна,—она стала членом народовольческого кружка. Уж куда революционнее.

«Представьте, Лидия Корнеевна, маленькая женщина, розовая, с исключительным цветом лица, светловолосая, с исключительными руками».

— Чудные белые ручки! —вставила Анна Анд¬реевна.

«Необыкновенный французский язык, — продол¬жала Срезневская, —вечно падающее пенсне, и ниче¬го, ну ровно ничего не умела...» (1, 208—209).

Эта беседа состоялась 13 октября 1940 г. А не¬задолго до этого, 3 сентября 1940 г., Анна Ахматова начала работу над эпическим произведением, напо¬минающим по замыслу поэмы Блока «Возмездие» и Пастернака «Девятьсот пятый год» —позже это произведение получило название «Предыстория» и заняло место первой из семи «Северных элегий». Здесь — ахматовское видение и описание России 1880-х годов, одной из исторических примет кото¬рой была ее мать:

И женщина с прозрачными глазами (Такой глубокой синевы, что море Нельзя не вспомнить, поглядевши в них), С редчайшим именем и белой ручкой, И добротой, которую в наследство Я от нее как будто получила, — Ненужный дар моей жестокой жизни...

Образ этой юной женщины возникает в ис¬торическом контексте: «Россия Достоевского», «И визави меня живут — Некрасов и Салтыков», «А в Старой Руссе...», «А в Оптиной...», «Страну знобит, а омский каторжанин//Все понял и на всем поставил крест». «Омский каторжанин»—Достоев¬ский—пишет в последние годы своей жизни (он умер 28 января 1881 г.) нечто чрезвычайно сме¬лое,—«и многие страницы//Семеновским припахи¬вают плацем». На Семеновском плацу объявляли смертные приговоры: петрашевцам, народоволь¬цам. Там казнили. «Так вот когда мы вздумали родиться...»

Таково было включение своего поколения и са¬мой себя, поэта Анны Ахматовой, в контекст ис¬торического развития России.

Любопытно отметить, что в поэме «Девятьсот пятый год» Б. Пастернак описывал те же историчес¬кие вехи той же исторической эпохи: «Это — народо-вольцы,//Перовская,//Первое марта...», «Тут бывал Достоевский...», «И Степану Халтурину//Спать не дает динамит», «Наши матери//или//Приятельницы матерей»*. А еще раньше, в блоковском «Возмез¬дии»—тоже народовольцы, Софья Львовна Перов-ская, бежавшая из ссылки осенью 1878 г., Достоев¬ский и его «Дневник писателя», журнал «Народная воля», «Аресты, обыски, доносы//И покушенья —

* Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 283, 284.

без числа...», и Россия—корабль, над которым вста¬ет кровавая заря, «Грозя Артуром и Цусимой,//Гро¬зя Девятым января». А на фоне широкого историчес¬кого полотна —образы нескольких женщин, судьбы которых очень разные, но их объединяет

юность, красота, светлая вера:
Широкий белый воротник И платье черное—все просто, Худая, маленького роста, Голубоокий детский лик, Но как бы что найдя за далью, Глядит внимательно, в упор, И этот милый, нежный взор Горит отвагой и печалью...*
В этой поэме, автобиографической в главных своих чертах («Так было и с моей семьей...» —гово¬рил Блок), есть образы и матери героя, и ее сест¬ры, то есть женщин, чрезвычайно дорогих автору. Но этот нежный женский образ — Софья Перовская. Народовольцы и героический ореол вокруг них — то главное, что позволяло мириться с прошлым мо¬лодому поколению русского дворянства, несущему крест расплаты за грехи отцов.
Блок:
Дворяне—все родня друг другу,
И приучили их века
Глядеть в лицо другому кругу
Всегда немного свысока.
Но власть тихонько ускользала
Из их изящных белых рук,
И записались в либералы
Честнейшие из царских слуг. ...)
Жизнь старших близится к закату...**
* Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960-1963. Т. 3. С. 311-312.
** Там же. С. 313, 315.
Ахматова:
Все разночинно, наспех, как-нибудь... Отцы и деды непонятны. Земли Заложены. И в Бадсне — рулетка.
И еще: тоже Ахматова, осень 1940-го, когда она перечитывала блоковскую поэму «Возмездие» и рас¬суждала о ней с Л. К. Чуковской:
И старше была я века Ровно на десять лет. (...) И облака сквозили Кровавой цусимской пеной, И плавно ландо катили Теперешних мертвецов...
Таков исторический фон времени, «когда мы вздумали родиться». Ореол героического, связан ли он с морем или с народовольческим самопожерт¬вованием, был дорог Анне Ахматовой в ее предках и людях ближайшего окружения. Может быть, поэ¬тому она не любила заземленных чеховских героев. Вот один из ее монологов о Чехове, записанный Л. К. Чуковской: «Я не люблю его потому, что все люди у него жалкие, не знающие подвига. И поло¬жение у всех безвыходное. Я не люблю такой ли¬тературы. Я понимаю, что эти черты чеховского творчества обусловлены временем, но все равно — не люблю» (1, 210).
«Чехов многого не видел. Как-то близоруко смотрел на Россию. Так нельзя слишком близко, тогда видны только тараканы в щах»,—говорила она, считая, что он показал русскую интеллигенцию в искаженном виде*. Сходные мысли Ахматовой
* РоскинаН. Анна Ахматова. Четыре главы. Из литературных воспоминаний. С. 43.
запомнил сэр Исайя Берлин, они были высказаны в беседе с ним в конце 1945 г.: «...она набросилась на Чехова за его мир, окрашенный в грязные тона, его мрачные пьесы, отсутствие в его мире героизма и мученичества, глубин и темнот и высот—это была страстная обвинительная речь, которую я позднее пересказал Пастернаку, та самая, в которой она сказала, что у Чехова «не сверкают мечи»*. Героизм и мученичество, сверкание мечей Анна Ахматова любила и заботливо отыскивала в историческом прошлом —в своей родословной и в истории своего народа.
Конечно, она знала и помнила и реальный ме¬лочный быт, которым была окружена—и в провин¬циальных городах юга России, и в чопорном Цар¬ском Селе с его представлениями об этикете и престиже. В одном из писем юношеской поры она жалуется: «...я вечная скиталица по чужим, грубым и грязным городам...» В разговоре о царскосельской гимназии назовет ее настоящей бурсой, упомянув о бездуховности и полном отсутствии интереса своих соучениц к поэзии. В «Царскосельской оде» 1961 г. опишет «город парков и зал» с его иной, не парад¬ной стороны:
Драли песнями глотку И клялись попадьей, Пили допоздна водку, Заедали кутьей. (...)
Здесь как бы чеховский мир входит в ахматов-ские стихи, что, однако, в ее поэзии случается не часто. Сила ее поэзии —в умении реальный мир, окружающий человека, поднять на волшебную вы¬
* Берлин И. Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 гг. в кн.: Найман Л. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 276.
соту — музыкой, гармонией и высоким тоном неожи¬данного соединения слов в поэтической строке. По мнению Ахматовой, Чехов этого не делал. «Че¬хов противопоказан поэзии (как, впрочем, и она ему). Я не верю людям, которые говорят, что любят и Чехова, и поэзию. В любой его вещи есть «колони¬альные

товары», духота лавки, с поэзией несовме¬стимая. Герои у него скучные, пошлые, провинци¬альные. Даже их одежда, мода, которую он выбрал для них, крайне непривлекательна: уродливые пла¬тья, шляпки, тальмы. Скажут, такова была жизнь, но у Толстого почему-то та же жизнь — другая, и да¬же третья»*. Сравним у Ахматовой:

Шуршанье юбок, клетчатые пледы, Ореховые рамы у зеркал, Каренинской красою изумленных...

Избирательная память запечатлела мир детства не «розовым», но прекрасным. Реальный быт, «боль¬шую часть детства и юности окружавший и угнетав¬ший Аню Горенко», по наблюдению А. Г. Наймана, «Анна Ахматова вытеснила не только из биографии, но и из сознания херсонесским черноморским при¬вольем и царскосельским великолепием»**.

В жизни Анны Ахматовой не было няни, подоб¬ной пушкинской Арине Родионовне или Елене Ку¬зиной Владислава Ходасевича. Были бонны, нау¬чившие беглому французскому языку и манерам. От русской няни, калужской крестьянки Татьяны Ритивкиной, остались в памяти лишь некоторые оценки и присловья: «Нянька «калуцкая» — Татьяна Ритивкина — говорила обо мне: «Это перец будет!»,

* Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. С. 40 — 41. ** Там же. С. 41.

«Наши дела, как сажа бела» и «Отворотись, не насмотришься»*.

В том, что Анна Ахматова стала великим рус¬ским поэтом, использующим в своих стихах и прозе все богатство русского языка, неоспорима заслуга ее семьи —русской дворянской интеллигентной семьи конца XIX —начала XX вв. В том, что она выросла человеком высокого благородства, православно-христианских этических норм —тоже заслуга семьи, матери, круга общения Стоговых-Горенко. При этом стихи в воспитании детей стояли в этом кру¬гу едва ли не на последнем месте. В одной из бе-сед 1940 г. с Л. К. Чуковской Ахматова говорила об этом: «В нашей юности молодежь стихов не любила и не понимала. Толщу было ничем не про¬бить, не пробрать. Стихи были забыты, разлюб¬лены, потому что наши отцы и матери, из-за писа-ревщины, считали их совершенным вздором, ни для какого употребления не годным, или, в крайнем случае, довольствовались Розенгеймом» (1, 182). В семье Горенко любили гражданские темы, высо¬кий стиль, суровую строгость. Загадочными строй¬ными красавицами были ее сестры Инна и Ия,— много позже Анна Андреевна узнала знакомый тип женщин 1900-х годов, рассматривая репродукцию репинского портрета Марии Федоровны Андреевой 1905 г. и ее фотографию того же года в мастерской художника: «Какая она тут красавушка! Это мои сестры в то время такие были: загадочные, строй¬ные»...» (2, 99). Меж тем эта загадочная стройная красавушка (М. Ф. Андреева) именно в 1905 г. вступила в партию большевиков, а в дальнейшем стала комиссаром театров и зрелищ Петрограда.

* Рабочая тетрадь РГАЛИ. Е.х. 112. Л. 42 об.

Высокий строй души, выразившийся во внешности и манере поведения, Ахматова ценила всю жизнь, —в своих сестрах, в окружающих молодых женщинах. Л. К. Чуковской она говорила 25 июня 1940 г.: «Ия была очень особенная, суровая, стро-гая... Она была такой, —продолжала, помолчав, Ан¬на Андреевна, —какою читатели всегда представля¬ли себе меня и какою я никогда не была. Я спросила, нравились ли Ии Андреевне ее стихи?

— Нет, она находила их легкомысленными. Она не любила их. Всё одно и то же, всё про любовь и про любовь...» (1, 150).

Стихов в доме не ценили, наизусть мать знала только Некрасова и Державина, стихи которых читала детям. Книг, по собственному признанию Анны Ахматовой, в доме не было: «В доме у нас не было книг, ни одной книги. Только Некрасов, толстый том в переплете. Его мне мама давала читать по праздникам. Эту книгу подарил маме ее первый муж, застрелившийся...» (1, 151). Анна, читавшая «по праздникам» толстый том Некрасова, сама открыла в нем для себя поэму «Мороз, Крас¬ный нос», оставшуюся одним из ее любимейших произведений на всю жизнь, и поэму «Русские женщины». Сама полюбила стихи —«и доставала их уж не знаю откуда» (1, 151). Сама в один-надцать лет начала сочинять стихи, а еще до этого отец уже дразнил ее «декадентской поэтес¬сой». Примерно тогда же она начала писать свою первую автобиографию, —то есть свою первую про¬зу. Оказалось, что девочка помнит себя с двух лет. «...А наверху, в Царском Саду, я нашла бу¬лавку в виде лиры. Бонна сказала мне: «Это значит, ты будешь поэтом»*.

* Рабочая тетрадь РГАЛИ. Е.х. 112. Л. 42 об.

В тринадцать лет Анна уже знала по-французс¬ки Бодлера, Верлена, Готье... 24 декабря 1903 г., когда ей было четырнадцать лет и она училась в четвертом классе гимназии, произошло ее знаком¬ство с Николаем Гумилевым, гимназистом седьмого класса. К этому времени Гумилев уже написал це¬лые тетради стихов, он был участником гимназичес¬кого рукописного журнала, в котором поместил рассказ «Путешествия Гаттераса», а в газете «Тиф¬лисский листок» в сентябре 1902 г. было опублико¬вано его стихотворение «Я в лес бежал из городов». Он много читал,

любил современную французскую поэзию, хотя не очень свободно владел французским языком. Прекрасно знал русских символистов, к ко¬торым причислял и себя. Директором его гимназии был Иннокентий Федорович Анненский, замеча¬тельный (и не признанный в то время) поэт, док¬лады которого о литературе посещались образован¬ными царскоселами и вызывали споры. Между Анной Горенко и Николаем Гумилевым завязались сложные отношения – влюбленность, поклонение, напряженный интерес с его стороны, равнодуш¬но-польщенное внимание с долей насмешки –с ее. Вспоминает В. С. Срезневская: «Анне он не нравил¬ся–вероятно, в этом возрасте девушкам нравятся разочарованные молодые люди, старше двадцати пяти лет, познавшие уже много запретных плодов и пресытившиеся их пряным вкусом. Но уже тогда Коля не любил отступать перед неудачами. (...) Мне нравилось, как он читает стихи... Мы много гуляли, и в этих прогулках нас часто «ловил» под-жидавший где-то за утлом Коля! Сознаюсь... мы обе не радовались этому, мы его часто принима¬лись изводить: зная, что Коля терпеть не может немецкого языка, мы начинали вдвоем вслух читать длиннейшие немецкие стихи... А бедный Коля тер-пеливо, стоически слушал всю дорогу –и все-таки доходил с нами до дому...»*

Весной 1904 г. в царскосельском парке, на скамье под огромным развесистым деревом Гу¬милев в первый раз объяснился Анне Горенко в люб¬ви. На Пасху Гумилевы давали в своем доме бал, на который в числе гостей впервые была приглаше¬на Аня Горенко. Начались их регулярные встречи.

«Они посещали вечера в ратуше, были на гас¬тролях Айседоры Дункан, на студенческом вечере в Артиллерийском собрании, участвовали в благо¬творительном спектакле в клубе на Широкой улице ...) были на нескольких, модных тогда, спирити¬ческих сеансах у Бернса Майера, хотя и относились к ним весьма иронически.

Они встречались, гуляли, катались на коньках, Гумилев, в то время страстно поглощавший книги, делился с Анной Горенко своими «приобретения¬ми»...»**

К Анне Горенко обращены многие стихи в пер¬вом, изданном в 1905 г., сборнике стихов Н. Гумиле¬ва «Путь конквистадоров». Ей же посвящена вторая его книга «Романтические цветы» (1908). В беседах с П. Н. Лукницким в 1925–1927 гг. Анна Ахматова перечисляла стихи Гумилева, ей посвященные: «Пес¬ня о певце и короле», «Рассказ девушки», «Осенняя песня», «Русалка»:

Я люблю ее, деву-Ундину, Озаренную тайной ночной, Я люблю ее взгляд заревой И горящие негой рубины...

* ЛукницкахВ. К. Николай Гумилев. Жизнь поэта по мате¬риалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 27. ** Там ж е.

Потому что я сам из пучины, Из бездонной пучины морской*.

{1905)

Анна Ахматова как бы откликается на это стихотворение Гумилева несколькими годами позже (12 февраля 1911):

...Смотри, как глубоко ныряю, Держусь за водоросль рукой, Ничьих я слов не повторяю И не пленюсь ничьей тоской...

А ты, мой дальний, неужели Стал бледен и печально-нем? Что слышу? Целых три недели Все шепчешь: «Бедная, зачем?!»

В ахматовском стихотворении – и реальность черноморских и царскосельских купаний, и отблеск печальной судьбы андерсеновской русалочки и ее сестер, и отстаивание своей независимости–«Не на¬до мне души покорной», «Ничьих я слов не повто-ряю//И не пленюсь ничьей тоской». Конечно, образ девы-русалки с печальными очами принадлежит ми¬ру романтической и символистской поэзии. И в то же время и в стихах Гумилева, и в стихах Ахматовой он явно перекликается с реальным образом, который рисует в воспоминаниях В. С. Срезневская: «Аня писала стихи, очень много читала дозволенных и недозволенных книг и очень изменилась внутренне и внешне. Она выросла, стала стройной, с прелест¬ной хрупкой фигуркой развивающейся девушки, с черными, очень длинными и густыми волосами, прямыми, как водоросли, с белыми и красивыми руками и ногами, с несколько безжизненной блед¬

* Гумилев Н. Соч.: В 3 т. Т. 1. С. 47.

ностью определенно вычерченного лица, с глубо¬кими, большими светлыми глазами, странно выде¬лявшимися на фоне черных волос и темных бровей и ресниц. Она была неутомимой наядой в воде, неутомимой скиталицей-пешеходом, лазала, как кошка, и плавала, как рыба. ...) Она не очень импонировала добродетельным обывательницам зат¬хлого и очень дурно воспитанного Царского Села, имеющего все недостатки близкой столицы без ее достоинств. Как и полагается пригородам»*.

Любовь Николая Гумилева, «первого жениха» Царского Села, льстила самолюбию, взаимное об¬щение, очевидно, принесло много пользы юным раз¬вивающимся поэтическим талантам, но характерно, что оно не было окрашено счастьем, а стихи, взаим¬но посвященные друг другу в этот ранний период их отношений, трагичны.

Н. Гумилев:
Там, на высях сознанья, – безумье и снег... Но восторг мой прожег голубой небосклон, Я на выси сознанья направил свой бег И увидел там деву, больную, как сон.
* Срезневская В. С. Дафнис и Хлоя//Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания, письма. С. 17. В книге А. Г. Найман а «Рассказы о Анне Ахматовой» приводится еще один отрывок из вос¬поминаний Срезневской о детстве Анны Горенко в Царском Селе: «Отошли в область прошлого Версальские и английские кущи Ц(ар-ского) С(ела) и Павловска, лунные ночи с тоненькой девочкой в белом платьице на крыше зеленого углового дома («Какой ужас! Она луна¬тик!») и все причуды этого вольнолюбивого ребенка, купанье в ручейке у Тярлева беленьких (негде было загореть!) стройных ножек,– и лас¬ковый голос вел(икого) кн(язя) Владимира Александровича, совер¬шавшего пешком с адъютантом утреннюю прогулку: «А если вы прос¬тудитесь, барышня?» –и ужас узнавшей о наших проказах все той же m-me Винтер, обещавшей рассказать «все» нашим родителям, и наше смущение перед красивым стариком, так мило сделавшим нам замеча¬ние» (С. 15).
Ее голос был тихим дрожанъем струны, В ее взорах сплетались ответ и вопрос, И я отдал кольцо этой деве Луны За неверный оттенок разбросанных кос.
И, смеясь надо мной, презирая меня, Мои взоры одел Люцифер в полутьму, Люцифер подарил мне шестого коня, И Отчаянье было названьем ему*.
А. Ахматова:
Пришли и сказали: «Умер твой брат!» Не знаю, что это значит. Как долго сегодня холодный закат Над крестами лаврскими плачет (...)
«Прости, о прости, моя сестра, Ты будешь всегда одинока».
Оба поэта–начинающие символисты, у него – большая энергия стиха, выше мастерство, у нее – большая заземленность, гибкая разговорная интона¬ция: «Брат! Эта грусть –как кинжал остра,//Отчего ты словно далеко?» У обоих–пророчество. Гибкая разговорная интонация –пожалуй, наибольшее до¬стижение ранних стихов Анны Ахматовой:
То ли я с тобой осталась, То ли ты ушел со мной, Но оно не состоялось, Разлученье, ангел мой!
Такому русскому языку учила не гимназия, а весь круг общения семьи, друзей, того слоя рус¬ской интеллигенции, русского дворянства, который был рядом с народом и сам был исконно русским народом. Свою долю в строй ахматовской речи внес и херсонесский базар, куда мать посылала детей на лодке за арбузами и дынями, и Павловский вокзал,
* Гумилев Н. Соч.: В 3 т. Т. 1. С. 41.
и Царскосельский парк, и тамбур поезда Царско¬сельской железной дороги, с молодыми солдатами в нем, и почтовый поезд, в котором Ахматова ездила из Москвы в Слепнево. Она училась живому рус¬скому языку всю жизнь; в ее стихах, прозе, устных рассказах и диалогах – результаты этой учебы.
И еще она училась высокому строю речи – и в книгах, и в церкви. Ее семья была не только верующей, но и церковной. И такой же Анна Ах¬матова осталась на всю жизнь. Посещение церкви, молитва, исповедь, причастие были для детей Горен¬ко обязательными. В советские годы, когда регуляр¬ное посещение церкви было для поэта практически невозможно, она по-прежнему говорила о себе как о человеке верующем, а время отмеряла по церков¬ному календарю: «светлый, светлый Духов день», «Страстная неделя», «Святки», «разрешенье вина и елея», «канун Крещенья», «Прощеное воскресе¬нье»*. В книге А. Г. Наймана есть запись о словах, сказанных Анной Ахматовой в «Прощеное воскре¬сенье» 1963 г.: «В этот день мама выходила на кухню, низко кланялась прислуге и сурово говори¬ла: «Простите меня грешную». Прислуга так же кланялась и так же сурово отвечала: «Господь прос¬тит. Вы меня простите». Вот и я теперь у вас прошу: «Простите меня грешную»**.
«А юность была–как молитва воскресная...», «Молюсь оконному лучу...», «Так молюсь за Твоей
* Вот как выглядела реакция на посещение Анной Ахматовой церкви в пасхальную ночь 1926 г. в дневнике очень расположенного к ней Павла Лукницкого: «Ночью АА ходила к заутрене в церковь Спаса на крови. Странно, не могу понять, зачем это ей нужно? Не мо¬литься же ходит? По многим намекам думаю, что дело в традиции. Но и это, конечно, зря» (II, 127).
** Найман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. С. 50.
литургией», «А когда сквозь волны фимиама//Хор гремит, ликуя и грозя...», «Торжественно гудят ко¬локола», «А над кроватью надпись по-французс-ки//Гласит: «Seignuer, ayez petie de nous» (Господи, помилуй нас. – фр.) – все это не только поэтические формулы прекрасной жизни, но и конкретно-реаль¬ные детали того быта, в котором росла Аня Горенко.
«Церковность» Анны Ахматовой включала в се¬бя интерес к церковной архитектуре, к житиям свя¬тых, церковной службе и церковному календарю. В церкви она вела себя

уверенно, чувствовала себя в родной обстановке, в отличие от многих своих младших писателей-современников. Л. К. Чуков¬ская рассказывала о поездке с Анной Ахматовой 1 мая 1953 г. в Загорск (Сергиев Посад):
«Ее образованность светила нам всю дорогу. Отвечая на расспросы шофера и наши, она рас¬сказывала нам о Сергии Радонежском, о возведении Лавры, о поляках и татарах (...) Мы вошли в Пат¬риаршую церковь. На паперти копошились нищие, совершенно суриковские. Анна Андреевна, сосре¬доточенно крестясь, уверенной поступью торжест¬венно шла по длинному храму вперед, а мы плелись за нею. (Мне в церкви всегда неловко.) Пение было ангельское. Из Патриаршего храма мы пошли в другой, поменьше. Вокруг нас шептались: «Мир¬ские, мирские!» Тут пели не только певчие, но и прихожане. Пение стройное, сильное, будто не люди, а сама церковь поет. (...) Анна Андреев¬на опустилась на колени перед иконой Божьей Матери, а мы вышли. Скоро она присоединилась к нам» (2, 60).
В рабочей тетради РГАЛИ, е.х. 114 («Лермон¬тов») записи последнего месяца жизни Ахматовой обозначены как «16 февраля. Сретенская Анна»,
19 февраля –«суббота на Масленой», 20 февраля – «Прощеное Воскресенье», о 21-м феврале записано: «Завтра Чистый Понедельник. («Господи, Владыка живота моего...» и звон, который запомнился с дет¬ства)». Среди воспоминаний о Н. С. Гумилеве–сле¬дующая знаменательная деталь: «Когда в 1916 году я как-то выразила сожаление по поводу нашего в общем не состоявшегося брака, он сказал: «Нет -я не жалею. Ты научила меня верить в Бога и лю¬бить Россию»*.
В воспоминаниях о детстве, о семье и матери Анны Ахматовой – почти нет театральных впечат¬лений (хотя она бывала в театре и с родителями, и с Н. С. Гумилевым), но довольно много впечатле¬ний, связанных с миром живописи. Зрительный об¬раз мира характерен для стихов Ахматовой с пер¬вых ее шагов в поэзии: «Молюсь оконному лучу–// Он бледен, тонок, прям»; «На рукомойнике мо-ем//Позеленела медь»; «У кладбища направо пылил пустырь,//А за ним голубела река»; «Дорогу вижу до ворот, и тумбы//Белеют четко в изумрудном дерне»; «Высоко в небе облачко серело,//Как бе¬личья расстеленная шкурка».
В ее стихах есть импрессионистская деталь, яркий мазок, пейзаж, можно найти натюрморт:
На столе забыты Хлыстик и перчатка.
Крут от лампы желтый...
Можно различить реалистическую бытовую деталь:
На кустах зацветает крыжовник, И везут кирпичи за оградой (...)
* Рабочая тетрадь РГАЛИ. Е.х. ПО. Л. 28 об.
Можно угадать портрет, и естественно появле¬ние стихотворений о своих портретах: «Я здесь, на сером полотне,//Возникла странно и неясно».
Анне Горенко было около десяти лет, когда произошло ее первое знакомство с Эрмитажем и Русским музеем (тогда – Музеем Александра III). В поздние годы она вспоминала о поездках в Петер¬бург, в Эрмитаж и Русский музей, «который тогда был совсем молодой», – его открыли в 1898 г.: «Ме¬ня... маленькую водили в Эрмитаж и в Русский музей... Мы жили в Царском, мама возила меня из Царского. Чего я терпеть не могла, так это выставок передвижников. Все лиловое. Я шла по лестнице и думала: насколько эти старые картины, развешан¬ные на лестнице, лучше» (1, 117). В Музее Алексан¬дра III в 1910 г. она встречалась с Н. С. Гумилевым.
В Эрмитаже с детства самая любимая ее кар¬тина – «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи: «Ма¬донна в «синем мире» (...) Бывая в Эрмитаже, она всегда прежде всего идет взглянуть на нее–в ма¬ленькую комнату, где она висит» (II, 95). Она любит Левитана и не любит Серова, – причем ее оценки субъективны и пристрастны и уходят кор¬нями также в мир царскосельского и киевского дет¬ства, когда ее собственные вкусы формировались и под влиянием, и вопреки влиянию окружающего ее мира. Можно предположить, что в семейном кругу Горенко-Стоговых выставки «передвижни¬ков» должны были иметь успех. Однако об одном из великих «передвижников», Валентине Александро¬виче Серове и его картине «Портрет О. К. Ор¬ловой» Ахматова высказалась так: «Я не люблю Серова. Вот, принято говорить про портрет Ор¬ловой: «портрет аристократизма». Спасибо! Ка¬кой там аристократизм! Известная петербургская великосветская шлюха. (...) Этот пустой стул с тон¬кими золочеными ножками, как на приеме у зубного врача! Эта шляпа! Нет, благодарю!» (2, 44).
В кругу Ахматовой истинный аристократизм противопоставлялся чопорности, истинный вкус культурного человека – вкусу обывателей. Л. К. Чу¬ковская вспоминает один из разговоров с Анной Андреевной о живописи и художниках–в связи с рассказом Чехова «Попрыгунья». В этом рассказе есть все, что требуется редакторам 1950-х годов: «и отрицательная героиня, и положительный герой...
– И высмеяны люди искусства, – сейчас же сердито подхватила Анна Андреевна, –художники. Действительно, все, что требуется!

Я высказала предположение, что, быть может, там не люди искусства, а люди при-искусстве, воз-ле-искусства...
– Ну да, Левитан!? –перебила меня Анна Ан¬дреевна. – Ведь Рябовский –Левитан...
И заметьте: Чехов всегда, всю жизнь изображал художников бездельниками. В «Доме с мезонином» пейзажист сам называет себя бездельником. А ведь в дейст-вительности художник –это страшный труд, духов¬ный и физический. Это сотни набросков, сотни верст не только по лесам и полям с альбомом, но и непосредственно перед холстом. А сколько пред¬варительных набросков к каждой вещи! Мне Замя¬тины, уезжая, оставили альбомы Бориса Григорье¬ва–там тысячи набросков для одного портрета. Тысячи –для одного» (2, 70).
Уважение к труду, в том числе труду челове¬ка искусства – результат воспитания в ее семье, в ее кругу.
Ахматовой нравились импрессионисты; им¬прессионистическое начало она умела находить
и ценила в поэзии. Так, прослушав однажды в чте¬нии Л. К. Чуковской стихотворения А. Фета «Ель рукавом мне тропинку завесила», «Я болен, Офе¬лия, милый мой друг», «Снова птицы летят издалё¬ка», Ахматова объявила его «восхитительным им¬прессионистом». «Мне неизвестно, знал ли он, видел ли Моне, Писсарро, Ренуара, но сам работал только так. Его стихи надо приводить в качестве образца на лекциях об импрессионизме» (2, 71).
В будущем жизнь сведет Ахматову со многими художниками (в том числе–с футуристами, кон¬структивистами и пр.) и искусствоведами. Талант¬ливым исследователем живописи будет ее третий муж, Николай Николаевич Пунин. Ей придется не только услышать немало лекций о живописи, но и самой готовить их, работая по ночам, –когда Пунин не успевал к сроку, именно Анна Андреевна писала для него доклады, переводила монографию о Сезанне, часто оставляя для этого все свои дела, в том числе работу над биографией Гумилева и соб¬ственные стихи: «...все ее время уходит на перевод Сезанна. Много ей приходится работать и для Лу¬нина–переводить ему статьи по искусству с фран¬цузского; часто подготовляет ему доклады для Ин¬ститута истории искусств» (II, 81). Посещая Эрмитаж вместе с Луниным (как когда-то посещала с Н. С. Гумилевым), Анна Андреевна вновь и вновь возвращалась в залы любимых итальянцев. «АА се¬годня была в Эрмитаже с Луниным, чтобы посмот-реть что-то во французском отделе. Но говорит, что от этого вернулась к Леонардо да Винчи, что «что бы ни смотреть – всегда вернешься к нему, потому что он несравненен». (Кажется, говорила и о Ми-кель-Анджело)» (II, 9). «Пунин говорил о том, как хорошо он с АА проработал Давида, – сегодня у него был кто-то из Эрмитажа, человек, который, казалось бы, должен знать о Давиде очень много, и, однако, Пунин далеко превзошел его своими познаниями в этой области и дал ему много указаний о Давиде» (II, 80).
Знание живописи, в 1920-е годы –почти на профессиональном уровне –так же, как и многое другое в разносторонней гамме интересов Анны Ахматовой, восходит к детству.
Среди незабываемых впечатлений детства – гармония прекрасного в архитектуре, в царскосель¬ских дворцах и парках с их статуями, воспетыми прекраснейшими царскоселами – А. С. Пушкиным («Дева с кувшином») и И. Ф. Анненским («Расе»), в красоте близкого к Царскому Селу, но совсем иного –Павловска; каждая поездка туда была праздником:
Как в ворота чугунные въедешь, Тронет тело блаженная дрожь, Не живешь, а ликуешь и бредишь, Иль совсем по-иному живешь...
«Вспоминали мы с отрадой//Царскосельские сады»,– написала Ахматова в 1916 г., но могла бы написать и в любой другой период своей жизни. В окружении Ахматовой даже бытовала фраза: «Вы– поэт местного, царскосельского значения», сказан¬ная (или повторенная?) Н. Н. Луниным. В этой фразе была ирония, но не только в адрес поэта, но и в адрес тех, кто эту фразу придумал и всерьез произносил. Анне Ахматовой, как и всем царскосе-лам, было прекрасно известно, что жить в Царском Селе было гораздо престижней, чем в Петербурге на Песках. В число повседневных встреч Ани Горенко
входили многочисленные случайные встречи с ца¬рем Николаем II, великими князьями, в вагоне Цар¬скосельской железной дороги она могла оказаться и оказывалась рядом с Распутиным. Анна Ахматова многократно подчеркивала, что именно у нее могут молодые любопытные потомки узнать, как выгляде¬ла подлинная аристократка, поэтесса 1910-х годов, дама «полусвета» и девочки из кордебалета или «корифейки»... Эта жизнь навеки ушла в про¬шлое,–и она же навеки запечатлена поэзией моло¬дой Анны Ахматовой.
«Сжала руки под темной вуалью...» Вуаль в бы¬ту светской дамы 1900–1910-х годов –не сеточка, спускающаяся со шляпы на лицо, как сейчас ее пред¬ставляем мы, а «личное покрывало, фата, покров» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 275), только под таким «покровом», то есть кружевным или

шелковым платком, шалью – можно «сжать руки». «Так душно пахнет старое саше». Саше –мешочек или подушечка с душистыми сухими травами, деталь, необходимая в комнате, которая «помнит старину», где «блестящих севрских статуэток//Померкли глянцевитые плащи», и звучат виола и клавесин. «Тетрадь в обложке мягкого сафья-на,//Читаю в ней элегии и стансы,//Написанные ба¬бушке моей» –это из быта киевской линии семьи Стоговых-Змунчилла, из быта барышень Слепнева и Борискова, в альбомы которых записывали стихи Николай Гумилев и Анна Ахматова в 1910-е годы. В ее стихах есть сетка гамака и крокетная площадка, свечи в гостиной и розы из оранжереи, перо, которое «задело о верх экипажа», и героиня, надевшая «уз-кую юбку,//Чтоб казаться еще стройней». А рядом– все чаще как бы выход на простор из душной, хотя и прекрасной комнаты:
Я на солнечном восходе Про любовь пою, На коленях в огороде Лебеду полю. (...) Будет камень вместо хлеба Мне наградой злой. Надо мною только небо, А со мною голос твой.
«Все сильнее запах теплый//Мертвой лебеды» – сорванная подсыхающая трава пахнет сильнее, это точное наблюдение сделано поэтом, взгляд которого охватывает широкий окружающий его мир:
Цветов и неживых вещей Приятен запах в этом доме. У грядок груды овощей Лежат, пестры, на черноземе.
И вновь, и вновь –запах:
Каждый день по-новому тревожен. Все сильнее запах спелой ржи.
Когда-то Федор Иванович Тютчев, после двад¬цатидвухлетнего пребывания в европейских странах погрузившийся в необъятные просторы средней России, в своих описаниях природы сделал шаг от восторженного созерцания –к острому наблюдению хозяина-пахаря: «И льется теплая и тихая ла-зурь//На отдыхающее поле...»; «И паутины тонкий волос//Блестит на праздной борозде». Примерно это же происходит в мироощущении формирующе¬гося поэта Анны Ахматовой. От точной фиксации деталей она переходит к обобщению, от одной вер¬но взятой ноты–к многоголосию хора, от ясности эпитета –к развернутой метафоре:
Столько просьб у любимой всегда! У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.
И я стану–Христос помоги! – На покров этот, светлый и ломкий, А ты письма мои береги, Чтобы нас рассудили потомки...
Осип Мандельштам одним из первых загово¬рил о народности поэзии Ахматовой, отметив ис¬пользование ею приема русской народной песни, частушки. Мандельштам заявил уже в середине 1910-х годов, что стихи Ахматовой близки народной песне не только по структуре, но и по сущест¬ву–«являясь всегда, неизменно «причитаниями». Ему же принадлежит знаменательный вывод о вы¬ходе поэзии Анны Ахматовой из круга образов дворянского, светского воспитания в широкий мир жизни России: «Принимая во внимание чисто лите¬ратурный, сквозь стиснутые зубы процеженный сло¬варь поэта, эти качества делают ее особенно инте¬ресной, позволяя в литературной русской даме двадцатого века угадывать бабу и крестьянку»*. Наглядным примером такого расширения мира поэ¬та может служить стихотворение, написанное осе¬нью 1913 г. и вошедшее во вторую ахматовскую книгу стихов «Четки»:
Ты знаешь, я томлюсь в неволе, О смерти Господа моля. Но все мне памятна до боли Тверская скудная земля.
Журавль у ветхого колодца, Над ним, как кипень, облака, В полях скрипучие воротца, И запах хеба, и тоска.
* Мандельштам О. Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 295.
И те неяркие просторы, Где даже голос ветра слаб, И осуждающие взоры Спокойных загорелых баб.
Анна Ахматова дорожила своим наблюдением о гордом достоинстве среднерусского крестьянства, она любила эту черту в русском народе и удов¬летворенно отыскивала ее в себе–«ведь капелька новогородской крови//Во мне как льдинка в пе¬нистом вине».
Завершая разговор о детстве Анны Горенко и о формировании поэта Анны Ахматовой, остано¬вимся кратко на ее учебе, которая была столь же типичной, как и многое другое в ее воспитании, для девочки определенного дворянского слоя и круга. Осенью 1899 г. Анна Горенко поступила в первый класс Царскосельской Мариинской женской гим¬назии, где проучилась до весны 1902г., окончив три класса. В августе 1902 г. отец подал прошение о приеме дочери Анны в пятый класс Император¬ского воспитательного общества благородных девиц (Смольный институт) «своекоштною пансионер¬кою». Анна пробыла в Смольном не более двух месяцев, –уже 18 сентября 1902 г. мать подает про¬шение в Совет Императорского воспитательного об¬щества об увольнении дочери «вовсе из института» вследствие изменившихся домашних обстоятельств. По одной из семейных версий, причиной этого была неспособность

девочки привыкнуть к строгой дис¬циплине и замкнутой «тюремной» жизни пансионе¬рок (она не признавала никакого насилия над со¬бой), по другой –ее лунатизм.
Анна Горенко вернулась в Мариинскую гим¬назию Царского Села. Весной 1905 г. она окончила шестой класс. В это время ее родители расстались,
и мать с детьми в августе того же года переехала в Евпаторию. В одном из автобиографических на¬бросков Анна Ахматова пишет: «Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспо¬мощных стихов. Отзвуки революции Пятого года глухо доходили до отрезанной от мира Евпатории».
В мае 1906 г. Анна в сопровождении тетушки А. Э. Вакар была отправлена в Киев, где сдала экзамены за 7-й класс и поступила в 8-й класс Киевской Фундуклеевской женской гимназии. Во вре¬мя учебы она живет у своей двоюродной сестры Марии Александровны Змунчилла, рождественские праздники проводит в семье Анны Эразмовны и Виктора Модестовича Вакар, летом она с мате¬рью–на даче близ Севастополя. Ни Киев, ни укра¬инский язык ей не нравятся, она вспоминает Цар¬ское Село, свою детскую любовь к Владимиру Викторовичу Голенищеву-Кутузову, студенту араб-ско-персидско-турецко-татарского разряда факуль¬тета восточных языков Санкт-Петербургского уни¬верситета. В 1905 г., когда в него влюбилась царскосельская гимназистка, он учился на третьем курсе и, очевидно, просто не заметил этой влюблен¬ности. Во всяком случае, когда в 1907 г. Анна в письме попросила своего родственника, мужа сес¬тры Инны, С. В. фон Штейна достать для нее и прислать ей фотокарточку Голенищева-Кутузова, то он показался ей на этой фотокарточке таким, каким она знала его в Царском Селе: «На ней он совсем такой, каким я знала его, любила и так безумно боялась: элегантный и такой равнодушно-холодный».
Осенью 1906 г., после полуторагодового пере¬рыва, возобновляются отношения Анны с Николаем
Гумилевым,–она первая пишет ему в Париж–«это письмо не заключало в себе решительно ничего осо¬бенного», а он в очередной раз предложил ей руку и сердце. В феврале 1907 г. она ответила согласием, но в этом согласии было что угодно – экзальтирован¬ность, истерика провинциальной барышни, желание произвести впечатление на окружающих, но только не любовь. Вот выдержки из писем к Сергею фон Штейну, конфиденту Анны в эти месяцы:
2 февраля 1907 г.: «Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилева. Он любит меня уже три года, и я верю, что моя судьба быть его женой ...) Я убила душу свою ...) Пришлите мне, несмотря ни на что, карточку Вл(адимира) Викторовича)».
Февраль 1907 г.: «Мой Коля собирается, кажет¬ся, приехать ко мне –я так безумно счастлива (...) Всякий раз, как приходит письмо из Парижа, его прячут от меня и передают с великими предосто¬рожностями. Затем бывает нервный припадок, хо-лодные компрессы и общее недоумение. (...) Как Вы думаете, что скажет папа, когда узнает о моем решении? Если он будет против моего брака, я убегу и тайно обвенчаюсь с Nicolas. Уважать отца я не могу, никогда его не любила, с какой же стати буду его слушаться. Я стала зла, капризна, невыносима. (...) Я себя ненавижу, презираю, я не могу выно¬сить этой лжи, опутавшей меня».
11 февраля 1907 г.: «...жду каждую минуту при¬езда Nicolas. (•■•) Смогу ли я снова начать жить? Конечно, нет! Но Гумилев –моя Судьба, и я покор¬но отдаюсь ей. (...) Я клянусь всем для меня святым, что этот человек будет счастлив со мной».
13 марта 1907 г.: «Все ушло из души вместе с единственным освещавшим ее светлым и нежным
чувством. (...) Когда кончатся экзамены 1\олени-щева)-К(утузова?»
Экзамены Голенищева-Кутузова «кончились» в апреле 1907 г., когда он получил свидетельство об окончании Петербургского университета. Анна Горенко 28 мая того же года получила атгестат об окончании Киевской Фундуклеевской гимназии. Сохранился подлинник аттестата–в Петербургском государственном историческом архиве (Ф. 52. Оп. 1. Д. 21. Л. 37), впервые опубликованный пер¬вым биографом Анны Ахматовой Амандой Хейт:
Аттестат
Окончившая курс Киево-Фундуклеевской женской гимна¬зии Ведомства учреждений Императрицы Марии, девица Анна Андреевна Горенко, дочь статского советника, родилась 1889 г. 11-го июня, вероисповедания православного.
Во время пребывания в сем заведении, при отличном пове¬дении, оказала успехи:
По Закону Божию–отличные,
по русскому языку и словесности – очень хорошие,
по французскому языку–весьма хорошие,
по немецкому языку –очень хорошие,

по математике—весьма хорошие,
по истории — очень хорошие,
по географии—отличные,
по естествознанию с гигиеной—весьма хорошие, по физике и космографии — очень хорошие, по педагогике—весьма хорошие, по рисованию и чистописанию—хорошие, по рукоделию —не обучалась, по хоровому пению--- по музыке--- по танцам--- На основании сего аттестата, в силу гл. V § 46 Высочайше утвержденного устава училищ для приходящих девиц Ведом¬ства учреждений Императрицы Марии, она, Анна Горенко, получает, не подвергаясь особому испытанию, свидетельство
на звание домашней учительницы тех предметов, в которых оказала хорошие успехи»*
В этом аттестате многое любопытно. Например, то, что Ахматова не учила украинский язык,— позже ее собеседницу Л. К. Чуковскую поразит равнодушие Ахматовой к поэзии Тараса Шевченко, которого она никогда не читала по-украински. Знаменательна отличная оценка по географии,— знания остались на всю жизнь. Маргарита Алигер вспоминала одну из своих бесед с Анной Ахматовой 1953 г.: она рассказывала Ахматовой о только что совершенной ею поездке по Латинской Америке, о чилийских индейцах племени мапуче:
«— Удивительно интересно! Я этого не зна¬ла,—сказала она, внимательно выслушав меня, и стало ясно, что теперь она уже крепко и навсегда это знает. И тотчас продолжила мой рассказ цен¬нейшими сведениями об ацтеках и инках.
Она знала все на свете. Иногда совсем неожи¬данные вещи.
— Память у меня стала совсем худая, — как-то пожаловалась я. —Никак не могу вспомнить, как называется чилийская река, та, самая главная... Мы проезжали ее, когда ехали в Консепсьон... По ней еще во время колонизации проходила граница...
— Био-Био, — небрежно бросила через плечо Анна Андреевна, словно речь шла о Мойке или о Карповке**.
И, разумеется, весьма любопытен прочерк про¬тив названий тех предметов, которым Анна Горенко
* Х е й т А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. С. 356 — 357. ** Алигер М. И. Тропинка во ржи. О поэзии и о поэтах. М., 1980. С. 361.
«не обучалась» —рукоделие, хоровое пение, музыка, танцы. Никто и никогда не видел Анну Ахматову танцующей. Единичны воспоминания о том, что она напела какую-то мелодию, —во всех случаях это мелодия народной песни. «Я не умею шить» —это категорическое заявление слышали от нее многие. «В меня вселился дух другой женщины, и я подшила себе юбку...»
А вот не «отличная» оценка по русскому языку и словесности, может быть, связана с тем, что вкусы независимой гимназистки слишком расходились со вкусами ее преподавателей. Ее интересовали со¬временные поэты, прежде всего Брюсов, Блок, стар¬шие символисты, печатавшиеся в журнале «Весы». Анна Ахматова вспоминала о себе в Царскосельской гимназии: «Я очень хорошо помню, как я принесла в гимназию «Стихи о Прекрасной Даме» и первая ученица сказала мне: «И ты, Горенко, можешь всю эту ерунду прочесть до конца!» (1, 183). Анна Горенко читала Блока с увлечением. Из Киева она спрашивала С. В. фон Штейна: «Не издает ли
А. Блок новые стихотворения—моя кузина его боль¬шая поклонница. Нет ли у Вас чего-нибудь нового Н. С. Гумилева? Я совсем не знаю, что он теперь пишет, а спрашивать не хочу». В одном из следую¬щих писем: «...Сегодня Наня (кузина М. А. Змун-чилла. — Н. К.) купила Н-й сборник стихов Бло¬ка. Очень многие вещи поразительно напоминают
В. Брюсова. Напр(имер), стихотворение) «Незна¬комка», стр. 21, но оно великолепно, это сплетение пошлой обыденности с дивным ярким видением. Под моим влиянием кузина выписывает «Весы», в этом году они очень интересны, судя по объявлению».
Письма к фон Штейну свидетельствуют как о го¬рячем интересе Анны к современной литературе, так и о том, что столичные новинки попадали к киев¬лянам с большим опозданием. 13 марта 1907 г. она пишет: «Мой дорогой Сергей Владимирович, я прочла Ваше письмо, и мне стало стыдно за свою одичалость. Только вчера я достала «Жизнь челове¬ка» (драму Леонида Андреева. — //. К.), остальных произведений, о которых Вы пишете, я совсем не знаю. Мне вдруг захотелось в Петербург, к жиз¬ни, к книгам. Но я вечная скиталица по чужим грубым и грязным городам, какими были Евпатория и Киев, будет Севастополь, я давно потеряла на¬дежду. Живу отлетающей жизнью так тихо, тихо. Сестра вышивает ковер, а я читаю ей вслух фран¬цузские романы или Ал. Блока. У нее к нему какая-то особенная нежность. Она прямо боготво-рит его и говорит, что у нее вторая половина его души. Напишите, какого у Вас в кружке мнения об Давиде Айзмане. Его сравнивают с Шекспиром, и это меня смущает. Неужели будем мы совре¬менниками гения?»
В этих письмах еще полное отсутствие ориента¬ции, неумение оценить и классифицировать, виден лишь горячий интерес. Сопоставление с Шекспи¬ром

второстепенного писателя-«знаньевца» Давида Яковлевича Айзмана, борца против социальной не¬справедливости и защитника преследуемых само¬державием, говорит скорее о передовых граждан¬ских настроениях семейного окружения, чем о вкусе самой Анны, — в Киеве только что, в декабре 1906 г., был арестован ее двоюродный брат, Владимир Вик¬торович Вакар, — за революционную статью в газете «Киевское слово»*. К началу 1907 г. Айзман издал

* Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1. М., 1996. С. 25.

уже довольно много: трагедию «Терновый куст», книги «Рассказы» (том 1) и «Черные дни». Его произведения отличались напряженным развитием действия и острым сюжетом, советские энциклопе¬дии считают его находящимся под влиянием дека¬дентства.

Об учении Анны Горенко в Киевской гимназии сохранилось немного сведений. Наиболее интересные из них—воспоминания ее соученицы Веры Адольфов¬ны Веер, ставшей педагогом. Она рассказала об уроке психологии в седьмом выпускном классе гимназии, который вел знаменитый в будущем философ, специ¬алист по эстетике Густав Густавович Шпет:

«Сегодня урок посвящен ассоциативным пред¬ставлениям. Густав Густавович предлагает нам са¬мостоятельно привести ряд примеров из жизни или из литературы, когда одно представление вызывает в памяти другое. Дружным смехом сопровождается напоминание, как у миссис Никльби из романа Диккенса «Николас Никльби», пользовавшегося у нас тогда большим успехом, погожее майское утро связывается с поросенком, жаренным с луком. И вдруг раздается спокойный, не то ленивый, не то монотонный голос:

«Столетия-фонарики! О, сколько вас во тьме, На прочной нити времени, протянутой в уме!»

Торжественный размер, своеобразная манера чтения, необычные для нас образы заставляют на¬сторожиться. Мы все смотрим на Аню Горенко, которая даже не встала, а говорит как во сне. Легкая улыбка, игравшая на лице Густава Густаво¬вича, исчезла.

«Чьи это стихи?» — проверяет он ее. Раздается слегка презрительный ответ: «Валерия Брюсова».

О Брюсове слышали тогда очень немногие из нас, а знать его стихи так, как Аня Горенко, никто, конечно, не мог. «Пример г-жи Горенко очень инте¬ресен», — говорит Густав Густавович. И он продол¬жает чтение и комментирование стихотворения, на-чатого Горенкой. На ее сжатых губах скользит самодовольная улыбка...»* Последний эпитет не слу¬чаен — по многим воспоминаниям, гимназистка Горен¬ко могла быть с преподавателями и дерзкой, и над¬менной, и отвечать им вызывающе оскорбительно. Кое-кто, тот же Г. Г. Шпет, по-видимому, этого не забыл,—в своей книге 1922 г. «Эстетические фраг¬менты» он определил сущность поэзии Ахматовой как «эстетическую лживость»: «...никакое, ничтожное содержание в многообещающей форме есть эсте¬тическая лживость (Ахматова, например) — зна-менование потери восприятия и чувства мира...»**

В феврале 1907 г. в печати появилось первое стихотворение Анны Горенко —«На руке его много блестящих колец...» —оно опубликовано в журнале «Сириус», который издавал в Париже Н. С. Гуми¬лев с товарищами. Предварительно стихотворение было отредактировано Гумилевым. Летом того же года Николай Гумилев прислал Анне Горенко в Се¬вастополь книгу Бодлера «Цветы зла» со знамена-тельной надписью: «Лебедю из лебедей —путь к его озеру». И тем же летом получил первый отказ от своей невесты. Аманда Хейт так описывает сцену отказа со слов самой Ахматовой: «Они стояли вдвоем и в молчании смотрели на берег, куда выбросило мертвых дельфинов. Гумилев описал это мгновение в стихотворении «Отказ»:

* Воспоминания об Анне Ахматовой//Соег. В. Я. Вилснкин, В. А. Черных. М., 1991. С. 29-30. ** Там же. С. 686.

Царица иль, может быть, только печальный ребенок, Она наклонилась над сонно вздыхающим морем, И стан ее, стройный и гибкий, казался так тонок, Он тайно стремился навстречу серебряным зорям.
Сбегающий сумрак. Какая-то крикнула птица,
И вот перед ней замелькали на влаге дельфины.
Чтоб плыть к бирюзовым владеньям влюбленного принца,
Они предлагали свои глянцевитые спины.
Но голос хрустальный казался особенно звонок, Когда он упрямо сказал роковое: «Не надо»... Царица иль, может быть, только капризный ребенок, Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда»*.

Вернувшись во Францию, Гумилев предпринял попытку самоубийства, которая, к счастью, закон¬чилась неудачей. В 1907 — 1909 гг. он вновь и вновь делал предложения Анне Горенко. Приезжал к ней —в Киев, в Севастополь, в Лустдорф. Неиз¬менно получал отказ и уезжал—в Париж, в Афри¬ку. Звал ее. Еще несколько раз

пытался покончить с собой.
Из стихотворения Гумилева «Отказ» не ясно, кто тот «влюбленный принц», к владеньям которого готовы нести героиню дельфины: он сам или другой. Анна Ахматова в поэме «У самого моря», про которую она говорила, что это «отдаленное эхо» их отношений с Гумилевым, четко разделила героев: царевич –это тот, о котором мечтает героиня, толь¬ко он может сделать ее царицей, его она должна «приманить» своей песней, «лучше которой нет на свете». А тот, кто делает ей предложение и по¬лучает отказ, просто «сероглазый мальчик»:
«Я хочу на тебе жениться, –
Он сказал, – скоро стану взрослым
И поеду с тобой на север...»
* Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. С. 30.
Заплакал высокий мальчик, Оттого что я не хотела Ни роз, ни ехать на север. Плохо я его утешала: «Подумай, я буду царицей, На что мне такого мужа?»
В рабочей тетради Ахматовой (РГАЛИ. Е. х. 110) есть запись: «Бесконечное жениховство Н. С. и мои столь же бесконечные отказы, наконец, утомили даже мою кроткую маму, и она сказала мне с упреком: «Невеста неневестная», что показалось мне кощунством».
Осенью 1908 г. Анна Горенко поступила в Кие¬ве на юридический факультет Высших женских курсов. В августе 1908 г. ездила в Петербург– «одна!» –что было необычно и даже неприлично для девицы ее круга. Пробыла в Петербурге около десяти дней, жила у отца. В это время Н. С. Гуми¬лев зачислен студентом юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Два года Анна учится на Высших женских курсах, успеш¬но сдает экзамены по энциклопедии права, по ла-тыни, которой занимается с особым увлечением (М. И. Алигер вспоминала, как Ахматова в 1905-е годы переводила ей с листа басню Катулла про раба и его беспутного господина), по истории рим¬ского права и др. «Пока приходилось изучать ис¬торию права и особенно латынь, я была довольна; когда же пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела», –в 1965 г. написала Ахма¬това в автобиографии «Коротко о себе». Осенью 1909 г. Анна получила письмо Н. С. Гумилева, которое показалось ей более убедительным, чем все предыдущие любовные объяснения, – оно содержа¬ло фразу, которую она запомнила на всю жизнь:
«Я понял, что в мире меня интересует только то, что имеет отношение к Вам...» 29 ноября 1909 г. Гуми¬лев приехал в Киев в составе группы сотрудников журнала «Аполлон», устроивших вечер под назва¬нием «Остров искусств». На этом вечере присут¬ствовала Анна Горенко. И сам вечер, и Гумилев на нем не имели успеха; по окончании Анна поехала с ним в гостиницу «Европейская» пить кофе. Там он вновь сделал ей предложение, которое было приня¬то. Они провели вместе три дня, Николай Степано¬вич был счастлив, однако лейтмотивом отношений все же можно считать их разговор, происшедший за полгода до этих событий:
«АА, провожая Николая Степановича, ездила с ним из Лустдорфа в Одессу (на трамвае). Нико¬лай Степанович все спрашивал ее, любит ли она его? АА ответила: «Не люблю, но считаю Вас выда¬ющимся человеком». НС улыбнулся и спросил: «Как Будда или как Магомет?»*
В конце ноября 1909 г. Гумилев из Киева отправился в Одессу, чтобы плыть в Африку. 2 – 3 февраля 1910 г., вернувшись из Абиссинии, провел в Киеве со своей невестой два дня. А 22–28 февраля, на масленицу, Анна Горенко приехала в Петербург. Впервые была в доме Гумилевых как невеста. 5 ап¬реля 1910 г. Гумилев подает прошение ректору Санкт-Петербургского университета о разрешении ему вступить в законный брак с дочерью статского советника Анной Андреевной Горенко. 14 апреля получает свидетельство Санкт-Петербургского уни¬верситета о разрешении ему отпуска для поездки за границу (в свадебное путешествие). 16 апреля вы¬шел в свет сборник стихов Гумилева «Жемчуга»,
* Лукницкая В. К. Перед тобой земля. Л., 1988. С. 343.
который он привез в Киев ко дню венчания, пода¬рив Анне с надписью:
«Кесарю–кесарево». Тогда же ей была посвящена «Баллада»:
Тебе, подруга, ату песнь отдам, Я веровал всегда твоим стопам, Когда вела ты, нежа и карая...*
25 апреля 1910 г. состоялось венчание в Нико¬лаевской церкви села Никольская слободка Остер-ского уезда Черниговской губернии. Выбор этой небольшой церкви на окраине Киева может быть объяснен и тем, что Н. С. Гумилев был в трауре после смерти отца, и тем, что эта церковь была посвящена святому Николаю Марликийскому, по¬кровителю Николая Гумилева (см. об этом в статье Е. Ольшанской «Анна Ахматова в Киеве»//«Сереб-ряный век». Приложение к журналу «Ренессанс». Киев. 1994). Шаферами были поэт Владимир Эдуардович Эльснер, тот самый, по приглашению которого «аполлоновцы» Н. Гумилев, М. Кузмин, П. Потемкин и А. Толстой приезжали в ноябре в Киев выступать на вечере «Остров искусств», и поэт И. Аксенов. «Родственники Ахматовой счи¬тали брак заведомо обреченным на

неудачу, и ни¬кто из них не пришел на венчание, что глубоко оскорбило ее», —пишет со слов Ахматовой Аманда Хейт**.
За два месяца до венчания, уезжая из Петер¬бурга в Киев, Ахматова написала записку своей подруге, Валерии Тюльпановой: «Птица моя,— сей¬час еду в Киев. Молитесь обо мне. Хуже не бывает. Смерти хочу. Вы все знаете, единственная, нена¬глядная, любимая, нежная. Валя моя, если бы я умела
* Гумилев Н. Соч.: В 3 т. Т. 1. С. 138. ** Хейт Л. Лила Ахматова. Поэтическое странствие. С. 32.
плакать. Аня»*. После свадьбы Николай Степано¬вич выдал жене «личный вид на жительство» и по¬ложил в банк на ее имя две тысячи рублей: «Я хотел, чтобы она чувствовала себя независимой и вполне обеспеченной», — говорил он Ирине Одоевцевой**.
2 мая 1910 г. молодые уехали в свадебное путе¬шествие: через Варшаву в Париж. Ходили по музе¬ям, посетили средневековое аббатство Клюни, Зоо¬логический сад, любимые кафе и ночные кабаре Гумилева. Встречались с русскими и французскими поэтами и художниками, накупили массу книг. Ан • на Ахматова рассказывала П. Н. Лукницкому, что Гумилев из Парижа отправил в Петербург целый ящик книг—там были все новые французские поэты и недавно ставший известным Маринетти. Вспоми¬нала о простоте Николая Степановича, его детскос¬ти и любви к игре, умении чеканно построить фразу в обычном разговоре, остроумии, рассказала эпи¬зод, как она похвасталась впечатлением, которое произвела в вагоне на дорожного спутника-немца: «И этот немец не спал и восемь часов смотрел на нее», —на что Н. С. «вразумительно сказал ей: «На Венеру Милосскую нельзя восемь часов подряд смотреть, а ведь ты же не Венера Милосская!..» (II, 14). Лукницкий замечает: «О 1910 годе АА рассказывала легко и плавно. Сказала, что о 1912 годе —о путешествии в Италию —она не могла бы рассказать так плавно. Задумалась на несколько секунд: «Не знаю, почему... Должно быть, мы уже не так близки были друг другу... Я, вероятно, дальше от Николая Степановича бы¬ла...» (I, 243 - 244).
* Опубликовано Р. Д. Тимснчиком в журнале «Дружба наро¬дов». 1989. № 6. С. 244.
** Одосвцева И. Н. На берегах Невы. М., 1988. С. 296.
В июне 1910 г. молодые вернулись в Царское Село. Их начали посещать литературные друзья Гумилева, поэты, авторы «Аполлона», среди наи¬более частых посетителей Михаил Кузмин. Его впе¬чатление от молодой жены приятеля: «Она манер¬на, но потом обойдется». «Вечером визитировали Гумилевы. Она ничего—обойдется и будет мила»*. 13 июня 1910 г. Гумилев привел жену на «Башню» Вячеслава Иванова, где Ахматова впервые прочла свои стихи: «И когда друг друга проклинали...», «Пришли и сказали: «Умер твой брат...». Вячеслав Иванов отнесся к ним равнодушно и насмешливо, произнес: «Какой густой романтизм!» С легкой руки поэта Юрия Никандровича Верховского, супругов стали называть «Гумилев с Гумильвицей». «В об¬щем она сносно-симпатичная, только очень тощая и болезненная, но недурная, высокая, брюнетка. Вячеслав очень сурово прослушал ее стихи, одобрил несколько, об остальных промолчал, одно раскрити¬ковал. Она вообще очень волновалась», —так рас¬сказывала М. М. Замятина Вере Константиновне Шварсалон. «Началась, —как писала Анна Ахмато¬ва в автобиографической прозе, —новая петербург¬ская жизнь».
2. «И ВОТ УЖЕ СЛАВЫ ВЫСОКИЙ ПОРОГ...»
В автобиографическом отрывке «Разъяснение одного недоразумения» Анна Ахматова пишет о на¬чале нового творческого периода в своей жизни: «Осенью 1910 года Гумилев) уехал в Аддис-Абебу.
* Дневник М. Л. Куэмина (РГАЛИ).
Я осталась одна в гумилевском доме (Бульварная, дОм) Георгиевского), как всегда, много читала, часто ездила в Петербург (главным образом к Вале Срезневской, тогда еще Тюльпановой), побывала и у мамы в Киеве, и сходила с ума от «Кипарисово¬го ларца» (посмертный сборник И. Ф. Анненского, который она прочла еще в корректуре в конце февраля 1910 т. — Н. К.). Стихи шли ровной волной, до этого ничего похожего не было. Я искала, нахо¬дила, теряла. Чувствовала (довольно смутно), что начинает удаваться. А тут и хвалить начали»*. Хвалили прежде всего на «Башне» Вяч. Иванова и в редакции журнала «Аполлон».
В конце 1910 г. Ахматова написала В. Я. Брю-сову. Это было еще довольно робкое письмо начина¬ющего автора —к мэтру:
«Многоуважаемый Валерий Яковлевич, посы¬лаю Вам четыре свои стихотворения. Может быть, Вы сочтете возможным напечатать которое-нибудь из них. Я была бы бесконечно благодарна Вам, если бы Вы написали мне, надо ли мне заниматься поэзи-ей. Простите, что беспокою. Анна Ахматова». Да¬лее следовал адрес. К письму были приложены четыре стихотворения: «Хочешь знать, как все это было?..», «Жарко веет ветер душный...», «Тебе, Аф¬родита, слагаю танец...» и «Старый портрет».
В феврале 1911 г. в третьем номере «Всеобщего журнала литературы, искусства,

науки и общест¬венной жизни» появилось стихотворение Анны Ах¬матовой «Старый портрет». Это была ее первая публикация в России. За первой публикацией по-следовали подряд три стихотворения в восьмом, девятом и десятом номерах журнала «Gaudeamus»
Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. С. 225.
(март 1911): «Дверь полуоткрыта...», «Весенним солнцем это утро пьяно...» и «Жарко веет ветер душный...». В конце марта 1911 г. (25 по старо¬му стилю) вернулся из пугешествия по Африке Н. С. Гумилев. «В нашей первой беседе, —рассказы¬вала Анна Ахматова,— он между прочим спросил меня: «А стихи ты писала?» Я, тайно ликуя, от¬ветила: «Да». Он попросил меня почитать, прослу¬шал несколько стихотворений и сказал: «Ты поэт — надо делать книгу». По приезде из-за границы с апреля 1911 г. Н. С. Гумилев полностью взял в свои руки стихотворный отдел журнала «Апол¬лон». В апреле в этом крупнейшем журнале русских символистов были опубликованы четыре стихотво¬рения Анны Ахматовой: «Мне больше ног моих не надо...», «Сероглазый король», «Над водой» и «В лесу». Имя Анны Ахматовой стало знаменитым.
Слава выражалась в безмерных восторгах моло¬дежи на вечерах поэзии, где она читала стихи, в торжественном приеме, оказываемом ей на «Баш¬не» Вяч. Иванова, где Ахматова бывала по поне¬дельникам. Успехом сопровождались ее выступле¬ния в Академии Стиха («Обществе ревнителей художественного слова») при журнале «Аполлон». Слава была даже в том, что в газете «Новое время» (29 апреля 1911 г.) появились первые пародии
В. П. Буренина на ахматовские стихи —по словам Ахматовой, Буренин «предполагал, что уничтожил меня своими пародиями, даже не упоминая мое имя». Анна Ахматова знакомится с Осипом Ман¬дельштамом, Александром Блоком, Михаилом Ло¬зинским, Георгием Чулковым, она участвует в созда¬нии объединения «Цех поэтов», первое заседание которого состоялось 20 октября 1911 г. на квартире
С. М. Городецкого. Ахматова, Блок и Гумилев чита-
ли в тот вечер свои стихи. Блок записал об этом в своем дневнике: «Безалаберный и милый вечер. (...) Молодежь. Анна Ахматова. Разговор с Н. С. Гу¬милевым и его хорошие стихи о том, как сердце стало китайской куклой (...) Было весело и просто. С молодыми добреешь»*. Второе заседание «Цеха поэтов», ставшего вскоре организационной основой нового направления —акмеизма, происходило в до¬ме Гумилевых в Царском Селе, третье —в доме Ели¬заветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой на Манеж¬ной площади (ноябрь 1911 г.). 7 ноября 1911 г. Ахматова читала стихи на «Башне» у Вяч. Иванова в присутствии А. А. и Л. Д. Блоков. Блок признает¬ся в своей дневниковой записи, сделанной в тот же день: «А. Ахматова (читала стихи, уже волнуя меня; стихи чем дальше, тем лучше) (...) Все было краси¬во, хорошо, гармонично...»**
О чтении Ахматовой на «Башне» сохранились яркие воспоминания Ариадны Владимировны Тыр-ковой-Вильямс, выдающейся женщины своего време¬ни—деятельницы кадетской партии, публицистки, критика и между прочим — замечательной красави-цы-царскоселки, отмеченной вниманием отца Анны Андреевны в 1890-е годы: «Из поэтесс, читавших свои стихи в Башне, ярче всего запомнилась Анна Ахматова. Пленитель¬ная сила струилась от нее, как и от ее стихов.
Тонкая, высокая, стройная, с гордым поворо¬том маленькой головки, закутанная в цветистую шаль, Ахматова походила на гитану. Нос с горбин¬кой, темные волосы, на лбу подстрижены короткой челкой, на затылке подхвачены высоким испанским гребнем. Небольшой, тонкий, не часто улыбавшийся
* Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 75-76. ** Там же. С. 83.
рот. Темные, суровые глаза. Ее нельзя было не заметить. Мимо нее нельзя было пройти, не залюбо¬вавшись ею. На литературных вечерах молодежь бесновалась, когда Ахматова появлялась на эстраде. Она делала это хорошо, умело, с сознанием своей женской обаятельности, с величавой уверенностью художницы, знающей себе цену. А перед Блоком Анна Ахматова робела. Не как поэт, как женщина.
В Башне ее стихами упивались, как крепким вином. Но ее темные глаза искали Блока. А он держался в стороне. Не подходил к ней, не смотрел на нее, вряд ли даже слушал. Сидел в соседней полутемной комнате.
Анна Ахматова изредка ко мне заходила. Та¬кие, как она, своеобразные, волевые женщины, легче разговаривают с мужчинами. Но у нее со¬хранились обо мне полудетские царскосельские вос¬поминания. В самом конце XIX века я год прожила в Царском Селе и там познакомилась с ее семьей. Анна была тогда гимназисткой. Она с любопытст¬вом прислушивалась к разговорам старших обо мне. Это было еще до моего писательства, но около молодых женщин, если они не уроды, вьются шепо¬ты и пересуживания.
— Я вас в Царском и на улице все высматри¬вала, — рассказывала она мне. —Папа вас называл Ариадна Великолепная. Мне это слово ужасно нра¬вилось. Я тогда же решила, что когда-нибудь тоже стану великолепная...

Она имела право сказать:
— Вот так и вышло. Только я вас перегнала... По благовоспитанности своей она никогда мне
этого не сказала»*. Эти воспоминания Тыркова-
* ТырковаВильямсА. Тени минувшего. Вокруг Башни.— В кн.: Анна Ахматова. Десятые годы. М., 1989. С. 30 — 31.
Вильяме писала в 1950-е годы, и в них черты реаль¬ности окрашены светом легенды, как бы сложенной из стихов самой Ахматовой: тут и «парижской чел¬ки атлас», и шаль, и легкий намек на увлеченность Блоком, и «великолепие» ахматовских выступлений. Сама Ахматова вспомнит о Тырковой-Вильямс в свя¬зи с другим своим выступлением —осенью 1913 г., на Бестужевских курсах, где она действительно чи-тала стихи вслед за Блоком: «К нам подошла кур¬систка со списком и сказала, что мое выступление после блоковского. Я взмолилась: «Александр Алек¬сандрович, я не могу читать после вас». Он —с уп¬реком—в ответ: «Анна Андреевна, мы не тенора». В это время он уже был известнейшим поэтом Рос¬сии. Я уже два года довольно часто читала мои стихи в Цехе поэтов, и в Обществе ревнителей художественного слова, и на Башне Вячеслава Ива¬нова, но здесь все было совершенно по-другому. Насколько скрывает человека сцена, настолько его беспощадно обнажает эстрада. Эстрада что-то вро¬де плахи. Может быть, тогда я почувствовала это в первый раз. (...) Владеть залой очень трудно—ге¬нием этого дела был Зощенко. Хорош на эстраде был и Пастернак.
Меня никто не знал, и когда я вышла, раздался возглас: «Кто это?» («Воспоминания об Александре Блоке»).
Впрочем, по-видимому, Ахматова сумела «ов¬ладеть залой», потому что в этих же воспоминаниях она приводит слова о своем выступлении именно Тырковой-Вильямс: «На этот вечер приехали и да¬мы-патронессы, посвятившие свою жизнь борьбе за равноправие женщин. Одна из них, писательница Ариадна Владимировна Тыркова-Вергежская, знав¬шая меня с детства, сказала после моего выступле¬ния: «Вот Аничка для себя добилась равноправия».
Приведем еще несколько рассказов самой Ан¬ны Ахматовой о ее выступлениях в 1910-е годы.
«В январе 1914 года Пронин устроил большой вечер «Бродячей собаки» не в подвале у себя, а в ка¬ком-то большом зале на Конюшенной. Обычные посетители терялись там среди множества «чужих» (то есть чуждых всякому искусству) людей. Было жарко, людно, шумно и довольно бестолково. Нам это наконец надоело, и мы (человек 20 — 30) пошли в «Собаку» на Михайловской площади. Там было темно и прохладно. Я стояла на эстраде и с кем-то разговаривала. Несколько человек из залы стали просить меня почитать стихи. Не меняя позы, я что-то прочла. Подошел Осип: «Как вы стояли, как вы читали», и еще что-то про шаль. Так родилось стихотворение Осипа Мандельштама об ахматовском выступлении, помеченное датой: «9 января 1914»:
Ахматова
Вполоборота, о печаль, На равнодушных поглядела. Спадая с плеч, окаменела Ложноклассическая шаль.
Зловещий голос — горький хмель — Души расковывает недра: Так — негодующая Федра — Стояла некогда Рашель*.
Это стихотворение, в свою очередь, породило легенду о торжественном классицизме строя ахма-товской поэзии.
* Мандельштам О. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. С. 98.
В 1940 г. Ахматова рассказывала как о курьезе— о выступлении вместе с Гумилевым на устроенном Федором Сологубом вечере в пользу ссыльных боль-шевиков, где за билет брали 100 рублей: «И я участвовала. Я была в белом платье с боль¬шими воланами, с широким стоячим воротником и в страшном туберкулезе... Сологуб несколько лет был знаменит чрезвычайно, самый знаменитый из поэтов» (1, 136).
Еще один рассказ Ахматовой относится к вы¬ступлению вместе с З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережков¬ским, Д. В. Философовым и др. на вечере «Утро России» в пользу Политического Красного Креста в зале Тенишевского училища 21 января 1918 г.: «На вечер «Утра России» была приглашена я и они трое. Я там оскандалилась: прочитала первую стро¬фу «Отступника», а вторую забыла. В артистичес¬кой, конечно, сразу все вспомнила. Ушла и не стала читать. У меня в те дни были неприятности, мне было плохо... Зинаида Николаевна в рыжем парике, лицо будто эмалированное, в парижском платье... Они меня очень зазывали к себе, но я уклонилась, потому что они были злые —в самом простом, эле¬ментарном смысле слова» (1, 78 — 79).
Ахматова прочитала на этом вечере «Молитву»:
Дай мне горькие годы недуга, Задыханья, бессонницу, жар, Отыми и ребенка, и друга, И таинственный песенный дар — Гак молюсь за твоей литургией После стольких томительных дней, Чтобы туча над темной Россией Стала облаком в славе лучей.

Затем – «Высокомерьем дух твой помрачен...». И, видимо, –так считает Л. К. Чуковская – сбилась, читая третье: «Ты –отступник: за остров зеленый...» Об этом же выступлении Ахматовой упоминает в дневнике З. Н. Гиппиус, –не о том, что Ахматова сбилась, читая, а о самом факте ее выступления: «Вчера (то есть 21 января 1918 т. – Н.К.) видели Ахматову на «Утре России» в пользу Политического Красного Креста. Читали еще Мережковский, Со¬логуб. Народу столько, что не вмещалось. Собрали довольно»*. Политический Красный Крест в это время занимался освобождением из Петропавлов¬ской крепости и из тюремной больницы в Крестах политических заключенных – бывших министров Временного правительства, деятелей искусства, со¬чувствующих кадетам, и пр. Руководил этой рабо¬той врач Иван Иванович Манухин, используя бума¬ги-разрешения, полученные от Ленина, Троцкого, Луначарского; пытаясь подкупить стражу, он же передавал продукты особенно слабым и больным узникам. В этом контексте ахматовское стихотворе¬ние «Молитва» звучало как молитва и за этих уз¬ников-страдальцев, что должна была оценить Зинаи¬да Гиппиус, почему, возможно, и выделила имя Ахматовой среди других выступавших.
Путь славы, который прошла Анна Ахматова – от первых шагов 1911 г. до расцвета начала 1920-х, –запечатлен во многих воспоминаниях, кри¬тических статьях о ее первых книгах, в стихах о ней. Одно из таких стихотворений посвятил Анне Ах-матовой ее современник поэт-символист Владимир Пяст (его полное имя –Владимир Алексеевич Пе¬стовский) :
* Гиппиус З. Н. Петербургские дневники. Нью-Йорк, 1990. С. 219.
А. Ахматов)ой
...Здравствуй, желанная дочь Славы, богини–властительницы! В каждом кивке твоем–ночь Жаждет луны победительницы, – Славы любимая дочь!
Ночь. И сама ты–звезда, Блеском луну затмевающая... Ведь ты зажглась навсегда! Вот ты на небе мерцающая, Огромная звезда!*
Стихотворение с датой: «Осень 1913» было включено Пястом в его вторую книгу лирики «Льви¬ная пасть» (Берлин, издательство З. И. Гржебина, 1922). Он же оставил воспоминания о том, как читала Ахматова с эстрады свои стихи и как приоб¬ретал законченные черты ее облик в годы славы: «...Интереснейшая у нее «иконография». Не только портреты, но и прелестные статуэтки, с замечатель¬ным изяществом воспроизводящие ее фигуру, выпу¬щены были фарфоровым заводом. Блестящие (дейст-вительно блестящие, а не только из лести или снисхождения могущие быть так названными!) кри¬тические очерки, этюды, речи и целые книги посвя¬щены ее творчеству. Но еще никто не вспомнил, под каким –вот парадокс жизни! –под каким скромным именем она вошла в литературу, – не вспомнил о том, что ей предшествовало по прихоти судьбы прозвание: «самая обыкновенная женщина». Анна Ахматова осталась такой же скромной, как «вошла». С течением месяцев и лет голос и дви¬
* Сб. «Посвящается Ахматовой». Стихи разных поэтов, посвя¬щенные Ахматовой. Тенафли: «Эрмитаж». 1991. С. 29.
жения ее становились только тверже, увереннее,– но не теряли изначального своего характера. Так же и темные платья, которые она надевала совсем юной; так же и манера чтения, которая производила и оригинальное, и хорошее впечатление с самого начала. Но мне стороной известно, что чтение Ахматовой с самого начала не было случайным, импровизованным бормотанием стихов, как у боль¬шинства выступающих и –безнадежно проваливаю¬щих свои вещи и себя самих на эстраде –поэтов. Она подолгу готовилась, даже перед большим зер¬калом, к каждому своему «выступлению» перед пуб¬ликой. Всякая интонация была продумана, провере¬на, учтена. Под кажущимся однообразием у нее, как и у Блока, скрывалась большая эмоциональная выразительность голоса и тона (...) Но только чрез¬вычайно сдержанная, вся в оттенках (...) Я считал и теперь считаю Ахматову образцовым исполни¬телем стихов. Но это оттого, что у нее прекрасная, выработанная техника»*.
Анна Ахматова знала эти воспоминания Пяста; против отдельных его «открытий» –например, что выбор названия направления «акмеизм» был про¬диктован ее псевдонимом «Ахматова» – она возра¬жала, называя их «бредом». Против описания ее специальной отработки своего чтения «перед боль¬шим зеркалом» она не возражала. Может быть, это действительно было так? Во всяком случае ее чтение стихов выделялось на фоне чтения других, ее манеру сравнивали с манерой Блока. Заметили ее среди других и те, кто ее категорически не принимал:
* Пяст В. Из книги «Встречи»//Анна Ахматова. Десятые годы. М., 1989. С. 47-48.
Когда ж читает на эстраде Она стихи, я сам не свой: Как стилен в мертвом Петрограде Ее высокопарный вой!
Так писал об Ахматовой Игорь Северянин*.
В газете «Речь» 30 января 1912 г. появилась одна из первых печатных хвалебных рецензий на стихи Анны Ахматовой, опубликованные в журнале «Аполлон». Она принадлежала Сергею Городец¬кому. Он писал о «прелестных стихотворениях Ан¬ны

Ахматовой, полных такой близости к интимному переживанию, такого острого аромата женской жиз¬ни». В феврале 1912 г. в «Цехе поэтов» были под¬готовлены две книга стихов, на основании которых можно было заявить о возникновении нового литера¬турного направления—акмеизма, порывающего с символизмом: «Вечер» Анны Ахматовой и «Дикая порфира» Михаила Зенкевича. Появлению этих книг предшествовали многочисленные дискуссии в «Обществе ревнителей художественного слова» — например, 18 февраля —по докладам Вяч. Ивано¬ва и А. Белого о символизме, когда Н. Гумилев и С. Городецкий заявили о своем отрицательном отношении к «недавно бесспорным ценностям» сим¬волизма, а также —на страницах журнала «Апол¬лон», где печатались «Письма о русской поэзии» Гумилева, его многочисленные рецензии на поэ¬тические сборники и статьи-манифесты акмеистов. И все же можно сказать, что теория нового на¬правления не могла быть создана без ахматовских стихов с их новаторским содержанием и отноше-нием к миру.
* Северянин И. Стихи Ахматовой//Сб. «Посвящается Ахмато¬вой». С. 33.
Книга «Вечер» вышла с предисловием поэта Михаила Кузмина. Кузмин был давним приятелем Гумилева, в 1911 — 1912 гт. часто бывал у Гумиле¬вых в Царском Селе, участвовал в заседаниях «Це¬ха поэтов». Колебался, надо ли ему примкнуть к новому течению или сохранить верность сим¬волизму и вольную позицию независимого сторон¬него судьи. В конце концов Кузмин предпочел второе. Но именно в начале 1912 г., когда он писал предисловие к ахматовской книге, осознавая ее новизну и объясняя ее читателям, он склонялся к принятию позиции «Цеха». Вот записи в днев-нике М. А. Кузмина:
19 февраля 1912. «Был скандал в «Академии». Кого выбирать? Символистов или «Цех»? Я ду¬маю—второй». (...)
21 февраля. «Поехал в Царское (...) У Гумиле¬вых по-прежнему (...) Ходили вечером, рассуж¬дали о стариках и «Цехе». Читал «Мечтателей» Анне Андреевне».
1 марта. «В Царском хорошо, но у Гумилевых скучно. Играл. Обедали. Городецкий и Гумми гово¬рили теории не весьма внятные»*.
В 1912 г. Михаил Кузмин посвятил Анне Ах¬матовой стихотворение «Залетною голубкой к нам слетела...», где о ней были такие строки:
Ворожея, жестоко точишь жало Отравленного, тонкого кинжала! Ход солнца ты б охотно задержала И блеск денницы.
* РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Е. х. 55. Л. 299, 301, 313-314.
Такою беззащитною пришла ты, Из хрупкого стекла хранила латы, Но в них дрожат, тревожны и крылаты, Зарницы*.
Казалось бы, образы жестокой ворожеи и безза¬щитной девы в первой и во второй из этих строф— не совпадают, противоречат друг другу. А может быть, это — поэтическое пророчество? Вступление Кузмина к сборнику Ахматовой «Вечер» тоже было и ее портретом, и пророчеством:
«В Александрии существовало общество, члены которого для более острого и интенсивного наслаждения жизнью считали себя обреченными на смерть. Каждый день их, каждый час был предсмертным. Хотя предсмертное времяпрепровождение в данном обществе сводилось к сплошным оргиям, нам кажется, что сама мысль о предсмертном обострении восприимчивости и чувствительности эпидермы и чувства более чем справедлива. Поэты же особенно должны иметь острую память любви и ши-роко открытые глаза на весь милый, радостный и горестный мир, чтоб насмотреться на него и пить его каждую минуту последний раз. Вы сами знаете, что в минуты крайних опаснос¬тей, когда смерть близка, в одну короткую секунду мы вспоми¬наем столько, сколько не представится нашей памяти и в долгий час, когда мы находимся в обычном состоянии духа.
И воспоминания эти идут не последовательно и не целостно, а набегают друг на друга острой и жгучей волной, из которой сверкнут: то давно забытые глаза, то облако на весеннем небе, то чье-то голубое платье, то голос чужого нам прохожего. Эти мелочи, эти конкретные осколки нашей жизни мучат и волнуют нас больше, чем мы этого ожидали, и, будто не относясь к делу, точно и верно ведут нас к тем минутам, к тем местам, где мы любили, плакали, смеялись и страдали—где мы жили.
Можно любить вещи, как любят их коллекционеры, или привязчивые чувственной привязанностью люди, или в качестве сентиментальных сувениров, но это совсем не то чувство связи, непонятной и неизбежной, открывающейся нам то в горестном,
* Кузмин М. Стихотворения. СПб., 1996. Новая б-ка поата. С. 261.
то в ликующем восторге, на которое мы указывали выше. Нам кажется, что, в отличие от других всщелюбов, Анна Ахматова обладает способностью понимать и любить вещи именно в их непонятной связи с переживаемыми минутами. Часто она точно и определенно упоминает какой-нибудь предмет (перчатку на столе, облако, как беличья шкурка, в небе, желтый свет свечей в спальне, треуголку в Царскосельском парке), казалось бы, не имеющий отношения ко всему стихотворению, брошенный и забытый, но именно от этого упоминания более ощутимый укол, более

сладостный яд мы чувствуем. Не будь этой беличьей шкурки, и все стихотворение, может быть, не имело бы той хрупкой пронзительности, которую оно имеет. Мы не хотим скачать, что всегда у автора вещи имеют такое особенное значение; часто они не более как сентиментальные сувениры, или перенесение чувства с человека и на вещи, ему принад¬лежащие. Мы говорим это не в упрек молодому поэту, потому что это уже немало—заставлять читателя и помечтать, и попла¬кать, и посердиться с собою вместе, хотя бы посредством чувст¬вительной эмоциональности,—но особенно ценим то первое пониманье острого и непонятного значения вещей, которое встречается не так часто. И нам кажется, что Анна Ахматова имеет ту повышенную чувствительность, к которой стремились члены общества обреченных на смерть. Этим мы не хотим сказать, что мысли и настроения ее всегда обращались к смерти, но интенсивность и острота их такова. Положим, она не принадлежит к поэтам особенно веселым, но всегда жалящим.

Нам кажется, что она чужда манерности, которая, если у нее и есть, однородна несколько с манерностью Лафорга, т. е. капризного ребенка, привыкшего, чтоб его слушали и им восхищались. Среди совсем молодых поэтов, разумеется, есть и другие, стремящиеся к тонкой и, мы сказали бы, хрупкой поэзии, но в то время как одни ищут ее в описании предметов, которые принято считать тонкими: севрских чашек, гобеленоп, каминов, арлекинов, рыцарей и мадонн (Эренбург), другие в необыкновенно изощренном анализе нарочито-причудливых переживаний (Мандельштам), третьи в иронизирующем описа¬нии интимной, несколько демонстративно-обыденной жизни (Марина Цветаева), —нам кажется, что поэзия Анны Ахмато¬вой производит впечатление острой и хрупкой потому, что сами ее восприятия таковы, от себя же поэт прибавляет разве только Лафорговскую, на наш вкус приятную, манерность. Вячеслав Иванов однажды высказал мысль, что у ориги¬нальных поэтов прежде всего появляется своя манера, от кото¬рой впоследствии они отказываются для своего «лица», в свою очередь приносимого в жертву своему стилю. Из того, что в данном случае у поэта манера уже существует, легко можно заключить, что этот поэт оригинальный, и что новый женский голос, отличный от других и слышимый, несмотря на очевид¬ную, как бы желаемую обладателем его слабость тона, присо-единился к общему хору русских поэтов.

Мы пишем не критику, и наша роль сводится к очень скромной: только назвать имя и как бы представить вновь прибывшую. Мы можем намекнуть слегка о ее происхождении, указать кой-какие приметы и высказать свои догадки,—что мы и делаем. Итак, сударыни и судари, к нам идет новый, моло¬дой, но имеющий все данные стать настоящим поэт. А зовут его —Анна Ахматова.

М. Кузмин»

Книга «Вечер» вышла в марте 1912 г. в изда¬тельстве «Цех поэтов» в Петербурге и содержала три раздела, никак не озаглавленных. Но знамена¬тельны названия самих стихов, открывающих раз¬делы: I. Любовь; II. Обман; III. Музе. Любовь-ненадежная и нерадостная, та, что «верно и тай¬но ведет//От радости и от покоя». Обман — тоже не приносящая радости любовь, многоугольник со многими участниками: героиня, муж или избран¬ник, любимый, для которого дороже всего его свобо¬да. И на этом перепутье возникают тончайшие от¬тенки переживаний, ожиданий, неуверенности в своем и его решении:

Ах, дверь не запирала я, Не зажигала свеч, Не знаешь, как, усталая, Я не решалась лечь.

Смотреть, как гаснут полосы В закатном мраке хвой, Пьянея звуком голоса, Похожего на твой...

Муза —тоже не традиционная, это—муза-се¬стра, отнимающая «Божий подарок» — женское счастье, но дающая взамен чудо поэзии:

Я говорю сейчас словами теми, Что только раз рождаются в душе...

Поэтому так органично звучат в книге парадок¬сальные заявления типа: «Слава тебе, безысходная боль!» Среди психологических поэтических этюдов и самопогружений выделяются чеканной точностью несколько зарисовок внешнего мира, «объективной действительности»: Царского Села, комнаты дво¬рянского дома, усадьбы с ее садом, домом, ригой, огородом, мельницей на пригорке и прудом, об¬мелевшим и затянутым ржавой тиной. Автор осозна¬ет эту свою зоркость —«Замечаю все как новое». Выделяются два портрета —«Смуглый отрок бродил по аллеям...» —ставшее классическим восьмистишье о Пушкине-лицеисте, и семистишье, тоже сегодня хорошо известное, посвященное Гумилеву:

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

Анна Ахматова напечатала это стихотворение только один раз –в первом издании «Вечера». Впо¬следствии она не раз включала в разные свои сбор¬ники, начиная со второго, названного «Четки», сти¬хи из книги «Вечер». Но это стихотворение в другие сборники не входило никогда. Может быть, это объясняется его биографической открытостью, что при все более и более усложняющихся личных взаимоотношениях в семье Гумилевых представля¬лось неуместным.
В книге «Вечер» –несколько небольших цик¬лов: «В Царском Селе» –из трех стихотворений, «Обман» –из четырех, «Алиса» –из двух. Несколь¬ко посвящений: родственнице и подруге М. А. Зму-нчилла, приятельнице В. К. Ивановой-Шварсалон. И единственное (если не считать автора предисло¬вия М. А. Кузмина) указание на учителя – «Под¬ражание И. Ф. Анненскому». Можно предполо¬жить, что и название книги «Вечер» было избрано Ахматовой после внимательного чтения Анненско-го, – в книге «Кипарисовый ларец» Анненского вто¬рое стихотворение называется «Тоска мимолетнос¬ти» и рассказывает именно о вечере:
Здесь вечер как мечта: и робок и летуч,
Но сердцу, где ни струн, ни слез, ни ароматов,
И где разорвано и слито столько туч...
Он как-то ближе розовых закатов*.
Первоначально Ахматова хотела назвать свою первую книгу «Лебеда» и открыть ее стихотворени¬ем «Я на солнечном восходе...». Но, по словам самой Ахматовой, – «друзья отсоветовали...».
Чтобы понять, как близко к поэтическим от¬крытиям Анненского шел поиск своего лица и стиля Анной Ахматовой, вспомним слова о нем Гумилева и его рецензии на «Кипарисовый ларец»: «В его стихах пленяет гармоническое равновесие между образом и формой –равновесие, которое освобож¬дает оба эти элемента, позволяя им стремиться дружно, как двум братьям, к точному воплощению переживания»**. «Точное воплощение пережива¬
* Аннснский И. Стихотворения и поэмы. М., 1990. Б-ка поэта. Большая сер. С. 86.
** Гумилев Н. Соч.: В 3 т. Т. 3. С. 58.
ния», – своего переживания, свойственного человеку начала XX в.– поэтическое открытие ранней Ах¬матовой.
Критика встретила дебют молодого поэта со¬чувственно. О стихах Ахматовой, напечатанных в журналах (до появления книги), и о книге «Вечер» несколько раз писал мэтр символизма Валерий Брю¬сов–всегда положительно, даже тогда, когда его начала раздражать агрессивная активность основа¬телей нового течения – акмеизма, долженствующего отменить символизм. Брюсов писал об Ахматовой в статьях «Будущее русской поэзии» (Русская мысль. 1911. № 8. С. 18), «Сегодняшний день рус-ской поэзии» (там же. 1912. № 7. С. 22, 28), «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм» (там же. 1913. № 4. С. 140-142). В последней: «Стихи г-жи Ахматовой весьма дороги нам своей особенной остротой. (.••) Мы уверены или по крайней мере надеемся, что и Н. Гумилев, и С. Городецкий, и А. Ахматова останутся и в будущем хорошими поэтами».
И до выхода книги «Вечер», и после ее выхода Ахматова относилась к Брюсову как к мэтру, посы¬лала ему стихи. Н. С. Гумилев спрашивал у своего «учителя» мнение о них: «Как Вам показались стихи Анны Ахматовой (моей жены)? Если не поленитесь, напишите, хотя бы кратко, но откровенно. И поло¬жительное, и отрицательное Ваше мнение заставит ее задуматься, а это всегда полезно»*.
Сам Гумилев о книге «Вечер» не написал, – его развернутая рецензия на стихи Ахматовой появи¬лась уже после выхода ее второй книги «Четки». И там он ее хвалит не безоговорочно; о «Вечере»
* Литературное наследство. 1994. Т. 98. Кн. 2. С. 501.
сказано так, что автор мог бы и обидеться: «По сравнению с «Вечером», изданным два года тому назад, «Четки» представляют большой шаг вперед. Стих стал тверже, содержание каждой строки – плотнее, выбор слов – целомудренно ску¬пым, и, что лучше всего, пропала разбросанность мысли, столь характерная для «Вечера» и составля¬ющая скорее психологический курьез, чем особен¬ность поэзии»*.
Критики определяли литературную генеалогию Ахматовой, но при этом о ней говорили как о само¬стоятельном мастере.
Василий Васильевич Гиппиус, поэт, литерату¬ровед, переводчик, участник «Цеха поэтов», заме¬тил: «Нетрудно найти литературную генеалогию Ахматовой. Конечно, должны вспомниться (из рус¬ских поэтов): И. Анненский и Кузмин, Сологуб и Блок. Но не острая горечь Анненского, не мелан¬холия Кузмина, не мистическое томление Сологуба, не взрывы восторга и отчаяния Блока слышны в этой книге. Это скорее сдавленная боль, сжатые губы и глаза, готовые заплакать. Рядом с этой лиричес¬кой обнаженностью—-причудливые загадки (вроде прекрасного сближения обручального кольца с оси¬ным жалом) и изысканные образы. В нарядных и иронических рассказах, тонко стилизованных и чуть жеманных стихах голос А. Ахматовой креп¬нет. Но нам жаль и другого, не крепкого голоса» (Новая жизнь.

1912. № 3. С. 270).
Валериан Адольфович Чудовский, поэт и лите¬ратурный критик, близкий знакомый А. А. Блока и Гумилевых, участник «Цеха поэтов» и посетитель дома Гумилевых в Царском Селе, писал в статье
* Гумилев Н. Соч.: В 3 г. Т. 3 С. 141.
«По поводу стихов Анны Ахматовой»: «Анна Ах¬матова умеет по большой дороге современной худо¬жественной культуры идти с такой самобытной не¬зависимостью личной жизни, как будто бы эта большая дорога была причудливой тропинкой ее заповедного леса» (Аполлон. 1912. № 4).
В. Чудовский был одним из тех критиков, от¬зывами которых о своих первых книгах наиболее дорожила Ахматова. В ее рабочей тетради (РГАЛИ. Е.х. 115) есть запись 1965 г. о статьях, которые она хотела назвать своему первому биографу Аманде Хейт: «10-ые годы. Трое: 1) Чудовский. 12 г. Ап(оллон). 2) Кузмин. Предисловие). 3) Ходасе¬вич. Необычайные отзывы: один угадал трагизм, другой – роковые кануны, третий...»
Чудовский не просто угадал и попытался рас¬шифровать тайну ахматовского трагизма, – еще до появления термина «акмеизм» и его теории, создан¬ной Гумилевым, Городецким и Мандельштамом – в том числе и на основе поэтических открытий Ахматовой, –он попытался определить своеобразие творческого метода нового поэта.
Чудовский называет метод Анны Ахматовой «импрессионизм субъективно-синтетический», воз¬водит его истоки к технике «японского искусства» с его лаконичностью и вниманием к детали. «Мечта питает поэзию Анны Ахматовой, –утверждает кри¬тик. (...) Что может быть более грустного, чем грустная мечта? Ведь именно мечта–вернейший путь к радости, единственный, который не должен бы обманывать (...) Я хотел выдержками пояснить печальную сущность стихов Анны Ахматовой. И я еще раз перелистал всю книжку, подыскивая примеры. Но нет, не нужно. Нельзя давать по кап¬лям тонкий и душистый яд, разлитый повсюду... Мечта ее, впрочем, не всегда печальна. Она имеет оба устремления, вверх и вниз, но как трагически неравны они! Каким хрупким, неуловимым, при¬зрачным счастьем хочет она уравновесить свою пе¬чаль, тоже призрачную, тоже невесомую, но такую большую, большую... «Кто сегодня мне приснится в легкой сетке гамака?» –вот вопрос ее оптимисти¬ческих настроений». В. Чудовский не сомневается, что Анна Ахматова –поэт-модернист. Но он ощу¬щает и ее отход от законов символизма, вспоминает о романтизме с его поглощенностью горем и о на¬турализме, для которого горе –предмет анализа. По его мнению, модернизм Ахматовой ближе к натурализму, изменена только «модальность»: «Скорбь осталась сложным состоянием духа с повы-шенной восприимчивостью, и только взаимоотноше¬ние основного чувства с воспринимаемым –после натуралистического стало символическим». Анна Ахматова изображает состояние души как бы после сильных потрясений, когда сознание раздваивается: горе продолжает ровно звучать, но параллельно вспоминается много случайных подробностей обста¬новки, мелочей, через которые некоторое время спустя горе оказывается запомнившимся. «И много времени спустя утрата вспоминается именно в сопро¬вождении какого-нибудь пустяка, и есть особенная мука в невозможности освободиться от окружающе¬го. Вот это состояние души, вообще исключительное, является обычным для Анны Ахматовой. И потому стихи ее так остро жалят'...»
Статья Валериана Чудовского была одной из самых глубоких для своего времени; чуткость крити¬ка проявилась и в том, что из «пленительно-наивно¬го эгоцентризма этого чуткого сердца», которым порождена любовная лирика Ахматовой, он выделяет единственное «невероятное исключение» – «восемь строчек о лицеисте Пушкине» (Аполлон. 1912. № 4. С. 45-47).
Владислав Ходасевич написал не о первой, а о второй книге Ахматовой «Четки» –об Ахмато¬вой как о подлинном поэте, в стихах которого есть нечто одному ему присущее и «собственное»: «От¬метив их очаровательную интимность, их изыскан¬ную певучесть, хрупкую тонкость их как будто не¬брежной формы, мы все-таки ничего не скажем о том, что состапляет их обаяние. Стихи Ахматовой очень просты, немногоречивы, в них поэтесса со¬знательно умалчивает о многом –едва ли не это составляет их главную прелесть. Их содержание всегда шире и глубже слов, в которые оно замкнуто, но происходит это никак не от бессилия покорить слово себе, а, напротив, от умения вкладывать в сло¬ва и в их сочетания нечто большее, чем то, что выражает их внешний смысл. Оттого каждое сти¬хотворение Ахматовой, несмотря на кажущуюся не¬договоренность, многозначительно и интересно» (Новь. 1914. 5 апреля. № 69).
Г. И. Чулков обращал внимание на то, что «Ахматову нельзя не заметить: так странно звучит ее сдержанный и тихий голос, и так загадочно скупы ее слова (...) Мир, в котором живет душа поэта, прост и реален, но за этой видимой простотою, за этой ясностью образов и мыслей таится незримый мир, полный тревоги и тайны»

(Жатва. 1912. № 3).
С. М. Городецкий неоднократно писал о ран¬них стихах Ахматовой и о книге «Вечер» —в рецен¬зиях, в статьях, в манифесте акмеизма «Некоторые течения в современной русской поэзии» —на стра¬ницах журналов «Аполлон» и «Гиперборей». Из рецензии на «Вечер»: «Преломление в теперешней жизни вечной женской души остро и властно дает себя чувствовать в лирике Анны Ахматовой» (Ги¬перборей. 1912. № 2).
Можно привести еще десятки отзывов на пер¬вую книгу Анны Ахматовой или упоминаний о ней. Она была им рада и, видимо, не ожидала такого единодушия критики. В одном из набросков ав¬тобиографической прозы Ахматова писала: «Когда после Италии я была с Н. С. в Москве (1912) и он, как всегда, повел меня по книжным лавкам, я приоткрывала последние номера журналов и на¬ходила весьма сочувственные отзывы о «Вечере». Я немедленно закрывала книгу и старалась сделать вид, что я ничего не видела. Мне казалось, что иначе они исчезнут»*.
Итог этому первому периоду ахматовской сла¬вы подвел критик и поэт, ставший ближайшим дру¬гом Ахматовой, — Н. В. Недоброво. Он написал большую статью об Ахматовой после выхода ее второго сборника «Четки». О книге «Вечер» говори¬лось в начале этой статьи:
«Первый сборник Анны Ахматовой «Вечер», изданный в начале 1912 года, был вскоре распро¬дан. (...) По выходе первого сборника на стихах Ахматовой заметили печать ее личной своеобраз¬ности, немного вычурной; казалось, она и делала стихи примечательными. Но неожиданно личная складка Ахматовой, и не притязавшая на общее значение, приобрела, через «Вечер» и являвшиеся после стихи, совсем как будто не обоснованное влияние. В молодой поэзии обнаружились признаки возникновения ахматовской школы, а у ее основа¬тельницы появилась прочно обеспеченная слава.
* РНБ. Ф. 1073. № 69. Л. 2.
Если единичное получило общее значение, то, очевидно, источник очарования был не только в за¬нимательности выражаемой личности, но и в искус¬стве выражать ее: в новом умении видеть и любить человека. Я назвал перводвижную силу ахматовско-го творчества» (Русская мысль. 1915. № 7).
19 декабря 1912 г. Анна Ахматова написала стихотворение, которое тоже можно рассматривать как подведение итогов периода своей первой славы:
Дал Ты мне молодость трудную.
Столько печали в пути.
Как же мне душу скудную
Богатой Тебе принести?
Долгую песню, льстивая,
О славе поет судьба.
Господи! я нерадивая,
Твоя скупая раба.
Ни розою, ни былинкою
Не буду в садах Отца.
Я дрожу над каждой соринкою,
Над каждым словом глупца.
Это стихотворение включено во вторую книгу ее стихов — «Четки», вышедшую весной 1914 г. В книге—четыре раздела, не имеющих названий, и пятый, содержащий «Стихи из книги «Вечер» — тридцать стихотворений. Отныне и вплоть до пос¬ледней прижизненной книги «Бег времени» 1965 г., первый сборник стихотворений будет печататься Ахматовой только в виде «избранного».
Если первая книга «Вечер» вышла тиражом всего 300 экземпляров, то вторая—«Четки» —имела уже тираж 1000 экземпляров, и примечательно, что в том же году потребовалось ее переиздание. Затем последовали книги «Белая стая», «Подорожник», отдельное издание поэмы «У самого моря», «Аппо Domini MCMXX1», «Аппо Domini». Этот небольшой список на самом деле был значительно больше, ибо включал в себя многочисленные переиздания, осу¬ществленные с ведома или без ведома автора («конт¬рафакция»). Хронологически это выглядело так:
1912 — «Вечер». Стихи. (СПб., «Цех поэтов»).
1914—«Четки». Стихи (СПб., «Гиперборей»).
1915 — «Четки». Стихи. Изд. 2-е (Пг., «Гиперборей»).
1916—«Четки». Стихи. Изд. 3-е (Пг., «Гиперборей»). «Четки». Стихи. Изд. 4-е (Пг., «Гиперборей»).
1917—«Белая стая». Стихотворения (Пг., «Гиперборей»).
1918—«Четки». Стихи. Изд. 5-е (Пг., «Прометей»).
«Белая стая». Стихотворения. Изд. 2-е (СПб., «Про¬метей»).
1919—«Четки». Стихи. Изд. 6-е (Берлин, изд. С. Эфрон, контрафакция).
«Четки». Стихи (Одесса, перепечатка с 4-го изд., контрафакция).
«Четки». Стихи (Баку, «Акмв» и «Книжный посред¬ник», контрафакция).
«Белая стая». Избранные стихотворения (Тифлис, контрафакция).

1920 — «Четки». Стихи. Изд. 7-е (Пб.; Берлин, «Петро-
полис»).
1921 — «Подорожник». Стихотворения (Пб.; Берлин, «Пет-
рополис»).
«У самого моря» (Пб., «Алконост»). 1922—«Четки». Стихи. Изд. 8-е (Пб.; «Алконост»).
«Белая стая». Стихотворения. Изд. 3-е (Пг., «Ал¬коност»).
«Аппо Domini MCMXX1» (Пб.; Берлин, «Петропо¬лис», на титуле 1921). 1923 — «Четки». Стихотворения. Кн. 1. Изд. 9-е, доп. (Пб.; Берлин, «Петрополис» и «Алконост»). «Белая стая». Стихотворения. Кн. 2. Изд. 4-е, доп. (Пб.; Берлин, «Петрополис» и «Алконост»). «Аппо Domird». Стихотворения. Кн. 3. Изд. 2-е, доп. (Пб.; Берлин, «Петрополис и «Алконост»).
Книги, изданные в 1923 г., печатались в Бер¬лине. Из-за все ужесточавшейся политики советской власти в области культуры, массовой высылки ин¬теллигенции из страны в 1922 — 1923 гг. и пр.— большие части тиражей книг Ахматовой, равно как и книг других авторов, выпущенных в Берлине рус¬скими издательствами, не были допущены в Рос¬сию*. Поэты и писатели потеряли лучшую и пос¬леднюю возможность издавать свои книги так, как им хотелось. В жизни поэта Анны Ахматовой насту¬пил новый этап, новый этап начался в середине 1920-х годов и для всей русской культуры.
Но это случится через десять лет. Годы же 1912—1923 были для Ахматовой периодом творчес¬кого расцвета, уверенного пути в сиянии славы, полноты женского очарования и счастья, которым оборачивались даже неудачи, даже измены, даже сомнительный выбор...
Я улыбаться перестала, Морозный ветер губы студит, Одной надеждой меньше стало, Одною песней больше будет. И эту песню я невольно Отдам на смех и поруганье, Затем, что нестерпимо больно Душе любовное молчанье.
Темы стихов Анны Ахматовой в первое ее поэ¬тическое десятилетие — любовь, Муза, судьба Рос¬сии. От книги к книге будет меняться герой любов¬ной лирики Ахматовой, обретет новые черты героиня, но навсегда останется ахматовское умение запечатлеть словом трепетное и неясное состояние,
* Ахматова часто рассказывала об этом. Однако, как следует из записей П. Н. Лукницкого, и в 1925 г. все три книги, изданные в Берлине, можно было свободно приобрести в Ленинграде (см. об этом записи П. Н. Лукницкого—I, 66; II, ПО).
сложные взаимоотношения, едва формирующееся чувство. Размышления о поэтическом даре, который определяет избранность героини-автора, в стихах этого периода возникают все чаще и чаще. Ах¬матова нередко говорит о себе именно как о пи¬шущей стихи женщине, которая поэтому занимает особое положение в судьбе любимого:
И если я умру, то кто же Мои стихи напишет Вам, Кто стать звенящими поможет Еще не сказанным словам?.. (...)
Лишь голос твой поет в моих стихах, В твоих стихах мое дыханье веет... (...)
Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной...
В книге «Четки» писание стихов Ахматова все чаще называет пеньем, стихи — песнями, песенкой. «Я спою тебе, чтоб ты не плакал,//Песенку о вечере разлук»; «Что, красавица, что, беззаконница,//Разве плохо я тебе пою?»; «В этой жизни я немного виде-ла,//Только пела и ждала»... Муза для нее—сестра, дева с флейтой в руках, сменяющая на жизненном пути деву живую, радующуюся жизни. Герой «Че¬ток»—тоже чаще всего поэт, для которого герои¬ня—всего лишь «строка» в его славной биографии. Имена реальных поэтов, к которым обращена ах-матовская лирика, известны: это и Н. В. Недоброво, и М. Л. Лозинский, и, разумеется, Н. С. Гумилев. Особое место принадлежит в этом перечне А. Бло¬ку, к которому обращены два стихотворения: «Гость» и «Я пришла к поэту в гости...». Последнее даже было напечатано с посвящением: «Александру Б^к),.. И легенда-молва объединила для современ¬ников и их потомков всех героев-поэтов в один собирательный образ, —и прочно утвердилась вер¬сия о великом романе: Ахматова—Блок, —связав на¬всегда два самых известных, самых славных имени 1910-х годов...
Во второй книге «Четки» продолжалась и едва намеченная в «Вечере» линия «исторической живо¬писи»—«Стихи о Петербурге».
Все более точным становится выбор детали, образ раскрывается с помощью нового сравнения или неожиданного наблюдения:
Он мне сказал: «Я верный друг!» И моего коснулся платья. Как не похожи на объятья Прикосновенья этих рук.
Так гладят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...

Герои стихотворений «Все мы бражники здесь, блудницы...», «В ремешках пенал и книги были...» или «Я пришла к поэту в гости...» различны по характеру и совсем не похожи друг на друга, про¬тиворечив и характер героини: в нем и тяга к греху, и раскаяние («Протертый коврик под иконой...», «Исповедь»), и твердая христианская вера в нравст¬венное начало:
В этой жизни я немного видела, Только пела и ждала. Знаю: брата я не ненавидела И сестры не предала.
Выход «Четок» принес Ахматовой широчай¬шую известность в читающей России. Этой книге были посвящены блестящие статьи.
Но вместе с тем реакцию критики на «Четки» нельзя назвать единодушно хвалебной. Многочислен¬ными были упреки в узости тем, в замкнутости мира, в излишней занятости любовными переживаниями:
В. Я. Бр юсов—«Однако поэтический гори¬зонт «Четок» почти тот же, что и «Вечера», и теперь уже можно опасаться, что он так и останется до¬вольно ограниченным» (Русская мысль. 1914. № 7).
Д. Тальников — «Эгоцентрическая поэзия (...), не знающая иных отношений, кроме любовной игры, (...) не знающая природы. (...) Это, в сущнос¬ти, проза—рассудочные настроения, не волнующие, не трогающие» (Современный мир. 1914. № 10).
В. Кранихфельд— «Как страшно ограничен их круг, как тягостно со стороны их однообразие» (Современное слово. 1915. 1 января).
А. Г и з е т т и — «Ахматова остается среди поэ¬тов наших дней, может быть, самой чуткой и полной выразительницей жизни настоящего, но жизни толь¬ко личной, а потому оторванной от прошлого и бу¬дущего» (Ежемесячный журнал. 1915. № 12).
На этом фоне тем важнее оказываются статьи-прозрения, раскрывающие глубину своеобразия та¬ланта Анны Ахматовой, и в первую очередь уже упоминавшаяся статья Николая Владимировича Не-доброво, поэта, критика, блестящего знатока рус¬ской поэзии. Когда он познакомился с Ахматовой весной 1913 г., она была активной участницей «Цеха поэтов», автором книги стихов, студенткой Высших женских историко-литературных курсов Н. П. Раева. Недоброво же вместе со своими универ-ситетскими друзьями основал «Общество поэтов», куда они пригласили и Ахматову. По свидетельству В. Пяста, она «всегда бывала» на заседаниях этого Общества. Знакомство вскоре переросло в дружбу, окрашенную нежным чувством. Тесному общению способствовали близкие литературные вкусы (так, по-видимому, увлеченность Недоброво поэзией Тют¬чева передалась и Ахматовой, что отразилось в сти¬хах ее сборника «Белая стая»).
Недоброво дал глубокий анализ творчества Ах¬матовой и сделал пророческие предсказания отно¬сительно ее поэтической судьбы.
Главной чертой ахматовской лирики Недобро¬во называет «струнную напряженность пережива¬ний и безошибочную меткость острого их выраже¬ния». «Напряжение переживаний и выражений Ахматовой дает иной раз такой жар и такой свет, что от них внутренний мир человека скипается с внешним миром. Только в таких случаях в стихах Ахматовой возникает зрелище последнего, оттого и картины его не отрешенно пластичны, но, прони¬заны душевными излучениями, видятся точно глаза¬ми тонущего:
Рассветает, и над кузницей Поднимается дымок. Ах, со мной, печальной узницей, Ты опять побыть не смог»*.
Недоброво уловил «властную над душою силу» стихов Ахматовой даже тогда, когда это стихи сла¬бого или о слабости, — для выражения этой слабости находится «слово, гибкое и полнодышащее и, как слово закона, крепкое, стойкое». «Жестокий це¬литель Аполлон именно так блюдет Ахматову. Не будь этого «сдерживающего крепкого панциря слов», распалась бы живая душа той усталой женщи¬ны, которая говорит этими словами. «И умерла бы,
* Об Анне Ахматовой. Л., 1990. С. 56. Далее страницы указаны в тексте.
когда бы не писала стихов», —говорит она каждою страдальческою песнью, которая оттого, чего бы ни касалась, является еще и славословием творчест¬ву» (С. 57).
Признавая, что Ахматова—мастер изображе¬ния «несчастной любви», критик видит в этой теме особую ахматовскую сущность: «Она—творческий прием проникновения в человека и изображения неутолимой к нему жажды». Любовь в русской культуре до сих пор говорила о себе как бы от лица мужчины с его тоской по вечной женственности. В поэзии Ахматовой впервые заговорила женщина, стремящаяся к идеалу «вечномужественности», пы¬тающаяся соотнести с этим идеалом каждый муж-ской образ.
«Необычна та любовь, которою на огромной глубине дышит каждое стихотворение Ахматовой, с виду посвященное совсем личным страданиям. Это ли «несчастная любовь»?» (С. 61). После проник¬новенного анализа ряда стихотворений Ахматовой о страданиях, самоотречении критик делает вывод: «Эти муки, жалобы и такое уж крайнее смирение— не слабость ли это духа, не простая ли сентимен¬тальность?

Конечно, нет: самое голосоведение Ах¬матовой, твердое, и уж скорее самоуверенное, самое спокойствие в признании и болей, и слабостей, самое, наконец, изобилие поэтически претворенных мук—все это свидетельствует не о плаксивости по случаю жизненных пустяков, но открывает лиричес¬кую душу скорее жесткую, чем слишком мягкую, скорее жестокую, чем слезливую, и уж явно господ¬ствующую, а не угнетенную» (С. 64).
Ахматовская лирика, по убеждению Недобро-во, дает ощущение «очень яркой и очень напряжен¬ной жизни». Она изображает «прекрасные движе¬ния души, разнообразные и сильные волнения, му¬ки, которым впору завидовать, гордые и свободные соотношения людей, и все это в осиянии и в пении творчества». «А так как описанная жизнь показана с большою силою лирического действия, то она пере¬стает быть только личной ценностью, но обращается в силу, подъемлющую дух всякого, воспринявшего ахматовскую поэзию» (С. 65). И далее: «Я думаю, все мы видим приблизительно тех же людей, и, однако, прочитав стихи Ахматовой, мы наполняемся новою гордостью за жизнь и за человека».
И еще одна догадка-пророчество—о том, что именно стихи Ахматовой оказываются верным по¬стижением настоящего: «Еще недавно, созерцая происходящие в России события, мы с гордостью говорили: «Это—история». Ахматовские стихи по¬казывают «биографию» тех людей, которые делают историю. Печатая свою статью, написанную весной 1914 г., уже в 1915 г., после начала Первой мировой войны, Недоброво именно к этому месту своей ста¬тьи сделал знаменательное примечание: «Надобно вспомнить, что это писалось весною 1914 г.». «С тех пор история снова заполнила всю жизнь человечест¬ва такими жертвенными делами и такими роковы¬ми, каких и видано прежде не бывало. И слава Богу, что люди действительно оказались беспре¬дельно прекраснее, чем о них думали; это в особен¬ности относится к тому столь оклеветанному до войны русскому молодому поколению, к которому принадлежат все рядовые и младшие офицеры на¬шей армии и которое, таким образом, выносит на себе светлое будущее России и мира. К Ахматовой надо отнестись с тем большим вниманием, что она во многом выражает дух этого поколения и ее твор¬чество любимо ими» (С. 67).
Второе предсказание Недоброво связано с тем, что он так же, как в свое время В. Чудовский, уловил в творчестве Ахматовой, помимо лиризма, другую струю (назовем ее современными терминами «ис¬торизм», «эпическое начало») — на этот раз в белых стихах «В то лето я гостила на земле...». «У этого стиха не та душа, что у лирического стиха Ах¬матовой». Критик предсказывает, что поэту пред¬стоит решать и «не лирические задачи» —«в при¬стойной тому форме: в поэме, в повести, в драме».
И последнее —чрезвычайно прозорливо ут¬верждение критика, что «такой сильный поэт, как Анна Ахматова», пойдет по пути, указанному поэ¬там А. С. Пушкиным. Недоброво цитирует поэму Пушкина «Езер-ский» — «со всеми намеками на содержание стро¬фы», в которую входят эти стихи, и где дан Пушки¬ным закон поэту:
Зачем крутится ветр в овраге, Подъемлет лист и пыль несет, Когда корабль в недвижной влаге Его дыханья жадно ждет? Зачем от гор и мимо башен Летит орел, тяжел и страшен, На черный пень? Спроси его. Зачем арапа своего Младая любит Дездемона, Как месяц любит ночи мглу? Затем, что ветру и орлу И сердцу девы нет закона. Гордись: таков и ты, поэт, И для тебя условий нет*.
Очень скоро все эти пророчества Недоброво начнут сбываться. Стихами о Первой мировой войне,
* Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 4. С. 346 - 347.
написанными летом 1914 г., властно войдет в поэ¬зию Ахматовой тема судьбы России. Эпические от¬рывки перерастут в эпические поэмы, в которых отразится время и судьба поколения. Пушкинский завет и закон в период гонений и несправедливого суда «толпы» станет для Ахматовой опорой в жизни:
Идешь, куда тебя влекут Мечтанья тайные; твой труд Тебе награда; им ты дышишь, А плод его бросаешь ты Толпе, рабыне суеты.
3. «А МЫ ЖИВЕМ ТОРЖЕСТВЕННО И ТРУДНО...»
Книга «Четки» вышла 15 марта 1914 г. (по старому стилю), и, по словам Ахматовой, «жизни ей было отпущено примерно шесть недель». В мае начинался дачный сезон, петербуржцы покидали город. В двадцатых числах мая А. А. и Н. С. Гу¬милевы отправились в Слепнево, где с матерью Гумилева Анной Ивановной жил их полуторагодо¬валый сын Лев. В июне Николай Степанович в пер¬вый раз попросил Анну Андреевну дать ему раз¬вод,—на что она, по ее словам, «сейчас же, конечно, согласилась!». У Николая Степановича к этому вре¬мени уже имелся второй сын, Орест Николаевич Выготский (на год моложе Левы), и бурно протекал роман с Татьяной Викторовной Адамович, препода¬вательницей гимназии, боготворившей его и влюб¬ленной в его стихи. Не приняв окончательного реше¬ния, Гумилевы разъехались: он —в Либаву к Т. Ада¬мович, она—в Петербург, где жила в квартире отца на Крестовском острове (набережная Средней Не¬вки) , а затем уехала к

матери в Дарницу (дача близ
Киева). В начале июля Ахматова вновь едет в Слеп-нево. Пересев в Москве на первый попавшийся почтовый поезд, на подмосковной платформе Под¬солнечная видит Блока, задающего ей самый неу¬местный в тех условиях вопрос: «С кем вы едете?» — «Я успеваю ответить: «Одна». Поезд трогается». В «Воспоминаниях об Александре Блоке» Ахматова далее приводит запись от 9 июля 1914 г. из «Запис¬ной книжки» Блока (прочитанную ею лишь пять¬десят один год спустя): «Мы с мамой ездили осмат¬ривать санаторию на Подсолнечной. —Меня бес дразнит. — Анна Ахматова в почтовом поезде». Ра¬зумеется, никакого романа с Блоком не было, но—«бес дразнит», и мать Блока, А. А. Кублиц-кая-Пиоттух, пишет своей приятельнице: «С--) Я все жду, когда Саша встретит и полюбит женщи¬ну тревожную и глубокую, а стало быть и нежную... И есть такая молодая поэтесса, Анна Ахматова, которая к нему протягивает руки и была бы готова его любить. Он от нее отвертывается, хотя она красивая и талантливая, но печальная. А он этого не любит. Одно из ее стихотворений я Вам хотела бы написать, да помню только 2 строки первые: «Слава тебе, безысходная боль. — Умер вчера сероглазый король».
Вот, можете судить, какой склон души у этой юной и несчастной девушки. У нее уже есть, впро¬чем, ребенок. А Саша опять полюбил Кармен. Он ее так и полюбил во время представления в Музыкаль¬ной драме, во время ее воплощения в Кармен. Я ее тоже видела. Хороша как певица и актриса. А те¬перь уже и катанья, и гулянья, и цветы. И целые дни заняты ею. А она опять стихийная»*.
* Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 431.
Анна Ахматова, по-видимому, не казалась матери Блока «стихийной», да она такой и не бы¬ла. Между нею и Николаем Степановичем летом 1914 г.— дружеская переписка; он, не получая от нее скорого ответа, тревожно (хотя и мимоходом) спрашивает: «Что, ты забыла меня или тебя уже нет в Деражне?» Она напоминает ему, что осенью будет трудно с деньгами, что заложены вещи, что можно ожидать ругательных статей от Валерия Брюсова, и неизвестно, чего ждать от К. И. Чуковского, соби¬рающегося читать свою статью об акмеизме как лекцию. Подписывает письма: «Будь здоров, ми¬лый! Целую. Твоя Анна». Посылает ему свои новые стихи. Раздумывает, не поехать ли ей за грани¬цу—это была бы ее четвертая поездка (1910 —Па¬риж, 1911 —Париж, 1912 — Италия). Из Киева пишет грустное письмо другу, М. Л. Лозинскому: «За границу я не поеду, что там делать! А дней через 10 буду опять в Слепневе и уже до конца там останусь. Если даст Бог, помру, если нет —вернусь в Петербург осенью глубокой (...) Лето у меня вышло тревожное: мечусь по разным городам, и вез¬де страшно пусто и невыносимо. (...) Мне сказали, что издание «Четок» придется повторить в сентябре. Не очень я этому верю»*.
Среди стихов Анны Ахматовой лета 1914-го явственно звучит тема огорчения, тема «Тани Ада¬мович»—«Мне не надо счастья малого,//Мужа к милой провожу...» 20 июля она пишет утром «еще спокойные стихи»:
Я не любви твоей прошу. Она теперь в надежном месте... Поверь, что я твоей невесте Ревнивых писем не пишу.
* Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 65.
Но мудрые прими советы: Дай ей читать мои стихи, Дай ей хранить мои портреты — Ведь так любезны женихи! А этим дурочкам нужней Сознанье полное победы, Чем дружбы светлые беседы И память первых нежных дней...
19 июля по старому стилю, 1 августа 1914-го по новому, Германия объявила России войну. На сле¬дующее утро был обнародован «Высочайший мани¬фест». Начался новый, «не календарный» XX век. По словам Ахматовой, «вся жизнь вдребезги». 23 июля Н. С. Гумилев отправился из Петербурга в Слепнево, — проститься с матерью и сыном, за¬брать Анну Андреевну. В Петербурге она живет у отца, он —у В. К. Шилейко. Срочно возвращается из Крыма Н. В. Недоброво. Гумилев зачислен воль-ноопределяющимся в Гвардейский запасной кавале¬рийский полк.
В сентябре 1914 г. Анна Ахматова навестила мужа в деревне Наволоки под Новгородом, где был расквартирован его полк.
В середине декабря Николай Степанович при¬был на побывку в Петроград, через несколько дней, 24-го, Анна Андреевна проводила его на фронт — до Вильно («Помнишь, мы были с тобою в Поль¬ше?..»). В рабочей тетради Ахматовой (РГАЛИ. Е.х. 114) есть воспоминание об этом: «На Рождест¬во 1914 провожала Ник(олая) Степановича) на фронт до Вильны. Там ночевали в гостинице, и утром я увидела в окно, как молящиеся на коленях двигались к церкви, где икона [Ченстоховской] Ост-робрамской Божьей Матери». Простившись с Гуми¬левым, Ахматова отправляется к матери в Киев, где встречает Новый год. 25 января 1915 г. она в Петро¬граде вместе с Блоком, Северяниным, Кузминым, Мандельштамом, Сологубом и другими поэтами вы¬ступает на вечере «Писатели — воинам» в Александ¬ровском зале Петроградской городской думы—чи¬тает военные стихи Гумилева.
В конце января Гумилев ненадолго приехал с фронта в Петроград —в его присутствии в доме М. Л. Лозинского Ахматова прочитала только что законченную поэму «У

самого моря». Среди слу¬шавших были также В. К. Шилейко, Н. В. Недоб-рово, В. А. Чудовский, Е. Ю. Кузьмина-Караваева. Об этой поэме Ахматова многократно говорила, что она очень нравилась Гумилеву. О ней, тогда еще не оконченной, он пишет в октябре 1914 г. из армии: «...я начинаю чувствовать, что я подходящий муж для женщины, которая «собирала французские пу¬ли, как мы собирали грибы и чернику». Эта цитата заставляет меня напомнить тебе о твоем обещании быстро дописать твою поэму и прислать ее мне. Право, я по ней скучаю». И добавляет: «... Вам совершенно не надо беспокоиться, если обо мне не будет известий. Трое вольноопределяющихся знают твой адрес, и если со мной что-нибудь случится, напишут тебе немедленно. (...) Целую тебя, моя дорогая Аничка, а также маму, Леву и всех. (...) Твой Коля»*.

Ахматова пишет мужу регулярно, посылает ему свои новые стихи. Когда же стихов в письме не ока¬зывалось, он выговаривает ей: «Что же ты мне не прислала новых стихов? У меня, кроме Гомера, ни одной стихотворной книги, и твои новые стихи для меня была бы такая радость. Я целые дни повторяю «где она, где свет веселый серых звезд ее

* Гумилев Н. Соч.: В 3 т. Т. 3. С. 239 - 240.

очей» и думаю при этом о тебе, честное слово»*. Последняя фраза лукава...

В письмо от 16 июля Ахматова вложила два новых стихотворения —«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» и «Не хулил меня, не славил...». Отзыв о них Гумилева знаменателен — это и разбор техники стихописания, и признание масштаба та¬ланта поэта Анны Ахматовой, и легкий оттенок недоумения —в стихах появилась новая интонация, новое жизненное наполнение. Они —другому, неиз¬вестному, ему не знакомому адресату: художнику, воину, поэту, «лихому ярославцу» Борису Василье-вичу Анрепу.

«Стихи твои, Аничка, очень хороши, особенно первое, хотя в нем есть неверно взятые ноты, напр(имер), стр(ока) 5-я и вся вторая строфа; зато последняя строфа великолепна; только [это не] опис¬ка?—«Голос Музы еле слышный...» Конечно, «ясно или внятно слышный» надо было сказать. А еще лучше «так далеко слышный». Второе стихотворение или милый пустячок (размер его четырехстопный) хорей говорит за это), или не ясно. Вряд ли героине поручалось беречь душу от Архангела. И тогда 9-я и 10-я строчки возбуждают недоуменье.

В первом стихотворении очень хороша (что ново для тебя) композиция. Это мне доказывает, что ты не только лучшая русская поэтесса, но и просто крупный поэт»**.

Критика Гумилева в адрес второго ахматовско-го стихотворения понятна: он не мог знать фабуль¬ной его основы, которая ныне известна нам из вос¬

* Гумилев Н. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. С. 241. ** Там же. С. 243.

поминаний Б. В. Анрепа: «Я дал ей рукопись своей поэмы «Физа» на сохранение; она ее зашила в шел¬ковый мешочек и сказала, что будет беречь как святыню»*. Знаменательно и восхищение Гумилева композицией первого из присланных ему стихотво¬рений, которое сейчас считается одним из шедевров ахматовской лирики. Удивительно, что он не оценил трагической мощи второй строфы, без которой теря¬ла силу заключительная третья:

2-я строфа: А мы живем торжественно и трудно
И чтим обряды наших горьких встреч, Когда с налету ветер безрассудный Чуть начатую обрывает речь,—

3-я строфа: Но ни на что не променяем пышный Гранитный город славы и беды, Широких рек сияющие льды, Бессолнечные, мрачные сады И голос Музы еле слышный.

Стихотворение написано 23 июня 1915 г., но в нем —уже предугадываются будущие драмати¬ческие события, связанные с проблемами выбора, который вскоре предстоит сделать российской ин¬теллигенции. С ними Анна Ахматова столкнется раньше других, в своих личных отношениях с Бори¬сом Анрепом, европейцем, убежденным поклонни¬ком упорядоченного строя жизни, свойственного Франции и особенно Англии, где он жил с 1908 г. И Ахматова дает единственно возможный для нее ответ: «Но ни на что не променяем...» 31 марта 1916 г. в зале Тенишевского училища в Петрограде устраи¬вался «Вечер поэтесс». Анна Ахматова не значилась

* Ахматова А. Сочинения. Париж, 1983. Т. 3. С. 439.

в программе, но ее уговорили выступить. Она прочла одно стихотворение—«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»*.

Началась новая эпоха в творчестве Анны Ах¬матовой—стихи о России, о зарождающейся истин¬ной всепоглощающей любви, о Боге.

В июне 1916 г. об этой новой Ахматовой напи¬сал О. Э. Мандельштам — в статье «О современной поэзии (К выходу «Альманаха Муз»)»: «...стихи» «Альманаха» мало характерны для «новой» Ахма¬товой. В них еще много острот и эпиграмм, между тем для Ахматовой настала иная пора. В последних стихах Ахматовой произошел перелом к гиератичес-кой важности, религиозной простоте и торжествен¬ности: я бы сказал, после женщины настал черед жены. Помните: «смиренная, одетая убого, но ви¬дом

величавая жена». Голос отречения крепнет все более и более в стихах Ахматовой, и в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России»**. Мандельштам от¬мечает сочетание в поэзии Ахматовой «тончайшего психологизма (школа Анненского) с песенным ла¬дом», утверждает, что «психологический узор в ах-матовской песне так же естественен, как прожилки кленового листа:

И в Библии красный кленовый лист Заложен на Песни Песней...»

В «Альманахе Муз» было напечатано четы¬ре ахматовских стихотворения: «Ты мне не обещан

* Биржевые ведомости. 1916. 2 апреля. Печ. по: Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 90.

** Мандельштам О. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. С. 208. Отзыв о стихотворении «Из памяти твоей...» —вычеркнут автором и взят пуб¬ликаторами из чернового варианта статьи.

ни жизнью, ни Богом...», «Под крышей промерзшей пустого жилья...», «Из памяти твоей я выну этот день...» и «Муза ушла по дороге...». Мандельштам особо выделяет третье: «Отметим, как властительно, по-тютчевски звучит начало третьего стихотворе-ния: «Из памяти твоей я выну этот день...», что довольно необычно для автора, охотно заостряюще¬го свои стихи эпиграмматическими окончаниями. Почти во всех этих стихах Ахматовой звучит забота о своем голосе».

Эта статья не была напечатана. Ахматова по¬знакомилась с нею много позже, когда Надежда Яковлевна Мандельштам показала ей неразобран¬ные бумаги погибшего поэта, —см. в стихотворении Ахматовой 5 июля 1957 г.: «Я над ними склонюсь, как над чашей...» Ахматова была очень рада узнать о такой высокой оценке Мандельштамом ее стихов, говорила о том, как было бы несправедливо, если бы об их отношениях потомки судили только по опуб¬ликованным его о ней отзывам, которые были ино¬гда и весьма нелестными («столпник паркета»...).

Одно за другим выходили новые издания «Четок», но уже в начале 1916 г. Ахматова нача¬ла думать о следующей книге. 15 января 1916 г. Б. М. Эйхенбаум, в недалеком будущем автор блес¬тящих работ о творчестве Анны Ахматовой, пишет о ней после посещения дома Гумилевых в Царском Селе: «Читала стихи будущего сборника, где она и о «ребеночке» говорит, и Христовой невестой называется, — гораздо дальше «Четок», в самую глубь»*. В. М. Жирмунский на основании стихов 1914—1916 гг. в статье «Преодолевшие символизм»

* РГАЛИ. Цит. по: Ч е р н ы х В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 89.

назвал Ахматову «наиболее значительным поэтом молодого поколения»*.

Сборник «Белая стая» готовился к печати долго и должен был выйти в издательстве «Гиперборей», которым заведовал М. Л. Лозинский. Именно он взял на себя заботу о составлении книги, —то есть о ее композиции, об отборе стихов для нее. Он же держал корректуры и расставлял знаки препина¬ния. Работа продолжалась почти весь 1917 г., с ян¬варя по август. В архиве М. Л. Лозинского—не¬сколько писем Ахматовой к нему о разных стадиях их совместной работы, — отрывки из них опублико¬ваны И. В. Платоновой-Лозинской в юбилейном «ахматовском» номере журнала «Литературное обозрение» (1989. № 5. С. 64-66).

2 января 1917: «В книге должно быть всего восемь печатных листов. (...) Следовательно, при¬дется выбросить несколько стихотворений, посове¬туйте, какие? Вообще я очень хочу знать Ваше мнение об этой книге, не бойтесь быть жестоким. И вообще, пора ли ее издавать!»

4 января 1917: «Пунктуацию в стихотворении о бессмертнике Вы указываете правильно. Книгу можно показать после того, как мы решим, какие стихотворения исключить, а Вы исправите руко¬пись, потому что я не согласна показываться в таком виде кому-нибудь, кроме Вас...»

И. В. Платонова-Лозинская утверждает, что «все материалы «Белой стаи» для типографии под¬готовлены Лозинским в виде макета книги, им сде¬ланы окончательные исправления некоторых слов и строф, несомненно согласованные с автором»**.

* Русская мысль. 1916. № 12. Цит. по: Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 121. ** Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 65 — 66.

Об этом свидетельствуют краткие записи вопросов и предложений, адресованные Ахматовой. Она от¬вечала на них в письмах.

16 января 1917: «Конечно, я не включила в «Бе¬лую стаю» множество стихотворений (20 — 30), но надеюсь, что она от этого только выиграет. Стихо¬творение «Земная слава...» следует тоже исключить, я вполне с Вами согласна. Очень благодарна Вам за Ваши замечания. Поколдую непременно, ведь времени еще много. Места новоприсланных стихо¬творений я не знаю, но так как в конце января я по разным делам буду в Петербурге, то хотела бы составить оглавление с Вашей помощью: мой

прин¬цип позорно провалился...»
Новоприсланные стихотворения –это, возмож¬но, написанные в Слепневе в январе 1917 г. «Тот голос, с тишиной великой споря...», «Высокомерьем дух твой помрачен...», «Там тень моя осталась и тоскует...», «Двадцать первое. Ночь. Понедель-ник...», «Да, я любила их, те сборища ночные...» и «Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...» – они вошли в книгу «Белая стая». О том, что рабо¬та по составлению книги велась вплоть до апреля 1917 г., свидетельствует наличие в ней двух стихо-творений, датированных мартом («Мы не умеем прощаться...») и апрелем («Еще весна таинственная млела...»). Стихи июня –июля 1917 г. в «Белую стаю» уже не включались, они вошли позже в книгу «Подорожник» (1921).
12 июня 1917 г. Ахматова «внимательно про¬чла» корректуру «Белой стаи» –«почти ничего из¬менять не буду». 11 августа она поздравляет Лозин¬ского с благополучным окончанием трудов –«Белая стая существует!» «А так как с устройством книги может быть много хлопот, которые уж слишком бесчеловечно возлагать на Вас, то можно ее пока и не выпускать. (...) Я постараюсь побывать в Петер¬бурге и устрою «Белую стаю». Однако и по этому вопросу жду Вашего совета...»
15 сентября 1917 г. Ахматова сделала надпись– по-видимому, на первом экземпляре «Белой стаи», только что вышедшей в свет: «Михаилу Леонидови¬чу Лозинскому от его друга Ахматовой. Малый дар за великий труд». 19 сентября датируются надписи еще на двух книгах, подаренных Ахматовой крити¬кам, наиболее высоко оценившим ее творческий дар: «Виктору Максимовичу Жирмунскому с дружеским приветом» и «Борису Михайловичу Эйхенбауму, мо¬ему снисходительному критику, с приветом».
Сегодня мы не можем сказать, что имела в виду Анна Ахматова, когда говорила, что ее принцип композиции «Белой стаи» «позорно провалился». Во всяком случае ясно одно: стихи в книгу отбира¬лись очень тщательно. Многое: двадцать – тридцать стихотворений, – по словам Ахматовой, было отбро¬шено. В результате получилась книга о Памяти, о прошлом, «которое над сердцем власть теряет», о мгновении, когда поэт ощущает себя хранителем уже свершившегося, ставшего историей, и сеяте¬лем–для еще предстоящего –будущего:
Я только сею. Собирать Придут другие. Что же! И жниц ликующую рать Благослови, о Боже!
Теперь поэт осознает, что жизнь состоит из потерь:
Думали: нищие мы, нету у нас ничего, А как стали одно за другим терять, Так что сделался каждый день Поминальным днем,–
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.
Книга подводит первые итоги: «Вместо муд¬рости–опытность, пресное//Неутоляющее питье...» Ушла Муза, тяжела любовная память, слава пред-ставляется «бесславной», хочется выпить такой от¬равы, «чтобы сделалась я немой». На этом фоне – дороже и прекрасней то, что есть в настоящем: новая предпесенная тревога, «прохладный день// В чудесном городе Петровом», молитва, – и ожида¬ние встречи с новой любовью: «Все обещало мне его...» И утверждение, что прекрасны «царскосель¬ская статуя», «золотой Бахчисарай», Павловск, в котором человек испытывает блаженство и ликова¬нье. Второй раздел книги «Белая стая» завершается замечательным заявлением: «Я счастлива».
Третий раздел книги начинается стихами, в ко¬торых звучит тема ранней смерти и печали, «кото¬рой царь Давид//По-царски одарил тысячелетья». Муза поэта в новых условиях народного бедст¬вия–изменилась, она теперь
...в дырявом платке Протяжно поет и уныло. В жестокой и юной тоске Ее чудотворная сила.
Она будто пришла из слепневского лета, когда, после объявления войны, по словам Ахматовой, «за¬выли бабы по деревням». Мотивами войны проник¬нуты стихотворения «Пахнет гарью. Четыре неде¬ли...», «Можжевельника запах сладкий...», «Тот голос, с тишиной великой споря...», «Мы не умеем прощаться...», «Утешение», «Молитва». И тут же стихи не о войне, но и они несут отголоски горя,
беды. Написаны они от имени героини, которая уже не светская барышня, а скорее простая деревенская баба-солдатка: «Лучше б мне частушки задорно выкликать,IIA тебе на хриплой гармонике играть...» Лучше–чем что? –как бы задает вопрос героиня. И отвечает, осуждая себя, –лучше жить жизнью простого народа, чем той, какой жила она ранее, до лета 1914-го: «И больше нет ни слез, ни оправда¬ний». И совсем иные, чем прежде, образы возника¬ют в стихах: умерший ребенок, оплакиваемый мате¬рью; мертвая возлюбленная, о которой тоскует герой; умирающий, которого надо простить перед смертью; прозорливец, предсказывающий «Христо¬вой невесте» одиночество, нищету и блаженную кончину; мать, прощающаяся перед смертью с лю¬бимым сыном: «Буду тихо на погосте//Под доской дубовой спать...»
Вслед за этими стихами – совсем другие по то¬нальности, где героиня говорит от

имени своей стра¬ны, от имени всех православных, от имени своих новгородских предков («Высокомерьем дух твой по¬мрачен...», «Приду туда, и отлетит томленье...»). Она как бы пытается взять на себя часть страданий, уготованных народу, принести себя в жертву. За¬канчивается третий раздел итоговым стихотворени¬ем «Памяти 19 июля 1914»:

Мы на сто лет состарились, и это Тогда случилось в час один: Короткое уже кончалось лето, Дымилось тело вспаханных равнин.

Вдруг запестрела тихая дорога, Плач полетел, серебряно звеня... Закрыв лицо, я умоляла Бога До первой битвы умертвить меня.

Из памяти, как груз, отныне лишний, Исчезли тени песен и страстей. Ей – опустевшей – приказал Всевышний Стать страшной книгой грозовых вестей.

В стихах четвертого раздела тоже упоминаются войска, но здесь они «идут с парада». Герой –любя¬щий и тревожный, он ищет любимую, радуется ей: «Здесь она, здесь свет веселый//Серых звезд –ее очей». Любимая–простая, ласковая, радостно ожи¬дающая счастья:

Сюда ко мне поближе сядь,
Гляди веселыми глазами:
Вот эта синяя тетрадь–
С моими детскими стихами. (...)

Все тебе: и молитва дневная, И бессонницы млеющий жар, И стихов моих белая стая, И очей моих синий пожар...

Стихи о любви, о весне: «Как от блеска дивной ризы,//Стало в горнице светло». И все же–счастья нет: слишком большой и горький жизненный опыт за плечами: «Прости, прости, что за тебя//Я слиш¬ком многих принимала...»; «Нет, царевич, я не та,// Кем меня ты видеть хочешь,//И давно мои уста// Не целуют, а пророчат». Всеведение не приносит счастья. Героиня может дать совет, –но этот совет горек: Славы хочешь?–у меня Попроси тогда совета. Только это–западня, Где ни радости, ни света.

Любовь, любимый – «награда//За годы боли и труда», он будет Ангелом, хранящим героиню, но –он и нереален, как Ангел, он –воспоминание о счастье и ожидание счастья, но не само счастье в настоящем. И героиня вновь во власти памяти и совести –«Уже привыкшая к высоким, чистым звонам,//Уже судимая не по земным законам...»

Анна Ахматова любила эту свою книгу. В авто¬биографическом отрывке о «Белой стае» она опро¬вергала расхожее мнение о ее неуспехе: «...Этот сборник появился при еще более грозных обстоятель¬ствах, чем «Четки». Он вышел в сентябре 1917 го¬да. Если «Четки» опоздали, «Белая стая» прилетела просто к шапочному разбору. Транспорт зами¬рал–книгу было нельзя послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде. Бумага грубая – почти картон.

Журналы закрывались, газеты тоже. Поэтому, в отличие от «Четок», у «Белой стаи» не было шумной прессы. Голод и разруха росли с каждым днем. Как ни странно, ныне все эти обстоятельства не учитываются, и принято считать, что «Белая стая» имела меньше успеха, чем «Четки».

Через год Михайлов («Прометей») купил у ме¬ня право на П-е изд(ание). Это было в 1918 году, в уже совсем голодном и полупустом Петербурге»*.

Впрочем, несколько статей о «Белой стае» все же появилось. В 1918 г. Василий Гиппиус, когда-то приветствовавший выход первого ахматовского сборника «Вечер», теперь, через шесть лет, уверен¬но заявляет, что все его опасения относительно незначительности тем молодого поэта оказались несостоятельны. Критик впервые открывает удиви¬тельную особенность небольших по размеру лири¬ческих стихотворений Ахматовой – их родство с формой романа. Он называет их «повестями-мини¬

* Хейт Л. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. С. 236.

атюрами», где в немногих строках рассказана дра¬ма. Такие миниатюры были уже в первой книге– «рассказ о сероглазой дочке и убитом короле и рас¬сказ о прощании у ворот». Один из романов-ми¬ниатюр–«Как велит простая учтивость...» В две¬надцати строках–трагедия десяти лет, развязанная в одном кратком событии, взгляде, слове. Еще один роман, в котором «больше действующих лиц, и фон более гибок и четок» –«Там тень моя ос¬талась и тоскует...», «И мне думается, что в по¬разительном своеобразии, в бесспорной своевремен¬ности такого романа – разгадка хорошего успеха Ахматовой», – пишет критик. По его мнению, чис¬тая лирика, которая преобладает в «Белой стае», также кажется «разрозненными страницами како¬го-то одного романа». В ее миниатюрах–искреннее отображение ее души и душ ее современников, и быта, и природы. Соединение всего этого в одной картине дает поразительные результаты, и лиризм Ахматовой в «Белой стае», развиваясь и расши-ряясь, «углубляется до религиозного чувства ро¬дины»*. Приводя в статье текст стихотворения «Молит¬ва» («Дай мне горькие годы недуга...»), Василий Гиппиус говорит, что теперь эти строки «должны стать нашей

общей молитвой».
Поэт Сергей Львович Рафалович напечатал статью о «Белой стае» в тбилисском журнале «Ars» (1919, № 1). Рассуждая от имени самых образован¬ных, «элитных» читателей ахматовских стихов и со¬общая подробности, известные лишь узкому кругу, он утверждает наличие у Ахматовой «большого стиля».
* Куранты. 1918. № 2. Печ. по: Анна Ахматова. Десятые годы. М., 1989. С. 215-219.
Критик говорит, что и в «Белой стае» большая часть стихов – «любовные», описания внешнего мира под¬чинены или слиты с любовными переживаниями. Вместе с тем как бы узкий круг любовных мотивов в лирике Ахматовой расширяется, в малом отражении проглядывает великое. И тогда личность адекватна божеству, миг—вечности, и каждый уголок земли – вселенной. Тайна и масштаб таланта и всей личности Ахматовой «сделали возможным чудо претворения малого в великое и привели ее от влюбленностей к познанию большой любви, от того или другого случайного встречного к человеку, от родной деревни или родного города—к России».
Ахматовская манера осталась прежней, заметил критик, но ее художест-венная речь стала полнозвучнее, законченнее и плав¬нее, «прежняя горькая гримаса расправилась в про¬светленной и примиренной скорби, и угловатая ужимка округлилась в иератических движениях тор¬жественных служений»*. По мнению С. Л. Рафалови-ча, личные переживания поэта, которые как и прежде стоят в центре изображаемого в ее стихах, на этот раз связаны с событиями мирового масштаба. «Касается ли Ахматова России или мировой войны, она это делает, не изменяя прежним своим приемам. И только изредка сила и глубина чувства стирают какую-то последнюю грань между Я и НЕ Я, и уже не два переживания становятся для нее одним, как обычно, а есть поистине только одно, уже не двуединое, а просто единое в своем трагическом пафосе». В при¬мер критик приводит стихотворение «Молитва» («Дай мне горькие годы недуга...»).
Интересно и суждение критика о собственно любовной теме лирики Ахматовой, явно свидетельст¬
Печ. по: Анна Ахматова. Десятые годы. С. 224.
вующее о личном знакомстве Рафаловича с биографи¬ей поэта: «Лирик по природе своего дарования, центр тяжести и жизни, и творчества с первых же шагов нашедшая в любви, Ахматова—если судить по трем ее книгам —не только никогда не была счастлива, но пережила настоящую трагедию, которая вещает о себе чуть ли не с каждой страницы «Белой стаи». Не внешние обстоятельства, не случайные жизненные, не неудачные любовные опыты или несбывшаяся встреча с тем, кто роком предназначен, создали эту трагедию. Все это может вызвать только драму. Траге¬дия—неизбежность, неизбывность, роковая вина не¬винной души. Всякий способен пережить драму. Трагедия бывает уделом только крупной личности. И не спасут от нее ни «таинственный песенный дар», ни слава, ни красота, ни любовь—безответная или взаимная—все равно. Нельзя спастись от трагедии, можно только очиститься ею».
Сама Ахматова поняла это, считает Рафалович, и поэтому заключительное стихотворение ее «Белой стаи» звучит «не завершающим, но разрешающим трагическим аккордом» («Не оттого ль, уйдя от легко¬сти проклятой...»).
Февральская революция в творчества Ахматовой заняла куда меньшее место, чем Первая мировая война. П. Н. Лукницкий записал в дневнике несколь¬ко рассказов Ахматовой о тех днях в Петрограде: «25 февраля 1917 года (по ст. ст.) АА провела день так: утром поехала на Петербургскую) сторону к портнихе узнать относительно своего платья. Хотела на извозчике поехать домой (на Выборгскую сторону). Извозчик попался старик... отвечал: «Я, барыня, туда не поеду... На мосту стреляют, а у меня...» (I, 96).
Домой на Выборгскую—это значит в квартиру Срез¬невских— Вячеслава Вячеславовича и Валерии Серге¬евны, где жила Ахматова, начиная с 1916 г. Дом Анны Ивановны Гумилевой в Царском Селе был продан весной 1916 г., своего жилья у Анны Ахматовой в Пе¬тербурге не было.
В тот же день Ахматова была вместе с Анрепом на генеральной репетиции «Маскарада» Лермонтова в Александрийском театре, – после спектакля они сто¬яли на Невском, «а конница лавой неслась по мо¬стовой».
Гумилев отнесся к февральским событиям еще более равнодушно. 26 или 28 февраля он позвонил АА по телефону. Сказал: «Здесь цепи, пройти нельзя, а потому я сейчас поеду в Окуловку...» Он очень об этом спокойно сказал—безразлично...» (I, 97). В Оку-ловке Новгородской губернии был расквартирован его полк.
Об этом же времени в воспоминаниях об Ах¬матовой рассказывал Б. В. Анреп: «Революция Керенского. Улицы Петрограда полны народа. Кое-где слышны редкие выстрелы. Железнодорожное сообщение остановлено»*. Сти¬хотворением, посвященным Б. В. Анрепу— «Сразу стало тихо в доме...», открывается четвертая книга Ахматовой «Подорожник», вышедшая уже после революции, в апреле 1921 г.

(издательство «Петро¬полис», обложка работы художника М. В. Добу-жинского). Там стихотворение имеет дату: «1917, июль».
А мартом 1917 г. помечено в этой же книге другое стихотворение, также посвященное Анрепу:
* Ахматова А. Сочинения. Т. 3. Париж, 1983. С. 446 –447.
По твердому гребню сугроба
В твой белый, таинственный дом
Такие притихшие оба
В молчании нежном идем.
И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.
Это было стихотворение о счастье.
Анреп отбыл из России в Лондон «с первым поездом» после «революции Керенского». 15 мар¬та 1917 г. уехал в Париж, а оттуда в Лондон Н. С. Гумилев. К этому времени он был уже прапор¬щиком, прикомандированным к 4-му Уланскому харьковскому полку, хотя и числился в 5-м гусар¬ском полку. Он был награжден тремя боевыми на¬градами–двумя «Георгиями» и орденом св. Стани¬слава с мечами и бантами. Мечтал перевестись в русский экспедиционный корпус, попасть на Са-лоникский фронт. Был пылко влюблен в Ларису Рейснер, писал ей страстные письма и канцоны. В июне 1917 г. Гумилев в Лондоне, в ожида¬нии назначения от Временного правительства. Он пишет жене:
«Дорогая Анечка, привет из Лондона, мой, Анрепа, Владимира Гарднера и Бехгофера (В. Гар¬днер–поэт, участник первого «Цеха поэтов», К. Бехговер – переводчик и журналист, приятель Гумилева по «Бродячей собаке». – Н.К.). Не правда ли, букет имен.
Расскажу о всех по порядку. Я живу отлично, каждый день вижу кого-нибудь интересного, весе¬люсь, пишу стихи [устраиваю], устанавливаю литера¬турные связи. Кстати, Курнос (Д. Курнос–состави¬тель английской антологии русской поэзии.–Н.К.) просто безызвестный графоман, но есть другие хо¬рошие переводчики, которые займутся русской поэ¬зией. Анреп занимает видное место в комитете (рус¬ский правительственный Комитет, возглавляемый генералом А. К. Гермониусом, ведавшим снабжением русской армии, прежде всего артиллерией. – Н.К.) и очень много возится со мной. Устраивает мне знакомства, возит по обедам, вечерам. О тебе вспо¬минает, но не со мной. Так, леди Моррель, да¬ма-патронесса, у которой я провел день под Окс-фордом, спрашивала, не моя ли жена та интересная, очаровательная и талантливая поэтесса, о которой ей так много говорил Анреп. Семья его в деревне, а он или на службе, или в кафе. (...) Сегодня я буду на вечере у Иейтса, английского Вячеслава. Мне обещали также устроить встречу с Честертоном, которому, оказывается, за сорок и у которого около двадцати книг. (...) Думаю устроить, чтобы гипер¬борейские издания печатались после войны в Лон¬доне, это будет много лучше и даже дешевле. (...) Ну, целую тебя и посылаю кучу стихов, если захо¬чешь, дай их Маме, пусть печатает. Твой всегда Коля»*.
Так Гумилев и Анреп провели в совместных литературных развлечениях около трех месяцев, после чего Николай Степанович отправился в Па¬риж, где должен был остаться в распоряжении париж¬ского наместника от Временного правительства,– «т. е. вроде Анрепа, только на более интересной и живой работе. Меня, наверно, будут употреблять для разбора разных солдатских дел и недоразуме¬ний. Через месяц, наверно, выяснится, насколько мое положение здесь прочно. Тогда можно будет
* Гумилев Н. Соч.: В 3 т. Т. 3. С. 244 - 245.
подумать и о твоем приезде сюда, конечно, если ты сама его захочешь»*.
Это было написано в октябре 1917 г. Далее – произошла Октябрьская революция –и еще один план заграничной поездки Анны Ахматовой не со¬стоялся. Октябрьская революция была воспринята в кругу Ахматовой – Гумилева как продолжение то¬го хаоса, в который ввергла страну Февральская революция .
Одно из стихотворений книги «Подорожник» отражает впечатления Ахматовой от народных вол¬нений лета 1917 г.:
И целый день, своих пугаясь стонов, В тоске смертельной мечется толпа, А за рекой на траурных знаменах Зловещие смеются черепа. Вот для чего я пела и мечтала, Мне сердце разорвали пополам, Как после залпа сразу тихо стало, Смерть выслала дозорных по домам.
Об этом же, а также о несостоявшихся планах поездки в Париж, Ахматова пишет 16 августа 1917 г. М. Л. Лозинскому:
«Сегодня я получила письмо от Вали Срезнев¬ской, кот(орое) начинается так: опять, кажется, назрела резня. От таких новостей все делается по¬стылым. \...~) Буду ли я в Париже или в Бежецке, эта зима представляется мне одинаково неприятной. Единственное место, где я дышала вольно, был Петербург. Но с тех

пор, как там завели обычай ежемесячно поливать мостовую кровью сограждан, и он потерял некоторую часть своей прелести в моих глазах»* *.
* Гумилев. Н. Соч.: В. 3 т. Т. 3. 245 - 246. ** Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 23.
В стихах «Подорожника» — и мечта о поездке к любимому за границу («Просыпаться на рассве¬те...»), и торжественный отказ от этой мечты, ок¬рашенный сознанием исторической миссии поэта в годину бедствий родины—«Когда в тоске само¬убийства...» Дата этого стихотворения — осень 1917 г., Петербург, и кажется, что его содержание связа¬но с октябрьским письмом Гумилева о ее приезде в Париж.
Стихотворение «Когда в тоске самоубийст¬ва...», особенно в его укороченном варианте из 12 строк «Мне голос был. Он звал утешно...», стало одним из самых знаменитых. Знал его на¬изусть и А. Блок, он читал его многим своим собе¬седникам, восхищался скупой точностью передан¬ного поэтом жеста: «Руками я замкнула слух».
В книге «Подорожник» любопытно изображе¬ние «сельского фона» судьбы и переживаний поэта. Многие стихотворения «Подорожника» написаны в Слепневе, и образный строй их может быть сопо¬ставлен с текстами писем о тех же «героях» и том же времени:
А мы живем, как при Екатерине: Молебны служим, урожая ждем... (...)
Я слышу иволги всегда печальный голос И лета пышного приветствую ущерб, А к колосу прижатый тесно колос С змеиным свистом срезывает серп. (...)
И стройных жниц короткие подолы, Как флаги в праздник, по ветру летят...
Это поэтический, высокий строй. А вот реаль¬ное описание деревенского праздника, точнее, пла¬нов его: «Приехать в Петербург тоже хочется и в «Аполлоне» побывать! Но крестьяне обещали уничтожить Слепневскую усадьбу 6 августа, потному) что это местный праздник, и к ним приедут гости. Недурной способ занимать гостей. Я хожу дергать лен и пишу плохие стихи»*. И еще одно письмо того же времени к М. Л. Лозинскому: «Мужики клянутся, что дом (наш) на их костях стоит, выкосили наш луг, а когда для разбора этого дела приехало начальство из города, они слезно просили: «Матушка барыня, простите, уж это последний раз!» Тоже социалисты! Прибывающие дезертиры сообщают, что положение дел на войне отличное, и крестьяне им свято верят. О матросах кронштадтцах говорят: «Они за самодер¬жавие!» и вообще тьма кромешная царит в умах»**. По мнению современного исследователя Р. Д. Тимен-чика, в стихах типа «А мы живем, как при Екатери¬не...» Ахматова сознательно передавала реальность лета 1917 г., «но только особым методом—методом поэтической иронии»***.
Из тридцати семи стихотворений, составляю¬щих книгу «Подорожник», восемнадцать были на¬писаны в 1917 г. К более ранним годам, после «Четок», но до окончания работы над «Белой ста¬ей», относятся девять стихотворений, в том числе и исключенное из «Белой стаи» по совету Лозинско¬го «Земная слава как дым...». Четыре стихотворе¬ния—из ранних (1913 и даже 1911 гг.). В 1918 — 1920 гг. написаны пять стихотворений —«Я спроси¬ла у кукушки...», «Чем хуже этот век предшествую¬щих? Разве...», «От любви твоей загадочной...», «Ночью» («Стоит на небе месяц, чуть живой...»)
* Тименчик Р. Д. «После всего»//Литературное обозрение. 1989. № 5. с. 23.
** Там же. *** Там же.
и «Проплывают льдины, звеня..» и один пере¬вод, — единственный включенный в ахматовские сборники —«Заре» (португальского поэта Антело де Кантала; 1842-1891).
Отбор стихов характерен. Все они о безрадост¬ной и несчастливой любви —«От меня не хочешь детей//И не любишь моих стихов», а также о новой послереволюционной действительности: «Предска¬занные наступили дни». Новый век «к самой черной прикоснулся язве,//Но исцелить ее не мог». На этом фоне пронзительно остро звучат строки, обращен¬ные к уехавшим друзьям—«лебедям»:
И вот одна осталась я Считать пустые дни. О вольные мои друзья. О лебеди мои!
И песней я не скличу вас, Слезами не верну, Но вечером в печальный час В молитве помяну...
Критических отзывов о книге «Подорожник» бы¬ло немного. Один из самых драгоценных содержится в письме Марины Цветаевой от 26 апреля 1921 г.:
«Дорогая Анна Андреевна!
Так много нужно сказать — и так мало времени! Спасибо за очередное счастье в моей жизни —«По¬дорожник». Не расстаюсь... С-)-
Ах, как я Вас люблю, и как я Вам радуюсь, и как мне больно за Вас, и высоко от Вас! —Если бы были журналы, какую бы я статью о Вас написала!—Жур¬налы—статью—смеюсь!—Небесный пожар!
Вы мой самый любимый поэт, я когда-то — дав¬ным-давно — лет шесть тому назад —видела Вас во сне, —Вашу будущую книгу: темно-зеленую, са¬фьянную, с

серебром, –«Словеса золотые», – ка¬кое-то древнее колдовство, вроде молитвы (вер-нее – обратное!) – и – проснувшись – я знала, что Вы ее напишете. (...)
Я понимаю каждое Ваше слово: весь полет, всю тяжесть. «И шпор твоих легонький звон», –это неж¬нее всего, что сказано о любви.
И это внезапное –дико встающее–зрительно дикое «ярославец». – Какая Русь!
Напишу Вам о книге еще.
Как я рада им всем трем–таким беззащитным и маленьким! Четки –Белая стая –Подорожник. Какая легкая ноша–с собой! Почти что горстка пепла»*.
На выход «Подорожника» откликнулись: М. С. Шагинян (Письмо из Петербурга//Россия. М.; Пб. 1922. № 1, август. С. 30), Б. М. Эйхенбаум («Роман-лирика». (А. Ахматова. Подорожник)// Вестник литературы. Пг. 1921. № 6 – 7. С. 8 – 9). От имени Цеха поэтов» выход книги приветствовал Н. Оцуп: «А. Ахматова. Подорожник» «Альманах Цеха поэтов», кн. 2. Пг. 1921. С. 67 – 68). Г. Иванов, много раз упоминавший о стихах Ах¬матовой в статьях 1912– 1920-х годов, выразил свои впечатления от «Подорожника» в рецензии «О но¬вых стихах» («Подорожник»), опубликованной в альманахе «Дом искусств» (Пг. 1921. № 2. С. 98 – 99). За границей о книге «Подорожник» написали критик С. Сумский (Ахматова. «Подо¬рожник» – «Аппо Domini». Новая русская книга. Берлин. 1922. № 1. С. 20-21), Г. П. Струве (Рус-ская мысль. София. 1921, октябрь –декабрь).
Несколько статей раннему творчеству Анны Ахматовой посвятил литературовед К. В. Мочуль¬
* Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак. Т. 6. 1995. С. 200-201.
ский: «Поэтическое творчество Анны Ахматовой» (Русская мысль. София. 1921. № 3 – 4. С. 185 – 201), Анна Ахматова. «Четки» (там же. 1922. № 1–2. С. 382), «Аппо Domini MCMXX1» (Современные записки. 1922. № 10. С 385-390).
После выхода книги «Подорожник» творчеством Ахматовой стали интересоваться крупнейшие иссле¬дователи поэзии как в России, так и за рубежом.
Одной из наиболее известных в ту пору была написанная незадолго до выхода «Подорожника» статья К. И. Чуковского «Ахматова и Маяковский»*. В ней критик противопоставлял двух поэтов, две поэтические индивидуальности, отражающие про-шлое и будущее русской культуры. Б. М. Эйхен¬баум обнаружил в «Подорожнике» «сложный лири¬ческий роман, вернее –новую главу этого романа, начатого еще в книгах «Четки» и «Белая стая»: «Мотив несчастной любви завершен, –на смену ему выступает мотив загадочной, суровой любви». Явля¬ется новый герой–«Высокий,//Как юный орел, тем¬ноглазый». Прежний герой «Четок» и «Белой стаи» теперь фигурирует как «отступник» и «пленник чужой». Б. М. Эйхенбаум, как К. И. Чуковский, сравнивает Ахматову с Маяковским, – но не проти¬вопоставляет их как «две России», а объединяет как новаторов: «В пределах самого лиризма Ахматова преодолевает традицию, насыщая лирику сюжетной конкретностью. В этом смысле она –не менее рево¬люционное в искусстве явление, чем Маяковский. С разных сторон и разными приемами они лик¬видируют изношенные, дурные традиции»**.
* Альманах «Дом Искусств». 1921. № 1. С. 23 – 42. Перепеча¬тана в кн.: О к се нов И. Современная русская критика. Л., 1925. С. 287-305).
** Эйхенбаум Б. М. Роман-лирика. Подорожник. Стихотво¬рения Анны Ахматовой//Вестник литературы. 1921. № 6–7. С. 8 – 9.
Анна Ахматова высоко оценивала критику на¬чала 1920-х годов, серьезную и благожелательную, однако именно в самой ее глубине и серьезности она позже отыскала одну из причин будущего остракиз¬ма по отношению к ней со стороны официального литературного и партийного начальства. В наброс¬ках автобиографической прозы читаем: «Что касает¬ся начала 20-х годов, (так называемый НЭП), то после того, как К. Чуковский противопоставил меня Маяковскому («Две России»), В. Виноградов напи¬сал известную статью «Стилистика Ахматовой», Б. М. Эйхенбаум –целую книгу (1922), моими сти¬хами занимались формалисты, о них читали док¬лады и т. д. Все это действительно (как, впрочем, все в моей жизни) кончилось довольно печально. В 1925 г. ЦК вынес пост(ановление) (не опуб-ликованное) в печати) об изъятии меня из обраще¬ния. Уже готовый двухтомник–(«Петроград» Гес-сена) был запрещен, и меня перестали печатать».
Пятый сборник стихов Анны Ахматовой «Аппо Domini» вышел в 1922 г. Первое его издание имело название «Аппо Domini MCMXX1» («От рождест¬ва Христова 1921»). Уже заглавие указывало, что речь в книге пойдет о 1921 годе. Что же проис¬ходило в этом году в жизни Анны Ахматовой и в жизни России?
Важнейшие для Ахматовой события 1921 г.– смерть А. Блока, арест и расстрел Н. Гумилева. В том же году она узнала, что два года назад умер Н. В. Не¬доброво, а в 1920-м–брат Андрей. Брат Виктор про¬пал без вести и считался в семье погибшим.
Книга Анны Ахматовой состояла из трех раз¬делов: первый –«Аппо Domini MCMXX1», с ла¬тинским эпиграфом из «Любовных элегий» Овидия: «Ни без тебя, ни с тобой жить не могу...»–включал

14 стихотворений, написанных именно в 1921 г. Дата «1921» стояла под каждым стихотворением; во второй – «Голос памяти», с эпиграфом из стихо¬творения Н. Гумилева «Пьяный дервиш»: «Мир – лишь луч от лика друга,//Все иное–тень его» вхо¬дили 15 стихотворений, из которых в 1921 г. напи¬саны шесть. Под пятью из них стоит дата: «1921», под одним –дата, явно ложная, –«1914»:

Не бывать тебе в живых, Со снегу не встать. Двадцать восемь штыковых, Огнестрельных пять...

Датированное 1914 годом, стихотворение как бы становилось обращенным к павшим на полях сражений мировой войны. Позже Ахматова поста¬вила под ним дату по старому стилю «16 августа 1921 (вагон)». О гибели Гумилева, последовавшей 25 августа, она узнала, по ее словам, 1 сентября (н. ст.), таким образом дата «16 августа» намекала на некое предчувствие, предсказание гибели. И строка «Со снегу не встать» отдаляла событие от августовских песчаных холмов и торфяников Берн-гардовки* и как бы переносила его в другое время

* Место захоронения расстрелянного Н. С. Гумилева – одна из ахматовских легенд. Она много раз рассказывала о том, что знает это место, нашла его по описанию, переданному ей со слов очевидца,– близ Бернгардовки, под определенным деревом, на коре которого сохранились следы пуль. Она ездила туда по меньшей мере два раза. Однако в настоящее время установлено, что истинное захоронение расстрелянных участников «таганцевского заговора» находится не там. В статье Ирены Вербловской «Петербург Анны Ахматовой» читаем: «Теперь, благодаря работе петербургского «Мемориала», мы можем утверждать, что место расстрела и захоронения расстрелянных 25 ав¬густа 1921 г. ближе к городу, чем искала Ахматова. Это территория Ржевского артиллерийского полигона, то есть между поселками Старое Ковалево и Приютило. Полигон выходит к Рябовскому шоссе, одному из участков Дороги жизни в 1941–43 годах. (Русская мысль. 1997. 10-16 июля. № 4182. С. 10).

года. Но под эпиграфом ко второму разделу книги поставлена полная подпись: «Н. Гумилев». Следую¬щий–третий раздел книги составил перепечатан¬ный в ней «Подорожник», с эпиграфом из «Посвя¬щения» к «Полтаве»: «Узнай, по крайней мере, звуки,//Когда-то милые тебе. Пушкин». «Подорож¬ник» перепечатан почти в полном составе, за ис¬ключением стихотворения «Бывало, я с утра мол¬чу...» и перевода «Заре».

Через год после выпуска первого издания книги «Аппо Domini MCMXX1» появилось второе, до¬полненное, под названием «Аппо Domini» – издан¬ное в Берлине как третий том собрания сочинений поэта. В него был включен раздел «Новые стихи» из двадцати стихотворений. Эпиграф из Тютчева– «В те баснословные года...» Поскольку начало тют¬чевского стихотворения было отброшено –«Я знал ее еще тогда...», то строка эпиграфа говорила о по¬священности книги ВРЕМЕНИ, которое будет по¬томками названо «баснословными годами». Боль¬шинство стихотворений (17 из 20), включенных в этот раздел, действительно были новыми, напи¬санными в ноябре–декабре 1921 и в 1922 гг. И лишь немногие созданы в прежние годы (1917 – 1919): «Два отрывка из «Сказки о черном кольце», «Согражданам» (или «Петроград 1919» –«И мы забыли навсегда...»). Второе издание книги включа¬ло стихи, большинство которых еще не публикова¬лось в России: «И мы забыли навсегда...», «Видел я тот венец златокованый...», «Бежецк», «Не с теми я, кто бросил землю...», «Ангел, три года хранив¬ший меня...», «Заболеть бы как следует, в жгучем бреду...», «Причитание». В условиях ужесточаю¬щейся политики партии и правительства в области культуры это было сочтено тяжелым проступком.

По словам Ахматовой, сборник «не был допущен на родину. Тираж, по тем временам значительный, остался за границей»*.

Два первых стихотворения –«Согражданам» и «Видел я тот венец златокованый...» –цензурой были вырезаны почти изо всех экземпляров берлин¬ского тиража. Оба стихотворения –отчетливо поли¬тические. Первое – говорило о жизни «в столице дикой», где «уж ветер смерти сердце студит», где «в кругу кровавом день и ночь//Долит жестокая истома». Живущие в этом «кругу кровавом» из¬брали родину, «город свой», а не «крылатую сво¬боду». Они умрут, но прекрасный град Петра будет им «невольным памятником». Второе сти¬хотворение написано как бы от лица казненного Гумилева, передающего Ахматовой эстафету–свой терновый венец.

Стихи Анны Ахматовой очень много теряют при таком пересказе их содержания. Они испол¬нены высокой и торжественной гармонии. Сюжет¬ная основа стихов сборника несколько затенена, укрыта этой торжественностью, это стихи для по-священных. Но посвященных–не в личные интим¬ные переживания автора, а в исторические судьбы России, в трагедии отдельных, лучших ее «сограж¬дан». Пример тому–рождественское стихотворе¬ние «Бежецк».

Северный зимний город готовится к светлому празднику Рождества. Но для автора этот праздник напоминает о прошлом, и эта память страшна:

Там строгая память, такая скупая теперь, Свои терема мне открыла с глубоким

поклоном; Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь... И город был полон веселым рождественским звоном.
Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. С. 236.
Почему дверь памяти —это страшная дверь? Автор дает два намека: дату под стихотворени¬ем—«26 декабря 1921 г.» и строку в первой строфе о Бежецке:
Там милого сына цветут васильковые очи.
Знающий судьбу автора читатель, сопоставив, расшифрует, что стихотворение посвящено памяти казненного Н. С. Гумилева и посещению оставшего¬ся сиротой их маленького сына, с которым мать проводит Рождество — первое в их жизни после ги-бели отца. Ахматова уверенно обращается к созна¬нию такого читателя, потому что ее судьба и судьба Гумилева —это отныне не частные судьбы, а ИС¬ТОРИЯ РОССИИ, которая вручила ей однажды лучшего из своих сыновей. Теперь он, казненный, оставил ее «за себя заложницей в неволе//Всей зем¬ной непоправимой боли».
В феврале 1922 г. К. И. Чуковский сказал: «...У вас теперь трудная должность: вы и Горький, и Толстой, и Леонид Андреев, и Игорь Северя¬нин—все в одном лице, даже страшно»*. «И это верно, — продолжает Чуковский, — слава ее в полном расцвете: вчера ВОЛЬФИЛА (Вольная философская ассоциация. — //. К.) устраивала «Вечер» ее поэзии, а редакторы разных журналов то и дело звонят к ней —с утра до вечера — «Дайте хоть что-нибудь».
4. «Я ПЬЮ ЗА РАЗОРЕННЫЙ ДОМ...»
Любовная тема пятой книги Анны Ахматовой сложна: это многие временные «пласты» памяти, воспоминания с разными оттенками —доброжела¬
* Чуковский К. И. Дневник. 1901-1929. С. 189.
тельности, признательности, нежности. Адресатов несколько, но их объединяет то, что все они в прошлом:
Заболеть бы как следует, в жгучем бреду Повстречаться со всеми опять, В полном ветра и солнца приморском саду По широким аллеям гулять.
Даже мертвые нынче согласны прийти, И изгнанники в доме моем. Ты ребенка за ручку ко мне приведи, Так давно я скучаю о нем.
Буду с милыми есть голубой виноград, Буду пить ледяное вино И глядеть, как струится седой водопад На кремнистое влажное дно.
Это написано весной 1922 г. Есть у любви и настоящее, — но оно выбрано как бы по контрасту с прошлым, от отчаяния, и тоже не принесло счас¬тья: «Мне не надо больше обреченных—//Пленни¬ков, заложников, рабов,//Только с милым мне и не-преклонным//Буду я делить и хлеб и кров». В стихи о настоящем входит сниженно-бытовая лексика се¬мейной повседневности: «А обидишь словом беше¬ным...», «Этот самый скучный довод//Черной рев¬ности твоей», «Тебе покорной? Ты сошел с ума!», «Мне муж—палач, а дом его—тюрьма». Над одним из подобных стихотворений о настоящем — посвяще¬ние: В. К. Шилейко. Владимир (Вольдемар) Кази-мирович Шилейко был вторым мужем Анны Ах¬матовой. Их брак заключен в 1918 г., сразу после развода с Н. С. Гумилевым. Инициатором развода на этот раз была Ахматова, уже давшая слово Ши¬лейко «быть с ним». Этот брак изумил знакомых— Кузмина, Блока, Чуковского, самого Гумилева. Ученый-востоковед, специалист по клинописным языкам, поэт, член «Цеха поэтов», Шилейко был известен как своей гениальностью, так и крайне тяжелым характером. «Но видишь ли, я ведь при¬шла сама», — писала Ахматова о своем новом браке. С Шилейко она готова была переехать в Москву («Переулочек, переул...//Горло петелькой затя¬нул...»). Жила в его служебных неуютных и холод¬ных квартирах—в левом флигеле «Фонтанного До¬ма», в Мраморном дворце. Последними продукта¬ми кормила его собаку — огромного сенбернара по кличке «Тап». 19 января 1920 г. К. И. Чуковский записал свои впечатления о посещении дома Ах¬матовой и Шилейко, —с некоторым изумлением и недоверием: «Она и Шилейко в одной большой комнате,— за ширмами кровать. В комнате сырова¬то, холодновато, книги на полу. У Ахматовой крик¬ливый, резкий голос, как будто она говорит со мною по телефону. Глаза иногда кажутся слепыми. К Ши-лейке ласково — иногда подходит и ото лба отметает волосы. Он зовет ее Аничка. Она его Володя. С гор¬достью рассказывала, как он переводит стихами — a livre ouvert (с листа {фр.). — Н. А".)—целую бал¬ладу—диктует ей прямо набело! «А потом впадает в лунатизм»*.
С улыбкой рассказывала о том, что Шилейко запрещает ей выступать с чтением стихов, участ¬вовать в литературных собраниях и «тусовках» (как мы сказали бы сейчас). С юмором вспоминала, как убегала из-под его надзора с друзьями — Ольгой Афанасьевной Глебовой-Судейкиной и Артуром Сергеевичем Лурье, — будучи самой худой женщи¬ной в Петрограде, подлезала под воротами... Иногда
* Чуковский К. И. Дневник. 1901-1929. С. 138-139.
рассказывала о «первом» голоде, который пережи¬ла, будучи в браке с Шилейко, — всего в жизни Анны Ахматовой было, по ее словам, три голода... Первый голод пришелся на август 1920 г. —Шилей¬ко тогда ничего не получал во «Всемирной

литера¬туре», его жалованья хватало на полдня. «Не было абсолютно ничего». Спасло чудо: явление Надежды Павлович с мешком риса от Ларисы Рейснер, при¬ехавшей из Баку.
«В Шереметевском доме, где жила АА, все в это время были больны дизентерией. И АА весь мешок раздала всем живущим – соседям. Себе, ка¬жется, раза два всего сварила кашу. Наступило прежнее голодание. Тут приехала Нат. Рыкова и увезла АА на три дня к себе в Пиарское) С(ело). АА вернулась в Шерем(етевский) дом. Снова го¬лод. Тут (завед. Рус(ским) музеем?)... подарил АА несколько корешков, картофелинок молодых–все¬го, в общем, на один суп. В Шер(еметевском) доме варить суп было не на чем и нечем –не было ни дров, ни печки, ни машинки, и АА пошла с каст¬рюлькой в училище правоведения, где жил знако¬мый, у которого можно было сварить суп. Сварила суп, завязала кастрюльку салфеткой и вернулась с ней в Шер(еметевский) д(ом).
Вернулась –застала у себя Л(арису) Р(ейс-нер) –пышную, откормленную, в шелковых чулках, в пышной шляпе... (...) Л(ариса) Р(ейснер) была поражена увиденным –и этой кастрюлькой супа, и видом АА, и видом квартиры, и Шилейкой, у ко¬торого был ишиас и который был в очень скверном состоянии. Ушла. А ночью, приблизительно в поло¬вине двенадцатого, пришла снова с корзинкой вся¬ких продуктов... А Шилейко она предложила устро¬ить в больницу, и действительно –за ним приехал автомобиль, санитары, и его поместили в больницу.
А АА после этого поступила на службу, и опас¬ность умереть с голоду (в буквальном смысле) чуть-чуть отодвинулась» (I, 132–133).
В 1922 г. этот брак распался (формально развод был оформлен лишь в июне 1926 г.)–у Шилейко появилась любимая женщина в Москве, куда он часто ездил по делам службы. В жизни Анны Ах¬матовой, после краткой вспышки прежнего интере¬са к Артуру Сергеевичу Лурье, для которого она в декабре 1921 г. написала либретто «Снежная маска» по Блоку –«Может быть, Дягилев поставит в Париже»*, –появился новый предмет увлечения: прежний дальний знакомый по Царскому Селу и кругу «Аполлона», искусствовед Николай Нико¬лаевич Пунин.
Начало этого странного романа растянулось на много лет (1922–1927). Анна Ахматова, уже рас¬ставшись с Шилейко, долго еще жила в его квартире в Мраморном дворце (улица Миллионная, дом 5), кормила его собаку, заботилась об одежде для Ши-лейко,–в 1920-е годы это было очень не просто, слова «Все расхищено, предано, продано» из поэ¬тического образа давно уже стали реальностью. В январе 1924 г. К. И. Чуковский записал в днев¬нике: «Десять дней назад Ахматова, встретив меня во «Всемирной», сказала, что хочет со мной «посек¬ретничать». Мы уселись на особом диванчике, и она, конфузясь, сообщила мне, что профессору) Шилейке нужны брюки: «Его брюки порвались, он простудился, лежит». Я побежал к Кини (Кини–американский филолог, организатор помощи россий¬ской интеллигенции, представитель американской благотворительной организации АРА**.–Н.К.),
* Чуковский К. И. Дневник. 1901-1929. С. 184. ** АРА –American Relief Association (Американское благотвори¬тельное общество).
порылся в том хламе, который прислан американ¬скими студентами для русских студентов, и выбрал порядочную пару брюк, пальто–с меховым ворот¬ником, шарф и пиджак –и отнес все это к Анне Андреевне. Она была искренне рада»*.
В дневнике П. Н. Лукницкого есть запись о ма¬териальном положении самой Ахматовой в 1924 г.– с апреля по октябрь она напечатала только два стихотворения в журнале «Русский современник»,– «Больше нигде ничего не зарабатывала. Жила на иждивении Вольдемара Казимировича Шилей¬ко» (I, 20).
В 1920–1921 годах для заработка пыталась служить –в библиотеке Агрономического институ¬та, от которого получила на время и «казенную квартиру» на улице Сергиевской, дом 7. Небольшие деньги в валюте поступали за берлинские издания, например 10 фунтов стерлингов в октябре 1923 г., или «три червонца» от американской благотвори¬тельной организации АРА. 60 рублей ежемесячно приходили из КУБУЧ (Комиссия по улучшению быта ученых), из них 25 рублей она ежемесячно отправляла сыну в Бежецк. До 1926 г.– столько же–матери, сообщив ей, что это ее пенсия; и Инна Эразмовна часто выговаривала ей за задержку. Пе-риодически не хватало денег на билет в трамвае. Не было теплого пальто –«она надевает какую-то фу¬файку «под низ», а сверху легонькую кофточку»**. Однажды по дороге на заседание в Союз писателей К. И. Чуковский купил и предложил Ахматовой яблоко. «Она сказала: «На улице я есть не буду, все же у меня – «гайдуки», а вы дайте, я съем на заседа¬
* Чуковский К. И. Дневник. 1901-1929. С. 269. ** Там же. С. 255.
нии»*. Чувство юмора выручало всегда, а «гайду¬ки»–из раздела «Голос памяти» в книге «Аппо Domini MCMXX1» –
И раззолоченный гайдук Стоит недвижно за санями...
К. И. Чуковский сделал к тексту своего днев¬ника следующее примечание: «Гайдук» упоминает¬ся в ее стихах о царе. Теперь критики, не зная, о ком стихи, стали

писать, что Ахматова сама ездит с гайдуками»**. Возможно, чтобы уберечься от по¬добных критиков, Анна Ахматова заменила третью строчку последней строфы —«И странно ты гля¬дишь вокруг» на более «ясную» «И странно царь глядит вокруг...», и стихотворение получило новое название «Призрак» (вместо прежнего «Встреча») — чтобы те же критики не заподозрили поэта в реаль¬ной встрече с реальным царем, в том, что она вспоминает эту реальную встречу, с грустью вспо¬минает...
В 1923 г. Анна Ахматова пытается заняться литературоведческой работой. Вместе с Чуковским она «редактирует» Некрасова, —они отбирают тек¬сты для «народного издания» — «избранного», при¬чем мнения у них полностью совпадают, но коммен-тарии Ахматовой Чуковского не устроили. 14 мая 1923 г. он записывает: «Я показал ей мои поправ¬ки в ее примечаниях к Некрасову. Примечания, по-моему, никуда не годятся. Оказывается, что Ан¬на Ахматова, как и Гумилев, не умеет писать про¬зой. Гумилев не умел даже переводить прозой, и ко¬гда нужно было написать предисловие к книжке
» Чуковский К. И. 1901-1929. С. 255. ** Там же.
Всемирной) Литературы, говорил: я лучше на¬пишу его в стихах. То же и с Ахматовой. Почти каждое ее примечание — сбивчиво и полуграмотно. Напр.: Добролюбов Николай Александрович (1836 — 1861) современник Некрасова и имел с ним более или менее общие взгляды.
— Клейнмихель главное лицо по постройке...
— Байрон имел сильное влияние как на П(у)шк(ина), так и на Лермонтова).
Я уже не говорю о смысловых ошибках. Элегия— «форма лирич(еского) стихотворения)» и т. д. В одном месте книги, где у меня сказано: «пьесы ставились», она переделала: «одно время игрались».
Я не скрыл от нее своего мнения о ее работе и сказал, что, должно быть, это писала не она (...)»*.
Первый опыт был неудачным, но очень скоро Ахматова займется литературоведением с увлечени¬ем и блестящими результатами, — это произойдет после прихода к ней в декабре 1924 г. молодого писателя Павла Николаевича Лукницкого, собира¬ющего материалы для биографии Н. С. Гумилева. Она увлеклась этой работой: по собственным сло¬вам, отдала ей шесть лет жизни, позволила молодо-му собирателю копировать рукописи, диктовала да¬ты биографии Гумилева, рассказывала о его произведениях, книгах, интересах. А сама все боль¬ше увлекалась сопоставительным анализом поэзии Гумилева и французских поэтов, которых он так любил в юности, отыскивала истоки образов Гуми¬лева в произведениях Анненского и Бодлера, Гоме¬ра и Ницше.
Постепенно Ахматова стала ставить перед Лук-ницким и перед собой не только собирательские,
* Чуковский. К. И. Дневник. 1901-1929. С. 246.
но и творческие задачи по исследованию поэзии Гумилева. Например: «Каракаллу» восьмого года сравнить с «Каракаллой» восемнадцатого года. (...) Посмотреть, что он сделал, он камня на камне не оставил. Это так варварски. У Коли было такое хорошее варварство к себе» (I, 83). Ее увлекала возможность проследить в творчестве Гумилева био¬графическое начало—определить стихи, посвященные ей, другим адресатам. Примерно с апреля- 1925 г. Ахматова начала «намечать линии творчества» Гу¬милева, изучать развитие в его поэзии отдельных тем, — например, темы смерти. В мае 1925 г. Лук¬ницкий впервые записал рекомендацию Ахмато¬вой—изучить влияние Ницше на Гумилева. 14 июля 1925 г. —запись, очевидно, после разговора с Ах¬матовой: «Я смотрел на все пьяными глазами месяца (в письме к Гор(одецкому) —не из Ницше ли? По¬том, откуда гроты... Посмотрели в рецензии Брюсова на «Путь конквистадоров», не говорит ли Брюсов о влиянии Ницше. «Но в таинственном гроте Венеры// Я живу уже тысячу лет»—это (Тан)гейзер жил,— не из Ницше ли? Чаша Грааль—тоже» (I, 197—198). Ахматова сравнивала стихи Гумилева и Бодлера, размышляла о том, как менялось отношение Гумиле¬ва к поэзии Бодлера на протяжении его недолгого творческого пути: раннее увлечение бодлеровской экзотикой сменялось в поздние годы интересом к более глубоким темам, переводы стихов Бодлера оказывали влияние на собственное поэтическое творчество Гумилева—она находила это влияние в стихотворениях «Память», «Канцона», «Заблудив¬шийся трамвай». П. Н. Лукницкий записывает в дневнике после одной из их бесед о Бодлере и Гумилеве: «Я говорю АА, что ей не следует ограничиваться такими изысканиями — только для себя. Что она должна, во всяком случае, напи¬сать хоть конспект статьи, если не самую статью. «Не ограничивайтесь одним сравнением схожих мест у Бодлера и у Николая Степановича» (I, 242).
К ноябрю 1925 г. «сравнительное литературове¬дение» необычайно увлекает Ахматову. Она сопо¬ставляет Бодлера и Анненского, переводы Аннен-ского и Гумилева. В конспективной записи Лукницкого это выглядит так:
«Тихие песни». Анненский. Блок. Двойник и дом Шухардиной. «Заблуд(ившийся) трамвай».

Мериме и Анненский, «так любит мать и лишь больных детей». Рабле—поющие бутылки. Прочла все переводы Анненского. Прочла всего Готье, Ле-конта де Лилля, Виньи и др. «Fleurs du mal» («Цве¬ты зла» (фр.). — Н.К.). Парижские картинки —нет ничего. Викерман, Старая медаль, Блок, Гумилев, перефразировка. Это тоже общее место?! Друг, Надсон. Разговор с душой — довольно обычно, но у Бодлера —это особенно остро» (I, 248).

Из этой записи видно, как нестандартно идет литературоведческая мысль Ахматовой, какой ши¬рокий пласт материала захватывает. Почти столь же подробно, как Бодлера, она изучает Ронсара и отыскивает его влияние в стихах Гумилева «К си-ней звезде». Среди творческих периодов Гумилева выделяет «французского Гумилева», затем период обращения к теме России —«это стихи «Костра»: «Змей», «Мужик», «Андрей Рублев». «Это стихи — от жизни, пребывание на войне дало Николаю Сте¬пановичу понимание России-Руси. Зачатки такого «русского Гумилева» были раньше —например, во¬енные стихи «Колчана», в которых сквозит одна сторона только —православие, но в которых еще нет этих тем.

Правда, «Андрей Рублев» написан под впечат¬лением статьи об Андрее Рублеве в «Аполлоне» — впечатление книжное, но это нисколько не мешает отнести его к «русскому Гумилеву». К этому же циклу относятся и такие стихи, напр., как «Письмо» или «Ответ сестры милосердия» — сами по себе очень слабые, очень злободневные и вызвавшие тог¬да еще, в 15 году, упреки АА, Лозинского и других» (I, 271). Ахматова продолжает отыскивать тему Ру¬си в более поздних стихах Гумилева, находит «от-блески» этой темы в «Синей Звезде», «тени от тени этого» —в «Шатре», различает Русь истинно право¬славную, народную —и Русь «фарфоровую», какую мы видим в балете, Русь «Конька-горбунка».

Все эти замечания Ахматовой —и тонкие, и вер¬ные, и в то же время — глубоко субъективные, пропу¬щенные «через себя», сопоставленные с собствен¬ным поиском. Статья о Гумилеве, или статьи о Гумилеве и Ан-ненском, Гумилеве и французских поэтах—написа¬ны не были. Хотя в одном из разговоров Ахматова сказала Лукницкому, что «вся ее работа по Бодлеру уже приведена в систему сейчас, сделан план статьи с точным распределением—куда какой материал относится, со всеми обозначениями и т. д. «А будете писать статью?» АА заговорила о трудностях, о том, что наиболее ее интересующего выразить ей не удастся (о том, как Н. С. в те же переживания, что и у Бодлера, вводит свою фабулу), о том, что у нее нет опыта, а такая статья требует большого опыта и т. д.» (I, 281).

Еще через месяц она «дает себе другое зада¬ние»: написать серию статей — первую — об Аннен-ском, вторую —о Бодлере и третью —обо всех ос¬тальных поэтах, влиявших на Гумилева,— «и что если бы ей это удалось, она была бы вполне удовле-творена» (I, 303).

Это «задание» также не было выполнено, хотя подробнейший план статьи о Гумилеве и Анненском она составила.

В январе 1926 г. Анна Ахматова показала на¬метки своих будущих статей об Анненском и Гуми¬леве В. К. Шилейко, самому строгому в те поры ее судье. «Когда вам пришлют горностаевую мантию из Оксфордского университета, помяните меня в своих молитвах!» —смеясь сказал ей убежденный ее доводами Шилейко. Слова его оказались проро¬ческими.

В середине 1920-х годов Ахматова всерьез за¬нялась изучением творчества Пушкина. Сначала это было внимательное «медленное чтение». Она стремилась проследить развитие Пушкина-поэта от «Руслана и Людмилы» к «Полтаве», задавала себе вопрос: «Нет ли в описании Полтавского боя влияния карамзинского описания этого боя?» (II, 33).

Ахматова включилась в увлекательную игру— отыскивание параллельных образов у Пушкина и Шенье, Баратынского и Шенье, Пушкина и Пар¬ни. Она анализирует степень влияния Шенье на Пушкина, утверждает его самостоятельность и пра¬во на заимствование: «Пушкин делает всегда лучше. Он гениально схватывает все недостатки Шенье и их отбрасывает, не пользуясь ими для своих сти¬хов. Стихи Шенье он вводит в исправленном виде в свои» (II, 134).

В мае 1926 г. Ахматова впервые поделилась своими наблюдениями о Пушкине и Шенье с пуш¬кинистом П. Е. Щеголевым —«П. Е. подтвердил правильность суждений АА» (II, 156).

В июне 1926 г. Ахматова «все свободное вре¬мя читает Батюшкова, сравнивает с Пушкиным» (II, 191). Затем так же внимательно читает Держа¬вина, Гнедича, Жуковского и отыскивает в их поэзии истоки отдельных пушкинских образов и тем. «Я не ищу, я нахожу», — сказал Пикассо в письме в этом году. Так вот, Пушкин не ищет. Он всегда только находит. И когда он подражает—он делает лучше того, кому подражает»,—записывает П. Н. Лукниц¬кий ахматовскую мысль (II, 207).

Ахматова делает несколько сообщений о своих разысканиях на заседаниях Пушкинской комиссии; многократно советуется с пушкинистами в Ленин¬граде и Москве. Чтобы определить степень близости Пушкина к Байрону, начинает изучать английский язык.

Но с публикациями не спешит. Первые работы Ахматовой-пушкиниста вышли только в 1930-е го¬ды – статья о Пушкине и Вашингтоне Ирвине «Пос¬ледняя сказка Пушкина» (Звезда. 1933. № 1. С. 161 – 176) и «Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина» (Временник Пушкинской ко¬миссии АН СССР. М.; Л., 1936. С. 91-114).
В 1935 – 1936 гг. имя Ахматовой было названо на титуле книги «Рукописи Пушкина» (фототипи¬ческие издания АН СССР. М.; Л.) – она участвова¬ла в редактировании книги, переводила француз¬ские тексты, частично готовила комментарии.
Исследование творчества, а затем и биографии Пушкина на всю жизнь станет любимым делом Анны Ахматовой, делом глубоко личным, которому она будет отдаваться страстно и абсолютно профес¬сионально.
Между тем собственное поэтическое творчество Ахматовой все больше испытывало на себе гнет цензурных запретов.
Последние публикации стихотворений Ахмато¬вой в середине 1920-х годов–два стихотворения в журнале «Русский современник» 1924 г. (новые) и тридцать два стихотворения – «избранное» из ее ранних сборников–в антологии «Русская поэзия XX века» под ред. И. Ежова и Е. Шамурина (М., 1925). После этого стихи Ахматовой в российской печати не появлялись долгие годы, а упоминание ее имени строго дозировалось.
В декабре 1925 г. в корректуре «декламацион¬ного сборника» цензура вычеркнула всего одно сти¬хотворение–это было стихотворение Анны Ахмато¬вой «Страх, во тьме перебирая вещи,//Лунный луч наводит на топор...» –из «Аппо Domini MCMXX1», посвященное памяти Н. С. Гумилева:
Лучше бы поблескивакье дул
В грудь мою направленных винтовок,
Лучше бы на площади зеленой На помост некрашеный прилечь И под клики радости и стоны Красной кровью до конца истечь...
Впрочем, стихотворение уже в журнале «За¬писки мечтателей» 1921 г. печаталось без четвертой строфы – «Лучше бы на площади зеленой...»
В июле 1924 г. ленинградское кооперативное издательство «Петроград» в лице издателя Иосифа Владимировича Гессена заключило с Ахматовой до¬говор на издание двухтомного собрания ее стихо¬творений. Осенью 1924 г. она получила большую часть гонорара – 1200 рублей, держала первую кор¬ректуру. В марте 1925 г. Ахматова ждет скорого выхода книги, обсуждает с друзьями, какой должен быть тираж: «...моих книг вышло 75 ООО экз.» –за¬писывает Лукницкий ее слова (I, 69). А 1 апреля 1925 г. издатели Гессен и Лившиц с женами нанес¬ли Ахматовой визит; двухтомное издание обещали выпустить в свет «недели через 3» (I, 85), пред¬лагали ей ехать на лечение в Крым, куда собира¬лись ежемесячно высылать ей оставшиеся деньги за издание –в общей сложности еще 800 рублей. Это намерение не осуществилось. Прошло более полу¬тора лет, но двухтомник все еще не вышел. В мае 1926 г. один из издателей, Лившиц, был арестован по уголовному обвинению в подделке векселей, второй, Гессен, продолжал работу, но потерял об¬ложку, подготовленную художницей Е. Я. Данько. В ноябре 1926 г. Гессен предложил заказать новую обложку графику Е. Д. Белухе. Ахматова настаи¬вает на том, чтобы оформление делал художник Митрохин (II, 225). В 20-х числах ноября Ахматова с помощью П. Н. Лукницкого вновь читает кор¬ректуру двухтомника. «Мысли о том, что не ра¬зойдется издание» (II, 224). «Гессен (300 в Гублит) 1000 купил» (там же). Стихи расположены по хронологии. Правя корректуру, Ахматова пытается уточнять отдельные даты, исправляет заглавия. За¬пись Лукницкого: «Два стихотворения вычеркнуты цензурой. Это – «Жертвы поддельным богам» (Пушкин). Жалеет очень, потому что при жизни ее ни одного переиздания стихов после этого не будет» (II, 227). Она считает, что второй том лучше первого, соглашается с Лукницким: «гораздо лучше, когда стихи расположены в хронологичес-ком порядке» (там же). 26 ноября 1926 г. кор¬ректура была сдана. Обсуждались технические во¬просы печатания тиража.
В конце 1927 г. стало окончательно ясно, что двухтомное издание стихотворений Анны Ахмато¬вой в СССР не выйдет. В Лондоне начинает гото¬вить книгу переводов стихотворений Анны Ахмато-
вой Натали Даддингтон – для этого издания Анна Ахматова в январе 1926 г. впервые написала свою автобиографию (с помощью Н. Н. Пунина). Книга вышла в следующем году: «Forty-Seven Love Poems by Anna Akhmatova» (Лондон, 1927). Ахматова бы¬ла рада этой книге. Но на родине из всех стихов, написанных ею во второй половине 1920-х–в 1930-е годы (вплоть до 1940 г.), был напечатан только однажды отрывок из стихотворения Борису Пастер¬наку «Он, сам себя сравнивший с конским гла¬зом...»–в газете «Ленинградская правда» от 29 сен¬тября 1936 г. И еще – книга ее прозаических переводов: «Петр Павел Рубенс. Письма» (М.; Л.: Academia, 1933) и первые стихотворные переводы с армянского – Егише Чаренца «Газелла моей мате¬ри» (Литературный Ленинград. 1936. 19 сентября, под заглавием «Моей матери») и Даниэль Варужан «Каждый год на горах...» (Звезда. 1936. № 7. С. 3–4).

В 1926 г. К. И. Чуковский включил ответ Ахматовой на его анкету о Некрасове в книгу «Некра-сов. Статьи и материалы» («Современные писатели о Некрасове (анкета)»—Л., изд-во «Кубуч», 1926).
Полностью прекратились переиздания ее ран¬них поэтических книг. Остался в прошлом триум¬фальный успех выступлений.
В марте 1926 г. Ахматова была в Москве—вме¬сте с Н. Н. Луниным.
Здесь произошла наиболее важная для нее встреча —с Борисом Пастернаком. Он приходил к ней несколько раз, подолгу сидел у нее. «Очень много говорили о поэзии, о том, как трудно — невоз¬можно—писать стихи теперь» (II, 62).
Тон критических отзывов и литературоведчес¬ких суждений о творчестве Анны Ахматовой с сере¬дины 1920-х годов начинает резко меняться. «Высо¬кое литературоведение» по-прежнему называет имя Ахматовой с гордостью, причисляя ее поэзию к классическим вершинам русской культуры. Уже написаны об Ахматовой статьи и книги В. В. Вино¬градова «О символике Ахматовой» (Литературная мысль. Кн. 1. Пг., 1922) и «О поэзии Ахматовой» (Труды Фонетического Института практического изучения языков. Л., 1925); книги В. М. Жирмун¬ского «Вопросы теории литературы» (Academia, 1928) и Б. М. Эйхенбаума «Анна Ахматова. Опыт анализа» (Пг., 1923).
Пройдет немного лет, и эти блестящие совет¬ские литературоведы получат ярлык «формалистов» и их направление в советском литературоведении будет разгромлено. Партийная пресса и критики пролетарских писательских организаций в 1920-е годы все чаще начинают ставить Ахматову на край¬ний правый фланг. Против Ахматовой, ее поэтической системы как ненужной и вредной выступили «лефов-цы», «пролетарские поэты», «напостовцы»: Б. Ар-ватов, Г. Лелевич, В. Перцов, Г. Горбачев, А. Дым-шиц, Р. Иванов-Разумник и др. Владимир Маяков¬ский, по многим свидетельствам близких к нему людей любивший и часто цитировавший и «рас-певавший» дома стихи Ахматовой, не упускал воз¬можности высмеять ее в своих выступлениях. От¬разилось это полемическое настроение и в его стихах, —см., например, в стихотворении «Вер¬саль», опубликованном в 1925 г.:
Смотрю на жизнь —ах, как не нова! Красивость—аж дух захватывает! Как будто влип в акварель Бенуа К каким-то стишкам Ахматовой*.
* Маяковский В. Поли. собр. соч.: В 13 т. М., 1957. Т. 6. С. 217.
Критики этого «лагеря» не могли найти у Ах¬матовой сочувствия революции, восторга перед строительством новой жизни, «революционного чу¬тья». Лишь единицы из них высоко оценивали при¬сутствие в лирике Ахматовой патриотического на¬чала, любви к Родине, неприятия пути эмиграции. В 1922 г. в центральной партийной газете «Правда» (№ 148) появилась статья «Побеги травы». Ее автор Н. Осинский (псевдоним князя Валериана Оболен¬ского), заместитель народного комиссара земледе¬лия, утверждал, что после смерти Блока именно Ахматовой принадлежит первое место среди русских поэтов: «Хотя мы тут имеем дело с человеком не на¬шего склада, но у него есть важнейшее, что нужно хорошему поэту, — честная душа и гражданское со¬знание». В том же году на страницах той же газе¬ты—«вне Октября» поставил Ахматову Л. Д. Троц¬кий (в серии статей «Внеоктябрьская литерату¬ра»—Правда, 1922, № 210, 221, 222 и 224; в более полном виде в кн. «Литература и революция». М., 1923). Троцкий писал: «Лирический круг Ахмато¬вой, Цветаевой, Радловой и иных действительных и приблизительных поэтесс очень мал. Он охваты¬вает самое поэтессу, неизвестного в котелке или со шпорами и непременно Бога—без особых примет».
Троцкому решил тогда же возразить Н. Н. Пу¬нин—статьей «Революция без литературы». Эта ста¬тья не публиковалась, но, по-видимому, была из¬вестна Ахматовой. Н. Н. Пунин полемизирует с все¬властным тогда Троцким очень резко, объявляя его точку зрения и методологию несостоятельной. Но¬вая культура, по мнению Лунина, не должна сти¬рать с лица земли прекрасную культуру прошло¬го,—не разрушает же советская власть ни Зимнего дворца, ни святой Софии Новгородской, ни даже
Успенского собора: «значит, в памятниках этих есть что-то и сверхклерикальное, нужное и Октябрьской революции, и даже пролетариату, согласно много¬численным заявлениям Наркомпроса». Почему же надо зачеркивать поэзию Ахматовой или Цветаевой только за то, что они проникнуты идеей Бога и пра¬вославия? Научное сознание установило, что Бога нет. Неужели Троцкий боится, что религиозное со-знание поэта может возродить его?
Вторая причина объявления в статье Троцкого Ахматовой «вне Октября» —ее дворянско-классовое происхождение. В этом, по мнению Пунина, тоже нет логики: «Пушкин, несмотря на всю очевидность в его творчестве дворянско-помещичьих традиций, распространяется через Госиздат, а Ахматова, при достаточном, и по мнению Троцкого, даровании — вне Октября?» Процитировав фразу Троцкого об узости лирического круга трех поэтесс, Пунин иро¬низирует: «Ну, а что если бы лирический круг Ахматовой охватывал самую поэтессу, неизвестного в кожаной

куртке или с красноармейской звездой и какого-нибудь Бога—с приметами, например, рели¬гиозного сознания Луначарского, — была бы тогда Ах¬матова в Октябрьском состоянии или не была? Боюсь, что была бы. И это страшно, не смешно и не глупо, как, вероятно, думают многие, а страшно».
Пунин утверждает, что нельзя отвергать совре¬менную литературу только по признаку бедности ее «лирического круга». «Почему славить Бога орато¬рией Баха или миниатюрой Фуке более художест¬венное занятие, чем делать то же самое стихами Ахматовой? Или только потому стал скучен хорей, что бог, которого он воспевает, умер? Ну, а что, если хорей или ямб окажется вообще и без бога, и без пролетариата, и вообще без всего, что тогда
делать с таким искусством? А ведь такое искусство есть, и недаром его не увидел Троцкий; что бы он стал с ним делать, с живым и современным, да только никак не измеряемым ни аршином содержа¬ния, ни костылем публицистики»*.
В одной из бесед с П. Н. Лукницким Ахматова сказала, что в настоящее время (июнь—июль 1926) из поэтов ее круга в таком положении, как она, пожалуй, лишь М. Кузмин, —даже А. Белый не в та¬ком, потому что действие его романа «Петербург» относится к 1905 г., «и это имеет значение». Ее же поэзия —современная, написанная после 1917-го и, главное, после 1921 г. —признана чуждой (II, 202).
«Как АА определяет существующее о ней в ны¬нешней критической печати мнение, относящее ее к правому флангу советской литературы:
В «Жизни искусства» — АА опять на самом-са-мом правом «фланге».
Началось это со статьи Чуковского «Ахматова и Маяковский», где впервые АА была противопо¬ставлена революции. Тогда, в 1920 г., все (интел¬лигенция) были против, но никто этого не опреде¬лял, не подчеркивал. Были эмигрировавшие, но они и отпадали... Был хаос. Но из этого хаоса родилась статья Чуковского. Зарубежная печать очень ругала его, но ругала за то, что он посмел наравне со старой Россией поставить все новое, советское— Маяковского. (...)
Второй пункт: хвалебная статья Осинского. Все левые были ею возмущены, началась буча и травля АА. Это был третий пункт.
И после четвертого—статья Лелевича—мнение об АА как о самом правом фланге утвердилось,
* Тайны ремесла / Ахматовские чтения. Вып. 2. М., 1992. С. 264 - 270.
и —совершенно независимо от истинной сущности ее творчества. (...)
И было полное отсутствие собственной мысли у писавших, и никто из них не задумывался о том, в чем, в сущности, «правизна» АА.
А в действительности? Символика икон, цер¬ковность и пр. Разве ее не было у других? Ведь это было принято как прием всеми в определенную эпоху. Разве у Есенина, у Клюева, у Гумилева, у Блока, у Сологуба и т. д., и т. д. —этого не было? Но Клюев играл в Ленина, Есенин «хотел» (!) быть большевиком, Блок написал «Двенадцать» (и умер). Сологуб — написал «Благовест» (?). АА молчала. Она непонятна. А раз непонятна — значит, она не из их стана. Глупо. И вот АА твердо и всегда критикой ставится на самый правый фланг» (II, 202 — 203).
Середина 1920-х —конец 1930-х гг. —первый из двух тяжелейших в жизни Ахматовой периодов го¬сударственного остракизма и изоляции, когда ее творчество попало под удар идеологической маши¬ны ВКП(б), ужесточающей политику перевоспита¬ния непролетарских писателей. В 1924 г. три ее книги: «Четки», «Белая стая» и «Анно Домини» (так! — русскими буквами. — Н.К.) — были внесены в список изданий, подлежащих изъятию из библиотек и с книжного рынка (список составили Н. К. Круп¬ская, П. И. Лебедев-Полянский и др.).
В том же году, после опубликования в журнале «Русский современник» двух стихотворений — «Но¬вогодняя баллада» и «Лотова жена» — и после блис¬тательного успеха выступлений Ахматовой в Моск¬ве на вечере в ее честь и на вечерах этого журнала, Ахматова оказалась в «черном списке», в который попали и все авторы «Русского современника», при¬знанного буржуазным и вредным. Отдел печати ЦК РКП(б) провел 9 мая 1924 г. совещание, посвя¬щенное политике партии в области художественной литературы. В нем приняли участие представители всех «более или менее значительных организаций, групп и течений в современной художественной литературе». В докладах Воронского и Вардина и в прениях разгорелась острая полемика по воп¬росам о пролетарской литературе и о писателях-«попутчиках», о предоставлении им печатных три¬бун. В прениях имя Ахматовой упоминалось нес-колько раз как имя писателя, не входящего в число «попутчиков», поддерживающих революцию. С из¬девками выступающие цитировали статью Осинско-го двухлетней давности, в которой он назвал Ах¬матову «первой писательницей земли русской после Блока» (речь С. Родова от имени группы РАПП и журнала «На посту»). Были объявлены «перешед¬шими в лагерь буржуазной литературы» все, кто печатался в журнале «Русский современник» («мы знаем, (...) что за «Русский современник» стоит Эфрос и заграничный капитал и что этот журнал враждебен рабочему классу». —С. Родов). В резо¬люции, принятой совещанием, попутчики дифферен¬цировались по

степени их близости к пролетарской и коммунистической идеологии. Там же содержался призыв – усилить партийную критику ошибок «по¬путчиков», – ошибок, вытекающих из «недостаточ¬ного понимания этими писателями характера совет¬ского строя»*.
Во время этого совещания большая группа писа¬телей, чье социальное положение не было пролетар¬ским, направила в адрес Отдела печати ЦК ВКП(б)
* В тисках идеологии. Антология литературно-политических до¬кументов. 1917-1927. М., 1922. С. 260, 261, 279.
письмо от 9 мая 1924 г., в котором клялась в своей солидарности с «путями Советской, по-октябрьской России». Среди подписавших это письмо имени Ахматовой нет.
Резолюция совещания почти дословно была принята и XIII партийным съездом, прошедшим 23-31 мая 1924 г. («О печати», § 19).
В 1925 г. журнал «Русский современник» уже называли в прессе «реакционнейшим», а имя Ах¬матовой становится символом буржуазности вку¬сов–см. статью Г. Горбачева «Открытое письмо редактору «Звезды» (Звезда. 1925. № 1). 18 июня 1925 г. ЦК РКП (б) принимает известную резолю¬цию «О политике партии в области художественной литературы». В ней снова говорится о дифференциа¬ции «попутчиков», к которым надо относиться «так¬тично и бережно», но в то же время–«отсеивая антипролетарские и антиреволюционные элементы (теперь крайне незначительные)». Предлагалось разделить оценку революционного содержания и формы произведений: «распознавая безошибочно общественно-классовое содержание литературных течений, партия в целом отнюдь не может связывать себя приверженностью к какому-либо направлению в области литературной формы»*. До конца года в «Журналисте» (№ 8 – 9, 10) печатаются отклики писателей на это постановление. Его приветствова¬ли Леонов, Пастернак, Пильняк, Либединский, Шкловский, А. Толстой, Лелевич, Асеев, Чужак, Безыменский и др. Анны Ахматовой в числе «при¬ветствовавших» постановление не было.
Ее вновь и вновь называют как поэта, безусловно чуждого партийной идеологии. Даже В. Вересаев,
* В кн.: «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата». М., 1925. С. 215 -220.
писатель старой культуры, ощущающий на себе давление цензуры, пишет об Ахматовой именно с этих позиций: «Общий стон стоит почти по всему фронту современной русской литературы: «Мы не можем быть самими собой, нашу художественную совесть все время насилуют, наше творчество все больше становится двухэтажным: одно мы пишем для себя, другое –для печати. (...)
Что же говорить о художниках, идеологически чуждых правящей партии! Несмотря на эту чуж¬дость, нормально ли, чтоб они молчали? А молчат такие крупные художники слова, как Ф. Сологуб, Макс. Волошин, А. Ахматова»*.
В 1927 г. рапповский журнал «На литератур¬ном посту» подвел итоги: «Два года резолюции ЦК ВКП(б)». По мнению авторов этой статьи, «истек¬шие два года были временем острой и обостря¬ющейся классовой борьбы и в художественной лите¬ратуре. Все более отчетливо происходит процесс усиления идеологической дифференциации в писа¬тельской среде. Все более резко противостоят друг другу пролетарская литература и новобуржуазные писатели. Но результаты этой классовой борьбы с плюсом подводим именно мы. Наши силы растут быстрее, чем силы врага»**. А в подтексте статьи – явное размежевание не только с новобуржуазными, но и со «старобуржуазными» писателями, которые являются врагами. К врагам относят и Ахматову, хотя она здесь прямо и не названа.
Анне Ахматовой был возвращен двухтомник, ко¬торый готовило и так и не выпустило кооперативное издательство «Петроград». Неудачей закончилась
* В тисках идеологии. Антология литературно-политических документов. 1917-1927. С. 280.
** На литературном посту. 1927. № 13. С. 2 – 4.
попытка передать рукопись в «Издательство писа¬телей в Ленинграде», только что (в 1927 г.) об¬разованное наиболее прогрессивными писателями на кооперативных началах. Его основателями были К. А. Федин, М. Л. Слонимский, М. Э. Козаков, М. А. Сергеев и С. А. Семенов. Они действительно собирались издать стихотворения Ахматовой. Это несостоявшееся издание имел в виду Р. Иванов-Разумник, который вспоминал в Нью-Йорке в 1952 г., что в начале 1930-х годов «Издательство писателей в Ленинграде» получило разрешение цензуры вы¬пустить двухтомное собрание стихов Анны Ахмато¬вой. Однако редактором его и автором предисловия и комментариев должен был стать Демьян Бедный. Ахматова, как пишет Иванов-Разумник, «категори-чески отказалась от такой чести и предпочла ос¬таваться неопубликованной»*. Эту версию переска¬зывает в своей книге об Анне Ахматовой и Аманда Хейт**. Насколько серьезно планировалось отдать издание в руки Демьяна Бедного – сказать трудно. Сама идея была достаточно нелепа: хотя Демьян Бедный и занимал высокие руководящие посты в писательских организациях (с

1933 г. он был членом Оргкомитета готовящегося съезда советских писателей, был избран в Правление Союза писа¬телей на I съезде в 1934 г. и в Президиум Правле¬ния и пр.) и считался человеком высокой культуры, антирелигиозная тематика его многочисленных сти-хотворных фельетонов и басен и принципиальная политическая ангажированность как бы ставили его в положение антипода Ахматовой. Однако Ахмато¬ва не отказывалась даже от такой возможности

* Писательские судьбы. Нью-Йорк, 1952. С. 28 –29.

'* Х е й т А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. С. 97.

издания. Известно, что она встречалась с Демьяном Бедным и обсуждала с ним возможности издания двухтомника, в котором предполагались огромные цензурные изъятия (18 стихотворений в первом то¬ме, 40 – во втором...). Но она не опровергла версию Иванова-Разумника, его книгу она включила в свою библиографию (РТ 114). И, возможно, сама Ах¬матова рассказала о ней Аманде Хейт.

12 мая 1935 г. К. И. Чуковский записал в днев¬нике рассказ Ахматовой о том, как она «продала в «Советскую литературу» избранные свои стихи». У нее потребовали, чтобы:

1. Не было мистицизма.
2. Не было пессимизма.
3. Не было политики.

Остался один блуд, – говорит она»*.

В таких жестоких условиях она пытается под¬готовить новую книгу. Ей хочется составить свою шестую книгу из новых стихов – но стихов, написан¬ных после 1923 г., очень мало. А из прошлых сбор¬ников при таких жестких трех условиях отобрать можно действительно только любовную лирику, да и та чаще всего содержит элементы мистицизма и религии, она печальна, то есть пессимистична, а гражданские стихи – «политика» – заведомо не¬проходимы. Вопрос с печатанием откладывается. Л. К. Чуковская описывает рукопись, которую вер¬нули Ахматовой из издательства в 1930-е годы: «Два перечеркнутых штампа: один –1928, дру¬гой–1931 (кажется). Стихи переписаны на машин¬ке. Чьи-то пометки красным и черным карандашом. Подчеркнуто: «закрыв лицо, я умоляла Бога». Под¬черкнуто слово «поминальный». Перечеркнуты сти¬

* Чуковский К. И. Дневник. 1930-1969. С. 128.

хотворения: «Чем хуже этот век предшествующих», «Все расхищено, предано, продано», «Ты –отступ¬ник: за остров зеленый» (...) Все пометки носят явно цензурный характер».

Друзья отдали эту рукопись в переплет,– в 1939 г. Анна Ахматова стала вписывать новые стихотворения на пустых страницах.

«Успела увидеть мне неизвестное стихотворе¬ние, кончающееся строкой: «Бессмертного любов¬ника Тамары»...» (1, 39 – 40). Это значит, что Ах¬матова не отказалась от желания издать книгу, как писал Иванов-Разумник, из-за вступительной статьи Демьяна Бедного, –это легенда. Она пыталась ее составить. Но –стихи Ахматовой в 1927 – 1931 гг. и позднее были уже «не проходными»...

На основе этой работы начала 1930-х годов через несколько лет будет подготовлена и выйдет первая после перерыва в семнадцать лет книга Ан¬ны Ахматовой «Из шести книг». В 1927 г. Ахмато¬вой не оказалось среди приглашенных для участия в выставке, посвященной десятилетию Советской власти, которая готовилась в Союзе писателей–Ле¬нинград, Фонтанка, 50 (II, 312 – 313). В 1929 г. она подала заявление о выходе из Союза писателей – в знак протеста против травли ее друзей –писа¬телей Е. Замятина и Б. Пильняка.

В рабочих тетрадях, хранящихся в РГАЛИ, Ахматова неоднократно возвращалась к теме своего вынужденного «молчания» с середины 1920-х го¬дов по конец 1930-х. Вот одно из «объяснений» (Ф. 13. Оп. I. Е.х. 98. Л. 8 об.): «После моих вечеров в Москве (весна 1924) состоялось постановление о прекращении моей лит(ературной) деятельности. Меня перестали печатать в журналах и альманахах, приглашать на литературные вечера. (Я встретила на Невском М. Шаг(инян). Она сказала: «Вот вы какая важная особа. О вас было постановление) ЦК: не арестовывать, но и не печатать»). В 1929 г. после «Мы» и «Кр(асного) дерева» (речь идет о подвергшихся критике произведениях Замяти¬на и Пильняка. – //. К.) и я вышла из Союза (...) В мае 1934 г., когда рассылались анкеты для вступ¬ления в новый Союз, я анкеты не заполнила. Я член Союза с 1940 г., что видно из моего билета. Между 1925–1939-м меня перестали печатать совершенно (см. критику, начиная с Лелевича 1922–33). Тогда я впервые присутствовала при своей гражданской смерти. Мне было 35 лет».

В этом отрывке автобиографической прозы все достоверно, кроме сведений (со слов Мариэтты Ша-гинян) о постановлении ЦК. На самом деле, поста¬новления именно ЦК ВКП(б) об Ахматовой никог¬да не было. Хотя, разумеется, о каком-то «поста-новлении»–не арестовывать, но и не печатать – Шагинян слышала и Ахматовой рассказывала. По¬скольку беседа протекала на Невском, то есть в Ле¬нинграде, скорее всего это было какое-то решение ленинградских партийно-административных

орга-нов. Но Анне Ахматовой в 1950-е годы после поста¬новления 1946 г. и последующей травли было важно напомнить о подобном же периоде прошлых лет. Ее травили партия, государство, – кто принял поста¬новление—ЦК, Политбюро, Агитпроп, Наркомп-рос, Обком или Совет народных депутатов, – ей было в конечном счете все равно...

Остановимся кратко на эпизоде выхода Ахма¬товой из Союза писателей в 1929 г., когда чрез¬вычайно острой критике подверглось творчество Б. Пильняка и Е. Замятина. Романы Замятина «Мы» и Пильняка «Красное дерево» были осуж¬дены как за неверное изображение революции и послереволюционного государства, так и за опуб¬ликование их за границей. Пильняк был председа¬телем Всесоюзного Союза писателей, а Замятин – председателем Ленинградского отделения Союза. РАПП и ВОАПП стремились подчинить себе эти непролетарские писательские организации, снять «антисоветских» руководителей и провести в писа¬тельских союзах основательную «чистку». Рапповцы требовали пересмотра резолюции партии от 18 ию¬ля 1925 г., утверждали лозунг о «новом обострении классовой борьбы», настаивали на ужесточении по¬литики партии в отношении к «попутчикам» и пре¬вращении литературы в «оружие» для строительст-ва социализма. Дискуссия об этом проходила на страницах газеты «Вечерняя Москва»; заголовок ре¬дакционной статьи гласил: «Армия литературы— на аванпосту социалистической стройки. Советский писатель должен являться борцом за социализм». Слова «социализм» и «советский» вошли в Устав нового Союза писателей, образованного в 1934 г. Когда Ахматова в 1934 г. отказалась заполнить анкету для вступления в такой Союз, она тем самым демонстрировала свой отказ и от этих лозунгов. Соответственно она попадала уже не просто в кате¬горию «попутчиков», а в «незначительную» группу «попутчиков», которые «до сих пор не прониклись коммунистической идеологией» и которые «должны быть окончательно изолированы». Тех же писате¬лей, которые «готовы к компромиссу», следовало объединить в «некий особый блок». После исключе¬ния Пильняка 23 декабря 1929 г. Всесоюзный Союз писателей заявил, что ни один писатель не может аполитично стоять в стороне от созидательной рабо¬ты страны, каждый должен решить, за социализм
он или против. 18 сентября 1929 г. о том же писал в газете «Правда» рапповец И. М. Беспалов: попут¬чики не должны оставаться пассивными созерца¬телями, «ибо тот, кто отстает от требований време¬ни, объективно восстает против них». Исключенные из Союза писателей, Пильняк и Замятин повели себя по-разному: Пильняк, в 1929 г. получивший с помощью Горького заграничный пас¬порт, уехал для лечения за границу, затем вернулся в Россию, покаялся, переделал повесть «Красное дерево», попытался приспособиться к новым требо¬ваниям и даже был избран на съезде 1934 г. в Прав¬ление Союза писателей. Тем не менее в 1937 г. был арестован и затем расстрелян. Евгений Замятин не каялся. Он написал пьесу «Огни святого Домини-ка»—о преследуемых еретиках. После исключения из Союза писателей и все ужесточающейся критики РАПП в июне 1931 г. обратился к Сталину с пись¬мом, в котором просил разрешить ему уехать из России. Такое разрешение он получил при содейст¬вии Горького, и последние пять лет жил в Париже. Не считая себя эмигрантом, жил с советским пас¬портом, общался с приезжавшими в Париж совет¬скими писателями —Эренбургом, Пастернаком, Фе-диным, А. Толстым.

А Ахматова, демонстративно вышедшая из Со¬юза писателей в 1929 г. и не вступившая в новый союз СОВЕТСКИХ писателей в 1934 г., – жила в сталинской России: «Я была тогда с моим наро-дом//Там, где мой народ, к несчастью, был». Возможность эмиграции для себя Ахматова от¬вергла раз и навсегда. Конечно, ей приходило в го¬лову, что хорошо бы отправить в Париж сына, – там Лева мог бы получить хорошее образование, и ему не угрожала бы расправа за «вину» отца. К фев-ралю 1927 г. относится одно неотправленное письмо Ахматовой к сыну, которому тогда было четырнад¬цать лет; там есть такая довольно страшная фраза: «Я считаю тебя настолько взрослым, что мне кажет¬ся лишним повторять тебе, как важно для тебя хорошо учиться и пристойно вести себя. Ты должен это понять раз и навсегда, если не хочешь погиб¬нуть» (II, 232). Анна Ахматова вступает в спор с эмигрантскими литераторами, осуждающими всех оставшихся в России и «работающих на большеви-ков». Этот спор не попал на страницы печати, но его запомнили собеседники. Анна Ахматова пред¬лагала рассмотреть два варианта: 1. Все уехали. 2. Никто не уехал. «1. Все уехали. Нет Эрмитажа, Рембрандтовские полотна – вместо скатертей и по-ловиков, потому что объяснить некому. Зимний дво¬рец—груда пепла, и в ней живут беспризорные». Армия бы погибла, а иностранцы ждали бы полного развала страны, которую они, как когда-то Амери¬ку, заново откроют и разделят. «2. Никто не уехал бы. Была бы общественность, сейчас ее нет, потому что слишком мало людей осталось. А тогда при¬шлось бы считаться. Те, кто уехали, спасли свою жизнь, может быть, имущество, но совершили пре¬ступление перед Россией» (II, 209 – 210).

В то же время Ахматова понимала, что грозит тем, кто остался. Однажды ее

спросили, чем, по ее мнению, может кончиться «поправение» Лунина? – «Соловками», –ответила она кратко. В архиве быв¬шего КГБ (НКВД) по Ленинградской области су¬ществует «Дело оперативной разработки на Анну Ахматову», заведенное в 1939 г. с формулировкой: «Скрытый троцкизм и враждебные антисоветские настроения». По свидетельству отставного генерала КГБ Олега Калугина, «дело» Ахматовой содержит почти 900 страниц. По сведениям агентов НКВД-ОПТУ, в 1920-е годы Ахматова не давала повода для беспокойства: она замкнулась в себе, почти не писала. Но под пристальным наблюдени¬ем находились ее муж Н. Н. Пунин и ее сын Лев. 22 октября 1935 г. оба были арестованы. «Санкции на арест Ахматовой не дал тогдашний глава НКВД Ягода. Он отказал ленинградским чекистам. После эмоционального обращения Ахматовой к Сталину Ягода, в соответствии с указанием вождя, приказал освободить арестованных и прекратить дело», –со¬общает О. Калугин*. Однако в 1938 г. ленинград¬ские чекисты, уже при Ежове, вновь просят НКВД санкционировать арест Пунина и Гумилева. Лев Николаевич Гумилев был арестован 10 марта 1938 г., Пунин оставлен на свободе. «Эмоциональное» об¬ращение Ахматовой к Сталину–письмо, которое в 1935 г. через Пильняка и Сейфуллину, при под¬держке Пастернака ей удалось передать Сталину– она принесла его в башню Кутафью личному сек¬ретарю Сталина А. Н. Поскребышеву. «Я принес¬ла–Лева и Николай Николаевич вернулись домой в тот же день», – рассказывала Ахматова Л. К. Чу¬ковской (2, 417). Поскребышев лично позвонил на квартиру Пастернаков сообщить остановившейся у них Ахматовой эту хорошую новость. В 1938 – 1939 гг. подобное письмо и деятельные хлопоты через всех «влиятельных друзей» уже помогли лишь смягчить приговор, но не освободить сына. Аресты близких и друзей –трагическая тема в поэзии Ах¬матовой 1930-х годов. Именно арест Осипа Ман¬дельштама в 1934 г., по одной из версий, заставил ее

* Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М.: «Рудомино». 1994. С. 72 - 79.

отказаться от вступления в Союз советских писа¬телей перед Первым съездом. Ахматова вспоминала в автобиографической прозе: «Арест Осипа произ¬вел на меня такое впечатление, что у меня рука не поднялась, чтобы заполнить анкету. На этом съезде Бухарин объявил первым поэтом Пастернака (к ужасу Д. Бедного), обругал меня и, вероятно, не сказал ни слова об Осипе».

Такова еще одна из ахматовских легенд. Буха¬рин не ругал ее. Имени Ахматовой вообще на съезде не произносилось, – ее не существовало в ряду совет¬ских писателей, как не существовало эмигрантов Зи¬наиды Гиппиус и Георгия Иванова или жившего за границей Евгения Замятина. Осип Мандельштам был упомянут один раз, причем с отрицательным знаком. В докладе А. Н. Толстого говорилось об акмеизме: «Ложью была и попытка «акмеистов» (Гумилева, Городецкого, Осипа Мандельштама) пе¬ресадить ледяные цветочки французского Парнаса в российские дебри. Сложным эпитетом, наклады¬ванием образа на образ акмеисты подменяли огонь подлинного поэтического чувства»*. Имя Гумилева упоминалось на съезде несколько раз, –то злобно-издевательски, как имя фашиствующего головореза-конквистадора–в докладе К. Б. Радека**, то в ней¬тральном контексте, – например, в докладе Н. И. Бу¬харина о поэзии, где цитировались стихи Гумилева в качестве примера того, что и в русской поэзии было направление, возвеличивающее Слово как «во¬леизъявление, творящее мир»***. Один раз был

* Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стеногра¬фический отчет. М., 1934–М., 1990 (репринтное воспроизведение). С. 416.

** Там же. С. 307.

*** Там же. С. 480-481.

помянут Ходасевич –в речи Н. Л. Брауна о поэзии: «Возьмите враждебных нам поэтов, хотя бы Гумиле¬ва и Ходасевича. Перелистайте страницу за стра¬ницей их книги, и вы увидите, как от стихотворения к стихотворению раскрывается отношение к миру субъективности, индивидуализма, идеализма. Да¬вайте противопоставим этим поэтам наше оптими¬стическое, материалистическое осмысление мира»*. На этом съезде ни разу не была названа Марина Цветаева. Ни разу не была названа Анна Ахматова. Их творчества не существовало в советской литерату¬ре. Поскольку мы знаем, как долго и тщательно готовился этот съезд, как продумывалась его режис¬сура, то можно с уверенностью сказать, что неупоми¬нание имен не было случайным. Такова была дирек¬тива. И жесткую формулу этой директивы дали не Горький и не Бухарин в своих обширных док¬ладах, а секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов: «Под руководством партии, при чутком руководстве ЦК и неустанной поддержке и помощи товарища Стали¬на сплотилась вокруг советской власти и партии вся масса советских литераторов». Советская литература «является самой идейной, самой передовой и самой революционной литературой». Уже является. Уже сплотилась. Инакомыслия нет. Очередной «съезд по¬бедителей». В таких условиях разговор об Ахматовой действительно был просто неуместен.

Уже прошел XVII съезд партии, где около трехсот делегатов голосовали против

Сталина,– после чего подавляющее большинство участников съезда было репрессировано. Оставалось три меся¬ца до убийства «любимца партии» С. М. Кирова,
* Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографи¬ческий отчет. С. 648.
за которым последует волна репрессий 1934– 1935 гг. и массовая высылка дворян из Ленинграда. Происходили первые аресты писателей–за их творчество, за стихи против системы и лично против Сталина (Осип Мандельштам), за независимость взглядов (Владимир Силлов, лефовец, друг Пастер¬нака, арестован и расстрелян в апреле 1930 г.).
Стихи своим репрессированным друзьям Ах¬матова позже включит в цикл «Венок мертвым». Стихи друзьям –это был способ показать независи¬мость позиции и «избранность» родственных душ. В 1929 г., когда Анна Ахматова демонстративно вышла из Союза писателей, поддерживая дру¬зей–Б. Пильняка и Е. Замятина, после долгого перерыва ее имя появилось на страницах журнала «Красная новь»: оно было поставлено над стихотво¬рением Бориса Пастернака, ей посвященным. Это стихотворение – «Мне кажется, я подберу сло¬ва...» – входило в цикл, о замысле которого Пастер¬нак писал Ахматовой 6 апреля 1929 г.: «Я третий месяц очень усидчиво работаю над большой пове¬стью, которую пишу с верой в удачу ...) Мне приходится исподволь писать стихи. Их теперь, в моем возрасте, я понимаю как долговую расплату с несколькими людьми, наиболее мне дорогими, потому что, конечно, именно они –истинные ад¬ресаты, к которым должно быть обращено это уми¬ление. Я хочу написать стихотворение Марине, Вам, Мейерхольдам, Жене и Ломоносовой, нашей заграничной приятельнице»*. Первые стихотворе¬ния цикла адресованы Борису Пильняку («Дру¬гу») – со знаменитыми строками: «Напрасно в дни
* Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. М., 1989. Т. 5. С. 267.
великого совета,//Где высшей страсти отданы мес¬там/Оставлена вакансия поэта://Она опасна, если не пуста», Анне Ахматовой, Марине Цветаевой (два, в том числе один акростих) и Мейерхольдам. Они были опубликованы в журналах, но в книгу «Поверх барьеров» 1929 г. не вошли. 6 марта Пас¬тернак послал Ахматовой посвященное ей стихотво¬рение в его ранней редакции, –в ней были строки, важные для характеристики Ахматовой, но в печати снятые, например, во второй строфе:
Я слышу мокрых кровель говорок, Колоколов безмолвные эклоги. Какой-то город, явный с первых строк, Растет и узнается в каждом слоге*.
«Колокола» в печатном тексте исчезли, заме¬ненные проходной строкой:
Торцовых плит заглохшие эклоги.
Но в обеих редакциях центром стихотворения осталась ахматовская «Лотова жена», со времени опубликования которой в журнале «Русский совре¬менник» прошло пять лет:
Таким я вижу облик ваш и взгляд. Он мне внушен не тем столбом из соли, Которым вы пять лет тому назад Испуг оглядки к рифме прикололи...**
Пастернак писал Ахматовой: «Вы знаете, с ка¬кой силой живете во мне, как и во всяком, и насколь¬ко это лишь естественно, не более того. К этому знанью стихотворение ничего не прибавляет. Затем ясно ли, что речь об особом складе электрической силы, которая выражена не только в Лотовой жене
* Пастернак. Б. Собр соч.: В 5 т. Т. 1. С. 552. ** Там же. С. 228.
и не в образе соляного столба только, а исходит от Вас всегда и никогда не перестает исходить»*.
И письмо Пастернака, и его стихи были чрез¬вычайно дороги Ахматовой и помогали ей выдержи¬вать изоляцию.
«Изоляцию», непечатание не следовало путать с «молчанием». В 1950–1960-е годы Ахматова бу¬дет резко и многократно возражать зарубежным критикам, писавшим о ее длительном молчании в 1920-1930-е годы.
Анна Ахматова не молчала. В условиях «нево¬стребованности» ее песенного дара она писала ма¬ло. Но то, что писала, было замечательно:
О, знала ль я, когда в одежде белой Входила Муза в тесный мой приют, Что к лире, навсегда окаменелой, Мои живые руки припадут.
О, знала ль я, когда неслась, играя, Моей любви последняя гроза, Что лучшему из юношей, рыдая, Закрою я орлиные глаза.
О, знала ль я, когда, томясь успехом, Я искушала дивную Судьбу, Что скоро люди беспощадным смехом Ответят на предсмертную мольбу.
Это написано в ночь с 30 на 31 мая 1927 г. Поначалу стихотворение было длиннее, –оно сос¬тояло не из трех, а из пяти строф и перекликалось с ранним стихотворением «Молитва». Во второй строфе нового стихотворения первоначально было:
Ты отнял все, что я отнять молила, Не дав того, что я молила дать. И на себе теперь я знаю силу Моих молитв. И неба благодать.
* Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. С. 683.
«Не дав того, что я молила дать» –она молила, «чтобы туча над темной

Россией//Стала облаком в славе лучей». В середине 1920-х годов Анна Ах¬матова не видела славы России. В черновиках про¬скальзывает строчка: «Заложницей страны, которой нет». Она видела нищету, упадок культуры, усили¬вающий цензурный контроль. Рассказывая про ве¬чер памяти Пушкина в 1921 г. и речь Блока на нем, она вспоминает ключевую фразу Блока в этом док¬ладе: «Если русской культуре суждено когда-ни¬будь возродиться...» Подчеркивает, что именно так сказал Блок и что все в зале вздрогнули при этих словах.

Стихи Анны Ахматовой 1920—1930-х годов не воспевают современность — уже поэтому они оказа¬лись ненужными партийной и советской власти. Ее Муза—по-прежнему «милая гостья с дудочкой в ру¬ке», но приходит она не часто и напев ее суров: Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

Взгляд поэта часто обращен в прошлое:

Тот город, мной любимый с детства, В его декабрьской тишине Моим промотанным наследством Сегодня показался мне.

Все, что само давалось в руки, Что было так легко отдать: Душевный жар, молений звуки И первой песни благодать —

Все унеслось прозрачным дымом, Истлело в глубине зеркал... И вот уж о невозвратимом Скрипач безносый заиграл...

Немногочисленные строки о настоящем—горьки:

...Водою пахнет резеда
И яблоком—любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...

И напрасно наместник Рима Мыл руки пред всем народом Под зловещие крики черни...

Вторая половина 1930-х годов —это разгром му¬зыки Д. Д. Шостаковича и литературоведов-фор¬малистов, среди которых было много друзей Ах¬матовой. В печати появлялись «покаянные статьи» писателей, признающих свои ошибки. Ахматовой среди них нет. О. Мандельштам 11 февраля 1936 г. пишет своему младшему собеседнику и приятелю С. Б. Рудакову о «молчании» Ахматовой: «Словар-ный склероз и расширение аорты мировоззрения, недостаточная гибкость —вот причины молчания»*. У Ахматовой не было «словарного запаса» для по¬каяния. Она отстаивала свою позицию —и молчани¬ем, и стихами:

Зачем вы отравили воду И с грязью мой смешали хлеб? Зачем последнюю свободу Вы превращаете в вертеп? За то, что я не издевалась Над горькой гибелью друзей? За то, что я верна осталась Печальной родине моей? Пусть так. Без палача и плахи Поэту на земле не быть. Нам покаянные рубахи, Нам со свечой идти и выть.

* Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома. 1993. Ма¬териалы об О. 9. Мандельштаме. СПб., 1997. С. 18.

Крайними поэтическими «вехами» периода изоляции и «молчания» в творчестве Ахматовой можно назвать стихотворение 1925 г., позже полу¬чившее название «Памяти Сергея Есенина», и сти¬хотворение апреля 1940 г. «Стансы».

В первом из них поэт передает трагическое ощущение времени:

...Всего верней свинец душе крылатой
Небесные откроет рубежи,
Иль хриплый ужас лапою косматой
Из сердца, как из губки, выжмет жизнь. —

в «Стансах» — категорически заявляет:

В Кремле не надо жить, Преображенец прав, Здесь зверства древнего еще кишат микробы: Бориса дикий страх, и всех Иванов злобы, И Самозванца спесь—взамен народных прав.

Это годы, когда Анна Ахматова стала не прос¬то гражданским поэтом (таковым она уже была), но и поэтом политическим, что проявляется и в ее стихах, и в общественной позиции, которую она заняла и которую не побоялась открыто высказать. В процитированном выше четверостишии Самозва¬нец—разумеется, не только Лжедмитрий, но —в ря¬ду других монархов: Петр I, Борис Годунов, Ива¬ны—шесть русских царей, в том числе Иван Грозный —это «великий и мудрый вождь народов» Сталин, присвоивший себе право лично репресси¬ровать и миловать — «взамен народных прав», кото¬рые формально защищались «Великой Сталинской конституцией», превосходно написанной Н. Буха¬риным (расстрелянным в 1938 г.). Именно таким в ряду великих и грозных русских монархов препод¬носила образ Сталина уже в это время советская литература. Ахматова более чем на десятилетие была изъята из такой СОВЕТСКОЙ литературы. В этот период были годы, когда Ахматова писала действительно очень мало. Кроме объективных об¬щественно-политических причин, о которых сказа¬но выше, были и причины субъективные: неустроен¬ность личной жизни (19 сентября 1938 г., после шестнадцатилетнего романа, происходит окончатель¬ный разрыв отношений Ахматовой и Н. Н. Лунина), бездомность, бедность, бесконечные стояния в тюрем¬ных очередях, начиная с 1938 г. Впрочем, сама Ах¬матова заявляла, что голод,

нищенское существование, лишения никогда еще не мешали творчеству.
А в 1936 г.—так считала сама Ахматова—про¬изошел перелом в ее творческой манере. Снова могучим потоком полились стихи, но голос стал другим: «...в 1936-м я снова начинаю писать, но почерк у меня изменился, но голос уже звучит по-другому. А жизнь приводит под уздцы такого Пегаса, который чем-то напоминает апокалиптичес¬кого Бледного коня или Черного коня из тогда еще не рожденных стихов (...) Возврата к прежней манере не может быть. Что лучше, что хуже, судить не мне, 1940-й —апогей. Стихи звучат непрерывно, наступая на пятки друг другу, торопясь и задыха¬ясь, и иногда, наверно, плохие».
Одним из толчков к этой перемене голоса, возможно, оказалась поездка 5—11 февраля 1936 г. в Воронеж к ссыльному Мандельштаму. В течение нескольких дней два поэта почти непрерывно читали друг другу стихи или говорили о стихах—Пастер-нака, Блока, Брюсова, Хлебникова. Обсуждали ее «стиховое молчание». Делали выводы о судьбе поэ¬тов в последние пятнадцать лет. Рудаков записал отзыв Мандельштама об Ахматовой, такой, какую он, может быть, впервые оценил в 1936 г.: «Она — плотоядная чайка, где исторические события —там слышится голос Ахматовой. И события—только гре¬бень, верх волны: война, революция. Ровная и глубо¬кая полоса жизни у нее стихов не дает. Это сказыва¬ется как боязнь самоповторения, как мнимое истощение в течение паузы»*.
А в письме жене Рудаков приводит и свой отзыв об Ахматовой 1936 г.: «Лина, познанный Оська, все с ним связанное — это очень много, но спокойная, вечная гениальность Ахматовой мне дала столько, сколько мог я сам придумать»**.
Небезынтересно сравнить отзывы этих двух вы¬соких ценителей с официальным отзывом известного литературоведа Б. В. Михайловского в главе «Акме¬изм» его книги «Русская литература XX века» (М., 1939): «Лирика Ахматовой ограничивается, собственно, поэтизацией повседневной интимной жизни, душно-узкого крута чувств, случайных и мелких переживаний. Чуть ли не единственная тема Ахматовой — это довольно однообразные лю¬бовные переживания, перипетии все того же рома¬на; причем тема эта остается в пределах узколичных обстоятельств и настроений, она не ширится (как у Блока), не связывается с философскими, социаль¬ными проблемами» (С. 333).
И это пишет историк советской литературы в год, когда Ахматова создает «Реквием», — стихи которого начали появляться в 1935 г.: «Уводили тебя на рассвете...» Затем были написаны три стихотво¬рения в 1938 г.: «Тихо льется тихий Дон...», «Хор
* Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома. 1993. Материалы об О. 9. Мандельштаме. С. 142. ** Там же. С. 144.
ангелов великий час восславил...» и «Показать бы тебе, насмешнице...». И наконец—после вынесен¬ного сыну приговора к десяти годам исправитель¬но-трудовых лагерей 27 сентября 1938 г., затем пересмотра дела и вторичного приговора от 26 июля 1939 г. —к пяти годам ИГЛ она пишет стихотворе¬ния «Приговор», «Семнадцать месяцев кричу...», «К смерти» и другие. Отдельные стихотворения выстраиваются в цикл, который обретает компози¬ционную законченность: эпиграф, «Вместо преди¬словия», «Посвящение», «Вступление»; основной текст из десяти стихотворений (на самом деле из одиннадцати, так как под № X —два четверостишия с общим названием «Распятие») и две части «Эпи¬лога». Цикл был завершен в 1940 г., только проза¬ическое «Вместо предисловия» дописано позже — в 1957-м, и в 1961 г. подобран эпиграф: «Нет, и не под чуждым небосводом...» —из собственного стихотворения 1961 г. «Так не зря мы вместе бедо¬вали...». Цикл превратился в поэму.
Текст «Реквиема» не был записан Ахматовой — из-за боязни обысков, слежки и доносов. Почти два десятилетия хранили его в памяти несколько самых близких Ахматовой людей. Лишь после смерти Ста¬лина, в период хрущевской оттепели, появился сна¬чала рукописный вариант, а затем и машинопись поэмы. «Реквием» почти сразу же широко распро¬странился среди почитателей таланта Ахматовой, был предложен в журнал «Новый мир», попал за границу, где его и опубликовали в 1963 г. В СССР же «Реквием» как единый цикл не был напечатан ни в 1962 г. в «Новом мире», ни в одном из ее прижизненных собраний сочинений, ни после смерти — вплоть до 1987 г.
В 1938—1939 гг., когда Ахматова скорбела по вторично арестованному сыну и писала стихи буду¬щего «Реквиема», что-то «наверху», то есть в выс¬ших партийных кругах, начало «меняться» по от¬ношению к ней. Об этом существуют и легенды, и слухи.
Говорят, что Сталин лично спросил, что с Ах¬матовой. Говорят, что «сверху» был отдан при¬каз напечатать ее стихи. Возможно, это легенда. Во всяком случае, первая попытка напечататься в 1939 г. была неудачной.
31 мая 1939 г., впервые за много лет, Ахматовой позвонили из редакции «Московского альманаха» и попросили прислать стихи. Их переписывал новый друг

Ахматовой, врач-патологоанатом В. Г. Гар-шин, задавая время от времени вопросы о пункту¬ации. Отвезла их в Москву Л. К. Чуковская. «Мос¬ковский альманах» тогда только создавался, в его редколлегию входили А. Фадеев, К. Симонов, Н. С. Атаров, А. Г. Письменный и директор «Со¬ветского писателя» Г. А. Ярцев. Стихи Ахматовой принял в альманах К. Симонов. Они были доведены до верстки. Однако, когда верстку стал читать Фа¬деев, бывший инициатором создания этого альмана¬ха и рассчитывающий со временем превратить его в журнал, он высказался решительно против пуб¬ликации Ахматовой именно в первом номере аль¬манаха. Фадеев писал: «...альманах по существу должен быть альманахом молодежи, настоящей та¬лантливой писательской молодежи —в этом его смысл, цель, оправдание.

Поэтому я предлагаю изъять из альманаха вещи «стариков» (Асеева, Зощенко, Ахматовой). Раньше я придерживался другого мнения, недооце¬нив одного очень существенного обстоятельства: у советской общественности создается впечатле¬ние—учитывая особенно характер вещей Асеева, Зощенко, Ахматовой, — что этот альманах создан в обход существующей системы журналов, для того, чтобы «дать выход» вещам, не могущим быть напе¬чатанными в другом месте. Или, иначе говоря, пер¬вая же книга альманаха получит плохой политичес¬кий резонанс (...)»*.

Однако, по-видимому, распоряжение «сверху» напечатать стихи Ахматовой все же существовало. В № 2 журнала «Ленинград» за 1940 г. появились ее стихотворения: «Художнику» («Мне все твоя мере¬щится работа...»), «От тебя я сердце скрыла...», «Здесь Пушкина изгнанье началось...», «Воронеж» («И город весь стоит оледенелый...»), «Одни гля¬дятся в ласковые взоры...». В журнале «Звезда» (1940, № 3/4) были напечатаны «И упало каменное слово...» (без названия и указания на связь с циклом «Реквием»), двустишье «От других мне хвала —что зола...», «Борис Пастернак» (полный текст, ранее появившийся лишь в отрывке 1936 г.), «Годовщину веселую праздную...», «Ива» («А я росла в узорной тишине...»), «Мне ни к чему одические рати...», «Когда человек умирает...» и «Маяковский в 1913 го¬ду». Последнее без разрешения автора опублико¬вала также газета «Ленинские искры» —с ошибкой в заглавии (1912 вместо 1913), что особенно огор¬чило Ахматову.

В журнале «Литературный современник» (1940, №5 — 6) появилась «Клеопатра». Два издательства— «Издательство писателей в Ленинграде», ставшее уже «Советским писателем», и «Гослитиздат» — на¬чали готовить книги Ахматовой. В журнале «Ленин¬

* Симонов К. Собр. соч.: В 10 т. М., 1987. Т. 12 (доп.). С. 469.

град» (1940, № 5) в рецензии Л. Рахмилевича на книгу Есенина имя Ахматовой было названо среди имен «замечательных поэтов».

5 января 1940 г. Ахматову торжественно приня¬ли в Союз советских писателей. Председательство¬вал на заседании М. Л. Слонимский, доклад о твор¬честве Ахматовой сделал М. Л. Лозинский. Он говорил, что «стихи Ахматовой будут жить, пока существует русский язык, а потом их бу¬дут собирать по крупицам, как строки Катулла» (I, 65-66).

Из Москвы Ахматовой прислали единоврем¬ен¬ную выплату—3000 рублей, повысили пенсию до 750 рублей, обещали квартиру. По поручению Пре¬зидиума Союза писателей, с «листком»-ходатайст-вом, подписанным В. Лебедевым-Кумачом и Н. Асе¬евым—в Ленсовет к П. С. Попкову по поводу квартиры для нее ходил М. М. Зощенко.

Ахматову снова начали приглашать на выступ¬ления: в Выборгский Дом культуры, в Капеллу. В Капелле ее появление встретили овацией.

После долгих лет нищеты (в 1933 г. она прода¬ла даже свою библиотеку, почти сплошь состоящую из подаренных ей книг с автографами; в 1935 г., для поездки к Мандельштаму в Москву —свою статуэт¬ку работы Данько; продавала картины и рисунки Б. Григорьева, оставленные ей уехавшими за гра¬ницу Замятиными; продала В. Д. Бонч-Бруевичу в Гослитмузей свой архив —ничего более ценного для продажи у нее не было) — начинался как будто новый период обеспеченности и возможности полу¬чить какие-то материальные блага через Литфонд. Ахматова мечтает взять в Литфонде дачу, чтобы поехать туда летом 1940 г. с маленькими детьми соседки Смирновой. Мечтает получить комнату и отдать ее тем же Смирновым, чтобы остаться вместе с Луниными в Фонтанном Доме, но теперь уже не в одной, а в двух комнатах, —и тогда Леве будет куда вернуться из лагеря: «Ведь вернется же он когда-нибудь...» (I, 66).

Пройдет еще немного времени, и выяснится, что в персональной пенсии Ахматовой отказали,— Комиссия по назначению персональных пенсий при Совете Народных комиссаров СССР 10 февраля 1941 г. отклонила ходатайство об этом, представ¬ленное Президиумом Союза советских писателей СССР 14 апреля 1940 г. Не дадут и комнату, несмотря на чрезвычайно активные хлопоты Союза писателей, многочислен¬ные письма, в том числе А. А. Фадеева и А. Я. Вы¬шинского. В книге Л. К. Чуковской (1, 326) приво¬дится отрывок из письма А. Фадеева, чрезвычайно

любопытный по той осторожности, с которой он характеризует Ахматову:
«В Ленинграде в исключительно тяжелых мате¬риальных и жилищных условиях живет известная поэтесса Ахматова. Вряд ли нужно говорить Вам о том, как несправедливо это по отношению к самой Ахматовой, которая, при всем несоответствии ее поэ¬тического дарования нашему времени, тем не менее была и остается крупнейшим поэтом предреволюци¬онного времени, и какое неблагоприятное впечатле¬ние производит это не только на старую поэтичес¬кую интеллигенцию, но и на молодежь, немало учившуюся у Ахматовой.
Ахматова до сих пор не имеет ни одного метра собственной жилплощади. Она живет в комнате бывшего своего мужа, с которым она давно разо¬шлась. Не надо доказывать, как это для нее унизи¬тельно».
Из двух книг, над которыми с конца 1939 г. ведется работа, выйдет одна —«Из шести книг». Вместе с Ахматовой ее подготовили ее ближайшие друзья —М. Л. Лозинский и Ю. Н. Тынянов. В ок¬тябре 1939 г. ей помогали отбирать стихи для книги Л. Я. Гинзбург и Л. К. Чуковская. В конце нояб¬ря 1939 г. Ахматова в Москве читает новые стихи Б. Л. Пастернаку. «Теперь и умереть не страшно...» — говорил ей Б. Л. (1, 58). В двух издательствах идет работа над книгами, Ахматова знакомится с внут-ренними рецензиями, где после общих похвал пред¬лагаются изъятия многочисленных стихотворений. В мае 1940 г. она правит верстку книги «Издатель¬ства писателей» и испытывает горькое чувство от того, что многое самое значительное в сборник не попало: «Я сейчас прочитала верстку и ясно увиде¬ла: какая бездарная, какая мелкая, какая ничтожная книга», — сказала она Чуковской (1, 97).
На самом деле чудом было уже то, что эта книга была. Ее сумели построить таким образом, что многие прекрасные ахматовские стихи, новые, еще нигде не напечатанные или напечатанные со¬всем недавно в журналах, открывали ее, —то есть сборник «Из шести книг» начинался с новой, шес¬той книги Ахматовой, которая здесь называлась «Ива» и имела дату—1940. Эпиграфом к ней Ах¬матова поставила строки Пастернака: «И было тем¬но. И это был пруд//И волны...» Стихи были от-редактированы таким образом, что из многих новых стихов почти совсем исчезли упоминания Бога, пессимизм и мистика. Воспоминания о прошлом звучали как «пушкинская тема», что подкреплялось обилием пушкинских эпиграфов. Темы арестов, ссылок, страданий из-за потерянных близких не существовало вовсе. Редактура была проведена очень аккуратно,— так, из стихотворения «Воро¬неж» были убраны только посвящение Мандельш¬таму и последняя строфа: «А в комнате опального поэта//Дежурят страх и Муза в свой черед.//И ночь идет,//Которая не ведает рассвета». Осталось кра¬сивое «зимнее» стихотворение о ликовании в гостях у города на «могучей победительной земле», с ис¬торическим экскурсом во времена Петра и Куликов¬ской битвы.
Стихотворение «Мне ни к чему одические ра¬ти...» заканчивалось строкой о звучании стиха — «На радость вам и на мученье мне». Слово «му¬ченье» было вынуто, осталась только радость: «На радость вам и мне». В книге нет поэм. Два отрывка—«И упало каменное слово» из «Реквиема» и «Окопы, окопы...» из «Путем всея земли» печата¬ются как самостоятельные стихотворения. В послед¬ний момент в верстке было вынуто стихотворение «Последний тост» —«Я пью за разоренный дом...».
В мае 1940 г. книгу на несколько дней задер¬жал Обллит—цензура, но 22 мая разрешил выпус¬тить ее на книжные прилавки.
10 июля 1940 г. в «Литературной газете» поя¬вилась рецензия В. Перцова, того самого критика, который в 1925 г. писал о ее поэзии, как о «стенань¬ях женщины, запоздавшей родиться или не сумев¬шей вовремя умереть». Теперь критик хвалит лите-ратурное мастерство поэта, но оговаривается:
«Героиня Ахматовой и мы—люди слишком разные. Это не может не сказаться».
В августе 1940 г. Фадеев и Пастернак выдви¬нули книгу Ахматовой на Сталинскую премию. В магазинах за книгой Ахматовой выстраивались очереди, люди стояли в них по шесть часов, и им выдавали номерки...
А в сентябре 1940 г. управляющий делами ЦК ВКП(б) Д. В. Крупин подал члену Политбю¬ро ЦК А. А. Жданову записку, в которой пере¬числял все недопустимые качества, присущие Ах¬матовой: «Никакого отклика на советскую дейст¬вительность, — это раз, и главное—проповедь рели¬гии» (1, 220).
Крупин составил подробный список упомина¬ний о Боге, ангелах, литургии, иконах, храмах, о «белом рае» и пр. Жданов потребовал сооб¬щить ему список лиц, виновных в выпуске книги. Г. Ф. Александров и Д. А. Поликарпов представили такой список в ЦК. На членов партии были наложе¬ны партийные взыскания. Специальное постановле¬ние ЦК осудило сборник Ахматовой и приказало изъять книгу*.
Разумеется, о присуждении Сталинской пре¬мии уже не могло быть и речи, но изъять книгу оказалось невозможным: она была распродана. В журнале «Литературный современник» об Ах¬матовой еще писал критик И. Гринберг с глубоким уважением:

«Камерность» Ахматовой не так-то уж проста (...) в стихах, казалось бы, совсем «камер¬ных», присутствует чувство времени, присутствует
* См. в кн.: Литературный фронт. История политической цен¬зуры 1932-1946. М., 1994.
память о широком мире. Вот эта память о мире, это чувство эпохи и придает такую мощь лири¬ческим стихам больших поэтов, делает эти сти¬хи напряженными, способными увлечь, покорить читателя»*.
В «Литературной газете» Гринбергу возразил критик С. Нагорный: «...стихи Ахматовой глубоко чужды самому духу советского общества»**. Подоб¬ная же оценка прозвучала в явно заказной «сверху» редакционной статье «Ленинградской правды» от 27 сентября 1940 г.: стихи, вошедшие в сборник Ахматовой «Из шести книг» —упадочнические и бледные, они включены в книгу по вине беспечных редакторов* * *.
Вторая книга стихотворений Ахматовой, кото¬рую готовил Гослит, в таких условиях выйти не могла. Анна Ахматова в беседах с друзьями и в ав¬тобиографических набросках многократно вспоми¬нала об истории выхода «Из шести книг» и находи¬ла многие объяснения ее неприятия официальным партийным и чиновничьим руководством. По одной из ее версий, виновато было выдвижение на Сталин¬скую премию —премию должны были присудить совсем не такой книге. По другой версии, причиной была замена стихов, уже утвержденных в Москве, на новые, в том числе такие «грустные», как «Ива», включение многих —около тридцати — старых сти-хотворений. Она искала логику, но логики не было,
* Литературный современник. 1940. № 8—9. С. 213. ** Нагорный С. «Следующий номер»//Литературная газета. 1940. 29 сентября.
*** «Активизировать работу писателей»//Ленинградская правда. 1940. 27 сентября.
как ее не было в массовых репрессиях. Была причи¬на—абсолютное несоответствие всего поэтического строя творчества Ахматовой — бравурному и опти¬мистическому строю социалистического реализма с его утверждением положительного героя и вос-питательной роли искусства. А то, что поэзия Ах¬матовой воспитывала благородство души и высоту чувства,— в 1940 г. не принималось в расчет.
Тревога за находящегося в сибирском лагере сына, огорчение от возобновившейся литературной травли, аресты и болезни близких, ухудшение здо¬ровья, потеря надежды на получение собственного жилья, неопределенность отношений с В. Г. Гарши-ным, врачом-патологоанатомом, далеким от литера¬туры и к тому же несущим в собственной душе тяжелую гаршинскую наследственность—склон¬ность к неврастении, депрессии и мучительным бо¬рениям совести, — таковы были основы мироощуще¬ния Ахматовой.
Между тем начиналась новая эпоха в судьбах мира и России — Вторая мировая война. СССР на¬пал на Финляндию, фашистская Германия захвати¬ла Париж, немцы обстреливали и бомбили Англию. Ахматова пишет об этом —«Когда погребают эпо-ху...», «Лондонцам», «С Новым Годом! С новым горем!..». Ее голос приобретает все большую тор¬жественность, изображение современности включено в ряд библейски-апокалиптических и шекспировских сюжетов. «Распятие» —о горе матери, на глазах ко¬торой терзают и убивают сына. «И сделалась война на небе» — эпиграф из Апокалипсиса к стихотворе¬нию «Двадцать четвертую драму Шекспира...» («Лондонцам»). Она пишет поэмы —«Путем всея земли», в которой пласты исторического времени как бы перемешались и сдвинуты, и героиня свобод¬но проходит сквозь них в своем длинном пути через события истории к «великой зиме» «белой схимы», то есть к смерти. С ноября 1940 г. в ее жизнь входит «Поэма без героя» — отдельными кусками, которые поначалу кажутся ей то ли «маленькими поэмами», то ли «северными элегиями». Во всех отношени¬ях—и в личной судьбе, и в творчестве — 1940 г. был для Ахматовой судьбоносным: «Из года сороково-го,//Как с башни, на все гляжу».
КОММЕНТАРИИ

В первый и второй тома собрания сочинений Анны Ахматовой вошли все известные в настоящее время стихо¬творения поэта, впервые расположенные по хронологи-ческому принципу*: от немногих ранних сохранившихся стихотворений гимназических лет —до предсмертных, 1966 г. Такое расположение позволяет проследить твор¬ческий путь Анны Ахматовой, эволюцию ее поэтического стиля от ранних подражательных опытов, ученичества у В. Брюсова, М. Кузмина, И. Анненского —до становле¬ния и расцвета творческой индивидуальности поэта, современницы А. Блока, Н. Гумилева, О. Мандельш¬тама, М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Маяковского.
Хронологическая последовательность расположе¬ния стихотворений дает возможность рассмотреть сущ¬ность акмеизма как литературного течения, сформиро-вавшегося на основе символизма и в борьбе с ним и сыгравшего важную роль в развитии русской

лирики XX столетия, показать, как творчество Анны Ахматовой, являя собой торжество русского классического стиха, торжество реализма в лирике, представляет собой в то же время высшее достижение в развитии поэзии Серебря¬ного века, уходящей корнями в творческие принципы символизма.
* Стихотворные циклы сохранены только в тех случаях, когда стихи были написаны практически одновременно.
Хронологическая последовательность позволяет вы¬явить законы развития творческой системы Анны Ах¬матовой, продемонстрировать, как варьируется и фор-мируется тот или иной образ или система образов в стихотворениях, относящихся к одному хронологиче¬скому периоду или разъединенных во времени.
Издатели и друзья, общавшиеся с Ахматовой в 1960-е годы, когда она готовила свою последнюю итого¬вую книгу «Бег времени», запомнили ее нежелание печа¬тать стихи по хронологии (известно ее суждение, что «хронология может убить кого угодно, даже Пушкина»). Однако в этот период такое нежелание объяснялось про¬тестом поэта против решительного намерения издатель¬ства снова и снова составить книгу «избранного» из ранних книг, подобно тому как был подготовлен сборник «Из шести книг». Правда, тогда Ахматова и два ее верных друга — КО. Н. Тынянов и М. Л. Лозинский, сумели избежать «хронологического» порядка, располо¬жив разделы в обратной последовательности: сначала новые стихи —«Ива», затем пятая книга «Аппо Domini», затем четвертая и т. д. В обратном порядке шли и их даты: 1940, 1923, 1921, 1917, 1914, 1912. Когда был отвергнут первый вариант «Бега времени», состав¬ленный из новых стихов, и Ахматова вынуждена была вернуться к структуре «избранного», она с помощью Л. К. Чуковской стала формировать циклы, созна¬тельно избегая хронологии, ставя намеренно невер¬ные даты.
Вместе с тем на протяжении всей творческой жизни Ахматова относилась очень серьезно к датировке своих стихов, начиная с ранних (Киевских) тетрадей. Как пра-вило, точные даты и место написания указаны на ее автографах. Собираясь издавать двухтомное собрание стихотворений в 1924—1926 гг., Ахматова и помогавший ей держать корректуру П. Н. Лукницкий еще раз прове¬рили даты,— в дневнике Лукницкого от 22 — 23 ноября 1926 г. есть запись: «Согласилась с тем, что гораздо лучше, когда стихи расположены в хронологическом по¬рядке» (Л у к н и ц к и й, 2. С. 117). В 1946 г., работая над предполагавшимся новым изданием своих произведений с Н. Л. Дилакторской, Ахматова продиктовала ей и сама проверила и еще раз проставила в ее перечне точные даты. Этот перечень, который мы условно называем «список Н. Л. Дилакторской», оказался чрезвычайно полезен при подготовке настоящего издания —по нему нами и нашими предшественниками были уточнены мно¬гие даты стихотворений Ахматовой, с точностью до меся¬ца и дня. В дневниках Л. К. Чуковской также можно найти много любопытных высказываний Ахматовой от-носительно хронологии. С одной стороны, это полушут¬ливые просьбы к Чуковской расставить знаки препина¬ния и даты самой, вместо Ахматовой: «Только поставьте, пожалуйста, знаки сами, я не умею... Даты? О датах, пожалуйста, не спрашивайте. О датах со мной всегда говорят, как с опасно больной, которой нельзя прямо сказать о ее болезни» (Чуковская, 1. С. 72). С другой стороны —многократные утверждения, что хронология нужна для академического издания, да и для любого серьезного издания поэта, так как без знания хронологи¬ческой последовательности невозможно представить себе его истинного творческого пути.
Ахматова предъявляет серьезные претензии к издателю стихотворений И. Ан¬ненского, его сыну поэту В. Кривичу, который сохранил «трилистники» Анненского: «...В. Кривичу даже мысль в голову не пришла о том, что следует эти трилистники разбить и расположить стихотворения в хронологическом порядке, и только из уважения к памяти Анненского в примечаниях указать, что такое-то стихотворение было включено в такой-то трилистник. А оставив такое рас¬положение и не сумев установить даты стихов, В. Кривич совершенно лишил исследователей возможности изучать творчество Анненского (и АА привела в пример фразу о том, что часто бывает у поэтов: чем зрелее стихи творческой жизни, тем больше увеличивается количество пэонов, и как их изучать у Анненского, когда не знаешь дат стихов?)» (Лукницкий, 1. С. 303 — 304).
В мае 1926 г. Ахматова сама берется датировать стихи Анненского, — едет для этого к общим знакомым, много знающим об Анненском, — А. А. и Е. М. Мухиным. Лукницкий записал об этой поездке: «АА главной целью посещения Мухиных ставит—установление дат стихов, потому сейчас ей совершенно ясно, что если стихи Анненского не будут датированы, ни один серьезный исследователь не возьмется за изучение творчества Ан¬ненского, и оно станет объектом спекуляции всяких лите-ратурных захватчиков и шарлатанов» (Лукницкий, 2. С. 169). Так же серьезно относилась Ахматова к уста¬новлению дат стихотворений и жизненных событий Н. С. Гумилева. После одной из бесед Лукницкий запи¬сал: «АА установила почти все даты (с точностью до го¬да) стихотворений Н. Г.» (там же. Т. 1. С. 31). В рабо¬чих тетрадях, которые сохранились с конца 1950-х годов, все новые стихотворения Анны

Ахматовой датированы.
Особое внимание будущих исследователей своего творчества Ахматова обращала на тот факт, что в ее книгах многие даты поставлены неверно, а точные даты содержатся в ее рукописях. Если рукописи не сохрани¬лись, она многократно в книгах и поздних автографах и списках проставляла даты по памяти. Ставила даты и обозначала посвящения в экземплярах книг, которые дарила близким знакомым, особенно тем, кто, как она была уверена, сохранит эти сведения для будущих ис¬следователей.
Таким образом, можно уверенно сказать, что Анна Ахматова хотела, чтобы ее произведения хотя бы однажды были изданы по точно выверенной хронологии. Цель наше¬го издания—выполнить эту, завещанную нам, волю поэта.
Расположение стихотворных произведений Анны Ахматовой по хронологическому принципу стало воз¬можным после уточнения датировки ее произведений.
Как правило, точные даты с указанием года, ме¬сяца, числа, времени дня (ночи), места написания («в вагоне», «на мосту», адрес квартиры, где писалось произведение) имеются в автографах Ахматовой. Многие даты были продиктованы ею составителям ее изданий (В. Н. Орлову, П. Н. Лукницкому), друзьям, помогав¬шим ей при перепечатке рукописей (Н. Л. Дилактор¬ской). Даты (иногда неверные) — обычно год написа¬ния—указывались при публикации стихов в периодике.
В случае если дата может быть уточнена лишь по времени публикации, отправления текста в письме, или чтения друзьям, зафиксировавшим это в дневниках, и т. п., —она дается в угловых скобках, означающих: не позже такого-то числа, месяца, года). Ранние стихо¬творения, которые Ахматова позже «вспоминала», часто требуют постановки двух дат. Указание места в сопостав¬лении с хронологической канвой жизни и творчества Ахматовой иногда позволяет уточнить дату.
Если подобная работа уже была проделана пре¬дыдущими издателями сочинений Анны Ахматовой — В. М. Жирмунским, В. А. Черных, М. М. Кралиным и др., —дается отсылка на их публикации.
В ряде случаев сведения о датах расходятся, так как Ахматова часто в разных экземплярах своих книг и разных автографах и списках ставила даты по памяти. В. М. Жирмунский для уточнения дат пользовался экземп¬лярами книг из архива М. Л. Лозинского и рукописями (автографами, списками и перечнями стихотворений) из собрания Н. Л. Дилакторской 1945—1956 гг., М. М. Кралин — также материалами Н. Л. Дилактор¬ской, экземплярами книг Ахматовой с ее пометами — напр., «Белая стая», 1917, подаренной В. В. Срезневско¬му, автографами из государственных хранилищ и част¬ных собраний. В случае разных сведений о датах в раз¬личных источниках либо приводится аргументация в пользу наиболее достоверной даты, либо, если уточне¬ния в настоящее время невозможны, указываются оба варианта датировки со знаком вопроса.
В качестве основного текста берется автограф, спи¬сок (авторизованный) или печатный текст, в котором выражена последняя авторская воля поэта, свободная от давления цензуры и соображений конъюнктурного порядка. Если один и тот же текст печатается несколько раз без изменений, он воспроизводится по наиболее ран¬нему изданию. Если текст изменялся, то произведение публикуется в последней авторской редакции по наи¬более авторитетным изданиям («Из шести книг», «Бег времени», серия «Библиотека поэта» и др.). В коммен¬тариях названы прижизненные книги Ахматовой, в кото¬рые включалось стихотворение, указаны печатные изда¬ния, где оно было опубликовано впервые, приводятся варианты и разночтения.
Чтобы представить полный хронологический ряд творчества Ахматовой, произведения незавершенные или «недовспомненные», а также наброски не выделяются в особый раздел, а печатаются в порядке общей хроноло¬гии. Это сделано отчасти потому, что форма «фрагмен¬та», недописанности, оборванности мысли, строфы, стро¬ки часто использовалась Ахматовой сознательно, уже в ранние годы став одной из характерных особенностей ее стиля. Ахматова любила форму четверостишия, у нее есть трехстишия, двустишия и даже «моностихи» — закон¬ченные произведения в виде единственной строки. Она могла отбросить две начальные строки в строфе, первона¬чально написанной в традиционной манере, или послед¬нюю (последние) строку стихотворения, могла изменить «правильную рифмовку» на вариант нерифмованного сти¬ха, как это было сделано, например, в «Поэме без героя»:
Было: А так как мне бумаги не хватает, Я на твоем пишу черновике. И вот чужое слово проступает... И как снежинка на моей руке, Доверчиво и без упрека тает.
Стало: ...А так как мне бумаги не хватило...
Остальные рифмы остались на месте, но возникло ощущение зачина —фрагмента.
Широко известное стихотворение «Это рысьи глаза твои, Азия...» в одном из вариантов неизданной книги «Нечет» имело первые две строки, делающие начальную сТрсхJ, «правильной»:
Не блистательная фантазия— Лепесток, утонувший в вине...

Строки не удержались, зачин-фрагмент сохранился.
Существует автограф, в котором стихотворение «Всем обещаньям вопреки...» из цикла «Черные песни» имело законченную последнюю строфу:
Он больше без меня не мог: Пускай позор, пускай острог... Я без него могла
Смотреть, как пьет из лужи дрозд И как гостей через погост Зовут колокола.
Здесь же приписка: «Слушаю: Сказки Гофмана». В книге «Бег времени» строфа обрывается строкой: «Я без него могла». В последних строках нет никакого «криминала» для цензуры и властей 1965 г., поэтому прав¬ку следует считать последней авторской творческой волей.
В ряде стихотворений Ахматова сохраняет внутрен¬ние «разрывы» текста, отмечая их строками точек, остав¬ляет недописанными строки внутри текста (см., напри¬мер, текст «Третьей» — «Северной элегии»: «В том доме было очень страшно жить...»). Поэтому часто трудно провести грань между произведениями недописанны¬ми, «недовспомненными» и сознательно написанны¬ми, «вспомненными» не до конца или переделанными во фрагмент.
При выборе «основного текста» изучены автогра¬фы, списки, материалы фонограмм с записью чтения Ахматовой своих произведений, прижизненные издания, надписи и заметки Ахматовой на полях ее книг, вос¬поминания современников Ахматовой, память которых долгие годы сохраняла многие ее тексты, — Л. К. Чуков¬ской, В. Г. Адмони, В. Я. Виленкина, В. Д. Берестова, Э. Г. Бабаева и др.
В комментариях учтены текстологические соображе¬ния и сведения составителей и комментаторов наиболее авторитетных посмертных изданий Анны Ахматовой:
В. М. Жирмунского — Анна Ахматова. Стихотворе¬ния и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1976. Б-ка поэта. Боль¬шая сер.;
В. А. Черных —Анна. Ахматова. Соч.: В 2 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Изд. 1-е. М.: Худож. литерату¬ра, 1986 и изд. 2-е, исправ. и доп. М.: Худож. литерату¬ра, 1990;
М. М. Кралиш — Анна Ахматова. Соч.: В. 2 т. М.: Библиотека «Огонек», изд. «Правда», 1990;
Г. П. Струве, Б. А. Филиппова, Н. А. Струве — Анна Ахматова. Сочинения. Т. 1 и 2—Мюнхен, «Между¬народное литературное содружество», 1967, 1968, Т. 3 —Париж. Ymca-Press, 1983;
Н. Н. Глен, Л. А. Озерова — Анна Ахматова «Узнают голос мой...» Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэ¬та. М.: Педагогика, 1989;
М. Б. Мейлаха, А. Г. Наймана — Стихотворения Ан¬ны Ахматовой. Душанбе: Адиб, 1990.
Кроме того, учтены отдельные текстологические соображения, высказанные в статьях, книгах и личных беседах с составителем В. Г. Адмони, В. Я. Виленкиным, Л. К. Чуковской, Л. Я. Гинзбург, Р. Д Тименчиком, М. М. Кралиным, А. Г. Найманом.
В квадратных скобках приводятся варианты, зачер¬кнутые или не подтвержденные Ахматовой. Угловые скобки применяются составителями при восстановлении пропусков в тексте. В издании сохранены авторские орфография (напр., «пейзаж», «корельская земля», «корель-ская береза», «мятель») и тгутпегуацкя в тех случаях, когда они носят принципиальный для Ах; матовой характер.
Варианты строк приводятся в комментариях.
В хронологический ряд bi-мочены стихотворения, объединенные Ахматовой позж^ в поэму «Реквием», так как первоначально они создавались как самостоятельные произведения (см. также т. 3).
Собрание сочинений рассчитано на широкий круг читателей, поэтому комментарии, наряду с данными о первых публикациях произведений Анны Ахматовой, о включении стихотворений в циклы и прижизненные издания, как правило, содержат развернутые биографи¬ческие справки об адресатах стихотворений, обстоятель¬ное объяснение реалий, а также историко-литературные сведения, цель которых —ввести читателя в контекст культуры Серебряного века и тем самым помочь нашим современникам глубже понять и правильно оценить твор¬чество выдающегося поэта XX столетия.
Настоящее издание является на сегодняшний день практически полным научным собранием текстов Анны Ахматовой. Вместе с тем составители отдают себе отчет в том, что сейчас еще невозможно говорить о полном своде произведений поэта. В частных собраниях коллек¬ционеров еще немало автографов, списков и даже целых тетрадей, которые долгие годы считались утерянными, уничтоженными самой Ахматовой, или вообще никому не известных текстов, принадлежность которых Ахмато¬вой требует тщательной текстологической проверки. К сожалению, эти коллекционеры пока не дали согласия на опубликование принадлежащих им материалов. В то же время постоянно продолжаются поступления ахматов-ских текстов в государственные архивы —от потомков ее друзей и доверенных лиц. Надеемся, что выход настоящего собрания сочи¬нений побудит их предоставить издателям свои сокро¬вища для публикации, хотя бы в «дополнительном», последнем

томе.
В оформлении текстов использованы графические элементы из рабочих тетрадей Ахматовой. В т. 1 они применены для обозначения начала и конца года.
Сокращения и условные обозначения, принятые в разделе «Комментарии»
КНИГИ И НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ СБОРНИКИ АННЫ АХМАТОВОЙ
«Аппо Domini MCMXX1» –
«Аппо Domini», 1923 –
«Бег времени» –
«Белая стая», 1917 –
«Белая стая», 1918 –
«Белая стая», 1923 –
БО 1, БО 2
«Аппо Domini MCMXX1». Пб; Берлин: «Петрополис», 1922. На титуле 1921.
«Аппо Domini». Стихотворения. Кн. 3. Изд. 2-е, доп. Пб.; Берлин: «Петрополис» и «Алконост», 1923. «Бег времени». Стихотворения. М.; Л.: Сов. писатель, 1965.
«Белая стая». Стихотворения. Пг.: «Гиперборей», 1917. «Белая стая». Стихотворения. Изд. 2-е. СПб.: «Прометей», 1918. «Белая стая». Стихотворения. Кн. 2. Изд. 4-е, доп. Пб., Берлин: «Петрополис» и «Алконост», 1923. Сочинения: В 2 т. М.: Библиоте¬ка «Огонек», изд. «Правда». 1990/Сост. и подгот. текста М. М. Кралина.
БП
«Вечер»
«Из шести книг» «Избранное», 1943 «Избранное», 1952
«Нечет» (РГАЛИ), «Нечет» (РНБ)
«Подорожник» РТ
«Слава миру!» «Стихотворения», 1946
«Стихотворения», 1958 «Стихотворения», 1961
Соч. (с указанием тома)
Стихотворения и поэмы. Изд. 2-е. Л.: Сов. писатель, 1976. Б-ка поэта. Большая сер./Сост., под-гот, текста и примеч. В. М. Жир¬мунского.
«Вечер». Стихи. СПб.: «Цех поэ¬тов», 1912.
«Из шести книг». Стихотворе¬ния. Л.: Сов. писатель, 1940. Избранное. Стихи. [Ташкент], 1943.
«Избранные стихотворения». Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.
машинописные копии сборника стихотворений «Нечет. Седьмой сборник стихотворений. 1936– 1946».
«Подорожник». Стихотворения. Пб.; Берлин: «Петрополис», 1921. Рабочие тетради А. Ахматовой (РГАЛИ, ИРЛИ). Рукопись, рукопись сборника «Слава ми¬ру!», 1952.
Стихотворения. 1909-1945. М.; Л.: Сов. писатель, 1946 (единич¬ные экземпляры уничтоженного тиража).
Стихотворения. М.: ГИХЛ, 1958. Стихотворения. 1909-1960. М.: ГИХЛ, 1961.
Сочинения: В 3 т. Т. 1. Изд. 2-е. Мюнхен. Международное литера¬турное содружество, 1967/Общая ред., всгуп. ст., примеч. и библ. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова; Т. 2. Мюнхен. Международное литературное содружество, 1968/
Соч., 1986
Соч., 1990
«Тростник»
«Четки», 1914 «Четки», 1922 «Четки», 1923
Общая ред., вступ. ст., примеч. и библ. Г. П. Струве и Б. А. Фи¬липпова; Т. 3. Париж: «Ymca-Press», 1983/Общ. ред. Г. П. Стру¬ве, Н. А. Струве, Б. А. Филиппова.
– Сочинения: В 2 т. М.: Худож. литература, 1986. Т. 1. Изд. 1-е/ Сост., подгот. текста и коммент. В. А. Черных.
– Сочинения: В 2 т. М.: Худож. литература, 1990. Т. 1. Изд. 2-е/ Сост., подгот. текста и коммент. В. А. Черных.
– «Тростник». Шестая книга сти¬хотворений. Машинописные планы книги. РНБ. Собрание В. Г. Адмони.
– «Четки». Стихи. СПб.: «Гипербо¬рей», 1914.
– «Четки». Стихи. Изд. 8-е. Пб.: «Алконост», 1922.
– «Четки». Стихотворения. Кн. 1. Изд. 9-е, доп. Пб.; Берлин: «Пет¬рополис» и «Алконост», 1923.
КНИГИ ДРУГИХ АВТОЮВ И СБОРНИКИ, СОСТАВЛЕННЫЕ ДРУГИМИ АВТОРАМИ
ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ
НАЗВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ
Анненский
– Анненский И. Ф. Стихотво¬рения и трагедии. Изд. 3-е. Л.: Сов. писатель. ЛО, 1990. Б-ка поэта. Большая сер./Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. А. В. Федорова.

рание сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1904-1941. Анна Андреевна Ахматова akhmatovaanna
«Артур и Анна» Бальмонт
Блок
(с указанием тома)
Брюсов
(с указанием тома)
«Воспоминания»
«Встречи с прошлым» (с указанием № выпуска)
«Десятые годы» ГЛМ
Гумилев
(с указанием тома)
«Ежемесячный журнал» «Записные книжки»
К р а л и н М. М. Артур и Анна. Роман в письмах. Л., 1990. Бальмонт К. Д. Стихотворе¬ния. Л., 1969. Б-ка поэта. Боль¬шая сер.
Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960-1963/Сост., под-гот, текста и коммент. В. Н. Ор¬лова.
Б р ю с о в В. Я. Избранные сочи¬нения. В 2 т. М., 1955. Воспоминания об Анне Ахмато¬вой. М.: Сов. писатель, 1991/ Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Чер¬ных. Коммент. А. В. Курт и К. М. Поливанова. Встречи с прошлым. Сборник материалов РГАЛИ. М.
Анна Ахматова. Десятые годы/ Сост. и примеч. Р. Д. Тимен-чика и К. М. Поливанова. М.: Изд-во МПИ, 1989. Государственный литературный музей (Москва).
Гумилев Н. С. Соч.: В 3 т. М.: Худож. литература, 1991/Т. 1. Вступ. ст., сост., примеч. Н. А. Бо¬гомолова; Т. 2. Сост., подгот. текста, примеч. Р. Л. Щербакова; Т. 3. Подгот. текста и примеч. Р. Д. Тименчика. Ежемесячный журнал литерату¬ры, науки и общественной жиз¬ни. СПб.-Пг.
Записные книжки Анны Ахмато¬вой (1958-1966). М.; Torino: Einaudi. 1996 (РГАЛИ) /Сост.
ИМЛИ
ИРЛИ
Кузмин
Лесман
Лукницкий
(с указанием тома)
Мандельштам (с указанием тома)
Мок-Бикер
Найман и подгот. текста К. Н. Суворо¬вой. Вступ. ст. Э. Г. Герштейн, вводи. заметки, указатели
В. А. Черных.
— Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН.
— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
— Кузмин М. Стихотворения. СПб: Гуманитарное агенство «Академический проект», 1996. Новая б-ка поэта/Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова.
— Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотирован¬ный каталог. Публикации. М.: «Книга», 1989.
— Лукницкий П. Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924-25. Париж: Ymca-Press, 1991; Т. 2. 1926-1927. Париж; Москва. Ymca-Press — Русский путь, 1997.
— Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 4 т. М.: Арт-бизнес-центр, 1993-1997/Сост. П. Нерлер, А. Никитаев (1—3 тт.); П. Нер¬лер, А. Никитаев, Ю. Фрейдин, С. Василенко (4 т.).
— Мок-Бикер Э. «Коломбина десятых годов». Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб.: Изд. Гржебина. АО «Арене». М.: «Книга», 1989.
— Най ман А. Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. литера¬тура, 1989.
«Об Анне Ахматовой»
«Памяти Анны Ахматовой»
«Памятники культуры» (с указанием года)
«После всего» «Поэма без героя»
РГАЛИ РГБ
РНБ
«Свою меж вас еще оставив тень...»
Тютчев
Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания, письма. Л.: Лениздат, 1990/Сост. М. М. Кра-мин.
Анна Ахматова. Стихи. Письма. В сб.: Памяти Анны Ахматовой. Paris: Ymca-Press, 1974. Памятники культуры. Новые от¬крытия. Ежегодник. Л. или М.
Анна Ахматова. После всего/Ста¬тья Р. Д. Тименчика. Сост., при¬меч. Р. Д. Тименчика и К. М. По¬ливанова. М.: Изд-во МНИ, 1989. Анна Ахматова. Поэма без

ге¬роя/Статья Р. Д. Тименчика. Сост. и примеч. Р. Д. Тимен¬чика и В. Я. Мордерер. М.: Изд-во МПИ, 1989. Российский государственный ар¬хив литературы и искусства. Российская государственная библиотека (бывш. ГБЛ—Госу¬дарственная библиотека СССР им. В. И. Ленина), М. Российская национальная библио¬тека (бывш. Государственная пуб-личная библиотека им. М. Е. Сал¬тыкова-Щедрина), СПб. «Свою меж вас еще оставив тень...»/Ахматовские чтения. Вып. 3. Наследие. М., 1992. Тютчев Ф. И. Поли. собр. сти¬хотворений. Изд. 3-е. М., 1987. Б-ка поэта. Большая, сер./Вступ. ст. Н. Я. Берковского. Подгот. текста и примеч. А. А. Нико¬лаева.
«Узнают голос мой...» Хейт
Черных, 1
Чуковский, 1 Чуковский, 2
Чуковская
(с указанием тома)
«Я—голос ваш» «Gaudeamus»
«Requiem»
Анна Ахматова. «Узнают го¬лос мой...» Стихотворения. Поэ¬мы. Проза. Образ поэта/Сост. Н. Н. Глен, Л. А. Озеров. М.: Педагогика, 1989. Хейт А. Анна Ахматова. Поэ¬тическое странствие. Дневники, воспоминания, письма. М.: Раду¬га, 1991/Предисл. А. Наймана. Коммент. В. Черных. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1. 1889-1914. М.: Эдитори-ал. 1996.
Чуковский К. Дневник. 1901 – 1929 гг. М.: Сов. писатель, 1991. Чуковский К. Дневник. 1930– 1969 гг. М.: Современный писа¬тель, 1994.
Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. В. 3 т. М.: «Согласие», 1997. Анна Ахматова. «Я – голос ваш...». М.: изд-во «Книжная палата», 1989/Сост. В. А. Чер¬ных. Вступ. ст. Д. Самойлова.
«Gaudeamus». Литературно-ху¬дожественный еженедельный журнал для студенчества. СПб. 1911. Ред. В. П. Фридолин. Зав. стихотворным отделом Вл. Нарбут.
Анна Ахматова. Requiem/Or. Р. Д. Тименчика. Сост. и примеч. Р. Д. Тименчика и К. М. Полива¬нова. М.: Изд-во МПИ, 1989.
5 Лилии. Впервые—«Памятники культуры». 1979. С. 140, в статье Р. Д. Тименчика «Ранние поэтические опыты Анны Ахматовой» по автографу из собрания Л. Н. Радловой, дочери художника Н. Э. Радлова (Мос¬ква); другой автограф —ИМЛИ, с разночтением в строке 3: пушисгых вместо «росистых», подпись N. Горенко. Дата —по автографу из собрания Л. Н. Радловой. Печ. по публикации Р. Д. Тименчика. Первое по времени из сохранившихся ранних сти¬хотворений Ахматовой, большая часть которых была ею уничтожена. П. Н. Лукницкий 17 декабря 1924 г. за¬писал в дневнике слова Ахматовой: «У меня есть около 15 стихотворений, которые я не решусь никому показать: это детские стихи. Я их писала, когда мне было 13 – 14 лет» (Лукницкий, 1. С. 8).
Лилии – излюбленный цветок в поэтической системе раннего русского символизма; образ восходит к Библии. В лирике Серебряного века чаще всего лилия символизи¬ровала близость смерти. См. у З. Гиппиус в стихотворе¬нии «Иди за мной» (1895):
Полуувядших лилий аромат Мои мечтанья легкие туманит. Мне лилии о смерти говорят, О времени, когда меня не станет. Мир—успокоенной душе моей...
(Гиппиус З. Н. Опыт свободы. М., 1996. С. 26-27).
В поэзии Д. С. Мережковского лилия —символ страсти на грани смерти:
Это смерть, но не боюсь,
Вся бледнея,
Страстно млея, Как в ночной грозе лилея, Ласкам Бога предаюсь.
(«Леда»//МережковскийД. С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 551).
Образ лилии (наряду с образом ивы) присутствует в некоторых переложениях песен Офелии из трагедии В. Шекспира «Гамлет», —см., напр., у А. Блока:
Он такой печальный и строгий, Отчего он такой молчаливый,
такой молчаливый? Я скажу ему много, много Про лилии, про песни, про ивы...
(«Песня Офелии», вариант 1902 г.// Блок, 1. С. 614).
У Блока же образ лилии возникает в стихах о ра¬дости и ее ожидании:
Заповеданных лилий Прохожу я леса. Полны ангельских крылий Надо мной небеса.
(«Верю в Солнце Завета...»//Блок, 1. С. 170).
Лилии и лилеи многократно встречаются в поэ¬тической системе Вяч. Иванова —как знак отсутствия жизни («Спят луга бледноликих лилей» в стихотворении «Лунные розы»); как символ красоты и души в песнях Пана —в стихотворении «Пан и Психея»:
Я видел: лилею в глубоких лесах
Взлелеял Пан. Я слышал Психею в лесных голосах:
Ей вторил Пан.
Я ухом приник: она брала
Его свирель, Дышала в тростник—и новой жила

Тоской свирель.
В стихотворении «Лилия» — описание цветка-грезы, возникшего в плющах руин и на стройных скалах души печального поэта:
Встань, на лазури стройных скал
Души, белея И зыбля девственный фиал,
Моя лился!
Наконец, образ лилии — как образ счастья — не влюбленных дев, не детей, но светлых духов:
Вопросил я светлых духов: «С чем сравнимо ваше счастье, Непорочные, святые?»
Возлетая, пели духи: «С белизною стройных лилий».
(«Золотое счастье»//И в а нов Вяч. Стихотво¬рения. Поэмы. Трагедия. СПб., 1995. Новая б-ка поэта. Кн. 1. С. 177). Предыдущие стихо¬творные примеры—там же. С. 99, 164, 174.
Лилии символизируют нежную стыдливость дев, неподвластных преступным страстям, в лирике К. Баль¬монта («Лесная лилия», «Болотные лилии», «Немая тень» —«Как лилия, смущенная волною,//Склоненная над зеркалом реки...»). С лилией долины (библейский образ лилий Саронской долины) сравнивает Бальмонт се¬бя—поэта: «И я с душою андрогины,//Нежней, чем лилия долины,//Живу как тень среди людей» («К Шел¬ли»—см. Бальмонт. С. 94, 128, 137).
Ближе всего к ахматовскому образу лилии как сим¬вола счастья на фоне печали, боли или разлуки подобный образ в поэзии В. Брюсова —см. стихотворение «Идеал» (1894):
То было смущенное облачко мая, Которое, в дали лазоревой тая, Над лилией видело алый цветок: Улыбку, склоненную к трепету щек!
И больше они никогда не встречались!
Но светлой святыней в их душах остались
Блаженные тени мгновенного дня...
(Брюсов, 1. С. 84). Лилии многократно присутствуют в поэзии И. Ан¬ненского: цикл «Лилии» («Второй мучительный сонет», «Зимние лилии», «Падение лилий»), «Еще лилии» и пр.
Строкой, содержащей образ «умирающих лилий», начинается стихотворение Н. Гумилева «Однажды вече¬ром» (1911), посвященное Ахматовой и посланное Брюсову. В раннем сборнике Гумилева «Романтические цветы» лилия символизирует осуществление мечты «кон¬квистадора в панцире железном»:
Пусть смерть приходит, я зову любую!
Я с нею буду биться до конца, И, может быть, рукою мертвеца Я лилию добуду голубую. (Гумилев, 1. С. 51).
В рабочих тетрадях Ахматовой дважды встречается одно и то же стихотворение с упоминанием лилии. В РТ 114 —с пометой «К Вечеру (1910)»:
Лилия ты, лебедь или дева... Я твоей поверил красоте, —
[Этот] Профиль твой [Бог] Господь в минуту гнева Начертал на ангельском щите.
[Царское Село] Париж
В той же рабочей тетради —другой вариант стихо¬творения с предшествующей записью:
План. Ноябрь 1965 г. Москва I. «Вечер»
К «Вечеру» один из профилей, может быть), даже тот, который в Альбоме (в Музее) и под которым написано): Судейкин. Подпись не надо.
Лилия, ты, лебедь или дева,
Я твоей предался красоте,
Профиль твой Господь в минуту гнева
Начертил на ангельском щите (1910—1911).
Использование Ахматовой образа лилии в смыс¬ловом контексте, близком поэтической системе русского символизма, позволяет уточнить пристрастия начинаю-щего поэта в годы литературного ученичества.
6 «Над черною бездной с тобою я шла...»
Впервые—«Памятники культуры». 1979. С. 140, в статье Р. Д. Тименчика «Ранние поэтические опыты Анны Ах¬матовой» по автографу из собрания Л. Н. Радловой (Москва). Дата —в этом автографе. Печ. по публикации Р. Д. Тименчика.
Посвящено поэту и прозаику Александру Митро-фановичу Федорову (1868 — 1949), одному из поклонников Ахматовой, о котором она отзывалась весьма ироничес¬ки: «Летом Федоров опять целовал меня, клялся, что любит, и от него опять пахло обедом» (из письма С. В. фон Штейну от октября — ноября 1906 г. БО 2. С. 179). «Стихи Федорова, за немногими исключениями, действительно слабы. У него неяркий и довольно со¬мнительный талант. Он не поэт, а мы, Сережа, — поэты» (письмо от 2 февраля 1907 г. тому же адресату. БО 2. С. 182). Книги стихов А. Федорова издавались в 1894 — 1898, 1903 гг. В 1918 г. он выпустил любопытный сбор¬ник: «Анна Ахматова, Александр Блок, Иван Бунин, Игорь Северянин, Александр Федоров. Стихи 1918» (Кн. изд-во «Современные проблемы». М.; Одесса, 1919). На титульном

листе надпись: «Весь доход от издания посту¬пает в пользу военнопленных». Сергей Владимирович фон Штейн (1882–1955)–филолог, поэт и переводчик, муж старшей сестры Анны Ахматовой – Инны Андреев¬ны Горенко, умершей 15 июля 1905 г.
Образ «черной бездны», над которой идут двое, полные «сверкающей грезою», восходит к поэтической системе русского символизма. В стихотворении Вяч. Ива¬нова «Ночь в пустыне» над бездной, на уступах скал развертывается диалог Человека и Духа о смысле жизни и мечты –«...братский звук//Отрыгнут бездны в гулком стоне», в диалог включаются «Падающие звезды», кото¬рые суть «Вечности слезы»:
В беззвучную даль, Играючи с бездной, Мы грезы надзвездной Роняем печаль.
Дух призывает Человека: «... Любви ты жаждешь:// Испей в объятии одном//Любви могучей кубок полный! (Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Кн. 1. С. 76-83.)
Многократно присутствует образ бездны у В. БрКо¬сова, напр., в стихотворении 1895 г.:
Свиваются бледные тени, Видения ночи беззвездной, И молча над сумрачной бездной Качаются наши ступени.
Друзья! Мы спустились до края! Стоим над разверзнутой бездной – Мы, спутники ночи беззвездной, Искатели смутного рая. (Брюсов, 1. С. 63).
Впрочем, в поэзии Вяч. Ивановна и В. Брюсова понятие «бездны» и «пропасти» может быть не связано с реалиями гор, являясь прежде всего категорией астраль¬но-духовной. В стихотворении Брюсова «В неоконченном здании» (1900), напр.:
Бессвязные, странные лопасти Нам путь отрезают... мы ждем. Мы видим бездонные пропасти За нашим неверным путем. (...)
Нам страшны размеры громадные Безвестной растущей тюрьмы. Над безднами, жалкие, жадные, Стоим, зачарованы, мы... (Там же. С. 125).
Образный строй стихотворения Ахматовой свиде¬тельствует о хорошем знании ею в период ученичества поэзии символизма.
/ «О молчи! от волнующих страстных ре¬чей...» Впервые – «Памятники культуры», 1979. С. 140, в статье Р. Д. Тименчика «Ранние поэтические опыты Анны Ахматовой» по автографу из собрания Л. Н. Рад¬ловой (Москва). Печ. по публикации Р. Д. Тименчика.
Любовные переживания занимают значительное место в стихах и жизни Ахматовой-гимназистки: «Кузен Демьяновский объясняется в любви каждые пять минут (узнаете слог Диккенса?) Что мне делать?»; «Даже стыд¬но перед Вами сознаться: я до сих пор люблю Владими¬ра) Голенищева)-Кутузова). И в жизни нет ничего, ничего, кроме этого чувства», – писала она С. В. фон Штейну в 1906 г. (БО 2. С. 178, 177). Однако эти любовные стихи еще являются традиционными формула¬ми любовной лирики, предвещая будущую Ахматову только общим ощущением тревоги, стоящим за ученичес¬кими строками. Владимир Викторович Голгнищев-Куту-зов – студент факультета восточных языков Санкт-Петер¬бургского университета.
8 «Весенний воздух властно смел~~» Впервые – в виде неполной цитаты в письме С. В. фон Штейну от 13 марта 1907 г. («Russian Literature Triquarterly». 1975. № 13. С. 623, публикация Э. Г. Герштейн). Строфа приводится после слов: «Все ушло из души вместе с един¬ственным освещавшим ее светлым и нежным чувством. Мне кажется, Вы хорошо понимаете меня...» (БО 2. С. 185). Далее – указание, что это одно из «крымских» стихотворений. Автограф писем Ахматовой к фон Штей¬ну–РГ АЛИ. Печ. по этому автографу.
8 Крыму (в Евпатории) Ахматова жила с матерью, И. Э. Горенко, с августа 1905 по осень 1906 г.
9 «Я умею любитъ...» Впервые – в письме С. В. фон Штейну от 11 февраля 1907 г. «Russian Literature Triquarterly». 1975. № 13. С. 623 – 624, после слов: «Посылаю Вам одно из моих последних стихотворе¬ний. Оно растянуто и написано без искры чувства.
Не судите меня как художественный критик, а то мне заранее страшно Печ. по автографу РГАЛИ. Да-
та–в этом автографе.
10 «На руке его много блестящих колец...»
Впервые –журн. «Сириус». Париж. 1907. № 2. С. 8. Печ. по журн. «Сириус». При жизни Ахматовой не перепеча-тывалось.
Первое опубликованное стихотворение Анны Ах¬матовой, тогда еще Анны Горенко. Подпись «Анна Г.». По словам Ахматовой, было отредактировано Н. С. Гу¬милевым, издателем журнала «Сириус» (вышло три но¬мера, РНБ). По свидетельству В. М. Жирмунского, авто¬граф находился в альбоме школьной подруги Ахматовой по киевской Фундуклеевской гимназии, был переписан Б. В. Якубовским в 1918 – 1919 гг. и сообщен в 1938 г. профессору И. Г. Ямпольскому (БП. С. 494). Подпись в автографе альбома –А. Г. Авторская редакция в авто¬графе гимназического альбома:

На руке его много прекрасных колец, Покоренных им девственно-нежных сердец, Там сверкают опалы, блестят аметисты, И лучи изумрудов прозрачны и чисты. Бледных жемчугов матово-строгий [стройный] узор Кроет чей-то несказанно-жгучий позор.
Но на бледной руке нет кольца моего,
Никому, никогда не отдам я его.
Мне сковал его месяца луч золотой
И, во сне надевая, шепнул мне с мольбой:
«Береги этот дар, будь мечтою горда», –
Я кольца не отдам никому, никогда.
(БП. С. 418).
и «Улыбнулся, вставши на пороге...» Впер¬вые—журн. «Юность». 1969. № 6, публикация В. М. Жир¬мунского; БП. С. 286. Печ. по автографу в РТ 97, где время написания обозначено: «10-е годы или раньше. Балак¬лава». На даче в Балаклаве Анна Горенко жила с ма¬терью в 1908 г.
1Z «Герб небес изогнутый и древний...»
Впервые—журн. «Наше наследие». 1989. № 3. С. 67, пуб¬ликация В. К. Лукницкой по черновым автографам из ар¬хива П. Н. Лукницкого. Печ. по БО 2. С. 7—8.
«Встречи мая» – возможно, старинная шуточная (немецкая?) песня, где речь идет о встречах юноши с девушками в майский день:
Три девушки шли по тропинке, Смеялся ликующий май: Брюнетка, шатенка, блондинка—Любую из них выбирай!
13 «По полу лучи луны разлились..^ Впер¬вые—журн. «Наше наследие». 1989. № 3. С. 67, пуб¬ликация В. К. Лукницкой по черновым автографам из архива П. Н. Лукницкого. Печ. по БО 2. С. 7 – 8.
14 «Молюсь оконному лучу„.» Впервые— журн. «Звезда». 1961. № 5. С. 146, в составе подборки «Два стихотворения из первой тетради», состоящей из двух стихотворений (второе —«И когда друг друга про¬клинали...»). Вариант строки 2: «Он нежен, бледен, прям». Автограф – РГАЛИ, под загл. «Из первой (Киев¬ской) тетради», с датой —1909. В списке Н. Л. Дилактор-ской дата —31 ноября 1910. В соответствии с поздними планами поэтических сборников Ахматовой, это и еще шесть ранних стихотво¬рений («Подушка уже горяча...», «Тот же голос, тот же взгляд...», «Читая „Гамлета"» (1. «У кладбища направо пылил пустырь...» 2. «И как будто по ошибке...»), «И когда друг друга проклинали...», «Первое возвраще¬ние») должны были составить разд. «Предвечерие», предшествующий книге стихов «Вечер». Открывало кни¬гу «Бег времени», 1965. С. 7. Дата—1909. Печ. по кн. «Бег времени». Дата —по автографу РГАЛИ.
Но в этой храмине пустой. – Ср. у Тютчева: «Сих голых стен, сей храмины пустой//Понятно мне высокое ученье» (из стихотворения «Я лютеран люблю богослуже¬нье...»); «В этой храмине спокойной//Где все тихо и тем¬но» («Как ни дышит полдень знойный...») —Тютчев. С. 122 и 166.
15 «Хорони, хорони меня, ветер!..» Впер¬вые—«Вечер». С. 51; «Четки», 1916. С. 101. Дата про¬ставлена Ахматовой в «Черной тетради» – авторизованном машинописном и рукописном собрании стихотворений (РГАЛИ). Другой автограф без даты —РГАЛИ. В неко¬торых авторских планах включалось в разд. «Предве¬черие». По мнению А. А. Блока, записанному им на книге «Четки» против строк этого стихотворения: «И вели голубому туману//Надо мною читать псалмы», —они представляли собой «крайний модернизм, образцовый, можно сказать, «вся Москва» так писала» (ИМЛИ РАН). Печ. по кн. «Четки», 1916.
16 «Читая „Гамлета"» (1 – 2). 1. «У клад¬бища направо пылил пустырь...» Впервые —в под¬борке «Стихи разных лет» в журн. «Ленинград». 1946. № 1 – 2. С. 13. Вариант строки 3: «Ты сказал мне: «Офелия, иди в монастырь». В автографе «Черной тет¬ради» (РГАЛИ) иное начало:
Мы прощались, пройдя через пыльный пустырь, И вдали голубела река.
Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь... Или замуж за дурака...»
В списке Н. Л. Дилакторской строка 1: «За клад¬бищем направо пылил пустырь». Ну что ж, иди в мона¬стырь...—В трагедии В. Шекспира «Гамлет» эти слова Гамлет говорит Офелии (3-й акт, I сцена): «Ступай в обитель А если тебе непременно надо мужа,
выходи за глупого» (пер. Б. Пастернака). Дата в «Чер¬ной тетради» (РГАЛИ) -1909, Киев.
М. И. Будыко, собеседник Ахматовой в 1962 – 1963 гг., записал ее разъяснение о том, что первую строфу «У кладбища направо пылил пустырь» она написала в 1909 г., «дальше шли очень слабые стихи», и конец она сочинила перед публикацией стихотворения в журнале «Ленинград», то есть в 1945 г., и что «недавно написан третий фрагмент, еще не изданный». Возможно, Ахматова имела в виду стихотворение «Пред¬весенняя элегия», написанное 10 марта 1963 г. в Комарове, где и происходили беседы с М. И. Будыко. В этом стихотворении тоже восемь строк, как и в двух предыдущих, и тоже упоминается Офелия: «Там, слов¬но Офелия, пела//Всю

ночь нам сама тишина» («Об Анне Ахматовой». С. 480). Печ. по кн. «Бег време¬ни». С. 10.
17 2. «И как будто по ошибке...» Впер¬вые—как второе стихотворение в цикле «Читая „Гам¬лета"»—в невышедшей кн. «Стихотворения», 1946 (сиг¬нальный экземпляр —РГАЛИ), то же —в кн. «Стихотворе¬ния», 1961. С. 15, то же в рукописи кн. «Нечет»; общая дата для стихотворений 1 и 2: «1909—1945». Черновой автограф в РТ 98, с датой—1909. В другом черновом автографе РГАЛИ варианты строк:
6: Сразу вспыхнет;
Каждый вспыхнет;
Строгий вспыхнет; 7: Тысяч ласковых сестер, —
что было ближе к тексту Шекспира. Печ. по кн. «Бег времени». С. 10—11.
Я люблю тебя, как сорок//Ласковых сестер... — Слова Гамлета, сказанные им над могилой Офелии (5-й акт, I сцена): «Я любил Офелию, и сорок тысяч братьев, И вся любовь их —не чета моей» (пер. Б. Пастернака). Цикл адресован, по-видимому, Николаю Степановичу Гумилеву (1886—1921). «Опознавательные знаки» этой адреса-ции—определение героя как «принца», брата, а также содержание прямой речи героя.
10 «И когда друг друга проклинали...» Впер¬вые—журн. «Звезда». 1961. № 5. С. 146, в подборке «Два стихотворения из первой тетради». В «Черной тетради» (РГАЛИ)— автограф 1950-х годов, восстанавливающий, возможно, первоначальную редакцию стихотворения. Существует мнение, что тексты этого и других ранних стихотворений, составивших цикл «Предвечерие», были написаны в 1950—1960-е гг. и сознательно «стилизова¬ны» под «раннюю Ахматову». Черновой автограф также в РТ 96, дата — 1909. В ранней редакции варианты строк:
2: В бешенстве тоскующего зла; 7: И в ночи зловещей сердце учит... 11: В душу смотрят строго и упрямо...
В РТ 96 варианты пунктуации и строк:
1—4: В сатанинской гордости своей [В гордости немыслимой своей] Оба мы тогда наверно знали, Что земля мала для двух людей. 10: Хор гремит, ликуя и скорбя. Печ. по кн. «Бег времени». С. 12.
По-видимому, как и предыдущий цикл «Читая „Гам¬лета"», отражает непростые взаимоотношения между Анной Горенко и Николаем Гумилевым в период между «помолвкой» (1907 г.) и венчанием (25 апреля 1910 г.). О своем согласии стать женой Гумилева Ахматова писала С. В. фон Штейну 2 февраля 1907 г.: «Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилева. Он любит меня уже 3 года, и я верю, что моя судьба быть его женой. Люблю ли его, я не знаю, но кажется мне, что люблю (курсив мой. — //. К.). Помните у В. Брюсова:
Сораспятая на муку, Враг мой давний и сестра, Дай мне руку! дай мне руку! Меч взнесен. Спеши. Пора.
И я дала ему руку, а что было в моей душе, знает Бог и Вы, мой верный, дорогой Сережа» (БО 2. С. 181).
Тому же адресату она признавалась 11 февраля 1907 г., получив от него долгожданную фотокарточку
В. В. Голенищева-Кутузова: «...я пять месяцев ждала его карточку, на ней он совсем такой, каким я знала его, любила и так безумно боялась: элегантный и такой рав-нодушно-холодный, он смотрит на меня усталым, спо¬койным взором близоруких светлых глаз. ...) Я слишком счастлива, чтобы молчать. Я пишу Вам и знаю, что он здесь, со мной, что я могу его видеть, —это так безумно хорошо. Сережа! Я не могу оторвать от него душу мою. Я отравлена на всю жизнь, горек яд неразделенной любви! Смогу ли я снова начать жить? Конечно, нет! Но Гумилев —моя Судьба, и я покорно отдаюсь ей. Не осуждайте меня, если можете. Я клянусь Вам всем для меня святым, что этот несчастный человек будет счастлив со мной» (там же. С. 183—184).
19 Из первой тетради. Отрывок. Впер¬вые— журн. «Новый мир». 1969. № 5. С. 53, публикация В. М. Жирмунского, по позднему автографу 1960-х го¬дов. Загл. — в автографе РГАЛИ. Первая (Киевская) тет¬радь не сохранилась. По свидетельству Жирмунского, стихотворение восстановлено Ахматовой по памяти в 1960-е годы. Печ. по автографу РГАЛИ.
20 «Ночь моя —бред о тебе.-» Впервые — журн. «Простор». 1971. № 2. С. 101, публикация Л. А. Мандрыкиной и М. М. Кралина по автографу РНБ. Текст восстановлен Ахматовой в 1960-е годы. Печ. по БП. С. 269-270.
21 «То ли я с тобой осталась...» Впер¬вые—журн. «Звезда». 1969. № 8. С. 164, публикация
В. М. Жирмунского, указавшего, что стихотворение восста¬новлено Ахматовой по памяти в 1960 г. Печ. по БП. С. 270.
22 Из завещания Васильки. Впервые—БО 2.
С. 85 (с неточностью в загл.). Автограф РГАЛИ (РТ 97) относится к 1958 г., когда Ахматова пыталась восстановить стихи «киевского» периода. Печ. по автографу

РГАЛИ.
23 «Глаза безумные твои...». Впервые под загл. «Забытое четверостишие» – БП. С. 317, по автог¬рафу из собрания А. Г. Наймана. Другой автограф – РГАЛИ, опубликован: БО 2. С. 85, имеет то же загл. В собрании М. С. Лесмана – полный текст из 12 строк. Впервые опубликован по другому автографу в статье С. А. Савченко «И лодка плывет, презирая века...». Неизвестные стихи Анны Ахматовой//журн. «Горница». Новосибирск. 1997. № 2. С. 91. Варианты строк:
7: Как на костер, на встречу шла; 10: И облика не знала.
Печ. по автографу из собрания Лесмана (Музей Анны Ахматовой Фонтанный дом).
24/25 Два стихотворения (1 – 2). 1. «По¬душка уже горяча...» Впервые – «Стихотворения», 1958. С. 5. 2. «Тот мсе голос, тот мсе взгляд...»
Там же, без общего загл. В поздних планах поэтических сборников включалось в разд. «Предвечерие». Печ. по кн. «Бег времени». С. 6 – 7.
26 «Сладок запах синих виноградин...» Впер¬вые–«Вечер». С. 74, без даты. Печ. по кн. «Вечер». Да¬та–по списку Н. Л. Дилакторской впервые –БО 2. С. 9.
27 I. «Пришли и сказали: «Умер твой брат»...» Впервые –БП. С. 270 – 271, по автографу из собрания Н. Л. Дилакторской; «Встречи с прошлым», 3. С. 383 – 384, публикация Е. И. Лямкиной. Автографы: РТ 104– из двух частей, без римских цифр, РТ 111 – из трех частей, без посвящения. Варианты строк:
РТ 104 – 3: Как долго сегодня багровый закат;
8: Безудержно рыдает; РТ 111 – 3: Как долго сегодня кровавый закат; 7 – 8: [замолкло]
Куда-то вдаль улетает. 10: Милого брата найду я. Дата-Киев. 1909. БП – 3: Как долго сегодня алый закат.
Пунктуационные варианты: восклицательный знак в конце строки 1, отточие –в конце строки 4. В Соч., 3. С. 22. –по списку из частного собрания, после стро¬ки 12–строка точек, затем 1-я строфа части II. Опечат¬ка в строке 9: «вернуть не могу». Печ. по: Соч., 3. С. 22.
28 П. «Брат! Дождалась я светлого дня...»
Впервые 1-я строфа в качестве 2-й части стихотворения «Пришли и сказали...» – БП. С. 271. В сб. «Встречи с прошлым», 3. С. 384 –две строфы; в Соч., 3. С. 118 – две строфы в качестве самостоятельного стихотворения. Варианты автографа–РТ 104:
2: В каких ты скитался странах?
3: Сестра, отвернись, не гляди на меня;
4: Эта грудь в жестоких ранах;
5: Брат, отчего грусть моя сегодня остра.
Дата-1909, Киев. Печ. по: Соч., 3. С. 118. Дата в списке Н. Л. Дилакторской – 1910. Январь. Киев. Уточ¬нение даты –по БП. С. 271 и БО 2. С. 10.
Посвящено Н. С. Гумилеву; эпиграф из стихотворе¬ния Ш. Бодлера «Жалобы Икара». Это стихотворение позже переводила О. А. Глебова-Судейкина (название в ее переводе «Жалобы одного Икара»):
Постигла огненная кара Того, кто бездну обнимал, И славным именем Икара Никто той бездны не назвал.
(Мок-Бикер. С. 150).
29 «Жарко веет ветер душным...» Впер¬вые–журн. «Gaudeamus». 1911. № 10. С. 2, с вариантом последней строки: «В легкой сетке гамака?» Так же–«Вечер». С. 36; окончательный текст–«Четки», 1914. С. 108. Под № II входило в цикл «Обман» (впервые – «Вечер». С. 35 – 40), посвященный Марии Александровне Змунчилла («Наничке»), двоюродной сестре Ахматовой,
12: Тем, что должны веселиться; 13: Красным простила губам.
в 1915 г. ставшей женой ее брата Андрея Горенко. Автограф в альбоме (ИМЛИ) двоюродной племянницы Н. С. Гумилева Марии Александровны Кузьминой-Карава-евой (1889–1911), с дарственной надписью «Марусе»; дата –июнь 1910 г., разночтение в предпоследней строке: «Что сегодня мне приснится». Печ. по кн. «Четки», 1914. В кн. «Бег времени». С. 28, цикл «Обман» не сохранился. Дата–по списку Н. Л. Дилакторской.
Иммортели – бессмертники, засушенные цветы, не те¬ряющие окраску.
30 « Тебе, Афродита, слагаю танец...» Впер¬вые–«Записки отдела рукописей ГБЛ». Вып. 33. М., 1972. С. 276, в статье Г. Г. Суперфина и Р. Д. Тименчика «Письма А. А. Ахматовой к В. Я. Брюсову». Автограф – РГБ, приложен к письму Ахматовой от ноября ?) 1910 г. Печ. по этому автографу.
Фрина – дочь Эпикла (IV в. до н. э.), греческая красавица гетера, излюбленная модель художников и скульпторов.
31 «Синий вечер. Ветры кротко стихли...»
Впервые–«Вечер». С. 37 – 38. Под № III входило в цикл «Обман». Авторизованный список–РГАЛИ; дата –БП. С. 35. Печ. по кн. «Вечер».
32 «Хочешь знать, как все это было?..»

Впервые–«Вечер». С. 24, с отточием в начале первой строки и вариантом пунктуации последней строки: «Да?!» Окончательный текст –«Из шести книг». С. 287; «Бег времени». С. 23. Печ. по сб. «Из шести книг». Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
33 «Я написала слова..м Впервые – «Вечер». С. 39 – 40. Под № IV входило в цикл «Обман». Вариан¬ты строк в ранней редакции:
В кн. «Четки», 1914 –строка 12: «Тем, кто должны веселиться». Печ. по кн. «Бег времени». С. 29 – 30. Да¬та–по списку Н. Л. Дилакторской.
«Весенним солнцем это утро пьяно...»
Впервые –журн. «Gaudeamus». 1911. № 9. С. 1. Под № I входило в цикл «Обман»; «Вечер». С. 35 – 38, с вари¬антом строки 10: «изысканные клумбы»; «Четки», 1914. С. 107. Печ. по кн. «Четки», 1914. Дата–по списку Н. Л. Дилакторской.
Маскарад в парке. Впервые–«Литератур¬ный альманах «Аполлон». СПб., 1912. С. 43, где имелись некоторые отличия от текста, приведенного в кн. «Ве¬чер». С. 63 – 64.
Варианты строк:
5: О принц! –и жеманно присела; 8: От первых предчувствий любви; 16: Ну что же? Пора танцевать?
Печ. по кн. «Вечер» с исправлением двух опеча¬ток–в строках 4 и 14. Дата –по списку Н. Л. Дилактор¬ской. При жизни Ахматовой не перепечатывалось.
По сюжету близко стихотворению Н. Гумилева «Маскарад» (1907) из сб. «Романтические цветы», посвя¬щенного А. А. Горенко. Их смехом встречает Пьеро...– Ср. финал стихотворения А. Блока «Свет в окошке шатался...» (1902): «У задумчивой двери//Хохотал Арлекин» (Блок, 1. С. 210). Сюжеты, связанные с маска¬радными образами Коломбины, Пьеро и Арлекина, мар¬кизы и принца, были широко распространены в поэзии русского символизма.
36 Он любил... Впервые–«Вечер». С. 70. Печ. по кн. «Вечер». Дата –БП. С. 45.
Речь идет о Н. С. Гумилеве. Строки: «Он любил три вещи на свете...», «Не любил, когда плачут дети...» яв¬ляются перекличкой со строками И. Анненского «Я люблю, когда в доме есть дети//И когда по ночам они плачут»; В. В. Виноградов в статье «О символике А. Ахматовой» проводил параллель между ее стихами и романами Кну¬та Гамсуна и полагал, что «большинство стихов Ахмато¬вой стилизовано во вкусе гамсуновской Эдварды Мак из романа «Роза» и обращено к «Милому». М. М. Кралин (БО 2. С. 315) нашел аналогию со словами Глана, героя романа «Роза»: «Я люблю три вещи... Я люблю грезу любви, которая приснилась мне однажды, люблю тебя и люблю этот клочок земли» (Гамсун К. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1910. С. 116). В автобиографической прозе Ахматова называла К. Гамсуна в числе любимей¬ших писателей своей юности. «Читала много и постоян¬но. Большое (по-моему) влияние на нее оказал тогдаш¬ний властитель дум Кнут Гамсун («Загадки и тайны»), Пан, Виктория меньше (П° автографам РНБ опуб-
ликовано Л. А. Мандрыкиной, – журн. «Нева». 1979. № 6. С. 196; перепечатано в Соч., 3. С. 509). Ахма¬това писала о себе в третьем лице, как бы от лица В. С. Срезневской (Тюльпановой).
37 «На столике чай, печения сдобные...»
Впервые –журн. «Cahiers du Monde Russe et Sovietique». Париж. 1974. № 1–2. С. 199, по рукописи из собрания Н. Л. Дилакторской. Печ. по БП. С. 271. Дата –по спис-ку Н. Л. Дилакторской.
Манера женщины-поэта писать стихи о любви, разлуке, разрыве от мужского лица, и мужчине-поэту от женского – характерна для лирики русского символизма.
38 Старый портрет. Впервые–«Всеобщий журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни». 1911. № 3. С. 151. Печ. по этой публикации.
Первое стихотворение, опубликованное Анной Ах¬матовой в России, первое появление в печати псевдонима «Анна Ахматова».
Экстер Александра Александровна (1884 – 1949) – художница, одна из выдающихся представительниц рус¬ского авангарда. Жила и работала в Киеве, Москве, Петербурге и Париже; в 1910–1920-е годы была близ¬ка к художникам французского авангарда (Ф. Леже, А. Соффичи, А. Озанфану, Ле Корбюзье). Была знакома с А. Модильяни. Писала в стиле кубистической живопи¬си, кубофутуризма, использовала технику коллажа и «цветовых конструкций».
В 1915 г. занялась сценографией. Оформила для Камерного театра А. Я. Таирова в Москве драмы «Фа-мира Кифаред» И. Анненского (1916) и «Саломея» О. Уальда (1917).
А. А. Экстер выступала и как книжный график. С ее рисунками выходили книги: Анненский И. «Фа-мира-Кифаред. Вакхическая драма» (СПб.: «Гиперо-рей», 1919 –обложка Н. Радлова, концовки –А. Белс-бородова, В. Белкина, Д. Митрохина, С. Судейкина); Лившиц Б. «Волчье солнце» («Гилея», 1914); Таи¬ров А. Я. «Записки режиссера» (М., 1921); Лив¬шиц Б. «Полутораглазый стрелец» (Л.; изд-во писа¬телей, 1933) и т. д.

Ахматова была дружна с А. А. Экстер в Киеве. В рабочих тетрадях Ахматовой среди автобиографичес¬ких воспоминаний несколько раз встречается имя Экстер (см., напр., РТ 112: «Ася Экстер про Моди»; РТ 114: «В Киеве Ася Экстер показывала последние парижские тряпки и клялась, что это нечто такое, что дальше неку¬да. „Что-то должно случиться!" Это что-то не заставило себя долго ждать».
В доме А. А. Экстер в Киеве в ноябре 1909 г. жили Н. С. Гумилев и М. А. Кузмин, приехавшие для выступ¬ления на вечере «Остров искусств».
В Париже в 1910 г. Гумилевы, совершающие свадеб¬ное путешествие, посещали мастерскую А. Экстер, встре¬чались у нее с французскими художниками (см. Лук-ницкий, 1. С. 107).
А. А. Экстер писала портрет Анны Ахматовой, местонахождение которого неизвестно (см. М. М. Кра-лин. БО 2. С. 315). Цитра — щипковый музыкальный инструмент, возник в XVIII в. Упоминание о цитре есть еще в одном стихотворении Ахматовой, посвященном художнику —«...это тот, кто сам мне подал цитру...» — С. Ю. Судейкину, где речь идет об Аполлоне. Роза в граненом бокале... — Ср. у А. Блока: «Я прислал тебе черную розу в бокале...» из стихотворения «В ресторане», напечатанного в журн. «Русская мысль». 1910. № 11. Позже Ахматова процитирует эту блоковскую строку в «Поэме без героя» (см. т. 3).
Первое возвращение. Впервые —журн. «Наш современник». 1960. № 3. С. 179. В кн. «Бег времени». С. 13 —в разд. «Из книги «Вечер». Дата —в автографе РГАЛИ. В рукописи кн. «Нечет» (РНБ) вари¬ант даты: «1910. Ц(арское) С[ело) —1945». Название появилось, по-видимому, после 1944 г., когда Ахматовой было написано стихотворение о Царском Селе «Послед¬нее возвращение». В собрании Н. Л. Дилакторской вари¬анты строк:
2—3: Томительно гудят колокола,
И снова дух смятенный потревожен...
Печ. по кн. «Бег времени».
Прошло пять летя.—Ахматова покинула Царское Се¬ло в 1905 г., когда разошлись ее родители, и мать с деть¬ми была вынуждена уехать на юг. Вернулась осенью 1910 г. после замужества. В Царском Селе был дом матери Н. С. Гумилева — Анны Ивановны Гумилевой (урожд. Львовой, 1854—1942), где поселились молодые.
40 «Я смертельна для тех, кто нежен и юн..м Впервые—альм. «Поэзия». № 12. М., 1974. С. 111. Печ. по БП. С. 271.
Возможно, перекликается со стихотворением А. Блока «Гамаюн, птица вещая», впервые напечатанным в газ. «Ки¬евские вести» (27 апреля 1908 г.) и навеянным картиной В. М. Васнецова, изображающей сказочную птицу Гамаюн с лицом женщины. Жившая в Киеве Ахматова могла прочи¬тать стихи Блока при их первой публикации. Гамаюн— в русском фольклоре птица—вещунья печали и смерти.
41 Сероглазый король. Впервые — журн. «Аполлон». 1911. № 4. С. 20; «Вечер». С. 67; «Бег времени». С. 37. Печ. по кн. «Бег времени». Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.
Одно из самых известных ранних стихотворений Ахматовой. Черновой автограф РГАЛИ говорит о тща¬тельной работе поэта над строками:
4: Муж мне с улыбкой о смерти сказал;
Муж мне с улыбкой о страшном сказал;
Муж мой, вернувшись, с улыбкой сказал; 6: Тело в овраге у речки нашли;
Тело в овраге у башни нашли.
В сб. «Из шести книг» в тексте появились две строки после 12-й: «И покажу ей над башней дворца// Траурный флаг по кончине отца». В кн. «Бег времени» эти строки исключены.
По словам Ахматовой, стихотворение было «опы¬том баллады». Схема образов—король, королева, муж, жена, возлюбленная, оплакивающая мертвого короля,— напоминает схему образов стихотворения А. Блока «По¬темнели, поблекли залы...» (1903): «Королева, королева больна», «...король, нахмуривший брови», возлюбленный королевы, который «плакал, сжимая кольцо» и еще не¬кто, «незнакомец с бледным лицом», который вторил рыданьям возлюбленного (Блок, 1. С. 263). Романс на слова этого стихотворения исполнял А. Вертинский.
«Стояла долго я у врат тяжелых ада...» Впервые — «Памятники культуры», 1983. С. 117. Печ. по этой публикации.
Записано в альбом поэта-царскосела, сына И. Ф. Ан¬ненского, Валентина Кривича (наст. фам. Анненский, 1880—1936), с подписью: «Анна Ахматова (Гумильви-ца)» (РГАЛИ).
Ч-J «В комнате моей живет красивая...»
Впервые — газ. «Тартуский государственный универ¬ситет». 1982. 5 ноября, публикация Р. Д. Тименчика по авторизированному списку РГАЛИ. Печ. по этому списку.
«Сжала руки под темной вуалью...»
Впервые — журн. «Новая жизнь». 1911. № 7. С. 5; «Ве¬чер». С. 19. Печ. по кн.

«Вечер». Дата –по «Черной тетради» (РГАЛИ).
Вечерняя комната. Впервые–«Вечер». С. 65 – 66. Печ. по кн. «Вечер». Дата –БО 2. С. 15.
Саше – подушечка или мешочек с душистыми тра¬вами. Севрские статуэтки – художественные изделия фар¬форового завода в городе Севр (близ Парижа) в стиле рококо или классицизма (с 1770-х годов). Виола – струн¬ный музыкальный инструмент, распространенный в сред¬ние века.
46/47 Алиса (1–2). /. «Все тоскует о за¬бытом...» //. «Как поздно! Устала, зеваю...» Впер¬вые–«Вечер». С. 59 – 62, с опечатками (пропуск слов) в 15 и 17-й строках. Исправление опечаток –БП. С. 41. Печ. по БП. С. 41-42. Дата-БО 2. С. 15-16.
Этот цикл Ахматова не включала в последующие сборники. Отражает краткий период увлечения стилиза¬цией под «версальские» сюжеты изобразительного и теат-рального модерна 1900 –начала 1910-х годов. Подобные сюжеты –любовные треугольники: госпожа (маркиза, графиня, королева) – служанка (подруга, соперница, муж) – герой-возлюбленный (граф, маркиз, принц, ко¬роль) или Коломбина –Арлекин –Пьеро –были широко распространены в поэзии русского символизма и постсим¬волизма: их можно найти у Брюсова, Блока, Анненского, Кузмина, Вяч. Иванова, Бальмонта, Северянина и др. Как Пъеретта о разбитом//Золотистом кувшине... Пъеретта – ге¬роиня басни Ж. Лафонтена «Разбитый кувшин». Статуя
Пьеретты над разбитым кувшином –знаменитая статуя П. П. Соколова «Дева с кувшином» в Екатерининском парке Царского Села, воспетая Пушкиным и в 1916 г. Ахматовой в стихотворении «Царскосельская статуя». Миньона–тля героини романа И. В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мей стера» – итальянской девочки-танцовщи-цы; песня Миньоны «Ты знаешь край...» известна в рус¬ской поэзии в переводе Тютчева, Пастернака и др. поэ¬тов; имя Миньоны широко употреблялось в поэзии Серебряного века (ср. у М. Кузмина: «Шлет привет его Миньоне...», «То Мария, то Миньона...» в стихотворении 1909 г. «Петь начну я в нежном тоне...»). Аграф– брошь или запонка, украшенная драгоценными камнями.
48 «Память о солнце в сердце слабеет...»
Впервые –журн. «Новая жизнь». 1911. № 7. С. 5, без строк 5 –8, с загл.: «Не может быть!» То же–«Вечер». С. 20, без загл. Вместо загл. повторены первые слова стихотворения: «Память о солнце». Строки 5 – 8 впервые появились в изд. «Стихотворения», 1961. Печ. по кн. «Бег времени». С. 19. Дата –в «Черной тетради» (РГАЛИ).
49 Белой ночью. Впервые – «Вечер». С. 49. Строки этого стихотворения: «Пьянея звуком голоса,// Похожего на твой...» –Ахматова считала лучшими в сво¬ей ранней лирике. Печ. по кн. «Бег времени». С. 34. Дата –в «Черной тетради» (РГАЛИ).
50 «Как соломинкой, пьешь мою душу..м
Впервые – «Вечер». С. 27–28, с иной строкой 11: «Кто он! –Брат мой или любовник» – и вариантами пунктуа¬ции. Окончательная редакция–«Четки». 1914. С. 103. Печ. по кн. «Четки», 1914. Дата –по списку Н. Л. Дилак¬торской.
51 «Мне больше ног моих не надо...» Впер¬вые–журн. «Аполлон». 1911. № 4. С. 22, с вариан¬том 13-й строки: «А ты, игрушечный, ужели»; «Вечер». С. 30 – 31. Печ. по кн. «Вечер». Дата –БО 2. С. 16.
Смотри, как глубоко ныряю,//Держусь за водоросль ру¬кой...–Анна Горенко прекрасно плавала. Н. Гумилев вскоре после знакомства с ней попросил друга –будущего композитора Владимира Дешевова – расписать стену сво¬ей комнаты картиной подводного царства, где Аня Горен¬ко была изображена в виде русалки. См. также стихотво¬рение Н. Гумилева «Русалка» (1903).
52 «Три роза пытать приходила.*» Впер¬вые – «Вечер». С. 85 – 86. В черновом автографе РГАЛИ имело загл. «Двойник» и подзагол: «Сегодня ночью». Печ. по кн. «Вечер». Дата – по списку Н. Л. Дилак¬торской.
53 «Дверь полуоткрыта*.» Впервые – журн. «Gaudeamus». 1911. № 8. С. 1; «Вечер». С. 22-23, с опечаткой в строке 6: «шорохом»–и разночтениями в пунктуации. Печ. по кн. «Бег времени». С. 22. Дата – в «Черной тетради» (РГАЛИ).
54 Подражание И. Ф. Анненскому. Впер¬вые–«Вечер». С. 75 – 76. Печ. по кн. «Вечер». Дата– по списку Н. Л. Дилакторской. Другая редакция– «Из шести книг». С. 314, с иными строками 2, 4, 10–12: вместо «Чернела вода» появилось: «Восток голубел», со¬ответственно строка 4 была: «Я так странно пове¬рил тогда», стала: «Я не сразу поверил тебе». Вместо: «Не знаю, зачем» и далее –стало: «...и странно тогда:// Все как будто с прощального мига//Не прошли невозврат¬но года». При этом оказались утраченными реалии, вос¬ходящие к стихам Анненского. Иннокентий Федорович Анненский (1855–1909) – поэт, литературный критик, переводчик. После прочте¬ния сб. «Кипарисовый ларец» (в корректуре в начале 1910 г.) Ахматова стала считать его своим учителем. Семьи Горенко и Анненских были знакомы в начале 1900-х годов по Царскому Селу; гимназисткой Ахматова посе¬щала публичные лекции Анненского (напр., о Пушкине).

На старшей сестре Ахматовой Инне Андреевне Горенко был женат брат невестки Анненского С. В. фон Штейн. По семейному преданию, когда Анненскому сказали об этой свадьбе, он ответил: «Я бы женился на младшей» — «Этот весьма ограниченный комплимент был одной из лучших драгоценностей Ани» («Десятые годы». С. 34). Ахматова не пересказывает сюжета Анненского, — подоб¬ных стихов у него нет. Но использует его излюбленные образы и передает тонкость оттенков переживаний, столь характерную для лирики Анненского. Ср. строки Ах¬матовой: «О, сказавший, что сердце из камня,//Знал наверно: оно из огня» со строками Анненского:
Я думал, что сердце из камня, Что пусто оно и мертво: Пусть в сердце огонь языками Походит—ему ничего.
У Ахматовой: У Анненского:
И цветы голубых хризантем, ...догорала мечта
Голубых хризантем...
...чернела вода. И парков черные... пруды;
И всегда открывается книга Мне всегда открывается та же В том же месте...
Залитая чернилом страница...
Ритм стихотворения повторяет ритм «Canzone»* Анненского, и ахматовское стихотворение представляет¬ся как бы его продолжением. У Анненского:
Если б вдруг ожила небылица, На окно я поставлю свечу, Приходи... Мы не будем делиться, Всё отдать тебе счастье хочу!
Ты придешь и на голос печали, Потому что светла и нежна, Потому что тебя обещали Мне когда-то сирень и луна.
Песня (шп.).
Но... бывают такие минуты, Когда страшно и пусто в груди... Я тяжел —и немой и согнутый... Я хочу быть один ... уходи! (Анненский. С. 198, 140, 62, 107, 156).
55 «По аллее проводят лошадок...» Впер¬вые—Литературный альманах «Аполлон». С. 42; «Ве¬чер. С. 14, где загл. «В Царском Селе» относится к циклу из трех стихотворений (П. «... А там мой мраморный двойник...», III. «Смуглый отрок бродил по аллеям...»). Вариант строки 5: «Странно вспомнить! Душа тоско¬вала». Печ. по сб. «Из шести книг». С. 278. Дата — по списку Н. Л. Дилакторской. Странно вспомнить: душа тосковала... — О тоске по оставленному в 1905 г. Царскому Селу Ахматова писала и говорила неоднократно,— см., напр.: «Мы це¬лый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Цар¬скому Селу и писала множество беспомощных стихов» («Коротко о себе», 1965).
56 «Я пришла сюда, бездельница...» Впер¬вые—журн. «Новая жизнь». 1912. № 1. С. 5; «Вечер». С. 47 — 48, с иной пунктуацией. Печ. по кн. «Четки», 1914. Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.
Образ умершей русалки близок к образу стихотво¬рения Ф. Сологуба «Дышу дыханьем ранних рос...» (1907):
Она стонала над водой, Когда ее любовник бросил. Ее любовник молодой На шею камень ей повесил.
(Сологуб Ф. Стихотворения. 1975. Б-ка поэта. Большая сер. С. 339).
Повилика — вьющееся растение; другие названия — павилик(ц)а (Даль В. Т. 3. С. 5).
«Шелестит о прошлом старый дуб...»
Впервые — альм. «Поэзия». № 12. М., 1974. С. 112. Черновой автограф —в РГАЛИ. В строке 10 первоначаль¬но было: «с тобой», исправлено на «еще». Печ. по БП. С. 273, где опубликовано по автографу РГАЛИ, имеюще¬му № 149, что позволяет определить время написания как февраль 1911 г.
Надпись на неоконченном, портрете.
Впервые — «Литературный альманах «Аполлон». 1912. С. 43, без загл.; «Вечер». С. 72 — 73. Печ. по кн. «Вечер». Дата —по экземпляру кн. «Вечер» с пометами автора (РГАЛИ). То же — Черных, 1. С. 40. При жизни Ах¬матовой не перепечатывалось. Исследователи иконографии Ахматовой, в частно¬сти Ю. Молок, считали, что Ахматова пишет о вообража¬емом портрете. Однако сейчас, когда найдены рисунки А. Модильяни, изображающие Ахматову в 1910—1911 гг., можно предположить, что имеется в виду один из рисун¬ков Модильяни или его картина «Кариатида» (1911, масло, холст), на которых изображена обнаженная жен¬щина с поднятыми, согнутыми в локтях руками — «Взле¬тевших рук излом больной». (См. об этом в кн.: Лян-да Н. Ангел с печальным лицом. Образ Ахматовой в творчестве Модильяни. СПб., АО «Арсис», 1996. С. 22 — 25). Впрочем, сама Ахматова опровергала мысль об адресованности стихотворения Модильяни. О значе¬нии встречи с Амедео Модильяни и о стихах Ахматовой, ему посвященных, см. также в коммент. к стихотворениям «Мне с тобою пьяным весело...», «В углу старик, похо¬жий на барана...» и «Рисунок на книге стихов». С мень¬шей степенью вероятности можно предположить, что речь идет о незаконченном портрете, над которым рабо¬тала А. А. Экстер, писавшая в манере кубистической живописи с характерными для нее геометрическими эле¬ментами

композиции («Взлетевших рук излом больной»). Тогда строки: «Он так хотел, он так велел» и далее – относятся не к художнику, а к герою драматического любовного сюжета. Об А. А. Экстер подробнее см. в ком¬мент. к стихотворению «Старый портрет».
Я не могла бы стать иной!/Пред горьким часом наслаж¬денья... И нет греха в его вине. – Рисунки Модильяни изо¬бражают обнаженную женскую фигуру с удлиненными пропорциями. По воспоминаниям Ахматовой, художник говорил, «что прекрасно сложенные женщины, которых стоит лепить и писать, всегда кажутся неуклюжими в платьях». Словами мертвыми и злыми... – Характеристи¬ка художника отчасти совпадает с образом Модильяни в воспоминаниях о нем Ахматовой: «...все божественное в Модильяни только искрилось сквозь какой-то мрак».
59 «Я живу, как кукушка в часах...» Впер¬вые–«Вечер». С. 78, под загл. «Кукушка», с иной пунк¬туацией. Печ. по кн. «Бег времени». С. 26. Дата – по черновому автографу РГАЛИ (№ 165) и списку Н. Л. Дилакторской. Дату–14 марта 1911 г. –имеет чис¬товой автограф в альбоме Ф. Фидлера (Пушкинский Дом).
60 Песенка («Яна солнечном восходе~м) Впер¬вые–«Вечер». С. 45 – 46, с иной пунктуацией, без заключи¬тельной, 4-й строфы (она появилась лишь в сб. «Из шести книг»). В раннем варианте стихотворение кончалось повто¬ром 1-й строфы. Печ. по кн. «Бег времени». С. 32. Да¬та–по «Черной тетради» (РГАЛИ) и списку Н. Л. Дилак-торской.
Строки: «Будет камень вместо хлеба/[Мне наградой злой...» – выпадают из поэтической системы ранней Ахмато¬вой и могли быть написаны в конце 1930-х годов, – очевид¬но, при подготовке сборника «Из шести книг». Ср. у Лер¬монтова: «И кто-то камень положил в его протянутую руку...» («Нлпиий»).
61 «Я сошла с ума, о мальчик странный.»»
Впервые –«Вечер». С. 29. Включалось в кн. «Четки», «Из шести книг», без изменения, без даты. Печ. по кн. «Вечер». Дата–по списку Н. Л. Дилакторской.
«Снова со мной ты. О малъчик-игруш-ка!~» Впервые–журн. «Юность». 1969. № 6. С. 66, пуб¬ликация В. М. Жирмунского. Печ. по черновому автографу РГАЛИ, где имело № 164 (на обороте стихотворения «Я живу, как кукушка в часах...», имеющего № 165 и да¬ту–7 марта 1911, Царское Село. В первоначальном вари¬анте в строке 5 вместо «безумным рассказам» было «заучен¬ным фразам».
В поэтической системе Ахматовой обращение «маль¬чик» часто связывается с одним из адресатов ее лирики начала 1910-х годов–Михаилом Александровичем Линде-бергом (1891 – 1911). Это был ее поклонник, вольноопреде¬ляющийся артиллерийской батареи, сын директора Санкт-Петербургского кадетского корпуса, покончивший с собой 23 декабря 1911 г. Возможно, ему адресованы стихотворе¬ния «Высокие своды костела...» и «Я сошла с ума, о маль¬чик странный...». О его самоубийстве Ахматова вспоминает в связи с самоубийством поэта В. Г. Князева (см. «Либретто балета «1913 год», т. 3).
63 Над водой. Впервые–журн. «Аполлон». 1911. № 4. С. 21, с вариантом строки 6: «Слышу тихое ду-ду!»; «Вечер. С. 83. Печ. по кн. «Вечер. Датируется по времени выхода № 4 журн. «Аполлон» –не позже апреля 1911 г. Впоследствии в составе разделов «Из книги «Вечер» не перепечатывалось.
По мысли и образному строю близко к стихотворе¬нию В. Брюсова «Крысолов» (1904): «Я на дудочке играю...», в котором крысолов также завлекает «милую девушку»:
И в лесу под дубом темным Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля, Будет ждать в бреду истомном В час, когда уснет земля...
(Брюсов, 1. С. 197-198).
В лесу. Впервые –журн. «Аполлон». 1911. № 4. С. 21. В сборники не включалось. Печ. по журн.
«Аполлон». Датируется по времени выхода № 4 журн. «Аполлон» –не позже апреля 1911 г.
65 Рыбак. Впервые –«Вечер». С. 68 – 69, без да¬ты. Печ. по кн. «Вечер». Дата –в «Черной тетради» (РГАЛИ). Включалось в «Четки». С. 117; «Из шести книг». С. 310 – 311; «Бег времени». С. 39–40, без измене¬ний текста. В кн. «Бег времени». С. 40, дата–1911.
66 «Туманом легким парк наполнился...»
Впервые–«Вечер». С. 77, с посвящением в виде загл., без даты. Перепечатывалось в сб. «Четки», «Из шести книг», «Бег времени» С. 43, с датой–1912. Печ. по кн. «Ве-чер», дата – по автографу РГАЛИ, где имеет № 177 и вариант строки 2: «Тревожно вспыхивает газ». В спис¬ке Н. Л. Дилакторской –весна 1911–и уточнение рукой Ахматовой – апрель 1911.
Посвящено Вере Константиновне Шварсалон (1890 – 1920), падчерице Вяч. Иванова, дочери его жены, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, от ее первого брака с Кон-стантином Семеновичем Шварсалоном. После смерти в 1907 г. матери, Вера Константиновна, влюбленная без¬ответно в М. А. Кузмина, стала возлюбленной, а затем женой Вяч. Иванова и матерью его ребенка. Мне только взгляд один запомнился//Незнающих,

спокойных глаз. – Образ близок к портрету, данному В. Пястом в стихотворении «Монашеский наряд, бесцветный и простой...» (1910 – 1911), посвященном В. К. Шварсалон:
И серый омут глаз, подернутых росой, В предчувствии зари, медлительной и нежной, Вдруг разгорается –бесстрашной, и мятежной, И первозданного, и страшною красой. (П я с т В. Стихотворения. Воспоминания. Томск: «Водо¬лей», 1997. С. 45. См. также коммент. Р. Д. Тименчика в кн.: Пяст Вл. Встречи. М.: НЛО. 1997. С. 325).
О/ «Я и плакала и каялась..^» Впервые – «Из шести книг». С. 317, в составе разд. «Из книги
«Вечер». Печ. по сб. «Из шести книг». Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
«Высоко в небе облачко серело...» Впер¬вые–«Вечер». С. 21. Печ. по кн. «Бег времени». С. 20. Дата–в «Черной тетради» (РГАЛИ).
По свидетельству современников, стихотворение ста¬ло знаменем нового направления –«акмеизма». См. об этом, напр., в воспоминаниях В. Пяста: «Года через два «ахматовское» направление стало определять чуть ли не всю женскую лирику России. Ее «Беличья расплас¬танная шкурка», – как правильно говорил когда-то В. Шкловский, – стала «знаменем» для пришедшей поэ¬тической поры, – послужив ключом для некоего возника¬ющего направления...» (Пяст Вл. Встречи. С. ПО). Вариант «распластанная» вместо имеющегося в сб. «Вечер» «расстеленная» восходит, возможно, к одному из изданий сб. «Четки», 1922. С. 93, которым пользовался мемуарист. В кн. «Бег времени» Ахматова возвращается к первоначаль¬ной редакции; здесь же–уточнение пунктуации, дата – 1911. «Ахматовский» образ отчасти предвосхищен И. Севе¬ряниным в стихотворении «Амулеты» (1910): «И белки, в шубках на меху...» Строчка «Как беличья распластанная шкурка» использована О. Мандельштамом в стихотворе¬нии «Tristia» (Мандельштам, 1. С. 139). Не жаль, что ваше тело//Растает в марте, хрупкая Снегурка!.. –образ Снегурки восходит не только к сказке А. Н. Островского и опере Н. А. Римского-Корсакова, он имеет параллели и в более близких по времени к Ахматовой произведени¬ях: «Ледяная дева» А. Н. Апухтина –о любви юноши к ледяной деве во время зимних морозов и вьюг (ср.: «О нем гадала я в канун Крещенья.//Я в январе была его подругой» в стихотворении Ахматовой), которая растаяла весной; правда, по сравнению с апухтинским ахматовский сюжет «перевернут»: у него–любящий юноша и ледяная, не способная на любовь и жалость дева, у Ахматовой – холодный юноша, равнодушно предсказывающий гибель Снегурки и способный лишь на «любовь воздушную и минутную». Еще ближе к ахматовскому стихотворение 1904 г. Ф. Сологуба из сб. «Цветник Ор» (1907):
«Зачем возрастаю? – Снегурка спросила меня. – Я знаю, что скоро растаю, Лишь только увижу веселую стаю, Растаю, по камням звеня. И ты позабудешь меня». Снегурка, узнаешь ты скоро,
Что таять легко: «Растаешь, узнаешь, умрешь без укора. Уснешь глубоко». (Сологуб О. Стихотворения. С. 290 - 291).
«Сердце к сердцу не приковано...» Впер¬вые – «Вечер». С. 44, с вариантами пунктуации, без даты. Включено в «Четки», 1923. Печ. по кн. «Бег времени». С. 21, где имеет дату – 1911. Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
«Мне с тобою пьяным весело*.» Впер¬вые – «Вечер». С. 41, без даты, с вариантами пунктуации. Печ. по кн. «Бег времени», дата и место написания – по автографу РГАЛИ. В списке Н. Л. Дилакторской – осень 1911.
По-видимому, речь идет об Амедео Модильяни (1884–1920), итальянском художнике и скульптуре, с которым Ахматова познакомилась в мае 1910 г., во время свадебного путешествия с Н. С. Гумилевым в Па¬риж. В поздних воспоминаниях она писала, что в 1910-м году она «видела его чрезвычайно редко, всего несколько раз», однако он всю зиму 1910– 1911 г. писал ей страст¬ные письма. Одно из этих писем случайно попало в ру¬ки Н. С. Гумилева, – Ахматова рассказывала об этом П. Н. Лукницкому 24 марта 1925 г.: «По возвращении из Парижа АА подарила Н. С. книжку Готье. Входит в комнату –он белый сидит, склонив голову. Дает ей письмо... Письмо это прислал АА один итальянский художник, с которым у АА ничего решительно не было. Но письмо было сплошным символом... ...) ссора между ними –по какому-то пустяшному поводу–ссора, вызван¬ная этим художником. (Это –о Модильяни!)» (Лук¬ницкий, 1. С. 75).
В мае 1911 г., по время своей второй поездки в Париж, Ахматова встречается с Модильяни часто. Об этом см. в ее мемуарном очерке «Амедео Модильяни» и в многочисленных записях в рабочих тетрадях. Возмож¬но, тогда было написано и стихотворение «Мне с тобою пьяным весело...» Об адресованности Модильяни этого, а также многих других стихотворений Ахматовой 1910–1913 г. говорится в книгах Бориса Носика «Анна и Амедео. История тайной любви Ахматовой и Модилья¬ни, или Рисунок в интерьере» (М.: ОАО Изд-во «Раду¬га», 1997) и Натальи Лянды «Ангел с печальным ли¬цом. Образ Анны Ахматовой в творчестве Модильяни» (СПб.: АО «Арсис», 1996). В последней работе приведе¬на убедительная аргументация наличия

«ахматовского» периода 1910–1913 гг. в творчестве Модильяни. Рас¬ширительное же толкование «периода Модильяни» в творчестве Ахматовой вызывает большие сомнения и входит в противоречие с утверждением самой Ахмато¬вой в РТ 110 (л. 122 об.): «К статье о Моди. (Стихи я ему, Моди, не писала. «Надпись на неоконченном портрете («Вечер»), которую непременно будут при¬писывать ему, никакого отношения к ММодильяни) не имеет). Стихотворение «Мне с тобою пьяным весе-ло» тоже не отнросится) к Модильяни)».

71 «В углу старик, похожий на барана...»

Впервые–«Литературная газета». 1971. 15 сентября, публикация Н. А. Жирмунской по автографу РНБ. Печ. по этому автографу.

Возможно, ранний текст не только «вспоминался», но и дописывался Ахматовой в 1950-е годы: последняя строфа могла быть создана только в поздние годы. Пер¬вая строка ахматовского стихотворения имеет параллель с образом в стихотворении О. Мандельштама «Ста¬рик» (1913):

Уже светло, поет сирена В седьмом часу утра, Старик, похожий на Верлэна, Теперь твоя пора!

(Мандельштам, 1. С. 86).

Впервые замечено В. М. Жирмунским (БП. С. 495).

М. М. Кралин (БО. Т. 2. С. 316) высказал пред¬положение о перекличке строки «Идти домой еще как будто рано» (первоначально было: «И уходить еще как будто рано») со строкой графа В. А. Комаровского «И умирать еще как будто рано» из сонета «Вечер», напечатанного в «Литературном альманахе «Аполлон» (СПБ., 1912. С. 46), экземпляр которого находился в личной библиоте¬ке Ахматовой. В этом альманахе публиковались и ее стихи. По мнению современных исследователей темы «Ахматова и Модильяни», в стихотворении идет речь о взаимоотношениях Ахматовой и Амедео Модильяни во время их второй встречи в Париже в мае 1911 г.

«Фигаро» – ежедневная французская газета, выпус¬кается в Париже с 1826 г. ...в полукруглой зале. –Возможно, в парижском кафе «Ротонда», где часто бывали Ахмато¬ва, Гумилев, Модильяни и другие поэты и художники. И это юность–светлая пора. – Во время первого знаком¬ства Ахматовой было 20 лет, Модильяни –26; их отноше¬ния Ахматова назвала «предысторией нашей жизни», когда «дыхание искусства еще не преобразило эти два существования, это должен был быть светлый легкий предрассветный час». Ахматовой нравилось определе¬ние, которое дал этому романтическому эпизоду в ее жизни в 1960-е годы Иосиф Бродский: «Ромео и Джульетта в исполнении особ царствующего дома».

72 «...А там мой мраморный двойник...»

Впервые–«Литературный альманах «Аполлон». СПб. 1912. С. 42; «Вечер». С. 15, в составе цикла из трех стихотворений «В Царском Селе». (I. «По аллее прово¬дят лошадок...», III. «Смуглый отрок бродил по алле¬ям...»). Печ. по кн. «Вечер». У П. Н. Лукницкого имеется запись о датировке этого стихотворения: Ахматова «не может найти дату точнее, чем дата 1911 г. У Вячеслава Иванова читала его, но там в 1911 г. она читала весной, осенью и зимой, и даже как-то летом читала. И когда именно читала это стихотворение – не вспомнить» (Лук¬ницкий, 2. С. 225 – 226). Дата –по списку Н. Л. Ди¬лакторской.

Стихотворение о мраморной статуе Царскосельско¬го парка восходит к темам нескольких произведений И. Анненского, любимого поэта Анны Ахматовой. В журн. «Перевал» (1907, № 11) было напечатано стихо¬творение И. Анненского «Я на дне, я печальный об¬ломок...», вошедшее в сб. «Кипарисовый ларец» (М., 1910), в цикл «Трилистник в парке» (вторым было стихо¬творение «Бронзовый поэт», третьим–«"Расе,,. Статуя мира»). Описание статуи–«И раны черные...», «... хо¬лодный долждик сеет,//И нагота ее беспомощно беле¬ет...»–очевидно, повлияло на образный строй стихотворе¬ния Ахматовой: «И моют светлые дожди//Его запекшуюся рану...» В. С. Срезневская, подруга Ахматовой, в своих воспоминаниях о ней рассказывала об их знакомстве с тек¬стом этого стихотворения еще в 1905 г.: «Мы нарочно долго искали эту РАСЕ (богиню мира) с Аней –и нашли в заглохшей части парка на маленькой поляне и долго смотрели на ее израненное дождями белое, в темных пятнах лицо и «тяжелый ужас кос». И так странно жутко повторяли (в каком-то проникновении в будущее, что ли?) последнее восклицание этого удивительного стихотворе¬ния: «О, дайте вечность мне, –и вечность я отдам//За равнодушие к обидам и годам». Я тоже мраморною ста¬ну... – Ср. у И. Анненского в лирической трагедии «Лао-дамия», опубликованной в 1906 г.:

...А потом,
Когда веков минует тьма и стану Я мраморным и позабытым Богом,
Не пощажен дождями, где-нибудь На севере, у варваров, в аллее Запущенной и темной, иногда В ночь белую или июльский полдень, Сон отряхнув с померкших глаз, цветку Я улыбнусь или влюбленной деве, Иль вдохновлю поэта красотой Задумчивой забвенья...

(Анненский. С. 452).

73 «*.И там колеблется камыш,*» Впер¬вые–Лукницкий, 2. С. 46, в записи от 15 февраля 1926 г.: «Слепнево. После Парижа. 1911. Стихотворение «Сердце смутное туманится ...) ...бесприданница». И другое: (далее следует текст приведенного выше отрыв¬ка. – Н. К.}. Сравнить со стихотворением Николая Сте¬пановича «Усадьбы» (написано позже)». Стихотворение Ахматовой «Сердце смутное туманится...» в настоящее время не найдено. Печ. по: Лукницкий, 2.
74 «Целый день провела у окошка.*» Впер¬вые – «Литературная газета». 1971. 15 сентября, публика¬ция Н. А. Жирмунской. Печ. по автографу РГАЛИ.
При жизни Ахматовой не печаталось; образ строк 3 – 4: «Раз у дикой затравленной кошки//Я заметил такие глаза» –был использован автором в 1913 г. в стихотворе¬нии «Все мы бражники здесь, блудницы...», строки 12 – 13: «На глаза осторожной кошки//Похожи твои глаза»,– на что указывала в беседах сама Ахматова.
75 Похороны. Впервые –«Вечер». С. 79 – 80, с вариантами пунктуации, без даты. Печ. по сб. «Из шести книг». С. 292. Дата –по списку Н. Л. Дилактор¬ской, где записано по несколько измененной строке 1: «Я место ищу...»
/О «Под навесом темной риги жарко...»
Впервые–«Вечер». С. 50, с вариантами пунктуации, без
даты. Печ. по сб. «Из шести книг». С. 303. Дата – по списку Н. Л. Дилакторской.
/ / «Смуглый отрок бродил по аллеям...»
Впервые–«Вечер». С. 16, в цикле «В Царском Селе» (№ III), в ранней редакции: «у озерных глухих берегов»; «иглы елей...//И разорванный том Парни». Исправления были сделаны при перепечатке стихов из сб. «Вечер» в составе второй книги стихотворений Ахматовой «Чет¬ки» (кроме «глухих берегов»; вариант «грустил» – впер¬вые в кн. «Стихотворения», 1958, далее –в кн. «Бег времени»). Печ. по кн. «Бег времени». С. 16. Дата – по списку Н. Л. Дилакторской.
По теме близко к стихотворениям И. Анненского – «Л. И. Микулич» (1906):
Там стала лебедем Фелица
И бронзой Пушкин молодой...–
и «Бронзовый поэт» (1906):
... И бронзовый поэт, стряхнув дремоты гнет, С подставки на траву росистую спрыгнет.
(Анненский. С. 198, 122).
Анненский пишет о памятнике А. С. Пушкину работы скульптора Р. Р. Баха в Лицейском саду Царского Села. Парни Эварист (1753 –1814)–французский поэт, один из любимых поэтов Пушкина-лицеиста. См. также стихотворение «Земная слава как дым...».
/О «Песня последней встречи*.» Впервые – «Вечер». С. 25 – 26, в ранней редакции – иная пункту¬ация, строка 9: «Я обманут, сльшгишь, унылый». Печ. по кн. «Бег времени». С. 24. Дата–по списку Н. Л. Дилак¬торской.
По мнению некоторых мемуаристов, именно это стихотворение сделало Ахматову известной. Она читала его на «Башне» Вяч. Иванова 7 ноября 1911 г. Н. Оцуп вспоминает: «(...) гостеприимный, взыскательный хозяин попросил ее прочитать свои новые стихотворения. По заве¬денному обычаю этих собраний присутствующие по окон¬чании чтения высказали свои мнения. Когда прекрати¬лась критика, В. Иванов подошел к Ахматовой, поцело¬вал ее руку и сказал: «Я Вас поздравляю. Это событие в русской поэзии». И повторил по памяти те две строки, которые сделали Ахматову вдруг знаменитой:
Я на правую руку надела Перчатку с левой руки...»
(Оцуп Н. Николай Гумилев. Жизнь и творчество. СПб.: «Logos», 1995. С. 48).
На этом собрании присутствовали Л. Д. и А. А. Блок, о чем свидетельствует запись в его дневнике: «В первом часу мы пришли с Любой к Вячеславу. Там уже –собра¬ние большое А. Ахматова (читала стихи, уже волнуя меня; стихи чем дальше, тем лучше)...» По предположе¬нию В. А. Черных, Ахматова могла читать в этот день стихотворения «Похороны», «Смуглый отрок бродил по ал¬леям...», «Под навесом темной риги жарко...» и «Песня последней встречи». (Ч е р н ы х В. А. Блоковская легенда в творчестве Анны Ахматовой//Серебряный век в России. М., 1993, С. 284).
У Я Музе. Впервые– «Вечер». С. 57 – 58, с опечат¬ками и вариантом строки 9: «Знаю, гадая, не мне обры¬вать»; без даты. Печ. по кн. «Бег времени». С. 35 – 36. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской. В –БП. С. 41, дата–10 октября 1911 г. – по-видимому, ошибочна. Ах¬матова датирует стихотворение 10 ноября 1911 г. (см. об этом: Черных В. А. Блоковская легенда в творчестве Анны Ахматовой//Серебряный век в России. С. 284, 297).
Стихотворение содержало важные для дальнейше¬го творчества Ахматовой темы: отнятого (потерянного, подаренного, – одним словом, утраченного) кольца, что символизирует несчастную женскую судьбу; Музы-сес¬тры, дающей силу поэзии, но забирающей взамен силу жизни. Ср. строки о Музе в начале стихотворения: «Взор ее ясен и ярок» и о героине в конце стихотворения: «Взор твой не ясен, не ярок...»; темы «любовной пытки», рев¬ности, измены, бурного женского протеста: «Но не

хочу, не хочу, не хочу//Знать, как целуют другую...» Стихотво¬рение «Музе» Ахматовой, возможно, оказало воздействие на создание образа Музы в стихотворении А. Блока «К Музе», написанном вскоре после его знакомства с ах¬матовский стихотворением; дата ахматовского –10 нояб¬ря 1911 г., дата блоковского – 29 декабря 1912 г. В тече¬ние этого года –чтение Ахматовой стихов на «Башне» Вяч. Иванова 7 ноября 1911 г., на котором присутствует Блок; выход книги «Вечер» (март 1912 г.); дарение этой книги Блоку.
Образ Музы Блока как бы напоминает саму Ах¬матову: «Есть в напевах твоих сокровенных//Роковая о гибели весть» –и в то же время противопоставлен ахматовской Музе:
Зла, добра ли? –Ты вся–не отсюда. Мудрено про тебя говорят: Для иных ты –и Муза, и чудо, Для меня ты–мученье и ад.
(Блок, 3. С. 7-8).
Любовь. Впервые–«Вечер». С. 13, с вариан¬тами пунктуации в строке 1: «То змейкой свернувшись клубком», без даты. Печ. по кн. «Бег времени». С. 14. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
В стихотворении используются традиционные моти¬вы символистской поэзии. То змейкой, свернувшись клуб¬ком...–Сравнение, возможно, навеяно историей самоубий-ства Клеопатры – ср. в позднем стихотворении Ахматовой «Клеопатра» (1940): «И черную змейку, как будто про¬щальную жалость...» Образ древнеегипетской царицы Клеопатры в русской поэзии конца 1900-х –начала 1910-х гг. был как бы «освежен» открытием в Санкт-Пе¬тербурге в 1907 г. «паноптикума» – Музея восковых фи¬гур (Невский проспект, дом 86), где была представлена фигура лежащей в гробу Клеопатры, со змейкой на груди, снабженная особым механизмом, благодаря ко¬торому создавалось впечатление, что Клеопатра дышит, а змейка с определенной периодичностью ее жалит. А. Блок писал в стихотворении 1907 г. «Клеопатра» (в кн. «Снежная маска», безусловно, известной Ахма¬товой):
Она раскинулась лениво – Навек забыть, навек уснуть... Змея легко, неторопливо Ей жалит восковую грудь... (Блок, 2. С. 207).
Образ Клеопатры был использован Блоком в док¬ладе «О современном состоянии русского символизма (по поводу доклада В. И. Иванова)»: Блок говорил о Клеопатре, что она была «царицей цариц» лишь до того момента, когда «страсть заставила ее положить на грудь змею». Этот доклад был прочитан Блоком 8 апреля 1910 г. в «Обществе ревнителей художественного слова», напечатан в журн. «Аполлон» (1910, № 8) и, очевидно, был известен Ахматовой. См. также стихотворение «Клео¬патра» и коммент. к нему. Почудится в дреме левкоя...– Ср. у Ф. Сологуба: «Невинный цвет и грешный аро¬мату/Левкоя...» (1904). ... рыдатьЦВ молитве тоскующей скрипки...– Ср. у К. Бальмонта: «Мелькал смычок, рыда¬ла скрипка» в стихотворении «Слова смолкали на ус¬тах...» из сб. «В безбрежности» (1895).
81 «И мальчик, что играет на волынке...»
Впервые– «Вечер». С. 17– 18. Печ. по кн. «Бег времени». С. 17. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
«Меня покинул в новолунье.. J Впервые – журн. «Нива». 1913. № 5. С. 67, с вариантами строк:
1: Меня покинул в полнолунье,
9: Пусть узок путь мой, пусть опасен...
«Четки», 1914. С. 71, с датой– 1912. Печ. по кн. «Четки», 1914. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской и невышед-шему «Собранию стихотворений» 1924–1926 гг., где стихи были расположены по хронологии. В кн. «Бег времени». С. 42, перенесено в раздел «Из книги «Вечер»; в автографе РГАЛИ имеет порядковый номер, простав-ленный Ахматовой, –№ 213, дата–1911. Осень.
В кн. П. Н. Лукницкого содержится уточнение Ахматовой: «1911, ноябрь-декабрь – написано: «Как мой китайский зонтик красен...» (Лукницкий, 2. С. 104).
83 «Любовь покоряет обманно...» Впервые – «Вечер». С. 18, с опечаткой. Печ. по сб. «Из шести книг». С. 282. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
84 «Словно тяжким огромным моло¬том...» Впервые –журн. «Юность». 1969. № 6. С. 66, публикация В. М. Жирмунского; БП. С. 275. Печ. по автографу Музея Анны Ахматовой Фонтанный Дом. Да¬та–по списку Н. Л. Дилакторской.
85 «Муж хлестал меня узорчатым...»
Впервые–журн. «Русская мысль». 1911. № 12. С. 216; «Вечер». С. 42 – 43, с опечаткой и вариантом строки 8: «Ты опять побыть не смог». Печ. по кн. «Бег времени». С. 31. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
86 Отрывок («...И кто-то, во мраке дерев незримый...») Впервые – альм. «Жатва». 1913. № 4. С. 3; «Четки», 1914. С. 21-22, с датой-1912. Печ. по кн. «Четки», 1914. Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
Адресат стихотворения, возможно, – Н. С. Гумилев, о чем свидетельствуют строки: «Он предал тебя тоске и удушью//Отравительницы-любви...», которые являются как

бы «опознавательной деталью». Осенью 1911 г. в Слепневе Гумилев сочинил пьесу в стихах «Любовь-отравительница» из испанской жизни, которую весело, как пародию на ложноклассический стиль, разыгрывали друзья Гумилевых в имении их молодых соседей Неве-домских Подобино. «Опознавательная деталь» — зачас¬тую единственная возможность применительно к лирике Ахматовой определить адресата стихотворения.
87 Сад. Впервые —«Вечер». С. 81 — 82. Варианты строк:
5: И солнце, бледный тусклый лик; 12: Недавние следы. Было включено в кн. «Четки», 1923. Печ. по сб. «Из шести книг». С. 312. Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.
88 Исповедь. Впервые — «Четки», 1914. С. 60, с датой — 1911. Царское Село. В списке Н. Л. Дилактор¬ской и невышедшем «Собрании стихотворений» 1924 — 1926 гг. дата —1912. Печ. по кн. «Четки», 1914.
Сюжет восходит к евангельской притче об одном из чудес Иисуса — воскрешении умершей дочери началь¬ника синагоги Иаира, которой Иисус сказал: «Девица! встань» (Евангелие от Луки, 8, 54), или, по другой записи: «Талифа куми», что значит: «Девица, тебе гово¬рю, встань». И девица тотчас встала и начала ходить, ибо была лет двенадцати» (Евангелие от Марка, 5, 41 — 42). Ср. сюжет стихотворения И. Анненского «Дочь Иаира» (1909):
Тот, грехи подъявший мира, Осушавший реки слез, Так ли дочерь Иаира Поднял некогда Христос?
Не мигнул фитиль горящий, Не зазыбил ветер ткань... Подошел Спаситель к спящей И сказал ей тихо: «Встань».
(Анненский. С. 115—116).
Епитрахиль/1Накрыла голову и плечи... —Епитрахиль — часть облачения священника в виде спускающихся с плеч двух соединенных между собой лент. Во время исповеди в православных церквах ею накрывают исповедующегося.
О У «Мурка, не ходи, там сыч...» Впервые — «Подорожник». С. 39, с датой—1914. В кн. «Бег време¬ни». С. 41, перенесено в разд. «Вечер», с датой—1911. В кн. «Стихотворения», 1958, имело загл. «В детской». Печ. по кн. «Подорожник».
Бессонница. Впервые—журн. «Русская мысль». 1913. №2. С. 86; «Четки», 1914. С. 39, с датой-1912. Та же дата в кн. «Бег времени». С. 72. В БП. С. 69, дата —зима 1912. Царское Село; в БО 1. С. 60—1912. Начало года. Царское Село. Печ. по кн. «Четки», 1914.Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.
В. Я. Брюсову 22 октября 1912 г. Ахматова послала три стихотворения — «Бессонница», «Стал мне реже сниться, слава Богу...» и «Как вплелась в мои темные косы...» со словами: «Посылаю Вам, Валерий Яковлевич, несколько моих стихотворений, написанных на днях. Я не могла сделать этого раньше, потому что у меня родился ребенок, и я ничего за всю осень не писала» («Записки Отдела рукописей Государственной библио¬теки СССР им. В. И. Ленина». М, 1979. Вып. 33. С. 277; Черных, 1. С. 56).
У7 «Безвольно пощады просят...» Впервые — альм. «Жатва». 1913. № 4. С. 5, с вариантом строки 9: «И сердце смутное слышит...»; «Четки», 1914. С. 18; «Бег времени». С. 56. Печ. по кн. «Четки», 1914. Дата — по списку Н. Л. Дилакторской.
Короткое, звонкое имя. — Некоторые исследова¬тели ошибочно полагали, что стихотворение обращено к А. А. Блоку, но на экземпляре сборника стихов 1958 г., подаренного Ахматовой близкой подруге В. С. Срезнев¬ской, оно имеет посвящение: С. С, т. е. Сергею Судейкину.
Сергей Юрьевич Судейкин (1882— 1946) — художник. Ахматова была дружна с ним, его перу принадлежит ранний портрет Ахматовой, которым в 1965 г. она плани-ровала иллюстрировать раздел «Вечер» в «парадном» итоговом собрании своих стихов. В РТ 114 есть рассказ Ахматовой: «Мой рисунок Судейкина, кот^орый) всегда висел в кабинете Михаила) Леонидовича Лозинско¬го), возник так. Я пришла с Судейкиным в редакцию «Аполлона». К Лозинскому, конечно. (У Мако я никогда не была.) Села на диван. Сергей) Юрьевич) нарисо¬вал меня на бланке «Аполлона)» и подарил Михаилу) Леониде овичу)».
92 «Ты поверь, не змеиное острое жало...»
Впервые—«Вечер». С. 53 — 54, с опечаткой в строке 2 («выпили»), без даты. Печ. по кн. «Вечер». Датируется на основании извещения от 27 февраля 1912 г. о том, что книга «Вечер» отпечатана (см. Черных, 1. С. 51).
В стихотворении используются образы славянского сказочного фольклора: девушка с птичьим голосом, царе¬вич, райская птица счастья и радости Сирин. Эти образы характерны для поэтов-символистов. Ср. у Блока в сти¬хотворении «Сирин и Алконост» (1899): «Бросает Си¬рин, счастья полный,//Блаженств нездешних полный взгляд» (Блок, 1. С. 403); или у К. Бальмонта:
Там камни ценные цветут, Там все в цветенье вечно-юном. Там птицы райские живут— Волшебный Сирин с Гамаюном.
Но если слышим мы во сне Напев, который многолирен, В тот час в блаженной той стране Поет о счастье светлый Сирин.

(Бальмонт. С. 351).
«Сегодня мне письма не принесли...»
Впервые–«Вечер». С. 71, без даты. Печ. по кн. «Вечер». Датируется на основании известия от 27 февраля 1912 г. о том, что книга отпечатана (см. Черных, 1. С. 51).
V'T «Твоя свирель над тихим миром пела...»
Впервые–Сологуб Ф. Стихотворения. С. 624, публи¬кация М. И. Дикман; БП. С. 275. Автограф –на кн. «Вечер», подаренной Ахматовой Сологубу со следующей надписью: «Федору Кузьмичу Сологубу с глубоким ува¬жением. Анна Ахматова. 16 марта 1912. Царское Село». Утратив эту книгу, Ф. К. Сологуб попросил Ахматову воспроизвести автограф, что она и сделала, надписав этим стихотворением книгу «Четки», 1914 (с изменением строки 1: «...над целым миром...»). Печ. по БП. С. 275.
С поэтом, одним из основоположников символизма, Федором Кузьмичем Сологубом (наст. фам. Тетерников; 1863–1927) Ахматову связывали отношения давнего поч-тительно-дружеского знакомства. Они часто выступали вместе на литературных вечерах, бывали друг у друга дома. 2–3 марта 1925 г. П. Н. Лукницкий записал со слов Ахматовой: «Ф. Сологуб прислал пригласительное письмо на сегодня (день его Ангела) и тем лишил АА удовольствия показать ему, что она очень хорошо по¬мнит, когда Сологуб именинник. Сологуб звал АА к 8 ча¬сам. АА собиралась долго и, взглянув на часы, показы¬вавшие 10-й час, сказала: «Старик ругаться будет, скажет: я в половине двенадцатого ложусь». Ф. Сологуб при встрече всегда целует АА. Сначала он всегда цело¬вал одну О. Судейкину, а потом стал целовать и АА –«чтоб мне не обидно было» (АА)» (Лукниц¬кий, 1. С. 39-40).
«Слаб голос мой, но воля не слабеет...»
Впервые–«Ежемесячный журнал». 1914. № 3. С. 3, с ва¬риантом строки 11: «Смотря, как луч сбегает и взбегает»; «Белая стая», 1917. С. 14, с вариантом в строке 8: «иглой» и пропуском восклицательного знака в конце строки 9. Печ. по кн. «Бег времени». С. 93. Дата – по списку Н. Л. Дилакторской.
Написано в имении родственников М. А. Кузьми¬ной-Караваевой (Оспедалетто, Италия), где Ахматова и Гумилев гостили в течение недели в апреле 1912 г. в начале своего путешествия по Италии.
96 «Здесь все то же, то же, что и преж¬де...» Впервые –журн. «Гиперборей». 1912. № 1 (вышел в октябре). С. 6; «Четки», 1914. С. 37-38, с датой- 1912. Май. Печ. по кн. «Четки», 1914.
В дневнике II. Н. Лукницкого дважды записано со слов Ахматовой, что стихотворение написано во Фло¬ренции (Лукницкий, 2. С. 29 и С. 104 –записи от 31 января и 12 апреля 1926 г.). Реалии стихотворения, по-видимому, восходят к семейным преданиям Льво¬вых – Стоговых – Змунчилла.
97 «Помолись о нищей, о потерянной...»
Впервые –журн. «Гиперборей». 1912. № 1 (вышел в ок¬тябре). С. 5; «Четки», 1914. С. 49; «Четки», 1916. С. 50; «Четки», 1922. С. 49-50. Дата-1912. Май. Флоренция. Печ. по кн. «Четки», 1916.
Написано во Флоренции, где Ахматова и Гумилев были в апреле –мае 1912 г. По-видимому, обращено к Гумилеву («Ты, в своих путях всегда уверенный...»). В первых публикациях эта строка имела другой порядок слов: «Ты, всегда в путях своих уверенный...» –с ударе¬нием на слове «всегда».
98 «Я научилась просто, мудро жить...»
Впервые – журн. «Русская мысль». 1913. № 2. С. 86; «Четки», 1914. С. 36, с вариантом пунктуации в строке 15: « – И если в дверь мою ты постучишь», без даты. В кн. «Бег времени». С. 71, дата– 1912. Уточнение даты и мес¬та написания (Флоренция)–БО 1. С. 58. Печ. по кн. «Бег времени», дата –по БО 1. Однако место написа¬ния – Флоренция – вызывает сомнение. Скорее всего, стихотворение было написано по возвращении из Ита¬лии в Киеве или имении Литки Летичевского уезда Подольской губернии, принадлежавшем родственникам Ахматовой – Змунчилла.
99 «Стал мне реже сниться, слава Богу...»
Впервые – журн. «Северные записки». 1914. № 6. С. 34, без 2-й строфы, с вариантами строк:
3: Переплыл туман через дорогу, 9: Подрезаю на кустах сирени, 13: Мир простой, знакомый и чудесный;
«Белая стая», 1923. С. 78. Печ. по кн. «Белая стая». Датируется на основании пометы в списке Н. Л. Ди¬лакторской: «Начало года» и указания Ахматовой на место написания –Киев. В 1912 г. Ахматова находи¬лась в Киеве с 17 мая до конца месяца, что соответствует реалиям в стихотворении: «Подстригаю на кустах сире¬на/Ветки те, что нынче отцвели» (другие поездки Ах¬матовой к матери в Киев в 1912 г. были в феврале и декабре на Рождество).
Иона – Киевский Свято-Троицкий мужской монас¬тырь на правом берегу Днепра, в нескольких километрах от Киево-Печерской лавры. Основан киевским подвиж¬ником, старцем Ионой (ум. в 1902 г.). В 1896 г. Иона купил для колокольни монастыря

огромный колокол ве¬сом 1150 пудов.
100 Венеция. Впервые—«Четки», 1914. С. 77, с датой— 1912. Август. В кн. «Бег времени». С. 84, дата— 1912. Уточнение места написания —Слепнево—в спис¬ке Н. Л. Дилакторской. Из записей П. Н. Лукниц¬кого известно, что из Слепнева Ахматова выехала 12 августа (Лукницкий, 1. С. 99). Печ. по кн. «Чет¬ки», 1914.
Написано под впечатлением поездки в Италию в апреле —мае 1912 г. Среди итальянских стихов Гумиле¬ва, созданных в то же время, также есть стихотворение «Венеция», проникнутое несколько другим настроением («путнику жутко...»), но останавливающее внимание на тех же образах, что и у Ахматовой:
...Лев на колонне, и ярко Львиные очи горят, Держит Евангелье Марка, Как серафимы, крылат.
А на высотах собора, Где от мозаики блеск, Чу, голубиного хора Вздох, воркованье и плеск.
(Гумилев, 1. С. 173).
Ахматовой был известен и цикл «Итальянские сти¬хи» А. Блока. По словам Л. К. Чуковской, она считала их гениальными (запись от 8 августа 1940 г.). С ах¬матовской «Венецией» совпадают лишь отдельные об¬разы Блока. Ср.:
У Ахматовой: Сколько нежных, странных лиц в толпе...
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы...
С книгой лев на
мраморном столбе.
У Блока: Уйти в твой древний зной и нежность... («Флоренция, ты ирис нежный...»)
Холодный ветер от лагуны...
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь... Простерт у львиного столба.
По свидетельству Ахматовой, «Итальянские стихи» Блока, в частности первые строки стихотворения «Вене¬ция», дали толчок к созданию поэмы «У самого моря» (1914): «С ней уходил я в море,//С ней покидал я бе¬рег...».
Золотая голубятня у воды. —На. площади перед собо¬ром святого Марка в Венеции по традиции кормят голу¬бей. С книгой лев... —символ города Венеции — крылатый лев, опирающийся на Евангелие от Марка. Святой Марк —один из четырех евангелистов. Согласно преда¬нию, Марк был первым епископом Александрийской церкви и умер мученической смертью. Собор святого Марка был построен в XIII в. в византийском сти¬ле. Мощи святого Марка перенесены в собор из Алек¬сандрии.
101 «Как вплелась в мои темные косы...»
Впервые — «Четки», 1914. С. 67, с датой —1912 — и вари¬антом строки 2: «Серебристая белая прядь»; эпитет «белая» заменен на «нежная» в сб. «Из шести книг». Так же — в кн. «Бег времени». С. 80. Печ. по кн. «Бег времени».
Несказанная радость. — Ср. А. Блок: «Нечаянная ра¬дость» (название сборника 1907 г.); «несказанное» — любимое слово Блока, многократно используемое им в стихах, письмах, беседах. Стихотворение было послано В. Я. Брюсову 22 октября 1912 г., что позволяет уточнить его дату —не позже 22 октября 1912 г.
102 «Я пришла тебя сменить, сестра...»
Впервые—журн. «Аполлон». 1913. № 3. С. 35, с опечат¬кой в строке 25: «И наверно брела, как слепая»; «Четки», 1914. С. 69 — 70, с той же опечаткой. Исправ¬лена—«Четки», 1923 и «Из шести книг». С. 258 — 259. Печ. по рукописи кн. «Бег времени». Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.
Тема двойничества: героиня-поэт и ее сестра-муза, отнимающая жизненную силу, —в творчестве Ахматовой впервые появилась еще в сб. «Вечер» («Музе») и была развита в дальнейшем с множеством нюансов. Л. К. Чу¬ковская вспоминает: «Я пожаловалась, что не понимаю одного стихотворения: «Я пришла тебя сменить, сест¬ра.»—И я его не понимаю, — ответила Анна Андреев¬на.—Вы попали в точку. Это единственное мое стихотво¬рение, которое я и сама никогда не могла понять» (Чуковская, 1. С. 56).
104 «В ремешках пенал и книги были...»
Впервые—«Четки», 1914. С. 61, с вариантом строки 4: «Нашу встречу, мальчик мой веселый». Печ. по кн. «Чет¬ки», 1916. С. 61.Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.
Воспоминание о первом знакомстве Анны Горенко с Николаем Гумилевым в Царском Селе «в рождествен¬ский сочельник» 24 декабря 1903 г. перекликается со строками стихотворения Н. Гумилева «Современ¬ность» (1911):
Вот идут по аллее, так странно нежны, Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.
(Гумилев, 1. С. 129).
...Голос мой незвонок. — Ахматова указывала на па¬раллель этой строки со строкой стихотворения Е. А. Ба¬ратынского «Мой дар убог, и голос мой негромок» (поме¬та Ахматовой на экземпляре книги Баратынского из биб¬лиотеки Ахматовой, ИРЛИ РАН).
105 «Загорелись иглы венчика..м Впервые — журн. «Cahiers du Monde Russe et Sovieitique». Париж. 1974. № 1 — 2. С. 200. Печ. по рукописи собрания Н. Л.

Дилакторской.
Обращено к сыну, Льву Николаевичу Гумилеву, родившемуся 18 сентября (1 октября) 1912 г.
106 «Приходи на меня посмотреть...»
Впервые – журн. «Нива». 1912. № 44 (вышел в начале ноября). С. 873. Печ. по БП. С. 275. При жизни Ах¬матовой не перепечатывалось.
107 «Протертый коврик под иконой...»
Впервые–альм. «Жатва». 1913. N° 4. С. 4, с опечаткой в строке 1: «простертый»» и вариантом строки 15: «А в косах спутанных таится»; «Четки», 1914. С. 78, с датой–1912; «Из шести книг». С. 266. Печ. по кн. «Четки», 1914. Уточнение даты –по списку Н. Л. Ди¬лакторской.
Укладка– старинный сундук для одежды и других вещей. См. также «Бес попутал в укладке рыться...» в «Поэме без героя» (т. 3).
108 «Дал Ты мне молодость трудную...»
Впервые –«Четки», 1914. С. 53. Печ. по кн. «Чет¬ки», 1914. Дата –там же. Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
109 «Он длится без конца–янтарный, тяжкий день!..» Впервые – «Четки», 1914. С. 38; «Бег
времени». С. 69. Печ. по кн. «Четки», 1914. В списке Н. Л. Дилакторской дата – 1912. Берлин.
Посвящено Михаилу Леонидовичу Лозинскому (1886 –1955)–поэту и переводчику, другу Ахматовой. Лозинский был членом «Цеха поэтов», сподвижником Гумилева, секретарем редакции журнала «Аполлон», владельцем издательства «Гиперборей», редактором и издателем журнала «Гиперборей». Он являлся неофи-циальным редактором многих книг Ахматовой, читал их корректуры. Ей было посвящено стихотворение Лозин¬ского «Не забывшая» в сб. его стихов «Горный ключ» (1916). В кн. «Четки» только три стихотворения име¬ли посвящения: это – Лозинскому, «Голос памяти» – О. А. Глебовой-Судейкиной и «Я пришла к поэту в гос¬тил–А. А. Блоку.
«Умирая, томлюсь о бессмертье...»
Впервые –журн. «Гиперборей». 1913. № 5 (вышел в фев¬рале). С. 4; «Четки», 1914. С. 56; «Из шести книг». С. 252. Печ. по кн. «Четки», 1914.
Сулема – сильный яд (двухлористая ртуть).
111 «Ты письмо мое, милый, не комкай...»
Впервые – журн. «Заветы». 1913. № 5. С. 6, с вариантами строк:
1–2: Ты письмо мое, мальчик, не комкай, До последней строки прочти...; 5: Не гляди так, не хмурься так гневно; 8: Не монахиня больше я–; 9: В этом сером и будничном платье; 11: Но еще нежнее объятье; 13: Ты письмо мое, мальчик, не комкай;
«Четки», 1914. С. 58, с вариантом строки 15: «И его в твоей бедной котомке». Печ. по кн. «Бег времени». С. 76.
112 «Потускнел не небе синий лак...» Впер¬вые–журн. «Гиперборей». 1913. № 9–10 (номер вышел
в марте 1914). С. 33, в подборке «Восьмистишия», где имело другой конец: «Сквозь листву растрепанной ольхи// Солнце землю косо освещает». Те же строки 7 – 8 – в кн. «Белая стая», 1922; «Из шести книг»; «Избранное», 1943; «Стихотворения», 1961. В кн. «Белая стая», 1917. С. 17, с иными строками 7 и 8, с вариантами пунктуации: в окончании строки 6 (нет многоточия) и многоточием в строке 8. В кн. «Бег времени» Ахматова вернулась к варианту строк 7–8 «Белой стаи», 1917, который и следует считать последней авторской волей. Печ. по кн. «Бег времени». С. 96.
Окарина – керамический свисток в форме животно¬го, птицы или рыбы, звуком напоминающий флейту.
из «Все мы бражники здесь, блудницы...»
Впервые –журн. «Аполлон». 1913. № 4, под загл. «Cabaret Artistique» (^. – Артистическое кабаре), с ва¬риантом строк 11 – 12: «У затравленной дикой кош-ки//На твои похожи глаза»; «Четки», 1914. С. 13, с да¬той–1 января 1913. Та же дата–«Бег времени». С. 53. В черновом автографе РГАЛИ имело загл. «В «Бродячей собаке» и подзагол. «Посвящается друзьям» (зачеркну¬то), с вариантами строк:
1: Мы все бражники здесь, блудницы, 13: В них гляжу, и сердце тоскует.
Печ. по кн. «Четки», 1914. Дата–по автографу РГАЛИ. В списке Н. Л. Дилакторской дата по ст. ст. – «19 декабря 1912. В вагоне».
«Бродячая собака» – литературно-артистическое ка¬баре (открылось 31 декабря 1911 г.), излюбленное место встреч, выступлений и литературных вечеров, в которых принимали участие Ахматова и ее друзья – поэты, ар¬тисты, художники. Находилось в Петербурге, на Михай¬ловской площади, во втором дворе дома № 5. Официаль¬но «Бродячую собаку» закрыли 3 марта 1915 г.– по одной из версий, за торговлю вином в условиях «сухого закона», по другой –после скандального выступления

В. Маяковского 11 февраля 1915 г. с чтением стихотворе¬ния «Вам» (см. об этом в кн.: Крученых А. Наш выход. К истории русского футуризма. М., 1996. С. 62 и 216).
В 1960-е годы, намереваясь включить это стихотво¬рение в кн. «Бег времени», Ахматова предполагала изме¬нить первую строку на «Все мы вышли из небылицы...», однако, по-видимому, этого не потребовалось, и стихо¬творение вошло в книгу в первоначальной редакции («Бег времени», раздел «Из книги «Четки». С. 53).
«Столько просьб у любимой всегда!..»
Впервые –журн. «Гиперборей». 1913. № 5 (вышел в фев¬рале 1913). С. 7; «Четки», 1914. С. 27–28, с вариантами пунктуации и датой–1913. Печ. по кн. «Бег времени». С. 64. В списке Н. Л. Дилакторской дата– 1912(?).
По-видимому, обращено к Н. С. Гумилеву («опоз¬навательные знаки» –«мудрый и смелый», «в биографии славной твоей», «чтобы нас рассудили потомки»).
115 Смятение (1–3) /. «Было душно от жгучего света...» 2. «Не любишь, не хочешь смотреть?..» 3. «Как велит простая учти¬вость...» Впервые –журн. «Гиперборей». 1913. № 5 (вышел в феврале). С. 3; «Четки», 1914. С. 7 – 9, с вариантом пунктуации и датой – 1913. Печ. по кн. «Бег времени». С. 47 – 48. Дата первого стихотворения – 1912 –в невышедшем «Собрании стихотворений» 1924 – 1926 гг. Уточнение даты –не позже февраля –по времени выхода № 5 журн. «Гиперборей».
Душевное состояние героини ахматовских стихов совпадает с состоянием героя стихотворения 1907 г. А. Блока «Смятение» («Мы ли –пляшущие тени?..»). См. об этом в статье В. А. Черных «Блоковская легенда в творчестве Анны Ахматовой» (Серебряный век в Рос¬сии). Автор статьи делает вывод о наличии блоковской «любовной» темы в раннем творчестве Ахматовой и, в частности, в сб. «Четки». Действительно, система об¬разов и настроений в поэзии этого периода отражает напряженную «любовную» коллизию 1913 – начала 1914 гг., связанную в судьбе Ахматовой с несколькими адресатами. В 1913 г. она знакомится с Н. В. Не¬доброво – поэтом, литературным критиком, 8 февраля 1914 г. или ранее в 1913 г. –с А. С. Лурье–талантливым музыкантом-модернистом. Оба были увлечены Анной Ахматовой, к обоим, хотя и по-разному, испытывала влечение она. По-прежнему сложными оставались отношения с мужем, Н. С. Гумилевым, в которых дружес¬кое равноправие свободных личностей сменялось проти¬воборством и почти враждой. Легкий оттенок чувствен¬ности появился в стихах, посвященных М. И. Лозин¬скому, с которым Ахматова была знакома с 1911 г. («Не будем пить из одного стакана...») И, разумеется, в лирической теме «Четок» отразились два самоубийст¬ва – Всеволода Гаврииловича Князева (1891 – 1913) – 29 марта (умер 5 апреля) 1913 г. и Михаила Александ¬ровича Линдеберга (см. о нем коммент. к стихотворению «Снова со мной ты. О мальчик-игрушка!..») –23 декабря 1911 г. Оба самоубийства были «романическими», связан¬ными с любовными «многоугольниками», в один из кото¬рых входила О. А. Глебова-Судейкина (о ней см. коммент. к стихотворению «Голос памяти»), в другой–Ахматова. «Блоковская тема» «Четок» существует; она не сводится только к стихотворению «Я пришла к поэту в гости...» (январь 1914), но данных для точной адресации Блоку других стихотворений «Четок» недостаточно.
117 «Вижу выцветший флаг над тамож¬ней...» Впервые –журн. «Гиперборей». 1913. № 5 (вы¬шел в феврале), под загл. «Возвращение»; «Четки», 1914. С. 51, с вариантами пунктуации; «Бег времени». С. 75, с датой–1913. Печ. по кн. «Четки», 1914. Уточнение даты –не позже февраля 1913 –по времени выхода № 5 журн. «Гиперборей».
Все глядеть бы на смуглые главы... –Речь идет о даче «Отрада» («Новый Херсонес») на берегу Стрелецкой бухты – «дача Тура», в трех верстах от Севастополя, где семья Горенко проводила каждое лето с 1896 по 1903 г. В большинстве посмертных изданий под стихотворением неверная дата –осень 1913. Оценку этого стихотворения дал Н. С. Гумилев в своем письме от 9 апреля 1913 г.: «Я весь день вспоминаю твои строки о «приморской девчонке», они мало того, что нравятся мне, они меня пьянят. Так просто сказано так много, и я совершенно убежден, что из всей послесимволической поэзии ты да, пожалуй (по-своему), Нарбут окажетесь самыми значи¬тельными» (Гумилев, 3. С. 236).
«...И на ступеньки встретить...»
Впервые–«Гиперборей». 1913. № 5 (вышел в феврале). С. 6; «Четки», 1914. С. 17–18; «Бег времени». С. 54 – 55. Печ. по кн. «Четки», 1914. Уточнение даты –по времени выхода № 5 журн. «Гиперборей». В списке Н. Л. Дилак¬торской имело загл. «Сандрильона» и дату–начало 1913.
Сандрильона – героиня сказки французского писателя Шарля Перро (1628–1703), в русском переводе «Золушка».
«Черная вилась дорога...» Впервые – журн. «Нива». 1913. № 10 (вышел в марте). С. 94, под загл. «Песенка». В разд. «Белая стая» включено в кн. «Бег времени». С. 111, с датой–1916. Печ. по кн. «Бег времени». Дата –по времени выхода № 10 журн. «Ни-ва»–не позже марта 1913 г.

Вечером. Впервые –журн. «Гиперборей». 1913. № 8. С. 4, без загл., с иным эпитетом в строке 2: «Таким невыносимым горем»; «Четки», 1914. С. 11, с ва¬риантами пунктуации. Печ. по кн. «Бег времени». С. 52. Дата –в кн. «Четки»: «1913, март».
Свежо и остро пахли морем//На блюде устрицы во льду. – Эти строки исследователи сопоставляли со строками сти¬хотворения В. Маяковского: «Я увидал на блюде студня// Косые скулы океана», написанного в 1914 г. (см.: Соко¬лов В. Н. Слово об Ахматовой; Коваленко С. А. Ахматова и Маяковский//Царственное слово. Ахматов¬ские чтения. Был. 1. С. 9 и 166). Явственно сходство их со стихами И. Северянина: «Как пахнет морем от вер-вены,//И устрицами, и луной!» (июнь 1914, стихотворе¬ние «Вервена»). Первая строка стихотворения «Звенела музыка в саду...» перекликается со строкой «Звенели лан¬дыши во мху...» стихотворения И. Северянина «Амуле¬ты» (февраль 1910).
121 «Я видел поле после града...» Впервые – журн. «Заветы». 1913. № 5 (вышел в мае). С. 5, с опечат¬кой в строке 7: «Не страшно мне опустошенье...», авто¬граф–РГАЛИ. Печ. по этому автографу, с уточнением даты по времени выхода № 5 журн. «Заветы».
Можно предположить, что стихотворение написа¬но как бы от имени Н. С. Гумилева, для поэзии которого характерно сравнение глаз с бирюзой (ср. «неживая бирюза», «персидская больная бирюза»). Мысль стихот¬ворения: «Будь же нищей...» –может быть сопоставлена со строками стихотворения 1921 г. «На пороге белом рая...»: «Завещал мне, умирая, благостность и нищету...»
122 Прогулка. Впервые – «Четки», 1914. С. 10, с датой –1913. Май; «Бег времени». С. 49, с да¬той–1913. Печ. по кн. «Четки», 1914. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
Написанное в мае 1913 г., стихотворение, возмож¬но, является воспоминанием о мае, проведенном Ахмато¬вой в Париже в1910и1911гг. Современные авторы книг об Ахматовой и Модильяни связывают это стихотворение с образом Модильяни в стихах Ахматовой 1910– 1913 гг. См. об этом в кн. Б. Носика «Анна и Амедео». С. 116. По словам Л. Ю. Брик, это стихотворение любил декламировать Маяковский. Булонский лес – парк в Пари¬же, излюбленное место отдыха парижан.
«Ты пришел меня утешить, милый...»
Впервые – «Четки», 1914. С. 55, с датой–1913. Май. Петербург; «Из шести книг». С. 251. Черновой авто¬граф –РГАЛИ, с вариантом строки 8: «Ласковый, задум¬чивый и грустный». Печ. по кн. «Четки», 1914.
В одном из автографов (РГАЛИ) обозначено, что стихотворение написано на Крестовском острове, –там в доме № 12 по набережной Средней Невки жил отец Ахматовой, Андрей Антонович Горенко (1848 – 1915). По-видимому, обращено к М. Л. Лозинскому, в архиве которого имеется автограф другой редакции стихотворе¬ния: из одной строфы с подписью Ахматовой:
Ты пришел меня утешить, милый, Гость мой нежный, гость мой редкий. Ах, уже давно глядеть не стало силы, Как в окне под ветром плачут ветки.
Ахматова жила в квартире отца во время его болезни в мае 1913 г.; в 1910 – 1915 гг. эпизодически навещала его.
124 Голос памяти. Впервые –журн. «Гипербо¬рей». 1913. № 8. С. 3, без посвящения, которое впервые появляется в «Четках», 1914. С. 39, с датой –1913. Июнь. Слепнево; «Бег времени». С 70, с датой–1913. Печ. по кн. «Четки», 1914. Дата –по списку Н. Л. Дилак¬торской.
Ольга Афанасьевна Глебава-Судейкина (1885 – 1945) – актриса, близкая подруга Ахматовой (с 1910-х годов). Дебютировала после окончания Санкт-Петербургского театрального училища в 1905 г. в труппе Александ¬рийского театра (Аня в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад»), через год перешла в петербургский Драматичес¬кий театр В. Ф. Комиссаржевской, где играла в пьесах Ибсена и Метерлинка. В 1907 г. стала женой художника С. Ю. Судейкина. В 1909 г. возобновилась ее артистичес¬кая карьера (в театре Суворина) ролью Путаницы в во¬девиле Ю. Беляева «Путаница, или 1840 год». Она играла многие роли в пьесах Ростана, А. Дюма, Шил¬лера, Чехова, Беляева, Кузмина; танцевала–в «Лебедином озере» Чайковского в Малом театре, в дивертисментах и водевилях. Полонез, который Судейкина танцевала с Нижинским, стал знаменит; в кабаре «Бродячая соба¬ка» она пела, декламировала стихи, танцевала стилизо¬ванные русские народные и французские (XVIII в.) танцы. Глебова-Судейкина –главная героиня ахматов-ской «Поэмы без героя», действие первой части которой происходит в 1913 г. Кто для белой смерти твой покинул плен?–Речь идет о самоубийстве В. Г. Князева (умер 5 ап¬реля 1913 г. в Риге), после разрыва отношений с Глебовой-Судейкиной и в результате сложных и длительных пере¬живаний, связанных с М. А. Кузминым. О В. Г. Князеве см. коммент. к стихотворению «Смятение».
125 «Ничего не скажу, ничего не от¬крою...» Впервые – «Ежемесячное литературное прило¬жение к журн. «Нива». 1913. № 7. Столбцы 371 – 372. Печ. по этой

публикации. Уточнение даты –по времени выхода прил. к журн. «Нива».
Аналой–в православных церквах –особый стол, на который во время богослужения кладут Евангелие, крест или иконы. Повести к аналою –т. е. совершить обряд бракосочетания. По-видимому, речь идет о Н. С. Гумиле¬ве, венчание с которым состоялось 25 апреля 1910 г.
«Покорно мне воображенье..J Впер¬вые–«Четки», 1914. С. 19, с датой –1913. Июль. Слеп-нево; «Бег времени». С. 58, с датой –Слепнево. 1913. Печ. по кн. «Четки», 1914.
Некоторые исследователи и мемуаристы высказы¬вали предположение, что стихотворение адресовано поэ¬ту Николаю Владимировичу Недоброво (1882–1919), с ко¬торым Ахматова познакомилась в апреле 1913 г., после приглашения ее на заседания «Общества поэтов», ор¬ганизованного Н. В. Недоброво и поэтом Е. Г. Лисенко-вым (первое заседание состоялось 4 апреля, в програм¬ме – чтение А. Блоком своей драмы «Роза и Крест»). 29 октября 1913 г. Недоброво уже писал своему другу Б. В. Анрепу о новой знакомой: «Источником существен¬ных развлечений служит для меня Анна Ахматова, очень способная поэтесса...» 12 мая 1914 г. в очередном письме Анрепу об Ахматовой Недоброво цитирует строку из ах-матовского стихотворения «Покорно мне воображенье...»: «Через неделю нам предстоит трехмесячная, по крайней мере, разлука. Очень это мне грустно. ...) Мне хочется не иметь никаких обязанностей, даже лечебных, не иметь новых впечатлений, а, отдыхая телом на старых местах, писать побольше для того, чтобы развлекать Ахматову в ее «тверском уединении» присылкой ей идиллий, поэм и отрывков из романа под заглавием «Дух дышит, где хочет» и с эпиграфом:
И вот на памяти моей Одной улыбкой светлой боле. Одной звездой любви светлей». (Соч., 3. С. 383, 384-385).
Другим возможным адресатом ахматовского стихо¬творения называли А. Блока. Однако нам кажется, что оба предположения как бы обгоняют события: близкая дружба Ахматовой и Недоброво началась не раньше зимы 1913/14 г. Его грусть от предстоящего расстава¬ния–это весна 1914 г., совместная работа над третьим изданием «Четок» –1916 г. С. Блоком Ахматова познако¬милась лично в апреле 1911 г., но след острого взаимного интереса можно найти в их стихах декабря 1913 г.–января 1914 г. (см. об этом коммент. к стихотворению «Я пришла к поэту в гости...»). В моем тверскомуедине-нъи... – В имении Гумилевых Слепневе Бежецкого уезда Тверской губернии, где Ахматова после замужества и рождения сына проводила почти каждое лето. По мнению М. М. Кралина, Ахматова цитирует строку из письма Пушкина: «Я скучаю в моем псковском уедине¬нии» (БО 1. С. 375).
«Вечерние часы перед столом...J Впер¬вые–«Четки», 1914. С. 64, с датой –1913. Лето; «Бег времени». С. 79, с датой– 1913. Печ. по кн. «Четки», 1914.
Уточнение места написания –на основании рассказа Ах¬матовой П. Н. Лукницкому: «Лето 13 г. я провела в Слеп-неве» (Лукницкий, 1. С. 100).
Возможно, обращено к Н. С. Гумилеву.
Последнее письмо. Впервые–сб. «Скри¬жаль 1». Пг., 1918. С. 17. Печ. по БП. С. 277-278. Датируется по времени возвращения Ахматовой из Слеп-нева (8 сентября 1913 г.).
Обращение к царскосельскому другу (возможно, Н. В. Недоброво, родословная которого восходила к А. С. Пушкину) породило «пушкинскую» интонацию «дружеского послания», которая, по-видимому, впослед¬ствии не удовлетворила автора, и стихотворение не вклю¬чалось Ахматовой в прижизненные издания.
130 «Мальчик сказал мне: «Как это боль¬но!»...» Впервые – журн. «Русская мысль». 1913. № 13. С. 130; «Четки», 1914. С. 35. Печ. по кн. «Четки», 1914. Дата-БП. С. 64.
131 «Здравствуй! Легкий шелест слы¬шишь.**) Впервые – «Четки», 1914. С. 30, с вариантами пунктуации и датой–1913. Октябрь; «Бег времени». С. 66, с датой–1913. Печ. по кн. «Бег времени». Дата – по кн. «Четки», 1914. Место написания–по БО 1. С. 54.
Возможно, обращено к Н. В. Недоброво.
«Знаю, знаю–снова лыжи*.» Впервые – «Четки», 1914. С. 73, с вариантом написания в строке 4: «Луг так сладостно-покат». Дата –1913. Октябрь. Цар¬ское Село. Печ. по кн. «Бег времени». С. 83, где да¬та–1913. Дата –по кн. «Четки», 1914.
Лыжные прогулки по льду Невы и в Царском Селе зимой 1913/14 г. Ахматова совершала обычно с Н. В. Не¬доброво. Ива, дерево русалок. – Образ «ивы–дерева руса¬лок» в поэзии Серебряного века восходит к Шекспиру. В трагедии «Гамлет» –см. рассказ о смерти Офелии (дей¬ствие IV, сцена 7):
Над речкой ива свесила седую Листву в поток (...) Она в поток обрушилась. Сперва Ее держало платье, раздуваясь, И, как русалку, поверху несло.
В трагедии «Отелло» об иве поет Дездемона (дейст¬вие IV, сцена 3):
Несчастная крошка в слезах под кустом Сидела одна у обрыва. Затянемте ивушку, иву споем, – Ох, ива, зеленая ива!*

Ср. также образ ивы в стихотворении И. Анненского «Ноша жизни светла и легка мне...» (1906):
И не горе безумной, а ива Пробуждает на сердце унылость, Потому что она, терпеливо Это горе качая... сломилась. (Анненский. С. 170).
У Б. Пастернака («Уроки английского»):
Когда случалось петь Дездемоне, – А жить так мало оставалось,– Не по любви, своей звезде она, По иве, иве разрыдалась. (Пастернак, 1. С. 133).
У Н. Гумилева («Озера», 1902):
И будят забытые, грустные чары Серебряно-белые ивы... (Гумилев, 1. С. 101);
у него же («Любовь», 1914):
Ее видали и в роще Висящей на иве тощей, На иве, еще Дездемоной Оплаканной и прощенной. (Там же. С. 374).
* Пер. Б. Пастернака.
133 8 ноября 1913. Впервые –«Четки», 1914. С. 54; «Из шести книг». С. 250. Печ. по кн. «Четки», 1914.
Начиная с невышедшего «Собрания стихотворе¬ний» 1924–1926 гг., редакторы пытались вписать в за¬главие слово «года». Ахматова была против этого–см. запись П. Н. Лукницкого о работе над корректурой в 1926 г.: «"8 ноября 1913 г," Приложила палец к «г.», посмотрела, как выглядит заглавие, и сказала, чтоб я уб¬рал «г.» (год)»-(Лукницкий, 2, С. 226).
8 ноября ст. ст. –День Архистратига Михаила. Воз¬можно, обращено к М. Л. Лозинскому в день его ангела.
«Косноязычно славивший меня*.»
Впервые –журн. «Гиперборей». 1913. № 8 (вышел в нояб¬ре). С. 6, с вариантом строки 10: «Все плачущие равны перед Богом»; «Четки», 1923. С. 16. В БО 1. С. 49, варианты строк 9–11:
Люби меня, припоминай и плачь. Все плачущие не равны ль пред Богом. Прощай, прощай! меня ведет палач.
Печ. по кн. «Четки», 1923. Уточнение даты –по кн.: Черных, 1. С. 64 –на основании цензурного разреше¬ния на публичное исполнение трех стихотворений Ах-матовой: «Звенела музыка в саду...», «Косноязычно сла¬вивший меня...» и «Со дня Купальницы-Аграфены...»
В рукописи кн. «Бег времени» было включено в цикл «Черный сон» (в автографах РГАЛИ – «Дурной сон»), посвященный второму мужу Ахматовой –Владими¬ру (Вольдемару) Казимировичу Шилейко (о нем см. ком¬мент. к стихотворению «Ты всегда таинственный и но¬вый...»). Брак был недолгим (1918 – 1921, официальный развод в 1926 г.), ив сознании друзей Ахматовой и мемуа¬ристов запечатлен как период притеснений и вынужден¬ного домашнего затворничества Ахматовой. Поводом для написания стихотворения, возможно, явилось воспомина¬ние о выступлении В. К. Шилейко по поводу стихов Ахматовой. См. также строки из его стихотворения, посвя-щенного Ахматовой: «Уста Любви истомлены...»:
Поет и тлеет злая плоть.
Но знаю верой необманной:
Свою любимую Господь
Возвысит в день обетованный –
И над огнями суеты
Она взойдет стезей нестыдной,
Благословеннее звезды
В сияньи славы очевидной.
Это стихотворение было записано Ахматовой в так называемую «полосатую тетрадь» (отдел рукописей РНБ, СПб.), которую она называла «В ста зеркалах». Известно ей было и другое стихотворение Шилейко, свидетельствую¬щее о его влюбленности:
Живу мучительно и трудно, И устаю, и пью вино; Но, посещен судьбиной чудной, Люблю, –сурово и давно.
И мнится мне, что, о дно думный,
В подстерегающую тень
Я унесу июльский день
И память женщины безумной.
(«Посвящается Ахматовой. Стихи разных поэтов, посвященные Ахматовой». Тенафли: «Эр¬митаж», 1991. С. 42-43).
Косноязычно славивший меня... – см. также стихотворе¬ние «Восьмистишие» (1915), которое Н. Гумилев посвя¬тил своему другу В. Шилейко: «Высокое косноязычье// Тебе дарует ся, поэт...» Понятие «косноязычье» восходит к Библии (Исход 4. 10. 14–16): «И сказал Моисей Господу: о, Господи! человек я не речистый, и таков был и вчера и третьего дня, и когда ты начал говорить с рабом Твоим: я тяжело говорю и косноязычен. ...) И возгорелся гнев Господень на Моисея, и Он сказал: разве нет у тебя Аарона брата, Левитянина? Я знаю, что он может говорить, и вот, он выйдет навстречу тебе, и, увидев тебя, возрадуется в сердце своем. Ты будешь ему

говорить и влагать слова в уста его, а Я буду при устах твоих и при устах его и буду учить вас, что вам делать. И будет говорить он вместо тебя к народу; итак, он будет твоими устами, а ты будешь ему вместо Бога» (см. об этом также в коммент. Н. А. Богомолова. —Гумилев, 1. С. 521).
Весной 1915 г. В. К. Шилейко откликнулся на сти¬хотворение Ахматовой, взяв эпиграфом строки «Косно¬язычно славивший меня...»:
Есть вера духа, жадная, простая,— И верность сердца, взявшего свое: Они вдвоем в другое бытие Уводят мир, пути переплетая.
Но я не знал ни той свободной веры, Ни этой скудной мудрости сердец: Изгнанник неба, огненный гордец, Я —косный камень. Только камень серый.
Чужой звезды неизмененный сплав, Тяжелый гул падением создав, Я опочил бессмысленно и праздно— И вопию, и славлю безобразно.
(Ш и л е й к о В. К. Через время. Стихи, переводы, мистерия. М.: Изд-во Между-народной Академии информатизации. 1994. С. 39).
135 «Со дня Купалънии,ы-Аграфенъ1..м Впер¬вые — «Четки», 1914. С. 60. Печ. по кн. «Четки», 1914.
По предположению И. А. Грэм, обращено к ком¬позитору А. С. Лурье, который рассказывал ей эпизод с «малиновым платком», подаренным ему Ахматовой в день «Купальницы-Аграфены», 23 июня («Артур и Ан¬на». С. 24). Однако в настоящее время В. А. Черных в «Летописи жизни и творчества Анны Ахматовой» уточ¬нил время и место ее знакомства с А. С. Лурье, которое произошло позже —8 февраля 1914 г. на диспуте «О но¬вом слове» в Тенишевском зале под председательством И. А. Бодуэна де Куртенэ. При этом Черных ссылается на запись П. Н. Лукницким слов Ахматовой: «АА по¬знакомилась с А. Лурье 8 февраля 1914. Несколько сви¬даний было, потом расстались» (Лукницкий, 1. С. 45). Версия Черных —Лукницкого противоречит рас¬сказу А. Лурье о том, что на вопрос Ахматовой, сколько ему лет, он ответил: «21». Лурье родился 12 мая 1891 г., следовательно, эта первая беседа должна была состояться до 12 мая 1913 г.
...ликует, как царь Давид. —Но библейской легенде, царь Давид ликовал, перенеся Ковчег Завета в свою столицу Иерусалим. Ликование выражено и в любовных псалмах царя Давида.
«Бисерным почерком пишете, LAse...»
Впервые —журн. «Гиперборей». 1913. № 8 (вышел в нояб¬ре). С. 7. Печ. по БП. С. 276.
Посвящено поэту Георгию Владимировичу Иванову (1894—1958), младшему участнику «Цеха поэтов», эгофутуристу и акмеисту. В 1910-е годы был близок с М. А. Кузминым (в кругу Ахматовой существовало определение: «Жоржики» Михаила Кузмина). «Старая тетка» — одно из иронических прозвищ М. Кузмина. (см. об этом в коммент. М. М. Кралина —БО 2. С. 317). Имя «Ljse», возможно, восходит к имени героини книги М. Кузмина «Лизанькин часовник, или Сборник эроти¬ческий. В Туле. 1908 год» (48 страниц, рукопись, на об¬ложке рисунок Ю. Юркуна).
Одно из немногих иронически-стилизованных сти¬хотворений Ахматовой. В своих мемуарах «Петер¬бургские зимы» Г. В. Иванов не упоминал об этом стихотворении.
137 «У меня есть улыбка одна...» Впервые — журн. «Гиперборей». 1913. № 8 (вышел в ноябре). С. 4; «Четки», 1914. С. 26; «Бег времени». С. 61. Дата всюду — 1913. В неизданном «Собрании стихотворений» 1924 — 1926 гг.— 1912. Печ. по кн. «Четки», 1914. Уточнение даты —по времени выхода № 8 журн. «Гиперборей».
138 «Простишь ли мне эти ноябрьские дни?..» Впервые—«Четки», 1923. С. 75. Во 2-м издании «Четок» 1915 г.—как дарственная надпись М. Л. Лозин¬скому. В сб. «Из шести книг». С. 274, вариант строки 2: «В каналах приневских дробятся огни». Печ. по кн. «Четки», 1923. Дата и место написания —в списке Н. Л. Дилакторской.
139 «Высокие своды костела...» Впер¬вые—«Четки», 1914. С. 36 — 37, с датой—1913. Ноябрь. Печ. по кн. «Четки», 1914. Черновой автограф—РГАЛИ, с вариантами строк:
14—15: Мои «нет», «уйдите» и «да»,
Прищурясь, следил бесстрастно...; 23: Я знала, как хрупко горло;
26 — 28: Совенок задушенный мой!
Из белого с синим костела Так страшно вернуться домой.
Исследователь творчества Ахматовой М. М. Кралин связывает тему этого стихотворения с самоубийством влюбленного в нее юноши, М. А. Линдеберга (о нем см. коммент. к стихотворению «Снова со мной ты. О маль¬чик-игрушка!..»). Возможно, Ахматова вспомнила о нем в связи с известием о самоубийстве В. Г. Князева, о котором писала в стихотворении «Голос памяти» 18 июня 1913 г., посвященном О. А. Глебовой-Судейкиной. М. А. Лин-деберг был похоронен в лютеранской части Волкова кладбища в Петербурге.
141 «Не будем пить из одного стакана...»
Впервые —журн. «Гиперборей». 1913. № 8 (вышел в но¬ябре). С. 5; «Четки», 1914. С. 24 - 25, с датой-1913. То же —«Бег времени». С. 60. Печ. по кн. «Четки», 1914. Уточнение даты —по времени выхода № 8 журн. «Гиперборей».

Обращено к М. Л. Лозинскому. Подтверждение этого—в записи Л. К. Чуковской от 10 мая 1940 г.:
«...Продиктовала мне мелкие поправки к стихотворению «Не будем пить из одного стакана...» —Михаил Леонидо¬вич обиделся, увидев, что я переменила, сделала не так, как было в молодости. И вот, восстанавливаю по-старому,— объяснила она. «Как? Значит, это ему!» — подумала я, но не произнесла» (Чуковская, 1. С. 108).
142 «За узором дымных стекол...» Впер¬вые-журн. «Юность». 1969. № 6. С. 66; БП. С. 284, с датой—1910-е годы. Автограф в РГАЛИ на обороте листа с автографом стихотворения «Высокие своды кос¬тела...». Печ. по автографу РГАЛИ.
Шушун — старинная русская женская распашная одежда, тип кофты или короткополой шубки.
«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...»
Впервые—«Ежемесячный журнал». 1914. № 2. С. 6, с разночтениями в строках 5 — 6: «Так больно было уко-лоться//0 ствол речного тростника»; «Четки», 1914. С. 45, с датой—1913. Осень. То же —«Бег времени». С. 73, с датой—1913. Печ. по кн. «Четки», 1914.
Тверская скудная земля. — Речь идет о Слепневе, откуда Ахматова вернулась 8 сентября 1913 г. Кипень—белая пена от кипенья или волненья воды. Слово распространено в тверских и псковских говорах (см. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. С. 108).
144 «Плотно сомкнуты губы сухие...»
Впервые — «Четки», 1914. С. 52, с вариантом строки 4: «На сапфирной душистой парче». Печ. по кн. «Четки», 1916. С. 52.
Княжна Евдокия. — Возможно, речь идет о великой княгине Евдокии, жене великого князя Дмитрия Донского, перед смертью (1407 г.) постригшейся под именем Еф¬росиньи и посмертно причисленной к лику святых (кано¬низированной). Предположение выдвинуто В. М. Жир¬мунским (БП. С. 458).
14 J «Вместо мудрости — опытность, пре¬сное...» Впервые —журн. «Русская мысль». 1914. № 6. С. 53, без посвящения; «Белая стая», 1917. С. 18, с да¬той—1913; «Бег времени». С. 97. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты—БО 1. С. 77.
Посвящение Валерии Сергеевне Срезневской (урожд. Тюльпановой, 1888—1964), подруге Ахматовой с дет¬ских лет, появилось в первом издании книги «Белая стая», 1917. Дружба продолжалась до конца жизни Срезневской. В семье Валерии Сергеевны и ее мужа Вячеслава Вячеславовича Срезневского (1880—1942), про¬фессора Военно-медицинской академии, Ахматова жила с начала 1917 по осень 1918 г. В. С. Срезневская написа¬ла воспоминания о юности Ахматовой и Гумилева «Даф¬нис и Хлоя», в которых, в частности, говорила: «У Ах¬матовой большая и сложная жизнь сердца, —я-то это знаю, как, вероятно, никто» («Воспоминания». С. 9). Срезневской посвящены также стихотворения «Жрицами божественной бессмыслицы...» (1910-е г.) и «Памяти В. С. Срезневской» (1964).
«В то время я гостила на земле...»
Впервые—«Четки», 1914. С. 84, под загл. «Отрывок из поэмы», с вариантом строки 10: «И осенью однажды иностранку»; «Из шести книг». С. 271 — 273, без загл. В кн. «Избранное», 1943. С. 52—57, вошло в цикл «Эпи¬ческие мотивы» (№ 2. «Покинув рощи родины священ¬ной...», № 3. «Смеркается, и в небе темно-синем...» из кн. «Аппо Domini»). То же —«Бег времени». С. 224—225, с датой— 1913, осень. Печ. по кн. «Бег времени». В авто¬графе РГАЛИ имело загл. «Маленькая поэма».
Цикл из трех стихотворений имел эпиграф: «Я пою, и лес зеленеет» из поэмы Б. Анрепа «Человек».
По размеру и ритму близко к стихотворению А. Блока «О смерти» (сб. «Вольные мысли», 1907):
Все чаще я по городу брожу, Все чаще вижу смерть — и улыбаюсь Улыбкой рассудительной. Ну, что же?.. (Блок, 2. С. 295).
И праздников считала не двенадцать... — Имеются в ви¬ду двенадцать основных праздников, установленных рус¬ской православной церковью в воспоминание о событиях жизни Христа и Богоматери, а также о некоторых собы¬тиях из церковной истории.
148 9 декабря 1913. Впервые —журн. «Северные записки». 1916. № 1. С. 33; «Белая стая», 1917. С. 33, без даты. Печ. по кн. «Белая стая», 1917.
В одном из автографов РГАЛИ имеет зачеркнутое посвящение Н. В. Н., то есть Николаю Владимировичу Недоброво. Несколько раз Ахматова ставила под стихо-творением разные даты: 1915 («Бег времени». С. 109), 1917 («Стихотворения», 1961). Однако в наиболее авторитетных изданиях — невышедшем «Собрании сти-хотворений» 1924—1926 гг. и списке 1945 — 1946 гг. Н. Л. Дилакторской —дата, вынесенная в заглавие, явля¬ется и датой написания стихотворения.
149 «Настоящую нежность не спута¬ешь...» Впервые—«Четки», 1914. С. 23, с датой —1913. Декабрь; «Бег времени». С. 62, с датой—1913. Печ. по кн. «Четки», 1914.

Уточнение места написания – БП. С. 61.
На черновике статьи Н. В. Недоброво об Анне Ахматовой, где он анализирует ахматовское стихотво¬рение (31 января 1914 г.) записан шуточный ответ на него:
Не напрасно вашу грудь и плечи
Кутал озорник в меха
И твердил заученные речи...
И его ль судьба плоха!
Он стяжал нетленье без раздумий,
В пору досадивши вам:
Ваша песнь—для заготовки мумий
Несравненнейший бальзам.
(Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 г. 1976. С. 63).
Анализ ахматовского стихотворения, проделанный Недоброво в его статье, может служить примером того пристального внимания к технике поэта, которое было характерно и для критика Недоброво, и для статей Н. С. Гумилева и других акмеистов. Недоброво приводит текст стихотворения «Настоящую нежность не спута¬ешь...»—«ничем в «Четках» не выделяющегося», затем пишет о нем:
«Речь проста и разговорна до того, пожалуй, что это и не поэзия? А что если еще раз прочесть да заметить, что когда бы мы так разговаривали, то, для полного исчерпания многих людских отношений, каждому с каж¬дым довольно было бы обменяться двумя-тремя восьми¬стишиями—и было бы царство молчания. А не в молчании ли слово дорастает до той силы, которая пресуществляет его в поэзию?
Настоящую нежность не спутаешь Ни с чем... –
какая простая, совсем будничная фраза, как она спокой¬но переходит из стиха в стих, и как плавно и с оттяжкою течет первый стих —чистые анапесты, коих ударения от-далены от концов слов, так кстати к дактилической рифме стиха. Но вот, плавно перейдя во второй стих, речь сжимается и сечется: два анапеста, первый и третий, стягиваются в ямбы, а ударения, совпадая с концами слов, секут стих на твердые стопы. Слышно продолжение простого изречения:
... нежность не спутаешь Ни с чем, и она тиха,—
но ритм уже передал гнев, где-то глубоко задержанный, и все стихотворение вдруг напряглось им. Этот гнев решил все: он уже подчинил и принизил душу того, к кому обращена речь; потому в следующих стихах уже выплыло на поверхность торжество победы —в холодно¬ватом презрении:
Ты напрасно бережно кутаешь...
Чем же особенно ясно обозначается сопровождаю¬щее речь душевное движение? Самые слова на это не расходуются, но работает опять течение и падение их: это «бережно кутаешь» так изобразительно и так, если угодно, изнеженно, что и любимому могло бы быть сказа¬но, оттого тут и бьет оно. А дальше уже почти издева-тельство в словах:
Мне плечи и грудь в меха...— это дательный падеж, так приближающий ощущение и выдающий какое-то содрогание отвращения, а в то же время звуки, звуки! «Мне плечи и грудь...» —какой в этом спондее и анапесте нежный хруст все нежных, чистых и глубоких звуков.
Но вдруг происходит перемена тона на простой и значительный, и как синтаксически подлинно обосно¬вана эта перемена: повторением слова «напрасно» с «и» перед ним:
И напрасно слова покорные...
На напрасную попытку дерзостной нежности дан был ответ жесткий, и особо затем оттенено, что напрасны и покорные слова; особливость этого оттенения очерчива¬ется тем, что соответствующие стихи входят уже в другую рифмическую систему, во второе четверостишие:
И напрасно слова покорные Говоришь о первой любви.
Как это опять будто заурядно сказано, но какие отсветы играют на лоске этого щита —щит ведь все стихо¬творение. Не сказано: и напрасны слова покорные,— но сказано: и напрасно слова покорные говоришь... Усиле¬ние представления о говорении не есть ли уже и изобли¬чение? И нет ли иронии в словах: «покорные», «о пер¬вой»? И не оттого ли ирония так чувствуется, что эти слова выносятся на стянутых в ямбы анапестах, на рит¬мических затаениях?
В последних двух стихах:
Как я знаю эти упорные, Несытые взгляды твои! –
опять непринужденность и подвижная выразительность драматической прозы в словосочетании, а в то же время тонкая лирическая жизнь в ритме, который, вынося на стянутом в ямб анапесте слово «эти», делает взгляды, о которых упоминается, в самом деле «этими», то есть вот здесь, сейчас видимыми. А самый способ введения пос-ледней фразы, после обрыва предыдущей волны, воскли¬цательным словом «как», —он сразу показывает, что в этих словах нас ждет нечто совсем новое и окончатель¬ное. Последняя фраза полна горечи, укоризны, пригово¬ра и еще чего-то. Чего же? – Поэтического освобождения от всех горьких чувств и от

стоящего тут человека; он несомненно чувствуется, а чем дается? Только ритмом последней строки, чистыми, этими совершенно свободно, без всякой натяжки раскатившимися анапестами; в сло-вах еще горечь: «несытые взгляды твои», но под словами уже полет. ...)
Стоит отметить, что описанный прием, то есть перевод цельной синтаксической системы из одной рит¬мической системы в другую, так, что фразы, перегибая строфы в середине, скрепляют их края, а строфы то же делают с фразами, – один из очень свойственных Ах¬матовой приемов, которым она достигает особенной гиб¬кости и вкрадчивости стихов, ибо стихи, так сочленен¬ные, похожи на змей. Этим приемом Анна Ахматова иногда пользуется с привычностью виртуоза» (Русская мысль. 1915. № 7. Разд. И. С. 50-68).
Ахматова в поздние годы дорожила этим своим стихотворением и в 1963 г. процитировала его, работая над текстом произведения «Большая исповедь», которое намеревалась включить в драму «Пролог, или Сон во сне»:
И эта нежность не была такой, Как та, которую поет какой-то В начале века назвал настоящей
И тихой почему-то. Нет, ничуть – Она, как первый водопад, звенела, Хрустела коркой голубого льда, И лебединым голосом молила, И на глазах безумела у нас. (РНБ).
150 «Я с тобой не стану нить вино...»
Впервые–«Четки», 1914. С. 63, где имеет дату–1913. Декабрь; в кн. «Бег времени». С. 78, дата–1913. В авто¬графе РГАЛИ дата–26 января 1914 (в этот день вписано в альбом А. И. Тинякова). Печ. по кн. «Четки», 1914.
По мнению М. М. Кралина, адресовано А. С. Лурье (БО 1. С. 377).
151 «И жар по вечерам., и утром вя¬лость...» Впервые – «Ежемесячный журнал». 1914. № 2. С. 6. Печ. по БП. С. 279.
152 «Твой белый дом и тихий сад остав¬лю...» Впервые –журн. «Гиперборей». 1913. № 9–10 (вышел в марте 1914). С. 4, в составе подборки «Восьми¬стишия»; «Белая стая», 1917. С. 10, с датой–1913; «Бег времени». С. 91, с такой же датой; «Из шести книг». С. 119. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата –БО 1. С. 73, проставлена М. М. Кралиным по экземпляру книги «Белая стая» из частного собрания (Москва), где даты и место написания многих стихотворений вписаны чернилами самой Ахматовой. Экземпляр с дарственной надписью «Вячеславу Вячеславовичу Срезневскому с ува-жением и любовью в памятные дни 1917. Анна Ахматова». По этому экземпляру в издании БО 1 были уточнены даты и место написания всех последующих стихотворе-ний из книги «Белая стая».
Обращено к Н. С. Гумилеву, что подтверждается записью П. Н. Лукницкого: «На мой вопрос –какие ее стихотворения относятся к Н. С, АА перечислила:
1. «Заплаканная осень, как вдова...»
2. «Твой белый дом и тихий сад оставлю...»
3. «Воспоминание» –стихотворение о войне.
4. «Далеко в лесу огромном...»
5. «Тот август, как желтое пламя...»
6. В «Четках» –о пенале.
(Лукницкий, 1. С. 61).
Тебя, тебя в моих стихах прославлю,//Как женщина прославить не могла. –В 1914 г. Н. Гумилев в стихотворе¬нии «Священные плывут и тают ночи...», возможно, в от¬вет на эти строки писал:
А ночью в небе древнем и высоком Я вижу записи судеб моих И ведаю, что обо мне, далеком, Звенит Ахматовой сиренный стих.
Так не умею думать я о смерти, И все мне грезятся, как бы во сне, Те женщины, которые бессмертье Моей души доказывают мне.
(Гумилев, 1. С. 375).
В рабочих тетрадях Анны Ахматовой неоднократно встречаются строки из этого стихотворения Гумилева с примечанием к слову «сиренный»: «...au voix de sirene» («Баллада о дамах старых времен») – «голосом сирены» (Вийон)». В РТ 107 стихотворению предпослана за¬пись: «В 1915 г., когда уже давно все было кончено, он (Н. С. Гумилев.–//. К.у пишет это стихотворение.– Н. К.у в очень ответственном месте (с фронта)».
«О, это был прохладный день...» Впер¬вые–«Белая стая», 1917. С. 24, с датой –1913. В кн. «Стихотворения», 1961. С. 57, Ахматова была вынуж¬дена,–возможно, по требованию редакции – снять «чув¬ственный» оттенок: была исключена 2-я строфа, в 3-й исчезло личное обращение «ты», замененное на «он»: «Пусть он не хочет глаз моих... Всю жизнь ловить он будет стих...» То же «Бег времени». С. 102, с да¬той– 1913. В беседе с П. Н. Лукницким Ахматова гово¬рила, что не любит это стихотворение: «Оно автобиогра¬фическое очень» (Лукницкий, 1.С. 187). Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты и места написа-ния-БП. С. 90 и БО 1. С. 79.

154 «Я так молилась: «Утоли...» Впервые – журн. «Вершины». 1915. № 10. С. 8; «Белая стая», 1917. С. 25; «Из шести книг». С. 132. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты и места написа¬ния–БО 1. С. 79. Иная дата –в списке Н. Л. Ди-лакторской – Конец года. 1911.
Одно из первых стихотворений Ахматовой, на об¬разном строе которого отразилось влияние поэзии Ф. И. Тютчева (любимейшего поэта Н. В. Недоброво). Ср. образ стелющегося дыма, с которым сравнивается судьба поэта, у Ахматовой («Как дым от жертвы...» и далее) и у Тютчева:
Как дымный столп светлеет в вышине! – Как тень внизу скользит неуловима!.. «Вот наша жизнь,–промолвила ты мне,– Не светлый дым, блестящий при луне, А эта тень, бегущая от дыма...»
(Тютчев. С. 226).
К тютчевской фразеологии восходят и образы 3-й строфы ахматовского стихотворения: «простерта ниц», «огонь небесный», «сомкнутые ресницы», «немота чу¬десная».
155 Ответ («Я получила письмо...») Впер¬вые – «Известия АН СССР. Серия литературы и языка». Т. 40. 1981. № 4. С. 387-388, публикация Р. Д. Тимен¬чика. Печ. по этой публикации.
Автограф на экземпляре кн. «Четки», 1914, подарен¬ном Ахматовой поэту Борису Александровичу Садовскому (1881 – 1952). Эпиграф из стихотворения Садовского «Ан¬не Ахматовой» («К воспоминаньям пригвожденный...»), написанного в 1913 г. и опубликованного в газ. «Нижего¬родский листок» 26 ноября 1913 г. Затем стихотво-рение Садовского было включено в его книгу «Полдень»
(Пг., 1915) и в «антологию» «Образ Ахматовой», издан¬ную в 1925 г. Э. Ф. Голлербахом. В РТ 114 Ахматова называет стихотворение Садовского среди других посвя¬щенных ей: «Садовской. (Кажется, был мой ответ)». Текст стихотворения Садовского, очевидно, был послан Ахматовой в письме, на которое она и отвечает.
АННЕ АХМАТОВОЙ К воспоминаньям пригвожденный Бессонницей моих ночей, Я вижу льдистый блеск очей И яд улыбки принужденной: В душе, до срока охлажденной, Вскипает радостный ручей.
Поющим зовом возбужденный, Я слышу томный плеск речей (Так звон спасительных ключей Внимает узник осужденный), И при луне новорожденной Я зажигаю шесть свечей.
И стих дрожит, тобой рожденный. Он был моим, теперь ничей. Через пространство двух ночей Пускай летит он, осужденный Ожить в улыбке принужденной, Под ярким холодом очей.
«То пятое время года,..» Впервые –
журн. «Гиперборей». 1913. № 9–10 (вышел в марте 1914). С. 5, в подборке «Восьмистишия»; «Белая стая», 1917. С. 94, с вариантом пунктуации в строке 4: «Оттого что –это любовь...» Печ. по кн. «Бег времени». С. 148. Уточнение места написания –БО 1. С. 107.
1J / «Родилась я ни поздно, ни рано...» Впер¬вые–журн. «Гиперборей». 1913. № 9–10 (вышел в мар¬
1913
(«Посвящается Ахматовой». «Эрмитаж», 1991. С. 9).

те 1914). С. 4, в подборке «Всюьмистиптия»; «Белая стая», 1922. С. 112; «Из шести книг». С. 212. Печ. по кн. «Белая стая», 1922.
158 «Проводила друга до передней.* Впер¬вые–«Подорожник», 1921. С. 50. В изданиях «Стихотво¬рения», 1961 и «Бег времени» было перенесено в разд. «Четки». Печ. по кн. «Бег времени». С. 63. Дата –в кн. «Бег времени», место написания –в кн. «Подорожник».
159 «Цветов и неживых вещей...» Впер¬вые–журн. «Новая жизнь». 1914. № 2. С. 3, с вариантом в строке 9: «И мальчик мне сказал, таясь...»; «Четки», 1914. С. 33; «Бег времени». С. 67. Печ. по кн. «Четки», 1914.
160 «Каждый день по-новому тревожен...»
Впервые–журн. «Новая жизнь». 1914. № 1. С. 3; «Чет¬ки», 1914. С. 34; «Бег времени». С. 68. Печ. по кн. «Четки», 1914.
161/162 Стихи о Петербурге (1–2). /. «Вновь Исакий в облаченъи...» 2. «Сердце бьется ровно, мерно..j Впервые–«Четки», 1914. С. 71 – 73; «Бег времени». С. 81 – 82. Печ. по кн. «Бег времени».
По ритму и отдельным образам близко к стихотво¬рению А. Блока «Город в красные пределы...» из кн. «Стихи о Прекрасной Даме» (1905).
У Ахматовой: У Блока:
Стынет в грозном нетерпеньи Блещут искристые гривы
Конь Великого Петра... золотых, как жар, коней;
Ветер душный и суровый Стены фабрик, стекла окон,

С черных труб сметает гарь... Грязно-рыжее пальто...
Во 2-й строфе варианта (сб. «Стихи о Прекрасной Даме») было: «В каждой девушке –блудница...», что напо¬минает ахматовское «Все мы бражники здесь, блудницы...»-
Конь Великого Петра– «Медный всадник» Э. М. Фалько-не (1716–1791) на Сенатской площади в Санкт-Пе¬тербурге. ... под аркой на Галерной. – Арка (скульпторы Н. С. и С. С. Пименовы, В. И. Демут-Малиновский, П. П. Соколов и др.) соединяет здания Сената и Синода на Сенатской площади (архитекторы К. И. Рос си, А. Е. Штау-берг, 1829–1834). Разделяет здания Галерная улица, над которой расположена арка. Эти строки Ахматова сдела¬ла одним из эпиграфов к третьей главе «Поэмы без героя» (см. т. 3).
«О тебе вспоминаю я редко...» Впер¬вые–журн. «Рубикон». 1914. № 6. С. 31, с вариантами строк:
9: Пусть ты не над моими губами; 13: Над грядущим я тайно колдую; 15: Я предчувствую встречу вторую;
«Белая стая», 1917. С. 52; «Из шести книг». С. 152. Печ. по кн. «Белая стая», 1917.
Возможно, отражает впечатление Ахматовой от лич¬ного общения в ноябре – декабре 1913 г. с А. А. Блоком, с которым она была знакома с 1911 г. Они встречались несколько раз, в частности 25 ноября 1913 г. на выступле¬нии на Бестужевских курсах, 7 декабря 1913 г. на лекции В. А. Пяста «Поэзия вне групп» в зале Тенишевского училища; 15 декабря 1913 г. Ахматова посетила Блока в его квартире на набережной реки Пряжки (Офицерская улица, дом 57, квартира 21) – см. также коммент. к стихо-творению «Я пришла к поэту в гости...».
164 «Как страшно изменилось тело...»
Впервые –сб. «Тринадцать поэтов». Пг., 1917. С. 6, с ва¬риантом строк:
7 – 9: И голос радости могучей, И молнии огонь летучей Как ангелы слетят ко мне;
«Подорожник». С. 30. В сб. «Из шести книг». С. 100 и «Бег времени». С. 184, вариант строки 6: «Сшибется где-то в высоте» –исчезла рифма: «вьгшине – мне». В пер¬вой публикации стихотворение датировано–1915 г., в кн. «Подорожник» и «Бег времени»–1913. Верность этой даты подтверждает М. И. Будыко, который рас-сказывал (со слов Ахматовой), что стихи были «написаны в 1913 году при обострении туберкулеза» («Об Анне Ахматовой». С. 481). В. М. Жирмунский (БП. С. 140), В. А. Черных (Соч., 1. С. 129) и многие современные публикаторы принимают дату – 1913. Однако доля со¬мнения остается. Ахматова не отличалась крепким здо¬ровьем,–в одном из дневников знакомого Ахматовой И. В. Евдокимова, оказавшегося рядом с ней на заседании «Общества поэтов» 11 декабря 1913 г., есть слова: «Она сегодня показалась мне ужасно симпатичной (...) только покашливает скверно» (Черных, 1. С. 66). Однако о ту¬беркулезе речь не шла до 1915 г., когда профес¬сор Г. Ф. Ланге впервые поставил ей такой диагноз (см. Лукницкий, 1. С. 101 – 102). Поэтому, возможно, слова о туберкулезе в разговоре с М. И. Будыко – ошибка памяти. Печ. по кн. «Подорожник».
«На гиее мелких четок ряд..м Впер¬вые–журн. «Северные записки». 1914. № 6. С. 33, под загл. «Дама в лиловом», с вариантами строк:
13–14: Усталый рот слегка разжат, Неровно-трудное дыханье;
«Подорожник». С. 45. В кн. «Стихотворения», 1961 име¬ло загл. «В зеркале». Печ. по кн. «Бег времени». С. 193.
166 Гость. Впервые-«Четки», 1914. С. 80-81, с вариантом строки 13: «И глаза, глядящие тускло». Печ. по кн. «Бег времени». С. 85 – 86.
Дата стихотворения (1 января 1914 г.) и его место в сб. «Четки» перед стихотворением «Я пришла к поэту в гости...» позволяют предположить, что оно связано с Блоком, независимо от того, имело ли место в реальной действительности такое свидание. Описание внешности «гостя» также совпадает с описанием Блока у ряда мему¬аристов. Ср. у Ахматовой: «И глаза, глядевшие тускло,// Не сводил с моего кольца, //Ни один не двинулся мус-кул//Просветленно-злого лица»; у З. Гиппиус: «Лицо прямое, неподвижное, такое спокойное, точно оно из дерева или камня. Н° странно. В этих медленных
отрывочных словах, с усилием выжимаемых, в глухом голосе, в деревянности прямого лица, в спокойствии се¬рых невнимательных глаз есть что-то милое» (Гип¬пиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. С. 9). Из воспоминаний З. Гиппиус о Блоке начала 1910-х гг.: «Так же мучительно задумчивы и медленны его речи. А каменное лицо этого, ныне такого известного и любимого поэта, еще каменнее, на нем печать удивлен¬ного, недоброго утомления. И одиночества, не смирен¬ного, но и не буйного,–только трагичного» (там же. С. 19). «Нам, конечно, известно было то, что говорили о Блоке: говорили, что он «кутит» ... нет, что он пьет, уходя один, пропадая по целым ночам...» (С. 21).
167 «Я пришла к поэту в гости...» Впер¬вые–журн. «Любовь к трем апельсинам». 1914. № 1. С. 5, под загл. «Александру Блоку», рядом со стихотво¬рением Блока «Анне Ахматовой» («Красота страшна»,– вам скажут...»); «Четки», 1914. С. 81, с

вариантами пунктуации; «Четки», 1923 —вариант строки 5: «Там малиновое солнце». Печ. по кн. «Бег времени». С. 87.
Публикация в журн. В. Э. Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам» была осуществлена по желанию Блока, о чем он писал Ахматовой 18 января 1914 г.: «Позвольте просить Вас (по поручению Мейерхольда) позволить поместить в первом номере этого журнала Ваше стихотворение, посвященное мне, и мое, посвящен¬ное Вам» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 577). Ахматова посетила Блока (он жил тогда на углу на¬бережной реки Пряжки и Офицерской улицы, на пос¬леднем этаже дома, из окна квартиры были видны Нева и Финский залив) 15 декабря 1913 г., или, по словам Ахматовой, «в одно из последних воскресений 1913 г. я принесла его книги, чтобы он их надписал». Блок надписывал книги после ухода Ахматовой, очевидно, прибавив к принесенным ею еще какие-то. Позже, по-ви¬димому, в один из последних дней декабря 1913 г. или первых дней января 1914 г., Блок сам отнес надписанные им книги в дом, где жили Ахматова и Гу¬милев (Васильевский остров, Тучков переулок, дом 17, квартира 29). Однако Блок, по его собственному признанию, не решился позвонить и передал книги дворнику, перепутав при этом номер квартиры, поэтому книги попали к Ахматовой только 5 или 6 января 1914 г. На следующий день она пишет Блоку письмо, в которое вкладывает ответные стихи:
«Знаете, Александр Александрович, я только вчера получила Ваши книги. Вы спутали номер квартиры, и они пролежали все это время у кого-то, кто с ними расстался с большим трудом. А я скучала без Ваших стихов. Вы очень добрый, что надписали мне так много книг, а за стихи я Вам глубоко и навсегда благодарна. Я им ужасно радуюсь, а это удается мне реже всего в жизни. Посылаю Вам стихотворение, Вам написанное, и хочу для Вас радости. (Только не от него, конечно. Видите, я не умею писать, как хочу.) Анна Ахматова» (там же. С. 576-577).
Форма надписей на книгах была не характерна для Блока, который всегда обязательно указывал, кому дела¬ется посвящение, с каким пожеланием, от кого, дату (число, месяц, год), место написания. На книгах, пода¬ренных Ахматовой, надписи значительно отличаются от традиционных (нет пожеланий, а в ряде случаев — и даты, подписи): на сб. «Стихов о Прекрасной Даме» (М., 1905) —«Анне Ахматовой»; на кн. «Ночные часы» (М., 1911): «Анне Ахматовой. Александр Блок. 1913»; на второй кн. «Собрания стихотворений» (М., 1911): «Анне Ахматовой. 1913»; на кн. «Нечаянная радость»: «А. Ахматовой. Александр Блок». И только на третьей кн. «Собрания стихотворений» надпись традиционно полная: «Анне Ахматовой»:
«Красота страшна», —Вам скажут,— Вы накинете лениво Шаль испанскую на плечи,
Красный розан —в волосах.
«Красота проста», Вам скажут, — Пестрой шалью неумело Вы укроете ребенка.
Красный розан —на полу.
Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:
«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна».
19 декабря 1913. Александр Блок (Блок, 3. С. 143).
Исследователи творчества Блока (В. Н. Орлов — см. Блок, 3. С. 550) полагали, что Блок отвечал на послание к нему Ахматовой. Факты и даты свидетель¬ствуют об обратном. 15 декабря Ахматова посетила Бло¬ка. В тот же день он начинает работать над стихотворе¬нием, посвященным ей. В черновиках Блока имеются не вошедшие в окончательную редакцию строфы:
Знаю, многие люди твердить Вам должны, Что Вы странно красивы и странно нежны,
Знаю также, что скажут другие: она Так, как все...
Другой набросок:
Кругом твердят: «Вы—демон, Вы—красивы».
И Вы, покорная молве,
Шаль желтую накинете лениво,
Цветок на голове.
Первоначальный вариант 3-й строфы:
Но сквозь все слова чужие
Вас страшит расцвет Ваш ранний,
И, задумавшись печально,
Вы твердите про себя...
(Там же).
Стихотворение закончено 16 декабря. Знаменатель¬но,—и это отмечает В. А. Черных

в статье «Переписка Блока с А. А. Ахматовой» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 574),-что 15 декабря 1913 г. Блок написал еще одно стихотворение: «О нет! не раскол¬дуешь сердца ты...», которое связано с мадригалом, по¬священным Ахматовой:

О, нет! не расколдуешь сердца ты Ни лестию, ни красотой, ни словом. Я буду для тебя чужим и новым, Всё призрак, всё мертвец, в лучах мечты.

И ты уйдешь. И некий саван белый Прижмешь к губам ты, пребывая в снах. Все будет сном: что ты хоронишь тело, Что ты стоишь три ночи в головах.

Упоена красивыми мечтами, Ты укоризны будешь слать судьбе. Украсишь ты нежнейшими цветами Могильный холм, приснившийся тебе.

И тень моя пройдет перед тобою В девятый день и в день сороковой – Неузнанной, красивой, неживою. Такой ведь ты искала?–Да, такой.

Когда же грусть твою погасит время, Захочешь жить, сначала робко, ты Другими снами, сказками не теми... И ты простой возжаждешь красоты. (...)

Забудешь ты мою могилу, имя... И вдруг очнешься: пусто, нет огня; И в этот час, под ласками чужими, Припомнишь ты и призовешь–меня!

Как исступленно ты протянешь руки В глухую ночь, о, бедная моя! Увы! Не долетают жизни звуки К утешенным весной небытия.

Ты проклянешь, в мученьях невозможных, Всю жизнь за то, что некого любить! Но есть ответ в моих стихах тревожных: Их тайный жар тебе поможет жить.

15 декабря 1913. (Блок, 3. С. 147).

Ср. последние строки с ахматовским обращением к Блоку в дарственной надписи на кн. «Четки» с датой: «Весна 1914 г.»:

«От тебя приходила ко мне тревога И уменье писать стихи».

Слова «красивыми», «красивой», «простой красо¬ты» выделены курсивом самим Блоком, что, безусловно, указывает на перекличку этого стихотворения с мадрига¬лом. Темы грусти, оплакивания ушедшего из жизни воз¬любленного чрезвычайно близки ахматовским. Любопыт¬но, что позже, получив от Ахматовой поэму «У самого моря» с дарственной надписью: «Александру Блоку – Анна Ахматова. 27 апреля 1915. Царское Село», Блок писал в благодарственном письме свои пожелания: «...не надо мертвого жениха, не надо кукол, не надо «экзотики», не надо уравнений с десятью неизвестны¬ми...»–как бы опровергая собственное стихотворение и споря с рядом сюжетов, которые были свойственны не только Ахматовой, но и ему самому («куклы», «урав¬нения с десятью неизвестными», да и «мертвые жени¬хи»,–напр.: «Покойник спать ложится//На белую по¬стель...» или «Увядшей розы цвет в петлице фрака// Бледнее уст на лике мертвеца...»).

Если принять как достоверный факт, что в декабре 1913–январе 1914 г. образ Ахматовой занимал мысли Блока, то «ахматовская тема» в лирике Блока может быть расширена, и в нее могут войти следующие стихотворе¬ния: 2 января 1914 г. – «Вполоборота ты встала ко мне...» («... Нет, опустил я напрасно глаза,//Дьппит, преследует, близко –гроза...//Взор мой горит у тебя на щеке,//Трепет бежит по дрожащей руке...//Ширится круг твоего мне огня,//Ты, и не глядя, глядишь на меня!//Пеплом подер¬нутый бурый костер// –Твой не глядящий, скользящий твой взор!//Нет! Не смирит эту черную кровь//Да-же –свидание, даже –любовь!») (Блок, 3. С. 54); 2 ян¬варя 1914 г.– «Испугом схвачена, влекома...» (там же. С. 56); 27 декабря 1913 г.– «Ночь–как века, и томный трепет...» (там же. С. 513); 30 декабря 1913 г. –«Как растет тревога в ночи!...» (там же. С. 45). В последнем из перечисленных стихотворений говорится о возможном появлении некоего Гостя –«... Кто-то хочет//Появиться, кто-то бродит.//Иль –раздумал, может быть?//Гость бес¬сонный, пол скрипучий?» Здесь речь идет о пьянстве, о мучениях совести, о лжи и страхе могилы, о «беспокой¬стве мертвеца». Очевидно, именно таким был эмоцио¬нальный фон появления Ахматовой в жизни Блока. Ин¬терес к образу Ахматовой в поэзии и жизни Блока, по-видимому, был кратким,– уже в начале марта 1914 г. его захватило «явление Карменситы» – Л. А. Дельмас, с которой он познакомился лично 28 марта 1914 г.

Л. К. Чуковская записала 13 ноября 1940 г. свой разговор с Ахматовой о стихотворении к ней Блока. На слова Лидии Корнеевны, что она не понимала рань¬ше этого стихотворения, Ахматова ответила: «А я и сей¬час не понимаю. И никто не понимает. Одно ясно, что оно написано вот так,– она сделала ладонями отстра-няющее движение: «не тронь меня» (Чуковская, 1. С. 217-218).

168 «Пустые белы святки.*» Впервые – БП. С. 281, по автографу Н. Л. Дилакторской. Печ. по автографу РГАЛИ –РТ 106, где после текста припис¬ка рукой Ахматовой: «10-ые годы. Записано в Свиной книге в «Брод(ячей) Собчаке)». Свиная книга– альбом в переплете из свиной кожи, куда посетители литератур¬но-артистического кабаре «Бродячая собака» записывали экспромты. Святки – двенадцать дней (с 7 января по 19 ян¬варя нов. ст.) от Рождества до Крещенья.

169 «Углем, наметил на левом боку...»

Впервые – «Четки», 1914. С. 46; «Бег времени». С. 74. Печ. по кн. «Четки», 1914. Образ птицы-тоски широко распространен в поэ¬зии Серебряного века. Ср., напр., у И. Анненского: «Вещих птиц на груди и в груди//Отшумело до завтра крыло...» в стихотворении «Утро» (о ночной тоске и бес¬соннице). У него же: «А мимо птицей мычется//Зло-дей – моя тоска» («Ванька-ключник в тюрьме»). Но бли¬же всего ахматовские строки к образу стихотворения А. Блока «Художник», имеющего дату 12 декабря 1913 г.:

...И замыкаю я в клетку холодную Легкую, добрую птицу свободную, Птицу, хотевшую смерть унести, Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка – стальная, тяжелая, Как золотая в вечернем огне. Вот моя птица, когда-то веселая, Обруч качает, поет на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены. Любите вы под окном постоять? Песни вам нравятся. Я же, измученный, Нового жду–и скучаю опять.

(Блок, 3. С. 145-146).

Декабрь 1913 –январь 1914 гг.–время личных кон¬тактов Ахматовой и Блока, отразившихся в лирике обоих поэтов. Именно появившиеся в это время стихи дали начало легенде о романе между Ахматовой и Блоком, которую она многократно опровергала в воспоминаниях и беседах со многими друзьями и знакомыми. И опустил глаза...–В. А. Черных обращает внимание на перекличку образа опущенных глаз у Ахматовой и Блока: Ахматова 9 декабря 1913: «Только глаза подымать не смей...»; Блок 2 января 1914 г.: «Нет, опустил я напрасно глаза...»; Ахматова 31 января 1914 г.: «И опустил глаза» (Литера¬турное наследство. Т. 92. Кн. 4. М., 1987. С. 575).

Добавим к этому еще одно стихотворение Блока, тоже с декабрьской датой 1913 г.:

Есть игра: – осторожно войти, Чтоб вниманье людей усыпить; И глазами добычу найти И за ней незаметно следить.

Как бы ни был нечуток и груб Человек, за которым следят,– Он почувствует пристальный взгляд Хоть в углах еле дрогнувших губ.

А другой – точно сразу поймет: Вздрогнут плечи, рука у него; Обернется–и нет ничего; Между тем – беспокойство растет. (...)

А пока–в неизвестном живем И не ведаем сил мы своих, И, как дети, играя с огнем, Обжигаем себя и других...

18 декабря 1913 (Блок, 3. С. 43).

Мотив взглядов, обмена взглядами, уклонения от взгляда– возможно, «опознавательный знак» блоковской темы в ахматовской лирике конца 1913 –начала 1914 гг.

«После ветра и мороза было...» Впер-
вые–«Четки», 1914. С. 15, где имеет дату–1914. Ян¬варь. В кн. «Бег времени». С. 51, дата– 1914. Печ. по кн. «Бег времени». Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.

Строки этого стихотворения: «Новогодний празд¬ник длится пышно,//Влажны стебли новогодних роз...» – Ахматова взяла эпиграфом первой главы первой части «Поэмы без героя» (см. т. 3).

171 «В последний раз мы встретились тогда...» Впервые – «Четки», 1914. С. 29. Печ. по кн. «Бег времени». С. 57. Дата –по списку Н. Л. Ди¬лакторской. Существует несколько предположений относитель¬но адресата стихотворения. Возможно присоединение этого стихотворения к «блоковскому» циклу Ахматовой. М. М. Кралин (БО 1. С. 374) связывает стихотворение с опубликованным в 1913 г. поэтическим описанием Ах¬матовой в стихотворении поэта-царскосела В. А. Кома-ровского «Видел тебя красивой лишь раз. Как дымное море...». Однако Комаровский описывает влюблен¬ную и счастливую женщину над Невой как увиденную со стороны: «Я же, случайно увидев только завесу,// Помню тот день...» –поэтому говорить о посвящении ахматовского стихотворения Комаровскому едва ли воз¬можно. Высокий царский дом... – Зимний дворец.

172 Разлука. Впервые – газ. «День». 1914. 29 июня, без загл., в цикле «Три восьмистишия»; «Белая стая», 1917. С. 40; «Бег времени». С. 115, с датой–1914. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата–по списку Н. Л. Ди¬лакторской.

173 «Как ты можешь смотреть на Не¬ву...» Впервые – газ. «День». 1914. 29 июня, в цикле «Три восьмистишия»; «Белая стая», 1917. С. 34, с вари¬антами строк:

2: Как ты можешь всходить на мосты? 8: Словно розы в снегу растут.

Печ. по кн. «Бег времени». С. 108. Дата –начало 1914 г.– уточнена Ахматовой в списке Н. Л. Дилактор¬ской. Черных ангелов крылья остры... –Имеются в виду крылатые фигуры ангелов, из чугуна, на арке, соединяю¬щей здания Сената и Синода, работы В. Демут-Мали-новского (1832–1833). Ср. ахматовский образ: «Ведь под аркой на Галерной...» из стихотворения 1913 г. «Сердце бьется ровно, мерно...». В записи близкого друга Ахматовой, Л. Я. Гинзбург, относящейся к 1935 г., рассказывается о цензурных затруднениях с печатанием этого стихотворения: «При предварительном отборе, между прочим, не включили стихотворение со строчкой

«Черных ангелов крылья остры» – очевидно, думая, что чугунные ангелы (с арки на Галерной) слетают с неба» (Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Л., 1982. С. 415). Образ чугунных ангелов из ее стихотворения, по мне¬нию самой Ахматовой, оказал влияние на стихотворение О. Э. Мандельштама «Как Черный ангел на снегу...», возможно, посвященное Ахматовой, – об этом она писала в «Листках из дневника» (воспоминаниях, посвященных Мандельштаму).
174 Тамаре Платоновне Карсавиной. Впер¬вые–в кн. «Тамаре Платоновне Карсавиной – «Бродя¬чая собака», 26 марта 1914. СПб., 1914, в виде фак¬симильного воспроизведения автографа. Книга была преподнесена поэтами и художниками, постоянными по¬сетителями «Бродячей собаки», балерине Т. П. Карсави¬ной ко дню ее рождения. Печ. по БП. С. 281.
Тамара Платоновна Карсавина (1885–1978), вы¬дающаяся русская балерина, партнерша М. М. Фокина, прима-балерина труппы С. П. Дягилева, участница «Русских сезонов» (Париж). В сценарии балета по моти¬вам «Поэмы без героя» Ахматова упоминала: «Вечер Карсавиной – она танцует (на зеркале)» (БП. С. 520).
175 «Чернеет дорога приморского сада...»
Впервые –журн. «Гиперборей». 1913. № 9–10 (вышел в марте 1914). С. 3, в подборке «Восьмистишия»; «Белая стая», 1917. С. 41; «Бег времени». С. 116. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты –по времени выхода №9–10 журн. «Гиперборей». Обращено к Н. В. Недоброво.
Песню на слова этого стихотворения написал А. Вертинский, который исполнял ее от мужского лица.
176 «Я любимого нигде не встретила...»
Впервые – «Ежемесячный журнал». 1914. № 3. С. 3. Печ. по этой публикации. Дата –по времени выхода журнала.
177 «Где, высокая, твой цыганенок...»
Впервые – «Ежемесячный журнал». 1914. № 7. С. 2, с ва¬риантами строк:
5 – 7: Сердце матери– темная пытка. Ах, ее я снести не могла! В белый рай распахнулась калитка...
«Белая стая», 1917. С. 74 – 75, с датой– 1914. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата –БП. С. 109. В черновом авто¬графе РГАЛИ –варианты строк:
6: Ах, ее я принять не могла, 13: Станет тело тревожным и томным.
Магдалина. – См. коммент. к стихотворению «Горят твои ладони...».
178 «Не убил, не проклял, не предал...»
Впервые – «Ежегодник рукописного отдела Пушкинско¬го Дома на 1974 г.». Л., 1976. С. 58, публикация А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика, по автографу, при-ложенному к письму Ахматовой к П. Е. Щеголеву от 26 апреля 1914 г. Печ. по этой публикации. Уточнение даты –по времени написания письма.
179 Ответ («Какие странные слова...»)
Впервые –журн. «Аполлон». 1916. №4–5. С. 40; «Белая стая», 1917. С. 29, с иной последней строкой: «Еще не названною мукой» и посвящением: «Гр(афу) В. А. Ко-маровскому». Дата– 1914. В кн. «Бег времени». С. 106 – дата: «Царское Село. 1914». Печ. по кн. «Белая стая», 1923. С. 27, где дата–1914. Царское Село. Весна.
Посвящено графу Василию Алексеевичу Комаровско-му (1881 – 1914), поэту-царскоселу, творчество которого было высоко ценимо Ахматовой, Гумилевым и литерато¬рами их круга. Комаровский печатался в «Аполлоне»; в 1913 г. вышла книга его стихов «Первая пристань», которая была в библиотеке Ахматовой и по поводу кото¬рой она говорила Л. К. Чуковской, что Комаров¬ский–один из самых любимых ее поэтов. «Ответ» Ах¬матовой,–возможно, на поздравительное стихотворение Комаровского по поводу выхода «Четок» – «Анне Ах¬матовой («Вечер» и «Четки»)»:
В полуночи, осыпанной золою, В условии сердечной тесноты, Над темною и серою землею Вам эвкалипт раскрыл свои цветы.
И утренней порой голубоокой Тоской весны еще не крепкий ствол, Он нежностью, исторгнутой жестоко, Среди камней недоуменно цвел.
Вот славы день. Искусно или больно Перед людьми разбито на куски И что взято рукою богомольно, И что дано бесчувствием руки. («Аполлон». 1916. № 8).
Это стихотворение датируется: март –начало ап¬реля 1914 г., ответ на него Ахматова написала в апреле, в дни Страстной недели или Пасхи. Оба стихотворения опубликованы после смерти Комаровского, покончивше¬го с собой 21 сентября 1914 г.
10 U «Мне не надо счастья малого..^ Впер¬вые–журн. «Голос жизни». 1914. № 7. С. 8; «Белая стая», 1922. С. 114, с датой–1914. Лето; «Из шести книг». С. 215. Печ. по кн. «Белая стая», 1922. Дата – по списку Н. Л. Дилакторской.
Мужа к милой провожу... – По свидетельству Ахмато¬вой, стихотворение написано в связи с начавшимся рома¬ном Н. С. Гумилева с Т. В. Адамович.
181 «Не в лесу мы, довольно аукать...»

Впервые –журн. «Голос жизни». 1914. № 7. С. 8; «Белая стая», 1917. С. 42; «Бег времени». С. 117. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты –БП. С. 97.
182 «Спокоен ход простых суровых дней...»
Впервые– «Труды по знаковым системам», VI. Тарту, 1973. С. 439, публикация Р. Д. Тименчика. Печ. по этой публикации.
Записано Ахматовой в альбом художника С. Ю. Су-дейкина. См. также коммент. к стихотворениям «...это тот, кто сам мне подал цитру...» и «Безвольно пощады просят...».
183 Уединение. Впервые–«Ежемесячный жур¬нал». 1914. № 12. С. 3, без загл.; «Белая стая», 1917. С. 11, с датой–1914; «Бег времени». С. 92, с той же датой; «Белая стая», 1923. С. 11, с датой–1913. Слеп¬нево. Лето. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
184 «Ты мог бы мне сниться и реже...»
Впервые –газ. «День». 1914. 29 июня, в составе подборки «Три восьмистишия»; «Подорожник». С. 48; «Бег време¬ни». С. 194. Дата–1914. Печ. по кн. «Подорожник». Уточнение даты –по времени первой публикации.
185 Побег. Впервые–журн. «Голос жизни». 1914. № 7. С. 7, с вариантом строки 21: «И черное небо светало»; «Белая стая», 1917. С. 50 – 51, с да¬той–1914. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата–Лу¬кницкий, 1. С. 32.
Ольга Александровна Кузьмина-Караваева (1889 – 1987), в замужестве Оболенская – двоюродная племян¬ница Н. С. Гумилева. Ее бабушка, Варвара Ивановна Лампе (урожд. Львова), была сестрой матери Н. С. Гу¬милева, Анны Ивановны, и совладелицей усадьбы Слеп¬нево. Кузьминым-Караваевым принадлежало также име-ние Борисково, расположенное недалеко от Слепнева.
Гумилевы были дружны с сестрами Кузьмиными-Кара¬ваевыми, Ольгой и Марией, писали в их альбомы. Стихотворение «Побег» также было записано Ахматовой в альбом, о чем свидетельствует П. Н. Лукницкий: «Дала мне стихотворение из своего альбома (на стр. 45) «Без¬вольно пощады просят» (в нем 12 строк) 1913 года. На стр. 46 альбома (с двух сторон) – стих. «Побег» («Нам бы только до взморья добраться» –7 строф), по¬священное Ольге Кузьминой-Караваевой, и дата–1914, июнь, Слепнево» (Запись от 15 января 1925 г. –Лук¬ницкий, 1. С. 32).
187 Моей сестре. Впервые –журн. «Отечест¬во». 1914. № 7. С. 31; «Белая стая», 1917. С. 84, без загл., с датой–1914. Загл. впервые –«Из шести книг». С. 179; «Белая стая», 1923. С. 73, с датой–1914. Дарница. Лето. Печ. по сб. «Из шести книг». Дата –БП. С. 113.
По-видимому, имеется в виду младшая сестра Ах¬матовой, Ия Андреевна Горенко (1894–1922).
Подошла я к сосновому лесу...//И промолвил: «Христова невеста/..» – В РТ 114 есть запись Ахматовой: «Летом 1914 г. я была у мамы в Дарнице, в сосновом лесу, раска-ленная жара. Там, кроме меня, жила и сестра Ия Андреев¬на. Она ходила в другой лес, к Подвижнику, и он, увидев ее, назвал Христовой невестой». Крин – лилия.
188 «Лучше б мне частушки задорно вы¬кликать...» Впервые – «Белая стая», 1917. С. 72, с вари¬антом строки 6: «А тебе полтинник за день выручать» и датой –1914; окончательный текст «Из шести книг». С. 213 и «Бег времени». С. 162. В списке Н. Л. Ди¬лакторской – дата: «Июль 1914. Дар(ница)». Печ. по сб. «Из шести книг». Поскольку место написания – Дарница, это и по¬следующие стихотворения датируются: «не позже 8 июля 1914 г.», – когда Ахматова, по-видимому, выехала из Кие¬ва в Москву; 9 июля по дороге из Москвы в Слепнево она встретила Блока, 10 июля–уже находилась в Слепневе.
189 «Древний город словно вымер...» Впер¬вые–журн. «Вершины». 1915. № 17. С. 6, с иным эпите¬том в строке 2: «Страшен мой приезд»; «Белая стая», 1917. С. 38. В кн. «Избранное», 1943. С. 22, имело загл. «Киев». Печ. по кн. «Белая стая», 1917. В списке Н. Л. Дилакторской дата –июль 1914. Уточнение даты – по времени отъезда из Киева.
Обращено к Н. В. Недоброво, с которым Ахматова, гостившая у матери в Дарнице, встречалась в Киеве в июне 1914 г. Над рекой своей Владимир... –имеется в виду памятник киевскому князю Владимиру Святославовичу, введшему христианство на Руси (ок. 988 г.). Памятник установлен на Владимирской горке в Киеве над Днепром (скульпторы В. Демут-Малиновский и П. Клодт, архи¬тектор К. Тон). И со мной лишь ты, мне равный. – Речь идет о Н. В. Недоброво. Записи П. Н. Лукницкого подтверж-дают это. Однако, по свидетельству Лукницкого, Ах¬матова позже стерла проставленное посвящение Недоб¬рово (Лукницкий, 2. С. 40). Это и два следующих стихотворения одно время рассматривались Ахматовой как цикл «киевских» стихов 1914 г.
190 «И в Киевском храме Премудрости Бо¬га...» Впервые –Ахматова А. Стихи. Переписка. Вос¬поминания. Иконография (сост. Э. Проффер). Анн Ар-бор: «Ардис», 1977. С. 74; Соч., 1. С. 317, с датой-1915, публикация В. А. Черных по

машинописному экземпляру «Белой стаи», 1917 (из архива М. Л. Лозинского), в кото¬ром заменено стихотворением «Еще весна таинственная млела...» со следующей пометой Лозинского: «И в Киев¬ском храме Премудрости Бога» исключить и заменить следующим: «Еще весна...» и т. д. М. Лозинский» (собра¬ние М. Л. Лозинского, СПб.). Печ. по Соч., 1.
В РТ 114 Ахматова писала об этом стихотворении и о своем «киевском» цикле 1914 г.: «Ш-е киевское) стихотворение в 1914 г. Может быть, оно и не 14 г., но относится к этим дням:
И в Киевском храме Премудрости Бога, Упав на колени, тебе я клялась, Что будет твоею моя дорога, Где бы она ни вилась.
И в голосе грозном софийского звона Мне слышится голос тревоги твоей.
(...) Призрачный Киев. В Кирил(ловском мона¬стыре) Богородица с сумасшедшими глазами. София вся сокровенная —фрески, мозаичный пол на лестнице. Трудно себе представить, какая мазня покрывала стены Софии в те годы.
Древность Киева. Крещатик — обитал(ище) зверо¬ловов доисторич(еских) веков.
Мои стихи о Софии. Клятва. Место, где дана клятва, этим самым — священно навсегда.
(...) Я знала, что есть совсем другой Киев, но я не хотела его вспоминать, мне всегда был нужен этот, таким он для меня и остался».
Речь идет о встрече в июне 1914 г. в Киеве с Н. В. Недоброво и о клятве, данной ему. На автографе, подаренном Ахматовой П. Н. Лукницкому, проставлено посвящение Н. В. Недоброво.
И в Киевском храме Премудрости Бога... —в соборе святой Софии в Киеве (см. также коммент. к стихотворе¬нию «Буду черные грядки я холить...»). Припав к солее...— Солея — возвышение, ступень перед алтарем. Ярослав Муд¬рый (ок. 978— 1054) — великий князь киевский, основатель Русской православной церкви; похоронен в Софийском соборе. И девять ступенек на ней... —Речь идет об иконе Софии Премудрости Божией в иконостасе Софийского собора, изображающей фигуру на троне с девятью сту¬пенями.
191 «Справа Днепр, а слева клены...» Впер¬вые—в кн.: Лукницкая В. К. Из двух тысяч встреч. М.: Изд-во «Правда», 1987. Б-ка «Огонек». № 14. С. 60. Печ. по БО. 2. С. 34. Датируется на основании автографа
«киевского» цикла (№ I. «И в Киевском храме Пре¬мудрости Бога...», № II. «Справа Днепр, а слева кле¬ны...»), хранящегося в Музее Анны Ахматовой в Фонтан¬ном Доме.
192 «На Казанском, или на Волховом...»
Впервые — журн. «Новый мир». 1969. № 5. С. 53, пуб¬ликация В. М. Жирмунского; БП. С. 282. Печ. по авто¬графу РГАЛИ с датой —8 июля. 1914. Слепнево. Однако точность этой даты опровергается записями о встре¬че 9 июля на платформе Подсолнечная под Москвой с А. Блоком (рабочие тетради Ахматовой и записные книжки Блока). По-видимому, в Слепнево она приехала 9 июля.
Казанское и Волкове — кладбища в Царском Селе и в Петербурге. Волковское (Волково) православное клад¬бище было открыто в 1756 г. Ахматова упоминает эти кладбища, возможно, потому, что на Казанском был похоронен И. Ф. Анненский, а на Волковом, в Лютеран¬ской его части, — М. А. Линдеберг. В 1915 г. на Волковом кладбище будет похоронен отец Ахматовой А. А. Горен¬ко. Новый мост еще не достроят. — По-видимому, Ахматова имеет в виду строительство Дворцового моста в 1912 — 1916 гг. (инженер А. П. Пшеницкий и «Общество Коло¬менских заводов»). Строительству предшествовало дли¬тельное обсуждение (1900 — 1912 гг.) и рассмотрение 54 проектов.
193 Завещание. Впервые — журн. «Подъем». Воронеж. 1968. № 3. С. 114, без разделения на стро¬фы, публикация А. С. Крюкова. Автограф —в альбоме П. Н. Медведева (РНБ). Печ. по этому автографу.
Было послано Ахматовой Н. С. Гумилеву в письме от 13 июля 1914 г. из Слепнева вместе со стихотворением «Целый год ты со мной неразлучен...».
«Целый год ты со мной неразлучен...»
Впервые—альм. «В год войны. Артист —солдату». Пг.,
1915. С. 11, с вариантом строки 5: «Тех, что раньше, тугае, звенели»; «Белая стая», 1917. С. 36, с датой— 1914; «Из шести книг». С. 141, с посвящением Н.В.Н.; «Бег времени». С. 110, с посвящением Н.В.Н. и датой—1915. Печ. по кн. «Белая стая», 1917.
В письме от 13 июля 1914 г. было послано Н. С. Гу¬милеву, что позволяет уточнить дату. Посвящено Н. В. Недоброво. В разговоре с П. Н. Лукницким Ах¬матова подтвердила это посвящение, но датировала по памяти —весной 1915 или 1916 г. (Лукницкий, 2. С. 51).
195 «Тяжела ты, любовная память!..»
Впервые — «Альманах стихов, выходящих в Петрограде». Вып. 1. Пг., 1915. С. 5; «Белая стая», 1917. С. 16, с датой— 1914. То же—«Бег времени». С. 95. Печ. по

кн. «Белая стая», 1917. Дата –БП. С. 86.
И мою бесславную славу... – Словами из этой строки – «Бесславная слава» – назвал свою статью о поэзии Ах¬матовой В. Ф. Ходасевич («Понедельник власти наро-да». 1918. 25 марта; рукописный вариант статьи – «Вопросы литературы». 1987. № 2). Смысл статьи – «У Ахматовой действительно «бесславная слава», похо¬жая на моду. Если модниц и модников прогонит она прочь от себя, то эта слава смоется забвением, воистину «осиянным». Говорю это потому, что люблю Ахматову, а поклонников ее не люблю» (цит. по кн. «Десятые годы». С. 215).
196 «Подошла. Я волненья не выдал...»
Впервые–журн. «Голос жизни». 1914. № 7. С. 8, с ва¬риантом строки 14: «И тревожно глядит на нее...»; «Белая стая», 1917. С. 48 – 49; «Из шести книг». С. 163; «Бег времени». С. 129. Во втором издании «Белой стаи» было заменено стихотворением «Как пло¬щади эти обширны...». Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата–по автографу РГАЛИ.
Стихотворение написано от мужского лица, что не характерно для творчества Ахматовой (исключения – «Подражание И. Ф. Анненскому», одна из редакций: «Неправда, у тебя соперниц нет...» и некоторые другие стихотворения).
197 «Я не любви твоей прошу...» Впервые – журн.«Звезда». 1946. № 1. С. 70. В кн. «Бег времени». С. 50, включено в разд. «Четки». Печ. по кн. «Бег времени». Дата –в автографе РГАЛИ, списке Н. Л. Ди¬лакторской и автобиографической прозе.
По свидетельству Ахматовой, это последнее «спо¬койное» стихотворение, написанное перед началом Пер¬вой мировой войны: «...как помню тот день (в Слеп-неве) – утром еще спокойные стихи про другое («От счастья я не исцеляю»), а вечером вся жизнь – вдребезги» (РТ 114). В автографе дата –июль 1914, вариант стро¬ки 17: «В мою томительную ночь...».
198/199 ...Июль 1914 (1–2). I. «Пахнет га¬рью. Четыре недели...»; П. «Можжевельника за¬пах сладкий...» Впервые – журн. «Аполлон». 1914. № 6. С. 9–10, в обратной последовательности; то же «В ты¬лу», Пг., 1915. С. 13, с купюрами в первом стихотворении строк: 3–4, 9–12, во втором: 5–12; «Белая стая», 1917. С. 66-68, с датой- 1914; «Белая стая», 1923. С. 60-61, с датой –20 июля 1914; «Из шести книг». С. 167. Печ. по кн. «Белая стая», 1917.
Тема стихотворения – начало Первой мировой вой¬ны: 15 июля Австрия объявила войну Сербии, 19 июля в 10 часов вечера Германия объявила войну России. 20 июля был опубликован «Высочайший манифест» о вступлении России в войну, о чем в Слепневе узнали вечером того же дня. Все последующие события – начало войны, мобилизацию, уход на фронт Н. С. Гумилева – Ахматова воспринимала как личное и народное бедст¬вие. В более раннем автографе (РГАЛИ, 11 июля 1914 г., Слепнево) первое стихотворение состояло из трех строф, и в нем еще не было темы войны: 1-я строфа без измене¬ний, вместо 2 –4-й:
Стало солнце немилостью Божьей, Сушит реку, спалило траву. Приходил одноногий прохожий И сказал: «Отойдешь к Покрову!»
Богородица белый расстелет Над скорбями безгласными плат. Это счастье со мною разделит Мой единственный ласковый брат.
1рУс ~ буря и волнение, лютование стихий; земле¬трясение (Даль В. Толковый словарь живого великорус¬ского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4. С. 437). Мечут жребий о ризах твоих. –Ср. Библию, Псалтирь, Псалом Давида 21. 19: «Делят ризы мои между собою и об одеж¬де моей бросают жребий». По жребию делили землю между коленами Израилевыми: «И сказал Господь Мои¬сею: «По жребию должно разделить землю...» (Числа. 26.52.55).
200 Белый дом. Впервые –журн. «Голос жиз¬ни». 1914. № 7. С. 7, с вариантами строк:
3. Я утру ноябрьскому рада; 18. В другие унес города;
«Белая стая», 1917. С. 98 – 99, с датой– 1914; «Из шести книг». С. 190–191, без загл. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата-БО 1. С. 109.
202 «Вижу, вижу лунный лук...» Впервые – журн. «Вершины». 1914. № 1. С. 9, с вариантами строк:
1: Вижу темный лунный лук; 6: В год не смог меня забыть;
«Белая стая», 1917. С. 80 – 81, с датой–1915; «Из шести книг». С. 177; «Бег времени». С. 139–140, с датой – 1915. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата –по автографу РГАЛИ.
203 «Бесшумно ходили но дому...» Впер¬вые–журн. «Северные записки». 1914. № 12. С. 82, с вариантами строк:
16: Восковая лежала рука;
18: Был, как прежде, тяжел и груб;
«Белая стая», 1917. С. 82 – 83, с датой–1914. «Из шести книг». С. 177, с вариантом строки 18: «стал так странно тяжел и груб»; «Бег времени». С. 141 –142, с да¬той – Слепнево, 1914. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской и кн. «Белая стая», 1923. С. 72.

205 «Был блаженной моей колыбелью...»
Впервые – «Белая стая», 1917. С. 30, с вариантами пунк¬туации и датой – 1914. Печ. по кн. «Бег времени». С. 107. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской. Солея – см. коммент. на с. 785.
206 «Пустых небес прозрачное стекло...»
Впервые –журн. «Голос жизни». 1914. № 7. С. 8, под загл. «Новгород», с вариантом строки 6: «Ревет и мечется среди ветвей»; «Белая стая», 1917. С. 65, без загл. В чер-новом автографе РГАЛИ – варианты строк:
6 – 7: Ревет и мечется в ночной трубе... А город помнит о своей судьбе.
В «Стихотворениях», 1961 – дата: «Новгород 1914», в списке Н. Л. Дилакторской: «Сентябрь 1914», в невышедшем «Собрании стихотворений» 1924–1926 гг.: «Сентябрь 1914. Царское Село», в кн. «Бег времени». С. 132 –«Новгород, 1914». Печ. по кн. «Белая стая», 1917, с уточнением даты.
В Новгороде Ахматова была в сентябре 1914 г., когда навещала Н. С. Гумилева, проходившего под Нов¬городом обучение перед отправкой на фронт.
Мар¬фа-Посадница–вдова, новгородского посадника И. А. Бо-рецкого, правила Новгородом в XV в., возглавила анти¬московскую партию новгородского боярства, в 1478 г. после присоединения Новгорода к Москве была взята под стражу. Аракчеев Алексей Андреевич (1769 – 1834) – генерал-лейтенант, государственный деятель, всесильный временщик при Александре I, создатель под Новгородом военных поселений (1810).
207 «Божий Ангел, зимним утром.. j Впер¬вые–журн. «Голос жизни». 1915. № 13. С. 10, с рисун¬ком Н. Альтмана на тему стихотворения (после текста); «Белая стая», 1917. С. 46, с датой–1914; «Из шести книг». С. 150. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата – БО 1. С. 88.
208 Утешение. Впервые – журн. «Аполлон». 1914. № 6-7. С. 10; «Белая стая», 1917. С. 71, с да¬той–1914. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата – по списку Н. Л. Дилакторской.
Во время Первой мировой войны многократно пере-печатывалось: «Отзвуки войны», кн. 1. Киев, 1914; «Со¬временная война в русской поэзии». Пг., 1915; «В тылу». Пг., 1915; «Война в русской поэзии». Пг., 1915.
Эпиграф из поэмы Н. С. Гумилева «Мик» (1913 – 1914). Михаил Архистратиг–архангел Михаил, пред¬водитель небесного воинства. Ахматова рассказывала П. Н. Лукницкому, что стихотворение посвящено не Н. С. Гумилеву, а «Михаилу» («Бэби») (Лук¬ницкий, 1. С. 61), т. е. Михаилу Михайловичу Циммерману, царскоселу, артисту балета (?), приятелю А. С. Лурье. О М. М. Циммермане см. также коммент. к стихотворениям «Если плещется лунная жуть...», «Пленник чужой! Мне чужого не надо...»
Ахматова читала это стихотворение на благотвори¬тельном вечере «Поэты – воинам» 28 марта 1915 г. в Зале Армии и Флота на Литейном (ныне Дом офицеров). Среди участников вечера – актеры студии В. Э. Мейер¬хольда, певица Л. А. Андреева-Дельмас, поэты Ф. Соло¬губ, А. Блок, А. Ахматова, М. Кузмин, С. Городецкий. Н. Н. Берберова вспоминала о выступлении Ахматовой: «Ахматова была в белом платье со «стюартовским» во¬ротником (какие тогда носили), стройная, красивая,
2L2 «Земная слава как дым..^ Впервые – «Подорожник». С. 25, без даты; «Бег времени». С. 181,
черноволосая, изящная. Ей тогда было под тридцать, это был расцвет ее славы, славы ее паузника, ее челки, ее профиля, ее обаяния. «Вестей от него не получишь боль-ше»,–читала она, сложив руки на груди, медленно и нежно, с той музыкальной серьезностью, которая была в ней так пленительна» (Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие, 1996. С. 101).
209 «Был он ревнивым, тревожным и неж¬ным...» Впервые – «Невский альманах. Жертвам войны Писатели и Художники». Пг., 1915. С. 11, с вариантами строк 4 – 5: «Он белую птицу мою задушил//Промолвил, войдя ко мне рано в светлицу»; «Белая стая», 1917. С. 15; «Бег времени». С. 94, с иным написанием строки 2: «Как Божье солнце...» Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Да¬та–БП. С. 86. В списке Н. Л. Дилакторской дата–ко¬нец года. 1914.
Образ души-птицы многократно встречался в поэ¬зии Ахматовой и в лирике Серебряного века, восходя к Библии: «На Господа уповаю; как же вы говорите душе моей: «улетай на гору вашу, как птица»? (Псал¬тирь, 10, 1). Ср., напр., у И. Анненского: «Парус дрожит,//Птица кружит.//Сердце мое –та птица» (Ан¬ненский. С. 418).
210 «Цветы, холодные от рос...» Впервые – «Ежемесячный журнал». 1914. № 12. С. 3. Печ. по этому изданию. Ахматовой в сборники не включалось. Да¬та–по времени выхода журнала.
211 «Вечерний звон у стен монастыря...»
Впервые – «Ежемесячный журнал». 1914. № 12. С. 3. Печ. по этому изданию.

Ахматовой в сборники не вклю¬чалось. Дата —по времени выхода журнала.
с датой—1914. Печ. по кн. «Подорожник». Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилакторской.
Один и сейчас живой... —По-видимому, Н. В. Недоб¬рово. И бронзовым стал другой... — А. С. Пушкин, второй памятник которому был установлен в Царском Селе в 1913 г.— у здания Лицея (скульптор Л. А. Бернштам). Позже, в 1937 г., перенесен к Египетским воротам.
213 «За то, что я грех прославляла...»
Впервые — «Литературная газета». 1971. 15 сентября, публикация Н. А. Жирмунской по автографу РГАЛИ; БП. С. 283 —с ошибкой в последней строке: «Мне гор¬ный ветер свистел». Печ. по автографу РГАЛИ. Дата — БО 2. С. 29.
Текст стихотворения был забыт Ахматовой; в РТ 96 среди записей января 1961 г.— попытка восстановить текст:
Я матерью стала ребенку, Женою тому, кто пел.
Но.....вдогонку
Мне ветер.....
См. также коммент. к стихотворению «В городе райского ключаря...».
214 «Кому-то желтый гроб несут...»
Впервые —БП. С. 282. Печ. по автографу РНБ.
По предположению М. М. Кралина, навеяно раз¬говорами с Н. В. Недоброво, связанными с предчувст¬вием смерти (БО 2. С. 319). О подобных разговорах с Недоброво и его «пророческих» снах вспоминала прия¬тельница Недоброво Юлия Леонидовна Сазонова-Сло¬нимская (1883—1960)—литературовед, историк театра: «...ему виделись люди, приносившие гроб и потом искав¬шие крышки, и их разговоры о нем; ему снились могиль¬щики, потерявшие тело, хотя сам он стоял тут же и наблюдал за ними. Он добавлял иронически: «Они его найдут» («Об Анне Ахматовой». С. 73 — 74).
215 «Отлетела от меня удача.»» Впервые — журн. «Континент». Париж. 1982. № 31. С. 336, пуб¬ликация Л. Черткова по автографу в альбоме Н. А. Зал-шупиной-Даниловой, хранящемся в Отделе манускрип¬тов Парижской национальной библиотеки; Соч., 1986. С. 346, публикация В. А. Черных по черновому автографу РГАЛИ. Печ. по этому автографу.
276 «...это тот, кто сам мне подал цит¬ру...» Впервые — в кн.: Коган Д. З. Сергей Юрьевич Судейкин. 1884-1946. М., 1974. С. 186-по автогра¬фу в альбоме художника С. Ю. Судейкина (РГАЛИ). Здесь же четверостишье «Спокоен ход простых, суро¬вых дней...» и первая строфа стихотворения «Сердце бьется ровно, мерно...» с иной пунктуацией и вариантом строфы 1:
Сердце бьется ровно, мерно. Что мне прошлые года... Ведь под аркой на Галерной Ты со мною навсегда.
Печ. по автографу РГАЛИ.
Это тот, кто на твою палитру... Тот — по-видимому, бог солнца и света, покровитель искусств Аполлон.
217 «Ты первый, ставший у источника...»
Впервые —журн. «Русская литература». 1970. № 3. С. 82, публикация В. М. Жирмунского по автографу РНБ. Знак вопроса после даты—1914 —принадлежит Ахматовой. Стихотворение восстанавливалось ею по памяти в 1950 — 1960-е годы и носит следы позднего осмысления Ах¬матовой облика Блока (особенно во 2-й строфе). Печ. по автографу РНБ. В БП. С. 281, предположительно датировалось В. М. Жирмунским—между 1912 и 1914.
218 I. «Покинув рощи родины священ¬ной...» Впервые — «Аппо Domini MCMXX1». С. 48—49, с вариантом строк:
2: И дом, где муза, плача, изнывала, 23: И жаловался весело, то грустно,
без строки 32: «И по карнизу шла над смертной без¬дной», без загл. и даты. Объединено цифрами I и II со стихотворением «Смеркается, и в небе темно-синем...» (там же. С. 50). Позже объединялось в циклы из 2-х или 3-х стихов под названиями «Эпические отрывки» и «Эпические мотивы» со стихотворениями «В то время я гостила на земле...» (1913) и (или) «Смеркается, и в небе темно-синем...» («Из шести книг». С. 75 — 77; «Избранное», 1943. С. 52 — 57; «Стихотворения», 1961. С. 109; «Бег времени». С. 224—228). Печ. по сб. «Из шести книг». Уточнение датировки — до марта 1915 г.— на основании записи П. Н. Лукницкого бесе¬ды с Анной Ахматовой в его дневнике от 2 апреля 1925 г.: «...по поводу стихотв. «Покинув рощи родины священной...» у меня было написано: «Поев. Б. Анрепу». А. А. просила зачеркнуть как неверное: «Это до него написано. Я еще не была с ним знакома» (Лукниц¬кий, 1. С. 93).
Мысль о том, что стихотворение или весь цикл «Эпические мотивы» посвящены Б. В. Анрепу, возникала и позже на том основании, что в кн. «Бег времени» цикл «Эпические мотивы» получил эпиграф: «Я пою, и лес зеленеет» —из поэмы Б. Анрепа «Человек». Ритмически напоминает стихотворение А. Блока «О смерти» (см. коммент.

к стихотворению «В то время я гостила на земле...») и И. Анненского «Из поэмы «Mater Do-lorosa» – «Как я любил от городского шума//Укрыться в сад, и шелесту берез//Внимать, в запущенной аллее сидя...» (Анненский. С. 161). И дом, где Муза Плача изнывала... – Первоначально строка читалась как «И дом, где муза, плача, изнывала». Изменение произведено, по-видимому, под влиянием стихотворения М. Цветае¬вой, посвященного Ахматовой: «О Муза Плача, прекрас¬нейшая из Муз...» (1916). Был переулок снежным и недлин¬ным...– Тучков переулок на Васильевском острове в Санкт-Петербурге, где студент Н. Гумилев снимал комнату (дом 17, квартира 29 – «Тучка») в 1914 г. Храм Святой Екатерины – церковь близ Тучкова моста на Съез¬довской (Кадетской) линии Васильевского острова. Где он, как чиж, свистал перед мольбертом. – Речь идет о худож¬нике Натане Исаевиче Альтмане (1889– 1970), писавшем в то время известный портрет Анны Ахматовой, воспро-изведенный в издании «Четок», 1923 (оригинал в Рус¬ском музее). Мастерская Альтмана находилась на верх¬нем, седьмом этаже меблированного дома, на Тучковой набережной; Ахматова «выходила через окно 7-го этажа, чтоб видеть снег, Неву и облака и шла по карнизу навестить Веню и Веру Белкиных» (РГБ). Дружеские отношения с Альтманом сохранились у Анны Ахматовой на долгие годы. В одном из автобиографических набросков она вспоминала, что 20 января 1917 г. она обедала у Альт¬манов, в этот день ждали начала революции, и Альтман подарил ей свой рисунок с надписью: «В день Русской Революции». «Другой рисунок (сохранившийся) он над-писал: «Солдатке Гумилевой, от чертежника Альтмана» (Хейт. С. 227).

220 И. «Смеркается, и в небе темно-синем...» Впервые – «Аппо Domini MCMXX1». С. 50, где оканчивалось строкой 20: «Что кувыркались в прору¬би чернильной». Конец –восемь строк, начиная со слов: «И я подумала: не может быть» был дописан Ахматовой в первые дни июня 1940 г. (12 июня прочитан Л. К. Чу¬ковской) при подготовке сб. «Из шести книг», –дописан на странице корректуры (см. Лесман. С. 31). Там же строка 17: «И на мосту, сквозь ржавые перила» исправ¬лена на «сквозь ржавую решетку», однако в книге, как и в «Беге времени», строка сохранилась в раннем вариан¬те. В этой же корректуре исправлен номер отрывка в цик¬ле на III. Печ. по сб. «Из шести книг». С. 76 – 77. В кн. «Бег времени». С. 227 – 228, осталась неисправленной строка 17: «И на мосту, сквозь ржавые перила», дата 1914–1916, относящаяся, по-видимому, к обоим стихо¬творениям.

Где так недавно храм Ерусалимский... – Ъ издании «Стихотворения Анны Ахматовой» (Душанбе, 1990) строка была откомментирована М. Б. Мейлахом: «Храм Ерусалимский – церковь Входа Господня в Иерусалим, более известная под именем Знаменской, на площади Николаевского (Московского) вокзала» (С. 461). Впол¬не возможно, что Ахматова имеет в виду какую-то определенную церковь – многие детали стихотворения достаточно конкретны и рисуют вполне определенный пейзаж: снег, морозный воздух, низкий мост над водой и его ржавые перила, сквозь которые дети протяги¬вают к плавающим в проруби уткам «руки в рука¬вичках».

Однако, возможно, образ имеет и отвлеченно-фило¬софское значение, восходящее к Библии. Ср., напр., на¬чало ахматовского стихотворения со словами Ветхого завета (Неемия. 13.19): ...«Когда смеркалось у ворот Иерусалимских...» Во многих книгах Ветхого завета гово¬рилось о строительстве сыном Давида, Соломоном, – Иерусалимского храма –Дома Господня в Иерусалиме, об украшении его серебром, золотом и священными сосу¬дами, и о молитве Господу в этом храме. Величественным и богатым был храм Иерусалимский при жизни Иисуса. Однако «вход Господень в Иерусалим», когда весь народ радовался ему, заставил Иисуса заплакать в предчув-ствии будущих страданий и разрушения Иерусалима. После его крестных страданий, смерти и Воскресения храм был разрушен вместе с Иерусалимом. Храм Иеру-салимский в книгах Нового завета и в лексике поэзии Серебряного века –оградное успокоение души, место обетованное, царство Божие на земле. См., напр., в книге Н. Гумилева «Костер» («Канцона первая»):

Да, ты в моей беспокойной судьбе–
Ерусалим пилигримов.
Надо бы мне говорить о тебе
На языке серафимов.
(Гумилев, 1. С. 221, с исправлением
написания слова «Иерусалим»).

В стихотворении Гумилева «Память» (1919) об¬раз храма и Нового Ерусалима использован в значении «идеал прекрасного», «Царство Божие на земле»:

Я –угрюмый и упрямый зодчий Храма, восстающего во мгле, Я возревновал о славе Отчей, Как на небесах, и на земле.
Сердце будет пламенем палимо Вплоть до дня, когда взойдут, ясны, Стены Нового Иерусалима На полях моей родной страны.
(Гумилев, 1. С. 289).

Комментаторы стихотворения отмечают, что образ этих строф восходит к

соответствующим строкам поэмы У. Блейка «Мильтон»:
Мой дух в борьбе несокрушим, Незримый меч всегда со мной. Мы возведем Ерусалим В зеленой Англии родной. (Пер. С. Я. Маршака).
См. об этом в комментариях Н. А. Богомоло-ва//Гумилев, 1. С. 538. Здесь же—отсылка образа «Стены Нового Иерусалима» к евангельскому тексту: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откровение, 21, 1—3).
Строками «У ворот Ерусалима//Ангел душу ждет мою» —начинается «альбомное» стихотворение Гумилева 1920 г., в котором первая строка—цитата из стихотворе¬ния О. Мандельштама «Эта ночь непоправима» (1916):
Эта ночь непоправима, А у вас еще светло. У ворот Ерусалима Солнце черное взошло. (Мандельштам, 1. С. 123).
Если здесь еще можно трактовать Ерусалим как нечто конкретное — «В светлом храме иудеи//Хоронили мать мою», то в другом стихотворении Мандельштама 1917 г. «храм Ерусалимский» — понятие нравственное:
Среди священников левитом молодым
На страже утренней он долго оставался.
Ночь иудейская сгущалася над ним,
И храм разрушенный угрюмо созидался... (...)
Он с нами был, когда на берегу ручья Мы в драгоценный лен Субботу пеленали И ссмисвещником тяжелым освещали Ерусалима ночь и чад небытия. (Мандельштам, 1. С. 130).
В этом нравственно-философском библейском смыс¬ле понятие «храм Ерусалимский» предстает в завершаю¬щих ахматовское стихотворение строках 21—28: «И если трудный путь мне предстоит», то «легким грузом» на этом пути будет память о великолепии «храма Ерусалим-ского» прекрасных дней прошлого.
222 «Под крышей промерзшей пустого мсилья...» Впервые —сб. «Альманах муз». Пг., 1916. С. 22; «Белая стая», 1917. С. 35, с датой—1915; «Из шести книг». С. 140. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.
В одном из автографов (собрание М. Л. Лозинско¬го, СПб.) стихотворение начиналось строфой, которая не вошла в основной текст:
Никто мне не скажет, что жертва мала, Что славнее прожили другие. Я Господу сердце свое отдала, А милого друга —России.
В последней строке, возможно, подразумевается Н. С. Гумилев, который в это время был на фрон¬те. Посланья Апостолов — часть Нового завета, Соборные послания святых апостолов Иакова, Петра, Иоанна
Богослова, Иуды и послания святого апостола Павла к римлянам, к коринфянам, к галатам, ефесянам, филип¬пинцам и др. Слова Псалмопевца —Псалмы царя Давида, часть Ветхого завета. ...Заложен на Песни Песней. — Книга Песни Песней царя Соломона, часть Ветхого завета, начи¬нающаяся словами: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина...» Отдельные строки Песни Песней могут служить как бы «ключом» к любов¬ной лирике Ахматовой, напр.: «Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила его; звала его, и он не отзывался мне» (5, 6).
223 Милому. Впервые — «Новый журнал для всех». 1915. № 4. С. 33, с вариантами строк:
6: Под шатром высоких тополей; 13: Серой белкой прыгну по сосне; 16: Чтоб не страшно было по весне;
«Белая стая», 1917. С. 114—115, с датой—1915; «Белая стая», 1923. С. 102, с датой—1915. Февраль. Царское Село; «Бег времени». С. 157 — 158, с датой — Царское Село, 1915. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата — по списку Н. Л. Дилакторской.
В автографе РГАЛИ—посвящение Н. В. Недобро¬во. И отсюда вижу городок и далее. —Описание Царского Села. Мертвую невесту поджидать... — Мотив встречи мерт-вого жениха, мертвой невесты, мертвых гостей широко распространен в поэзии символизма. См. у А. Блока в стихотворении «Пляска смерти» (1912):
Лишь у колонны встретится очами С подругою —она, как он, мертва... (Блок, 3. С. 37);
у И. Анненского в лирической трагедии «Лаода-мия»: «Первый музыкальный антракт» и действие 2, явление 5 и 6 —ожидание героиней мертвого царя Иолая:
«Или умерший точно не умер//Для Лаодамии?» (Ан¬ненский. С. 437);
...Пусть для вас
Безумною останусь я и грешной. Я брака жду сегодня... в эту ночь Иль смерти... я не знаю. Ум мой темен, Но Иолай придет—он обещал...
(Там же. С. 441); так же у И. Анненского в стихотворении «Там»:
Ровно в полночь гонг унылый Свел их тени в черной зале... (Там же. С. 66);

Ф. Сологуб: «Предстоящих несчастий предте¬чам...» (1903):
Но пришли запредельные гости Нет, не те, что лежат на погосте (...) Вот горят невидимые свечи, Вот звучат неслышимые речи –
Вдохновенный язык (...) (Сологуб Ф. Стихотворения и поэмы. Б-ка поэта. С. 288);
у З. Гиппиус в стихотворении «Ты любишь?» (1896):
Безогненного чувства твоего,
Без мертвеца в тебе –не понимаю...
(Гиппиус З. Опыт свободы. С. 32).
224 «Так раненого журавля...» Впервые – газ. «День». 1915. 22 марта, с вариантами строк:
1: Как раненого журавля; 5: Так я, больная, слышу зов;
«Белая стая», 1917. С. 86, с датой– 1915; «Бег времени». С. 143, с той же датой. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
26–1 25
22 J Сон («Я знала, я снюсь тебе...») Впер¬вые–журн. «Аполлон». 1916. № 4–5. С. 41, без загл.; «Белая стая», 1917. С. 96 – 97, с вариантом строки 16: «Под ногой чернела вода» и датой–1915; «Белая стая», 1923. С. 86, с датой–1915. Март. Царское Село; «Бег времени». С. 149–150, с датой – Царское Село, 1915. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты – по списку Н. Л. Дилакторской.
7ы видел царицын сад... – Екатерининский парк в Царском Селе. По-видимому, является первым стихо¬творением, посвященным Борису Васильевичу фон Анрепу (1883 – 1969), поэту и художнику, другу Н. В. Недоб¬рово. Жизнь Анрепа была тесно связана с Англией и Францией. В первый раз он выехал в Лондон в 1899 г., несколько лет обучался в частных школах. Затем вернул¬ся в Россию, где окончил Императорское училище право¬ведения и, по настоянию семьи (его отец был профес¬сором судебной медицины), –юридический факультет Петербургского университета (1905). Начал профессор¬скую карьеру, но страсть к искусству–живописи и, в частности, мозаике –пересилила. Его поддержал в но¬вом выборе художник Д С. Стеллецкий. В 1908 г. Анреп уехал во Францию, где два года учился в Academie Julien, затем в 1910–1911 гг. переехал в Англию, где продолжал обучение в Колледже искусств в Эдинбурге под руководством Ф. М. Флетчера. Закончив образова¬ние, поселился в Лондоне. В 1913 г. в галерее Chenil была устроена первая персональная выставка 54 работ Ан¬репа: рисунков, акварелей, мозаик. У Анрепа появились первые заказчики –мозаик для украшения домов англий¬ских аристократов. Так, в 1919 г. ему заказал мозаику для своего дома мэтр английской живописи Огастос Джон, в 1914 г. он начал работу над созданием фресок в Вестминстерском соборе в Лондоне, его мозаиками были украшены пол и стены в доме сэра Вильяма и леди Джовитт, –эти мозаики после войны были перевезены в художественную галерею Бирмингема. Анрепом укра¬шен камин в спальне Литтона Стрейчи. В 1921 г. он закончил композицию «Видение св. Иоанна» в мемо¬риальной часовне церкви Военного колледжа в Сэндхер-сте. В 1923 г. Анреп работал над мозаичным полом в зале Блейка галереи Тейт, который считается одной из луч¬ших работ Ан репа, –это композиции на темы философ¬ской лирики Блейка «Пословицы ада». Его студия поме¬щалась в Хэмпстеде. В 1925 г. переехал в Париж, но про¬должал выполнять английские заказы (К а з н и н а О. А. Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: «Наследие», 1997). В этой книге Б. В. Ан-репу посвящены разделы: «Б. В. Анреп» (С. 226–232) и «А. А. Ахматова и Б. В. Анреп» (С. 232 – 240).
Начавшаяся Первая мировая война заставила Ан-репа в августе 1914 г. вернуться в Россию: как офицер запаса он был призван в армию. По его воспоминаниям, знакомство с Ахматовой произошло в 1914 г., но это, очевидно, ошибка памяти (см. «Воспоминания». С. 83). Ахматова несколько раз вспоминала и рассказывала П. Н. Лукницкому, что их познакомил Н. В. Недоброво в Царском Селе, весной 1915 г., накануне отъезда Ан-репа в действующую армию. Знакомство произошло в Вербную субботу во время Великого Поста 1915 г. Тогда же новому знакомому были посвящены первые стихотворения –«Сон», «Я улыбаться перестала...», «Из памяти твоей я выну этот день...». В 1915–1916 гг., когда Анреп приезжал с фронта в командировки и в отпуск, они встречались, и знакомство переросло в сильное чув¬ство с ее стороны и, по-видимому, осталось на уровне горячего интереса с его. По свидетельству Ахматовой, ею посвящены Анрепу 17 стихотворений в «Белой стае» и 14 в сб. «Подорожник». Анреп также посвятил Ахматовой несколько стихотворений.
В дневнике П. Н. Лукницкого от 30 марта 1925 г. записан рассказ Ахматовой о первом знакомстве с Ан-репом: «1915. Вербная Суббота. У друга (Н. В. Недоб¬рово в Царском Селе.–//. К.)– офицер Бор. Вас. Анреп. Импровиз. стихов. Вечер; потом еще два дня, на третий он уехал. Его провожала на вокзал. Стихотворение в «Бе¬лой стае» (Лукницкий, 1. С. 81).
До личного знакомства Анреп знал об Ахматовой из рассказов и писем о ней Н. В,

Недоброво. В марте 1914 г. Недоброво посылает Анрепу ахматовский сбор¬ник «Четки», затем пишет ему восторженное письмо, радуясь, что стихи понравились другу: «Твое последнее письмо меня очень обрадовало —то, что ты так признал Ахматову и принял ее в наше лоно, мне очень дорого по личным прежде всего соображениям, а также и потому, что, значит, мы можем считать, что каждому делегирова¬на власть раздавать венцы от имени обоих. (...) По¬просту красивой назвать ее нельзя, но внешность ее настолько интересна, что с нее стоит сделать и леонар-довский рисунок, и генсборовский портрет маслом, и икону темперой, а пуще всего поместить ее в самом значащем месте мозаики, изображающей мир поэзии» (Соч., 3. С. 383 — 384). Последние слова Недоброво ока¬зались пророческими, и Анреп сделал такую мозаику в 1952 г. в Англии — «Сострадание» на полу вестибюля Национальной галереи в Лондоне. О взаимоотношениях Ахматовой и Б. В. Анрепа см.: Анреп Б. О черном кольце//Соч., 3. С. 439 — 453; Струве Г. П. Анна Ахматова и Борис Анреп//Там же. С. 428 — 438; Струве Г. П. Примечания и Дополнительный коммен¬тарий//!' ам же. С. 454 — 465; Струве Г. П. Анна Ахматова и Николай Недоброво//Т ам же. С. 371 — 427; «Из ахматовских материалов в архиве Гуверовского ин¬ститута». Публикация Л. С. Флейшмана (Стэнфорд)// Ахматовский сборник I. Париж, 1989. С. 165 — 193; Лукницкий, 1.С. 41,42, 77,81,90,91,93, 96, 158, 188.

226 «Я улыбаться перестала...» Впервые — журн. «Аполлон». 1916. № 4—5. С. 40, с варианта¬ми строк:

5: И эту песню я нескромно; 7: Затем что нестерпимо томно;

«Белая стая», 1917. С. 22, с датой—1915; «Белая стая», 1923. С. 20, с датой—1915. Царское Село. Весна; «Бег времени». С. 100. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточне¬ние даты — по списку Н. Л. Дилакторской.

Одно из первых стихотворений марта 1915 г., наве¬янных знакомством с Б. В. Анрепом (см. коммент. к пре¬дыдущему стихотворению). Одной надеждой меньше ста-ло,!/Одною песней больше будет. — Эти строки Ахматова написала Анрепу на подаренном ему экземляре книги «Вечер» 13 февраля 1916 г., перед отъездом Анрепа на фронт.

220 «Из памяти твоей я выну этот день...» Впервые—сб. «Альманах муз», 1916. С. 23; «Бе¬лая стая», 1917. С. 106. В обоих публикациях строка

5 читалась: «При имени моем ты будешь вспоминать...», дата— 1915. В сб. «Стихотворения», 1958, появился вари¬ант строки 5: «О, как ты часто будешь вспоминать...» Печ. по кн. «Бег времени». С. 153. Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.

Обращено к Б. В. Анрепу, который рассказал

Об обстоятельствах появления стихотворения: «Мы ката¬лись на санях, обедали в ресторанах, и все время я про¬сил ее читать мне ее стихи; она улыбалась и напевала их тихим голосом. Часто мы молчали и слушали всякие звуки вокруг нас. Во время одного из наших свиданий в 1915 году я говорил о своем неверии и о тщете религиоз-ной мечты. А. А. строго меня отчитывала, указывала на путь веры как на залог счастья. «Без веры нельзя». Позд¬нее она написала стихотворение имеющее отноше¬ние к нашему разговору» («Воспоминания». С. 83). Пос¬ле текста стихотворения Анреп пишет: «Так это и было. Но от нее я не получил ни одного письма, и я не написал ни одного, и она не «пришла на помощь моему неверью», и я не звал» (там же). Пришла на помощь моему неве¬рью.—Использование формулы стихотворения Тютчева «Наш век»:

...Безверием палим и иссушен, Невыносимое он днесь выносит... И сознает свою погибель он, И жаждет веры—но о ней не просит...

Не скажет ввек, с молитвой и слезой, Как ни скорбит перед замкнутой дверью: «Впусти меня!—Я верю, Боже мой! Приди на помощь моему неверью!..» (Тютчев. С. 179).

228 «Думали: нищие мы, нету у нас ни¬чего.*» Впервые—«Белая стая», 1917. С. 9 (откры¬вало книгу). Печ. по кн. «Белая стая». Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.

Ахматова рассказывала П. Н. Лукницкому 3 — 4 марта 1924 г., что это стихотворение любил Н. С. Гуми¬лев и что она «написала его в 1915 г., весной, когда Н. С. лежал в лазарете. Я шла к нему, и на Троицком мосту придумала его, и сразу же в лазарете прочитала его Н. С. Я не хотела его печатать, говорила — «отрывок», а Н. С. посоветовал именно так напечатать» (Лукницкий, 1. С. 51). Ритмически и по теме напоминает белые стихи М. Кузмина, напр., «В старые годы» (1912):

Подслушанные вздохи о детстве,
когда трава была зеленее,
солнце казалось ярче
сквозь тюлевый полог кровати
и когда, просыпаясь,

слышал ласковый голос
ворчливой няни...
(Кузмин. С. 182).
Ср. в стихотворении Ахматовой 1955 г.: «И ни¬какого розового детства...» Кузмин перечисляет пре¬красные воспоминания об ушедших годах, дорогие ему, у него нет ахматовского трагического ощуще¬ния жизни как потери и повторяющегося «поминаль¬ного дня».
22У «Есть в близости людей заветная черта...» Впервые – журн. «Северные записки». 1915. № 10. С. 41; «Белая стая», 1917. С. 26, с датой-1915; «Белая стая», 1923. С. 24, с датой–1915. Петербург. Весна; «Бег времени». С. 103. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
Посвящение «Н. В. Н.» –Николаю Владимировичу Недоброво – появилось впервые в «Стихотворениях», 1961. По-видимому, связано с обращенным к Ахматовой стихотворением влюбленного в нее Недоброво и является ответом на это стихотворение:
С тобой в разлуке от твоих стихов
Я не могу душою оторваться.
Как мочь? В них пеньем не твоих ли слов
С тобой в разлуке можно упиваться?
Но лучше б мне и не слыхать о них! Твоей душою словно птицей бьется В моей груди у сердца каждый стих, И голос твой у горла, ластясь, вьется.
Беспечной откровенности со мной И близости – какое наважденье! Но бреда этого вбирая зной, Перекипает в ревность наслажденье.
Как ты звучишь в ответ на все сердца, Ты душами, раскрывши губы, дышишь, Ты в приближенье каждого лица В своей крови свирелей пенье слышишь!
И скольких жизней голосом твоим Искуплены ничтожество и мука... Теперь ты знаешь, чем я так томим? – Ты, для меня не спевшая ни звука.
(«Посвящается Ахматовой». С. 13)
С увлечением Недоброво поэзией Ф. И. Тютчева связана и близкая тютчевской форма начала: «Есть в бли¬зости людей...» –ср. у Тютчева: «Есть в светлости осенних вечеров...», «Есть в осени первоначальной...», «Есть не¬кий час в ночи...» и т. д. (Тютчев. С. ПО, 195, 79).
230 «Выбрала сама я долю...» Впервые – журн. «Русская мысль». 1915. № 12. С. 2; «Белая стая», 1917. С. 95, с датой-1915; «Белая стая», 1923. С. 85, с датой–1915. Весна. Петербург. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
Отпустила я на волю!№ Благовещенье его. – По русско¬му обычаю, в праздник Благовещенья Пресвятой Деве Марии (понедельник на пятой неделе Великого Поста, который в 1915 г. приходился на 10 марта) выпускали из клеток птиц. Возможно, речь идет о Б. В. Анрепе и его отъезде на фронт, но дата Благовещанья не подтверж¬дает это предположение.
231 Молитва. Впервые –сб. «Война в русской поэзии». Пг., 1915. С. 99, с вариантами строк:
1: Дай мне черные ночи недуга;
7: Чтобы туча над скорбной Россией;
«Белая стая», 1917. С. 73, с датой–1915 и разночтением в пунктуации: 1-я строфа заканчивается точкой; «Из шести книг». С. 170, с вариантом строки 1: «Дай мне долгие годы недуга»; «Бег времени». С. 135, с да¬той – 1915. Печ. по кн. «Бег времени». Дата – БП. С. 109. Уточнение –по церковному календарю. В спи¬ске Н. Л. Дилакторской дата – 1915. Май. (Троиц-кий) мост).
Духов день – День Святого Духа, христианский праздник на 51-й день после Пасхи; в 1915 г. приходился на 11 мая.
232 «Долго шел через поля и села...» Впер¬вые–журн. «Северные записки». 1915. № 10. С. 44, с вариантами строк:
10: В предвечерний поздний час; 13 – 16: Стал у церкви, темной и тяжелой, На гранит широких ступеней. «Где она, где свет веселый Серых звезд –ее очей?»
«Белая стая», 1917. С. 100–101, с датой–1915; «Белая стая», 1923. С. 90, с датой–1915. Весна; «Из шести книг». С. 192–193. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
В экземпляре кн. «Белая стая», принадлежащем П. Н. Лукницкому, им была внесена помета, со слов Ахматовой, против строк: «О Венеции подумал//И о Лон¬доне зараз» – «что это по поводу слов Б. Анрепа о Казан¬ском (?) соборе...» (Лукницкий, 2. С. 40).
Обращено к Б. В. Анрепу.
233 «Буду тихо на погосте..j Впервые –сб. «Сад поэтов». Полтава. 1916. С. 5; «Белая стая», 1917. С. 87, с датой– 1915; «Бег времени». С. 144. Печ. по кн. «Белая стая». Дата –БО 1. С. 104.
Обращено к сыну, Льву Николаевичу Гумилеву (1912–1992), который жил весной 1915

г. в Цар¬ском Селе в доме своей бабушки А. И. Гумилевой. Ах¬матова же с апреля 1915 г. переехала в снятую ею в Петрограде комнату на Пушкарской улице, чтобы чаще навещать Н. С. Гумилева, находящегося в лазарете (Черных, 1. С. 84). Здесь она тяжело заболела – брон¬хит, начало туберкулезного процесса в легких (Лук¬ницкий, 1. С. 101). По мнению М. М. Кралина, в сти¬хотворении прослеживаются реалии окрестностей Слепнева –путь ребенка «через речку и по горке», –т. е. через речку Каменку, отделявшую Слепнево от села Градницы, где находится погост и семейные могилы Львовых.
234 «Перед весной бывают дни такие...»
Впервые – журн. «Северные записки». 1916. № 1. С. 32; «Белая стая», 1917. С. 93, с датой–1915, из двух строф, с посвящением; «Бег времени». С. 147, без посвящения, как цельное восьмистишие, дата –1915. Печ. по кн. «Бе¬лая стая» с учетом пожелания Ахматовой: не делить восьмистишия на строфы при издании ее стихов.
Уточнение даты на основании воспоминаний На¬дежды Григорьевны Чужкоеой (1874–1961), жены писа¬теля Г. И. Чулкова, приятельницы Ахматовой. Об исто¬рии посвящения ей этого стихотворения Н. Г. Чулкова рассказала: «В 1915 году весной, после нашей поездки в Швейцарию, мы поселились в Царском Селе на Малой улице. На этой же улице, недалеко от нас, жила и Анна Ахматова. (...) Жила она в доме своей свекрови со своим маленьким сыном лет трех. Она приходила к нам с этим мальчиком –Левой. Приходила и одна и читала нам свои стихи. Однажды, когда я похвалила особенно по¬нравившееся мне ее стихотворение, она предложила по¬святить его мне, и я была очень рада этому» («Вос¬поминания». С. 37 – 38). По свидетельству Ахматовой, стихотворение «относится, несмотря на посвящение» к Б. В. Анрепу (Лукницкий, 1 и 2. С. 93 и 42).
235 «Широк и желт вечерний свет...»
Впервые –журн. «Русская мысль». 1915. № 2. С. 1; «Бе¬лая стая», 1917. С. 102. В обеих публикациях –вариант строки 3: «Ты опоздал на десять лет»; «Из шести книг». С. 194 и «Бег времени». С. 151–окончательный текст. Дата–1915. Печ. по сб. «Из шести книг». Уточнение даты –«Белая стая», 1923. С. 91. «1915. Весна Царское Село»; в списке Н. Л. Дилакторской –Июль 1915. Слеп¬нево. Принимаем дату–«Весна 1915», –как подтверж¬дающуюся содержанием стихотворения: «нежна апрель-ская прохлада» и далее. Обращено к Б. В. Анрепу, что подтверждено Ахматовой в беседе с П. Н. Лукницким (см. Лукницкий, 2. С. 42).
236 «Будем вместе, милый, вместе...»
Впервые–«Белая стая», 1923. С. 79, с датой–1915 и вариантами пунктуации; окончательный текст –«Из шести книг». С. 183. Печ. по сб. «Из шести книг». Дата-БП. С. 131.
Обращено к Н. С. Гумилеву. Где венчались мы – не помним... – А. А. Ахматова и Н. С. Гумилев венчались 25 апреля (8 мая) 1910 г. в Николаевской церкви (ныне снесена) села Никольская слободка Остерского уезда Черниговской губернии. «Венчались мы за Днепром, в деревенской церкви, – вспоминала Ахматова. – В тот же день Уточкин летал над Киевом, и я впервые увидела самолет. Шаферами были Вл. Эльснер и И. А. Аксенов». По свидетельству старожилов, эта небольшая церковь, имеющая купола пирамидальной формы, внутри была очень уютной, даже иконы по-домашнему украшены вы¬шитыми рушниками. Церковь была названа в честь Ни¬колая Марликийского, который считался покровителем Н. Гумилева (Ольшанская Е. Анна Ахматова в Кие¬ве// Серебряный век. Прилож. к журн. «Ренессанс». С. 25).
231 «Нам свежесть слов и чувства прос¬тоту...» Впервые – журн. «Северные записки». 1916. № 1. С. 34, с вариантами строк:
10–12: Чтобы узнать в постылый час сомненья Учеников бесстыдное глумленье И безразличие толпы;
«Белая стая», 1917. С. 28, с вариантом последней строки: «И безразличие толпы» и датой–1915. Окончательный текст–«Стихотворения», 1961. С. 100; «Бег времени». С. 105. Печ. по кн. «Бег времени». Дата –по списку Н. Л. Дилакторской. В черновом автографе РГАЛИ – вариант строки 1: «Нам ясность слов и мыслей простоту». По мнению М. М. Кралина (БО 1. С. 380 – 381), стихо¬творение является полемическим посланием к Н. В. Не¬доброво.
Осуждены...!IМы расточать, а не копить. – Возможно, строки навеяны словами Иисуса Христа из проповеди ученикам: «Не собирайте себе сокровищ на земле...» (Евангелие от Матфея, 6, 19). От Луки, 11, 23: «Кто не со мной, тот против меня, и кто не собирает со мною, тот расточает». Иди один и исцеляй слепых... –Об исце¬лении Иисусом Христом слепых многократно говорится в Евангелии. ...в тяжелый час сомненья. –В Евангелии от Марка говорится об ужасе и тоске Иисуса перед будущей, известной ему судьбой (14, 33 – 36). То же –
Евангелие от Матфея, 26, 36 – 39. Ученики предали Иисуса, не исполнив его просьбы: бодрствовать и мо¬литься вместе с ним, чтобы не впасть во искушение: дух бодр, но плоть немощна (Евангелие от Марка, 14, 37 – 38, от Матфея, 26, 40 –

56). Сюжет предательства учеников использован в стихотворении Н. Гумилева «Молитва мастеров» (1919–1921): «Их радует, что мы в борении, покуда//11етр отрекается и предает Иуда» (Гумилев, 1. С. 303).
238 «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» Впервые –журн. «Северные записки». 1916. № 1. С. 35, с вариантами строк:
8 – 9: Когда, кружася, ветер безрассудный Чуть начатую прерывает речь;
«Белая стая», 1917. С. 47, с датой–1915, без разделения 2-й и 3-й строфы, с вариантом ггунктуации –точка в окончании строки 9; «Бег времени». С. 120, с да-той– 1915. Печ. по кн. «Бег времени». Дата –по списку Н. Л. Дилакторской. Первая часть стихотворения рассказывает о жизни в Слепневе, и в экземпляре сб. «Стихотворения», 1958, подаренном В. С. Срезневской, проставлено посвящение Михаилу Владимировичу Кузьмину-Караваеву, соседу и дальнему родственнику, влюбленному в Ахматову. В экземпляре сб. «Из шести книг», принадлежащем З. Б. Томашевской, проставлено посвящение Н. В. Недоб¬рово. Послано Н. С. Гумилеву в письме от 16 июля 1915 г.
239 «Нет, царевич, я не та...» Впервые – журн. «Северные записки». 1915. № 10. С. 43, с вариан¬том строки 9: «Я умею научить»; «Белая стая», 1917. С. 104–105, с датой–1915. Печ. по кн. «Белая стая». Дата –по списку Н. Л. Дилакторской (рукой Ахма¬товой) .
Обращено к Б. В. Анрепу,– см. об этом запись П. Н. Лукницкого по поводу адресатов стихотворения:
«Нет, царевич, я не та...» –Б. Анреп (слово «царевич» подчеркнуто)» (Лукницкий, 2. С. 42).
240 «Не хулил меня, не славил...» Впервые – журн. «Северные записки». 1916. № 1. С. 36, с вариантом строки 1: «Не искал меня, не славил...»; «Белая стая», 1917. С. 107, с датой–1915. Печ. по кн. «Белая стая». Уточнение даты –БП. С. 121. В списке Н Л. Дилактор¬ской–июль. Слепнево.
Обращено к Б. В. Анрепу. Только душу мне оставил// И сказал: побереги... – Анреп так комментировал это стихо¬творение: «В 1915 году я виделся с А. А. во время моих отпусков или командировок с фронта. Я дал ей рукопись своей поэмы «Физа» на сохранение; она ее зашила в шел¬ковый мешочек и сказала, что будет беречь как святыню» («Воспоминания». С. 83). Поэма «Физа» написана Ан-репом в Париже. Она была «символической» и очень искренней. Анреп читал ее Н. В. Недоброво и его жене, Л. А. Недоброво (урожд. Ольхиной), Вяч. Иванову, который, в частности, сказал о ней: «Меня очень тро¬нуло, что в вашей поэме вы совершенно остаетесь «безза-щитны». Из поэмы «Физа» Ахматовой взят эпиграф к циклу «Эт^еские мотивы»: «Я пою, и лес зеленеет» (впрочем, эта строка в «Физе» – автоцитата из более ранней поэмы Анрепа «Человек», которая печаталась в «Альманахе муз» (Пг., 1916. С. 13–18) и наверняка была известна Ахматовой (в том же альманахе печата¬лись и ее стихи). Эти слова использовал Анреп в про¬щальном стихотворении «Послесловие» (1969), посвя¬щенном Ахматовой:
О, милая, тебя уж нет. Твои слова живут вовеки, Так тихоструйно льются реки, Свежа луга на сотни лет.
Обожествив стихов природу, Даруя алчущим свой дух, Ты к небу обратилась вслух, А сердце отдала народу.
Поэт, прислушайся –ликуй:
Она поет–лес зеленеет.
Моя мечта мечту лелеет
И шлет прощальный поцелуй...
(«Из ахматовских материалов в архиве Гуверовского института». Публикация Л. С. Флейшмана (Стэнфорд).– Ахматовский сборник I. Париж, 1989. С. 187).
241 «Зачем притворяешься ты...» Впер¬вые–журн. «Северные записки». 1915. № 10. С. 40, без 1-й строфы, с вариантом строки 10: «Надрывно поет и уныло»; полный текст впервые – «Белая стая», 1917. С. 64, с датой – 1915 и вариантом строки 4: «Мне с неба кровавой зарницей». Окончательный текст–«Стихотво¬рения», 1958. С. 24 и «Бег времени». С. 24. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты–по списку Н. Л. Дилак-торской. П. Н. Лукницкий записал со слов Ахматовой, что стихотворение обращено к Б. В. Анрепу (Л у к н и ц -кий, 2. С. 42).
242 «Столько раз я проклинала...» Впер¬вые–журн. «Северные записки». 1915. № 10. С. 42, с разночтением в первом слове: «Сколько...»; «Белая стая», 1917. С. 76 – 77, с датой– 1915; «Белая стая», 1923. С. 68, с датой–1915. Июль. Слепнево; «Бег времени». С. 136, с датой – Слепнево. 1915. Печ по кн. «Белая стая», 1917.
В экземпляре «Белой стаи», принадлежащем П. Н. Лукницкому, им, со слов Ахматовой, была сделана помета: «Это ни к кому не относится. Случайно (написа¬но). Никто тогда не умирал...» (Лукницкий, 2. С. 40).
243 «Я не знаю, ты жив или умер.*» Впер¬вые–сб. «Пряник осиротевшим детям». Пг., 1916. С. 30, с вариантом строки 9: «Мне никто сокровеннее не был»; «Белая стая», 1917. С. 103, с датой–1915; «Белая стая», 1923. С. 92, с датой–1915. Лето.

Слепнево; «Бег време¬ни». С. 152. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилакторской.
Обращено к Б. В. Анрепу (см. об этом: Лукниц¬кий, 2. С. 42).
244 «Господь немилостив к жнецам и са¬доводам...» Впервые — «Белая стая», 1917. С. 43; «Из шести книг». С. 147. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты —БП. С. 97. В списке Н. Л. Дилактор¬ской дата— 1915.
Китайская беседка находится в Царскосельском парке.
245 «Как невеста, получаю...» Впервые— журн. «Русская мысль». 1915. № 12. С. 1, с другим порядком строф и без кавычек во 2-й строфе; «Белая стая», 1917. С. 45; «Белая стая», 1923. С. 42, с да¬той—1915. Хювинккя. Осень, порядок строф —тот же, что в «Русской мысли»; «Бег времени». С. 119. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. С. 42. Уточнение даты —по време¬ни пребывания в санатории Хювинккя близ Хельсинки, где Ахматова лечилась от туберкулеза с 15 по 30 октября 1915 г. В списке Н. Л. Дилакторской — сентябрь. Хю¬винккя.
В подаренном З. Б. Томашевском экземпляре сб. «Из шести книг» рукой Ахматовой проставлено посвяще¬ние Н. В. Недоброво).
246 Все мне видится Павловск холмис¬тый...» Впервые—«Белая стая», 1917. С. 58 — 59, без посвящения, с датой— 1915; «Бег времени». С. 125, с по¬священием: «Н. В. Н.». Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты—БО 1. С. 94.
Обращено к Н. В. Недоброво, посвящение которо¬му впервые —в кн. «Белая стая», 1923. И на медном плече Кифареда//Красногрудая птичка сидит.—Кифаред —статуя Аполлона с лирой (кифарой) в Павловском парке. Мотив сюжета —юноша Кифаред и птица на его плече, —воз¬можно, взят Ахматовой из трагедии И. Анненского «Фа-мира Кифаред»: в птицу превращена мать Фамиры Ки-фареда, нимфа Аргиопе, в наказание за то, что помогла сыну услышать замечательную игру музы Эвтерпы. Сам Фамира тоже был наказан: боги лишили его способности слышать музыку и играть на кифаре, после чего он ослепил себя. В античной мифологии птицы — непремен¬ные спутники Аполлона.
247 «Муза ушла по дороге...» Впервые —сб. «Альманах муз». Пг., 1916. С. 24; «Белая стая», 1917. С. 20 — 21, с датой—1915; «Бег времени». С. 99. Печ. по кн. «Белая стая». Уточнение даты — по списку Н. Л. Дилакторской.
Можно проследить преемственность ахматовских образов в стихотворении М. Цветаевой «Она подкрадет¬ся неслышно...» (1920):
У Ахматовой У Цветаевой
Я голубку ей дать хотела... Я голуб* Вам принесу...
Но птица сама полетела Но птице в переднике тесно,
За стройной гостьей моей. И птица сама полетит!
248 «Тот август, как желтое пламя...»
Впервые —газ. «Биржевые ведомости». 1915. 20 декабря, утренний выпуск, под загл. «Воспоминания», с другим порядком строф и вариантами строк:
8: Холодным утром пришли, 22: Мои великие дни;
«Аппо Domini MCMXX1». С. 34—35, в разд. «Го¬лос памяти», без обозначения кавычками прямой речи в 6-й строфе, без даты. То же «Аппо Domini», 1923. С. 49-50. Печ. по кн. «Аппо Domini MCMXX1». Уточ¬нение даты —не позже 20 декабря 1915 —по времени первой публикации. В списке Н. Л. Дилакторской да-та-1915.
Обращено к Н. С. Гумилеву. Тот август, как желтое пламя. — В августе 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну. 2 августа 1914 г. Ахматова и Гуми¬лев выехали из Слепнева в Петербург. В начале августа Н. С. Гумилев был зачислен «охотником» (вольноопреде¬ляющимся) в 6-й запасной эскадрон сводного Гвардей-ского кавалерийского полка, расквартированного в Кре¬чевицких казармах под Новгородом (деревня Наволоки). Из тихой Карельской земли... — Корельской землей Ахматова называла окрестности Слепнева, где исконно селились карелы. Воин и дева —П. С. Гумилев и А. А. Ахматова (см. также статью. С. 512) И брат мне сказал...—Брат — Н. С. Гумилев; обращение к нему как к брату характерно для лирики Ахматовой. 15 марта 1925 г. на вопрос П. Н. Лукницкого, какие стихи посвящены Н. С. Гумиле¬ву, Ахматова назвала шесть стихотворений, в том числе это (Лукницкий, 1. С. 61).
250 «Горят твои ладони...» Впервые — «Чет¬ки», 1923. С. 21. Позже Ахматовой в книги не включа¬лось. Печ. по кн. «Четки», 1923. Дата —БП. С. 82 — 83.
Ты, как святой Антоний... — Преподобный Антоний Великий (ум. 356)—подвижник, основатель пустынножи¬тельства и монашества. Поселившийся в пустыне Анто¬ний испытывал тяжкие искушения от дьявола: перед ним являлись чудовища, обнаженные девы, золото и драго¬ценности. Когда он устоял против искушений, бесы напа¬ли на него с намерением убить и нанесли ему тяжкие побои. Только после этого к нему явился Иисус, проверя¬ющий таким образом его мужество. День святого Анто-ния— 17 января по старому стилю, 30 января по новому. Как волосы густые//Безумных Магдалин. —В Евангелии Ма¬рия—грешница из города Магдалы, раскаявшаяся и ставшая верной последовательницей Христа. Иисус исцелил Марию Магдалину от недуга —

«одержимости семью бесами». После воскресения Иисус первой явился именно Марии Магдалине (Евангелие от Марка, 16, 8). Предания рассказывают о дальнейшей проповедниче¬ской деятельности Марии Магдалины в Г алии, после чего она удалилась в пустыню, где предалась посту и молитве. Когда ее одежды истлели, волосы Магдалины стали столь длинными и густыми, что скрывали ее тело.
251 Колыбельная («Далеко в лесу огром¬ном,,.») Впервые – Anno Domini MCMXX1». С. 38,
без посвящения и без даты. Печ. по этому изданию. Посвящение сыну, Льву Гумилеву, – впервые в невышед-шем «Собрании стихотворений» 1924–1926 гт. Там же – дата. Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилак¬торской.
Размер стихотворения подсказан «Казачьей колы¬бельной песней» Лермонтова. Подарили белый крестик...– Н. С. Гумилев был дважды награжден Георгиевскими крестами за храбрость: первым Георгиевским крестом 4-й степени – приказом по Гвардейскому кавалерий¬скому корпусу от 24 декабря 1914 г., был произведен в ефрейторы–13 января 1915 г., затем –в унтер-офице¬ры–15 января 1915 г.; вторым Георгиевским крестом 3-й степени –приказом по Гвардейской кавалерийской девизии от 25 декабря 1915 г. Святой Егорий – Теоргип Победоносец, покровитель Российского воинства.
2D 2 «Будешь мснтъ, не зная лиха...» Впер¬вые – «Одесский листок». 1916. № 97. 10 апреля, под загл. «Стансы» с вариантом в строке 3: «Со своей цари¬цей тихой» и с опечаткой в строке 7: «Ты же знай...»; «Четки», 1923. С. 58. Печ. по кн. «Четки», 1923.
Написано, по-видимому, одновременно со стихо¬творением «Колыбельная» («Далеко в лесу огромном...»), посвященным сыну. В готовящемся в 1924–1926 гг. неосуществленном двухтомнике стихотворения располо¬жены одно за другим (в соответствии с хронологией). В. М. Жирмунский высказал предположение, что «Бу-дешь жить, не зная лиха» – вторая часть «Колыбель¬ной» (БП. С. 459).
253 «Не тайны и не печали...» Впервые –сб. «Тринадцать поэтов». Пг., 1917. С. 5, с вариантом стро¬ки 1: «Не страсти и не печали...»; «Белая стая», 1923. С. 101; «Бег времени». С. 156, с датой–1915. Печ. по кн. «Белая стая», 1923. Дата –по кн. «Бег времени».
254 «Ты мне не обещан ни жизнью, ни Бо¬гом...» Впервые–сб. «Альманах муз». Пг., 1916. С. 21; «Аппо Domini MCMXX1». С. 47, с датой–1915, без кавычек в строках 5 – 6; «Бег времени». С. 231, без разделения на строфы с той же датой. Печ. по кн. «Бег времени».
Возможно, обращено к Б. В. Анрепу.
255 «Словно ангел, возмутивший воду...»
Впервые –газ. «Новые ведомости». 1918. 30 мая (вечер¬ний выпуск); «Подорожник». С. 14 и «Аппо Domini MCMXX1». С. 60, с полной датой и разночтениями в пунктуации; «Бег времени». С. 174, с датой – Царское Село. 1916. Печ. по кн. «Бег времени». Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
Посвящено Б. В. Анрепу. 13 февраля 1916 г. Ах¬матова подарила Анрепу «черное кольцо». Событие про¬изошло в Царском Селе, на квартире Л. А. и Н. В. Не¬доброво, когда Николай Владимирович читал свою тра¬гедию «Юдифь». Эта дата стоит в надписи Ахматовой на подаренной Анрепу перед его отъездом в Англию книге «Вечер».
256 «Я окошка не завесила...» Впервые – газ. «Жизнь». 1918. 4 мая (21 апреля); «Подорожник». С. 31; «Аппо Domini MCMXX1». С. 77, без даты; «Бег времени». С. 185, с датой–1916. Печ. по кн. «Бег време¬ни». Дата –БП. С. 142. В списке Н. Л. Дилакторской дата-1915 (?).
257 Песенка («Бывало, я с утра молчу...»)
Впервые–«Подорожник». С. 46, без загл. В «Аппо Domini MCMXX1» исключено из разд. «Подорожник». Название «Песенка» впервые–«Стихотворения», 1958; «Бег времени». С. 219, дата–1916. Печ. по кн. «Бег вре¬мени». Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
Единственный в поэзии Ахматовой акростих: «Бо¬рис Анреп».
258 «Я знаю, ты моя награда...» Впервые – журн. «Аполлон». 1916. № 4 – 5. С. 40. «Белая стая», 1917. С. 112, с датой–1916; «Из шести книг». С. 202. Печ. по кн. «Белая стая», с восстановлением по этому изданию знака препинания –точки в конце строки 7, которая в сб. «Из шести книг». С. 202 и других изда¬ниях заменялась запятой. Дата –по списку Н. Л. Дилак¬торской.
Обращено к Б. В. Анрепу (см. Лукницкий, 2. С. 42).
259 «Первый луч–благословенье Бога...»
Впервые – журн. «Аполлон». 1917. № 1. С. 54; «Белая стая», 1917. С. 119, с датой–1916. То же–«Бег време¬ни». С. 161. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата в списке Н. Л. Дилакторской–14 мая 1916. Слепнево (в БО 1. С. 117, по экземпляру кн. «Белая стая», подаренной
В. В. Срезневскому – 19 мая).

260 «Эта встреча никем не воспета...»
Впервые –журн. «Аргус». 1917. № 3. С. 71, с вариантом строки 2: «И без песен тоска улеглась»; «Подорожник».
С. 32, с датой–1916. Слепнево; «Бег времени». С. 186, с датой–1916. Печ. по кн. «Подорожник». Дата –в БО. 1. С. 136. Дата в списке Н. Л. Дилакторской –лето 1916. Посвящено Б. В. Анрепу (см. Лукницкий, 2. С. 43).
261 Майский снег. Впервые – журн. «Русская мысль». 1917. № 1. С. 136, без эпиграфа; «Белая стая», 1917. С. 63, с датой –1916; то же –«Бег времени». С. 130. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата – по списку Н. Л. Дилакторской.
Эпиграф из псалма 6 царя Давида (Псалтирь): «Утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими я омочаю постель мою» (ст. 7).
Посвящено Б. В. Анрепу (см. Лукницкий, 2. С. 42).
262 «Бессмертник сух и розов. Облака...»
Впервые –сб. «Тринадцать поэтов». Пг., 1917. С. 6; «Бе¬лая стая» 1917. С. 60, с датой–1916. Начиная с кн. «Стихотворения», 1958, строка 8 печаталась в изменен¬ной редакции: «Со мной сегодня птицы говорят»; «Бег времени». С. 128 –так же, дата–1916. Печ. по кн. «Белая стая». Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилак¬торской.
263 «Они летят, они еще в дороге..j Впер¬вые–журн. «Аполлон». 1917. № 1. С. 53, без посвяще¬ния; «Белая стая», 1917. С. 23, с посвящением М. Лозин¬скому и датой–1916; то же–«Бег времени». С. 101. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
Сб. «Белая стая» был подарен Лозинскому с над¬писью: «Михаилу Леонидовичу Лозинскому Белая стая от его друга Ахматовой. Малый дар за великий труд. 15 сентября 1917. Петербург» (БО 1. С. 375). О М. Л. Лозинском и его роли в подготовке книги – см. статью. С. 597-599.
264 Петя о песне. Впервые – «Белая стая», 1917. С. 12– 13, с датой– 1916. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
265 «Небо мелкий дождик сеет...» Впер¬вые–«Белая стая», 1917. С. 110–111, с вариантом стро¬ки 9: «Вот на крайнюю из башен», с датой–1916. Печ. по кн. «Белая стая», 1923. С. 98, где дата –1916. Весна. Слепнево. Уточнение даты –по списку Н. Л. Ди¬лакторской.
Обращено к Б. В. Анрепу, который должен был приехать из Англии в мае 1916 г. Духов день –см. ком¬мент. к стихотворению «Молитва»; в 1916 г. приходился на 30 мая.
266 «Как люблю, как любила глядеть я..л
Впервые – альм. «Шиповник». М., 1922. № 1. С. 12, с вариантами строк 11 – 12: «Мы – как грешник, видящий райский//Перед смертью случайный сон.., вариантом пунктуации в строке 5: «И воистину ты, столица–»; «Зритель». Одесса. 1922. № 1, с вариантом строки 2: «На пустынные берега...»; «Бег времени». С. 113, в разд. «Из книги «Белая стая». Дата–1916. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты –по содержанию стихотворе¬ния: «И проносится ветер майский...»
267 «Как белый камень в глубине колод¬ца...» Впервые – газ. «Русская мысль». 1917. № 1. С. 136; «Белая стая», 1917. С. 118, с датой–1916; «Избранное», 1943. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата–Слепнево. 1916. Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
В кн. «Белая стая», 1922 и 1923, сб. «Из шести книг», «Стихотворения», 1961 и «Бег времени» –иная пунктуация строк 10–11. Из-за того что точка поставле¬на в конце строки 10, меняется смысл строфы. См. «Бег времени». С. 160:
Я ведаю, что боги превращали Людей в предметы, не убив сознанья. Чтоб вечно жили дивные печали, Ты превращен в мое воспоминанье.
Возвращение первоначальной пунктуации соответ¬ствует воле автора (см. Чуковская, 1. С. 107.
Посвящено Б. В. Анрепу (см. Лукницкий, 2. С. 42).
268 «А! это снова ты. Не отроком влюб¬ленным...» Впервые – газ. «Русское слово». 1917. 1 (14) апреля. С. 3; «Белая стая», 1917. С. 19, с да¬той–1916; «Белая стая», 1923. С. 18, с датой–1916. Слепнево. Лето. «Бег времени». С. 98. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты–по списку Н. Л. Дилак¬торской.
Отражает сложности взаимоотношений с Н. С. Гу¬милевым в 1916 г. В 1950-е годы Ахматова вернулась к этой теме, – в отделе рукописей РНБ сохранился набро¬сок другого варианта:
А, это снова ты... Ни мужем непреклонным,
Ни дерзким мальчиком, беспомощно влюбленным
.....сорок лет назад
Походкой легкою входил в осенний сад,– Ты тень от тени той, ты дуновенье ночи...
(.....)
269 Памяти 19 июля 1914. Впервые–«Во имя свободы» (однодневная газ. деятелей искусства). Пг., 1917. 25 мая; «Белая стая», 1917. С. 90, с датой–1916; «Бег

времени». С. 146. Печ. по кн. «Белая стая». Уточне¬ние даты —по списку Н. Л. Дилакторской.
В 1914 г. 19 июля (1 августа) Германия объявила войну России.
270 «Когда в мрачнейшей из столиц...»
Впервые—«Белая стая», 1918. С. 52 — 53, с датой—1916; «Белая стая», 1923. С. 48 — 49, с датой—1916. Август. Песочная бухта; «Бег времени». С. 122—123. Печ. по кн. «Белая стая», 1918.
Обращено к Б. В. Анрепу. Я только крест с собой взяла... — Анреп рассказывал в воспоминаниях «О черном кольце»: «...я подарил А. А. деревянный престольный крест, который я подобрал в полуразрушенной забро¬шенной церкви в Карпатских горах Галиции. Вместе с крестом я написал ей четверостишие:
Я позабыл слова и не сказал заклятья, По деве немощной, я, глупый, руки стлал, Чтоб уберечь ее от чар и мук распятья, Которое ей сам, в знак дружбы, дал». (Соч., 3. С. 442).
Анреп считал, что при публикации его четверо¬стишья в альм. «Воздушные пути» (Нью-Йорк, 1963) Ахматова отредактировала его, заменив, в частности, слова «в знак дружбы» на «в знак нашей встречи», что внесло в изображение их отношений «личную, интим¬ную, мучительную ноту» (там же). Песочная бухта — дачное место в Крыму близ Севастополя, где на даче Шмидта Ахматова жила с родными в июле —августе 1916 г.
271 «Буду черные грядки холить...» Впер¬вые—«Аппо Domini MCMXX1». С. 45 — 46, без даты. Печ. по кн. «Аппо Domini MCMXX1». Дата —по списку Н. Л. Дилакторской, где место написания не указано.
А мои — для святой Софии. — Имеется в виду Со¬фийский собор в Киеве. Представляет интерес в этой связи запись Ахматовой в РТ 114: «Беседы с Х. о судь¬бе России. (...) Нерушимая стена Св(ятой) Софии и Мих(айловский) монастырь —ad pericilum maris, т. е. оплот борьбы с Диаволом...» См. также стихотворе¬ние «И в Киевском храме Премудрости Бога...»
272 «Почернел, искривился бревенчатый мост...» Впервые — альм. «Мысль». Вып. 1. Пг., 1918. С. 90. Варианты строк:
13: На большой сосне; 16: Ты сойдешь с горы; 19: Через луг бегом;
«Аппо Domini MCMXX1». С. 32 — 33, без даты, вариант строки 19: «По полю бегом». Окончательный текст —«Бег времени». С. 244, с датой— 1917. В невышедшем «Собра¬нии стихотворений» 1924—1926 гг. дата—1918. Печ. по кн. «Бег времени». Дата —по списку Н. Л. Дилак¬торской.
273 «Все отнято: и сила, и любовь.. j Впер¬вые—сб. «Тринадцать поэтов». Пг., 1917. С. 5; «Белая стая», 1917. С. 27, с датой —1916; «Белая стая», 1923. С. 25, с датой—1916. Севастополь. Осень; «Бег време¬ни». С. 104. Печ. по кн. «Белая стая». Уточнение даты — по списку Н. Л. Дилакторской.
В немилый город брошенное тело... — Ахматова жила в Севастополе осенью и в начале зимы 1916 г. в связи с обострением туберкулезного процесса и астмы —с сен-тября 1916 г. на Екатерининской улице (Лукниц¬кий, 1. С. 102), затем в «наемной комнате на Боль¬шой Морской до 19декабря одна» (рассказ Ахматовой М. И. Будыко —см. в кн.: «Об Анне Ахматовой»).
274 Царскосельская статуя. Впервые — журн. «Аполлон». 1917. № 1. С. 53, без посвящения; «Белая стая», 1917. С. 54 — 55, без посвящения, с датой — 1916. Посвящение впервые — «Белая стая», 1923. С. 50; то же —в сб. «Из шести книг». С. 158; «Стихотворения», 1958. С. 29; «Бег времени». С. 124. Печ. по кн. «Белая стая», 1923. Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилак¬торской.
Н. В. Недоброво встречался с Ахматовой в октябре 1916 г. в Бахчисарае, куда приезжал из Ялты, где лечился от туберкулеза. См. стихотворение «Вновь пода¬рен мне дремотой...», также посвященное этой встрече. И ослепительно стройна... — Речь идет о знаменитой цар¬скосельской статуе «Дева с кувшином», воспетой Пушки¬ным, — «Пъеретта, или Молочница» П. П. Соколова. Восторг твоей хвалы влюбленной... — По-видимому, хвалы Н. В. Недоброво.
275 «Вновь подарен мне дремотой...» Впер¬вые — журн. «Аполлон». 1917. № 1. С. 54; «Белая стая», 1917. С. 56 — 57, с датой—1916, последняя строка оканчивается восклицательным знаком; «Белая стая», 1923. С. 51, с датой—1916. Севастополь. Осень; «Бег времени». С. 126— 127, с датой—Севастополь. 1916. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилакторской.
Написано одновременно с предыдущим стихотво¬рением в октябре 1916 г., после посещения Бахчисарая вместе с Н. В. Недоброво. И орла Екатерины//Вдруг узна¬ли...—Имеется в виду бронзовое изображение орла на воротах ограды Екатерининского парка в Царском Селе. И оттуда в царство тени... — Ахматова позже испытывала угрызения совести, считая, что в этих строках предрекла скорую смерть друга, Н. В. Недоброво, который умер от туберкулеза 3 декабря 1919 г.
276 «Все обещало мне его...» Впервые —газ. «Русское слово». 1917. 1 апреля; «Белая стая», 1917. С. 44; «Бег времени». С. 118, с датой—1916. Печ. по кн.

«Белая стая», 1917. Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
В автографе РГАЛИ имелось посвящение Б. В. Ан¬репу, впоследствии зачеркнутое (см. Лукницкий, 2. С. 41).
277 «Приду туда, и отлетит томле¬нье...» Впервые –газ. «Русское слово». 1917. 1 апреля, с вариантом строки 1: «Приду сюда, и отлетит томле¬нье»; «Белая стая», 1917. С. 89, с датой–1916. Начиная со сб. «Стихотворения», 1958, строка 4 была изменена на: «Хранилища бессмертного труда». То же–«Бег вре¬мени». С. 145, с датой–1916. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
Капелька новогородской крови. – Имеется в виду проис¬хождение матери Ахматовой, И. Э. Горенко, урожденной Стоговой, из старинного рода новгородских бояр.
278 «Ни в лодке, ни в телеге...» Впервые – «Белая стая», 1917. С. 78 – 79, с датой – 1916; «Бег време¬ни». С. 138, без разбивки на строфы. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты –БО 1. С. 101 (в списке Н. Л. Дилакторской – только год–1916).
279 «Судьба ли так моя переменилась...»
Впервые–газ. «Русское слово». 1917. 1 апреля, с вариан¬том строки 10: «Степь ядовито-зелена»; «Белая стая», 1917. С. 116–117, с посвящением и датой–1916; «Белая стая», 1923. С. 103, с датой–1916. Севастополь. Де¬кабрь; «Бег времени». С. 159. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
Посвящено Юнии Павловне фон Анреп, урожд. Хит¬рово (18827–1973), первой жене Б. В. Анрепа, которую Ахматова посетила в 1916 г. на ее даче в Бельбеке под Севастополем.
Анреп женился на Юнии Хитрово, девушке из аристократической семьи, в 1908 г. в Ницце. Брак был заключен по требованию семей жениха и невесты, так как она была «скомпрометирована» Борисом Анрепом. Молодая жена была благосклонно принята в английских и французских салонах – Вирджинии Вульф, Оттолин Моррел. В 1911 г. у Анреп а начался роман с певицей Элен Мейтленд (1885 –1965). Она жила в семье Анрепов в их парижском доме; в 1914 г. у Анрепа и Элен родился сын. Юния Анреп вернулась в Россию (1914 г., накануне Первой мировой войны). Второй брак Анрепа с Элен Мейтленд продолжался до 1925 г., не прерываясь из-за многочисленных увлечений мужа. Одним из таких увле¬чений, по-видимому, было для него знакомство с Анной Ахматовой в 1915–1917 гг. Параллельно он увлекался многими другими молодыми женщинами; одна из них – сестра жены его брата Глеба Мария Волкова, стала его спутницей во время отъезда в Англию из России в апреле 1917 г. Их роман начался на корабле, и когда они приехали в Лондон, Анреп предложил Марии поселить¬ся в его семейном доме. Как и Юния, Элен Анреп не¬сколько лет мирилась с необходимостью жизни втроем.
В изображении знавших Анрепа в эти годы англи¬чан и французов это был великан с неукротимой жизнен¬ной силой, чувственный и темпераментный, склонный при этом к теоретизированию и философии, относящийся к опасностям войны как к развлечению. «Ужасы войны его только развлекают...» –как писал об Анрепе О. Хакс¬ли в письме к О. Морелл (Казнина О. А. Русские в Англии. С. 231).
280 «О, есть неповторимые слова...» Впер¬вые–«Белая стая», 1922. С. 118, с датой–1916. Зима. Севастополь; «Из шести книг». С. 216. Печ. по кн. «Бе¬лая стая», 1922. Уточнение даты –по списку Н. Л. Ди¬лакторской.
281 «По неделе ни слова ни с кем не ска¬жу...» Впервые – «Свободный журнал». Пг. 1917.
№ 6 (декабрь), без даты, с указанием места написа¬ния–Севастополь; «Из шести книг». С. 90 – 91, с вариан¬том в строке 3: «...брызги соленой волны»; «Бег времени». С. 178–179, с датой –Севастополь. 1916. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты –по времени пребывания Ахматовой в Севастополе и Бельбеке.
В автографе РГАЛИ зачеркнуто посвящение Б. А. (Б. В. Анрепу); место написания «Севастополь» исправ¬лено на «Бельбек» (дача Юнии Анреп под Севастополем, где Ахматова была в декабре 1916 г.). В черновом авто¬графе РГАЛИ варианты строк: 1–4: По неделе я слова ни с кем не скажу, Я на каине у моря сижу. И мне любо, что эта большая волна, Словно слезы мои, солона. 6: Мне запомнилась очень весна. 7: Стали коротки ночи, подтаивал снег, 13: Как о милой своей веселюсь и грущу? Вместо 15–18:
А другая бы, верно, хитрее была,
Не беда в темноте пошутить.
Но тогда я на душу греха не взяла,
Чтобы после о том не грустить.
Только люб ему был немудреный ответ.
Оттого, что, как лес миновал,
Вышли мы на поляну, ... на свет,
Он такие промолвил слова:

«Ты кольцо мое, милая, тайно храни,
Когда кончатся светлые дни,
Я опять к тебе, тихая, в гости приду,
По кольцу тебя только найду...»
Размер стихотворения близок лермонтовским ана¬пестам, см. стихотворение «Русалка»: «И старалась она доплеснуть до луны//Серебристую пену волны». Тема перстня, подаренного девушке, позволяет предположить, что это стихотворение может быть связано не с Анрепом, а с Н. С. Гумилевым, в юности подарившим своей невесте кольцо с рубином. Тогда более закономерными становят¬ся обращение «милая сестра», ее отказ «Нет!» и сразу после этого отданные «чужому» руки, а также реалии Херсонеса и Стрелецкой бухты, напоминающие поэму «У самого моря», одним из героев которой является «мальчик» – Гумилев.
282 «Город сгинул, последнего дома...»
Впервые – «Белая стая», 1922. С. 116 – 117, датой – 1916. Слепнево; «Бег времени». С. 164–165. Печ. по кн. «Белая стая», 1922.
Тема хромого (одноногого) странника, предсказы¬вающего судьбу, начата в творчестве Ахматовой стихо¬творением «Пахнет гарью. Четыре недели...» –ср. строку 4 и последующие настоящего стихотворения.
283 «Ждала его напрасно много лет...»
Впервые – «Подорожник». С. 42 – 43, с датой–1916 и вариантами пунктуации в строках 1 и 2 (оканчивались запятыми); то же «Аппо Domini MCMXX1». С. 88 – 89 и «Аппо Domini», 1923. С. 94. Окончательный текст – «Из шести книг». С. 108. Печ. по сб. «Из шести книг».
В рукописном плане кн. «Подорожник» (РНБ) вхо¬дит в список стихотворений, посвященных Б. В. Анрепу, с датой: «1918?» Тому три года в Вербную Субботу.– 30 марта 1925 г. Ахматова рассказывала П. Н. Лукниц-кому о встрече в Вербную Субботу 1915 г. с Б. В. Анре-пом на квартире их общего друга Н. В. Недоброво (Лукницкий, 1. С. 81). Тот же адресат назван и в кн.: Л у к ни цки й, 2. С. 43. Однако дата –1916 –и указание на время события в строке «Тому три года в Вербную Субботу» противоречат этому: в 1913 г. Ахматова и Ан¬реп знакомы не были. М. М. Кралин (БО 1. С. 391) высказал предположение о перепосвящении Анрепу сти¬хотворения, ранее обращенного к другому адресату,– Н. В. Недоброво. Вербная Суббота в 1913 г. приходилась на 6 апреля, в 1915-м –на 15 марта. Поэтому строка 9: «Слегка хрустел апрельский тонкий лед»–может слу¬жить подтверждением датировки стихотворения 1916 г., а времени события – 1913-м. Если же учесть настойчивые указания Ахматовой, что именно в Вербную Субботу произошла ее встреча с Анрепом, то следует либо объя¬вить строку «Тому три года» стремлением автора скрыть реальную дату события, как бы отодвинув в более дале¬кое прошлое «романический эпизод», либо счесть невер¬ной дату 1916, а верной –1918. Замена даты с 1918 на 1916 при публикации 1921 г. могла быть произведена Ахматовой по неизвестным нам личным мотивам (пред¬положительно–ревность В. К. Шилейко).
284 «В каждых сутках есть такой...»
Впервые–«Подорожник». С. 24, с датой –1917; вариант строки 2: «Смутный и тяжелый час». В кн. «Бег време¬ни». С. 180 – «тревожный час», дата–1917. Печ. по кн. «Бег времени». Дата–1916. Царское Село –по автогра¬фу РГАЛИ.
Обращено к Б. В. Анрепу (см. Лукницкий, 2. С. 43).
285 Отрывок («О Боже, за себя я все могу простить...») Впервые –журн. «Юность». 1969. № 6. С. 66, публикация В. М. Жирмунского; БП. С. 283, по автографу РГАЛИ. Загл. в автографе РГАЛИ. Печ. по БП.
В РТ ПО имеются еще три автографа этого стихо¬творения: л. 230 –под загл. «Из забытых стихов», с отто¬чием в строке 1: «...О, Боже!..», дата–1916; л. 106 об.– без загл., без отточия; строка 1: «О Боже! –за себя я все могу простить», дата –20-е годы; вариант строки 3: «Или змеей [ягненка] уснувших жалить в поле»; л. 67 об.– включен в текст драмы «Пролог, или Сон во сне».
У П. Н. Лукницкого есть запись от 2 июня 1927 г. о стихотворении, начинающемся строкой «Нет, не был никогда безвинен мир и тих...» и состоящем из 16 строк, в которое вошли строки:
...Но лучше коршуном ягненка мне когтить Или змеей уснувших жалить в поле, Чем человеком быть и видеть поневоле...
По словам Ахматовой, она написала это стихотворение 16 мая 1927 г. (Лукницкий, 2. С. 263).
286 «В последний год, когда столица на¬ша.*» Впервые –журн. «Наше наследие». 1988. № 6. С. 62, публикация В. К. Лукницкой. Печ. по БО. С. 32.
По-видимому, отрывок связан с «Эпическими от¬рывками» или «Эпическими набросками», над которыми Ахматова работала с 1913 по 1917 г. («В то время я гостила на земле...», «Покинув рощи родины священ¬ной...», «Смеркается, и в небе темно-синем...», «В городе райского ключаря...») В последний год, когда столица на-ша...– Имеется в виду начало 1914 г. (полгода до начала Первой мировой

войны). Первоначальное носила имя.– Санкт-Петербург был переименован в Петроград в связи с антинемецкими настроениями, возникшими в русском обществе в начале Первой мировой войны. Та, что в дома всегда без спроса входит.– Смерть. Иль тот, кто за море от нас уехал. – Возможно, речь идет о Б. В. Анрепе.
287 «В городе райского клюмаря...» Впер¬вые– Лук ниц к а я В. К. «Из двух тысяч встреч». М., 1987. С. 58. Автограф был подарен П. Н. Лукницкому 27 марта 1925 г. По автографу Лукницкого (см. Лук¬ницкий, 1. С. 77 – 78, с ошибкой в строке 10: «Жаркое сердце земных отрад») опубликовано в БО 2. С. 32. По другому автографу с датой–1916? –БП. С. 323 (РТ 96): строки 1–2 –в качестве эпиграфа, далее текст из шести строк, от «И в черном саду между древних лип...». Загл. «Из прапоэмы (1916?)». В рабочих тетрадях есть еще несколько записей этого отрывка:
РТ 96: Вольно я выбрала дивный град, Жаркое солнце земных отрад, Но все мне казалось, что в раю Я песню последнюю пою.
В РТ 114 –строфа «Вольно я выбрала дивный град...» записана в контексте рассуждения об образе
«храм Ерусалимский» у Гумилева и у Блейка: «См. Блейк. Стр. 29. Сравнить «Память» Гумилева.
Блейк Гум шив («Память»)
Мы возведем Ерусалим Стены нового Ерусалима
В зеленой Англии родной На полях моей родной страны
Вольно я выбрала дивный Град Жаркое сердце земных отрад...
И все мне казалось, что в Раю
Я песню последнюю пою.
Из большой предвоенной поэмы.
Я матерью стала ребенку, Женою тому, кто пел, Но грозно и мрачно вдогонку Мне ветер незримый гудел.
(Что-то такое есть у Блейка, но я в 1917 Блейка не знала, и близость замысла–случайна).
«Книга Тель» явно та же тема (Блейк)».
В списке Н. Л. Дилакторской под названием «Эпи¬ческие наброски («В городе...») значится среди произ¬ведений, написанных в 1916 г. По-видимому, как и пре¬дыдущее стихотворение («В последний год, когда столица наша...»), писалось как часть большого эпиче¬ского произведения – «Предвоенной поэмы» или «Петер¬бургской поэмы», т. е. поэмы о Петербурге до Первой мировой войны.
По сведениям архива Лукницких, Ахматова расска¬зывала о той высокой оценке, которую дал замыслу «Петер¬бургской поэмы» Н. С. Гумилев. Он «очень хотел, чтобы АА дописала до конца эту поэму, часто повторял ей это» (Лукницкая В. К. Из двух тысяч встреч. С. 59).
В «Списке утраченных произведений» (РНБ) на¬звано «Начало Петербургской поэмы»).
Печ. по кн.: Лукницкий, 1. С. 77 – 78, с исправ¬лениями и корректировкой текста по автографам РГАЛИ.
В городе райского ключаря... – т. е. в Петербурге. Рай¬ский ключарь – апостол Петр, открывающий двери рая. Дивный Град – Петербург. И в темном саду между старых лип II Мачт корабельных слышится скрип. –В стихотворении «Летний сад» (1959) Ахматова использовала эти строки в несколько измененном виде:
В душистой тиши между царственных лип Мне мачт корабельных мерещится скрип.
288 «Высокомеръем дух твой помрачен...»
Впервые – «Белая стая», 1917. С. 88, с датой–1 января 1917. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение места написания –по списку Н. Л. Дилакторской.
Обращено к Б. В. Анрепу, рассказавашему об об¬стоятельствах возникновения этого стихотворения в ме¬муарах «О черном кольце»: «Январь 1917 года я провел в Петрограде и уехал в Лондон с первым поездом после революции Керенского. В ответ на то, что я говорил, что не знаю, когда вернусь в Россию, что я люблю покойную английскую цивилизацию разума (так я думал тогда), а не религиозный политический бред, А. А. написала (далее приводится текст этого стихотворения.–i/. К.)» – «Воспоминания». С. 85 – 86.
289 «Там тень моя осталась и тоску¬ет...» Впервые – «Белая стая», 1917. С. 108, с да-той–1917 и вариантом строки 2: «В той светло-синей комнате живет»; «Из шести книг». С. 199. Печ. по сб. «Из шести книг». Уточнение даты –по списку Н. Л. Ди-лакторской.
Написанное вскоре после отъезда Н. С. Гумилева в армию, стихотворение, по-видимому, является воспоми¬нанием об их доме в Царском Селе, где у Анны Андреев-ны комната была «ярко-синяя (шелковые обивки, сукно на полу)». Шкура выдры лежала у кушетки «на лапах», на комоде – «безделушки, фарфор (то, что Н. С. приво-зил с собой из путешествий)», столик – «за этим столиком было много стихов написано» (Лукницкий, 1. С. 167 –
168). Весной 1916 г. дом А. И. Гумилевой в Царском Селе был продан, и она с внуком зимовала в Слепневе. Ахматова после возвращения из Слепнева жила в

Петер-бурге у Срезневских – «С Царским у нас все было кон¬чено весной 16 года» (там же. С. 103).
290 «Да, я любила их, те сборища ноч¬ные...» Впервые–«Белая стая», 1917. С. 113, с датой – 1917. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение да¬ты–по списку Н. Л. Дилакторской.
Стихотворение является воспоминанием о посеще¬нии ночных «сборищ» в «Бродячей собаке»; в 4-м изда¬нии «Белой стаи» (Берлин, 1923) появилось посвящение А. Л. – Артуру Сергеевичу Лурье. В списке Н. Л. Дилак¬торской и в машинописной неосуществленной книге (РГАЛИ) Ахматова объединила это стихотворение с дву¬мя другими: «Не оттого ль, уйдч от легкости проклятой...» (из «Белой стаи») и «Соблазн?!, не было. Соблазн в тиши живет...» (из «Аппо Domini MCMXX1») в цикл «Три стихотворения» или «Триптих», посвященный А. Л.– Артуру (Винценту) Сергеевичу Лурье (наст, имя и отчет-ство Наум Израилевич, 1891 – 1966), композитору-модер¬нисту. Ирина Александровна Грэм, либреттистка, друг Лурье, рассказывала с его слов об их первом знакомстве с Ахматовой: «Артур Сергеевич познакомился с Ахмато¬вой на каком-то литературном собрании (см. об этом также коммент. к стихотворению «Со дня Купальницы-Аграфены...»). Они сидели рядом, за столом, покрытым зеленым сукном,–так в те времена полагалось. По сло¬вам А. С, Ахматова была «важная молодая дама». Оки¬нув своего соседа высокомерным взглядом, она спросила: «А сколько вам лет?» –«21», –так же важно ответствовал Артур Сергеевич. После заседания все поехали в «Бродя¬чую собаку». А. С. снова очутился за одним столом с Ахматовой. Они начали разговаривать, и разговор продолжался всю ночь; несколько раз подходил Гумилев и напоминал: «Анна, пора домой», но Ахматова не обращала на это внимания и продолжала разговор. Гумилев уехал один...» («Артур и Анна». С. 22).
В этом рассказе И. Грэм много неточностей (она вспоминала о А. Лурье в 1972 г.), но общее ощущение и смысл событий переданы ею вполне достоверно. «Под утро А. А. и А. С. поехали из «Бродячей собаки» на острова. «Было так, как у Блока, – говорил А. С – «И хруст песка, и храп коня» .... В сумочке у Ах¬матовой лежала корректура „Четок")». Корректура этой книги могла быть у Ахматовой в феврале 1914 г. или в конце 1916 г., когда готовилось четвертое издание, до отъезда в Слепнево 24 декабря 1916 г. «Эта ночь определила всю дальнейшую жизнь А. С. Он был женат на молоденькой пианистке, Ядвиге Цыбульской; по его словам, Анна Андреевна разорила его гнездо, как кор¬шун, и все разрушила в его молодой семейной жизни» (там же. С. 23).
291 «Не оттого ль, уйдя от легкости про¬клятой...» Впервые – «Белая стая», 1917. С. 120, с да¬той– 1917; «Из шести книг». С. 211. В автографе РГАЛИ вариант предпоследней строки: «Где у креста, склонясь...» В списке Н. Л. Дилакторской и машинописной книге стихов (РГАЛИ) включено под № 3 в цикл «Три стихо-творения», посвященный А. С. Лурье. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты–по списку Н. Л. Дилак¬торской.
292 «Соблазна не было. Соблазн в тиши живет*.» Впервые – «Аппо Domini MCMXX1». С. 44; «Из шести книг». С. 73, с датой–1916. Печ. по кн. «Аппо Domini MCMXX1». Дата –по списку Н. Л. Ди¬лакторской.
Под № 2 входило в цикл «Три стихотворения», написанный 5–12 января и посвященный А. С. Лурье. Возможно, существует перекличка со стихотворением 3. Гиппиус «Соблазн» (1900), где дважды повторяется строка утверждения: «Но есть соблазн», –в начальной строке и в финале:
О, мука! О, любовь! О, искушенья! Я головы пред вами не склонил. Но есть соблазн, – соблазн уединенья, Его никто еще не победил.
(Гиппиус 3. Н. Опыт свободы. С. 33).
В стихотворении Гиппиус речь идет также о тишине кельи, однако у нее Сатана уговаривает человека остаться в келье и не возвращаться в мир любви и ненависти.
293 «Тот голос, с тишиной великой спо¬ря...» Впервые – «Белая стая», 1917. С. 69, с датой – 1917; «Белая стая», 1923. С. 62 и в сб. «Бег времени». С. 133, с датой–1914, по-видимому, поставленной по цензурным соображениям. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
Последняя зима перед войной... –Имеется в виду зима 1913/14 г., которую Ахматова считала концом XIX и на¬ступлением «настоящего, не календарного XX века». Белее сводов Смольного собора. – Смольный собор в Петер¬бурге–центр архитектурного ансамбля Смольного мо¬настыря. Его строительство начато в 1748–1764 гг. по проекту архитектора В. В. Растрелли в стиле барокко, достройка собора и внутренняя отделка помещений вы¬полнены в 1832–1835 гг. по проекту архитектора В. П. Стасова. Голубые стены собора богато декорирова¬ны белокаменной лепкой.
294 «Двадцать первое. Ночь. Понедель¬ник...» Впервые – «Белая стая», 1917. С. 109, с датой – 1917; «Бег времени». С. 154. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Дата –БО 1. С. 113. Дата по списку Н. Л. Дилак¬торской – начало года.
2\rJ «Как площади эти обширны...» Впер¬вые – «Свободный журнал». 1918. № 1. С.

8; «Белая стая»,
1918. С. 48, с датой—1917; «Бег времени». С. 121. Печ. по кн. «Беая стая», 1918. Дата —по списку Н. Л. Дилак¬торской.
Вероятно, речь идет о прощании с Б. В. Анрепом перед его отъездом из России в Англию в марте 1917 г.
296 «По твердому гребню сугроба.*}) Впер¬вые—газ. «Петроградское эхо». 1918. 19 января (1 фев¬раля), вечерний выпуск, с вариантами строк:
2: В мой белый таинственный дом; 4: В сиянии снежном идем;
«Подорожник». С. 38, с вариантом строки 2: «В мой белый таинственный дом» и с датой—1917, из двух строф; «Бег времени». С. 190, с датой —январь 1917. Печ. по кн. «Бег времени». Дата —по списку Н. Л. Дилакторской. Адресовано Б. В. Анрепу.
297 «Мы не умеем прощаться.. j Впервые — «Белая стая», 1917. С. 70, с датой—1917; «Бег време¬ни». С. 134. Печ. по кн. «Белая стая», 1917. Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилакторской.
Обращено к Б. В. Анрепу, в марте 1917 г. покидав¬шему Россию.
298 «Еще весна таинственная млела...»
Впервые —сб. «Тринадцать поэтов». Пг., 1917. С. 6, с ва¬риантом строки 8: «Как низко стало солнце над горой»; «Белая стая», 1917. С. 39, с вариантом строки 8: «Как солнце низко стало над горой» и датой—1917; оконча¬тельный текст—«Белая стая», 1922. С. 115 и «Бег време¬ни». С. 163, с датой —весна 1917. Печ. по кн. «Белая стая», 1922. Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилак¬торской.
Возможно, обращено к Б. В. Анрепу и посвящено двухлетней годовщине знакомства с ним Ахматовой.
299 «Теперь прощай, столица...» Впервые — «Подорожник». С. 40 — 41, с датой—1917; то же «Аппо
Domini MCMXX1». С. 86 — 87. Печ. по кн. «Подорож¬ник». Уточнение даты —по содержанию стихотворения, написанного до отъезда в Слепено (июнь 1917).
Корельская земля — см. коммент. к стихотворению «Тот август, как желтое пламя...» По воспоминаниям М. И. Будыко, Ахматова не любила это стихотворение и в беседе с ним называла его «плохое, «светское» стихо¬творение». («Об Анне Ахматовой». С. 480).
301 «И в тайную дружбу с высоким...»
Впервые —газ. «Воля народа». 1918. 5 мая; «Подорож¬ник». С. 13, с датой—1917. Петербург; «Бег времени». С. 173, с датой—1917. В невышедшем «Собрании стихо-творений» 1924— 1926 гг. дата—июль 1917, Пг. В списке Н. Л. Дилакторской — июнь 1917 (вагон). Печ. по кн. «Подорожник». Уточнение даты—по списку Н. Л. Дилак¬торской.
В экземпляре сб. «Стихотворения», 1958, подарен¬ном В. С. Срезневской, проставлено посвящение: Г. Г. Ф., т. е. Григорию Герасимовичу Фейгину (1885—1917) —пе¬реводчику и актеру, участнику Студии В. Э. Мейерхоль¬да, секретарю в 1915—1916 гг. редакции журнала «Лю¬бовь к трем апельсинам», издаваемого Мейерхольдом. В плане неосуществленных воспоминаний художника А. В. Рыкова несколько раз упоминается Фейгин; говорит¬ся и о его отъезде на фронт летом 1917 г. Сестра худож-ника—Н. В. Рыкова —была близкой подругой Ахматовой и работала корректором в том же журнале. Возможно, через Рыковых Ахматова и познакомилась с Фейгиным. (См. о нем в статье И. Г. Кравцовой «Об одном адресате Анны Ахматовой». Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 257 — 262.)
Ахматова рассказывала о Г. Г. Фей-гине («Грише») и о стихах в «Подорожнике», ему посвя¬щенных, П. Н. Лукницкому в марте 1924 г., показывала его фотографию (Лукницкий, 1. С. 77, 82).
5UZ «я слышу иволги всегда печальный го¬лос.»» Впервые —«Подорожник». С. 29, с датой —1917.
Лето; «Бег времени». С. 183, с датой—1917. Печ. по кн. «Подорожник». Дата—по списку Н. Л. Дилакторской.
В черновом автографе РГАЛИ дата —27 июля 1917. Слепнево. Там же зачеркнутые варианты строки 11: [«Приди взглянуть на тайный рай, где вместе»], [«На ту страну, где радостью хранимы...»]. В кн. Лукницкий, 2. С. 43 — помета, что стихотворение посвящено Бэби (так же, как стихотворение «Пленник чужой!..») по-видимо¬му, М. М. Циммерману. См. о нем коммент. к стихотво¬рению «Утешение», «Если плещется лунная жуть...», «Пленник чужой! Мне чужого не надо...».
303 «О нет, я не тебя любила*.» Впер¬вые—газ. «Воля народа». 1918. 12 апреля; «Подорож¬ник». С. 27 — 28, с датой—1917. Лето; «Избранное», 1943. С. 97. Печ. по кн. «Подорожник». Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилакторской.
В автографе РГАЛИ — посвящение Г. Г. Ф. — Г. Г. Фейгину, погибшему летом 1917 г. См. о нем коммент. к стихотворению «И в тайную дружбу с высо¬ким...». Рассказы о Григории Герасимовиче Фейгине, Грише—см. Лукницкий, 2. С. 43, 208.
305/307 Сказка о черном кольце (1 — 3).
Впервые в отрывках — часть первая (первые 12 строк) и часть вторая— «Аппо

Domini», 1923. С. 27–28, под загл. «Два отрывка из сказки «О черном кольце»; оконча¬ние первой части –БП, разд. «Другие редакции и вари¬анты». С. 400 – 401; впервые с третьей частью, написан¬ной в конце 1930-х годов, –журн. «Литературный современник». 1940. № 5 – 6. С. 48 (без строк 13 – 26 первой части) и «Из шести книг». С. 220 – 222, под загл. «Сказка о черном кольце». Отрывок, который, возможно, в июле 1917 г. должен был составлять третью часть –«Сразу стало тихо в доме» – впервые как отдель¬ное стихотворение – в журн. «Аргус». 1918, № 1. С. 32; «Подорожник», 1921. С. 9, с датой –1917. Июль; «Аппо Domini MCMXX1». С. 55; «Аппо Domini», 1923. С. 67, в разд. «Подорожник», с датой – 1917. Июль. В дальней¬шем печаталось как самостоятельное стихотворение. В третьей части–«И, придя в свою светлицу...» –Ахма¬това всегда ставила строку точек после строки 12: «Встал и вышел на крыльцо». По тексту сб. «Из шести книг» печаталось во всех последующих изданиях стихотворе¬ний Ахматовой.
Автографы первой части (полный текст) и второй части –РГАЛИ, с пометой «Послала Нкл. Вл. (т. е. Николаю Владимировичу Недоброво. – Н. К.) 5 августа». Автограф третьей части –в «Черной тетради» (РГАЛИ). Автограф стихотворения «Сразу стало тихо в доме...» (до строки «Умерла в груди моей...») не сохранился.
Даты первой и второй части –в черновом автогра¬фе РГАЛИ, третьей части –в «Черной тетради».
Предлагаемый вариант полного текста «Сказки о черном кольце» как основной текст впервые –Ахма¬това А. А. Путем всея земли. М.: 1996. С. 190–192. Печ. по этому изданию.
Мотив потерянного или брошенного в море кольца восходит к немецкой и русской романтической поэзии XIX в.– см. «Поликратов перстень», «Кубок», «Песня» («Кольцо души-девицы...») и другие произведения В. А. Жуковского, «Венеция» («Дож Венеции свобод¬ной...») Ф. И. Тютчева и др. Размер «Сказки о черном кольце» повторяет размер и ритмику «Сказки о царе Салтане» Пушкина: четырехстопный хорей с двумя жен¬скими и двумя мужскими парными рифмами.
Мне от бабушки-татарки... – Имеется в виду праба¬бушка Ахматовой – Прасковья Федосеевна Ахматова (в замуж. Мотовилова, ум. 1837), мать ее бабушки Анны Егоровны Мотовиловой (в замуж. Стоговой, 1817 – 1863), в память о которой была названа Анна Андреевна. По семейной легенде, род Ахматовой происходил от хана Золотой Орды Ахмата, убитого 6 января 1481 г. приближенными после неудачного похода на Москву в 1480 г. при Иване III. В российских дворянских родо¬словных книгах фамилия Ахматовых впервые упоминает¬ся в 1544 г. в связи с походом Ивана Грозного на Казань. Завещала перстень черный... – В записи Н. Л. Дилакторской существует рассказ Ахматовой о семейной реликвии, за¬вещанной ей бабушкой: «У бабки было ожерелье с чер¬ными и белыми камнями. Мне дала звено с черным камнем. И я все время носила. И отдала, как написано, под скатертью. А когда просила обратно, он сказал: «Ваше кольцо будет в дружеских руках». –«А хорошее было кольцо?» – «Очень. Нелегкое, но необыкновенное» (БП. С. 473). Б. В. Анреп описал кольцо иначе: «...Коль¬цо было золотое, ровной ширины, снаружи было покрыто черной эмалью, но ободки оставались золотыми. В центре черной эмали был маленький бриллиант. А. А. всегда носила это кольцо и приписывала ему таинственную силу» («Воспоминания». С. 83). По свидетельству Ан¬репа, кольцо было подарено ему 13 февраля 1916 г. в Царском Селе, в доме Н. В. Недоброво, во время чтения Недоброво своей трагедии «Юдифь». На память об этом дне Ахматова подарила Анрепу книгу «Вечер» (см. об этом в коммент. к стихотворению «Я улыбаться пере¬стала...»). Дарение кольца было ответом на подарок Анрепа: немного ранее он подарил Анне Андреевне деревянный престольный крест, который подобрал в по¬луразрушенной церкви в Карпатских горах Галиции. И с пятнадцатого года... – Пятнадцать лет Ахматовой ис¬полнилось в 1904 г. Так прошло двенадцать лет... –Речь идет о 1916 г., времени встреч с Б. Анрепом.
308 «Сразу стало тихо в доме...» Впервые – журн. «Аргус». 1918. № 1. С. 32; «Подорожник». С. 9 (открывало книгу); «Аппо Dominu MCMXX1». С. 55; «Аппо Domini», 1923. С. 67, в разд. «Подорожник». Печ. по кн. «Подорожник».
Обращено к Б. В. Анрепу. Имеет не характерную для этого периода творчества Ахматовой форму фрагмен¬та; в том числе –и фрагмента сюжета («не нашелся тай¬ный перстень...»), полностью раскрытого в «Сказке о черном кольце», написанной в те же дни июля 1917 г. Хотя печаталось как самостоятельное произведение, воз¬можно, являлось третьей частью «Сказки». В 1936 г. Ахматова написала другую третью часть («И, придя в свою светлицу...»), однако обозначила строкой точек место, которое, судя по содержанию, мог бы занять отрывок «Сразу стало тихо в доме»,– после строки «Встал и вышел на крыльцо». Кем передано в журн. «Аргус» для публикации в качестве самостоятельного произведения – неизвестно.
Включение отрывка «Сразу стало тихо в доме...» в сб. «Подорожник», возможно, объясняется общим, пря¬мо не названным посвящением книги уехавшему любимо¬му–Б. В. Анрепу, о чем говорит эпиграф: «Узнай, по крайней мере, звуки, // Бывало,

милые тебе». Пушкин. Кн. «Подорожник» построена в виде цикла-романа, сю¬жет которого начинается с отъезда героя и содержит в том числе и тему кольца, – см: «Словно ангел, возмутив¬ший воду,//Ты взглянул тогда в мое лицо,//Возвратил и силу и свободу, // А на память чуда взял кольцо» («Подорожник». С. 14). Не нашелся тайный перстень...– Ахматова как бы предугадала судьбу кольца, подарен¬ного ею Анрепу: оно было украдено во время налета фашистской авиации на Лондон, где Анреп жил во время Второй мировой войны.

309 «А ты теперь, тяовселый и унылый...»

Впервые –газ. «Петроградское эхо». 1918. 22 января (ве¬черний выпуск), вместе со стихотворением «Это просто, это ясно...» составляло в газете цикл под загл. «Это просто». Варианты строк:

1. А ты теперь–жестокий и унылый; 12: Твои угрозы и твои мольбы; 20: Что даже ты ее не мог убить;

«Подорожник». С. 16–17, с датой– 1917. Лето. Вариан¬ты строк:

J11 «Просыпаться на рассвете...» Впер¬вые–газ. «Воля народа». 1918. № 3. 28 апреля, с вариан¬

1: А ты теперь, тяжелый и унылый; 20: Что даже ты ее не мог убить;

«Бег времени». С. 207, с датой–1916, поставленной, видимо, по цензурным соображениям. Печ. по кн. «Бег времени». Дата –по списку Н. Л. Дилакторской. Обращено к Б. В. Анрепу (см. Лукницкий, 2. С. 43), уехавшему в Англию.

310 «Ты – отступник: за остров зеле¬ный...» Впервые –газ. «Воля народа». 1918. № 2. 13 ап¬реля; «Подорожник». С. 10–11, с датой–1917. Слеп¬нево; «Аппо Domini MCMXX1». С. 56 – 57; «Аппо Domini», 1923. С. 68. Дата–1917. Слепнево. Печ. по кн. «Подорожник». Уточнение даты –по списку Н. Л. Ди¬лакторской.

Обращено к Б. В. Анрепу (см. Лукницкий, 2. С. 42). Остров зеленый–Англия. В 1916 г. Анреп был командирован с фронта в Англию для службы при Рус¬ском правительственном комитете генерала А. К. Гер-мониуса, ведавшем снабжением русской армии артил¬лерией. (Н. С. Гумилев также в 1917 г. работал в этом комитете в шифровальном отделе.) По делам комитета Анреп в 1916– 1917 гг. несколько раз приезжал в Петро¬град (в последний раз –в октябре 1917 г.). Лихой яро-славец.–У семьи Анрепов было небольшое имение неда¬леко от города Борисоглебска Ярославской губернии. Имеется в виду также внешность Анрепа: по воспомина¬ниям, он был высокий, крупный, что особенно было заметно рядом с тонким, «перламутровым» Н. В. Недоб¬рово, его другом. Известна и бесшабашная храбрость («лихость») Анрепа. См., напр., рассказ Ахматовой П. Н. Лукницкому: «Когда началась революция, он под пулями приходил к ней на Выборгскую сторону ...и не потому что любил –просто так приходил. Ему приятно было под пулями пройти» (Лукницкий, 1. С. 41).

том строки 7: «Слушать, как шумит машина»; то же – «Бег времени». С. 172; «Подорожник». С. 12, с датой – 1917. Печ. по кн. «Подорожник». Дата –БП. С. 134. В списке Н. Л. Дилакторской дата – 1917.

В списке стихов, посвященных Б. В. Анрепу (РНБ), объединено со стихотворением «Это просто, это ясно...» в цикл «Сантиментальное путешествие». Отражает мечту о путешествии в Англию к любимому, описываемую как реальное событие.

312 «Это просто, это ясно...» Впервые – газ. «Петроградское эхо». 1918. 22 января (вечерний выпуск); варианты строк:

После 8: Это просто, это ясно, Это всякому понятно... Ну, так, значит, всех глупее Или всех мудрее я; 9–11: Оттого, что, бросив друга И единственного сына, Бросив город мой заветный; 14–Что тебя увижу я. (Без восклицательного знака в конце строки.)

Окончательная редакция текста –«Подорожник». С. 26, с датой–1917. Лето; то же–«Аппо Domini MCMXX1». С. 72 и «Аппо Domini», 1923. С. 81; «Бег времени». С. 182, с датой–1917. Печ. по кн. «Подорож¬ник». Уточнение места написания –в списке Н. Л. Ди¬лакторской.

Обращено к Б. В. Анрепу. Объединялось в циклы «Это просто» со стихотворением «А ты теперь тяжелый и унылый...» и «Сантиментальное путешествие» со стихо-творением «Просыпаться на рассвете...». См. коммент. к этим стихотворениям.

313 «Течет река неспешно по долине...»

Впервые–«Подорожник». С. 44, с датой–1917 и вари¬антом строки 3: «И мы живем, как при Екатерине»; «Бег времени». С. 192, дата – лето 1917. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение места написания –по списку Н. Л. Дилакторской.

По теме близко к стихотворению М. Кузмина «Лет¬ний сад» (1916) из книги «Вожатый»:

Где бабушкиных роб шуршанье, Где мелкий дребезг нежных шпор И на глазах у всех свиданье, Другим невнятный разговор? (Кузмин. С. 316).

См. также стихотворения Н. Гумилева «Старина» (1910) и «Старые усадьбы» (1913)

(Гумилев, 1. С. 103 и 173).
«И целый день, своих пугаясь сто¬нов...» Впервые —«Подорожник». С. 47, с датой—1917; то же —«Аппо Domini MCMXX1». С. 93, «Аппо Domini», 1923. С. 98. Печ. по кн. «Подорожник». Дата — по списку Н. Л. Дилакторской.
По-видимому, отражает впечатления от крестьян¬ских волнений в Бежецком уезде в июле 1917 г. Сходные впечатления в дневнике З. Н. Гиппиус: «А дальше: дни ужаса 3, 4 и 5-го июля, дни петербургского мятежа. Около тысячи жертв. Кронштадтцы, анархисты, воры, грабители, темный гарнизон явились вооруженными на улицы. ...Для усмирения бунта была приведена в действие ар¬тиллерия. Вызваны с фронта войска» (Гиппиус З. Живые лица. Т. 1. Тбилиси, 1991. С. 331 — 332). Вот для чего я пела и мечтала... — Ср. ощущение З. Гиппиус: «Но не надо никого судить. Не судительное время — грозное. И что бы ни было дальше —радостное» (запись 26 фев-раля. С. 285); «Отчего свобода, такая сама по себе прекрасная, так безобразит людей? И неужели это урод¬ство обязательно?» (запись 21 августа 1917. С. 351).
J 1J «И мнится — голос человека...» Впер¬вые—журн. «Аргус». 1917. № 11 — 12. С. 81; «Белая
стая», 1918. С. 39, с датой—1917. Слепнево; «Бег време¬ни». С. 114, с датой 1917. Печ. по кн. «Бег времени». Дата — по списку Н. Л. Дилакторской.
Дважды повторенная торжественная форма: «И мнится...», «И мнится мне...» восходит к торжествен¬ной лексике русского классического, в частности, тютчев¬ского стиха, —ср.: «Не то, что мните вы, природа...», «Нам мнится: мир осиротелый...»
316 «Когда в тоске самоубийства...» Впер¬вые—газ. «Воля народа». 1918. N° 1 (12 апреля). С. 20, строфы 1—4. Строфа 5-я: «Но равнодушно и спокой¬но...»—отсутствовала; «Подорожник». С. 49, с датой — 1917, из двух восьмистиший (без 2-й строфы).
В феврале 1926 г. Ахматова продиктовала Лукниц-кому 2-ю строфу, пропущенную в кн. «Подорожник» (Лукницкий, 2. С. 44). В кн. «Бег времени» в составе разд. «Подорожник» — из 12 строк: восьмистишие от строки «Мне голос был...» и отдельно —последняя строфа «Но равнодушно и спокойно...». Дата—1917. Полный текст из пяти строф впервые—Соч., 1967. С. 378, без разделения на строфы и БО 1. С. 143. Печ. по кн. «Подорожник» с введением 1-й строфы по кн.: Лук¬ницкий, 2. С. 44. В списке Н. Л. Дилакторской: «Ког¬да в тоске... Осень Пгр.» (среди произведений 1917 г.).
Обращено к Б. В. Анрепу (см. Лукницкий, 2. С. 43). Стихотворение (в варианте «Подорожника») вы¬соко ценил А. Блок, отмечая особенно величие жеста: «Руками я замкнула слух».
Можно предположить, что стихотворение, —во вся¬ком случае его первая и вторая строфы, —написано не осенью 1917 г., а позже, в начале 1918 г., накануне заключения Брестского мира, когда немцы активно на¬ступали, приближаясь к Петрограду, и ходили слухи об особых «тайных» пунктах Брестского договора, по которым Петроград будет оккупирован немцами. Сходные мысли и настроения можно найти в дневниках З. Н. Гиппиус «II Черная тетрадь. Из петербургских дневников», относящихся к февралю — марту 1918 г. 16 февраля ст. стиля: «Немцы делают вид, что собирают¬ся идти на Лугу, ... но сами-то, кажется, двинутся к Нарве (она в их руках) на Гатчину, заперев всю «армию» вместе с ее «революцией» в Луге. ... Так или иначе — немцы здесь будут» (Гиппиус З. Стихи. Воспоминания. Документальная проза // М., Наше насле¬дие. 1991. С. 161). 18 февраля ст. ст. (3 марта н. ст.) подписан Брестский мир, над Петроградом реют цеп¬пелины, большевистское правительство покидает город — по некоторым слухам, в Москву, по другим —в Нижний Новгород. «Оставляют для владения нами «Петроград¬ский совет с Зиновьевым» ... Немцы между тем, взяв Киев, взяли сегодня Нарву. Есть слухи о Луге, но вряд ли, так как официально они дали приказ военные дейст¬вия остановить. Придут, очевидно, «мирным путем» (там же. С. 165). 20 февраля по ст. ст.: «Вести же такие: немцы уже в Териоках с одной стороны, и вот-вот займут главными силами Гатчину с тем, чтобы послать несколько полков в Петербург, и все это без боя и с правом, ибо, как передают, это оговорено в «мирных» условиях немецких. Условия эти доселе не опубликованы ... ». В этот же день Гиппиус записывает слухи о том, что немцы собира¬ются делать, заняв Петроград: «Планы немцев —учре¬дить Комитет с Тимирязевым во главе, а затем содей¬ствовать новому нашему Учредительному Собранию, но созываемому на основах «рейхстага». Если все это и не так, очень любопытно и как наиправдоподобнейший слух. Есть слухи, сразу передающие атмосферу, в кото¬рой рождены» (там же. С. 166 — 167). 26 февраля ст. ст.: «Сегодня вечером пришел Ив. Ив. (Манухин.— Н. К.) ... и рассказал: в скрываемых немецких ус¬ловиях есть пункт оккупации СПб-га. После ратифика¬ции «мира» (она подготовлена) немцы будут здесь» (там же. С. 170). З. Гиппиус относится к немецкому наступлению отрицательно, видя в возможной победе Германии

путь к реставрации монархии и потере всех завоеваний революции. Отмечает она и отрицательную роль церкви: «Церковь –и за реставрацию, и за себя (Мирбах уже съездил в Тихону)» (там же. С. 184). Ср. строки Ахматовой: «И дух суровый византийства // От русской церкви отлетал».
317 «Ты всегда таинственный и новый...»
Впервые –газ. «Наш век». 1918. 4 мая, с вариантом строки 5: «Запрещаешь нежно улыбаться»; «Подорож¬ник». С. 22, с датой– 1917. Декабрь. Печ. по кн. «Подо-рожник». В списке Н. Л. Дилакторской дата–1918, объединены в цикл три стихотворения: I. «Ты всегда...»; II. «Проплывают льдины, звеня...» и III. «От любви твоей...» В экземпляре сб. «Из шести книг», подаренном М. И. Будыко, объединено в цикл «Два стихотворения» со стихотворением «Проплывают льдины, звеня...». В ру-кописи кн. «Бег времени» вошло в цикл «Черный сон», состоящий из шести стихотворений (1. «Косноязычно славивший меня...», 2. «Ты всегда таинственный и но¬вый...», 3. «От любви твоей загадочной...», 4. «Проплы¬вают льдины, звеня...», 5. Третий Зачатьевский, 6. «Тебе покорной? Ты сошел с ума!»). Цикл впервые – БП. С. 152-155.
Все эти стихотворения посвящены Владимиру (Вольдемару) Казимировичу Шилейко (1891 – 1930), вто¬рому мужу Ахматовой. О нем см. также коммент. к сти-хотворению «Косноязычно славивший меня». В. К. Ши¬лейко – выдающийся ученый-востоковед, специалист по древним клинописным языкам, шумерскому и аккадско¬му, переводил вавилонский эпос «Гильгамеш», писал стихи и был участником «Цеха поэтов». Переводы Ши¬лейко опубликованы в 1920-е годы в журн. «Восток», многие его работы сохранились в архиве издательст¬ва «Всемирная литература» (ИМЛИ РАН). В беседах с П. Н. Лукницким Ахматова много рассказывала о жиз¬ни с Шилейко, напр., 20 марта 1925 г.: «Шилейко перево¬дил клинописи (диктуя АА прямо «с листа»,–даже сти¬хи), а АА писала под его диктовку. АА по шесть часов подряд записывала. Во «Всемирной литературе» должна быть целая кипа переводов В. К. Ш. ассирийского эпоса, переписанных рукой АА. И АА переписывала точно, каллиграфическим почерком, так, чтоб ни одной ошибки не было. И это при отвращении АА к процессу писания!.. Если попадалась ошибка, В. К. страшно ругал АА. Они выходили на улицу на час, гуляли, потом воз¬вращались – и до 4-х часов ночи работали» (Лукниц¬кий, 1. С. 65).
Небольшая часть творческого наследия В. К. Ши¬лейко в последние годы издана в кн.: Шилейко В. К. Через время. (Стихи, переводы, мистерия). М., 1994. Брак А. Ахматовой и В. Шилейко был официально заклю¬чен в августе 1918 г. (он был «полузаконным», так как Шилейко не был разведен с первой женой, с которой был обвенчан). Развод состоялся 8 июня 1926 г. Анна Андре¬евна была второй женой В. К. Шилейко (первая – Софья Андреевна, третья –Вера Константиновна, урожд. Анд-реева, на которой он женился сразу после развода с Ах¬матовой–17 июня 1926 г.). Брак Шилейко и Ахматовой распался задолго до официального развода. В кн.: Лук-ницкий, 2. С. 288 –записан ее рассказ: «Пока видела, что Шилейко безумен –не уходила от него –не могла уйти. В первый же день, как увидела, что он может быть без нее – ушла от него.
Уйдя от него, еще год прожила с ним в одной комнате –на Сергиевской, 7, куда пустила его, потому что он был бесприютен. И этот год –ни разу не была близка с ним.
Очень тяжелая жизнь была.
Потом он переехал в Мраморный дворец».
318 «Теперь никто не станет слушать песен...» Впервые –газ. «Петроградское эхо». 1918. 1 (14) февраля (вечерний выпуск), под загл. «Теперь», с вариантами строк 5 – 6: «Еще недавно сладостно-сво¬бодной // Свершила б ты свой утренний полет»; «Подо-рожник». С. 37, с датой– 1917; тот же текст– «Бег време¬ни». С. 189, но дата, очевидно, по цензурным условиям – январь 1916. Печ. по кн. «Подорожник». Дата – БО 1. С. 138.
319 «И вот одна осталась я.*» Впервые – «Подорожник». С. 33 – 34, с датой–1917; «Бег време¬ни». С. 187–188, с датой–1916 (вероятно, по цензур¬ным условиям). Печ. по кн. «Подорожник». Дата– в списке Н. Л. Дилакторской.
320 «Пленник чужой! Мне чужого не на¬до...» Впервые –газ. «Петроградское эхо». 1918. 18 фев¬раля (вечерний выпуск), под загл. «Никогда не поверю», с вариантом строки 6: «Слышу в насмешках беспомощ¬ный стон»; «Подорожник». С. 18, с датой –1917; то же – «Бег времени». С. 176. Печ. по кн. «Подорожник». Да¬та–в списке Н. Л. Дилакторской.
В кн.: Лукницкий, 2. С. 43, – записано со слов Ахматовой, что стихотворение посвящено «Бэби» (Михаилу). По сведениям Лукницкого, тому же адресату было посвящено два стихотворения в «Белой стае», одно из них – «Утешение» («Вестей от него не получишь боль¬ше...»), 1914 г. и два –в кн. «Подорожник» («Пленник чужой! Мне чужого не надо...» и «Я слышу иволги всегда печальный голос...») (см. Лукницкий, 1. С. 82, 83, 93, 104 и Лукницкий, 2. С. 43). «АА просит меня,

–за-писывает Лукницкий 5 апреля 1925 г., –не упоминать в моем дневнике Бэби, да еще так, как я это делаю. АА: «Можно подумать, что он моим любовником был! Просто влюблен был в меня...» (Лукницкий, 1. С. 104) «Бэби», Михаил– М. М. Циммерман. Известна надпись Ахмато¬вой на книге «У самого моря» (Пб: «Алконост», 1921), подаренной Циммерману: «Михаилу Михайловичу Циммерману с просьбой не замечать моего дурного ха¬рактера. Ахматова. 1922». О М. М. Циммермане см. также коммент. к стихотворению «Утешение».
Э 21 «Когда о горькой гибели моей...» Впер¬вые – «Художественно-литературное приложение» № 1
к вечернему выпуску «Новых ведомостей». 1918. 1 ап¬реля; «Подорожник». С. 15, с датой – 1917; то же – «Бег времени». С. 175. Печ. по кн. «Подорожник». Да¬та–в списке Н. Л. Дилакторской.
У П. Н. Лукницкого –помета со слов Ахматовой: «Когда о горькой гибели моей...» –Б. А. (Отметка: «По¬сылки АРА* (шутка)») (Лукницкий, 2. С. 43). В вос¬поминаниях Б. Анрепа «О черном кольце» говорится об этих посылках: «Большевики. Голод в России. Я послал две съестные посылки А. А., и единственное известие, которое я получил о ней, была ее официальная карточка с извещением о получении посылки: «Дорогой Борис Васильевич, спасибо, что меня кормите. Анна Ахматова». Шутливое объяснение Ахматовой 1926 г. призвано как бы скрыть от юного собеседника глубокую горечь и грусть, которыми было проникнуто восьмистишье, безусловно, являющееся одним из шедевров лирики Ахматовой.
322 «Я в этой церкви слушала Канон...»
Впервые –газ. «Ленинградская правда». 1989. 29 января, публикация М. М. Кралина по автографу 1960-х годов (РНБ) и БО 2. С. 86. Печ. по автографу в РТ 103, где имеет дату–1917, Боткинская, 9. Правка в строке 4: «[Все] Те семь недель до полночи пасхальной».
Стихотворение написано, очевидно, под впечат¬лением Февральской революции 1917 г. В дневнике П. Н. Лукницкого от 2 апреля 1925 г. приводится рассказ Ахматовой об этих днях в Петрограде: «В эти дни Фев¬ральской революции АА бродила по городу одна («убе¬гала из дома»). Видела манифестации, пожар охранки, видела, как кн. Кирилл Владимирович водил присягать полк к Думе; не обращая внимания на опасность (ибо была стрельба), бродила и впитывала в себя впечатле¬ния» (Лукницкий, 1. С. 96-97). В 1960-е годы Ах¬матова, по-видимому, пыталась восстановить утраченный текст стихотворения. Канон Андрея Критского.– Великий покаянный канон, составленный преподобным Андреем
* Об АРА см. с. 624.
Критским (ум. в 720 г.), вечернее богослужение в первые четыре дня Великого поста после Прощеного Воскресе¬нья (за «семь недель до полночи пасхальной»). Это выда-ющееся произведение церковной гимнографии, представ¬ляющее собой развернутый диалог человека со своею душой, призыв к покаянию. Прощались все друг с другом на минуту... – Возможно, намек на прощание с Б. Ан¬реп ом в марте 1917 г. Боткинская, 9 – адрес квартиры
В. В. и В. С. Срезневских, у которых Ахматова жила с января 1917 по осень 1918 г.
323 «С первым звуком, слетевшим с ро¬яля*.» Впервые – «Свободный журнал». 1918. № 3 – 4.
С. 15. Печ. по этой публикации. В прижизненные книги Ахматовой не включалось. Об этом стихотворении Ах¬матова говорила с Лукницким при обсуждении готовяще-гося двухтомника ее стихотворений 22 – 23 ноября 1926 г. (Лукницкий, 2. С. 226–227).
ft Здравствуй, князь...» – Возможно, цитата из стихотворения А. Блока «В густой траве пропадешь с головой...» (1907):
Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь...»
(Блок, 3. С. 247).
324 «На разведенном мосту...» Впервые – «Я –голос ваш...». С. 300. Печ. по автографам в РТ 103 (л. 4 об. и 51 об.). Датируется по списку нового состава книги «Подорожник» (РНБ. Ф. 1073. Е. х. 93), описан¬ному М. М. Кралиным в БО 2. С. 321.
Очевидно, речь идет о дне, ставшем праздником Октябрьской революции, 25 октября –7 ноября 1917 г. Ср. в «Прозе о Поэме»: «...когда я стояла... на Литейном мосту, в то время, когда его неожиданно развели среди бела дня (случай беспрецедентный), чтобы пропустить к Смольному миноносцы для поддержки большевиков (25 октября 1917 г.)» (БО 2. С. 321).
jZj «Веет ветер лебединый...» Впервые – «Свободный журнал». 1918. № 3 – 4. С. 15, с датой – 21 февраля 1918, в ранней редакции. После 1-й строфы следовало: Мне и весело и трудно, Не забуду никогда, Как слепительный и чудный Ты пришел ко мне сюда.
Покоряясь, покоряла, Не просила ничего, Звездной ночью целовала Губы друга

моего.
Отлетел февраль мятежный С легким звоном снежных крыл, Но на память мне подснежник Под сосною прикрепил.
В «Аппо Domini», 1923. С. 16 —новая редакция без даты; «Бег времени». С. 204, с датой—1922. Печ. по кн. «Аппо Domini», 1923.
Если первая редакция с большой долей увереннос¬ти может быть адресована Б. В. Анрепу, то в 1922 г., при создании окончательной редакции и передатировке, воз-можно, произошла и переадресовка стихотворения (па¬мяти Н. С. Гумилева?).
DZO «Проплывают льдины, звеня...» Впер¬вые—журн. «Сирена». Воронеж. 1918. № 2 — 3. С. 7, с вариантами строк:
4: Я не знаю своей вины... 11: Я отдам тебе жизнь, но грусть...
Окончательный текст — «Подорожник». С. 23, с да¬той—1918, апрель. В черновом автографе РНБ восемь строк, вместо 2 — 3-й строф:

Как умею, тебе служу В черном хаосе нищих дней, Но когда на тебя гляжу, Я теряю веру в людей.
В «Черной тетради» (РГАЛИ)—под загл. «Дурной сон». В списке Н. Л. Дилакторской объединены в цикл из трех стихотворений: I. «Ты всегда...»; П. «Проплыва¬ют льдины...»; III. «От любви твоей...». В 1960-е годы было включено в цикл «Черный сон». Печ. по кн. «Подо¬рожник». Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.
Обращено к В. К. Шилейко. Обету верна своему.— О браке с В. К. Шилейко Ахматова рассказывала П. Н. Лукницкому: «К нему я сама пошла... Чувствовала себя такой черной, думала, очищение будет... Пошла, как идут в монастырь, зная, что потеряет свободу, всякую волю» (Лукницкий, 1.С. 44).
327 «От любви твоей загадочной..j Впер¬вые—журн. «Сирена». Воронеж, 1918. № 2 — 3. С. 7; варианты строк 5 — 6: «Прежних песен не насвисты¬вай,//Песней трудно ль обмануть?»; «Подорожник». С. 35, с датой— 1918. Июль. Печ. по кн. «Подорожник».
Обращено к В. К. Шилейко; входило в составленный в 1960-е годы цикл «Черный сон». В списке Н. Л. Ди¬лакторской объединены в цикл три стихотворения: I. «Ты всегда...»; П. «Проплывают льдины...»; III. «От любви твоей...»
328 Ночью. Впервые —«Подорожник». С. 43, с датой—1918. Осень, Москва; «Бег времени». С. 191, с датой—1918. Печ. по кн. «Подорожник».
Семь дней тому назад... — Возможно, речь идет о бра¬ке с В. К. Шилейко (август 1918 г.); осенью 1918 г. Ахматова и Шилейко жили в Москве.
329 «Для того ль тебя носила...» Впервые — «Белая стая», 1918. С. 72. Печ. по кн. «Белая стая», 1918.
Обращено к младшему брату Ахматовой Виктору Андреевичу Горенко (1896—1976), которого в семье оши¬бочно считали погибшим. Датированное 1918 г., сти¬хотворение вносит в «Белую стаю» (2-е изд., 1918) тему сочувствия павшим в гражданскую войну воинам белой армии. Анатолия — название азиатской части Тур¬ции. Малахов курган — господствующая высота близ Се¬вастополя.
330 «Чем хуже этот век предшествую¬щих? Разве...» Впервые—альм. «Дом искусств». 1921. № 1. С. 4, с вариантами строк:
2: Тем, что в чаду печалей и тревог; 6: И кровли городов в его лучах горят;
«Подорожник». С. 36, с датой —1919. Печ. по кн. «Подо¬рожник». Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.
331 Призрак. Впервые—«Аппо Doririni MCMXX1». С. 36, без загл. и с вариантами строк:
2: Шары висящие скрежещут; 11: И странно ты глядишь вокруг;
«Аппо Domini», 1923. С. 51—под загл. «Встреча», с той же предпоследней строкой; «Из шести книг» —под загл. «Встреча», с той же предпоследней строкой. Название «Призрак» и окончательная форма предпоследней стро¬ки—«Бег времени». С. 246, с датой—1919. Печ. по кн. «Бег времени». Дата —по списку Н. Л. Дилакторской. В машинописном собрании стихотворений (РГАЛИ) вхо¬дило в цикл «Три стихотворения. 1919» (два дру¬гих—«Чем хуже этот век предшествующих? Разве...» и «Я спросила у кукушки...»).
Царь, —Речь идет о Николае II, которого, по словам Ахматовой, она встречала в Царском Селе «бессчетное» количество раз. Гайдук — слуга в домах богатых вельмож, который во время парадных выездов стоял на запятках кареты. Гайдуки подбирались высокого роста и были одеты в гусарскую или казачью одежду.
JjZ «Я спросила у кукушки..^» Впервые — «Подорожник». С. 19, с датой—1919. 1 июня, с иной
пунктуацией; «Бег времени». С. 177, с датой— 1919. Печ. по кн. «Бег времени».
Дата —по автографу РГАЛИ, где уточнено время написания: «1 июня 1919. 12 часов н очи ».
Написано на сельскохозяйственной ферме близ Детского Села (Царского Села), директором которой был профессор, агроном Виктор Иванович Рыков, отец Н. В. Рыковой — подруги Ахматовой (о Н. В. Рыковой см. коммент. к стихотворению «Все

расхищено, предано, продано...»). Ахматова гостила на ферме у Рыковых несколько раз в течение 1919–1920 гг. Я спросила у кукуш¬ки...–Но народному поверью, на вопрос «Сколько лет я проживу» молчание кукушки означает близкую смерть.
333 «Я горькая и старая. Морщины...»
Впервые –БП. С. 284. Печ. по автографу РГАЛИ. Да¬та–в автографе РГАЛИ.
Обращено к В. К. Шилейко.
334 «Угадаешь ты ее не сразу...» Впервые – «Новый журнал». Нью-Йорк. 1954. № 38. С. 188-189, в статье В. Неведомской «Воспоминания о Гумилеве и Ахматовой». Ахматова весьма скептически отнеслась к воспоми¬наниям Неведомской и, сочтя приведенный ею текст недо¬статочно точным, в 1960-е годы пыталась восстановить его по памяти. В архиве РГАЛИ (РТ 98) имеются первые три строфы, записанные рукой Ахматовой и совпадаю¬щие с текстом В. Неведомской во всем, кроме строк 2; 10; 11: вместо эпитетов «жуткую и темную» оставлено пустое место; строки 10 и 11: «замирает слаще...» и «И мерцают в темном взоре свечи...». Этот вариант впервые –Соч., 1986. С. 350, публикация В. А. Черных. Печ. по автогра¬фу и по воспоминаниям В. Неведомской, «не подтверж¬денные» Ахматовой строки заключены в квадратные скобки.
Неведомские были соседями Гумилевых: им при¬надлежало имение Подобино, находящееся рядом с Б о¬рисковым – большим имением Кузьминых-Караваевых, из которого была выделена небольшая «дача» – имение Слепнево, принадлежавшее сестрам Львовым (т. е. мате¬ри Н. С. Гумилева и ее сестре). Активное общение молодежи всех трех имений началось летом 1911 г., после возвращения Анны Ахматовой из Парижа. Продолжалось оно и позже, в Петербурге. П. Н. Лукницкий записывает со слов Ахматовой: «То лето шло в прогулках, верховой езде, развлечениях и увлечениях» (Хейт. С. 227). «Я не каталась верхом и не играла в теннис, я только собирала грибы в обоих садах, а за плечами пылал Париж в каком-то последнем закате». Под предводительством Н. Гуми¬лева были созданы любительский цирк, домашний театр. Среди пьес, написанных Гумилевым для домашнего теа¬тра, – «Любовь-отравительница», перекличка с текстом которой угадывается в стихотворении Ахматовой.
335 «Я не люблю цветы –они напомина¬ют...» Впервые – «Литературная газета». 1971. 15 сен¬тября, публикация Н. А. Жирмунской по автографу РГАЛИ (РТ 97), в котором последняя строка оборвана: «Как звуки Моцарта...» В автографе РНБ – последняя строка дописана полностью. Печ. по автографу РНБ.
336 «Жрицами божественной бессмысли¬цы*.» Впервые – сб. «Встречи с прошлым», 3. С. 384, публикация Е. И. Лямкиной. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 97), где дата обозначена: «10-ые годы. Ц. С. 1910 (?)».
Посвящено подруге Ахматовой В. С. Срезневской. О ней см. коммент. к стихотворению «Вместо мудрости – опытность, пресное...».
337 «Поглядишь, как будто спросишь...»
Впервые – журн. «Смена». 1989. № 5. С. 18, публикация М. Б. Мейлаха. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103).
Темляк – тесьма с кистью на шпаге, сабле; серебря¬ный темляк –знак офицерского чина. Анненский темляк – украшенье при ордене св. Анны четвертой степени.
338 «Как долог праздник новогодний...»
Впервые –в кн.: Топоров В. Н. Ахматова и Блок. Беркли, 1981. С. 49 – 51, по списку из собрания Г. П. Стру¬ве (Соч., 3. С. 28). В России впервые – «Ленинградская правда». 1989. 29 января, публикация М. М. Кралина. Печ. по книге В. Н. Топорова.
Посвящено графу Валентину Платоновичу Зубову (1885 – 1969), искусствоведу и меценату. После 1925 г. жил за границей. В 1912 г. В. П. Зубов основал в своем особняке в Санкт-Петербурге (Исаакиевская площадь, 5) Институт истории искусств, где читали лекции крупней¬шие писатели и литературоведы; в знаменитом Зеленом зале с малахитовым камином, украшенном картинами «тондо» и зеркалами, проводились концерты. О присут¬ствии Ахматовой на одном из таких концертов мы знаем из стихотворения Г. Иванова, посвященного Ахматовой:
В пышном доме графа Зубова О блаженстве, о Италии Тенор пел. С румяных губ его Звуки, тая, улетали и... ...Абажур зажегся матово В голубой овальной комнате. Нежно гладя пса лохматого, Предсказала мне Ахматова: «Этот вечер вы запомните». (Иванов Г. Собр. соч.: В 3 Т. М.: Согласие. 1994. Т. 1. С. 362).
339 «Если в небе луна не бродит.»» Впер¬вые – сб. «Встречи с прошлым», 3. С. 386, публикация Е. И. Лямкиной. В автографе РГАЛИ (РТ 97)–загл.: «Из черновиков 10-х годов». Печ. по этому ав¬тографу.
340 «Сочтенных дней осталось мало...»
Впервые –журн. «Юность». 1969. № 6. С. 66, публикация В. М. Жирмунского. В автографе РГАЛИ (РТ ПО) загл.: «Из старых стихов (10-ые годы)». Печ. по этому автографу.
341 «И через все, и каждый миг».» Впер¬вые-БП. С. 285. В автографе РГАЛИ (РТ 99)

помета: «10-ые годы». Печ. по этому автографу, где имеются исправления в строках 3 и 4:
Сквозит, как тайное [безделье]; [Непостижимый этот лик].
342 «Не смущаюсь я речью обидною...»
Впервые –БП. С. 285. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 97).
343 «И скупо оно и богато.,j Впервые – журн. «Юность». 1964. № 4. С. 63, в подборке «Два четверостишия (Из тетради 10-х годов)» со стихотворе¬нием «И слава лебедью плыла...». Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 97). В черновом автографе РТ ПО –исправ¬ление в строке 3: «[Зачем] ты молчишь виновато».
344 «И слава лебедью плыла».» Впервые – журн. «Юность». 1964. № 4. С. 63, в подборке «Два четверостишия (Из тетради 10-х годов)»; «Бег времени». С. 364, без даты. В РТ – многочисленные автографы этого четверостишия: РТ 96 –без даты; РТ 110, л. 46 об. – со знаком вопроса вместо даты; в РТ 110, л. 98 – под загл. «Из Царскосельской тетради (Вереница четверостиший): I. «...И скупо оно и богато...»; II. «...И слава лебедью плыла...»; РТ 111–под загл. «Два четверостишия» (I. «И было сердцу ничего не надо...»; П. «И слава лебедем плыла...»). Тут же –вариант замены второго четверостишия в подборке на «Конец демона».
Печ. по кн. «Бег времени». Дата –на основании включения в «Царскосельскую тетрадь».
345 «В промежутки между грозами...»
Впервые –журн. «Юность». 1969. № 6. С. 66, публикация В. М. Жирмунского, с ошибкой в строке 1: «В промежут¬ке...»; то же –БП. С. 283, с датой–1915. Слепнево.
Свидетельство Ахматовой, что она записала (т. е. вспомнила?) это стихотворение в 1961 г. «на Илью в Комарове», содержится в автографе РГАЛИ –РГ 103. Дата в автографе – «Слепнево. 10-ые годы». Православ¬ный праздник Святого пророка Ильи – 2 августа (20 июля по ст. ст.). Печ. по автографу РГАЛИ.
346 «Как вышедший из западных ворот...»
Впервые –БП. С. 286, по автографу РГАЛИ. Печ. по автографу в РТ 97, где записано в 1958 г. среди других текстов 1910-х годов.
347 «Ты смертною не можешь сделать dymy..j Впервые –Соч., 1986. С. 367, по автографу РГАЛИ, с датой-1910-е годы. В БО 2. С. 87, дата-1920-е годы. Печ. по автографу РТ 98, где записано с датой – 10-е годы.
348 Петроград, 1919. Впервые –«Аппо Dornini», 1923. С. 7, под загл. «Согражданам». Страница с этим стихотворением (на обороте – «Видел я тот венец злато¬кованый...») была вырезана по указанию цензуры почти из всех экземляров сборника. Под названием «Петро¬град, 1919» –БП. С. 149, по рукописи кн. «Бег времени». Печ. по этой рукописи (РГАЛИ).
Невольным памятником будет. – Существует вариант: «Надгробным памятником» (БО 1. С. 392).
349 «Путник милый, ты далече...» Впер¬вые–журн. «Записки мечтателей». 1921. № 4. С. 20; «Аппо Domini MCMXX1». С. 8 – 9. Печ. по кн. «Аппо Domini MCMXX1». Дата –по списку Н. Л. Дилак¬торской.
Путник милый – возможно, обращение к Б. В. Ан¬репу. А в пещере у дракона... – Стихотворение отражает непростые отношения между Ахматовой и Шилейко во время их разрыва весной 1921 г. П. Н. Лукницкий записал со слов Ахматовой: «Шилейко мучил АА –дер¬жал ее, как в тюрьме, взаперти, никуда не выпускал. АА.
намекнула, что многое могла бы еще рассказать об его обращении с нею (тут у АА, если заметил верно, на губах дрожало слово «Sadiste», но она не произнесла его. А говоря про себя, все-таки упомянула имя Мазоха...)» (Лукницкий, 1.С. 44).
Сергиевская, 7–здесь в служеб¬ной квартире № 12 Ахматова жила в 1920 – 1921 гг., когда работала в библиотеке Агрономического института.
350 «Нам встречи мет. Мы в разных ста¬нах...» Впервые –«Аппо Domini MCMXX1». С. 11, с да¬той– 1921. Печ. по кн. «Аппо Domini MCMXX1». Уточ¬нение даты –БП. С. 167.
351 «Все расхищено, предано, продано...»
Впервые – «Аппо Domini MCMXX1». С. 7; «Бег време¬ни». С. 229, с датой–1921. Печ. по кн. «Аппо Domini MCMXX1». Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилак-торской.
Посвящено Наталии Викторовне Рыковой, а заму¬жестве Гуковской (1897–1928), близкой подруге Ахма¬товой. О ней см. также коммент. к стихотворению «И в тайную дружбу с высоким...».
Стихотворение было воспринято критикой (эми¬грантской и советской, партийной) как прославление революции («И так близко подходит чудесное»). В «Правде» Н. Осинский писал: «Не обругала тут рево¬люцию Ахматова, а воспела ее, воспела то прекрасное, что родилось в огне ее и подходит все ближе, что мы завоюем, вырвавшись из уз голода и нужды» (Правда. 1922. 4 июля. № 145).
352 «На пороге белом рая...» Впервые –«Ап¬по Domini MCMXX1», С. 42, с датой–

1921; «Из шести книг». С. 71. Печ. по сб. «Из шести книг». Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилакторской (см. БП. С. 173).
В экземпляре «Из шести книг», подаренном Т. Ве-чесловой, проставлено посвящение Н. В. Недоброво, ко¬торый умер 3 декабря 1919 г. в Крыму, но Ахматова узнала о его смерти только в 1921 г.
353 «А, ты думал —я тоже такая*.» Впер¬вые—журн. «Записки мечтателей». 1921. № 4. С. 19; «Аппо Domini MCMXX1». С. 18-19, с датой-1921; «Из шести книг». С. 61. Печ. по кн. «Аппо Domini MCMXX1». Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилак-торской. Место написания —в кн.: Лукницкий, 2. С. 44 —указано, как «Лето, Фонтанка» (БП. С. 170 — «Петербург»; БО 1. С. 165 —«Царское Село»).
Можно предположить, что адресатом стихотворе¬ния является А. С. Лурье. По свидетельству П. Н. Лук¬ницкого, первая строфа стихотворения написана гораздо раньше остальных (Лукницкий, 1. С. 50).
354 «Сослужу тебе верную службу...»
Впервые — «Аппо Domini MCMXX1». С. 10, с датой-1921, с иной пунктуацией: запятая в конце строки 2; «Бег времени». С. 230, с датой-1921. Печ. по кн. «Бег време-ни». Уточнение даты —БП. С. 167.
355 «Не бывать тебе в живых.*» Впервые — «Аппо Domini MCMXX1». С. 37, с датой —1914, из двух строф; «Бег времени». С. 237, с датой—1921. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилак¬торской и БО 1. С. 167.
В беседе с П. Н. Лукницким 3 и 4 марта 1926 г. Ахматова сказала ему об этом стихотворении, что оно «ни к кому не относится, а что «просто настроение тогда такое было»...» (Лукницкий, 1. С. 50). Однако оче¬видно, что стихотворение навеяно тревогой за судьбу арестованного Н. С. Гумилева и пропавшего без вести брата Виктора. В РТ 105 содержится рассказ Ахматовой о том, что стихотворение было написано в вагоне бывше¬го III класса, когда она ехала из Царского Села в Петер¬бург 16 августа 1921 г. по ст. ст., т. е. 28 августа по н. ст. Чтобы покурить, она вышла в тамбур. «Там стояли маль¬чишки-красноармейцы и зверски ругались. У них тоже не было спичек, но крупные красные, еще как бы живые, жирные искры с паровоза садились на перила площадки.
Я стала прикладывать (прижимать) к ним мою папиросу. На третьей (примерно) искре папироса загорелась. Пар¬ни, жадно следившие за моими ухищрениями, были в восторге. «Эта не пропадет», — сказал один из них про меня. Стихотворение было «Не бывать тебе в живых». См. дату в рукописи —16 августа 1921 (может быть, ст. стиля).
356 «Не чудо ли, что знали мы его».» Впер¬вые—журн. «Русская литература». 1970. № 3. С. 82, публикация В. М. Жирмунского; БП. С. 286, с вариантом строки 1: «Не странно ли, что знали мы его?» — запомнен¬ным В. Н. Орловым. Автограф на кн. «Стихотворения Александра Блока» (кн. 2. М., 1916), принадлежащей А. С. Лурье (Музей Анны Ахматовой Фонтанный Дом). Печ. по по этому автографу.
А. С. Лурье высоко ценил поэзию Блока, написал на его стихи ряд романсов. Для Лурье Ахматова писала либретто балета по «Снежной Маске» Блока (текст не сохранился). О высоких достоинствах либретто свиде¬тельствовал слышавший его в чтении Ахматовой 24 де¬кабря 1921 г. К. И. Чуковский: «Она лежала на кровати в пальто (в доме не было дров. — Н. К.) — сунула руку под плед и вытащила оттуда свернутые в трубочку большие листы бумаги. «Это балет «Снежная Маска» по Блоку. Слушайте и не придирайтесь к стилю. Я не умею писать прозой». —И она стала читать сочиненное ею либретто, которое было дорого мне как дивный тонкий коммен-тарий к «Снежной Маске». Не знаю, хороший ли это балет, но разбор «Снежной Маски» отличный.—Я еще не придумала сцену гибели в третьей картине. Этот балет я пишу для Артура Сергеевича. Он попросил. Может быть, Дягилев поставит в Париже». Потом она стала читать мне свои стихи, и когда прочитала о Блоке,— я разревелся и выбежал» (Чуковский, 1. С. 184).
J J / «Страх, во тьме перебирая вещи...»
Впервые —журн. «Записки мечтателей». 1921. № 4. С. 18, под загл. «Страх», без 4-й строфы, вариант строки 8: «За окном чердачным прошмыгнет»; «Аппо Domini MCMXX1». С. 12-13, без загл. Дата-1921. Вариант пунктуации — точка в конце строки 18. Печ. по рукописи кн. «Бег времени».
Дата —25 августа 1921—проставлена Ахматовой в поздних перечнях стихов для разд. «Аппо Domini» (РНБ). В рукописи кн. «Бег времени» дата: «27 — 28 августа 1921 г., Царское Село». В любом случае дата указывает на связь темы стихотворения с тревогой за судьбу арестованного Н. С. Гумилева (был расстрелян 25 августа, сообщение о расстреле появилось в газете «Петроградская правда» 1 сентября). Ахматова находи¬лась в это время в санатории в Царском Селе, неподалеку от фермы, где жили ее друзья В. И., Н. В. и М. В. Рыковы. От В. И. Рыкова она узнала о расстреле участников «таганцевского заговора»: он прочел об этом в вечерней «Красной газете»; вечером того же дня соседка по комна¬те («член Совдепа») сообщила Ахматовой, что состоялось заседание Совета народных

депутатов, которое утвер¬дило постановление о расстреле. В последующие дни на вокзале в Царском Селе Ахматова прочла о рас¬стреле в «Петроградской правде»,—она рассказывала П. Н. Лукницкому о впечатлении, которое произвел на нее номер газеты, «накленный на стене вокзала в Ц. С. — того вокзала, где она видела Н. С. в детстве, в юности, во все периоды его жизни...» (Лукницкий, 1. С. 53). Ахматова была на панихиде по Гумилеву в Казанском соборе, где присутствовали также М. Лозинской, Г. Ива¬нов, Н. Оцуп, Г. Адамович, Л. Д. Блок и др.

358 «Чугунная ограда...» Впервые — «Аппо Domini MCMXX1». С. 22-23, с датой-1921; «Бег вре¬мени». С. 235, с датой — 1921. Уточнение даты — по списку Н. Л. Дилакторской, места написания —БП. С. 171. Печ. по кн. «Аппо Domini MCMXX1». По-видимому, связано с известием о гибели Н. С. Гу¬милева.

J J У «Пророчишь, горькая, и руки урони¬ла...» Впервые — «Аппо Domini MCMXX1». С. 26, с да¬той— 1921 и посвящением О. А. Г. С; «Бег времени». С. 236, с датой — 1921 и полным посвящением. Печ. по кн. «Аппо Domini MCMXX1». Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилакторской.

Посвящено ближайшей подруге Ахматовой О. А. Глебовой-Судейкиной.

Как лунные глаза светлы... —Автор монографии о Гле¬бовой-Судейкиной Э. Мок-Бикер так описывает ее внеш¬ность: «Как рассказывают, у нее были огромные, се¬ро-зеленые глаза, переливающиеся, как опалы: взгляд их был ясен и глубок —взгляд ребенка, который она со¬хранит до самой смерти. Жесты Ольги были легки, она была летучей, воздушной, как все, что она любила: ан¬гелы, птицы, танец. Пленительная улыбка порой освеща¬ла ее лицо; от нее исходило, завораживая всех окружаю¬щих, неизъяснимое очарование, в котором сочетались одухотворенность и чувственность» (Мок-Бикер Э. С. 40 — 41). Твое изнеможенъе и позор?— Э. Мок-Бикер пи¬шет: «Некоторые считали ее фривольной — однако разве фривольность, по словам Алена, не «натянута, как легкий занавес, почти перед всеми нашими чувствами?». Со¬знавая силу своих чар над людьми, Ольга Судейкина, может быть, и сама была их пленницей: она не умела сдерживать страсти, которые вызывала и которым столь сильно была подвержена» (там же. С. 43). В разное время Ольгой Глебовой-Судейкиной были увлечены и по¬свящали ей стихи Федор Сологуб, Александр Блок, Ми¬хаил Кузмин, задолго до ахматовской «Поэмы без героя» связавший образ Судейкиной с образами Коломбины и Психеи, а также Велимир Хлебников, Игорь Северя¬нин, Всеволод Князев, Георгий Иванов.

360 «О, офсизнь без завтрашнего дня!..»

Впервые — «Аппо Domini MCMXX1». С. 14—15, с да¬той— 1921 и вариантом пунктуации: запятой в конце строки 1; «Бег времени». С. 232, с датой—1921. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты —по списку Н. Л. Ди¬лакторской, места написания —БО 1. С. 164.

361 «Кое-как удалось разлучиться*.» Впер¬вые—журн. «Записки мечтателей». 1921. № 4. С. 18; «Аппо Domini MCMXX1». С. 16-17, с датой-1921; «Бег времени. С. 233, с датой—1921. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты —БО 1. С. 164.

По мнению П. Н. Лукницкого, адресовано А. С. Лу¬рье (Лукницкий, 1. С. 46).

362 «Пока не свалюсь под забором...» Впер¬вые—журн. «Записки мечтателей». 1921. № 4. С. 12, с вариантом эпитета в строке 8: «земной» вместо «днев¬ной»; «Аппо Domini MCMXX1». С. 40—41, с датой-1921; «Бег времени». С. 238, с датой-1921. Печ. по кн. «Аппо Domini MCMXX1». Уточнение даты — по списку Н. Л. Дилакторской. В экземпляре сб. «Из шести книг», подаренном Т. Вечесловой, поставлено посвящение Н. В. Недоб-рово. Однако можно предположить и скрытую ад¬ресацию Н. С. Гумилеву.

363 «А Смоленская нынче именинница...»

Впервые—«Бюллетень Дома искусств». Берлин. 1922. № 1. С. 6; «Аппо Domini MCMXX1». С. 24-25, дата-1921; «Из шести книг». С. 63. В автографе РГАЛИ и списке Н. Л. Дилакторской имело название «28 июля 1921». Печ. по кн. «Аппо Domini MCMXX1». Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилакторской.

10 августа (28 июля ст. ст.) — дата похорон А. А. Бло¬ка (умер 7 августа —25 июля ст. ст.) на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге, совпавшая с праздником иконы Смоленской Божьей Матери, который торжест¬венно отмечался именно на этом кладбище. В автографе РГАЛИ и неизданном «Собрании стихотворений» 1924—1926 гг. — посвящение «Памяти Блока».

364 «Пусть голоса органа снова грянут...»

Впервые — «Аппо Domini MCMXX1». С. 20 — 21, с вари¬антом пунктуации: точка с запятой в конце строки 14. После постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» в августе 1946 г. в верстке кн. «Стихотво¬рения», 1946, была изъята 2-я строфа. Экземпляр уничто¬женной книги хранится в Музее Ахматовой «Фонтанный Дом». В кн. «Бег времени». С. 234—без 2-й строфы, дата—1921; 2-я строфа—БП. С. 401, в разд. «Другие редакции и варианты». Полный текст —БО 1. С. 165. Печ. по кн. «Аппо Domini MCMXX1». Уточнение даты — по авторскому списку РНБ.

Больница – это санаторий в Детском Селе, где Ах¬матова находилась в августе –сентябре 1921 г. Семь дней любви, семь грозных лет разлуки... –Ср. в стихотворении «Рахиль»: «Семь лет–словно семь ослепительных дней». Можно предположить, что стихотворение адресовано А. С. Лурье. В марте 1925 г. Ахматова рассказывала П. Н. Лукницкому о знакомстве и начале романа с А. С. Лурье в феврале 1914 г., т. е. за семь лет до 1921 г.: «АА познакомилась с А. С. Лурье 8 февраля 1914. Несколько свиданий было, потом расстались... О том, что это знакомство произошло еще в 1914 г. (а не позднее), и о том, что тогда же оно не прошло «безнаказанно», – почти никто не знает. Потом АА (тогда) уехала в Слепнево» (Лукницкий, 1. С. 45). В Слепнево Ахматова уехала 20 мая 1914 г., следователь¬но, время первого «романа» с Лурье –«семь дней люб¬ви» – между февралем и 20 мая. Этому соответствует факт дарения Артуром Лурье Ахматовой двух изданий своих музыкальных произведений –Arthur Lourie. 2 Estampes. Op. 2 (Edit. «Tabiti». S. Pb.) – с надписью: «Анне Андре¬евне Ахматовой. Артур Лурье. СПб., 30.IV. 1914» и Art¬hur Lourie. Cinq preludes fragiles. Op. 1 (Edit. «Tabiti». S. Pb.)–с надписью: «Анне Андреевне Ахматовой. Ар¬тур Лурье». СПб., 30.IV.1914 (см. об этом: Лукниц¬кий, 2. С. 31 – 32). Возобновление дружеских, затем близких отношений с Лурье, очевидно, произошло после апреля 1921 г., –25 апреля Ахматова надписала ему экземпляр книги «Подорожник», купленный им самим.
Лурье помог устроить больного В. К. Шилейко в больницу, предложил Ахматовой жить в одной квар¬тире с О. А. Глебовой-Судейкиной и с ним, на Фонтанке, затем, когда она уже работала в библиотеке Агрономи¬ческого института и получила «казенную квартиру» на улице Сергиевской в доме 7, настоял, чтобы она бросила эту службу, так как была больна. См. об этом в кн. Лукницкий, 1. С. 45 – 46: «Потом Лурье заставил бросить службу –я в библиотеке служила. Говорил, что если не брошу, – будет приходить на службу и скандалы устраивать... Он не хотел, чтобы я служила –я больна была... Он ко мне очень хорошо относился... Потом я с ним была... Он хороший, Артур, только бабник страшный...» (С. 46). Об А. С. Лурье см. также коммент. к стихотворению «Рахиль».
365 «Тебе покорной? Ты сошел с ума!..»
Впервые–«Аппо Domini MCMXX1». С. 52, с да¬той– 1921, с иной пунктуацией («Мне муж палач, а дом его тюрьма», «Ведь я пришла сама», «Ты мне вечно – мил»). Под № 6 входило в цикл «Черный сон». В ав¬тографе РГАЛИ имело название «Эпилог». Печ. по ру¬кописи кн. «Бег времени». Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской. Обращено к В. К. Шилейко.
366 «Широко распахнуты ворота~м Впер¬вые–«Аппо rjomini MCMXX1». С. 31, с датой –1921; «Бег времени». С. 243, с датой–1921. В автографе РГАЛИ дата–1915. Печ. по кн. «Аппо Domini MCMXX1». Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
Нерушимой вогнутой стены. – Мозаичное изображе¬ние Богоматери Оранты– «Стены Нерушимой» в Софий¬ском соборе в Киеве. ...тяжелый колокол Мазепы. –Мазе¬па И. С. (1644-1709)-гетман Украины (1687-1708).
J О / «Заплаканная осень, как вдова...» Впер¬вые–«Аппо Domini MCMXX1». С. 43, с датой–1921,
Неправда, у тебя соперниц нет, Ты для меня не женщина земная, А солнце зимнего утешный свет И песня дикая родного края. Когда умрешь, не стану я грустить, Не крикну, обезумевши: Воскресни! Но вдруг пойму, что невозможно жить Без солнца телу и душе без песни.
Без даты, без последней строки.
из двух строф; «Бег времени». С. 247, с датой–1921. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
Посвящено памяти Н. С. Гумилева (см. об этом Лукницкий, 1. С. 61).
368 «Долгим взглядом твоим истомлен¬ная...» Впервые – «Аппо Domini MCMXX1». С. 28, с да¬той– 1921; «Бег времени». С. 240, с датой–1921. Печ. по кн. «Аппо Domini MCMXX1». Уточнение даты–по списку Н. Л. Дилакторской.
Обращено к А. С. Лурье (см. БО 1. С. 397), что подтверждает и некоторый «библейский» оттенок обра¬зов стихотворения.
369 «Я гибель накликала милым...» Впер¬вые–«Аппо Domini MCMXX1». С. 27, с датой –1921; «Бег времени. С. 239, с датой–1921. Печ. по кн. «Аппо Domini MCMXX1». Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
И гибли один за другим. – Речь идет о Н. В. Недоброво и Н. С. Гумилеве, о которых Ахматова писала в стихах как об умерших еще при их жизни.
370 «Сказал, что у меня соперниц нет...»
Впервые – альм. «Петербург». 1921. № 1. С. 1 и «Аппо Domini», 1923. С. 12 в ранней редакции:
Окончательная редакция, в которой речь героя за¬менена речью героини и имеется последняя строка,– «Стихотворения», 1958. С. 36; «Бег времени». С. 200. Дата –1921. Печ. по кн. «Бег времени». Дата–по списку Н. Л. Дилакторской. В автографе РГАЛИ и списке Н. Л. Дилакторской имело загл. «Дальний голос».

371 «Пятым действием драмы...» Впер¬вые—газ. «Литературная Россия». 1964. 25 января, в сос¬таве цикла «Опять на родине» (1. «Чистейшего звука...», отрывок из поэмы «Путем всея земли» в качестве самосто¬ятельного стихотворения), без строк 5 – 7, с вариантом строки 2: «Веет воздух весенний» и с неверной датой – 1944, поставленной, очевидно, по соображениям цензур¬ного характера, чтобы стихотворение выглядело как по¬вествование о встрече с разрушенным немцами Царским Селом; «Бег времени». С. 370, с датой—1944, без строк 5 – 7. Впервые без цензурных искажений —БО 1. С. 174, в цикле «Царскосельские строки» под № 1 (№ 2. «Все души милых на высоких звездах...») по автографу РГАЛИ. Дата —в рукописи кн. «Нечет» (РНБ). В БП. С. 230, печаталось без строк 5 – 7. Варианты строк:
8: Справлена чистая тризна; 11: Скоро свершится чудо?
Дата—1921. Царское Село. В автографе РТ 110 —без строк 5 – 7; с вариантами строк:
8: Справлена чистая тризна; 11: Скоро свершится чудо?
Дата «1944» исправлена на «1921». В одном из планов кн. «Бег времени», 1963, входило в цикл «Венок мертвым» (№ XII), под названием «Царскосельские строки». В другом перечне (РГАЛИ) было включено в цикл «Jadis et naguere» («Давно и недавно»). Печ. по БО 1. С. 174.
J / Z «Все души милых на высоких звез¬дах.»» Впервые – журн. «Ленинград». 1946. № 1 – 2, под загл. «Возвращение»; «Стихотворения», 1958. С. 47; «Бег времени». С. 369. Во всех трех публикациях дата – 1941. В собрании Н. Л. Дилакторской имеет название «Ленин¬град». В автографе РНБ вариант строки 5: «Серебряная пушкинская ива». В ряде экземпляров книги «Стихотво¬рения», 1958, подаренных Ахматовой друзьям, дата ис¬правлена ее рукой на 1921. Печ. по кн. «Стихотворения», 1958. Дата —по рукописи кн. «Нечет» (РНБ).
Все души милых на высоких звездах... – Речь идет о Н. С. Гумилеве, Н. В. Недоброво и, возможно, о других поэтах-царскоселах: графе В. А. Комаровском, напри¬мер. Здесь столько лир повешено на ветки... —С Царским Селом было связано творчество А. С. Пушкина, В. А. Жу¬ковского, Ф. И. Тютчева, И. Ф. Анненского и многих поэтов—современников Ахматовой (Н. Недоброво, Н. Гу¬милева, В. Кривича, В. Рождественского и др.). В РТ 103 есть чертеж рукой Ахматовой: «Дорожки. В парке девять дорожек». На чертеже в центре —в кругу —имя Пуш¬кина, девять дорожек отходят от круга, на них имена Державина, Карамзина, Жуковского, Чаадаева, Лермон¬това, Тютчева, Анненского, Гумилева и Ахматовой. Да¬та—1961. Красная Конница.
373 «Я с тобой, мой ангел, не лукавил...»
Впервые—сб. «Лирический круг». М., 1922. С. 7; «Аппо Domini», 1923. С. 10, без даты. В сб. «Из шести книг». С. 47, входило в цикл Дальний голос» вместе со стихо-творениями «В тот давний год, когда зажглась любовь...» и «Земной отрадой сердце не томи...». Автограф под загл. «Дальний голос (Слова на музыку, слышанную во сне)» —РГАЛИ. В рукописи кн. «Бег времени»—в цик¬ле из двух стихотворений под названием «Другой голос». Печ. по кн. «Аппо Domini», 1923. Дата—БП. С. 150.
Написано как бы от имени казненного Н. С. Гуми¬лева, обращающегося к Анне Ахматовой.
5/4 «В тот давний год, когда зажглась любовь...» Впервые – «Петербургский сборник». Пг.,
1922. С. 9, с вариантами строк:
3: Ты тихою голубкой не прильнула; 15 – 17: Источник роковой не узнает.
Он жадно пьет, припав к воде прозрачной, Но гибелью ли жажду утолит?
«Аппо Domini», 1923. С. 11, без даты. Входило в циклы «Дальний голос», «Другой голос» (см. коммент. к преды¬дущему стихотворению). Печ. по кн. «Аппо Domini», 1923. Дата-БП. С. 151 и БО 1. С. 146.
Написано как бы от имени Н. С. Гумилева. Но час настал в зеленые глазаЦ Тебе глядеться... – Речь идет либо о Б. В. Анрепе, либо об А. С. Лурье.
375 Рахиль. Впервые – «Стрелец», сб. 3. СПб., 1922. С. 52; под загл. «Из Книги Бытия», с вариантом строки 17: «И бледную Лию спокойной рукой»; «Аппо Domini», 1923. С. 23 – 24, под загл. «Из Книги Бытия», без эпиграфа. Эпиграф – впервые в кн. «Избранное», 1943. С. 58 —«Первая книга Моисея. Бытие», 29, 20; «Из шести книг». С. 23, под загл. «Из Книги Бы¬тия»—первое в цикле из двух стихотворений (вто¬рое—«Лотова жена»); «Бег времени». С. 212 – 213, под загл. «Рахиль», в цикле из трех стихотворений «Биб¬лейские стихи» (третье – «Мелхола»). Дата—1921. Печ. по кн. «Бег времени». Дата —по списку Н. Л. Ди¬лакторской.
Об адресате стихотворения существует мнение Г. А. Гуковского, записанное Л. Я. Гинзбург в 1927 г.: «Гуковский говорил как-то, что стихи об Иакове и Рахи¬ли (третий «Стрелец») он считает, в биографическом плане, предельно эмоциональными для Ахматовой. Эти фабульные, библейские стихи гораздо интимнее серогла¬зого короля и проч. Они относятся к Артуру Лурье» (Гинзбург Л. Литература в

поисках реальности.
Л., 1987. С. 178). Иаков, Рахиль, Лаван, Лия. – Согласно библейской легенде, Иаков впервые увидел красавицу Рахиль, пасшую скот, у колодца. Влюбившись в нее, он согласился служить отцу Рахили –Лавану –семь лет, чтобы получить ее в жены. Когда же пришло время свадьбы, Лаван ввел в брачные покои свою старшую дочь–слепую Лию. Возможно, что одновременно со сти¬хотворением «Рахиль» Ахматова работала еще над од¬ним стихотворением на библейский сюжет–«Юдифь». В дневнике К. И. Чуковского от 26 марта 1922 г. имеется запись о чтении ему Ахматовой стихотворения «Юдифь», похожего «на «Три пальмы» Лермонтова по размеру» и объяснение Ахматовой: «Это я написала в вагоне, когда ехала к Левушке. Начала еще в Питере. Открыла Биб¬лию (загадала), и мне выпал этот эпизод. Я о нем и загадала...» (Чуковский, 1. С. 203). В комментариях Е. Ц. Чуковской название «Юдифь» считается опиской Чуковского: «Стихотворения «Юдифь» у Ахматовой нет. Вероятно, речь идет о стихотворении «Рахиль» из цикла «Библейские стихи» (С. 494).
Однако в настоящее время в частной коллекции А. М. Луценко (СПб.), по его утверждению, находится купленный коллекционером два года назад автограф Ахматовой с датой: «1922» –и пометой: «Записала в 1945 году» – стихотворения «Юдифь». В газете «Изве¬стия», 1997, 18 июня опубликованы две строфы из него:
... В шатре опустилась полночная мгла, Светильник задула, лампаду зажгла. Глаза Олоферна огней горячей, Пылают они от Юдифи речей.
Сегодня, владыка, я буду твоей, Раскинься привольней у длани моей. Ты мой повелитель навеки, а я Твоя безраздельно, навеки твоя.
По-видимому, Ахматова не закончила работу над этим сюжетом. Во всяком случае она никогда не включа¬ла стихотворение «Юдифь» в цикл «Библейские стихи» ни в изданных книгах, ни в планах неизданных книг. Возможно, сюжет Юдифь – Олоферн воплотился под дру¬гим углом зрения в стихотворении Ахматовой «Как мог ты, сильный и свободный...», которое написано в 1921 – 1922 гг. (см. коммент. к этому стихотворению).
377 Бежецк. Впервые – «Аппо Domini», 1923. С. 9; сб. «Завтра». Берлин, 1923. С. 15, с датой –26 де¬кабря 1921. Печ. по кн. «Аппо Domini», 1923. В списке Н. Л. Дилакторской дата –25 декабря ст. ст. В кн. «Бег времени». С. 199, с датой–1921, без 2-й строфы, ис¬ключенной, по-видимому, по цензурным соображениям – возможно, из-за упоминания ангелов, Бога, Божьего праздника и Книги Благой – Библии.
В 1921 г. в Бежецке Тверской губернии жил сын Ахматовой и Гумилева Лев со своей бабушкой А. И. Гуми¬левой. Ахматова навестила их после казни Н. С. Гумиле¬ва под Рождество 1921 г. («Божий Праздник»).
378 «Пива светлого наварено..м Впервые – «Памяти Анны Ахматовой». С. 110; «Ленинградская правда». 1989. 29 января, публикация М. М. Кралина по автографу РНБ. Печ. по РТ ПО, где имеет помету: «Из старого и забытого (1921)» –запись 1964 г.
Отражает впечатления от пребывания в Бежецке в декабре 1921 г. в дни Рождества. См. также коммент. к предыдущему стихотворению.
379 «Земной отрадой сердце не томи...»
Впервые–альм. «Утренники», кн. 1. Пб., 1922. С. 19, с посвящением А. С. Сверчковой; «Аппо Donuni», 1923. С. 13, без посвящения и без даты; «Из шести книг». С. 49. Печ. по кн. «Аппо Domini», 1923. Дата – по списку Н. Л. Дилакторской.
Александра Степановна Сверчкова (1869 – 1952) – сводная сестра Н. С. Гумилева.
380 «Что ты бродишь, неприкаянный...»
Впервые – «Северное утро», сб. 1. Пг., 1922. С. 3; «Алло Domini, 1923. С. 15; «Бег времени». С. 203, с изменени¬ем (очевидно, не авторским) пунктуации в строке 3: «Верно, понял: крепко спаяна». Печ. по кн. «Аппо Domini», 1923. Дата-БП. С. 155.
По-видимому, отражает сложность отношений с В. К. Шилейко.
381 «В том доме было очень страшно жить...» Впервые – альм. «День поэзии». М., 1973. С. 259, под загл. «Из Ленинградских элегий»; БП. С. 333 – 334, под № 6 в цикле «Северные элегии», вари¬анты (С. 426)-по автографам РНБ и РГАЛИ; БО 1. С. 261 –262 –под № 3, загл. «Третья» в цикле «Северные элегии». В БО –впервые цикл «Северные элегии» был напечатан полностью: семь произведений и вступление «Их будет семь –я там решила...» (БО 1. С. 259 – 266); «Лирическое отступление Седьмой элегии» – (БО 2. С. 90).
По первоначальному замыслу цикла, родившемуся после окончания Великой Отечественной войны, стихо¬творение должно было называться «Первая Ленинград-ская» и занимать в цикле второе место после элегии «Россия Достоевского. Луна...», названной «Предысто¬рия». Печ. по наиболее полному варианту в собрании Л. К. Чуковской, опубликованному в ее книге «Записки об Анне Ахматовой» (Изд. 1-е. М., 1989. С. 222-223) и изд. 2-е (Чуковская, 1. С. 268).

Там же дата – 1921. Царское Село. В дневнике 2 августа 1940 г. Л. К. Чуковская записала, что в этот день Ахматова «прочитала новый конец к «Страшному дому» и что «Некоторые строки в начале так и остались недопи-санными. Прежнего конца стихотворения – не помню» (С 167).
Наиболее существенные варианты (автограф РНБ) – строки 11 и следующих:
И оставляла на тарелке крошки Для тех, кто ночью тяжело ступал, Кто тайно трогал клавиши рояля, Кто отражался в наших зеркалах. И ты молил меня: – Не вызывай Того, кого сама прогнать не сможешь.
Там же эпиграфы: «Все в жертву памяти твоей...» из стихотворения Пушкина и «Ты – победительница жиз¬ни,//И я –товарищ [верный] вольный твой» из неизвест¬ного стихотворения Н. Гумилева; в дальнейшем они ста¬ли эпиграфами: первый – ко всему циклу, второй – к данному стихотворению. Карандашный набросок РНБ:
Тогда в псдобных чувствах жили мы: А будущее в комнате соседней Еще топталось, как толпа статистов, Шепчась между собою и зевая И зная все [что будет] наперед...
Варианты строк (по автографу РТ 113):
3: Ни колыбелька [нашего] моего ребенка; 15: В то время, как мы замолчав старались 16: Не видеть, что творится в Зазеркалье, [Пред нашими глазами в Зазеркалье].
Строк 6 – 8 нет, строки 15–17 и 22–23 записаны без правильного разделения на строки.
Л. К. Чуковская сопоставляет сюжет элегии Ах¬матовой с рассказом Мопассана «Орля» (1886), который любила Ахматова,– о человеке, который сходит с ума. Ему является чудовище Орля, поселившееся в доме, и для проверки, существует ли оно на самом деле или является плодом его расстроенного сознания, герой оставляет с ве¬чера на столе хлеб, графины с водой, молоком, вином, а утром обнаруживает, что вода и молоко выпиты (Чу¬ковская, 1. С. 292-293).
В том доме... –Речь идет о доме А. И. Гумилевой в Царском Селе, улица Малая, 63, где жили «моло¬дые»–Н. С. и А. А. Гумилевы (с лета 1911 по 1916 г., когда дом был продан).
JO2 «Ангел, три года хранивший меня...»
Впервые – «Аппо Domini», 1923. С. 17, без даты, с опе¬чаткой в строке 11 («Я в ночи...»). В сб. «Из шести книг», подаренном 3. Б. Томашевской, рукой Ахматовой про¬ставлено посвящение: Н. В. Н.–Недоброво. Печ. по кн. «Аппо Domini», 1923. Дата –по списку Н. Л. Дилактор¬ской–1922, в рукописи кн. «Бег времени» дата–1921?
Три года... – Годы с 1913 по 1916, т. е. со времени первого знакомства Ахматовой и Недоброво и до отъезда больного туберкулезом Недоброво на лечение в Крым, Ахматова называла «царскосельской идиллией».
383 Клевета. Впервые–альм. «Феникс». 1922. Кн. 1. С. 7, без загл., без даты. Варианты строк:
1: Повсюду клевета сопутствовала мне,
4 – 5: Блуждая наугад за кровом и за хлебом, И отсветы ее блестят во всех глазах,
7: Но не боюсь се: на каждый вызов новый;
10: На утренней заре войдут ко мне друзья;
16: Сливая голос свой с моленьем панихиды;
18: Чтоб на соседа глаз не смел поднять сосед.
В сб. «Из шести книг» (С. 17) и кн. «Бег времени» (С. 241 – 242, с датой–1921) было включено в разд. «Из книги «Аппо Domini». Печ. по кн. «Бег времени». Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
Рождество и новый 1922 г. Ахматова провела в Бе¬жецке с сыном Львом, который жил у бабушки А. И. Гу¬милевой.
384 «Слух чудовищный бродит по горо¬ду...» Впервые – альм. «Литературная мысль». Пг., 1923. Вып. 2. С. 5, с вариантом строки 12: «Не поднимется скользкий топор»; «Аппо Domini», 1923. С. 19, без даты, с вариантами пунктуации: точка вместо знака вопроса в конце строки 4, точка в конце строки 8; «Бег времени». С. 206, с датой– 1922. Печ. по кн. «Бег времени». Уточ¬нение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
Уж не сказку ль про Синюю Бороду... – Сказка Ш. Перро.
385 «Шепчет: «Я не пожалею...» Впервые – журн. «Москва». 1922. № 6. С. 22; «Аппо Domini», 1923. С. 18, с датой–1922; «Бег времени». С. 205, с датой – 1922. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты–по списку Н. Л. Дилакторской. По-видимому, навеяно сложными отношениями с В. К. Шилейко.
386 Предсказание. Впервые–«Аппо Domini», 1923. С. 8, без названия (страница 8 была вырезана цензурой в большей части тиража); журн. «Литератур¬ная Грузия». 1967. № 5. С. 64, публикация Л. К. Чуков¬ской. В рукописи кн. «Бег времени» имело загл. «Пред¬сказание» (см. БП. С.

150). Печ. по БП.
Написано как бы от имени расстрелянного Н. С. Гу¬милева.
387 Причитание («Господеви наклоните-с я...») Впервые – «Аппо Domini», 1923. С. 25, с датой – 1922. Печ. по кн. «Аппо Domini», 1923. Дата –БП. С. 163.
Щеголева Валентина Андреевна (урожд. Богуслав¬ская, 1878 –1931)–драматическая актриса, жена исто¬рика и пушкиниста П. Е. Щеголева, приятельница Ах¬матовой.
Господеви поклонитеся... –Цитата из Ветхого завета, кн. Псалтирь, 28, 2: «...поклонитесь Господу в благолепном святилище его». Серафим–в леса Саров¬ские. – Святой Серафим Саровский– (в миру–Прохор Мо-шнин; 1754 или 1759–1833), один из наиболее почита¬емых в Русской православной церкви святых, монах Саровской пустыни (Тамбовская губерния; ныне Ниже¬городская область), канонизирован в 1903 г. Анна – в Кашин... – Святая Анна Кашинская, жена Великого кня¬зя Тверского Михаила Ярославича, казненного татар¬ским ханом; после казни мужа в 1318 г. постриглась в монахини и переехала в Кашин к сыну Василию. Умерла в 1338 г., канонизирована в 1909 г.
J О О «Заболеть бы как следует, о жгучем бреду..о Впервые–«Аппо Domini», 1923. С. 20, без даты, с опечаткой в строке 9: «Буду с милым...»; «Бег времени». С. 209; дата –1922. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
Стихотворение о желанной встрече с мертвыми и изгнанниками по времени предшествует «Новогодней балладе», написанной на близкую тему. 7ьг ребенка за ручку ко мне приведи... – Непосредственное обращение к казненному Н. С. Гумилеву, в творчестве которого, в частности, в книге «Жемчуга» (1907–1910), также содержатся подобные мотивы (стихотворения «Одержи¬мый», «Поединок» и др.). Ср., напр.:
И, над равниной дымно-белой Мерцая шлемом золотым, Найдешь мой труп окоченелый И снова склонишься над ним:
«Люблю! Ты слышишь, милый, милый? Открой глаза, ответь мне: «Да». За то, что я тебя убила, Твоей я стану навсегда».
(Гумилев, 1. С. 86).
О сходных мотивах в поэзии И. Анненского, Ф. Со¬логуба, 3. Гиппиус см. в коммент. к стихотворению «Милому».
389 «Не с теми я, кто бросил землю...»
Впервые–«Аппо Domini», 1923. С. 14, без даты; «Бег времени». С. 201. Дата–1922. Печ. по кн. «Аппо Domini», 1923. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
Одно из самых известных политических стихотво¬рений Ахматовой; связано с отъездом за границу ее близкого друга, композитора А. С. Лурье, который в ав¬густе 1922 г. выехал в официальную командировку в Бер¬лин. По сведениям Ахматовой (1925 г.), Лурье прожил в Берлине год, затем полгода в Париже. Из Парижа его выслали в Висбаден, после чего он вновь вернулся в Па¬риж (Лукницкий, 1.С. 39). В 1941 г. переехал в США. В дневнике П. Н. Лукницкого от 5 августа 1927 г. содержится рассказ Ахматовой: «Артур Лурье уезжал от АА «со слезами». Умолял АА приехать к нему. АА сказала: «Приеду, приеду, следующим же парохо¬дом». У АА есть семнадцать писем А. Лурье, в которых он просит ее приехать. Ни на одно АА не ответила. А. Лурье писал ей письма и через свою мать (которая приходила с ними к АА), и через академические учреж¬дения и т. д.» (Лукницкий, 2. С. 288). См. также коммент. к стихотворению «Разлука» («Вот и берег север¬ного моря...»).
Но вечно жалок мне изгнанник...; Темна твоя дорога, странник... –Но торжественному строю, интонации и риф¬мам стихотворение близко стихам Тютчева: «Странник» (1820-е): «Угоден Зевсу бедный странник».....//Домашних очагов изгнанник...» и «Пошли, Господь, свою отраду...» (1850): «Пошли, Господь, свою отраду//Тому, кто жиз¬ненной тропой//Как бедный нищий мимо саду//Бредет по знойной мостовой...» (Тютчев. С. 87 и 164).
390 Многим. Впервые –журн. «Свирель Пана». 1923. № 1. С. 1, без загл. Было включено в план сб. «Тростник». В рукописи кн. «Бег времени» вошло в цикл «Из заветной тетради» под загл. «Многим» (см. БО 1. С. 241). Печ. по рукописи кн. «Бег времени» (то же – БП. С. 182). Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
Мне лучшего из ваших сыновей. –Речь идет о казнен¬ном Н. С. Гумилеве.
391 «Здравствуй, Питер! Плохо, ста¬рый...» Впервые– журн, «Искусство Ленинграда». 1989. № 5. С. 68, публикация Р. Д. Тименчика. Автограф в собрании М. С. Лесмана на бланке издательства «Все¬мирная литература». Печ. по БО 2. С. 38.
Замятина Людмила Николаевна (1887–1965), врач, жена писателя Евгения Ивановича Замятина
(1884–1937), приятельница Ахматовой. В дневнике П. Н. Лукницкого 1 апреля 1925 г. запись: «АА любит Людмилу Замятину. Отзывается о ней с большой тепло¬той, рада ее присутствию и благодарна ей за уход и заботы» (Лукницкий, 1. С. 84).

Замятина заботи¬лась о материальных делах Ахматовой, показывала ее врачам-специалистам, приглашала в театр; в течение месяца жила с нею в Сиверской на даче уехавших в Крым Щеголевых. Есть фотокарточка, на которой сня¬ты Ахматова и Замятина в Сиверской.
392 «Дьявол не выдал. Мне все удалось...»
Впервые —журн. «Свирель Пана». 1923. № 1. Печ. по БП. С. 287.
В автографе РГАЛИ —эпиграф из «Фауста» Гёте: «Im Vorgefhul von solchen hoher Gluck//Geniess' ich jetzt den hochsten Augenblick (Goethe's Foust) («В пред¬чувствии такого высокого счастья//Я наслаждаюсь сейчас высочайшим мгновением». — Нем.) —и дата: «1922, сен¬тябрь». Здесь же приписка: «Печатать это стихотворение перед отрывком из Сказки о кольце. Все восьмистишия прошу печатать, не разбивая на строфы». В другом автографе (РТ 101) также эпиграф из «Фауста» Гёте: «Остановись, мгновенье!» — и дата: «20-е годы». Вари¬анты строк: 4: Если хочешь, голодной собаке; 8: И задохнусь я от срама такого.
В собрании Н. Л. Дилакторской вариант строки 4: «Любовь голодной собаке». В строке: «Вот и могущества явные знаки» —в автографе (РГБ) эпитет «тайные», стро¬ка 5: «Больше уже ничего не боюсь». В одном из планов (РНБ) включалось в состав кн. «Подорожник».
Возможно, отражает настроения Ахматовой после отъезда за границу А. С. Лурье. Образ дьявола, вос¬ходящий к сцене заклинания из «Фауста» Гёте, перекли¬кается с многочисленными образами дьявола, дьяволенка, сатаны у З. Гиппиус, в поэзии которой дьявол-соблазни¬тель, дьявол — учитель красоты, дьявол страдающий и пр. также нередко упоминается рядом с собакой, псом: «Ка¬кому дьяволу, какому псу в угоду...», «Смеются дьяволы и псы над рабьей схваткой...» («Веселье», 29 октября 1917 г.).
393 «Небывалая осень построила купол высокий...» Впервые — альм. «Литературная мысль». Пг., 1922. Вып. 1. С. 5; «Бег времени». С. 223, с да¬той—1922. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение да¬ты—по списку Н. Л. Дилакторской. В кн. «Бег времени» было включено в разд. «Из книги «Аппо Domini». С. 223.
Обращено, по-видимому, к Николаю Николаевичу Лунину (1888—1953), искусствоведу, знакомому Ахма¬товой и Гумилева с 1910-х годов; в будущем третьему мужу Ахматовой. Об адресации Лунину этого сти¬хотворения см. в кн.: Чуковская, 1. С. 285. Об отношениях Лунина и Ахматовой — Л у н и н а И. Н. Из архива Н. Н. Пунина//Лица. Биографический аль¬манах. I. М.; СПб., 1992.
394 Разлука («Вот и берег северного мо¬ря...») Впервые —журн. «Свирель Пана». 1923. № 21, без загл.; «Аппо Domini», 1923. С. 26, без даты, под загл. «Разлука». Печ. по кн. «Аппо Domini», 1923. Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.
Написано в связи с отъездом за границу А. С. Лурье. В дневнике П. Н. Лукницкого 2 — 3 марта 1925 г. есть запись рассказа Ахматовой о возникновении этого сти-хотворения: «(...) решил уехать за границу. А я очень спокойно отнеслась к этому. Его пугало мое спокойст¬вие... Когда уехал —стало так легко!.. Я как песня ходи¬ла... Писал письма—14 писем написал, я ни на одно не ответила... Мать его приходила узнавать обо мне —он ей писал. ...А я написала стихотворение «Разлука» и ус¬покоилась...» (Лукницкий, 1. С. 46). Далее в книге Лукницкого идет текст стихотворения «Кое-как удалось разлучиться...», также связанного с отъездом А. С. Лу¬рье, но оно не имело названия «Разлука». См. также коммент. к стихотворению «Не с теми я, кто бросил землю...».
395 «Хорошо здесь: и шелест, и хруст..»
Впервые —сб. «Поэты наших дней». М., 1924. С. 10; «Бег времени». С. 218, с датой—1922, включено в разд. «Из книги «Аппо Domini». Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилакторской.
Лыжный след, словно память о том... — Ахматова была хорошей лыжницей, зимой в Царском Селе она сопро¬вождала в лыжных прогулках Н. В. Недоброво; вспоми¬нала она и о своих катаниях на лыжах по льду замерзшей Невы под мостами: «В дни ее молодости лыжный спорт не был распространен, но после замужества она ката¬лась, особенно —по Неве под мостами. Сейчас это поче¬му-то не принято» (Будыко М. И. В кн.: Об Анне Ахматовой. С. 473).
396 Новогодняя баллада. Впервые —журн. «Русский современник». 1924. № 1. С. 41, без загл.; «Бег времени». С. 248, с датой—1923 (заключает разд. «Из книги «Аппо Domini»). В автографе ИРЛИ дата—1922; в рукописи кн. «Бег времени» дата—1923. Печ. по кн. «Бег времени». Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.
По-видимому, речь идет о встрече 31 декабря 1922 г. нового, 1923 года.
Журн. «Русский современник», который изда¬вали К. И. Чуковский, Е. И. Замятин, А. Н. Тихонов, А. М. Эфрос при участии А. М. Горького (печатался в Ленинграде и Москве, типография «Коминтерн», вы¬шло четыре номера), подвергся жестокой критике, в том числе и за стихи Ахматовой, опубликованные в № 1 («Логова жена» и «Новогодняя баллада»). Крити¬ка усилилась после блистательных вечеров журнала, в которых участвовала и Ахматова. Цензура становилась все более строгой:

выбрасывала и калечила тексты, пуб¬ликуемые в журнале. Издателям приходилось прибегать к помощи высокопоставленных партийных чиновников
Г. Е. Зиновьева, Н. И. Бухарина. Л. Б. Каменев заверил писателей, что «в Политотделе ни разу даже вопроса о «Современнике)» не поднималось» (Чуковский, 1. С. 293). Тем не менее журнал закрыли, а относительно некоторых его участников было принято решение ог¬раничить их печатание и запретить публичные выступле¬ния. Это непосредственно коснулось Ахматовой.
О политических опасениях организаторов журнала К. И. Чуковский писал в дневнике: «17 апреля 1924. Москва. Сегодня приехал (...), через полчаса надо идти выступать в «Литературном Сегодня», которое устраива¬ет журнал «Рус. Современник». (...) Москва взбудора¬жена—кажется, мы чересчур разрекламированы. В «Эр¬митаже» остановились также Замятин и Ахматова. Ахматову видел мельком, она говорит, не могу по улице пройти —такой ужас мои афиши: «прибывшая из Ленин-града только на единственный раз». Сейчас я зайду за нею и повезу ее в Консерваторию. Она одевается. Эфрос очень недоволен сложившейся обстановкой: говорит, слишком много шуму вокруг «Современника». Особенно худо, если увидят в нашем выступлении контрреволю¬цию» (С. 271). В стихотворении Ахматовой отчетливо звучало обращение к мертвым друзьям, прежде всего к расстрелянному за участие в контрреволюционном «та-ганцевском» заговоре Н. С. Гумилеву. Там шесть приборов стоят на столе. — Сюжет стихотворения намеренно «скрыт» автором. Реальные прототипы пяти присутству¬ющих и одного отсутствующего за новогодним празднич¬ным столом угадываются с разной степенью достоверно¬сти. Хозяин — очевидно, Н. С. Гумилев, друг — Н. В. Недоб¬рово, третий —В. Г. Князев. Муж мой, и я... — Муж — ско¬рее всего В. К. Шилейко, который формально был мужем Ахматовой до 1926 г. Шестой прибор дожидается того, кто еще жив. Возможно, это уехавший из России в 1922 г. А. С. Лурье, либо Б. В. Анреп, покинувший Россию в октябре 1917 г.
Стихотворение явилось одним из поводов для зане¬сения имени Ахматовой в «черный список» литераторов, не угодных властям; печатание ее стихов было прервано почт на пятнадцать лет. Не вышли два подготовленных в 1924— 1926 гг. и в начале 1930-х годов собрания стихот¬ворений Ахматовой (см. об этом в статье).
Об историко-культурном контексте образа (пир с мертвыми гостями) — см. коммент. к стихотворению «Заболеть бы как следует, в жгучем бреду...».
397 «Вечер тот казни достоим...» Впер¬вые—журн. «Москва». 1922. № 6. С. 2. Печ. по этой публикации, с современной пунктуацией. При жизни Ахматовой не перепечатывалось.
Журнал «Москва» выходил нерегулярно, поэтому уточнить время выхода № 6 затруднительно. За 1918 — 1922 гг. издано семь номеров. Редактор С. Аб¬рамов. В журнале печатались произведения Бальмонта, Ходасевича, Гумилева, М. Кузмина, Б. Зайцева, А. Ре¬мизова, критические статьи А. Эфроса, П. Муратова, стихи Блока, Брюсова, Есенина, Ахматовой, Р. Ивнева, Н. Тихонова. Многие произведения были аполитичны или проникнуты ощущением крушения устоев прошлого.
398 «Как мог ты, сильный и свободный...»
Впервые—«Парфенон», сб. 1. Пб., 1922. С. 26, с да¬той— 1921 и посвящением «В. К. Шилейко». То же посвя¬щение в «Аппо Domini», 1923. С. 22 и «Из шести книг». В кн. «Стихотворения», 1961. С. 156 и «Бег времени». С. 211 —без посвящения. Дата—1922. В корректуре с ав¬торской правкой сб. «Из шести книг» посвящение зачерк¬нуто, ниже помета: «Посвящению не верить» (Л е с м а н. С. 32). То же —в экземпляре книги, подаренном М. И. Будыко (БО 1. С. 394). Печ. по кн. «Бег времени».
Как мог ты, сильный и свободный... — Образ восходит к сюжетам библейских легенд о победах прекрасных женщин над сильными и могущественными мужчинами (Самсон и Далила, Олоферн и Иудифь): «Не от юношей пал сильный их (...) но Иудифь, дочь Марии, красотою лица своего погубила его...» (Ветхий завет, Книга Иу-дифи, 16, 6). Что грех карают первородный!/Уничтожение и тлен. —Трех Адама и Евы повлек за собою потерю бессмертия и рая для счастливых и не знавших до этого болезней и смерти людей.
399 «За озером луна остановилась».» Впер¬вые—альм. «Абраксас». Пб., 1922; «Аппо Domini», 1923. С. 21, без даты; «Бег времени». С. 210, с датой—1922. Печ. по кн. «Бег времени».
Современный исследователь Л. Давтян находит в этом стихотворении «чеховские» мотивы и связывает его сюжет с пьесами и театральными постановками «Чайки», «Вишневого сада», «Иванова» (Давтян Л. А. Мотивы чеховской драматургии в стихотворении А. А. Ахматовой «За озером луна остановилась...»//Чеховиана. Чехов и «серебряный век». М., 1996. С. 133—138).
400 «Хорошо поют синицы».» Впервые —газ. «Вперед» (г. Пушкин). 1975. 23 августа, публикация С. В. Белова. Автограф в альбоме С. М. Алянского (РГБ). Печ. по этому автографу.

Самуил Миронович Алянский (1891 –1974)–орга¬низатор частного издательства «Алконост» (1918–1923, помещалось на Невском проспекте, дом 57), издатель журнала «Записки мечтателей» (совместно с А. Белым, 1919–1922). Алянский печатал А. Белого, А. Блока, Е. Замятина, А. Ремизова, Ф. Сологуба, Вяч. Иванова, А. Ахматову и многих других писателей Серебряного века. Алконост – сказочная райская птица с человеческим лицом. Стилизованное изображение птицы Алконост бы¬ло маркой издательства.
401 «Скучно мне всю жизнь спасать...»
Впервые –БП. С. 287, по записи В. Н. Орлова со слов Ахматовой. Печ. по альбому Е. П. Летковой-Султановой (факсимильное воспроизведение в ст. В. П. Нечаева «Листая альбом. (Об альбоме Е. П. Летковой-Султано¬вой) «//«Памятники культуры». 1990. С. 89.
Было записано Ахматовой в альбом Е. П. Лет-ковой-Султановой в 1923 г. Леткова-Султанова Екатерина Павловна (1856–1937)–петербургский литератор, член Комитета Дома литераторов (председатель Комитета Н. А. Котляревский, члены Комитета: Н. С. Гумилев (вплоть до ареста), В. И. Немирович-Данченко, А. В. Ам-фитеатров, А. В. Ганзен, Е. П. Карпов, А. Ф. Кони, Ф. К. Сологуб и др.). По просьбе П. Н. Лукницкого написала воспоминания о Н. С. Гумилеве (1925).
402 Лотова жена. Впервые –журн. «Русский современник». 1924. № 1. С. 40, без загл., с эпиграфом из Книги Бытия, XIX, 26: «И озреся жена его вспять, и бысть столп слан»; «Бег времени». С. 214, с да¬той–1922–1924. Печ. по кн. «Бег времени». Дата – по списку Н. Л. Дилакторской.
О публикации стихотворения в журнале «Русский современник» см. в коммент. к стихотворению «Новогод¬няя баллада».
В сб. «Из шести книг» стихотворение входило в цикл из двух стихотворений (1. «Рахиль») под загл. «Из Книги Бытия». В кн. «Бег времени». С. 214, вошло в цикл из трех стихотворений (3. «Мелхола»), под загл. «Биб¬лейские стихи» (разд. «Из книги «Аппо Domini»).
Сюжет восходит к Первой книге Моисея «Бытие», где речь идет о наказании Богом жителей городов Содом и Гоморра за распутство и мужеложство; был спасен лишь праведник Лот, его жена и две дочери – их вывели из города два ангела, посланные Богом специально и спасенные Лотом в своем доме от посягательств непра¬ведных жителей Содома. Город и его окрестности были разрушены огнем и серой, а спасаемым праведникам было поставлено единственное условие: не оглядываться. «Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столпом» (19, 24).
4i)j Муза («Когда я ночью жду ее прихо¬да...»). Впервые –«Из шести книг». С. 8. В кн. «Бег
времени». С. 254, входило в разд. «Тростник». Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты –по времени жизни Ахматовой на Казанской улице.
На Казанской улице, в доме № 2 в Ленинграде Ахматова жила с ноября 1923 по март 1924 г. Там же, согласно указаниям Ахматовой в одном из перечней ее адресов (РТ 105), была закончена «Логова жена».
404 Художнику. Впервые –журн. «Ленин¬град». 1940. № 2. С. 9. В кн. «Бег времени» (с да¬той– 1924) и рукописных планах включено в сб. «Трост¬ник». Печ. по кн. «Бег времени». С. 255.
По сообщению М. М. Кралина (БО 1. С. 400), Ирина Николаевна Пунина (дочь Н. Н. Пунина, фак¬тически член семьи Ахматовой) полагала, что сонет об¬ращен к художнику Петру Ивановичу Львову (1882 – 1944), который в 1924 г. жил в Фонтанном Доме.
405 «Я именем твоим не оскверняю уст...» Впервые строки 1 – 7 –Соч., 1986. С. 353, пуб¬ликация В. А. Черных по автографу в РТ 97, с иным эпитетом в строке 3: «горящий куст» («библейский» – за¬черкнуто). Строки 8 – 11 («Тому прошло семь лет...») впервые –как отдельное четверостишие по автографу РГАЛИ –в статье Р. Д. Тименчика «Храм Премудрости Бога: стихотворение Анны Ахматовой «Широко распах¬нуты ВороТа»//«Slavica Hierosolymitana», Иерусалим, 1981. Т. 5 – 6. С. 297 – 317 (текст четверостишия – С. 301) и Соч. 3. С. 500. В этих публикациях первая строка четверостишия не завершена, дается ссылка на предположения М. М. Кралина, что она может окан¬чиваться существительным «октябрь» (в рифму со словом «корабль») «с предшествующим эпитетом или числитель¬ным» (там же. С. 623). Полный текст, объединяющий оба автографа, с дополнением строки 8 («прославленный Октябрь»), восстановленной Л. К. Чуковской по памя¬ти,–БО 2. С. 39. Эпитет в строке 3 («библейский») – по автографам РНБ и РТ 110. В примечаниях (С. 322) приведен вариант строки 9: «Как свечи на ветру, гасил людские жизни», также запомнившийся Л. К. Чуковской со слов Ахматовой. В списке стихотворений для нового издания сб. «Белая стая» (РНБ) завершало цикл стихов, посвященных Б. В. Анрепу. Печ. по БО 2. С. 39.
Библейский куст или горящий куст – использован биб¬лейский сюжет («Исход», 7, 2 – 5) о Моисее, пасшем стада овец в пустыне и увидевшем близ горы Божией Хорив

горящий, но не сгорающий терновый куст: «Мо¬исей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает. Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из среды куста и сказал: «Моисей! Моисей!» Он сказал: «Вот я, [Господи]!» Семь страшных лет... Тому прошло семь лет... —С 1917 г., когда Б. В. Анреп уехал из России накануне Октябрь¬ской революции, по 1924-й. Эти строки дают возмож¬ность уточнить дату, которая в РТ 97 обозначена как 20-е годы; В РТ 110-1925; в БО 2-1925 ?. Любимец девушек — см. коммент. к стихотворению «Судьба ли так моя переменилась...»

406 Памяти Сергея Есенина. Впервые — журн. «Подъем». Воронеж. 1968. № 3. С. 116, публика¬ция А. С. Крюкова, с опечаткой в строке 5. В автографах РНБ, РГАЛИ даты обозначены различно: «Начало двад¬цатых годов», «20-ые годы», «1925». Записано в альбом С. А. Толстой-Есениной. В РТ 110 имеет загл. «Памяти Есенина», строка 1: «Как просто можно жизнь покинуть эту...», в рукописи кн. «Нечет» (РНБ) — «Памяти Сергея Есенина» (см. БО 1. С. 188). В плане кн. «Трост¬ник»—без загл. Печ. по рукописи кн. «Нечет».

Сергей Александрович Есенин (1895—1925) покон¬чил с собой в ночь с 27 на 28 декабря 1925 г.; из записи от 25 февраля 1925 г. в дневнике П. Н. Лукницкого следует, что Ахматова читала это стихотворение на вече¬ре в Капелле в феврале 1925 г. (см. коммент. к следующе¬му стихотворению), т. е. оно было написано до гибели Есенина и отражает, скорее, воспоминания о трагиче¬ской кончине Н. С. Гумилева и А. А. Блока (Лукниц¬кий, 1. С. 35-36).

407 «И ты мне все простишь.»» Впер¬вые—журн. «Звезда». 1969. № 8. С. 164, публикация В. М. Жирмунского. В автографе РНБ дата—1928. Печ. по БП. С. 288, где имеет дату—1925. Уточнение да¬ты—на основании записи в дневнике П. Н. Лукницкого от 25 февраля 1925 г.: «Выступала с чтением стихов на литературном вечере (организованном Союзом поэтов совместно с Кубучем) в Ак. Капелле. Приехала после начала. Сразу же вышла на эстраду, 4-й по порядку (1. К. Федин — отрывок из рассказа «Тишина»; 2. К. Ва-гинов; 3. Н. Клюев) — прочитала следующие стихи (по порядку):

1. «Художнику»;
2. «Когда я ночью жду ее прихода...»;
3. «Как просто можно жизнь покинуть эту...»

Прочитав 3-е стихотворение, ушла с эстрады, но аплодисменты заставили ее выйти опять. Из зала — гром¬кий женский голос: «Смуглый отрок!» АА взглянула наверх и, стянув накинутый на плечи платок руками на груди, молча и категорически качнула отрицательно го¬ловой. Стало тихо. АА прочла отрывок «И ты мне все простишь» (4 или 5 строк).

Затем ушла в артистическую и сейчас же уехала (провожаемая К. Фединым), несмотря на все просьбы участников побыть с ними. После АА читал М. Зощенко, затем был перерыв» (Лукницкий, 1. С. 35 — 36). Во втором отделении вечера выступали В. Шишков, Г. Шмерельсон, Н. Тихонов, А. Толстой и Ф. Сологуб. Обращено к Н. Н. Пунину.

408 «И клялись они Серпом и Молотом...»

Впервые—газ. «Ленинградская правда». 1989. 29 января, публикация М. М. Кралина; БО 1. С. 240, в подборке «Вереница четверостиший», составленной М. М. Кра¬линым по рукописи кн. «Бег времени» и автографам РНБ. Печ. по БО 1. Уточнение даты —не позднее ноября 1926 г.—на основании записи в дневнике П. Н. Лукниц¬кого от 22 —23 ноября 1926 г., где строки либо записаны Лукницким по памяти, либо плохо разобраны публикато¬рами сто дневника:

Клялись они...
..... вином
За (?) заплатим золотом, А за (?) — свинцом.

Запись сделана Лукницким в дни вычитки коррек¬туры «Собрания стихотворений» 1924—1926 гг. Анны Ахматовой для издательства «Петроград» (Лукниц¬кий, 2. С. 226).

Серп и Молот — часть государственного герба Совет¬ского Союза.

409 1925 («И меоплакаммою тенью...») Впер¬вые—журн. «Подъем». Воронеж. 1968. № 3. С. 116, публикация А. С. Крюкова. В списке Н. Л. Дилактор¬ской дата—1929. В автографе РТ 110. С. 41—загл. «1925»; вариант строки 2: «Я буду здесь бродить в ночи», дата —Шереметевский) Сад. 1926. Печ. по автографу в Черной тетради (РГАЛИ), загл. и дата —по РТ 110.

В дневнике П. Н. Лукницкого записано с отточием в строке 1, строка 2: «Я буду здесь бродить в ночи», без даты, с пояснением: « — вписала в альбом Я. Гребен¬щикову перед отъездом в Кисловодск. Гребенщиков дал альбом год назад, и он лежал у АА. Теперь вернула альбом Я. Гребенщикову через Н. В. Гуковскую» (Лук¬ницкий, 2. С. 282). Я. П. Гребенщиков (1887-1935)-ли¬тератор, приятель М. Л. Лозинского, А. М. Ремизова и пр. Подпись Я. П. Гребенщикова стоит среди других на грамоте Обезьяньей великой вольной палаты с бели¬чьими коготками,

нарисованной для Ахматовой 5 августа 1921 г. Ремизовым.
41U «О, знала ль я, когда в одежде белой...»
Впервые –журн. «Литературная Грузия». 1967. № 5. С. 64, публикация Л. К. Чуковской. В плане сб. «Из семи книг» (РНБ) было включено в разд. «Тростник» (1961). В авторском списке книги «Тростник» (РНБ) вариант строки 4: «Мои живые пальцы припадут» и варианты пунктуации. В РТ 110 –автограф с датой –20-е годы. Мраморный дворец. Печ. по рукописи кн. «Бег време¬ни». Дата –по списку Н. Л. Дилакторской. Место напи¬сания–по РТ 110.
У Лукницкого –варианты этого стихотворения, на¬писанного в ночь с 30 на 31 мая 1927 г.
Запись по памяти:
строка 1: Не знала я, когда как лебедь белый... 9: Не знала я, когда, томясь успехом,
.....что беспощадным смехом;
13: И будь благословенно то Незнанье или: благословенным, ты, Незнанье
.....хранит и друг, и враг.
На следующий день Лукницкий переписывает текст стихотворения с черновика:
О, знала ль я, когда в одежде белой [в ночной порфире] Входила Муза в тесный мой приют, Что к лире навсегда окаменелой
Мои еще живые [С моленьем тщетным] руки припадут Заложницей страны, которой нет.
Ты отнял все, что я отнять молила, Не дав того, что я молила дать. И на себе теперь я знаю силу Моих молитв. И неба благодать.
О, знала ль я, когда неслась [блистая] сверкая Моей любви [весенняя] последняя гроза Что лучшему из юношей [на свете] рыдая
Закрою я орлиные глаза.
О знала ль я, когда, томясь успехом,
Я искушала [гр] [гневную] судьбу,
Что [те же] скоро люди беспощадным смехом
Ответят на предсмертную мольбу.
И [л] будь благословенно, о Незнанье,
Единое из нам доступных благ
И да хранят твое очарованье
И верный друг мой и жестокий враг.
30 мая 1927 Анна Ахматова
(Лукницкий, 2. С. 258, 261).
Помета Лукницкого: «Стихотворение читала, пре¬дупредив меня, что оно еще не сделано и что вообще оно ей кажется плохим» (там же. С. 260).
Что лучшему из юношей, рыдая,//Закрою я орлиные гла¬за...– По-видимому, речь идет о Н. С. Гумилеве. Я ис¬кушала дивную Судьбу и далее. – Очевидно, имеется в виду волна клеветнической и несправедливой критики, после¬довавшей за публикацией стихов Ахматовой в журн. «Русский современник» и за ее выступлениями на вече¬рах этого журнала.
411 Кавказское. Впервые –журн. «Ленин¬град». 1940. № 2. С. 9, без названия. В кн. «Бег времени» включено в разд. «Тростник» (без названия. С. 256). Впервые загл. появилось в плане кн. «Тростник» 1940–1944 гг. (РНБ). В БП и последующих изданиях (до БО 1. С. 183) под этим загл. печаталось другое стихотво¬рение: «Десять лет и год твоя подруга...» Печ. по БО 1. Дата –по списку Н. Л. Дилакторской. В кн. Лукниц¬кий, 2. С. 292–запись двух начальных строк и помета: «Написано оно здесь», –т. е. в Ленинграде.
Отражает впечатления от пребывания Ахматовой в санатории Дома ученых на Крестовой горе в Кисло¬водске со 2 по 26 июля 1927 г. Сияние неутоленных глаз Дата –август 1927, после текста помета П. Н. Лукниц¬кого: «Читала мне, когда была у меня. 12.10.1927. Я стал
и далее.–Ахматова использует образы героев поэмы Ле¬рмонтова «Демон». П. Н. Лукницкий записал слова Ахматовой по возвращении из санатория: «У меня в Кис-ловодске был роман... с Лермонтовым» (Лукниц¬кий, 2. С. 281).
412 «Десять лет и год твоя подруга,..»
Впервые –БП. С. 288, под названием «Кавказское». Ав¬тограф без этого названия – РНБ. Печ. по автографу РНБ. Дата –по времени пребывания Ахматовой в Кисло-водске.
Десять лет и год...–До 1927 г. Ахматова была на юге в 1916 г. (в Крыму).
413 «Как взглянуть теперь мне в эти очи...» Впервые –Лук ниц кий, 2. С. 280, с пометой после текста четверостишия: «Отрывок стихотворения, написанного в Кисловодске (читала 26 и 27 июля 1927 г.)». Печ. по этой публикации. Дата –по времени пребывания Ахматовой в санатории.
Стихотворение не было дописано, его образы позже использованы при написании стихотворения «Не при¬слал ли лебедя за мною...» (1936).
Ангел полуночи –см. в стихотворении Лермонтова «Ангел»: «По небу полуночи ангел

летел...»
414 «Ты прости мне, что я плохо прав¬лю...» Впервые—«Памяти Анны Ахматовой». С. 14. В БО 2. С. 40 —по машинописной копии в собрании Н. Л. Дилакторской с иной строкой 5: «Ты прости, еще меня не зная...» В кн.: Лукницкий, 2. С. 293 —с вари-антами строк:
3 — 5: Память в песнях по себе оставлю, Да тебе приснилась наяву. Ты прости мне, ничего не зная, 8: Сочеталась клевета людская.
повторять и ошибался, и она поправляла меня несколько раз, пока я не выучил» (Лукницкий, 2. С. 293). Печ. по сб. «Памяти Анны Ахматовой». Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.
В БП. С. 419, ошибочно напечатано как другая редакция стихотворения 1925 г. «И ты мне все прос¬тишь...».
Возможно, обращено к Н. Н. Пунину, который в августе 1927 г. возвратился из длительной командиров¬ки в Японию.
415 «Если плещется лунная жуть...» Впер¬вые—«Из шести книг», разд. «Ива». С. 22, в цикле «Шестнадцатый год» (под № III), в который входили также стихотворения: I. «Не прислал ли лебедя за мною...», II. Отрывок из поэмы «Путем всея земли»: «Окопы, окопы...» (до строки «Душистый апрель»). В кн. «Бег времени» входило в разд. «Тростник» (С. 257), с датой —1928. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилакторской. В спи¬ске РНБ посвящение: «Памяти Х», дата —1928. Ле-ниград, декабрь.
В корректуре сб. «Из шести книг» (собрание М. С. Лесмана) — «Памяти М. Ц.». По предположению М. М. Кралина, М. Ц. — Михаил Михайлович Цим¬мерман (см. объяснение АА по этому поводу во «Второй книге» Н. Я. Мандельштам —в той ее редакции, что напечатана в журн. «Литературная учеба»). «О Цим¬мермане надо искать дополнительные сведения (возмож¬но, он же и «Бэби», и «Лебедь»)» (из личного письма М. М. Кралина от 28 октября 1996 г., собрание Н. В. Королевой). Более вероятно предположение, что стихотворения «Если плещется лунная жуть...» и «Не прислал ли лебедя за мною...» посвящены памяти Н. В. Недоброво, с кото¬рым Ахматова встречалась осенью 1916 г. в Бахчисарае. Надмогильных твоих кипарисов... — Недоброво похоронен на Аутском кладбище в Ялте.
416 Эпиграмма («Здесь девушки прекрас¬нейшие спорят...»). Впервые —в кн.: Jeanne van der Eng-Liedmeier, Kees Verheul. Tale Without a Hero and Twenty-Two Poems by Anna Ahmatova. Paris, «Mouton The Hague», 1973. С. 49; Соч., 3. С. 43,-без загл., с датой — 1924; газ. «Ленинградская правда». 1989. 29 января, публикация М. М. Кралина. Загл. «Эпиграм¬ма»-БО 2. С. 41. Печ. по БО 2. Дата-в РТ 98.
417 «Тот город, мной любимый с дет¬ства...» Впервые —«Из шести книг». С. 14, без даты. В кн. «Бег времени» входило в разд. «Тростник» (С. 258 — 259), дата—1929. Печ. по кн. «Бег времени».
Речь идет о Царском Селе.
418 «Конечно, мне радости мало...» Впер¬вые—«Я—голос ваш...». С. 290, публикация В. А. Чер¬ных. Вариант строки 2: «Такая таила гроза». Печ. по автографу РГАЛИ —РТ 102. Дата—1920-е годы — в БО 2. С. 41, без обоснования.
419 «Уходи опять в ночные чащи...» Впер¬вые—журн. «Новый мир». 1969. № 5. С. 54, публикация В. М. Жирмунского по автографу РНБ; БП. С. 318, без даты. В БО 2. С. 49, условно датировано 1940-ми годами. Однако мотив ревности не характерен для поэзии Ах¬матовой 1940-х годов. Предлагаем условную датировку: «1920—1930-е годы» —на основании содержания четве¬ростишия. Печ. по автографу РНБ.
420 Двустишие. Впервые —журн. «Звезда». 1940. № 3—4. С. 75; «Бег времени». С. 260, с датой — 1931, в разд. «Тростник». Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилакторской. Печ. по кн. «Бег времени».
По-видимому, обращено к Н. Н. Пунину.
Ч-jLI «...Оттого что мы все пойдем...»
Впервые —журн. «Смена». 1989. № 5. С. 18, публикация
М. Б. Мейлаха по автографу из собрания Н. И. Харджи-ева; БО 2. С. 88, под загл. «Отрывок из уничтоженных стихов». Воспроизведение автографа —в кн. «Свою меж вас еще оставив тень». С. 208: «Н. И. Харджиеву —Анна Ахматова. 1932. 25 декабря», далее три строки без отточия и без запятой в первой строке. Печ. по автографу из собрания Н. И. Харджиева. По некоторым сведениям, полный текст этого стихотворения имеется в собрании А. М. Луценко (СПб).
По Тагащевке. — Речь идет о так называемом «заго¬воре профессора В. Н. Таганцева», по которому прохо¬дил как его участник Н. С. Гумилев; это было инс-пирированное ЧК «дело» для подавления вольномыслия петроградской интеллигенции в 1921 г. По Есененке и да¬лее.—Ахматова имеет в виду путь самоубийств Есенина и Маяковского.
422 Последний тост. Впервые—«Бег време¬ни». С. 278, с датой—1934, как заключительное стихо¬творение цикла «Разрыв» из трех стихотворений (1. «Не недели, не месяцы —годы...»; 2. «И как всегда бывает в дни разрыва...»). В плане

кн. «Тростник» — вне цикла. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты —по списку Н. Л. Дилакторской.
Посвящено Н. Н. Лунину, автограф хранится в фонде Пунина в РГАЛИ; в другом автографе в составе кн. «Нечет» — разночтения в рифмах 2-й строфы: «уст —пуст».
423 «Привольем пахнет дикий мед».» Впер¬вые—журн. «Звезда Востока». 1966. № 6. С. 39, пуб¬ликация Л. К. Чуковской. В автографе РГАЛИ дата — 1933; в списке РНБ—1934. Ленинград. Печ. по спи¬ску РНБ.
Наместник Рима — Понтий Пилат, по евангельской легенде хотевший отпустить в честь праздника Пасхи преданного суду Иисуса, но народ потребовал от него отпустить другого осужденного —Варавву, а Иисуса каз-
29 12Ь
нить. «Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят. Пилат, видя, что ничего не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника сего, смотрите вы. И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших» (Евангелие от Матфея, 27, 23 — 25). Шотландская короле¬ва—Мария Стюарт, которая, по мнению Ахматовой, по¬служила Шекспиру прообразом леди Макбет. Существу¬ет перекличка ахматовского образа со стихотворением В. Ходасевича «Лэди долго руки мыла...», написанным 9 января 1922 г. и опубликованным в альм. «Шиповник» (№ 1. М., 1922) и в сб. «Тяжелая лира».
424 «Уводили тебя на рассвете...» Впер¬вые—в составе поэмы «Реквием» — отд. изд. «Реквием», Мюнхен, 1963; журн. «Нева». 1987. № 6. С. 74-79; журн. «Октябрь». 1987. № 3. С. 130 — 135. Печ. отд. изд., 1963, с правкой Ахматовой.
Написано под впечатлением ареста 22 октября 1935 г. мужа Ахматовой Н. Н. Пунина, профессо¬ра Всероссийской Академии художеств, и ее сына Л. Н. Гумилева, студента исторического факультета Ле¬нинградского университета, как «участников антисовет¬ской террористической группы». В личной беседе с со¬ставителем настоящих комментариев Лев Николаевич рассказывал, что поводом доноса на Пунина могли быть его неосторожные застольные шутки в присутствии слу¬чайных гостей, —например, однажды он, взяв в руки «автоспуск» от фотоаппарата и постукивая им по столу, начал приговаривать: «Тук, тук, тук, тук, вот идет наш Иосиф». Затем нажал «автоспуск» и, когда после шипе¬нья раздался щелчок, произнес: «Ш-ш-ш-ш, вот взорвался наш Иосиф!» (Из бесед 1989—1991 гг.) Восторженно принявший революцию, Н. Н. Пунин разочаровался в ее реальности после 1921 г. «Кончился мой роман с револю¬цией»,—эту фразу Пунина приводит в статье о нем его дочь И. Н. Пунина (Николай Николаевич Пунин.// Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. 2. М., 1992.
С. 276). Он много сил отдает лекционной и преподава¬тельской работе, работает в Русском музее и Институте истории искусств, организует выставки живописи, среди которых самые значительные — выставка советского ис¬кусства в Японии и обширная выставка «15 лет РСФСР» в Русском музее, которую открыл нарком А. С. Бубнов, вскоре репрессированный. Последняя из напечатанных работ Н. Н. Пунина—«Искусство примитива и совре¬менный рисунок» в кн. «Искусство народностей Сиби-ри» (1930). «Выступать с докладами и на обсуждении выставок в 1930-е годы было еще можно, но публиковать что-либо становилось все труднее, — пишет И. Н. Пуни-на. ...) Ни о древнерусском искусстве, ни о современ¬ном советском искусстве говорить было невозможно. На все уже были наложены шаблоны «соцреализма». Пунин долго выступал против самого этого понятия, его неле¬пости, но это вызывало раздражение начальства и стрем¬ление чиновников не давать ему выступать не только в печати, но и на обсуждении выставок» (там же. С. 276). О независимом характере Л. Н. Гумилева в юности и его верности памяти отца вспоминают многие, знавшие его в 1930-е годы. Р. А. Зернова, познакомив¬шаяся с Ахматовой и Львом Николаевичем в 1936 г., запомнила его фразу того времени: «И вот я тоже говорю: если меня в третий раз посадят, и я выйду —это будет привычка». Я услышала в этих словах —пожалуй, тогда же услышала — браваду, и рисовку (привычную), и са¬мую подлинную игру с огнем. И подумала с уважением: наследственное! И ужаснулась —вот к чему он себя гото¬вит» (Зернова Р. Иная реальность//«Свою меж вас еще оставив тень...» С. 25). Ахматова, приехавшая в Москву после ареста мужа и сына, сумела передать в Кремль письмо на имя Сталина, после чего 3 ноября 1935 г. Пунин и Гумилев были освобождены. См. об этом в ста¬тье, с. 651.
42J «Зачем вы отправили eody..j Впервые — «Памяти Анны Ахматовой». С. 10; журн. «Даугава».
1987. С. 124, публикация Р. Д. Тименчика. В рукописи кн. «Бег времени» включено в разд. (цикл?) «Из стихот¬ворений 30-х годов» под № 3. Полностью как цикл из семи стихотворений опубликовано в БО 1. С. 254 — 257. Печ. поБО 1. С. 255.
426 Борис Пастернак. Впервые —газ. «Ленин¬градская правда». 1936. 29 сентября (частично); журн. «Звезда». 1940. № 3—4. С. 74, под загл. «Борис Пастер¬нак» с вариантами строк:

12: Чтоб не вспугнуть пространства чуткий сон. 17–18: И снова жжет февральская истома, Звенит вдали прозрачный бубенец...
Окончательный текст – «Из шести книг». С. 36 – 37; «Бег времени». С. 265 – 266, в разд. «Тростник», под загл. «Поэт», с датой–19 января 1936. Печ. по кн. «Бег времени». Загл.– по списку Н. Л. Дилакторской; там же –полная дата, как в кн. «Бег времени», и место написания – Ленинград.
Борис Леонидович Пастернак (1890–1960) позна¬комился с Ахматовой в январе 1922 г., во время его приезда в Петроград. В течение всей жизни их связывали тесные дружеские отношения и глубокое уважение к творчеству друг друга. В 1929 г. Пастернак посвятил Ахматовой стихотворение «Мне кажется, я подберу сло¬ва...» («Анне Ахматовой»), где связывал ее облик с духом и пейзажами Петербурга, его белыми ночами, каналами, пахнущими «затхлостью укладок». Он использовал кон-кретный образ из стихотворения Ахматовой «Лотова же¬на»: «Таким я вижу облик ваш и взгляд.//Он мне внушен не тем столбом из соли,//Которым вы пять лет тому назад//Испуг оглядки к рифме прикололи». В заключи¬тельной строфе Пастернак говорит о самом характерном в облике и творческой манере Ахматовой: «Но, исходив из ваших первых книг,//Где крепли прозы пристальной крупицы,//Он и сейчас, как искры проводник,//Событья былью заставляет биться» (Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 552). Стихотворение Ахматовой, посвященное Пастернаку, строится по тому же прин¬ципу: перечисляются характерные детали пастернаков-ского мира природы, мотивы и сюжеты отдельных его стихотворений, звучит столь важная в поэтической сис¬теме Пастернака лермонтовская тема, затем внимание останавливается на образе одного стихотворения («За то, что дым сравнил с Лаокооном...»), и в заключение выде¬ляется самое главное в творческой сущности поэта. Дата стихотворения Ахматовой –19 января – возможно, указы¬вает, что оно писалось ко дню рождения Пастернака (29 января). Чтоб не спугнуть пространства чуткий сон,– Л. К. Чуковская записала рассказ Ахматовой о том, что в ранней редакции строка была иной: «Чтоб не спугнуть лягушки чуткий сон», но этой строкой был недоволен Пастернак, и она ее переделала (Чуков¬ская, 1 и 2. С. 184 и 456 – 457). К плите даръялъской, проклятой и черной,!/Опять пришел с каких-то похорон. – Лер-монтовская тема чрезвычайно важна в творчестве Пас¬тернака: Лермонтову, как будто он был живым, посвяще¬на книга «Сестра моя –жизнь»; в стихотворении «Памяти Демона» говорится о «плите//За оградой гру¬зинского храма»; стихотворение «Про эти стихи» закан¬чивается строфой: «Пока в Дарьял, как к другу, вхож,//Как в ад, в цейхауз и в арсенал,//Я жизнь, как Лермонтова дрожь,//Как губы в вермут, окунал». Упо-минаемые Ахматовой похороны – возможно, похороны В. В. Маяковского, которому Пастернак посвятил в 1930 г. стихотворение, названное, как и у Лермонтова, «Смерть поэта». ...дым сравнил с Лаокооном... – Сравнение дыма с Лаокооном –из поэмы Пастернака «Девятьсот пятый год» (глава «Отцы»: «Точно Лаокоон,//Будет дым//На трескучем морозе...» Лаокоон–троянский жрец, заду¬шенный вместе со своими сыновьями двумя змеями. Б. Пастернаку посвящены также стихотворения Ахма¬товой «И снова осень валит Тамерланом...», «Умолк вчера неповторимый голос...» и «Словно дочка слепого Эдипа...».
428 «Не прислал ли лебедя за мною...» Впер¬вые–«Из шести книг», разд. «Ива». С. 19, номер I в цик¬ле «Шестнадцатый год»; «Бег времени». С. 262, с датой: «Москва 1936», в разд. «Тростник». Печ. по кн. «Бег времени». Дата –в списке Н. Л. Дилакторской: машино¬писная–февраль), чернилами – март 1936. Уточнение места написания – Москва (Нащокинский у Ардовых) – в автографе РГАЛИ.
Поскольку третье стихотворение цикла «Шестнад¬цатый год» –«Если плещется лунная жуть...», по нашему предположению, адресовано Н. В. Недоброво, то можно принять, что и это стихотворение посвящено его памяти. Строки 9–12 –вариант четверостишья 1927 г. Нащокин¬ский переулок – адрес квартиры друзей Ахматовой Ардо¬вых, в доме которых она была частой гостьей. Ангел полуночи. – См. коммент. к стихотворению «Как взглянуть теперь мне в эти очи...»
429 Воронеж. Впервые –журн. «Ленинград». 1940. № 2. С. 9, без строк 14–17. Полностью –в кн. «Бег времени», разд. «Тростник». С. 267, с датой–1936 – и посвящением «О.М.». В плане кн. «Тростник» – без загл. Печ. по кн. «Бег времени». Дата –в автографе РГАЛИ и в списке Н. Л. Дилакторской.
Посвящено Осипу Эмильевичу Мандельштаму (1891 – 1938), поэтическое творчество которого Ахматова ценила чрезвычайно высоко и считала его лучшим рус-ским поэтом XX столетия. Ахматова присутствовала в квартире Мандельштама в момент его ареста и обысков 1934 г.; весной 1936 г. ездила в Воронеж навестить ссыльного Мандельштама. А над Петром воронежским...– Имеется в виду памятник Петру I, работы скульпторов Д. Гримма и В. Шварца (1860). Петр I построил в Во-ронеже российский флот, который был спущен по рекам Воронеж и Дон в Азов для военных действий против турок. И Куликовской битвой веют склоны... – Место Ку-ликовской битвы 1380 г. русских войск князя Дмитрия Ивановича (Донского) с полчищами хана Мамая на¬ходится недалеко от Воронежа, в устье реки Непрядвы, притока Дона.

430 Заклинание. Впервые – «Бег времени». С. 261, с неверной датой – 1935 –и заменой в строке 1 определе¬ния «тюремных» на «высоких». В БП. С. 186, печ. по кн. «Бег времени», но с исправлением даты; вариант «тю¬ремных» дан в разд. «Другие редакции и варианты» (С. 403). По рукописи кн. «Бег времени» –БО 1. С. 186. Печ. по рукописи кн. «Бег времени» (РГАЛИ). Пол¬ная дата –в рукописи кн. «Нечет» (РНБ) и в списке Н. Л. Дилакторской.
Посвящено памяти Н. С. Гумилева и написано к его дню рождения: 15 апреля 1936 г. ему бы исполнилось пятьдесят лет. Из заохтенских болот... – По-видимому, речь идет о месте расстрела и захоронения Гумилева. Ах¬матова дважды посещала место близ поселка Бернгар-довка по Ириновской дороге, которое считала местом казни, составила план участка, где могла находиться могила Гумилева, и вручила план П. Н. Лукницкому. См. об этом: Тайны ремесла//Ахматовские чтения. Вып. 2. М., 1992. С. 234. В настоящее время место расстрела Н. С. Гумилева и других участников «таганцевского заговора» уточнено благодаря поискам организации «Мемориал». См. об этом в статье, с. 617
431 Данте. Впервые–«Из шести книг», разд. «Ива». С. 39; «Бег времени». С. 273, с датой–1936, в разд. «Тростник». Печ. по кн. «Бег времени». Дата – по списку Н. Л. Дилакторской.
Эпиграф из «Божественной комедии» («Ад», песнь XIX, стих 17), речь идет о церкви Сан-Джованни (Иоан¬на Крестителя) во Флоренции. Он и после смерти не вернул-ся...– Прах Данте Алигьери (1265 – 1321), умершего в изгнании, покоится в Равенне.
4jZ «От тебя я сердце скрыла...» Впер¬вые–журн. «Ленинград». 1940. № 2. С. 9; «Бег време¬ни». С. 264, с датой–1936, в разд. «Тростник». Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской и по автографу РГАЛИ. Шереметевские липы –липы в саду Шереметевского дворца («Фонтанного Дома»), где во флигеле (набереж¬ная реки Фонтанки, дом 34, квартира 44) Ахматова жила в квартире Н. Н. Пунина с середины 1920-х годов до февраля 1952 г. С Н. Н. Луниным Ахматова была знакома еще с 1910-х годов –по Царскому Селу и по кругу журнала «Аполлон», активным автором которого был Пунин. С 1922 г. начались их близкие отношения; с середины 1920-х годов Ахматова фактически стала его женой. К 1936 г., когда написано стихотворение, семья распалась. 19 августа 1940 г. Ахматова рассказала об этом Л. К. Чуковской: «Странно, что я так долго прожи¬ла с Николаем Николаевичем уже после конца, не прав¬да ли? Но я была так подавлена, что сил не хватало уйти. Мне было очень плохо, ведь я тринадцать лет не писала стихов, вы подумайте: тринадцать лет! Я пыталась уйти в 30-м году...» (Чуковская, 1. С. 187). О Н. Н. Лунине см. также коммент. к стихотворению «Уводили тебя на рассвете...»
tJ J «Одни глядятся в ласковые взоры...»
Впервые – журн. «Ленинград». 1940. № 2. С. 9; с вариан¬тами строк:
10: Зловещий парк, спокойный бег коня. 15: Туда–по Подкапризовой дороге;
«Из шести книг», разд. «Ива». С. 13. «Стихотворения», 1961. С. 176; «Бег времени». С. 263, с датой –1936, в разд. «Тростник». В автографе РГАЛИ посвящение: «Памяти Н. В. Недоброво)». Варианты строк:
4: С неукротимой совестью моей; 10: Зловещий парк, спокойный бег коня; 13: Но зоркий надо мною и двурогий; 15: Туда по Подкапризовой Дороге; 16: Где лебеди и черная вода.
По этому автографу печ. в БО 1. С. 183, с объясне¬нием, что «окончательная редакция этого стихотворения в сб. «Бег времени» (1965. С. 263) по художественным достоинствам уступает первоначальной (БО 1. С. 400). Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
Подкапризовая дорога – дорога в Екатерининском парке Царского Села.
434 Творчество («Бывает так: какая-то истома...») Впервые –«Из шести книг», разд. «Ива». С. 31, без загл. В кн. «Бег времени». С. 293, без даты, в разд. «Седьмая книга» открывает цикл «Тайны ремес¬ла», состоящий из десяти стихотворений. Печ. по кн. «Бег времени». Дата–по списку Н. Л. Дилакторской, место написания –в автографе РГАЛИ.
435 «...За ландышевый май...» Впервые – журн. «Литературная Грузия». 1967. № 5. С. 65, пуб¬ликация Л. К. Чуковской; БП. С. 316. В автографе РГАЛИ в строке 2 вместо эпитета «кровавой» – ряд то¬чек и дата – 1937. Москва. Эпитет «кровавой» восстанов¬лен М. М. Кралиным (БО 2. С. 41) и подтвержден Э. Г. Герштейн, утверждавшей, что слышала стихотворе¬ние от Ахматовой в 1935 г. В письме к А. Г. Найману от 12 мая 1964 г. (БО 2. С. 245) другой вариант (подцен¬зурный?) – «В моей Москве стоглавой» (опубликова¬но–БП. С. 316). То же, с датой–30-е годы и вариантом строки 4: «[Величие] Сияние и славу»–РТ 112. Печ. по БО 2. С. 41. Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилак¬торской.
436 «Я знаю, с места не сдвинуться...»
Впервые – «Памяти Анны Ахматовой». С. 15; Ахмато¬ва А. Избранное. М., 1974. С.

453. Строка точек в нача¬ле стихотворения, по объяснению Ахматовой, заменяет собой забытую 1-ю строфу (БП. С. 497). Печ. по автогра¬фу РНБ (см. БП. С. 288-289). В БО 1. С. 256-вариант строки 2: «Под тяжестью Виевых век». В автографе РНБ –варианты строк:
4–5: Ах, если бы вдруг откинуться Куда-то в семнадцатый век; 7: На Троицу в церкви стоять; 9: Душистый медок попивать.
От тяжести Виевых век... – Образ восходит к пове¬сти Н. В. Гоголя «Вий». М. М. Кралин (БО 1. С. 417) указывает также на близость ахматовского образа к строкам М. Кузмина: «Наши глаза полны землею,//Виевы веки с трудом по-дымаются...» (альм. «Абраксас». Пг., 1922. С. 5). Строку «Тяжесть Виевых век» можно сопоставить также со стро¬кой: «Поднимите мне веки, дайте ЦК!» –из «Четвертой прозы» О. Мандельштама; возможно, ахматовский образ близок к образу посвященного Ахматовой стихотворения Мандельштама «Как по улицам Киева-Вия//Ищет мужа не знаю чья жинка...». Боярыня Морозова (Соковни-на) Феодосия Прокопиевна (1632–1675), «раскольни¬ца», сторонница протопопа Аввакума, была арестована в 1671 г., сослана в Боровский монастырь, пострижена под именем Феодоры и умерла в заточении. Какой сума¬сшедший Суриков...–Василий Иванович Суриков (1848 – 1916), живописец, после смерти в 1888 г. жены (Елизаве¬ты Яковлевны Шарэ, внучки декабриста П. Н. Свис-тунова) несколько лет находился в состоянии душевной депрессии. Картина «Боярыня Морозова» написана в 1887 г.
437 Немного географии. Впервые – «Памяти Анны Ахматовой». С. 11; журн. «Знамя». 1987. № 12. С. 134, публикация М. М. Кралина. В БО 1. С. 254 – 255, вариант строки 8: «В трупный сумрак прогнивших нар». Печ. по сб. «Памяти Анны Ахматовой».
Речь идет о Петербурге, «столице европейской», и маршрутах высылаемых в лагеря арестованных друзей и знакомых Ахматовой. Он, воспетый первым поэтом,//На¬ми грешными –и тобой... –Имеется в виду Санкт-Петер¬бург, воспетый Пушкиным, Ахматовой, ее современни¬ками-поэтами, и прежде всего О. Мандельштамом, ко-торому посвящено стихотворение. Акбасар (правильно: Атбасар) – город в Акмолинской области.
438 «За такую сколлорошину...» Впервые – в верстве кн.: Ахматова А. Стихи и проза. Лениздат, 1969.//Сост. Л. К. Чуковской, –с датой –1937; «Я –го¬лос ваш». С. 284. Печ. по рукописи кн. «Бег времени», где входило в цикл «Вереница четверостиший». В РГ 106 записано с датой–30-е годы.
От секретаря –от И. В. Сталина, генерального сек¬ретаря ЦК ВКП(б).
439 Подражание армянскому. Впервые – журн. «Радио и телевидение». 1966. № 13. С. 15; «Узна¬ют голос мой». С. 265, с датой – 1939?). Под загл. «С армянского» – в списке стихотворений для кн. «Бег времени» (РНБ) и БО 1. С. 256, с датой-1937 (?). Печ. по журн. «Радио и телевидение». Датируется по содер¬жанию стихотворения.
Ахматова начала заниматься переводами с армян¬ского в 1936 г. Источниками образа, возможно, являются во-первых, «Четверостишие» Ованеса Тадевосовича Ту¬маняна (1869-1923):
Мне во сне одной овцой Задан был вопрос такой: «Бог, дитя твое храни, Как на вкус был агнец мой?» –
на это впервые указала Соня Кетчян –см.: Sonia Ketchian. The genre of Podrazanie and Anna Achmatova//Russian Literature. 1984. XV. North-Holland; во-вторых,– средневековая армянская басня из сб. Вар-дана Айгекци «Князь и вдова», опубликованная в пер. Г. Агасова в журн. «Звезда». 1937. № 3 (см. об этом в комментарии М. М. Кралина, БО 1. С. 417).
440 Памяти Пильняка. Впервые –журн. «Наш современник». 1960. № 3. С. 78; с неверной да¬той – 1942, та же дата в кн. «Стихотворения», 1961; «Бег времени». С. 270, с датой–1938, в разд. «Тростник». В рукописи кн. «Бег времени» входило в цикл «Венок мертвым» –с посвящением: «Б. Пильняку» и датой: «1938. Фонтанный Дом. Ночь». В РТ 107, в списке «Стихи после книги» – под № 20, II, с названием «Памя¬ти Пильняка»; то же –в списке «Другая книга», 1966 (РТ 114). В других списках РТ –«Пильняку», в цикле «Венок мертвым». Печ. по кн. «Бег времени». Загл. и да¬та–по рукописям.
Посвящено памяти арестованного в 1937 г. и рас¬стрелянного в 1938 г. Бориса Андреевича Пильняка (наст, фамилия Вогау, 1894-1938).
Ахматова была дружна с Пильняком, высоко цени¬ла его как писателя. Известно, что в 1922 г. она участво¬вала в чествовании Пильняка, в 1924 г. они вместе высту¬пали на вечерах журнала «Русский современник», – об этом сохранился отзыв Пильняка, записанный в «Чукок-кале»: «АА была черным бриллиантом на вечере «Со-временника» (Чуковская, 2. С. 751). В 1934 г. Ах¬матова ездила с Пильняком на только что купленной им в США машине «Ford» по радищевскому пути –из Пе¬тербурга в Москву.
Об этой поездке Ахматова рассказывала несколько раз, называя разные даты. 24

марта 1963 г. в Комарове морскому инженеру Натану Львовичу Готхарту: «В 25-м году Борис Пильняк привез из Америки автомобиль, собрал его, и мы поехали по пути Радищева. Ехали сначала медленно. Пильняк говорил, что надо «обкаты¬вать» автомобиль. Путешествие было интересное, хотя сама дорога малоинтересна, за исключением Валдайской возвышенности» (Готхарт Н. Двенадцать встреч с Ан¬ной Ахматовой//Вопросы литературы. 1977. Март—ап¬рель. С. 265).
В книге А. Г. Наймана «Рассказы о Анне Ах¬матовой» (С. 94), этот сюжет выглядит иначе и отнесен к 1930-м годам: «Я назвал имя Бориса Андроникашвили. «Как же... Он должен быть ваш ровесник." Пильняк, когда был в Америке, купил автомобиль, его морем при¬везли в Ленинград. Пильняк приехал, чтобы перегнать его в Москву, предложил мне сопровождать его, прока¬титься, я согласилась. Мы отправились, белая ночь. Ког¬да приехали, он узнал, что в эту ночь у него родился сын. Этот самый ваш Борис Борисыч... (...) Помолчала, по¬том сказала: «Пильняк семь лет делал мне предложение, а я была скорее против». Этот рассказ также не точен: год рождения А. Г. Наймана—1936, Б. Б. Андроникаш-вили —28 октября 1934 г. «Белая ночь», очевидно, от¬носилась к какой-то другой поездке Ахматовой и Пиль¬няка, возможно в Переделкино (см. строку: «Тот ландышевый клин...»)
«Он был вполне человеком 22 года,— и толь¬ко, — рассказала Ахматова Л. К. Чуковской о знакомстве с Пильняком. С--) Корзины цветов, когда ехал на Север и на возвратном пути. Меня удивляла такая настой¬чивость: мы даже дружны особенно не были» (Чуков¬ская, 2. С. 187). В 1929 г., в знак протеста против травли Пильняка и Замятина, Ахматова вышла из Союза писа¬телей. В 1935 г., когда был арестован ее сын, именно Пильняк помог передать Сталину письмо Ахматовой че¬рез своего знакомого, секретаря Сталина А. Н. Поскре¬бышева. В беседах с Л. К. Чуковской 1955 г. Ахматова рассказывала ей предысторию стихотворения: Пильняк жил в Переделкино, которое и описано в стихотворении («ландышевый клин», «камыши в пруду» и пр.). «Совсем не помню, когда оно было написано, —сказала Анна Андреевна, окончив диктовать.—А вот что помню: неза¬долго до той поездки в Переделкино, о которой тут речь, я написала стихотворение Пастернаку. Пильняк тогда сказал: «А мне?» —«И вам напишу». И вот когда до¬велось написать!» (там же. С. 143).
441 «Тихо льется тихий Дон...» Впер¬вые—как часть поэмы «Реквием» —отд. изд. «Реквием», Мюнхен, 1963; журн. «Октябрь». 1987. N° 3. С. 130-135; журн. «Нева». 1987. N° 6. С. 74 — 79. Печ. по отд. изд., 1963, с правкой Ахматовой. Дата —по БО 1. С. 198.
Стихотворение было написано вскоре после второго ареста Л. Н. Гумилева (10 марта 1938 г.). Э. Г. Герш-тейн вспоминала об этих днях: «Анна Андреевна почти все время лежит и, не приподнимаясь даже с подушки, читает, почти бормочет новое стихотворение «Тихо льет¬ся тихий Дон...». Мне в голову не приходит, что это будущий «Реквием». И она еще не помышляет об этом. Я же задумываюсь над тем, почему в ленинградском стихотворении откликнулась река. Она ответила уклон¬чиво: «Не знаю, может быть, потому, что Лева ездил в экспедицию на Дон?» ...Она сказала также, что «Тихий Дон» Шолохова был любимым произведением Левы» (Герштейн Э. Г. Лишняя любовь//Новый мир. 1993. № 11. С. 152). Это беллетризованный рассказ. Более достоверна связь начальной строки Ахматовой с пушкин¬ским образом «тихого Дона», —см. в поэме «Кавказский пленник».
Простите, вольные станицы, И дом отцов, и тихий Дон.
(Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 4. С. 116).
П. Н. Лукницкий записал в дневнике июля 1927 г. рассказ Ахматовой о поездке в Кисловодск: «Читала Пушкина «Дон» в поезде —и когда туда, и когда обратно ехала и проезжала Дон» (Лукницкий, 2. С. 279).
442 «Показать бы тебе, насмешнице...»
Впервые — как часть поэмы «Реквием» — отд. изд. «Рекви¬ем». Мюнхен, 1963; журн. «Октябрь». 1987. № 3. С. 130-135; журн. «Нева». 1987. № 6. С. 74-79. Печ. по отд. изд., 1963, с правкой Ахматовой.
Кресты — тюрьма на Выборгской стороне в Ленин¬граде (Арсенальная набережная, 5).
443 Распятие (\. «Хор ангелов великий мае восславил...» 2. «Магдалина билась и рыдала».»)
Впервые —в составе поэмы «Реквием» — отд. изд. «Рекви¬ем». Мюнхен, 1963. Как отдельный цикл из двух четверо¬стиший — «Избранное», 1974. С. 293; БП. С. 193, с невер¬ными датами—1940 и 1943. В рукописи кн. «Нечет» включено в разд. «Тростник». В списке Н. Л. Дилактор¬ской дата—1938. Печ. по отд. изд., 1963, с правкой Ахматовой. Даты —по списку Н. Л. Дилакторской и кн. «Бег времени».
Эпиграф — неточная цитата из ирмоса IX песни канона службы в Великую субботу. Первоначально было: «во гробе сущу» (рукопись кн. «Бег времени»; там же другой эпиграф: «You cannot make your mother an orphan. Joyce». — «Ты не можешь сделать свою мать си¬ротой». Джойс. — англ.).
2. «Магдалина билась и рыдала...» — Как отдельное стихотворение под загл.

«Распятие» – «Бег вре¬мени», разд. «Тростник». С. 272, с датой–1939. В соб¬рании Н. Л. Дилакторской – ранняя редакция с вариан¬тами строк 3 и 4: «А туда, где Мать твоя стояла,//Так взглянуть никто и не посмел».
444 «Легкие летят недели...» Впервые – в составе поэмы «Реквием» – отд. изд. «Реквием». Мюн¬хен, 1963; журн. «Октябрь». 1987. № 3. С. 130-135; журн. «Нева». 1987. № 6 С. 74 – 79. Печ. по отд. изд., 1963, с правкой Ахматовой.
В феврале –мае 1939 г. Военная коллегия Верховно¬го суда СССР проводила дополнительное расследование «дела» Л. Н. Гумилева.
445 Приговор. Впервые –журн. «Звезда». 1940. № 3–4. С. 75, без загл., с неверной датой –1934; то же–«Избранное». 1943. С. 105; «Из шести книг», разд. «Ива». С. 32, без загл., в качестве самостоятельного стихотворения. Дата –22 июня 1939 –в рукописи кн. «Нечет». В кн. «Бег времени». С. 271 –без загл., да¬та-1939. В БП. С. 192, без загл., дата-23 июня 1939. Фонтанный Дом. В журн. «Октябрь». 1987. № 3 и кн. «Я –голос ваш...» –с загл. «Приговор», дата–1939. Ле¬то. Фонтанный Дом. Печ. по отд. изд., 1963, с правкой
Ахматовой. Уточнение даты–по рукописи кн. «Нечет». В списке Н. Л. Дилакторской дата –22 июня 1939, но рядом рукой Ахматовой–1938.
28 июля 1939 г. Ахматова прочла стихотворение «Приговор» Л. К. Чуковской, которая запомнила послед¬нюю строку иначе, чем она была записана и печаталась впоследствии: «День последний и последний дом» (Чу¬ковская, 1. С. 38).
446 «Годовщину последнюю празднуй...»
Впервые – журн. «Звезда». 1940. № 3 – 4. С. 74, без 3-й строфы, в иной редакции: «Годовщину веселую празд¬нуй» и с подцензурными изменениями строк:
5: Пар валит из-под желтых конюшен; 13: В грозных айсбергах славное поле.
Варианты строк:
18: Голос твой у меня за плечом.
20: Снежный прах как тепло серебрится.
«Из шести книг», разд. «Ива». С. 27; «Бег времени», разд. «Тростник». С. 268, с намеренно измененной да¬той– 1938. В черновом автографе РГАЛИ строки 10 – 11:
Заблудился и мечется сад,
Из тюремного вырвавшись бреда.
Печ. по кн. «Бег времени». Дата –по списку Н. Л. Дилакторской.
Написанное в июле 1939 г., стихотворение первона¬чально было посвящено Владимиру Георгиевичу Гаршину (1887 – 1956), патологоанатому, профессору Первого ме¬дицинского института. А. Ахматова познакомилась с ним в 1930-е годы. После смерти жены в блокадном Ленин¬граде Гаршин сделал Ахматовой предложение. Она дала согласие на брак, предполагалось, что она возьмет и его фамилию. Однако в 1944 г., после возвращения Ахмато¬вой в Ленинград из эвакуации, отношения между ними были порваны, и Ахматова изменила и «перепосвятила» ряд текстов, ранее обращенных к Гаршину. Стихотворе¬ние получило иную дату написания–1938 г. вместо 1939-го, иную первую строку–«Годовщину последнюю празднуй...» вместо «Годовщину веселую празднуй» и посвящение Н. Н. Лунину. Марсово поле – исторический памятник – площадь в Санкт-Петербурге между Милли¬онной (улицей Халтурина), набережной Лебяжьей ка¬навки и набережной реки Мойки. Пар валит из-под царских конюшен. – Царские конюшни были расположены на Ко¬нюшенной площади в Санкт-Петербурге между рекой Мойкой и Екатерининским каналом (канал Грибоедова). Меж гробницами внука и деда... – Внук – Александр П, убит 1 марта 1881 г. На месте убийства Александра II была построена церковь «Спас на крови»; дед – Павел I, был убит в 1801 г. в Инженерном (Михайловском) замке; между этими «гробницами» находится Михайловский сад. И Лебяжья лежит в хрусталях. – Лебяжья канавка разделяет Марсово поле и Летний сад.
447 К смерти. Впервые – в составе поэмы «Рек¬вием»–отд. изд. «Реквием». Мюнхен, 1963; журн. «Ок¬тябрь». 1987. № 3. С. 130-135; журн. «Нева». 1987. № 6. С. 213 – 221. Печ. по отд. изд., 1963, с правкой Ахматовой.
Ворвись отравленным снарядом. – Накануне совет¬ско-финской войны в Ленинграде ожидали «химической атаки»: населению были розданы противогазы, проходи¬ли специальные ученья по противохимической защите. Верх шапки голубой. – Форма сотрудников НКВД. Клубится Енисей.I/Звезда Полярная сияет. – Образы восходят к сти¬хотворению О. Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков...»: «Уведи меня в ночь, где течет Ени-сей,//И сосна до звезды достает...»
448 «Жить –так на воле...» Впервые – альм. День поэзии». М., 1971. С. 155, публикация В. М. Жир¬мунского, с неверной датировкой. В рукописи кн. «Не¬чет» было включено в цикл «Рго domo теа» (Про мои дела. –лат.). В списке Н. Л. Дилакторской – среди ста¬хов 1939 г., вместо даты значилось: «День объявле¬ния войны», –т. е. войны с Финляндией, объявленной 30 ноября 1939 г., мирный договор–12 марта 1940 г. В тетради Н. Л. Дилакторской (запись под диктовку Ахматовой) имеется дата–1 декабря 1939 г. (сообщено М. М. Кралиным).
Волкове Поле – Волково кладбище.

449 «Нет, это не я, это кто-то другой страдает...» Впервые –в составе поэмы «Реквием» – отд. изд. «Реквием». Мюнхен, 1963; журн. «Октябрь». 1987. № 3. С. 130-135; журн. «Нева». 1987. № 6. С. 213 – 221. Как отдельное стихотворение –журн. «Москва». 1966. № 6. С. 157. Печ. по отд. изд., 1963, с правкой Ахматовой. Дата –в списке Н. Л. Дилактор¬ской–со знаком вопроса–1939? В БО 1. С. 198, да¬та-1939.
450 «Семнадцать месяцев кричу...» Впер¬вые–в составе поэмы «Реквием» –отд. изд. «Реквием». Мюнхен, 1963; журн. «Октябрь». 1987. № 3. С. 130-135; журн. «Нева». 1987. № 6. С. 213–221. Печ. по отд. изд., 1963, с правкой Ахматовой.
Семнадцать месяцев – по-видимому, со дня ареста Л. Н. Гумилева 10 марта 1938 г., что позволяет считать временем создания стихотворения август 1939 г. Решени¬ем Особого Совещания при НКВД СССР Л. Н. Гумилев был осужден на 5 лет ИТЛ 26 июля 1939 г.
451 «Мне, лишенной огня и воды...» Впер¬вые–«Памяти Анны Ахматовой». С. 15 –как № 1 в цик¬ле «Черепки» из пяти стихотворений, без даты. Эпиграф ко всему циклу – «You cannot leave your mother an orp¬han. Joyce» (см. пер. на с. 911); 2-е и 3-е стихотворе¬ния цикла: «Вот и доспорился, яростный спорщик...» и «Семь тысяч три километра...»; 4-е и 5-е, написанные в 1958 г.– «Кому и когда говорила...» и «Вы меня, как убитого зверя...» Автографы –в собрании Л. К. Чуков¬ской (РНБ, РГАЛИ). Печ. по РТ 97. Дата-30-е годы.
Цикл «Черепки» был составлен Ахматовой в 1958 г., очевидно, после написания 27 июня и 7 июля в Комарове стихотворений «Кому и когда говорила...» и «Вы меня, как убитого зверя...». 29 и 30 октября 1958 г., приехав в Москву, Ахматова читала цикл «Черепки» Л. К. Чуковской в числе новых произведений, написан¬ных в Ленинграде и Комарово летом 1958 г. Запись от 30 – 31 октября 1958, ночью: «Я только что от Анны Андреевны. Она опять читала мне «Черепки». (Сноска: «Из этого «опять» я заключаю, что в предыдущую нашу встречу Ахматова, среди других стихотворений, прочла мне и «Черепки». ...) 1 апреля 64 г. А. А. своей рукой переписала эти стихи для меня»). (Чуковская, 2. С. 328). В разное время Ахматова объединяла в цикл «Черепки» различные стихи (см. ее рабочие тетради).
452 «Вот и доспорился, яростный спор¬щик.. j Впервые–«Памяти Анны Ахматовой». С. 15, в цикле «Черепки». Печ. по РТ 97.
Шуан – участник контрреволюционных отрядов в Нормандии во время Великой французской революции конца XVIII в.
453 «Семь тысяч три кил ом етр а...» Впер¬вые–«Памяти Анны Ахматовой». С. 16, в цикле «Череп¬ки», с иной строкой 1: «Семь тысяч и три километра». Печ. по РТ 97.
454 Ответ («И вовсе я не пророчица...»)
Впервые–«Памяти Анны Ахматовой». С. 22, без загл; журн. «Даугава». 1987. № 8, по автографу РГАЛИ. Печ. по РТ 107, где имеет загл. и дату–30-е годы.
455 [Из забытого]. Впервые –газ. «Ленинград¬ская правда». 1989. 29 января, публикация М. М. Кра-лина по автографу РГАЛИ. Печ. по РТ ПО, где оши¬бочная дата –20-е годы. Датируется 1930-ми годами по содержанию.
В БО 2. С. 340, приведен рассказ В. Е. Ардова, со слов Ахматовой, о том, что это было коллективное стихотворение по типу агитационной песни А. А. Бес¬тужева и К. Ф. Рылеева «Ах! –где те острова,//Где растет трын-трава». Ардов помнил наизусть только часть, напи¬санную Ахматовой.
Ягода-злодей//Не гоняет людей//К стенке... – Ягода Ген¬рих Григорьевич (1891 – 1938)–нарком внутренних дел СССР в 1934–1936 гг., отличался особой жестокостью, годы его руководства органами госбезопасности харак¬теризуются массовыми репрессиями. Алешка Толстой//Не снимает густой//Ленки. – Толстой Алексей Николаевич (1882/83–1945) занимал крупные общественные посты, был депутатом Верховного Совета СССР, академиком и пр., несмотря на то, что в первые годы после революции был настроен враждебно к большевикам, работал в от¬деле пропаганды у генерала Деникина, в 1918 г. эми¬грировал. В 1923 г., после признания им советской вла¬сти, Толстой вернулся в Россию и посвятил свое творчество утверждению советской государственной док¬трины. Получил три Сталинские премии: за романы «Петр Первый» (1941), «Хождение по мукам» (1943) и за пьесу «Иван Грозный» (1946).
456 «Все ушли, и никто не вернулся...»
Впервые –«Памяти Анны Ахматовой». С. 25. В рукопи¬сях кн. «Бег времени» включалось в цикл «Из заветной тетради» (см. БО 1. С. 245 и 413). В РТ ПО было включено в цикл «Черепки» (Из заветной тетради)». В РТ 96 – первые восемь строк с датой – 30-е годы. Вари¬анты строк:
3: Мой последний, ты раз оглянулся; 8: Перед страшной судьбою моей.
Печ. по сб. «Памяти Анны Ахматовой». Дата – по автографу РТ 96.
457 Надпись на книге («Из-под каких раз¬валин говорю...») Впервые–журн. «Юность». 1968.
№ 3. С. 114, с подцензурным вариантом 3–4 строк: «Я снова все на свете

раздарю,//И этого еще мне будет мало»; журн. «Подъем». Воронеж. 1968. № 3. С. 117; БП. С. 300, с датой –«13 января 1959. Ленинград», по авто¬графу в черной тетради (РГАЛИ). Варианты строк:
5 – 7: Я притворюсь беззвучною зимой И вечные навек захлопну двери, И все-таки узнают голос мой.
В черновом автографе РГАЛИ варианты строк:
3: Как негашеной известью горю; 3 – 4: [Я снова все на свете раздарю И этого мне снова будет мало]. 5 –6: Я притворюсь [и смертью, и] зимой беззвучною [И тяжкие опять] И вечные навек захлопну двери.
В РТ 96 без эпиграфа, с датой: «30-ые годы» и с параллельным (для печатания) текстом строк 3 – 4:
Я лучше все на свете раздарю, И этого опять мне будет мало.
Вариант строки 7: «И все-таки услышат голос
мой».
В РТ 110 записано дважды: л. 46 об. –без загл. и даты, под № II в цикле из пяти стихотворений (I. «Тринадцатый час», III. «Не с лирою влюбленно¬го...», IV. «Забудут? – Вот чем удивили!..», V. «Я всем прощение дарую...»)
Вариант строк 5 – 7:
Пусть назовут безмолвною зимой И вечные навек захлопнут двери. Но все-таки услышат голос мой.
Та же редакция –РТ 111, в цикле «Черепки» (30-е годы), строка 5: «беззвучною зимой». В РТ ПО, л. 150 об. –другая первая строка: «Из-под каких облом¬ков говорю», дата: «30-ые годы».
Редакция 30-х годов впервые была опубликована М. М. Кралиным – БО 1. С. 247, с двумя датами – [1930-е], 1960. Ленинград.
Печ. по РТ 110, л. 46 об. с добавлением загл. и эпиграфа. Эпиграф –из «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели.
458 «С Новым Годом! С новым горем!..»
Впервые – «Памяти Анны Ахматовой». С. 22; журн. «Да¬угава». 1987. № 9. С. 125. Печ. по кн. «Памяти Анны Ахматовой». Уточнение даты –по дневнику Л. К. Чу-ковской.
В одном из вариантов плана кн. «Тростник» (при¬надлежащем В. Г. Адмони) после поэмы «Путем всея жизни» в план добавлены три стихотворения: «Новогод¬нее», «Н. Г.» и «Я знаю (Суриков)». Первое–очевидно, «С Новым Годом! С новым горем!..», являющееся откли¬ком на начало 30 ноября 1939 г. советско-финляндской войны. Второе стихотворение, зашифрованное буквами «Н. Г.», –либо «Так отлетают темные души...», либо «Заклинание», написанное к 50-летию Н. С. Гумилева. Третье –«Я знаю, с места не сдвинуться...» Включалось в цикл «Из стихотворений 30-х годов (см. БО 1. С. 257).
В дневнике Л. К. Чуковской от 13 января 1940 г.– запись о чтении ею этого стихотворения по автографу, специально для нее написанному Ахматовой и тут же сожженному над пепельницей: «Звезды неба. Не могу видеть. Словно соучаствуешь в убийстве» (Чуков¬ская, 1. С. 67).
459 Ива. Впервые –журн. «Звезда». 1940. № 3 – 4. С. 75, без загл. В сб. «Из шести книг». С. 7, с датой–1940, открывало книгу и первый разд. «Ива». В кн. «Бег времени» входило в разд. «Тростник» (С. 275). Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
Эпиграф из стихотворения Пушкина «Царское Се¬ло». Я лопухи любила и крапиву... –В РНБ хранится от¬рывок, написанный Ахматовой для дополнения воспо¬минаний В. С. Срезневской о ней и Н. С. Гумиле¬ве в Царском Селе: «Анина комната: окно на Безымян¬ный переулок... который зимой был занесен глубоким снегом, а летом пышно зарастал сорняками – репейника¬ми, роскошной крапивой и великанами-лопухами...» (Виленкин В. Я. Воспоминания с комментариями. М., 1982. С. 485; Соч., 1986. С. 244). См. также у Н. Гумилева:
И я верил, что я умру
Не один –с моими друзьями,
С мать-и-мачехой, с лопухом...
(«Детство», 1916).
Но больше всех серебряную иву. – Ива – излюбленный образ поэзии Серебряного века, восходящий к Шекспиру. См. также коммент. к стихотворению «Знаю, знаю –сно¬ва лыжи...».
460 Подвал памяти. Впервые –журн. «Моск¬ва». 1966. № 6. С. 157. Было включено в план кн. «Тростник». Печ. по автографу РГАЛИ. Дата –в списке Н. Л. Дилакторской.
В рукописи кн. «Бег времени» – ва¬рианты строк:
7: Уже по узкой летнице грохочет. 14: Я запоздала. Экая беда! 19: Сверкнули два зеленых изумруда.
В собрании Н. Л. Дилакторской вариант из 22 строк– после 17-й:
Как будто древний расторгая плен, Сквозь эту плесень, эту гарь и тлен...

В БО 1. С. 190 –под № 2 в подборке из двух стихотворений: «Из цикла «Юность» (1. «Мои молодые руки...») в разд. «Тростник».
3 мая 1940 г. в дневнике Л. К. Чуковской запи¬сан план цикла, который хотела составить Ахматова: а) «Страх, во тьме перебирая вещи...»; б) «Но сущий вздор, что я живу грустя...»; в) «Привольем пахнет дикий мед...» –и ее суждение о своем замысле: «Покойный Алигьери создал бы десятый круг ада» (Чуков¬ская, 1. С. 97). Эпиграф из поэмы В. Хлебникова «Жуть лесная» (1914), в которой, как и в стихотворении Ахматовой, идет речь о «Бродячей собаке».
Содержание стихотворения, начиная от строки «Когда спускаюсь с фонарем в подвал...», как бы проро¬чески перекликается с эпизодом 31 августа 1941 г., когда Ахматову, оставшуюся в одиночестве в осажденном и об¬стреливаемом Ленинграде, из Фонтанного Дома вел к себе на канал Грибоедова ее друг, профессор Борис Викторович Томашевский (1890–1957)–филолог, один из основателей советской школы текстологии. «На Ми¬хайловской площади их застала воздушная тревога (...) Они кинулись в первую попавшуюся подворотню. В тре¬тьем дворе спустились в бомбоубежище. Борис Викто¬рович огляделся и лукаво сказал: «Вы узнаете, Анна Андреевна, куда я вас завел? В «Бродячую собаку». Анна Андреевна невозмутимо ответила: «Со мной –только так» («Об Анне Ахматовой». С 420 – 421). Об этом же рассказывает сама Ахматова в «Наброске о городе»: «Мы на Михайловской площади вышли из трамвая. «Тревога». Всех куда-то гонят. Мы где-то. Один двор, второй, третий, крутая лестница. Пришли. С ним одно¬временно произнесли: „Собака"». Нам не известен точный текст стихотворения, записанный Ахматовой в 1940 г. Она читала его в годы войны в Ташкенте в доме А. Н. Толстого, включила в предполагаемое издание 1946 г. (см. список Н. Л. Дилакторской); затем текст был утерян и забыт Ахматовой. У Л. К. Чуковской подробно изложена история «вспоминания» и воссоздания текста в 1953 – 1955 гг. Предполагаем, что окончательная ре¬дакция могла сложиться после 31 августа 1941 г. (Чу¬ковская, 2. С. 67, 76, 79-80, 108).
Уж тридцать лет, как проводили дам. – «Бродячая со¬бака» закрылась в начале Первой мировой войны (осе¬нью 1914 г.), следовательно, датой написания этих строк мог быть и 1944 г. От, старости скончался тот проказ¬ник... – имеется в виду М. А. Кузмин, завсегдатай «Бродя¬чей собаки», поэт и драматург, пьесы которого разыг-рывались посетителями артистического кабаре, здесь же ставились пьесы-импровизации в его честь. Умер в 1936 г. Но где мой дом и где рассудок мой?–С 31 августа 1941 г. Ахматова жила в семье Б. В. Томашевского (пятый этаж «писательского» дома на канале Грибоедова); с 6 сентяб¬ря–в помещении бомбоубежища, в комнате дворника Моисея Епишкина. 17 сентября Ахматова попросила его купить ей пачку папирос «Беломор», и у табачного ларька на улице Желябова его убило дальнобойным сна¬рядом. «Всю жизнь Анна Андреевна помнила этот день», – пишет З. Б. Томашевская в воспоминаниях «Я –как петербургская тумба» («Об Анне Ахматовой». С. 422). 28 сентября 1941 г. по «вызову», подписанному А. А. Фадеевым, Ахматова была эвакуирована из осаж¬денного Ленинграда в Москву.
461 «Мне ни к чему одические рати...»
Впервые –журн. «Звезда». 1940. № 3–4. С. 75, с вариан¬том строки 2: «И прелесть элегических страстей»; «Сти¬хотворения», 1958. С. 44. В кн. «Бег времени». С. 294, с полной датой входило в цикл «Тайны ремесла», по¬следняя строка: «На радость вам и мне». Печ. по кн. «Бег времени», с уточнением последней строки, запомненной Л. К. Чуковской (Чуковская, 1. С. 71).
Не так, как у людей. – По воспоминаниям Н. Я. Ман¬дельштам, эту фразу сказала она в беседе с О. Э. Ман¬дельштамом, когда накрывала (простыней, а не ска¬тертью) стол в ожидании Ахматовой в 1926 г.: «Ничего, она любит, когда не как у людей ...) С тех пор стало у нас поговоркой» (БО 1. С. 422). Таинственная плесень на стене.–В воспоминаниях А. С. Лурье «Детский рай» он пишет: «В большом старинном доме на Фонтанке вблизи Летнего сада, из окна, выходящего во двор, на соседней глухой стене в сажень толщиной проступала леонардов-ская плесень; вглядевшись в нее, можно было отчетливо видеть силуэт в цилиндре и плаще, куда-то бегущий. О. А. Глебова-Судейкина говорила, смотря на эту тень: «Вот опять маленький Нерваль бежит по Парижу» (Вос¬поминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 274).
462 «Когда человек умирает...» Впервые – журн. «Звезда». 1940. № 3 – 4. С. 75; «Из шести книг», разд. «Ива». С. 16. В кн. «Бег времени». С. 276, дата – 1940, входило в разд. «Тростник». В БП. С. 197, да¬та–21 мая 1940.
В списке Н. Л. Дилакторской указаны две даты: 7 марта 1940 (машинописная) и 21 января 1940 –рукой Ахматовой. Печ. по кн. «Бег времени». Даты –по списку Н. Л. Дилакторской.
463 «Это было, когда улыбался...» Впер¬вые–в составе поэмы «Реквием» – отд. изд. «Реквием». Мюнхен. 1963; журн. «Октябрь». 1987. № 3. С. 130-135, журн. «Нева». 1987. № 6. С. 213–221. Печ. по отд. изд., 1963, с правкой Ахматовой.

Создавалось как самостоятельное стихотворение; 31 января 1940 г. Ахматова дала Л. К. Чуковской про¬честь «на минуту записанный» цикл «Реквием» (у Л. К. Чу¬ковской это одно из первых упоминаний названия цик¬ла), куда входили восемь или девять произведений: «Уво¬дили тебя на рассвете...», «Показать бы тебе, насмеш¬нице...», «Семнадцать месяцев молчу...», «Легкие летят недели...», «Приговор», «К смерти», «Хор ангелов вели¬кий час восславил...», «Узнала я, как опадают лица...». Чуковская не помнит, входили ли в цикл «Тихо льется тихий Дон...» и «Нет, это не я, это кто-то другой страда¬ет...» (Чуковская, 1. С. 73). Далее запись: «Потом о пушкинских темах: Европа, во-первых, и Петербург, во-вторых», что означало: «Прочитала мне, кроме «Рек¬виема», еще два стихотворения: «Не столицею европей¬ской» и, по-видимому, «Это было, когда улыбался...» (...) Строки: «Это было, когда улыбался//Только мерт-вый спокойствию рад»—я запомнила иначе: «Бесчувст¬вию рад» (там же). По свидетельству Л. К. Чуковской, тогда стихотворение в «Реквием» не входило, а было включено лишь в 1962 г. (под названием: «Вступление»). Черные мару си — тюремные машины.

404 Клеопатра, Впервые —журн. «Литератур¬ный современник». 1940. № 5 — 6. С. 43, без эпиграфа; в сб. «Из шести книг», разд. «Ива». С. 40 — 41, имело два эпиграфа: первый из трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра»: «I am air and fire» («Я —воздух и огонь», действие 5, сцена 2), второй —из стихотворения Пушкина «Клеопатра»; «Бег времени», разд. «Тростник». С. 274, с датой—1940. Печ. по кн. «Бег времени». Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.

В день написания, 7 февраля 1940 г., Ахматова прочла это стихотворение Л. К. Чуковской, «с трудом разбирая карандаш» (Чуковская, 1. С. 76). В рукописи сб. «Нечет» (РНБ)—посвящение Г. (Гаршину?) Сюжет относится к 30 г. до н. э., когда войска Марка Антония и Клеопатры, египетской царицы, потерпели поражение в войне с Римом. По римскому обычаю и по приказу римского императора Октавиана Августа, пленников, в том числе Клеопатру и ее детей, должны были ввести в Рим закованными, перед победившими войсками. И чер¬ную змейку...//На смуглую грудь... положить. — Сюжет о смер¬ти Клеопатры от укуса змеи был широко распространен в искусстве символизма, в частности, в лирике А. Блока. У Ахматовой он восходит к Пушкину и Шекспиру и в то же время является аллюзионным: стихотворение писалось одновременно с циклом-поэмой «Реквием», строка «А завтра детей закуют» отражала реальную ситуацию: арест, приговор и тюремное заключение сына —Л. Н. Гу¬милева. О Клеопатре см. также стихотворение «Любовь» и коммент. к нему.

465 Маяковский в 1913 году. Впервые —журн. «Звезда». 1940. № 3 — 4. С. 4 и альм. «Маяковскому». Л. 1940. С. 15. Окончательный текст —«Из шести книг», разд. «Ива». С 43 — 44, с датой — 1940. В кн. «Бег време¬ни». С. 279—280, дата—1940, входило в разд. «Трост¬ник» (С. 279). В автографе «Черной тетради» (РГАЛИ) посвящение Н. А. Ольшевской и другая концовка:

И еще не слышанное имя Бабочкой летало над толпой,
Чтобы вдруг под взорами твоими Превратиться в восхищенный вой.

Бабочкой летало... — Восходит к стихотворению В. Маяковского «Нате» (1913): «Все вы на бабочку поэ-тиного сердца//взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош» (Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 56). В 1957 г. было включено в «Антологию русской советской поэзии» (Т. 1. М., 1957. С. 322) с изменениями строк:

13 — 14: Сумеречной жизнью недоволен, С нетерпеньем торопя судьбу, 17: И уже растущий гул прилива.

Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты—по списку Н. Л. Дилакторской. Написано к десятилетней годовщине со дня смер¬ти В. В. Маяковского, прочитано на вечере его памя¬ти в Ленинградской академической капелле 14 апреля 1940 г. При создании этого стихотворения Ахматова делилась с близкими воспоминаниями о знакомстве и пер¬вых встречах с Маяковским в 1912 г.— в Луна-парке, накануне премьеры его пьесы «Владимир Маяковский», в 1913 г. в «Бродячей собаке» и др. (Чуковская, 1.
С. 41, 85 — 86). Об отношении Ахматовой к Маяковскому см. статью С. А. Коваленко «Ахматова и Маяковский» (Царственное слово//Ахматовские чтения. Вып. 1. М., 1992. С. 166—180). 5 марта 1940 г. Ахматова читала Чуковской только что написанное стихотворение: «Про¬чла стихи Маяковскому, слегка сбиваясь, неуверенно. Чудо энергии — строка: «То, что разрушал ты, разруша¬лось». Я попросила прочитать еще раз и, когда она задумалась, подсказала первые две строчки. ...) —Прав¬да, это непохоже на мои стихи к Пастернаку? Нисколь¬ко? Я рада, если так» (Чу ковс к ая, 1. С. 84). 3 мая 1940 г. Л. К. Чуковская записала в дневнике: «Я спросила, как прошло ее выступление в Капелле.—Все очень странно. По-моему, было самое обыкновенное выступление. Я ни¬чего особенного не заметила. А Верочка и все другие знакомые уверяют, будто были овации» (там же. С. 98).

Верочка – Аншиева Вера Николаевна (1894–1942), искус¬ствовед, работала в Русском музее и Всероссийской ака¬демии художеств, автор работ о художниках В. Лебеде¬ве и А. Нахомове. В трудные 1930-е годы помогала Ахматовой продавать некоторые картины и рисунки (Б. Григорьева, напр.). Умерла в блокаду от голода. Выступление в Капелле, публикации стихов в журн. «Звезда», «Ленинград», «Литературный современник», подготовка книг для «Издательства писателей» и «Гос-литиздата» (вышла одна: «Из шести книг» в мае 1940 г.) знаменовали собой изменения отношения правительства, партии и лично Сталина к Ахматовой и ее творчеству, прекращение официальной «опалы», продолжавшейся около 15 лет (см. об этом в статье, с. 664).

466 «Так отлетают темные души...»

Впервые –журн. «Радио и телевидение». 1966. № 13. С. 15; БП. С. 196–197, по рукописи кн. «Бег вре¬мени» с датой–1940. В списке Н. Л. Дилакторской дата –осень 1940. Однако в дневнике Л. К. Чуковской за 11 марта 1940 г. содержится запись о чтении ей первой половины этого стихотворения, только что написанного Ахматовой: «И прочла новые стихи. Какие-то дивные и не вполне уловимые» (Чуковская, 1. С. 90). 20 марта 1940 г. Ахматова «...прочитала до конца то, которое я в прошлый раз не поняла: «Сотый». Какая там ус¬талость–уже даже не предсмертная, а посмертная. И ос¬вобождение:

Мне ничего на земле не надо... Скоро я выйду на берег счастливый...

И та мечта, которая гложет и меня, и не одну меня, конечно: если бы не случилось то, что случилось, – прос¬нуться утром:

...И Троя не пала, и жив Эабани...»

(Там же. С. 91-92).

7 ноября 1940 г. Ахматова прочла Чуковской три стихотворения, среди которых вновь было «Так отлетают

темные души» –«уже без пропусков» (там же. С. 217). Таким образом, стихотворение может быть датировано 11–20 марта 1940 г.; к осени 1940 г. относится за¬вершение работы над ним. Было включено в план книги «Тростник». Печ. по БП. Дата–по дневнику Л. К. Чу¬ковской.

Обращено к Н. С. Гумилеву. Помнишь, мы были с тобою в Польше?–Ахматова была в Польше (Вильно) с Н. С. Гумилевым в 1914 г., когда провожала его на фронт. Ни громов Гомера, ни Дантова дива. – Н. С. Гумилев неоднократно писал стихи и циклы стихов на сюжеты Гомера: напр., в кн. «Жемчуга» цикл «Возвращение Одиссея», стихотворение «Воин Агамемнона» и др. Там же – чрезвычайно важная для Гумилева тема Данте (цикл «Беатриче»). И Троя не пала. – Перекличка с начальной строкой перевода Тютчева из Шиллера «Поминки»: «Па¬ла царственная Троя». И жив Эабани. – Речь идет о герое древневосточного (аккадского) эпоса о Гильгамеше. Эаба¬ни (Энкиду –совр. транскрипция) – друг Гильгамеша, погибающий по воле богов. Эпос о Гильгамеше переводи¬ли и В. К. Шилейко, и Н. С. Гумилев (с подстрочника). В. К. Шилейко написал введение к первому русскому изданию эпоса (СПб., 1919). Однако именно в переводе Гумилева герой назван Эабани. Я б задремала под ивой зеленой. – Ива в поэзии Ахматовой – «знак» Царского Се¬ла, где прошло детство и первые годы замужества. См. также коммент. к стихотворению «Знаю, знаю –снова лыжи...»

40 О «Уложила сыночка кудрявого...» Впер¬вые–альм. «День поэзии». М., 1971. С. 155, публикация В. М. Жирмунского; БП. С. 289-290. Дата-март 1940, по автографу из собрания Н. Л. Дилакторской. В днев¬нике Л. К. Чуковской от 2 августа 1940 г.– запись о чте¬нии ей этого стихотворения: «Слушать эти стихи нестер¬пимо–каково же писать?» (Чуковская, 1. С. 166 – 167). По-видимому, начатое в марте 1940 г., стихотворе¬ние было завершено к началу августа. В автографе РНБ варианты строк:

4: Наклонилась к воде и слушаю; 9 – 10: Вот меньшие бьют у Егория,
А большие с башни Благовещенской; 15: И горит свеча негасимая.

В БО 2. С. 42-дата «13-14 марта 1940. Ночь»-по записи из собрания Н. Л. Дилакторской. Печ. по БО 2. С. 41-42.

Так у нас звонили в граде Китеже. – Сюжет стихотво¬рения перекликается с одной из тем поэмы «Путем всея земли (Китежанка)», написанной в том же 1940 г. Со¬гласно легенде, во время нашествия хана Батыя новгород¬ский город Китеж был чудесным образом спасен, погру¬зившись в воды озера Светлояр. Этот сюжет использован Н. А. Римским-Корсаковьгм в опере «Сказание о невиди¬мом граде Китеже и деве Февронии», которую высоко ценила Ахматова. В стихотворении «Уложила сыночка кудрявого» героиня как бы отождествляет себя с девой Февронией. Сюжет о судьбе града Китежа многократно использован также в творчестве Н. А. Клюева, называв-шего Ахматову «китежанкой», правительницей «горнего неведомого града». Стихотворение Клюева «Мне сказа¬ли, что ты умерла...», ей посвященное, Ахматова помнила наизусть. В РТ ПО оно записано ею со словами: «Это, конечно, не мне и не тогда написано. Но я уверена, что у него была мысль сделать из меня небесную градопра-вительницу, как он сделал Блока нареченным Руси. 26 марта 1964

г. Москва».
Крин–си. с. 783.
469 Поздний ответ. Впервые–альм. «Воздуш¬ные пути». Нью-Йорк. 1963. № 3. С. 10; Соч., 1. С. 342; «Литературная Грузия». 1979. № 7. С. 86, с цен¬зурными искажениями и пропусками. Полностью –БО 1. С. 251, по автографу РНБ, в цикле «Венок мертвым». В БО 1. С. 415 (в коммент. М. М. Кралина) – другая редакция по автографу РТ 104, где имеет две даты: «1940– 1961». Печ. по БО 1. Включен в план кн. «Трост¬ник», без загл.
Две даты, указанные под стихотворением, по-види¬мому, обозначают время создания первой и второй редак¬ций. Первая была написана при известии о возвращении из эмиграции на родину Марины Ивановны Цветаевой (1892–1941), которая в 1939 г. приехала в Москву вме¬сте с сыном Георгием (Муром) вслед за мужем Сергеем Яковлевичем Эфроном и дочерью Ариадной.
Известие о приезде Цветаевой Ахматова восприня¬ла как радостное событие, и в раннем варианте стихотво¬рения она сравнивала возвращение на родину поэта с триумфальным въездом в Москву ее тезки Марины Мнишек.
См. в кн.: «Узнают голос мой...» (С. 350 – 351) – автобиографический набросок Ахматовой: «Сейчас, ког¬да она вернулась в свою Москву такой королевой и уже навсегда (не так, как та, с которой она любила себя сравнивать, т. е. с арапчонком и обезьянкой в француз¬ском платье, т. е. decollete grande gorge (большое деколь¬те– фр.), мне хочется просто, «без легенды», вспомнить эти «Два дня» (С. 350). Речь идет о двух днях в июне 1941 г.– первой личной встрече Ахматовой и Цветаевой в Москве на Ордынке, в квартире Ардовых, и второй – на следующий день в Марьиной роще у Н. И. Харджие-ва. Возможно, в РТ 104 записана именно ранняя ре¬дакция:
Невидимка, двойник, пересмешник... Что ты прячешься в черных кустах? То забьешься в дырявый скворешник, То блеснешь на погибших крестах. То кричишь из Маринкиной башни: «Я сегодня вернулась домой, Зеленеют родимые пашни – Этот мир–он до ужаса мой».
А навстречу смиренно–березки, Не во сне уже–наяву... Так твоя знаменитая тезка В золотую вступала Москву.
Известно со слов Ахматовой, что при личном зна¬комстве она «не решилась» отдать М. Цветаевой посвя¬щенное ей стихотворение, объясняя это трагизмом судьбы ее близких.
Можно предположить, что сравнение с Мариной Мнишек, многократно встречающееся и в произведениях самой Цветаевой, –в 1940 г., после арестов ее мужа и дочери, в стихотворении Ахматовой прозвучало слиш¬ком трагично и, может быть, даже иначе, чем было задумано: въехавшая в Москву для торжественной коро¬нации, Марина Мнишек нашла здесь свою погибель, заточение в Маринкиной башне и смерть любимого мужа.
РТ 104 заполнялась с октября 1961-го по январь 1962 г., когда Ахматова лежала в больнице. Видимо, тогда ею был задуман цикл из трех стихотворений под названием «Милые тени»: I. О. Мандельштаму («Я над ними склонюсь, как над чашей...»); II. М. Цветаевой («Невидимка, двойник, пересмешник...») и III. Б. Пас¬тернаку («Умолк вчера неповторимый голос...»). Все три стихотворения получили загл. – «Пожелтелые листы», «Поздний ответ», «Прощание» – и общий эпиграф: «Отьгае adoratae» (Возлюбленные тени–лат.). Именно в 1961 г. была создана вторая редакция стихотворения.
Следует отметить, что М. М. Кралин высказал сомнение в том, что редакция РТ 104 является ранней: по его мнению, она «вызвана к жизни исключительно желанием увидеть стихи в печати» (письмо М. М. Крали-на от 26 октября 1996 г.– собрание Н. В. Королевой). Эта версия М. М. Кралина не находит подтверждения. При жизни Ахматовой в России ни стихотворение «Поздний ответ», ни цикл «Милые тени» опубликованы не были. Цикл «Венок мертвым» –тоже. В рукописи кн. «Бег времени» (РГАЛИ, 1963)–посвящение: «М. И. Цве¬таевой» (без эпиграфа) и варианты строк: 10: И разрушен родительский дом; 11: Мы с тобою сегодня, Марина, 16: Да московские дикие стоны; Дата–16 марта 1940. Фонтанный Дом.
Эпиграф –из стихотворения Цветаевой 1921 г. «Ах¬матовой» («...Кем полосынька твоя...»). Смысл загла¬вия – «поздний ответ» Ахматовой на цикл стихов 1915–1921 гг., который Цветаева посвятила Ахмато¬вой и оставшийся тогда без ответа. В рукописи кн. «Бег времени» и многочисленных планах «Седьмой книги», «Другой книги» и пр. включалось в цикл «Венок мерт¬вым», в РТ 118 –в цикл «В сороковом году». Марин-кина башня – часть Кремля в городе Коломна, где, по преданию, была заточена Марина Мнишек. Ахматова осматривала «Маринкину башню» во время пребывания в Старках у Шервинских летом 1936 г. В «Марин -киной башне» происходит действие повести Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море». В Старки и Коломну была приглашена на июль 1941 г. не имеющая при¬станища в Москве Марина Цветаева. Бездомность –по¬стоянная тема разговоров Цветаевой 1940 г.,

поэтому ахматовская строка «И разрушен родительский дом» вполне могла быть написана после беседы с Цветае¬вой. Поглотила любимых пучина. – Вскоре по приезде в СССР были арестованы дочь А. С. Эфрон и муж Марины Цветаевой С. Я. Эфрон; в тюрьме с 1938 г. находился сын Ахматовой Л. Н. Гумилев. По столице полночной идем... – После второй встречи (в Марьиной роще у Н. И. Харджиева) Ахматова и Цветаева шли пешком по центру Москвы в Театр Красной Армии, где в тот вечер играла близкая приятельница Ахматовой, Нина Антоновна Ольшевская (1908–1991). «И когда они шли рядом по московской улице, за ними шел согляда¬тай, и Анна Андреевна, заметив его, подумала: «Этот за нею? или за мной?» (Королева Н. В. Анна Ах¬матова и ленинградская поэзия 1960-х годов//Ахматов-ские чтения. Вып. 3. М., 1992. С. 130). И безмолвнее шествия нет. – Возможно, из этой строки Ахматовой взя¬то название ранней поэмы И. Бродского «Шествие», написанной в начале 1960-х годов, в период общения с Ахматовой.
4 /U «Вот это я тебе, взамен могильных роз.*» Впервые – альм. «День поэзии». Л., 1966. С. 50; в кн.: Виленкин В. Я. В сто первом зеркале. М.,4987. С. 149–150. Включено в план кн. «Тростник». В других планах входило в цикл «Венок мертвым». Печ. по кн. Виленкина, где опубликовано и факсимиле автографа с датой–1940, Ленинград. Март (вкладка между с. 9б и 97). Виленкин приводит варианты строк ранней ре¬дакции:
13: О, кто поверить смел, что полоумной мне 14: Мне, плакальщице дней погибших [жизни бывшей] 16: Все потерявшей, всех забывшей 20: Скрывая дрожь предсмертной боли.
Этот вариант опубликован в БП. С. 289, в качестве основного текста. В автографе РГАЛИ варианты строк:
13: И кто подумать смел, что полоумной мне 16–17: Всех потерявшей, все забывшей Сходная редакция – И РЛИ, фонд Ардовых. В РТ ПО –под загл. «Памяти М. Б –ва (из книги «Венок мертвым»). Варианты строк:
13: О, кто поверить [мог] смел, что полоумной мне 14: Мне, плакальщице дней погибших 16: Все потерявшей, всех забывшей 20: Скрывая дрожь предсмертной боли. 1940. Фонтанный Дом.
Посвящено памяти Михаила Афанасьевича Булгако¬ва (1891 – 1940). Ахматова была дружна с Булгаковым с 1933 г., бывала в доме Булгаковых в Москве, в На-щокинском переулке, – приходила за советом в период хлопот за арестованного сына, слушала в чтении Бул¬гакова его новые произведения, в том числе главы рома¬на «Мастер и Маргарита» (см. об этом в кн.: Соко¬лов Б. В. Булгаковская энциклопедия. М., 1996. С. 26).
В. Я. Виленкин пишет об отношениях Ахматовой и Бул¬гакова: «Близким другом Булгакова Анна Андреевна, впрочемА не была. Она с ним была связана иначе: посто-янным интересом друг к другу, незыблемым взаимным доверием и уважением. Анна Андреевна не раз приходи¬ла к Булгакову в Нащокинский переулок за советом и за помощью в самые тяжелые для нее времена. Бывала она у него и просто в гостях, но редко. «Дьяволиаду» и «Ро¬ковые яйца», повесть о Мольере и пьесу «Мольер» («Ка¬бала святош»), не говоря уже о «Белой гвардии», «Днях Турбиных», «Беге» –все это она отлично знала, судя по точности отдельных припоминаний, и высоко ценила» (Виленкин В. Я. В сто первом зеркале. С. 109). Бул¬гакова и Ахматова жили в одном доме в Ташкенте, где Елена Сергеевна давала ей читать неопубликованные тогда произведения Булгакова, в том числе полный текст романа «Мастер и Маргарита». В книге В. Я. Виленкина рассказывается о том, как вскоре после смерти Булгакова Ахматова пришла к Елене Сергеевне с только что напи¬санным стихотворением и, не доверяя его бумаге, попро¬сила ее выучить его наизусть; Ахматова сказала, «...что она будет повторять ей строфу за строфой столько раз, сколько понадобится, что не уйдет, пока она все не запомнит. И с тех пор много лет эти стихи так и остава¬лись только в их памяти» (там же. С. 111).
И гостью страшную ты сам к себе впустил... – Е. С. Бул¬гакова вспоминала о словах мужа, что 1939 г.–его пос¬ледний год. Он говорил о своей скорой смерти друзьям во время веселых застолий, «подчеркивал все смешное, что может сопутствовать такому моменту. И все мы так привыкли к этим рассказам, что, если попадался какой-нибудь новый человек, он смотрел на нас с изумлением» (Булгакова Е. С. О пьесе «Бег» и ее авторе. В кн.: Воспоминания о М. Булгакове. М., 1988. С. 389). На полях рукописи «Мастер и Маргарита» сохранилась запись-заклинание Булгакова: «Дописать раньше, чем умереть!» По этому поводу некоторые исследователи творчества Булгакова делают следующий вывод, касаю¬щийся и стихотворения Ахматовой на смерть Булга-кова: «Факт предсказания года собственной смерти (ср. строку Ахматовой «И гостью страшную ты сам к себе впустил»), совпадения времени завершения романа и смертного часа заставили и исследователей, и чита¬телей увидеть в этом некое провиденциальное событие, и послужили импульсом к созданию в русской культуре мифа о «тайне» жизни и смерти

М. Булгакова» (см. об этом в статье: Белобровцев И. З., Кульюс С. К. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» как эзотерический текст//Блоковский сборник. Т. XII. Тар¬ту, Тартуский университет. Кафедра русской литерату¬ры. 1993. С. 166).
4/1 «Опять поминальный приблизился час.*» Впервые –в составе поэмы «Реквием» – отд. изд. «Реквием». Мюнхен, 1963; журн. «Октябрь». 1987. № 3. С. 130-135; журн. «Нева». 1987. № 6. С. 213-221. Печ. по отд. изд., 1963, с правкой Ахматовой. В кн. «Я –голос ваш...». С. 161, опубликован дру¬гой список с вариантами строк: 16: В канун моего погребального дня 29: Забыть, как постылая хлюпала дверь. Дата–1940, март. Фонтанный Дом.
29 мая 1940 г. Ахматова прочитала этот отрывок, ставший эпилогом поэмы «Реквием», Л. К. Чуковской и Т. Г. Габбе: «Анна Андреевна уселась в свое люби¬мое кресло, драное, хромое, и, раскинув по-своему руки, прочитала нам пушкинский «Памятник». В сноске Л. К. Чуковская дает разъяснение этой зашифрованной записи: «Шепотом; усадив нас возле; и не пушкинский, а свой – эпилог «Реквиема», где есть такие строки:
А если когда-нибудь в этой стране Воздвигнуть задумают памятник мне...»
(Чуковская, 1. С. 127).
Тамара Григорьевна Габбе (1903 – 1963) – редак¬тор, фольклористка, автор пьес для детей; была членом «маршаковской редакции» Детгиза, разгромленной в Ле¬нинграде в 1937 г. Л. К. Чуковская рассказала в днев¬нике, какую реакцию вызвало у Т. Г. Габбе только что услышанное стихотворение Ахматовой «Опять поми¬нальный приблизился час»: «Есть такое выражение: нуж¬но, как хлеб, как воздух. Я теперь буду говорить: нужно, как слово... Простите меня, Анна Андреевна, но даже вы, создавшая это, даже вы не знаете, как оно нужно. Пото¬му что вы не были там –к великому всеобщему счастью... А я помню себя там, и помню лица и ночи... Если бы они, там, могли себе представить, что зто есть... Но они уже никогда не узнают. Сколько уст смолкло, сколько глаз закрылось навсегда... Помолчали. «Спасибо вам», – сказала Анна Андре¬евна. Потом заговорила о другом, спокойным голосом ...» (там же. С. 127-128).
473 Про стихи Нарбута. Впервые –журн. «Наш современник». 1960. № 3. С. 179, под загл. «Про стихи», без посвящения, вариант строки 3: «Это –сотни белых звонниц». В кн. «Стихотворения», 1961. С. 288 – окончательный вариант текста под загл. «Про стихи», с посвящением Владимиру Нарбуту; то же –«Бег време¬ни». С. 298, без даты. В дальнейшем текст не менялся, варианты загл.: «Про стихи», «Про стихи. Нарбуту», «Про стихи. Памяти Вл. Нарбута», «Про стихи Нарбу¬та». В РТ 96 под № 1 в подборке «Из цикла «Тайны ремесла», без загл. с посвящением «Вл. Н – ту», дата – 1940. в «Черной тетради» (РГАЛИ)–зачеркнуто посвя¬щение Н. И. Х(арджиеву), дата –1940, апрель, Москва. В рукописи кн. «Бег времени» (РГАЛИ)–два варианта загл.: «Про стихи. Памяти Вл. Нарбута» и «Про стихи Нарбута» с посвящением Н. Х., т. е. Николаю Иванови¬чу Харджиеву. Печ.: текст –по кн. «Бег времени», загл. и посвящение – по 2-му варианту рукописи кн. «Бег вре¬мени». Было включено в план кн. «Тростник». В кн. «Бег времени» –в цикле «Тайны ремесла».
Владимир Иванович Нарвут (1888 –1938) – сорат¬ник Ахматовой и Гумилева по «Цеху поэтов», акмеист. Был репрессирован, погиб в лагере. Харджиев Николай Иванович (1903– 1996)–прозаик, литературовед, искус¬ствовед, близкий друг Ахматовой и Мандельштама. По¬знакомился с Ахматовой в Ленинграде в 1930 г. Посвяще¬ние Н. И. Харджиеву объясняется тем, что именно он в 1940 г. познакомил Ахматову со стихами Нарбута, которых она не знала и которые произвели на нее силь-ное впечатление. Под черниговской луной. – Нарбут родился на хуторе Нарбутовка Черниговской губернии. Док-кил:–душистые медоносное растение с белыми или жел¬тыми цветами.
4/4 Стансы. Впервые – журн. «Вестник русско¬го христианского движения». 1969. № 93. С. 15; сб. «Памяти Анны Ахматовой». С. 19, с вариантами строк 5 – 6:
В Кремле не надо жить, Преображенец прав, Здесь древней ярости еще кишат микробы.
Дата-1940.
В России первая публикация принадлежит М. М. Кралину: «Ленинградская правда». 1989. 29 ян¬варя, по автографу РНБ; то же –БО 1. С. 194.
Варианты строки 6: «Там зверства древнего еще кишат микробы».
Варианты пунктуационные:
1: Многоточие после слова: «Замоскворечье...»
2: Как крестный ход, идут часы Страстной Недели...
4: Точка в конце строки.
5: Тире после слова «жить».
В строках 7 –8 –со строчной буквы написания имен: «всех иванов», «и самозванца». В других изданиях Ахматовой 1989 г.– «Я –голос ваш...». С. 266 и «Узнают голос мой...». С. 265–та же редакция, что в сб. «Памяти Анны Ахматовой»: строка 6: «Здесь древней ярости еще кишат микробы». В журн. «Огонек» (1989. № 10. С. 12)

была опубликована редак¬ция стихотворения, известная со слов друга Ахматовой, литературоведа и переводчика Владимира Сергеевича Муравьева:
Строки 5 – 8:
«В Кремле не можно жить», –Преображенец прав. Там зверства древнего еще кишат микробы: Бориса дикий страх, всех Иоаннов злобы, И Самозванцев спесь–взамен народных прав.
Опубликовано-БО 1. С. 403. В изд. Соч., 1990. С. 332 –333 –В. А. Черных приводит текст с иным гра¬фическим расположением строк по автографу РНБ:
Стансы
Стрелецкая луна.
Замоскворечье. Ночь. Как крестный ход, идут
Часы Страстной недели. Мне снится страшный сон.
Неужто в самом деле Никто, никто, никто
Не может мне помочь? В Кремле не надо жить,
Преображенец прав. Здесь древней ярости
Еще кишат микробы: Бориса дикий страх,
И всех Иванов злобы, И Самозванца спесь –
Взамен народных прав.
1940
Вариант стихотворения «Стансы» со строкой 5: «В Кремле не можно жить...» – по автографу в подготови¬тельных материалах к кн. «Бег времени» (РГАЛИ) – опубликован Н. Г. Гончаровой в статье «Но все-таки услышат голос мой...» (планы несостоявшихся сборников Анны Ахматовой)//Вопросы литературы. 1993. Вып. VI. С. 304.
Печ. по кн.: Чуковская, 2. С. 588, где приводит¬ся вариант текста, который, по словам Л. К. Чуковской, Ахматова намеревалась включить в «Бег времени» (там же. С. 207). Дата –по рукописи РНБ.
Впервые, по свидетельству Л. К. Чуковской, Ах¬матова размышляла о возможности опубликовать «Стан¬сы» в 1956 г., при отборе стихов для антологии поэзии, которую составляли Б. Слуцкий и Е. Винокуров к сорока¬летию советской власти. Однако слишком прямая анало¬гия в последней строке – «полный и точный портрет Сталина», по словам Л. К. Чуковской, остановили ее:
«– Как вы думаете, все догадаются, что это его портрет, или вы одна догадались? – спросила Анна Анд¬реевна.
– Думаю, все.
– Тогда не дадим, – решила Анна Андреевна. – Охаивать Сталина позволительно только Хрущеву» (там же. С. 207). Стрелецкая луна – образ, возможно, навеян картиной В. И. Сурикова «Утро стрелецкой каз¬ни». Страстная неделя –неделя Великого поста перед Пасхой. Преображенец – Петр I Алексеевич (1672–1725), создатель в 1689 г. Преображенского Приказа, централь¬ного учреждения для управления Преображенским и Се¬меновским полками и для охраны порядка, в том числе для борьбы с политическими преступлениями. В 1703 г. основал Санкт-Петербург и перенес в него столицу. Бори¬са дикий страх. – Страх Бориса Годунова (1551 – 1605), пришедшего к власти в результате убийства наследника престола Дмитрия и умершего накануне вторжения в Москву войска Лжедмитрия I. И всех Иванов зло¬бы.–Речь идет об Иване IV Васильевиче (Грозном, 1530–1584), великом князе Московском и с 1547 г. русском царе, и, возможно, его предшественниках, Иване I Даниловиче Калите (ум. 1340) и Иване III Васильевиче (1440–1505). Самозванца спесь – Лжедмит¬рия I (ум. в 1606), захватившего русский престол и царствовавшего в 1605–1606 гг. под именем царевича Дмитрия.
475 Из цикла «Юность». Впервые – «Ленин¬градский альманах», 1945. С. 210, без строк 7 – 8, 25 – 28, с иной строкой 1: «Пятнадцатилетние руки...», в подборке «Шаг времени»; журн. «Радио и телевиде¬ние». 1966. № 13. С. 15 (полный текст). Печ. по этой публикации. Дата –в списке Н. Л. Дилакторской, где стихотворение обозначено как «Пятнадцатилетние ру¬ки»–осень (?) 1940. Уточнение даты –по записям в днев-нике Л. К. Чуковской от 3 мая 1940 г. и 29 сентября 1940 г.– о чтении ей этого стихотворения:
3 мая: «Прочитала два новых: о башне. И впечатле¬ние от стихов» (сноска: (...) «О башне» –это, вероятно, «Мои молодые руки» со строками «Кто знает, как пусто небо//На месте упавшей башни,//Кто знает, как тихо в доме,//Куда не вернулся сын...» (Чуковская, 1. С. 98).
29 сентября: «Пока чайник вскипал, Анна Андреев¬на читала мне стихи. Прочла про темные души, про Шекспира, потом, извинившись, что читает неокончен¬ное, про руки и Павловск» (там же. С. 202 –203).
По замыслу Ахматовой, цикл «Юность» должен был состоять из нескольких стихотворений о «начале жизни», над которой Ахматова работала в 1940 г. (см. об этом БП. С. 478). Время, о котором идет речь в стихо¬творении, – 1904–1905 гг. И

облака сквозили//Кровавой Цу¬симской пеной. – Имеется в виду поражение русского флота при Цусиме в мае 1905 г. От дома того –ни щепки.–Дом Шухардиной в Царском Селе на Широкой улице, о кото¬ром Ахматова писала: «Дому было 100 лет. Он принад¬лежал похожей на рысь купеческой вдове Евдокии Ива¬новне Шухардиной, странными нарядами которой я любовалась в детстве. (...) Этот дом памятнее мне всех домов на свете. В нем прошло мое детство (нижний этаж) и ранняя юность (верхний). Примерно половина моих снов происходит там». В 1905 г. дом был перестроен, затем снесен, и на его месте разбит привокзальный парк. То Павловского вокзала//Раскаленный музыкой купол... –Речь идет о здании летнего концертного зала –Павловского вокзала в городе Павловске, где происходили еженедель¬ные симфонические концерты и «гулянья» царскосель¬ской и павловской «дачной» публики. Баболовский дво¬рец– дворец в Царском Селе, построен в 1783 г. для Г. А. Потемкина. Ахматова писала о том, что стихотворе¬ния-воспоминания о юности «Ива» и «Пятнадцатилетние руки...» «вызвали неудовольствие Сталина и упреки, что я тянусь к прошлому» (БО 1. С. 402).
477 «Уже безумие крылом...» Впервые – «Из¬бранное», 1943. С. 108, без 4-й строфы, под загл. «Дру¬гу». В составе поэмы «Реквием» – отд. изд. «Реквием». Мюнхен, 1963; журн. «Октябрь». 1987. № 3. С. 130-135; журн. «Нева». 1987. № 6. С. 213-221. Печ. по кн. «Я –голос ваш...». С. 160.
6 мая 1940 г. стихотворение было записано, дано для прочтения Л. К. Чуковской и сожжено над пепель¬ницей: «Опять халат, диван, скомканное одеяло, спутан¬ные нечесаные волосы. Трудно поверить, что какие-нибудь два дня назад она была так моложава, нарядна, победительна. Желтое, осунувшееся старое лицо. (...) Умолкла. Совершила обряд.
«И лип взволнованные тени».
И я сразу поняла все: желтизну, растрепанность, бессонность.
– Это вы сегодня ночью?
– Нет, вчера днем. Под непрерывные звонки из издательства» (Чуковская, 1. С. 99), т. е. звонки в связи с выходом сб. «Из шести книг».
4/в «и вот, наперекор тому...» Впервые – «Памяти Анны Ахматовой». С. 23, с ошибкой в строке 5: «То, чтобы дверью стала дверь», дата–1940; журн. «Даугава». 1987. № 9. С. 125, публикация Р. Д. Ти¬менчика. В БО 1 включено в цикл «Из стихотворений 30-х годов» под № 6 в соответствии с планом кн. «Бег времени» (РНБ). Печ. по журн. «Даугава». Уточнение даты – не позже 20 мая – по времени чтения стихотворе¬ния Л. К. Чуковской: «Помолчали. Когда она долго молчит –я уже научилась понимать, – она готовится. И в самом деле: черный обряд. Замок и дверь.
– Какая жесткость, сила, –сказала я.
– Вы находите? Я так и хотела» (Чуковская, 1. С. 121-122).
Эпиграф – измененные строки Н. А. Заболоцкого «И души лип вздымали кисти рук,//Все голосуя против преступлений» из стихотворения «Ночной сад» (1936).
479 Надпись на книге («Почти от зале-тейской тени..м). Впервые – «Избранное», 1943. С. 44, без посвящения. Вариант строки 1: «Почти что от летейской тени»; «Стихотворения», 1958. С. 46, без 1-й строфы. Начальная строка: «Пускай над временами года». Варианты строк:
9: Мне улыбнется так же кротко, 13: Возникнут, словно в книге этой.
Окончательный текст – «Стихотворения», 1961. С. 189 и «Бег времени», разд. «Тростник». С. 253. Дата –май 1940. Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты – 28 мая –в списке Н. Л. Дилакторской.
Стихотворение посвящено М. Л. Лозинскому и написано Ахматовой на обороте титульного листа сб. «Из шести книг». С датой: «28 – 29 мая 1940». Ва¬рианты строк:
1: Почти что от летейской тени; 12: И оснеженный Петроград.
В тот час, как рушатся миры. – Речь идет о Второй мировой войне, уже идущей в Европе. Дар весенний.– Сб. «Из шести книг» подписан к печати 8 мая 1940 г.; к 28 мая была, отпечатана первая часть тиража. Как тридцать лет тому назад. – Ахматова была знакома и дружна с Лозинским с начала 1910-х годов: Лозинский рассказывал П. Н. Лукницкому, что он познакомился с Ахматовой у Е. Ю. Кузьминой-Караваевой 10 ноября 1911 г. Тростник оживший зазвучал. –Но словам Л. К. Чу¬ковской, название «Тростник» Ахматова заимствовала из восточной легенды о тростнике, выросшем на могиле убитой девушки. Дудочка, сделанная из тростника, пове¬дала об убийцах. Этот сюжет широко распространен в европейских и русских сказках. Образ тростника у Ах-матовой связан также со стихотворением Ф. И. Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...» (1865)–см. строку «И ропщет мыслящий тростник». Тютчевское стихотво-рение имеет эпиграф из римского поэта IV в. до н. э. Авзония: «Есть музыкальная стройность в прибрежных тростниках», а сам тютчевский образ «мыслящего трост-ника» восходит к известному афоризму Блеза Паскаля: «Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творе¬ний природы, но он

—тростник мыслящий» («Мысли» Паскаля).
480 Третий Зачатьевский. Впервые — «Бег времени», разд. «Из книги Anno Domini». С. 202, с не¬верной датой —1922, без строк 9—10, с иным порядком двустиший (4 — 6 — 3). В рукописной кн. «Нечет» под загл. «Из цикла «Старая Москва». Третий Зачатьев¬ский», с датой—1940. В автографе РГАЛИ даты—1940 и в скобках — 1918; вторая дата означает время описыва¬емых событий: в конце 1918 г. Ахматова и В. К. Шилей¬ко жили в Москве в Третьем Зачатьевском переулке (в районе Остоженки). В рукописи кн. «Бег времени» вошло в цикл «Черный сон»; впервые в составе цикла — БП. С. 154. Печ. по кн.: Чуковская, 1. С. 273, где приведен наиболее полный вариант текста. Дата — в списке Н. Л. Дилакторской —лето 1940. Уточнение даты — не позже 2 августа — по времени прочтения стихо¬творения Д. К. Чуковской: «Я спросила у Анны Андреев¬ны, нет ли новых стихов. —Два старых окончила и два новых начала, — ответила она, надела очки, открыла кни¬гу. Прочитала мне новое начало к стихотворению, кото¬рое я уже слышала («Мне бы тот найти образок»). Теперь оно начиналось так:
Переулочек, переул... Горло петелькой затянул.
Прочитала новый конец к Страшному дому. Потом спросила: «Понятно, что «переул» —это оборванное, не¬договоренное слово?» Потом прочла «Уложила сыночка кудрявого» (Чуковская, 1. С. 166—167).
481 Август 1940. Впервые —журн. «Ленин¬град». 1946. № 1 — 2. С. 13, под загл. «Август 1940». В кн. «Бег времени». С. 305, в цикле «В сороковом году», под № 1, без загл., в составе «Седьмой книги» (№ 2. Лондон¬цам, № 3. Тень, № 4. «Уж я ль не знала бессонницы...», № 5. «Но я предупреждаю вас...»). Общая дата цик¬ла—1940. В рукописях и планах неосуществленных сбор¬ников открывало кн. «Нечет». Печ. по кн. «Бег времени». Загл. и дата —по списку Н. Л. Дилакторской. Эпиграф из сонета Вяч. Иванова «Латинский квар¬тал», открывающего разд. «Товарищам» в кн. «Прозрач¬ность» (1904) и посвященного художнице Е. С. Круг-ликовой, салон которой в Париже посещали многие русские поэты и художники. В сонете Вяч. Иванова речь идет о Париже и великих людях прошлого, живших в этом городе: Данте, Абеляре:
(...) Где речь вольна и гении косматы... Где ткет любовь меж мраморных Диан На солнце ткань —и Рима казематы Черны в луне?.. То—град твой, Юлиан! (Иванов Вяч. Кн. 1. С. 193).
Юлиан (331—363)—римский император, до восше¬ствия на римский престол был правителем Гельвеции и жил в Лютеции (Париже). Так вот —над погибшим Пари-жем...—Париж был оккупирован немецкими войсками 14 июня 1940 г. 7 августа 1940 г. Ахматова прочитала стихотворение Л. К. Чуковской, — см. запись в ее днев¬нике от 8 августа 1940 г.: «(.-•) Анна Андреевна прочла мне новое стихотворение — о тишине в Париже —окон¬ченное, но без одной строки, — которое меня потрясло. Не знаю, придется ли оно по душе поклонницам ее женской Музы, но мне оно представляется гениальным. Стон из глубины души, как выдох: «Лева!» Она услы¬шала горе всего мира.
— Какие там теперь разлуки! —сказала мне Анна Андреевна о Франции, о Париже. Что бы ни происходило с ней или возле нее — круп¬ное или мелкое,— она всегда сквозь свои заботы слышит страну и мир» (Чуковская, 1. С. 171).
482 Тенъ. Впервые — «Литературная газета». 1960. 29 октября, без эпиграфа; «Стихотворения», 1961. С. 193, в цикле «В сороковом году»; «Бег времени». С. 306 — 307. Печ. по кн. «Бег времени». Дата —по списку Н. Л. Дилакторской, где озаглавлено «Современница». То же загл. —в автографе РГАЛИ, посвящение С. А. и полная дата. Варианты строк:
9—10: О тень, прости меня, но хмурая погода, Флобер, бессонница и легкая мигрень Мигрень, бессонница и белая сирень. 13: Напомнили, но мне такого рода. Первоначальное название «Современница» было изменено по настоянию редакции «Литературной газе¬ты»,—«ей объяснили, что «современница» — это не ее, а наша современница (.-•) Тогда она назвала стихо¬творение «Тень», и новое заглавие укоренилось» (Чу¬ковская, 1. С. 177). Эпиграф из чернового вариан¬та стихотворного цикла О. Э. Мандельштама «Соломин¬ка». Стихотворение Ахматовой и цикл Мандельштама обращены к Саломее Николаевне Андрониковой-Галъперн (1888—1982), петербургской красавице, которой посвя¬щали стихи многие поэты 1910—1920 гг. Ее упоминает в стихотворении 1923 г. Г. Иванов:
Январский день. На берегу Невы Несется ветер, разрушеньем вея. Где Олечка Судейкина, увы! Ахматова, Паллада, Саломея? — Все, кто блистал в тринадцатом году — Лишь призраки на петербургском льду.
...Даръялъских глаз струился нежный свет... — Намек на грузинское происхождение Саломеи Андрониковой, которая была дочерью грузинского князя. Флобер, бессон-ница и поздняя сирень... — Флобер возникает в этом контексте, возможно, в связи с перекличкой имен Саломеи Андро-никовой-Гальперн и героини повести Г. Флобера «Иро-диада», падчерицы Ирода — Саломеи. Ср. также строку Мандельштама:

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» и строки о бессоннице из цикла «Соломинка»: «В часы бессонницы предметы тяжелее...» Чтением Флобера увле¬кались в России в 1910-е годы. Перед поездкой в Париж Гумилев купил для Ахматовой «Мадам Бовари», чтобы она читала в поезде, но, по ее словам, она прочитала роман залпом еще до отъезда. В РТ 103 есть следую¬щая запись Ахматовой, возможно, предназначенная для эпиграфа:
«14 сентября 1963 г.).
И солнце не встало. И помощь ниоткуда не пришла (Флобер. «Бовари»)».
483 «Соседка из жалости—два кварта¬ла...» Впервые —журн. «Подъем». Воронеж. 1968. № 3. С. ПО, публикация А. С. Крюкова; БП. С. 290 —по авто¬графу в «Черной тетради» (РГАЛИ). Вариант строки 7: «И громче спросит, но не ответит»; БО 2. С. 42 — по записи Н. Л. Дилакторской, отличающейся от авто¬графа пунктуацией, с датой —17 августа 1940 —и вариан¬том строки 5: «И встанет совсем один на свете». 18 августа 1940 г. Ахматова прочитала стихотворение Л. К. Чуковской, которая запомнила другой вариант строфы 2:
И станет над ней один на свете, Над рыхлой, черной, родной землей, И позовет... Но уже не ответит Ему, как прежде, голос мой. (Чуковская, 1. С. 180).
Так же стихотворение опубликовано в кн. «Узнают голос мой...». С. 265. Печ. по Соч., 1986. С. 321, пуб¬ликация В. А. Черных. Дата —по списку Н. Л. Дилак¬торской.
Обращено к Владимиру Георгиевичу Гаршину.
19 августа Л. К. Чуковская записала свой отзыв о стихотворении: «Какой в ней живет высокий дух, с ка¬ким могуществом она превращает в чистое золото битые черепки, подсовываемые ей жизнью! Вот уж воистину «из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Тут и Таня, избивающая Валю, и беспомощный В(ладимир) Г(еоргиевич), но в стихах это уже не помойная яма коммунальной квартиры, а торжественный и трогатель¬ный час похорон» (Чуковская, 1. С. 180). Таня — Смирнова, соседка по квартире, мать Вали и Вовы, жена милиционера; иногда помогала Анне Андреевне по хо¬зяйству. В. Г. —В. Г. Гаршин.
484 Лондонцам. Впервые—«Избранное», 1943. С. 12, с вариантом строки 2: «Пишет время костлявой рукой». В рукописи кн. «Нечет» (РНБ)—вариант загл. по-английски: «To the Londoners» и эпиграф из Апо¬калипсиса. В рукописи кн. «Нечет» и изданиях «Стихо¬творения», 1961 и «Бег времени». С. 306, входило в цикл «В сороковом году». Печ. по кн. «Бег времени», эпи¬граф по рукописи кн. «Нечет» (РНБ). Дата установлена по содержанию, а также по времени чтения стихотворе¬ния Л. К. Чуковской (Чуковская, 1. С. 202).
Написано в связи с развертыванием немцами Вто¬рой мировой войны в Европе и началом бомбардировок и обстрелов английских городов. Двадцать четвертую драму Шекспира... — Еще не написанную Шекспиром, следующую за его двадцатью тремя каноническими. Сами участники грозного пира. — Так печаталась строка во всех прижизненных изданиях Ахматовой. М. М. Кра-лин в БО 1. С. 205, использовал вариант «чумного пира» —по рукописи, что корреспондируется с пуш¬кинским образом «Пира во время чумы». Гамлет, Це¬зарь, король Лир, Джульетта, Макбет — герои трагедий В. Шекспира.
4 О J Предыстория. Впервые — «Ленинградский альманах». 1945. С. 209, в подборке «Шаг времени», с разночтениями, без последних трех строф, начиная от строки «И женщина с прозрачными глазами...». Полно¬стью—в кн. «Бег времени». С. 441—443, с неверной датой—1945, в цикле «Северные элегии», состоявшем из четырех стихотворений, под загл.: «Первая. Предысто¬рия». В дальнейшем цикл был составлен из семи элегий, первая сохранила название «Предыстория». Печ. по кн. «Бег времени». Даты —по списку Н. Л. Дилакторской.
В «Предисловии» к «Седьмой элегии» (РТ 97) 1958 г. Ахматова писала: «Вскоре после окончания войны я написала два длинные стихотворения белыми стихами и окрестила их «Ленинградскими элегиями». Затем я присоединила к ним еще два стихотворения («Россия Достоевского», 1940 — 42 и «В том доме», 1921), дав им новые заглавия — «Предыстория» и «Первая Ле¬нинградская». Время первого этапа работы над «Преды¬сторией» уточняется датой в списке Н. Л. Дилактор¬ской и записью в дневнике Л. К. Чуковской от 13 ноября 1940 г.: «...она из ящика достала пачку бумаг и попроси¬ла меня сесть рядом с ней на диван.
— Я вам этого не читала, потому что оно казалось мне недостаточно внятным. Оно не кончено. А написано давно —3 сентября.
Прочитала о Достоевском.
— Скажите, а это не похоже на «Отцы»?
— Нет. Совсем другой звук, — ответила я.
— Это самое главное, чтобы был другой звук, — ска¬зала Анна Андреевна» (Чуковская, 1. С. 221—222).
«Отцы» — название одной из глав поэмы Б. Л. Пас¬тернака «Девятьсот пятый год». Написанная в первом варианте до 3 сентября 1940 г., элегия была окончена в

Ташкенте в 1942-м или в 1943 г. Эпиграф – неточная цитата из «Домика в Коломне» Пушкина. У Пушкина: «Я живу//Теперь не там...» В Гороховой, у Знаменья, под Смольным. – Связанные с Достоевским места центра Пе¬тербурга: Гороховая улица, Знаменская церковь –Иеру¬салимская церковь на Знаменской улице близ Москов-ского вокзала, Смольный собор. Еще не опозоренный модерном. – Дома в стиле «модерн» были построены на Литейном проспекте в начале XX в. Ахматова имеет в виду, по-видимому, дома, отгородившие от Литей¬ного проспекта двор и сад Фонтанного Дома, которые до начала XX в. не были застроены. В 1914 г. на этом участке был сооружен так называемый Шереметевский пассаж (Литейный, 53, архитекторы М. В. Красовский и И. В. Экскузович, в 1930-е гг. здание было надстроено). В стиле «модерн» в 1911 – 1913 гг. построен и дом 57 – «Новый Пассаж» – по проекту Н. В. Васильева, который был одним из ведущих архитекторов «петербургского модерна». По предположению М. Б. Мейлаха, Ахматова могла иметь в виду и дом в стиле конструктивизма – Литейный, 4, где помещались многочисленные подраз¬деления милиции и НКВД (так называемый «Большой дом» в Ленинграде) – см. «Стихотворения Анны Ахмато¬вой», Душанбе, 1990. С. 493. И визави меня живут – Нек¬расов//И Салтыков... – На четной стороне Литейного про-спекта в доме 36 помещались редакции журналов «Современник» и «Отечественные записки». Здесь ныне находится музей-квартира Н. А. Некрасова. М. Е. Сал¬тыков-Щедрин жил в доме № 60. А в Старой Руссе...– В Старой Руссе жил в 1870-е годы Ф. М. Достоевский; там происходит действие ряда его произведений, напр. романа «Братья Карамазовы». А в Оптикой мне больше не бывать. – В Опт иной пустыни Козельского уезда Ка¬лужской губернии, где бывал в 1873 г. Достоевский, происходит действие ряда глав «Братьев Карамазо¬вых»; о посещении Оптиной пустыни Ахматовой см. т. 3. Образ старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» создан Достоевским под впечатлением встречи с оптинским стар¬цем иеромонахом Амвросием. Каренинской красою изумлен¬ных.– Красотой Анны Карениной, об образе которой много размышляла Ахматова, полагая, что Л. Н. Тол¬стой был несправедлив в осуждении и психологической мотивации поступков своей героини. И в Бадене – рулетка. – Баден-Баден – модный курорт в Германии, где происходит действие повести Достоевского «Игрок» (в «Рулетенбурге»). И женщина с прозрачными глазами... – Имеется в виду мать Ахматовой И. Э. Горенко. Омский каторжанин – Ф. М. Достоевский, после процесса над «петрашевцами» отбывавший каторгу в Омске в 1850 – 1854 гг. Семеновским припахивают плацем. –На. Семено-вском плаце (площадь на месте нынешнего Витебского вокзала и Театра юных зрителей) выносили приговоры, в том числе о смертной казни «петрашевцам»; в 1881 г. здесь были казнены народовольцы С. Перовская, А. Же¬лябов, Т. М. Михайлов и др. М. Б. Мейлах сравнивает изображение Достоевского в элегии Ахматовой со стро¬ками В. Хлебникова из стихотворения «Земные стары сны...»:
Густой и белый Достоевский, Мужик замученный и робкий, Он понял все–и он и Невский Дрожат в полночной мышеловке.
(См. «Стихотворения Анны Ахматовой». Душанбе, 1990. С. 494).
488 «Но я предупреждаю аас.ot Впервые – «Избранное», 1943. С. 109; журн. «Звезда». 1945. № 2. С. 40, с датой–1942, в цикле «Разрыв». В кн. «Бег времени». С. 308, входило в цикл «В сороковом году» под № 5 (разд. «Седьмая книга», с датой –1940). В рукописи кн. «Нечет» (РНБ) входило в цикл «Рго domo теа» (Про мои дела –лат.). Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты –не позднее 7 ноября –по времени чтения этого стихотворения Л. К. Чуковской (Чуковская, 1. С. 217).
489 «Не педели, не месяцы –годы...» Впер¬вые – «Избранное», 1943. С. 110; журн. «Звезда». 1945. № 2. С. 40, с вариантом строки 5: «Больше нет ни обид, ни предательств». В кн. «Бег времени». С. 277 –под № 1 в цикле «Разрыв» в разд. «Тростник» (№ 2. «И, как всегда бывает в дни разрыва...», № 3. «Последний тост»). Первые два стихотворения цикла имеют общую дату: 1940–1944. Печ. по кн. «Бег времени». В списке Н. Л. Дилакторской –среди стихотворений 1941 г. Дата не уточнена.
По-видимому, адресовано Н. Н. Пунину, разрыв с которым Ахматова переживала весьма болезненно. Предполагаем, что Пунину адресован и весь цикл «Раз¬рыв» (см. об этом в коммент. к стихотворениям «Послед¬ний тост» и «И как всегда бывает в дни разрыва...»).
490 «Один идет прямым путем...» Впер¬вые–газ. «Металлургстрой». Новокузнецк. 1963. 16 мар¬та. С. 3. В кн. «Бег времени». С. 392, в разд. «Седьмая книга», с датой–1940. В рукописи кн. «Нечет» (РНБ) входило в цикл «Рго domo теа» под № 1 (№ 2. «Но я предупреждаю вас...», № 3. «Забудут? – вот чем удиви¬ли...», № 4. «Жить – так на воле...»). Цикл полностью – БО 1. С. 206 – 207. Печ. по кн. «Бег времени».
4У7 «Уж я лъ не знала бессонницы...» Впер¬вые–журн. «Ленинград». 1944. № 10 – 11. С. 8. В кн.
«Бег времени» входило в цикл «В сороковом году» (С. 307). Печ. по кн. «Бег

времени».
Но эта как топот конницы... —В. Я. Виленкин заме¬тил совпадение ахматовского образа с «конницей бессон¬ниц» из воронежского радиоочерка О. Э. Мандельштама 1935 г. о Гёте: «Конницей бессонниц движется искусство народов, и там, где она протопала, там быть поэзии или войне» (Виленкин В. Я. В сто первом зеркале. С. 57).
492 Надпись на книге «Подорожник». Впер¬вые — «Избранное», 1943. С. 43, под названием «Надпись на книге «Подорожник», вариант строки 11: «Любуясь в первый раз шарманкой одноногой»; под тем же назва¬нием—«Бег времени». С, 281, с датой—1941, в разд. «Тростник». В авторском перечне стихотворений (РНБ) и БО 1. С. 186— 187, под названием «Сонет». Печ. по кн. «Бег времени». Дата —по списку Н. Л. Дилакторской.
По предположению М. М. Кралина, было адресо¬вано В. Г. Гаршину (см. БО 1. С. 401). Однако речь в стихотворении идет о фактах и событиях 1921 г., когда вышла книга «Подорожник», в частности об А. С. Лурье. Совсем не тот таинственный художник. — Мстислав Вале-рианович Добужинский (1875—1957), оформлявший «По¬дорожник». Гофмановы сны — речь идет о фантазиях До-бужинского в духе немецкого писателя-романтика Эрн¬ста Теодора Амадея Гофмана (1776—1822). А в глубине четвертого двора... —В четвертом дворе дома № 18 по набе¬режной реки Фонтанки Ахматова жила с О. А. Глебо¬вой-Судейкиной и А. С. Лурье, о котором идет речь в последних строках стихотворения.
493 «То, что я делаю, способен делать каждый...» Впервые с купюрами — журн. «Литератур¬ная Грузия». 1979. № 7. С. 85 — 86; полный текст —газ. «Ленинградская правда». 1989. 29 января. В рукописи кн. «Нечет» (РНБ) включено в цикл «Трещотка прока¬женного» из десяти стихотворений, цикл впервые опуб¬ликован М. М. Кралиным в БО 1. С. 224 — 228. Печ. по БО 1. С. 225-226.
Эпиграф из стихотворения В. Я. Брюсова «Прока¬женный». Написано от мужского лица —как бы от имени ссыльного (Л. Н. Гумилева?). И с горстью храбрецов не брал финляндский дот. — Речь идет о войне СССР с Финляндией 1939—1940 тт. И в бурю не спасал какой-то пароход.— Воз¬можно, намек на спасение раздавленного льдами паро¬хода «Челюскин» и его пассажиров в 1934 г. Иль серых облаков знакомую гряду. — Внутренняя цитата из стихотворе¬ния Пушкина 1924 г. «Редеет облаков летучая гряда. Звезда печальная, вечерняя звезда!» (Пушкин А. С. Поли. собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 23).
тУт Ленинград в марте 1941. Впервые —«Из¬бранное», 1943. С. 25, без загл. В кн. «Бег времени». С. 282, с датой—1941, в разд. «Тростник». В рукопи¬си кн. «Нечет» содержится строфа, зачеркнутая Ахма¬товой:
Здесь было все милее и чудесней, А нынче город что-то очень хмур... И кажется мне памятником песни Моей, —вот этот под окном амур.
Печ. по кн. «Бег времени». Уточнение даты —в соответствии с загл. стихотворения. Меншиков доле —дворец сподвижника Петра I, кня¬зя Александра Даниловича Меншикова (1673—1729) на Университетской набережной Васильевского острова в Санкт-Петербурге; непосредственно к дворцу примы¬кает здание бывшего Кадетского корпуса, на фасаде которого и находятся солнечные часы. Воспоминания о прогулках по набережным Васильевского острова, воз¬можно, относятся ко времени жизни Ахматовой и Гумиле¬ва «на Тучке», т. е. в Тучковом переулке (1914 г.). Как щелочка, чернеет переулок. — Возможно, речь о Соловьевском переулке Васильевского острова, где Ахматова намерева¬лась снять комнату.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://akhmatovaanna.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!